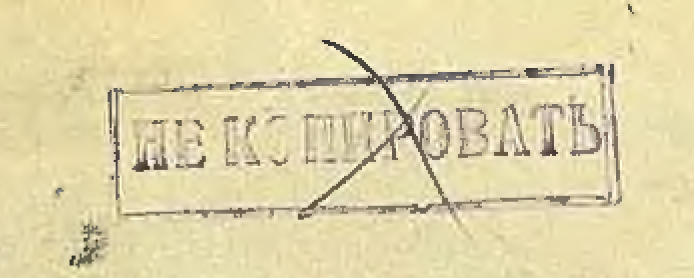
R 95/273



ДРЕВНЕРУССКІЯ
ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ
КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

Изъ книгъ
С. Д. [illegible]

К 273

Ф 1-82
8589

ДРЕВНЕРУССКІЯ
ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. КЛЮЧЕВСКАГО.

Изданіе К. Солдатенкова.

Изъ книгъ
А. Д. Карнѣева

МОСКВА.
Типографія Грачева и К°, у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.
1871.

По опредѣленію историко-филологическаго факультета печатать дозволяется.

Деканъ *П. Юркевичъ.*

Для предупрежденія требованій, которымъ удовлетворить авторъ не могъ и не думалъ, онъ находитъ нелишнимъ объяснить происхожденіе своего труда. Онъ обратился къ древнерусскимъ житіямъ, какъ къ самому обильному и свѣжему источнику для изученія одного факта древнерусской исторіи, участія монастырей въ колонизаціи сѣверовосточной Руси. Чѣмъ болѣе входилъ онъ въ изучаемый матеріалъ, тѣмъ яснѣе становились для него два вывода: вопервыхъ, этотъ источникъ далеко не такъ свѣжъ и обиленъ, какъ о немъ думаютъ; вовторыхъ, его небогатымъ историческимъ содержаніемъ нельзя воспользоваться безъ особаго предварительнаго изученія его въ полномъ объемѣ. Литературное однообразіе житій давало возможность сдѣлать нѣчто цѣльное изъ ихъ обзора и разбора; необходимо было только распространить изслѣдованіе и на тѣ житія, которыя ничего не давали для изученія означеннаго факта. Впрочемъ авторъ ограничился житіями, написанными въ сѣверовосточной Руси, не коснувшись кіевскихъ.

Первоначально автору представлялся другой планъ, не тотъ, какой проведенъ въ изслѣдованіи: ему хотѣлось, не заставляя читателя присутствовать при отдѣльномъ разборѣ каждаго житія, разсмотрѣть всю совокупность изучаемаго матеріала сверху, разобравъ

его элементы литературные, исторіографическіе, культурные и т. п. Изъ такой работы вышла бы критическая исторія житій, которая уложилась бы на умѣренномъ количествѣ печатныхъ листовъ. Но въ такомъ случаѣ выводы изслѣдованія получили бы характеръ откровеній, неизвѣстно на чемъ основанныхъ, ибо бóльшая часть матеріала лежитъ не описанной и не напечатанной въ рукописныхъ библіотекахъ. Это соображеніе указало другую болѣе простую и скучную задачу, первоначальную очистку источника настолько, чтобы прагматикъ, обращаясь къ нему, имѣлъ подъ руками предварительныя свѣдѣнія, которыя помогли бы ему правильно воспользоваться житіемъ. При такой задачѣ авторъ долженъ былъ обременить книгу приложеніями и множествомъ библіографическихъ примѣчаній.

Пріемы изслѣдованія опредѣлились свойствомъ разбираемыхъ памятниковъ. По кругу явленій древнерусской жизни, къ изображенію которыхъ обращался агіобіографъ, большая часть житій стоитъ одиноко среди древнерусскихъ историческихъ источниковъ. Рѣдко является возможность повѣрить извѣстіе житія показаніемъ другаго источника. Качество историческаго матеріала, представляемаго житіемъ, зависѣло главнымъ образомъ отъ обстоятельствъ, при которыхъ писалось послѣднее, и отъ литературныхъ цѣлей, которыя ставилъ себѣ его авторъ. Эти обстоятельства и цѣли, время появленія житія, личность біографа, его отношеніе къ святому, источники, которыми располагалъ онъ, частные поводы, вызвавшіе его трудъ, и литературные пріемы, которыми онъ руководился, — вотъ главные

вопросы, которые задавалъ себѣ изслѣдователь при разборѣ каждаго житія.

Авторъ не могъ достигнуть полноты въ обзорѣ своего матеріала: нѣкоторые памятники, входящіе въ кругъ его изслѣдованія, остались не разсмотрѣнными. Это зависѣло отъ состава рукописныхъ библіотекъ, которыми онъ могъ воспользоваться. Читатель найдетъ въ примѣчаніяхъ ссылки на рукописи библіотекъ Синодальной, Соловецкой, гр. Румянцева, Ундольскаго, Троицкой Сергіевой Лавры, Московской Духовной Академіи, отдѣла библіотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря въ Московской Духовной Академіи, другаго отдѣла въ Московской епархіальной библіотекѣ и на нѣкоторыя рукописи изъ Погодинскаго отдѣла Императорской Публичной библіотеки. Изъ частныхъ собраній авторъ имѣлъ возможность пользоваться богатой рукописной библіотекой гр. А. С. Уварова и нѣкоторыми рукописями Н. С. Тихонравова и Е. В. Барсова, за что приноситъ искреннюю благодарность владѣльцамъ.

ГЛАВА I.

Древнѣйшія преданія о ростовскихъ святыхъ въ позднѣйшей литературной обработкѣ.

Обращаясь къ древнѣйшимъ житіямъ сѣверовосточной Руси съ мыслью о литературномъ характерѣ и историческомъ содержаніи древнѣйшихъ житій южнорусскихъ, изслѣдователь напередъ задаетъ себѣ тотъ же вопросъ, котораго не избѣжитъ онъ и въ изученіи другихъ сторонъ начальной исторіи сѣверовостока: этотъ вопросъ состоитъ въ сравненіи однородныхъ явленій тамъ и здѣсь, въ томъ, дѣлалъ ли сѣверовостокъ въ извѣстномъ отношеніи шагъ впередъ предъ югомъ, или нисходилъ съ южнорусскаго уровня. Въ отвѣтъ на такой вопросъ о житіяхъ не раньше какъ съ XIII в. начинаемъ встрѣчать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверовосточной Руси немногіе одиночные памятники, слабые отголоски письменности смоленской—въ житіи Авраамія, новгородской—въ житіи Варлаама, владимірской — въ житіи Александра Невскаго и т. д. Но памятники позднѣйшей письменности даютъ замѣтить, что болѣе ранніе вожди русско-христіанской жизни на сѣверовостокѣ сошли со сцены не безслѣдно: мѣстная память сохранила о нихъ устное преданіе, [illegible]е вмѣстѣ съ этой жизнью ростетъ и осложняется, обле-

каясь наконецъ въ литературную форму житія. Это преданіе— почти все, что осталось для историка о дѣятельности этихъ вождей, и въ сбереженіи его главное значеніе житій, на немъ основанныхъ. Раньше другихъ центровъ сѣверовосточной Руси и съ болѣе обильнымъ запасомъ преданій выступаетъ старый Ростовъ, дѣдъ Залѣсской земли, съ пестрой группой житій, въ которыхъ онъ записалъ старинныя устныя сказанія о своихъ древнѣйшихъ просвѣтителяхъ и подвижникахъ. Эта группа совмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько житій въ одной или нѣсколькихъ редакціяхъ, разнообразныхъ по времени происхожденія и по литературной формѣ: рядъ ихъ начинается въ концѣ XII в. и позднѣйшими частями своими теряется въ концѣ XV, представляя вмѣстѣ съ краткимъ, безыскусственнымъ сказаніемъ и пространное житіе, облеченное во всеоружіе позднѣйшей реторики. Однакожъ нѣкоторыя особенности этой группы житій съ ихъ редакціями заставляютъ разсмотрѣть ее отдѣльно отъ другихъ одновременныхъ съ нею явленій литературы и разборъ ея поставить во главѣ историко-критическаго очерка сѣверовосточныхъ житій, забывая хронологическое и литературное разнообразіе ея частей. Всѣ эти житія—отдѣльныя звенья цѣльнаго мѣстнаго круга сказаній, одного изъ древнѣйшихъ по своимъ источникамъ легендарныхъ цикловъ сѣверовосточной Руси; редакціи этихъ житій — отраженіе послѣдовательнаго развитія этого цикла, и потому позднѣйшія изъ нихъ имѣютъ слишкомъ тѣсную историко-литературную связь съ первоначальными, чтобы историческая критика могла безъ затрудненія отдѣлять первыя отъ послѣднихъ, ихъ первообразовъ и источниковъ. Съ другой стороны, эти редакціи дошли до насъ въ такомъ видѣ, что если по яснымъ литературнымъ признакамъ можно различить въ нихъ древнѣйшія отъ позднѣйшихъ, то онѣ, кромѣ одной изъ 14 не даютъ ясныхъ указаній, по которымъ можно было бы съ нѣкоторой точностью найти для каждой изъ нихъ хронологиче

свое мѣсто въ ряду другихъ явленій изслѣдуемаго отдѣла древне-русской литературы. Такимъ образомъ, при научной невозможности въ разборѣ этихъ житій съ ихъ редакціями строго выдержать хронологическій порядокъ, въ какомъ являлись самые памятники, остается расположить ихъ по времени жизни лицъ, въ нихъ описываемыхъ.

Позволительно напередъ сказать, что ростовскія житія не представляютъ особенно цѣнныхъ памятниковъ по качеству историческаго матеріала, въ нихъ заключающагося; но и этотъ матеріалъ остался бы безъ нихъ почти незамѣнимымъ пробѣломъ въ древнѣйшихъ источникахъ нашей исторіи. Въ этомъ важность и вмѣстѣ опасность этихъ житій. Первые успѣхи русско-христіанской жизни на сѣверовостокѣ такъ любопытны и такъ неясны, что легко поддаться искушенію довѣрчивости, желанію не проронить въ прагматическомъ изложеніи ни одной черты, встрѣчаемой въ ростовскихъ сказаніяхъ. Но невозможность повѣрки другими источниками и хронологическое отношеніе памятниковъ къ описываемымъ въ нихъ событіямъ внушаютъ осторожность.

Въ 1164 г. обрѣтены мощи епископовъ Леонтія и Исаіи, первыхъ побѣдоносныхъ апостоловъ христіанства въ Ростовѣ. Нѣсколько десятилѣтій спустя произошло церковное прославленіе третьяго просвѣтителя Ростова, родоначальника ростовскихъ монастырей Авраамія. Эти событія пробудили древнѣйшія мѣстныя преданія о названныхъ святыхъ, записанныя вскорѣ или позднѣе.

Историко-критическую оцѣнку житія Леонтія необходимо основать на предварительномъ разборѣ двухъ вопросовъ: о происхожденіи и составѣ начальнаго сказанія и объ отношеніи къ нему позднѣйшихъ редакцій.

Житіе это — одно изъ наиболѣе распространенныхъ въ нашей древней письменности. Частая переписка внесла въ списки

его множество варіантовъ, затрудняющихъ точное опредѣленіе его редакцій. Всѣ намъ извѣстные списки можно распредѣлить на 6 редакцій и послѣднія разставить въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ ихъ литературной формѣ и предполагаемому происхожденію. Первое мѣсто принадлежитъ древнѣйшему по спискамъ и простѣйшему по составу сказанію объ обрѣтеніи мощей святаго, начинающемуся краткими извѣстіями о его жизни. Оно встрѣчается въ рукописяхъ довольно рано: древнѣйшій списокъ его, намъ извѣстный, восходитъ къ началу XIV или концу XIII вѣка. Остальныя редакціи появляются во множествѣ списковъ съ XVI вѣка; по крайней мѣрѣ намъ не удалось встрѣтить ни одной изъ нихъ въ болѣе раннемъ спискѣ. Главное отличіе второй редакціи, столь же краткой какъ и первая, и одинаковой съ ней по составу, состоитъ въ томъ только, что она сообщаетъ въ началѣ нѣсколько чертъ изъ жизни Леонтія до епископства въ Ростовѣ, о чемъ совершенно умалчиваетъ древнѣйшее сказаніе; въ остальномъ она большею частью дословно повторяетъ это послѣднее и составляетъ скорѣе легко подновленный списокъ его, чѣмъ особую редакцію. Третья редакція — пространное жизнеописаніе, болѣе первыхъ развитое и въ литературномъ и въ фактическомъ отношеніи. Самыя замѣтныя фактическія дополненія, кромѣ вставокъ изъ лѣтописи, состоятъ въ томъ, что къ краткимъ извѣстіямъ второй редакціи о жизни Леонтія до прибытія въ Ростовъ прибавлено здѣсь цѣлое обстоятельное сказаніе о просвѣтительной миссіи въ Ростовъ, возложенной на Леонтія патріархомъ Фотіемъ, а краткое извѣстіе обѣихъ первыхъ редакцій о крещеніи ростовцевъ осложнено новыми подробностями объ изгнаніи Леонтія и о его дѣйствіи на дѣтей. Благодаря этому, третья редакція иногда помѣщалась въ сборникахъ и минеяхъ вслѣдъ за первой, какъ ея дополненіе, не смотря на то, что и она цѣликомъ повторяетъ ту же первую редакцію въ тѣхъ частяхъ сказанія, къ которымъ не

прибавляетъ ничего новаго [1]). Четвертая редакція выдѣляется изъ всѣхъ своимъ составомъ: она повторяетъ почти цѣликомъ жизнеописаніе по третьей редакціи, но слѣдующую за жизнеописаніемъ статью о церковномъ прославленіи Леонтія въ концѣ XII в. дополняетъ значительными по объему вставками изъ современной этимъ событіямъ ростовской лѣтописи, сопровождая всѣ извѣстія точными и подробными хронологическими помѣтками. Остальное и въ этой второй половинѣ житія, что служило канвой для лѣтописныхъ вставокъ, совершенно сходно съ третьей редакціей. Пятая редакція по литературной обработкѣ своей представляетъ другой образчикъ того способа, какъ составлялись редакціи сказаній въ древнерусской письменности. Въ фактическомъ отношеніи она не даетъ почти ничего новаго, повторяя содержаніе двухъ предшествующихъ редакцій, къ которому прибавляетъ немногія мелкія черты. На свою зависимость отъ другихъ редакцій житія указываетъ самъ составитель пятой, озаглавивъ ее «житіемъ, избраннымъ вкратцѣ отъ преждепишущихъ». Существенная особенность ея—въ литературной обработкѣ стараго содержанія; въ этомъ отношеніи составитель ея совершенно самостоятеленъ и выдѣляется изъ ряда большей части древнерусскихъ редакторовъ, любившихъ съ дословной точностью переносить матеріалъ въ свои произведенія. Онъ начинаетъ свой трудъ краткимъ, но витіеватымъ предисловіемъ, котораго нѣтъ ни въ одной изъ остальныхъ редакцій житія. Въ изложеніи самого житія, не отступая отъ порядка разсказа прежнихъ редакцій, онъ развиваетъ однѣ его части и сокращаетъ другія [2]), сглаживаетъ несообразности другихъ ре-

[1]) Такъ она помѣщена вслѣдъ за первой ред. въ Мак. ч. минеяхъ и въ соловецкой минеѣ, пис. 1568-1569 г. Почти дословно заимствована изъ первой редакціи ея существенная часть, разсказъ объ обрѣтеніи мощей и о чудѣ при гробѣ.

[2]) Особенно развитъ здѣсь разсказъ о жизни Леонтія до путешествія на Русь.

дакціи и этимъ сообщаетъ своему разсказу болѣе связную и стройную форму, излагая его ясной и складной рѣчью. Какъ предисловіе, такъ и разсказъ украшены общими мѣстами въ духѣ искусственныхъ житій XV-XVI в. Наконецъ *шестая* редакція, которую можно назвать проложной, есть позднѣйшее сокращенное изложеніе содержанія житія въ томъ видѣ, какъ оно развито въ третьей и пятой редакціи [1]).

---

[1]) Древнѣйшій, но неполный сп. *первой* редакціи, намъ извѣстный, въ синод. прологѣ XIII—XIV в. № 246, л. 102-103; другой—1459 г. въ синод. сб. № 637, л. 110—116; спис. XVI в. въ Макар. ч. мин., мая 23; по спискамъ солов. библ. XVI в. она напечатана въ Прав. Собес. 1858, № 2. Начало по сп. синод. пролога: „Сь бѣ блаженый Левонтій Костянтиня града рожан и въспитаніе и за премногую его добродѣтель епископомъ поставленъ бысть Ростову“.—Списки *второй* ред. въ синод. сб. XVI в. №556, л. 50—56, № 555, л. 696, № 948, л. 97-103; сп. 1548 г. въ волоколамск. сб. моск. епарх. библ. № 648, л. 23-35, другой XVI в. тамъ же № 569, л. 199—205; въ сб. Унд. XVII в. № 1298, л. 533—540. Нач. „Сей бѣ блаженный иже во святыхъ отецъ нашъ великый Леонтіе рождейся въ Коньстантинѣ градѣ отъ благовѣрну родителю; отъ уны же връсты оставивъ мира и яже въ мирѣ“... Списки *третьей* ред. въ Мак. ч. мин. по синод. сп. май, л. 998—1002, въ синод. сб. XVI в. № 636, л. 293—307, въ сб. волокол. епарх. XVI в. № 639, л. 97—108—представляетъ ту особенность, что каждое событіе въ разсказѣ объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей помѣчено годомъ по лѣтописи. Нач. въ указ. мѣстѣ Прав. Соб. стр. 301.—Списки *четвертой* ред. въ синод. сб. XVI в. № 90, л. 163, въ сб. Унд. XVI в. № 574, л. 655—667 и въ сб. его же XVI—XVII в. № 586, л. 113—134. Нач. „Иже во святыхъ отецъ нашъ Леонтіе великый рождься въ Констянтинѣ градѣ отъ благовѣрну родителю, и егда прииде възраста седмаго лѣта, вданъ *бысть* родителма въ наученіе грамотѣ“.—Единственный намъ извѣстный сп. *пятой* ред. въ волокол. сб. моск. дух. акад. XVI в. № 645, л. 268—289. Предисл. „Вси иже житія святыхъ списующе не яко онѣмъ сія требующимъ, но яко да тѣхъ добрая дѣты забвенія глубиною не покрыются“... Нач. житія: „Да глаголеть же ся первѣе, кто бѣ и откуду Леонтіе. Родися убо сей въ царьствующемъ градѣ Коньстянтиновѣ глаголю, отъ благочестиву родителю и благородну, иже и въ подобно время възраста писанію отрока добрѣ изучиша и толико, яко зѣло разумѣти ему сокровенная въ священныхъ книгахъ, и отъ нихъ разумѣ суету мало-

Такимъ образомъ во всѣхъ редакціяхъ житія лежитъ одна общая основа, которую въ наибольшей простотѣ находимъ въ первой редакціи. Разсматривая составъ этой послѣдней, нельзя не замѣтить, что она—собственно сказаніе объ обрѣтеніи мощей святаго, на что указываетъ и заглавіе и самый составъ его. Чрезвычайно краткія извѣстія о жизни Леонтія имѣютъ видъ вступленія къ главному предмету сказанія—объ обрѣтеніи и прославленіи мощей епископа. Въ этомъ разсказѣ можно указать 4 части: открытіе мощей при основаніи новой соборной церкви въ Ростовѣ (1164 г.), внесеніе ихъ въ новую церковь, видѣніе пономаря съ исцѣленіемъ клирика при гробѣ на праздникъ святаго и наконецъ хвалебно-молитвенное обращеніе къ святителю. Хронологическое отношеніе всѣхъ этихъ событій не указано въ первой редакціи. Между тѣмъ сказаніе сохранило несомнѣнные слѣды своего происхожденія, современнаго княженію Андрея Боголюбскаго: послѣдній въ нѣкоторыхъ даже позднѣйшихъ спискахъ называется «христолюбивымъ княземъ нашимъ Андреемъ», призывается молитва Леонтія «о державѣ и побѣдѣ» этого князя. Слѣд. сказаніе составлено до 1174 г., когда убитъ былъ кн. Андрей. Легкость такого вывода, при отсутствіи ясныхъ хронологическихъ указаній первой редакціи житія, вводила въ заблужденіе и древнихъ и новыхъ нашихъ изслѣдователей: они смотрѣли на всѣ событія въ сказаніи, какъ на близкія другъ къ другу по времени и современныя Андрею. Такъ составитель лѣтописи по никоновскому списку, въ поясненіе замѣтки сказанія, что праздникъ въ честь Леонтія установленъ еп. ростовскимъ Іоанномъ, добавляетъ, что это сдѣлано по благословенію митр. Θеодора, прибывшаго на Русь вскорѣ

временнаго живота и блаженный покой безконечныя жизни".—*Шестая* ред. въ печ. прологѣ подъ 23 мая.—Преосв. Макаріемъ по другимъ спискамъ опредѣлены 4 редакціи, соотвѣтствующія нашимъ первой, второй, третьей и шестой. Ист. Р. Ц. т. II, прим. 59.

послѣ ростовскаго пожара (1160 г.), который послужилъ поводомъ къ открытію мощей Леонтія; но Іоаннъ сдѣлался еп. ростовскимъ уже при третьемъ преемникѣ этого Ѳеодора, въ 1190 г. [1]). Встрѣчаемъ также извѣстіе, что видѣніе соборнаго пономаря въ день праздника Леонтія произошло вскорѣ по открытіи мощей [2]); но по сказанію это было уже послѣ установленія праздника въ честь Леонтія и, какъ сейчасъ увидимъ, ровно 30 лѣтъ спустя по открытіи мощей. Всматриваясь ближе въ содержаніе сказанія, находимъ въ немъ признаки разновременнаго состава. Незамѣнимое пособіе при разборѣ его даетъ четвертая изъ описанныхъ выше редакцій житія, приводя извѣстія послѣдняго въ непосредственную связь съ извѣстіями современной имъ лѣтописи и этимъ возстановляя хронологическое отношеніе событій житія. Сличая лѣтописныя вставки, внесенныя ею въ житіе, съ ростовскими извѣстіями конца XII в. въ напечатанныхъ лѣтописныхъ сборникахъ, находимъ, что и тѣ и другія взяты изъ одного источника, т. е. изъ исчезнувшей ростовской лѣтописи, которая въ извѣстіи о ростовскомъ еп. Лукѣ (1185—1189), сохранившемся въ лаврентьевскомъ сборникѣ, обличаетъ въ своемъ составителѣ современника этого епископа [3]). Притомъ четвертая редакція выставляетъ годы и надъ извѣстіями невставными, составляющими основное со-

---

[1]) П. С. Р. Лѣт. IX, 231.

[2]) Древн. Святыни Ростова В., гр. М. Толстаго, стр. 35. Подобную ошибку дѣлаетъ арх. Филаретъ, говоря, что мощи Леонтія открыты въ 1164 г., *при Іоаннѣ, еп. ростовскомъ*. Обз. р. д. лит. I, стр. 51.

[3]) П. С. Р. Лѣт., I, 165. Ср. житіе по сп. Унд. № 574, л. 661—665 съ лаврент. лѣт. въ П. Собр. I, 150. 171 и 172 и съ ипат. II, 127. Изъ лѣтописи вставлены въ четвертую ред. извѣстія: о смерти кн. Андрея 1174 г., о поставленіи Луки епископомъ въ Ростовъ 1185, о подписаніи имъ ростовскаго собора 1187, о смерти его 1189, о поставленіи Іоанна на его мѣсто 1190.

держаніе сказанія [1]). Чтобы съ помощію этой редакціи ближе опредѣлить время происхожденія первой, надобно исправить нѣкоторыя другія неточности церковно-историческихъ изслѣдователей въ разсказѣ о ростовскихъ событіяхъ XII—XIII в. Есть извѣстіе, что кн. Константинъ въ 1213 г. заложилъ въ Ростовѣ на мѣстѣ обрушившагося собора новый, освященный въ 1231 г. еп. Кирилломъ, куда и перенесены были изъ церкви Іоанна мощи св. Леонтія [2]). Отсюда заключаютъ, что соборъ, основанный при кн. Андреѣ, обрушился, едва оконченный, а мощи Леонтія и Исаіи тотчасъ по обрѣтеніи въ 1164 г. были положены въ церкви св. Іоанна на епископскомъ дворѣ, гдѣ лежали до 1231 г. [3]). Но первыя редакціи житій Исаіи и Леонтія согласно говорятъ, что мощи этихъ святыхъ внесены по обрѣтеніи въ новый соборъ вскорѣ по его окончаніи, еще при кн. Андреѣ; перенесеніе мощей Леонтія четвертая редакція его житія помѣчаетъ 1170 годомъ; въ разсказѣ о чудесахъ Леонтія 1194 г. по всѣмъ редакціямъ житія находимъ мощи святаго въ соборной церкви Богородицы и въ ней епископъ совершаетъ службу. Наконецъ, въ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что каменная соборная церковь въ Ростовѣ упала въ 1204 г. [4]). Сопоставленіе этихъ извѣстій житія съ отрывочными лѣтописными даетъ, кажется, нѣкоторое основаніе заключать, что тѣло св. Леонтія, положенное въ соборной церкви еще при Андреѣ, лежало въ ней до ея паденія въ 1204

---

[1]) Таковы: о ростовскомъ пожарѣ 1160 г., объ основаніи новаго собора и обрѣтеніи мощей Леонтія 1164, о построеніи новаго собора и внесеніи въ него мощей Леонтія 1170, установленіе празднованія памяти Леонтія 1190, два чуда на праздникъ Леонтія 1194.

[2]) П. С. Р. Лѣт. VII, 119; I, 185. 195 и 220; V, 173. Карамз. III, прим. 369, по изд. Эйнерлинга.

[3]) Ист. Р. Ц. пр. Макарія, III, 78. Р. Свят. архіеп. Филарета, май, стр. 165. Др. Свят. Ростова В., стр. 28.

[4]) П. С. Р. Л. VII, 112; XV, 294. Ник. II, 289.

г., послѣ чего оно хранилось въ надворной епископской церкви до *вторичнаго* перенесенія въ новый, третій соборъ, освященный въ 1231 г. Отсюда ближе опредѣляется время происхожденія первой редакціи житія. Повѣствуя о судьбѣ мощей Леонтія съ обрѣтенія до чудесъ 1194 г. при еп. Іоаннѣ, оно ничего не говоритъ ни о паденіи андреева собора, гдѣ онѣ лежали, ни о еп. Кириллѣ, ни о такихъ важныхъ для нея событіяхъ, какъ построеніе третьяго собора и торжественное перенесеніе въ него мощей въ 1231; согласно съ ней и въ четвертой редакціи рядъ лѣтописныхъ извѣстій прерывается на еп. Іоаннѣ, 1194 г. Но въ первой редакціи житія читаемъ, что кн. Андрей послалъ для новообрѣтенныхъ мощей Леонтія каменный гробъ, «идѣже и нынѣ лежать въ церкви св. Богородица, съдѣвая преславная чюдеса... въ дръжаву и побѣду христолюбивому князю Андрею». Разсказъ о внесеніи тѣла въ соборную церковь при Андреѣ заключается словами: «поставиша въ рацѣ на стѣнѣ, идѣже и нынѣ лежить». Все это приводитъ къ выводу, что относясь первой частью своей ко времени княженія Андрея, первая редакція получила свой окончательный видъ въ промежутокъ 1194—1204 гг.

Откуда взяты и какъ соединены въ первой редакціи разновременные элементы ея состава? На это можно дать два отвѣта, различающіеся нѣкоторыми подробностями. Слѣды современника Андреева въ разсказѣ могутъ значить, что первоначально, вскорѣ по окончаніи каменнаго собора въ Ростовѣ, слѣд. въ промежутокъ 1170-1174 гг., была составлена записка о жизни Леонтія и судьбѣ его тѣла, слившаяся потомъ съ позднѣйшими прибавленіями. Раздѣльныя черты соединенныхъ частей сглажены въ позднѣйшихъ спискахъ. Позднѣйшее прибавленіе явственно обозначается непосредственно за разсказомъ о внесеніи мощей, съ извѣстія объ установленіи праздника въ честь Леонтія еп. Іоанномъ. Краткая похвала святому, заканчивающая ре-

дакцію, пріурочена къ тому же празднику, слѣд. также позднѣйшаго происхожденія. Редакція могла составиться и другимъ еще болѣе простымъ путемъ. Главное содержаніе ея, судьба тѣла Леонтія, описано рядомъ краткихъ, отрывочныхъ разсказовъ. Они могли быть первоначально записаны современнымъ ростовскимъ лѣтописцемъ, существованіе котораго около того времени намъ извѣстно. Установленіе праздника въ память Леонтія въ 1190 г. еп. Іоанномъ создавало потребность прославленія святаго въ литературномъ произведеніи. Это подтверждается извѣстіемъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ спискахъ старинной службы Леонтію, которое называетъ авторомъ канона въ ней еп. Іоанна [1]). Таже потребность вызывала составленіе литературной *памяти*, которую можно было бы прочитать въ церкви на праздникъ святаго. Все это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что тѣмъ же Іоанномъ или по его внушенію въ 1194—1204 г. записаны были преданія о жизни Леонтія, къ нимъ присоединены выбранныя изъ лѣтописи извѣстія о мощахъ его, дополнены дальнѣйшими извѣстіями о праздникѣ и чудесахъ 1194 г. и весь разсказъ закопченъ пріуроченнымъ къ празднику краткимъ поученіемъ съ хвалебно-молитвеннымъ обращеніемъ къ святому. Со внесеніемъ чудесъ и похвальнаго слова сказаніе получило видъ цѣльнаго, законченнаго житія, удобнаго для чтенія въ церкви. Четвертая редакція своими обильными лѣтописными вставками

---

[1]) Въ псалтари Тр. С. Л. XVI в. № 327., л. 629: „канонъ св. Леонтію ростовскому-твореніе Іоанна епископа тоя же богоспасаемыя епископіа". Тоже въ рук. волокол. епарх. № 648, л. 17 и № 569, л. 189. Два послѣдніе списка наглядно указываютъ на церковное происхожденіе житія въ связи съ службой: здѣсь житіе Леонтія второй ред. помѣщено вслѣдъ за икосомъ на 6-ой пѣсни канона, когда оно читалось въ церкви; за нимъ списокъ продолжаетъ прерванный канонъ. Туже службу находимъ въ сп. XVI в. въ рук. Тр. С. Л. № 600, съ припиской: "установлено блаж. Іоанномъ еп. ростовскимъ праздновати„. Канонъ Леонтію пѣли въ Новгородѣ въ 1493. П. С. Лѣт. III, 146.

представляетъ наглядный примѣръ подобнаго образованія житія съ помощью лѣтописи. Въ такомъ случаѣ выраженія житія, обличающія Андреева современника въ авторѣ, принадлежатъ лѣтописцу и по обычаю древнерусскихъ редакторовъ переписаны цѣликомъ въ немного-позднѣйшемъ сказаніи. Оба случая допускаютъ выводъ, что первая редакція составилась изъ частей, относящихся къ двумъ указаннымъ промежуткамъ времени.

Нѣтъ достаточныхъ опоръ, къ которымъ можно было-бы прикрѣпить приблизительное опредѣленіе времени, когда составились прочія редакціи житія. Только третью можно сблизить съ однимъ фактомъ въ литературной исторіи житія. Появленіе житія или новой редакціи его часто условливалось событіями съ особенной силой оживлявшими въ обществѣ память о святомъ. Такъ было съ памятью о Леонтіѣ въ XV в. Въ это время она ознаменовалась рядомъ чудесъ, по видимому привлекшихъ къ себѣ вниманіе мѣстнаго общества. Они описаны въ особой статьѣ, которая обыкновенно присоединяется въ спискахъ къ третьей редакціи и никогда къ первой и второй. Судя по хронологическимъ указаніямъ, которыми отмѣчены нѣкоторыя изъ чудесъ, рядъ ихъ начинается въ концѣ XIV в. и прерывается во второй половинѣ XV, во время архіеп. ростовскаго Трифона или вскорѣ послѣ; между тѣмъ два столѣтія, протекшія съ описанныхъ въ первой редакціи чудесъ 1194 г. до перваго въ разсматриваемой статьѣ, не оставили въ житіи никакого слѣда. Послѣднія чудеса въ этой статьѣ составитель описываетъ какъ очевидецъ, и очень вѣроятно, что статья составлена не много спустя по удаленіи архіеп. Трифона съ каѳедры въ 1467 г. [1]). Возможно предположеніе, что описаніе

[1]) Макар. ч. мин. по синод. сп., май, л. 1004. Статья начинается замѣткой: „И еще же мало нѣчто повѣдаю вамъ о чюдесѣхъ св. Леонтія, яже бысть въ послѣдняя лѣта“. Первыя чудеса помѣчены временемъ архіеп. Ѳеодора (1389—1395), нѣкоторыя изъ дальнѣйшихъ—временемъ

этихъ позднѣйшихъ чудесъ дало поводъ къ пересмотру и распространенію древняго краткаго сказанія о Леонтіѣ, слѣдствіемъ чего была его третья редакція. По крайней мѣрѣ имѣемъ прямое доказательство, что и эта редакція житія и прибавленная къ ней статья о чудесахъ XIV—XV в. обращались въ рукописяхъ до 1514 г. [1]).

Обращаясь къ фактическому содержанію собственно жизнеописанія, нельзя не замѣтить въ немъ прежде всего неопредѣленности, показывающей, что оно черпало единственно изъ смутнаго преданія, не основываясь на письменномъ источникѣ, на лѣтописи или на чемъ-нибудь подобномъ. Первая редакція почти ничего не знаетъ ни о прежней жизни ростовскаго просвѣтителя, ни о времени его дѣятельности въ Ростовѣ, которую только по догадкѣ, на основаніи другихъ источниковъ, относятъ къ третьей четверти XI в. [2]). Даже о важнѣйшемъ

архіеп. Трифона (1462—1467); время послѣднихъ не обозначено, но въ нихъ встрѣчаемъ выраженія, обличающія въ авторѣ очевидца, наприм. „намъ зрящимъ и дивящимся". Вопреки мнѣнію архіеп. Филарета, эти чудеса описаны послѣ Трифона, о которомъ въ одномъ изъ нихъ говорится, какъ объ архіепископѣ „тогда бывшемъ (Обз. р. д. Лит. I, стр. 142)".

[1]) Находимъ ихъ въ сб. Царскаго (гр. А. С. Уварова) № 381, л. 217—248, написанномъ въ Муромѣ въ 1514 г. Къ этому же промежутку 1467—1514 гг. слѣдуетъ отнести помѣщаемое обыкновенно при 3-й ред. житія пространное похвальное слово, или поученіе на память Леонтія, напеч. въ Прав. Собес. 1858, № 3, и безъ всякаго основанія относимое имъ ко времени открытія мощей Леонтія (въ муромскомъ сб. л. 225).

[2]) Преосв. Макарія, Ист. Р. Ц. II, 16, прим. 59. Арх. Филарета, Р. Св. май, 160. Послѣдній (тамъ же, прим. 254) цитуетъ поздній сп. святцевъ, помѣчающій кончину Леонтія 6581 (1073) г. Въ сп. намъ извѣстномъ (рук. моск. д. ак. № 209) стоитъ неопредѣленная цифра 6500, обозначающая, по обычаю святцевъ, вѣкъ отъ сотв. міра, а не годъ. Въ синод. сб. 1459 г. № 637, л. 79 приписка къ тропарю и кондаку Леонтія помѣчаетъ его кончину довольно странной цифрой: „преставися святый въ лѣто 6980. 34". Здѣсь вѣрными можно признать только цифры тысячъ и десятковъ—6 и 80; можетъ быть, надо читать 6580 (1072).

фактѣ житія, о дѣйствіи христіанской проповѣди Леонтія въ Ростовѣ, редакція не даетъ яснаго представленія: она говоритъ объ этомъ какъ объ одномъ изъ преславныхъ чудесъ Леонтія въ Ростовѣ и весь результатъ проповѣди объясняетъ однимъ чудеснымъ событіемъ, какъ Ростовцы, поднявшись съ оружіемъ на Леонтія, одни пали мертвыми, другіе ослѣпли при видѣ епископа съ клиромъ въ полномъ облаченіи, какъ Леонтій поднялъ ихъ, научилъ вѣровать въ Христа и крестилъ. Эта неопредѣленность основнаго содержанія перешла и въ другія редакціи житія. Заимствуя изъ лѣтописи извѣстія, не имѣющія прямой связи съ этимъ содержаніемъ, они не могутъ связать послѣднее ни съ однимъ достовѣрнымъ событіемъ, извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ. Съ другой стороны, это основное содержаніе біографіи, не получая большей фактической опредѣленности, постепенно осложняется въ послѣдовательномъ рядѣ редакцій житія. Особенно сильно осложняются въ нихъ два эпизода — о жизни Леонтія въ Константинополѣ и о способѣ обращенія ростовцевъ къ христіанству. Пробѣлъ, оставленный въ первыхъ строкахъ первой редакціи, постепенно наполняется новыми чертами въ каждой изъ послѣдующихъ [1]). Неизвѣстный Грекъ, о которомъ первая редакція знаетъ только, что онъ родился и воспитывался въ Царьградѣ, во второй является сыномъ благовѣрныхъ родителей и потомъ монахомъ, а въ третьей и пятой рано изучаетъ писаніе, рано покидаетъ суету мірскую и строго подвизается въ одномъ изъ цареградскихъ монастырей, отъ чудеснаго голоса получаетъ призваніе просвѣтить христіанствомъ далекій и упорный Ростовъ и по благословенію самого патр. Фотія отправляется туда во главѣ цѣлой миссіи; четвертая и

[1]) Онъ состоитъ въ непосредственномъ переходѣ первой редакціи отъ извѣстія о рожденіи и воспитаніи Леонтія въ Царьградѣ къ извѣстію о поставленіи его епископомъ въ Ростовъ. См. выше въ прим. о спискахъ житія начало первой ред.

нѣкоторые списки третьей редакціи умѣютъ даже прибавить ко всему этому, что Леонтія начали учить грамотѣ на седьмомъ году, а шестая — что онъ «книгамъ россійскимъ и греческимъ вельми хитрословесенъ и сказатель отъ *юности* бысть». Не трудно видѣть, что все это — на половину общія мѣста житій и на половину черты легендарнаго характера. Еще легче выдѣляется въ текстѣ житія вносимый въ него третьей редакціей и повторяемый дальнѣйшими эпизодъ о томъ, какъ Леонтій, изгнанный изъ Ростова язычниками, поселяется не вдалекѣ у потока Брутовщицы, ставитъ здѣсь маленькую церковь и кутьей заманиваетъ дѣтей къ слушанію своихъ христіанскихъ поученій. Эпизодъ входитъ въ первую редакцію механически, оставляя нетронутымъ ея текстъ, не сглаживая даже несообразностей, какія вноситъ онъ въ разсказъ [1]).

Эти особенности житія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на его источники и даютъ возможность разъяснить сомнительныя черты его фактическаго содержанія. Сохранилось извѣстіе о Леонтіѣ, почти современное первой редакціи его житія и несогласное съ

---

[1]) Ихъ легко замѣтить при параллельномъ чтеніи обѣихъ редакцій. По первой, видя дѣйствіе Леонтія на дѣтей, ростовцы только пытались изгнать его изъ города и убить, но пораженные его видомъ увѣровали. По древнѣйшимъ спискамъ 3-ей ред. (напрім. въ нашемъ сб. 1543 г. л. 240), Леонтій, изгнанный изъ города, поселился около, на потокѣ Брутовщицѣ, куда привлекъ сперва дѣтей помощью кутьи, потомъ и взрослыхъ и крестилъ ихъ. Затѣмъ уже выписывается разсказъ первой ред. о попыткѣ ростовцевъ изгнать епископа изъ города и убить. Так. обр. выходитъ. что Леонтій креститъ много взрослыхъ на потокѣ и въ тоже время теряетъ на нихъ всякую надежду; ростовцы пытаются опять изгнать его изъ города, хотя онъ былъ уже внѣ города. Другіе списки 3-ей ред., обходя первую несообразность, поправляютъ вторую тѣмъ, что заставляютъ Леонтія воротиться въ городъ, чтобы подвергнуться опасности вторичнаго изганянія. Пятая, передѣлывая всю вставку, поправляется иначе: ростовцы вторично возстаютъ на епископа, чтобы изгнать его изъ *области* и убить. Волокол. № 645, л. 276.

послѣднимъ: еп. владимірскій Симонъ въ посланіи къ Поликарпу (1225—1226 г.) ставитъ Леонтія первымъ по времени въ ряду русскихъ іерарховъ, вышедшихъ изъ кіевскаго Печерскаго монастыря. По прямому смыслу словъ Симона и по перечню епископовъ, имъ приводимому, видно, что рѣчь идетъ о постриженникахъ Печерскаго монастыря, а не монахахъ, случайно находившихся въ немъ въ минуту поставленія на каѳедру [1]. Свидѣтельство Симона, авторитетное уже по личности автора, кіево-печерскаго монаха въ началѣ XIII в., находитъ новую опору въ старомъ ростовскомъ лѣтописцѣ, котораго онъ читалъ и въ которомъ можно было узнать больше чѣмъ о 30 печерскихъ постриженникахъ, вышедшихъ на разныя епископскія каѳедры въ Россіи до XIII в. При разногласіи такого источника съ житіемъ Леонтія, въ сохранившемся его видѣ, естественно рѣшить вопросъ въ пользу перваго. Однакожъ дѣлались попытки примирить эти противорѣчащіе источники: жертвуя нѣкоторыми подробностями позднѣйшихъ редакцій житія, чтобы спасти извѣстіе первой о цареградскомъ происхожденіи Леонтія, предполагали, что онъ родомъ Грекъ, но переселился въ Кіевъ, постригся въ пещерѣ Антонія и отсюда взятъ на ростовскую каѳедру [2]. Такъ извѣстіе ненадежнаго источника, которое трудно принять, вытѣсняли своимъ собственнымъ, не находимымъ ни въ какомъ источникѣ, не находящимъ опоры даже въ аналогическомъ явленіи. Едвали нужно въ этомъ извѣстіи отдѣлять первую редакцію отъ прочихъ и для нея жертвовать послѣдними,

[1] Иначе онъ не помѣстилъ бы въ своемъ перечнѣ Стефана, ученика преп. Ѳеодосія, но поставленнаго епископомъ владимірскимъ на Волыни изъ основаннаго имъ Кловскаго мон. Пам. росс. слов. XII в., стр. 256. Притомъ, насколько извѣстно происхожденіе упоминаемыхъ Симономъ іерарховъ, онъ имѣлъ въ виду, кажется, людей русскаго происхожденія.

[2] Преосв. Макарія—Ист. Р. Ц. II, прим. 59. Пр. Соб. 1858, № 2, стр. 298 и сл.

ибо всѣ онѣ, кажется, черпаютъ здѣсь изъ одинаковаго источника. Если извѣстіе и о Леонтіѣ почерпнуто Симономъ изъ цитуемаго имъ стараго ростовскаго лѣтописца, то первая редакція житія не пользовалась этимъ, судя по названію, столь близкимъ къ ней источникомъ: по крайней мѣрѣ, его вліяніе не отразилось на ней ни одной чертой, а другія редакціи рѣшительно противорѣчатъ ему. Разобравъ элементы сказанія о происхожденіи и прибытіи на Русь Леонтія, можно, кажется, обойтись и безъ примиренія противорѣчивыхъ извѣстій, взятыхъ изъ совершенно различныхъ источниковъ. Та подробность сказанія, что патр. Фотій является современникомъ св. Владиміра, падаетъ сама собою, обличая свою связь съ позднѣйшими историческими источниками, впадающими въ туже ошибку. Далѣе, въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ житія встрѣчаемъ черты, обязанныя своимъ происхожденіемъ мѣстности, изъ которой вышла редакція или ея списокъ. Нѣкоторые списки 3-ей ред. въ извѣстія о первыхъ епископахъ, пришедшихъ въ Кіевъ съ Леонтіемъ митр. и разосланныхъ имъ по городамъ, прибавляютъ: «и нарече архіепископью Ростовъ»; напротивъ сп. новгор. соф. библіотеки усвояетъ названіе архіепископіи своему Новгороду [1]). Присутствіе этого мѣстнаго взгляда еще сильнѣе чувствуется въ сказаніи житія о прибытіи на Русь Леонтія. Ростовъ просвѣщается христіанствомъ непосредственно изъ Царьграда; оттуда приходятъ и туда возвращаются первые просвѣтители его; самъ патріархъ «многу печаль имѣетъ» объ упрямомъ далекомъ Ростовѣ и долго ищетъ для него «твердаго пастуха»; отыскавшійся пастухъ Леонтій съ цѣлой миссіей ѣдетъ изъ Царьграда прямо въ Ростовъ, не имѣя никакихъ сношеній съ Кіевомъ и русскимъ митрополитомъ, о которыхъ въ разсказѣ о Леонтіѣ по всѣмъ

---

[1]) Макар. ч. мин. май, л. 998 (по синод. сп.). Соф. сп. въ Ист. Р. Ц. пресв. Макарія, I, прим. 82.

редакціямъ житія нѣтъ и помину. Это еще понятно относительно первыхъ двухъ епископовъ, прибывшихъ въ Ростовъ въ первые годы послѣ крещенія Владиміра, но подозрительно въ третьемъ, дѣйствовавшемъ во второй половинѣ XI в., особенно если раньше этого встрѣчаются извѣстія о поставленіи епископовъ кіевскимъ митрополитомъ и о распространеніи христіанства подъ его руководствомъ. Непосредственныя сношенія Ростова съ Константинополемъ—черта, замѣтная и въ другомъ ростовскомъ сказаніи, отличающемся столь же сильной легендарностью, въ житіи преп. Авраамія. При мутности источниковъ, изъ которыхъ черпали оба житія, здѣсь безъ сомнѣнія имѣла свою долю вліянія память о первыхъ двухъ епископахъ Ростова, прибывшихъ изъ Царьграда и посвященныхъ патріархомъ. Но объясненію этой черты въ житіи Леонтія, кажется, можетъ помочь еще одно обстоятельство, обыкновенно забываемое при этомъ. Возобновленіе памяти о Леонтіѣ въ Ростовѣ, вызванное обрѣтеніемъ его мощей, совпало по времени съ однимъ движеніемъ въ ростовской епархіи, начатымъ Андреемъ Боголюбскимъ съ помощію Ѳеодора, впослѣдствіи ростовскаго епископа: оба они хлопотали отдѣлить ростовскую каѳедру отъ кіевской митрополіи и перемѣстивъ ее во Владиміръ, сдѣлать изъ нея вторую митрополію въ Россіи. Самъ Ѳеодоръ принялъ епископскій санъ прямо отъ патріарха въ Константинополѣ, на пути въ Ростовъ не заѣхалъ въ Кіевъ къ митрополиту за благословеніемъ и занявъ каѳедру, придавалъ особенное значеніе своей непосредственной зависимости отъ патріарха: «не митрополитъ мя поставилъ, говорилъ онъ, но патріархъ во Царѣградѣ; да убо отъ кого ми другаго поставленіа и благословеніа искати?» [1]). Онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ своей епархіи, имѣлъ «мудрованіе козненo и вси его бояхуся и тре-

---

[1]) П. С. Р. Л. IX, 239.

петаху», замѣчаетъ лѣтопись. Въ его именно епископство отстроенъ былъ каменный ростовскій соборъ и совершено первое перенесеніе мощей св. Леонтія (1170), послѣ чего вскорѣ составлено было и первое сказаніе о немъ; подъ вліяніемъ Θеодоровскихъ взглядовъ могла составиться или развиться основа преданія о ростовскомъ просвѣтителѣ, съ большей или меньшей полнотой входившаго во всѣ редакціи житія. Невозможно рѣшить, въ какомъ видѣ занесено было это преданіе, столь согласное съ стремленіями Θеодора, въ начальное сказаніе, составленное при кн. Андреѣ, но мы знаемъ, что это послѣднее подверглось новой обработкѣ нѣсколько десятилѣтій спустя, при еп. Іоаннѣ, когда были причины уничтожить слѣды стремленій Θеодора, возбудившаго ими сильное негодованіе въ высшемъ духовенствѣ и оставившаго по себѣ черную память. Если можно допустить дѣйствіе такихъ побужденій на развитіе подробностей преданія о прибытіи Леонтія въ Ростовъ, то исходная точка этого преданія, уцѣлѣвшая и въ первой редакціи житія, извѣстіе о константинопольскомъ происхожденіи Леонтія могло сложиться и безъ всякой посторонней цѣли. Съ Леонтіемъ могло повториться тоже самое, что было съ его современникомъ митр. Ефремомъ, также упомянутымъ въ числѣ постриженниковъ кіево-печерскаго монастыря у еп. Симона. Русскій по происхожденію, служившій при дворѣ в. кн. Изяслава и потомъ постригшійся въ пещерѣ преп. Антонія, Ефремъ жилъ нѣсколько времени въ константинопольскомъ монастырѣ предъ поставленіемъ своимъ на переяславскую каѳедру. Привычка видѣть на высшихъ іерархическихъ мѣстахъ въ Россіи Грековъ сдѣлала изъ этого обстоятельства основаніе усвоить Ефрему греческое происхожденіе [1]).

---

[1]) Преосв. Макарія — Ист. Р. Ц. II, прим. 26.

Нельзя, разумѣется, прослѣдить источники и развитіе всѣхъ чертъ мѣстнаго преданія о Леонтіѣ; можно только замѣтить, что онѣ не всѣ вошли въ житіе и нѣкоторыя развивались, цѣпляясь за урочища или мѣстные остатки старины[1]). Жизнеописаніе и оканчивается такимъ же сомнительнымъ, спорнымъ извѣстіемъ, какимъ начинается. По этому извѣстію, проповѣдь Леонтія, увѣнчавшаяся крещеніемъ Ростова, завершается мирной кончиной просвѣтителя; тогда какъ еп. Симонъ въ упомянутомъ посланіи называетъ Леонтія третьимъ русскимъ мученикомъ за вѣру, послѣ двоихъ Варяговъ, и говоритъ, что ростовскіе язычники, много мучивъ, его убили. Эти противорѣчивыя извѣстія раздѣлили критиковъ на двѣ стороны; взвѣшивая основанія обѣихъ, надобно, кажется, придать болѣе вѣроятія мнѣнію той, которая, основываясь на прямомъ смыслѣ всего извѣстія Симона о Леонтіѣ, понимаетъ буквально его выраженіе о мученичествѣ ростовскаго епископа. Къ ея доводамъ можно прибавить, что Симонъ не имѣлъ побужденія, понятнаго въ ростовскомъ источникѣ, смягчать разсказъ о судьбѣ Леонтія, и что даже по ростовскимъ источникамъ можно замѣтить, что мѣст-

---

[1]) По житію Петра, царевича ордынскаго, ростовскій еп. Кириллъ (1231-1261) разсказывалъ царю Беркѣ въ ордѣ о Леонтіѣ, „како крести градъ Ростовъ, и како увѣри люди, и како честь прія отъ русскихъ князей и отъ греческаго царя и отъ патріарха“. О сношеніяхъ Леонтія съ греческимъ царемъ и русскими князьями ни слова не говоритъ ни одна редакція его житія. Наглядный примѣръ развитія преданія въ связи съ остаткомъ старины представляютъ лѣтописныя извѣстія о вощаницѣ съ виномъ, хранившейся въ ростовскомъ храмѣ І. Предтечи на епископскомъ дворѣ и уцѣлѣвшей отъ пожара въ 1211 г., чему много дивились въ Ростовѣ, по замѣчанію древняго здѣшняго лѣтописца: тогда нѣкоторые приписывали ее еп. Леону (1158-1162), а обитатель ростовскаго края, составлявшій лѣтописный сборникъ въ 1534 г., замѣчаетъ уже при этомъ извѣстіи: „глаголютъ бо, яко вощаница та св. Леонтіа“. П. С. Р. Л. XV, 311; ср I, 184.

ная память въ XIII в. и послѣ вообще преувеличивала просвѣтительные успѣхи Леонтія [1]).

Изъ сдѣланнаго разбора можно извлечь нѣкоторые выводы для оцѣнки житія, какъ историческаго источника. Въ древнѣйшихъ уцѣлѣвшихъ источникахъ нашей исторіи до Андрея Боголюбскаго не сохранилось письменныхъ слѣдовъ памяти о св. Леонтіѣ. Она по видимому впервые стала возобновляться и слагаться въ сказаніе со времени обрѣтенія мощей, т. е. почти сто лѣтъ спустя по смерти святаго. Можно замѣтить нѣкоторыя основы, на которыхъ развивается сказаніе: это мѣстные памятники старины (наприм. загородный храмъ архангела Михаила), существовавшіе въ XII—XIII в., и мѣстное смутное воспоминаніе о Константинополѣ, какъ первоначальномъ источникѣ христіанской проповѣди въ Ростовѣ, поддержанное отдаленностію послѣдняго отъ кіевской Руси и мѣстны-

---

[1] Согласно съ первой ред. житія толкуетъ извѣстіе Симона преосв. Макарій въ Ист. Р. Ц. II, 16, прим. 59; противоположное мнѣніе у архіеп. Филарета въ Р. Свв. май, прим. 253. Первое мнѣніе держится на одномъ ненадежномъ основаніи, на чтеніи симонова извѣстія въ нѣкоторыхъ спискахъ патерика: одни изъ нихъ замѣняютъ глаголъ „убиша" словами „и биша", другіе вовсе опускаютъ его, оставляя рѣчь неконченной; то и другое отзывается намѣреніемъ поправить извѣстіе. Мнѣніе архіеп. Филарета имѣетъ за себя не только чтеніе другихъ списковъ, удержавшихъ слово „убиша", но и контекстъ всего извѣстія симонова, усвояющаго Леонтію третье мученическое мѣсто на ряду съ Варягами; въ его же пользу говоритъ повидимому и обмолвка въ концѣ первой редакціи о Леонтіѣ: „непостыдно предася за вѣру". Указанное преувеличеніе можно замѣтить, сличая извѣстія лѣтописей въ П. С. Р. Лѣт. I, 195 и Ник. VIII, 245, первой ред. житія въ Пр. Соб. стр. 306 и слова на память Леонтія тамъ же №3, стр. 424, съ словами пятой ред. въ волокол. сб. №645, л. 277: „крести всѣхъ (ростовцевъ)" и Степ. кн. I, 153, которая, излагая черты преданія о Леонтіѣ по 3-й ред. житія, говоритъ: „всѣхъ ихъ крести, и оттолѣ въ Ростовѣ утвердися совершенное благочестіе и донынѣ". Наконецъ могли быть побужденія умалчивать о насильственной смерти Леонтія; но не понятно, что заставило выдумать такую смерть.

ми стремленіями временъ Андрея къ церковной самостоятельности. Это—главные, въ первой редакціи даже единственные источники жизнеописанія; согласно съ своимъ характеромъ они сообщаютъ его разсказу о жизни Леонтія неопредѣленность, при которой въ немъ трудно уловить ясный, положительный фактъ. Къ этимъ мѣстнымъ источникамъ присоединяется въ позднѣйшихъ редакціяхъ житія лѣтопись. Но достовѣрное содержаніе входитъ отсюда только во вторую половину житія, въ разсказъ о церковномъ прославленіи Леонтія: лѣтописныя извѣстія, занесенныя въ описаніе жизни святаго (о крещеніи кн. Владиміра, о первомъ митр. Леонтіѣ, о первыхъ епископахъ, съ нимъ пришедшихъ на Русь и проч.), 1) не касаются прямо Леонтія, 2) повторяютъ ошибки позднѣйшихъ лѣтописей. Вообще изъ разсмотрѣннаго житія можно, кажется, извлечь тотъ фактъ, что достовѣрныя извѣстія о Леонтіѣ были утрачены въ ростовской письменности уже къ концу XII вѣка, растворившись въ смутномъ преданіи и оставивъ слабые слѣды на югѣ, въ кіевопечерскомъ монастырѣ, откуда и вынесъ ихъ еп. Симонъ.

Изъ свидѣтельства житія преп. Θеодосія Печерскаго видно, что Ростовъ чтилъ своего еп. Исаію на ряду со святыми уже въ началѣ XII в., вскорѣ послѣ его смерти (1090). Мощи его были открыты въ одинъ годъ съ мощами его предшественника Леонтія. Но въ источникахъ не сохранилось намека, по которому можно было бы заключать, чтобы тогда же, въ началѣ XII в. или въ концѣ его, одновременно съ сказаніемъ о Леонтіѣ, описана была и жизнь Исаіи [1]).

---

[1]) Архіеп. Филаретъ считаетъ приведенное извѣстіе житія Θеодосія объ Исаіи позднѣйшей вставкой на томъ основаніи, что причтеніе Исаіи къ святымъ и установленіе празднованія памяти его послѣдовало въ 1164 г., по обрѣтеніи мощей. Р. Свв. май, стр. 106. Но 1) выраженіе житія Θеодосіева „и тамо со святыми чтутъ его“ не значитъ непремѣнно, что его

Имѣемъ двѣ редакціи житія Исаіи [1]). Первая въ сжатомъ разсказѣ передаетъ происхожденіе святаго, его жизнь въ возникавшемъ тогда Печерскомъ монастырѣ, игуменство въ Димитріевскомъ и посвященіе на ростовскую каѳедру, въ общихъ чертахъ изображаетъ окончательное утвержденіе имъ христіанства въ Ростовѣ и его области и обстоятельно повѣствуетъ о его чудесномъ путешествіи въ Кіевъ на освященіе печерской церкви; разсказъ оканчивается краткими извѣстіями о кончинѣ, открытіи мощей въ 1164 г. и о перенесеніи ихъ въ XV вѣкѣ. Составъ житія безыскусственный: начавъ біографію безъ предисловія, оно заключается краткимъ молитвеннымъ обращеніемъ къ святому. Опредѣленіе времени, когда составилась эта редакція, зависитъ отъ времени послѣдняго событія въ ея разсказѣ, перенесенія мощей. Писатели, касавшіеся этого житія мимоходомъ, повторяли странную ошибку издателя его въ Прав. Собесѣдникѣ [2]). Отнесши, по какимъ-то внутреннимъ признакамъ, ко второй половинѣ XIII в. списокъ первой редакціи, послужившій подлинникомъ для изданія и взятый изъ соловецкаго

чтили церковнымъ празднованіемъ; 2) нѣтъ прямаго извѣстія, что празднованіе Исаіи установлено въ 1164 г. Изъ житія видно, что ему не праздновали церковнымъ образомъ и въ XV в., до 1474 г: гробъ его былъ въ небреженіи, никогда свѣча не горѣла надъ нимъ и священникъ не приходилъ къ нему съ кадиломъ. Между тѣмъ народъ чтилъ уже Исаію какъ святаго: образъ его, по словамъ житія, былъ „почитаемъ и поклоняемъ отъ всѣхъ".

[1]) Довольно рѣдкіе списки первой ред. XVI в. въ солов. сб. № 806, л. 208-212 (по нему житіе издано въ Пр. Соб. 1858, № 3) и въ румянц. сб. № 397, л. 425 и сл., съ сокращеніями. Списки второй ред. XVI в. въ Макар. ч. мин. (по синод. сп.), май, л. 819-823, въ синод. сб. № 90, л. 141-163, въ румянц. сб. № 434, л. 421, въ сб. Унд. № 586, л. 160-171.

[2]) Пр. Соб. въ указ. м. стр. 432. Ист. Оч., Ѳ. И. Буслаева, т. II, 99. Р. Свв., арх. Филарета, май, прим. 139. Ист. Р. Ц. преосв. Макарія, V, 146.

сборника XVI в., издатель заключилъ, что житіе написано вскорѣ послѣ перенесенія мощей, «что было, какъ значится во всѣхъ соловецкихъ спискахъ житія, въ 1274 г.». Между тѣмъ въ томъ же соловецкомъ спискѣ, по которому издано житіе, перенесеніе помѣчено 6982 (1474) годомъ. Съ этимъ показаніемъ согласны и всѣ извѣстные намъ списки житія въ другихъ библіотекахъ. Такимъ образомъ первая редакція могла составиться въ концѣ XV в. не раньше 1474 г. Можно указать и нѣкоторое подтвержденіе этому показанію списковъ, если оно въ этомъ нуждается: житія Исаіи еще не встрѣчаемъ въ сборникахъ XV в. между житіями ростовскихъ епископовъ, Леонтія и Игнатія, гдѣ его обыкновенное мѣсто въ позднѣйшихъ сборникахъ; перенесенія мощей Исаіи, совершеннаго торжественно и съ того времени по видимому праздновавшагося въ Ростовѣ ежегодно, нѣтъ въ мѣсяцесловахъ XV в. въ числѣ церковныхъ празднествъ монгольскаго періода, хотя есть преставленіе Игнатія, ко времени котораго ошибка относитъ перенесеніе мощей Исаіи; наконецъ это перенесеніе совершено, по первой редакціи, ростовскимъ *архіепископомъ*, а такой санъ ростовскіе іерархи носили съ 1390 г. [1]). Обращаясь къ источникамъ редакціи, легко замѣтить, что она построена на болѣе надежномъ основаніи, чѣмъ всѣ редакціи житія Леонтія. У составителя ёя были подъ руками письменные источники: въ описаніи жизни Исаіи на Югѣ онъ очевидно пользовался житіемъ преп. Θеодосія; онъ умѣетъ даже обозначить, хотя не всегда вѣрно, время главнѣйшихъ событій въ своемъ разсказѣ [2]); разсказъ о путешествіи

---

[1]) Ист. Р. Ц., преосв. Макарія, IV, 260.

[2]) Извѣстія позднѣйшихъ лѣтописей объ Исаіи не всѣ согласны съ житіемъ. См. наприм. П. С. Р. Лѣт. XV, 166, гдѣ поставленіе Исаіи епископомъ въ Ростовъ помѣчено 6580 г., а въ житіи 6585. Поправки хронологическихъ показаній житія см. у арх. Филарета въ Р. Свв., май, прим. 127 и 128.

Исаіи въ Кіевъ на освященіе печерской церкви есть довольно близкая передѣлка разсказа Печерскаго патерика, только приспособленная къ лицу одного Исаіи; наконецъ, разсказавъ объ этомъ освященіи по патерику, житіе повторяетъ тоже кратко по Несторовой лѣтописи, выписывая почти дословно ея извѣстіе подъ 6597 г. Но очевидно достовѣрныя свѣдѣнія составителя редакціи о жизни Исаіи ограничиваются извѣстіями кіевскихъ источниковъ; дѣятельность святаго на Сѣверѣ описывается уже на основаніи источника другаго рода, мѣстнаго преданія. Вотъ почему распространеніе Исаіей христіанства въ ростовскомъ краѣ онъ могъ изобразить лишь кратко, въ неопредѣленныхъ чертахъ. Примѣсь мѣстнаго преданія замѣтна и въ разсказѣ о чудесномъ путешествіи въ Кіевъ, основанномъ на патерикѣ. — Вторая редакція совмѣщаетъ въ себѣ много особенностей искусственнаго состава: она предпосылаетъ разсказу витіеватое и темное по изложенію предисловіе, въ самый разсказъ вноситъ реторическія распространенія, а краткую молитву въ концѣ первой редакціи развиваетъ въ похвальное слово, которое заставляетъ произносить предъ мощами Исаіи архіепископа, перенесшаго ихъ на новое мѣсто въ 1474 г. Но фактическое содержаніе этой пространной редакціи цѣликомъ и почти дословно перенесено изъ краткой; все ея отличіе отъ послѣдней въ этомъ отношеніи ограничивается тѣмъ, что она въ двухъ мѣстахъ расширяетъ ея заимствованія изъ кіевскихъ источниковъ: къ извѣстію объ игуменствѣ Исаіи въ кіевскомъ монастырѣ св. Димитрія прибавляетъ изъ житія преп. Ѳеодосія извѣстіе о предшественникѣ Исаіи Варлаамѣ, а изъ лѣтописи извѣстіе о рожденіи кн. Изяслава, которое понадобилось только для того, чтобы сказать, что отецъ Варлаама былъ бояриномъ у этого князя; выписку изъ лѣтописи объ освященіи печерской церкви вторая редакція продолжаетъ дальше первой, захватывая съ дословной точностью помѣщенное подъ тѣмъ же 6597 г. извѣстіе о смерти митр.

Іоанна, освящавшаго церковь, и его характеристику, хотя все это имѣетъ очень мало связи съ разсказомъ житія. Поэтому совершенно неоснователенъ строгій приговоръ, какой произноситъ надъ этой редакціей издатель краткой, видя ея «особенность» отъ послѣдней въ томъ, что «нѣтъ достовѣрности въ ея дополнительныхъ историческихъ извѣстіяхъ» [1]). Если первую редакцію можно пріурочить ко времени перенесенія мощей, то въ опредѣленіи происхожденія второй у критики не остается и такой опоры.

Въ житіи преп. Авраамія ростовскаго, критика опять, какъ въ житіи Леонтія, встрѣчаетъ едва одолимыя затрудненія. Извѣстныя редакціи этого житія описаны преосв. Макаріемъ [2]).

---

[1]) Прав. Собес. въ указ. м. стр. 433.

[2]) Ист. Р. Ц. I, прим. 27. Текстъ первой редакціи значительно пострадалъ отъ частой перепискѣ; въ таковъ попорченномъ видѣ находимъ его наприм. въ Макар. ч. мин. окт., стр. 1721 (по усп. сп.) и въ румянц. сб. № 434, л. 84. Наиболѣе исправные или любопытные по варіантамъ списки, намъ извѣстные: XV-XVI в. синод. сб. № 556, л. 854, XVI в. синод. сб. № 555, л. 193, волокол. сб. 1549 г. въ моск. епарх. библ. № 639, л. 276, Унд. № 574, л. 582 и № 1300, л. 246, XVII в. Унд. № 1298, л. 291, солов. сб. 1634 г. № 818, л. 38, въ Милют. ч. мин. окт. л. 1427; сокращеніе этой ред. въ румянц. сб. XVI в. № 397, л. 338. Вторая ред., очень мало распространенная, намъ извѣстна по двумъ спискамъ XVI-XVII в. въ сб. Тр. Серг. Л. № 657, л. 96 и Унд. № 586, л. 192. Она озаглавлена: «житіе вкратцѣ, иже списано бысть отъ ученикъ его (Авраамія)». Это показываетъ только, что редакція составлена въ Авраміевомъ монастырѣ; она вѣроятно была слѣдствіемъ пересмотра первой редакціи, вызваннаго повсемѣстнымъ «изысканіемъ» о святыхъ, которое предшествовало московскому собору 1549 г., постановившему праздновать вмѣстѣ съ другими «новыми чудотворцами» и преп. Авраамію, какъ предполагаетъ преосв. Макарій. Ист. Р. Ц. VI, 217 и сл. Впрочемъ службу Авраамію, м. б. составленную для мѣстнаго празднованія святому, встрѣчаемъ уже въ сб. XV в. Тр. С. Л. № 617, л. 33. Похвальное слово при второй ред. житія написано на праздникъ памяти Авраамія. Рук. Тр. Серг. Л. № 657, л. 120. Изъ третьей ред. извѣстно только извлеченіе, напеч. въ Ист. Р. Ц. преосв. Макарія, т. I, стр. 203 205.

Первая, изобразивъ въ краткомъ очеркѣ, самыми неопредѣленными чертами всю жизнь святаго, подробно останавливается на двухъ эпизодахъ: на борьбѣ Авраамія съ чудскимъ идоломъ Велеса и на борьбѣ святаго съ діаволомъ, мстившимъ ему за мученіе, испытанное подъ крестомъ въ умывальницѣ Авраамія. Вторая редакція обширнѣе: указаннымъ двумъ эпизодамъ она предпосылаетъ обстоятельный разсказъ о жизни святаго до борьбы съ ростовскимъ язычествомъ, говоритъ о происхожденіи Авраамія (изъ г. Чухломы), о путешествіи въ Новгородъ, о постриженіи и жизни въ Валаамскомъ монастырѣ и наконецъ о поселеніи около Ростова. О третьей редакціи мы можемъ судить только по краткому отрывку въ валаамской рукописи.

Наши церковные историки довѣрчиво пользуются содержаніемъ этихъ редакцій въ изложеніи исторіи распространенія христіанства въ Ростовскомъ краѣ, не останавливаясь на ихъ сравнительной надежности [1]). Между тѣмъ и въ общей фактической ихъ основѣ и въ дополнительныхъ подробностяхъ каждой много внутреннихъ несообразностей. Этого мало: онѣ вступаютъ въ противорѣчіе и съ другими историческими памятниками, описывающими событія тогоже времени и края. Много потрачено остроумія, чтобы объяснить эти несообразности и примирить противорѣчія: догадки породили только разнообразіе мнѣній, не рѣшивъ главной задачи критики—оцѣнки годности заключающагося въ житіи историческаго матеріала. Это объясняется недостаткомъ въ житіи ясныхъ данныхъ, которыя позволяли бы съ нѣкоторою точностью опредѣлить источники житія и время происхожденія его первой редакціи. Но критика, указавъ извѣстныя редакціи его, почти не коснулась единственнаго основанія, могущаго дать нѣкоторые выводы для объясне-

---

[1]) Такъ преосв. Макарій въ Ист. Р. Ц. I, 157—159 излагаетъ жизнь Авраамія по 3-ей редакціи, наиболѣе подозрительной.

нія темныхъ пунктовъ житія, именно состава основнаго сказанія и взаимнаго отношенія редакцій по содержанію.

Сличая указанныя редакціи между собою, легко замѣтить, что онѣ существенно разнятся только въ описаніи жизни Авраамія до прихода къ Ростову и сходны въ дальнѣйшемъ содержаніи. Это послѣднее составляетъ первую изъ описанныхъ редакцій, которая не можетъ ничего сказать о доростовской порѣ жизни Авраамія кромѣ общихъ мѣстъ. Притомъ эту редакцію встрѣчаемъ въ наиболѣе древнихъ спискахъ. Имѣемъ право въ ней искать основнаго сказанія въ возможно-чистомъ видѣ, что̀ обѣщаетъ она и своей простой литературной формой, одинаковой съ первыми редакціями житій Леонтія и Исаіи. Разбирая составъ этой редакціи, замѣчаемъ, что она—не житіе сколько-нибудь связное, а довольно неискусная спивка общаго очерка съ двумя сказаніями. Она открывается рядомъ тѣхъ общихъ житейныхъ чертъ, по которымъ безошибочно можно заключить, что жизнеописатель очень мало знаетъ о жизни святаго. Отбирая въ этомъ очеркѣ черты, въ которыхъ можно подозрѣвать фактическое содержаніе, получимъ такія свѣдѣнія о святомъ: не опредѣляя ни мѣста ни времени происхожденія Авраамія, житіе говоритъ, что онъ, оставивъ мірской мятежъ, сталъ монахомъ, а потомъ начальникомъ монаховъ, и поживъ ангельскимъ житіемъ, обогатившись даромъ чудесъ, слезами омывъ свою душу... Можно было бы ожидать, что рѣчь закончится извѣстіемъ о смерти святаго; вмѣсто этого житіе вслѣдъ затѣмъ продолжаетъ: «видѣвъ же преподобный прелесть идольскую сущу, не убо бѣ еще всѣ св. крещеніе пріяша... преп. же Авраамій помолися Богу». Не пояснивъ, что дѣйствіе происходитъ въ Ростовѣ, житіе подробно описываетъ далѣе борьбу Авраамія съ идоломъ Велеса. Въ этомъ эпизодѣ опять разсказывается объ основаніи монастыря, о чемъ намекомъ было уже сказано въ началѣ. Отъ разсказа о борьбѣ съ идоломъ житіе переходитъ къ другому — о борьбѣ съ діаволомъ и о его

пораженіи. Таковъ составъ первой редакціи. Между обоими эпизодами нѣтъ внутренней связи и послѣдовательности точно также, какъ между общимъ очеркомъ и первымъ эпизодомъ. Въ очеркѣ описывается вся жизнь святаго и такими же чертами, какими описывается жизнь святыхъ въ икосахъ на 6-ой пѣсни канона; можно подумать, что онъ и составлялъ первоначальное житіе, которое потомъ неловко стало во главѣ двухъ отдѣльныхъ сказаній, лишившись при этомъ своихъ заключительныхъ извѣстій, перенесенныхъ къ концу втораго эпизода: «и поживе... въ велицѣ смиреніи, труды къ трудомъ прилагая, и въ велицѣ смиреніи къ Господу отыде, егоже измлада възлюби». Такимъ же внѣшнимъ образомъ связаны между собою и оба эпизода: заключительныя извѣстія ихъ показываютъ, что второй описываетъ не дальнѣйшую судьбу святаго, а событіе, случившееся между тѣми, которыя разсказаны въ первомъ. Какъ первый разсказъ оканчивается тѣмъ, что князья ростовскіе дали монастырю Авраамія села и по соглашенію съ епископомъ возвели его на степень архимандритіи, послѣ чего Авраамій началъ еще больше подвизаться, труды къ трудамъ прилагая, стяжавъ великое смиреніе и проч.; такъ и въ концѣ втораго разсказа читаемъ, что князь далъ монастырю много домовъ и селъ и поставилъ его выше всѣхъ ростовскихъ монастырей, послѣ чего преподобный пожилъ въ великомъ смиреніи, труды къ трудамъ прилагая и т. д. Ясно, что оба заключенія — варіанты на одну и туже тему, что оба разсказа — особыя сказанія, первоначально составившіяся независимо другъ отъ друга и потомъ поставленныя рядомъ позднѣйшимъ редакторомъ житія. Далѣе не трудно замѣтить, что оба разсказа по своему происхожденію относятся къ разнымъ эпохамъ, довольно далекимъ другъ отъ друга. Первый умѣетъ обозначить время дѣятельности Авраамія, называя современныхъ ему ростовскихъ епископовъ Ѳеодора и Иларіона, также князей Владиміра и Бориса и не упоминая ни о какомъ

другомъ монастырѣ въ Ростовѣ [1]). Второй переноситъ насъ совсѣмъ въ другую эпоху: онъ не помнитъ ни Θеодора съ Иларіономъ, ни Бориса, а ведетъ Авраамія «къ великому князю Володимеру во градъ Володимеръ», къ державѣ этого владимірскаго князя приписываетъ Ростовъ и знаетъ уже много монастырей въ этомъ городѣ. Наконецъ въ основѣ обоихъ разсказовъ очевидна мѣстная народная легенда съ ея наивными пріемами; легендарный мотивъ сказывается въ борьбѣ Авраамія не съ самими ростовскими язычниками, а съ языческимъ идоломъ, предъ волшебной силой котораго изнемогаетъ сначала самъ преподобный, и въ построеніи церкви на мѣстѣ языческой святыни — разбитаго идола. Разсказъ даетъ замѣтить и опоры, за которыя держалась легенда въ своемъ развитіи: это — чудотворный жезлъ, которымъ разбитъ идолъ и который хранился при гробѣ Авраамія до пол. XVI в., церковь Іоанна Богослова, построенная Аврааміемъ на мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ этого святаго, «иже (церковь) есть и до сего дне», по замѣчанію житія, наконецъ образъ Богослова въ этой церкви, по которому описана въ житіи его наружность. Еще сильнѣе проникнутъ легендарнымъ характеромъ второй разсказъ; только здѣсь основные мотивы сказанія не исключительно мѣстнаго происхожденія, а представляютъ неясные отголоски легенды о способѣ мести діавола иноку, которая ходила въ древней Руси и въ болѣе чистомъ видѣ воспроизведена въ житіи новгородскаго архіеп. Іоанна и въ муромскомъ сказаніи о еп. Василіѣ.

Такимъ образомъ, если въ первомъ разсказѣ сквозь легендарныя черты можно усмотрѣть нѣкоторое историческое основаніе, то второй лишенъ его совершенно. Но историческія несообразности этого разсказа бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на время,

---

[1]) Такъ въ большей части списковъ; въ нѣкоторыхъ епископы и князья не поименованы, напр. въ Рум. № 434 и 397.

когда онъ составился: появленіе въ немъ великаго князя владимірскаго, къ области котораго принадлежалъ Ростовъ, и намекъ на существованіе *многихъ* монастырей въ Ростовѣ — однѣ эти черты показываютъ, что легенда дошла до перваго редактора житія въ томъ видѣ, какой она могла принять не раньше XIV вѣка [1]).

Вторая редакція является въ спискахъ позднѣе первой и по составу своему искусственнѣе, имѣетъ краткое предисловіе, а краткое обращеніе къ святому, которымъ оканчивается первая редакція, развиваетъ въ цѣлое похвальное слово, которое отдѣляетъ отъ житія въ видѣ особой статьи; наконецъ въ ней замѣтно стремленіе восполнить пробѣлы и сгладить несообразности первой редакціи, что служитъ признакомъ позднѣйшаго происхожденія. Къ общимъ мѣстамъ, которыми первый редакторъ прикрываетъ свое незнаніе начальнаго періода жизни Авраамія, второй прибавляетъ цѣлый обстоятельный разсказъ о происхожденіи Авраамія и его жизни до прихода къ Ростову. Сличая этотъ разсказъ съ неопредѣленнымъ вступленіемъ первой редакціи, легко замѣтить тѣсную связь между ними: текстъ послѣдняго служилъ канвой, по которой второй редакторъ написалъ новыя біографическія черты, но такъ механически, что ихъ легко отдѣлить и тогда останется текстъ первой редакціи дословно въ прежнемъ видѣ. Тоже стремленіе дополнять и пояснять текстъ первой редакціи обнаруживается вставками и ра-

---

[1]) Только къ концу XIII в. извѣстно въ Ростовѣ болѣе 2 монастырей сверхъ Аврааміева, а легенда успѣла уже забыть время основанія и этихъ монастырей. На позднѣйшее время указываютъ и „князи" ростовскіе упоминаемые въ легендѣ одновременно съ вел. княземъ во Владимірѣ и имѣвшіе обычай ежедневно ѣздить на охоту: это — скорѣе воспоминаніе объ удѣльныхъ ростовскихъ князьяхъ XIII - XIV в., чѣмъ намекъ на „какихъ-то низшихъ князей, бывшихъ и въ другихъ городахъ при началѣ русскаго государства" (т. е. родовыхъ старшинъ), какъ думаетъ преосв. Макарій. Ист. Р. Ц. I, 7.

спространеніями, внесенными въ ея дальнѣйшій разсказъ. Впрочемъ она вставляетъ только одну новую фактическую черту, заимствованную по видимому изъ житія Леонтія прямо или чрезъ одинъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ: по первой редакціи, Авраамія возводитъ въ санъ архимандрита еп. ростовскій Иларіонъ; борьба съ идоломъ идетъ при епископѣ Ѳеодорѣ; между этими событіями вторая редакція вставляетъ извѣстіе о бѣгствѣ еп. Ѳеодора отъ упорныхъ ростовскихъ язычниковъ и о присылкѣ на его мѣсто еп. Иларіона съ кн. Борисомъ. Остальныя добавки реторическаго свойства безъ фактическаго содержанія. Гораздо труднѣе указать источники новыхъ біографическихъ чертъ въ началѣ второй редакціи. Историческія основанія ея внушаютъ къ себѣ очень мало довѣрія: во-первыхъ, подозрительно существованіе въ концѣ X или въ началѣ XI в. «града» Чухломы, который встрѣчаемъ въ достовѣрныхъ историческихъ памятникахъ не раньше конца XIV; во-вторыхъ, еще болѣе сомнительна въ Чухломѣ того времени возможность благочестивыхъ родителей, которые, по второй редакціи, могли «наказать сына книжному ученію», когда болѣе надежные памятники говорятъ, что только съ конца XI в. христіанство стало распространяться изъ центральныхъ пунктовъ сѣверо-востока въ его отдаленные предѣлы, когда изъ самаго житія Авраамія видно, что въ эпоху прибытія святаго къ Ростову этотъ исходный пунктъ христіанскаго просвѣщенія въ краѣ еще не весь принялъ крещеніе, когда наконецъ подвижникъ XIV в., другой Авраамій, нашелъ въ чухломской странѣ еще массу язычниковъ [1]). Такъ во второй

[1]) Для объясненія основы сказанія, происхожденія святаго изъ Чухломы, возможно одно предположеніе: малознающій составитель второй ред. самъ или повторяя устное преданіе, смѣшалъ основателя ростовскаго монастыря съ Аврааміемъ чухломскимъ. Это предположеніе облегчается нѣкоторыми соображеніями: въ самомъ монастырѣ Авраамія ростовскаго не было вѣрныхъ свѣдѣній о жизни основателя, какъ видно по запискамъ

редакціи житія можно видѣть варіантъ преданія, занесеннаго въ первую, варіантъ болѣе развитой и потому, можетъ быть, болѣе поздній. Въ новыхъ подробностяхъ ея замѣтна основа общая съ прежними чертами: въ преданіи о путешествіи будущаго ростовскаго просвѣтителя въ Новгородъ для удовлетворенія жажды къ иноческимъ подвигамъ сказывается таже связь Ростова съ Новгородомъ, какая выразилась въ перенесеніи преданія о новгородскомъ архіепископѣ на основателя перваго ростовскаго монастыря, подобно тому, какъ въ совѣтѣ старца, который явился изнемогавшему въ борьбѣ Авраамію, идти въ Царьградъ и тамъ въ домѣ І. Богослова искать оружія противъ ростовскаго идола сказалось мѣстное воспоминаніе о Царьградѣ какъ первомъ источникѣ христіанскаго просвѣщенія въ Ростовѣ, получившемъ оттуда своихъ первыхъ епископовъ—Грековъ.

Стремленіе второй редакціи пояснять и дополнять свой основной матеріалъ еще въ большей степени раздѣляетъ третья. Изъ нея сохранилось одно извлеченіе, помѣщенное въ валаамскомъ уставѣ среди извѣстій о другихъ подвижникахъ этой обители; по языку его видно, что оно сдѣлано поздно, въ концѣ XVII или началѣ XVIII в., а составъ его показываетъ, что оно не простая дословная выписка изъ «полнаго» житія, а скорѣе анализъ его, и что это полное житіе основано на двухъ первыхъ редакціяхъ, разнясь отъ нихъ только въ разсказѣ о происхожденіи и жизни Авраамія до прихода къ Ростову: о послѣднемъ оно раз-

---

въ монастырскихъ рукописяхъ (Ист. р. іер. III, 64); дѣятельность того и другаго Авраамія представляетъ общую черту, столкновеніе съ язычествомъ; житія обоихъ долго оставались неописанными, давая просторъ устнымъ преданіямъ. Наконецъ въ третьей ред. ошибка еще очевиднѣе: смѣшивая Авраамія ростовскаго съ чухломскимъ, постригшимся въ Троицкомъ сергіевомъ монастырѣ, она и перваго постригаетъ „въ обители св. Троицы валаамской“ забывая, что этотъ монастырь—Преображенскій, а не Троицкій.

сказываетъ по второй редакціи, а за дальнѣйшими извѣстіями о борьбѣ Авраамія съ идоломъ, о явленіи I. Богослова и проч. выдержка отсылаетъ къ житію въ четіи-минеѣ, т. е. къ первой редакціи, слѣдовательно не нашла объ этомъ ничего новаго въ полномъ житіи. Итакъ третья редакція представляла третій варіантъ сказанія о первоначальной жизни Авраамія. Выше были указаны подозрительныя черты втораго варіанта; третій замѣтно старается поправить ихъ и даже аргументировать свои поправки: Авраамій «родомъ бѣ отъ предѣлъ галицкихъ, града Чухлова, богатыхъ родителей, но не просвѣщенныхъ, еще бо страна та въ невѣріи тогда бысть». Далѣе на основѣ поправленнаго такимъ образомъ преданія второй редакціи развивается заманчивая своими подробностями повѣсть о томъ, какъ язычникъ Иверкъ, до 18 лѣтъ лежавшій въ разслабленіи, слушаетъ христіанъ — гостей изъ Новгорода, зашедшихъ въ домъ его отца, внимаетъ ихъ бесѣдѣ объ истинномъ Богѣ и чудесахъ его, задумывается, проникается сомнѣніемъ въ богахъ своего отца, призываетъ на помощь новгородскаго Бога, получаетъ мгновенно облегченіе и въ радости тайкомъ уходитъ въ Новгородъ, оттуда на Валаамъ, крестится подъ именемъ Аверкія и наконецъ дѣлается инокомъ Аврааміемъ; далѣе разсказъ сходенъ съ другими редакціями. Слѣдуя обдуманной программѣ, новый варіантъ до того точенъ въ разсказѣ, что по дорогѣ изъ Чухлова въ Новгородъ не забываетъ научить бѣжавшаго Иверка христіанскому закону и книжной премудрости. Но не видно, чтобы у автора были какіе-нибудь новые письменные источники кромѣ извѣстныхъ уже редакцій житія; по крайней мѣрѣ даже извѣстіе о современности Авраамія кн. Владиміру св. отрывокъ цитуетъ по списку одной изъ этихъ редакцій. Все это подрываетъ довѣріе къ новымъ біографическимъ извѣстіямъ, вносимымъ въ житіе третьей редакціей, и заставляетъ видѣть ихъ источникъ въ остроуміи очень поздняго книжника, поправившаго разсказъ

второй редакціи по своимъ соображеніямъ, основавъ ихъ на объясненіи не понятаго имени Иверка [1]).

Сводя результаты разбора, можно приписать обрѣтенію мощей Авраамія, относимому извѣстіемъ въ одной рукописи его монастыря ко времени кн. Всеволода III, нѣкоторое вліяніе на пробужденіе устныхъ преданій о святомъ; но нѣтъ основанія думать вмѣстѣ съ архіеп. Филаретомъ, что тогда же составлена первая редакція житія, гдѣ нѣтъ ни слова объ этомъ событіи. Устное преданіе — почти единственный источникъ этой редакціи, нестройной, составленной не раньше XV в. Здѣсь только въ сказаніи о борьбѣ Авраамія съ ростовскимъ язычествомъ и объ основаніи монастыря сквозь легендарныя черты замѣтны историческіе факты; второй эпизодъ этой редакціи и всѣ варіанты сказанія о жизни Авраамія до прихода къ Ростову — смѣсь поэтическихъ чертъ и общихъ мѣстъ съ анахронизмами и догадками редакторовъ. Но и та часть житія, которая заслуживаетъ нѣкотораго довѣрія, вступаетъ въ противорѣчіе съ другими ростовскими извѣстіями, отвергать которыя нѣтъ основанія. Авраамій поражаетъ идола при еп. Θеодорѣ, «не по мнозѣ времени» всѣхъ приводитъ ко Христу и креститъ отъ мала до велика, послѣ чего еп. Иларіонъ, замѣнившій Θеодора, возводитъ Авраамія въ санъ архимандрита; а по житію Леонтія этотъ Иларіонъ, подобно Θеодору, «ничтоже успѣ» въ Ростовѣ и бѣжалъ, не стерпѣвъ упорства и озлобленія язычниковъ [2]). Преданіе, оче-

[1]) Предположеніе, что сказаніе основано на не понятомъ тожествѣ именъ Иверка и Аверкія, принадлежитъ арх. Филарету, по мнѣнію котораго третья редакція составлена не раньше 1706 г. Обз. р. д. лит. I, стр. 379. Р. Свв. окт. прим. 214 и 215.

[2]) Подобно этому, еп. Θеодоръ, по 3-й ред. житія Леонтія, приходитъ въ Ростовъ съ кн. Борисомъ и называется первымъ ростовскимъ епископомъ вторая ред. житія Авраамія знаетъ Θеодора и однакожь говоритъ о его преемникѣ Иларіонѣ: „то бѣ первый присланный съ мученикомъ Борисомъ отъ кн. Владимера“.

видно, смутно представляло время дѣятельности Авраамія. Въ нѣкоторыхъ спискахъ первой редакціи не поименованы ни епископы, ни князья, современные Авраамію; въ другихъ его возводитъ въ санъ архимандрита, по совѣщанію съ князьями Владиміромъ и Борисомъ, еп. Θеодоръ, въ третьихъ—еп. Иларіонъ, наконецъ въ одномъ—оба [1]). Отсюда понятно происхожденіе и значеніе этихъ княжескихъ и епископскихъ именъ въ житіи. Мѣстное преданіе выводило въ разсказѣ епископовъ, вел. кн. владимірскаго и князей ростовскихъ удѣльныхъ безъ именъ, которыхъ не помнило, перенося позднѣйшія явленія на время Авраамія; въ такомъ видѣ оно и сохранилось въ нѣкоторыхъ спискахъ первой редакціи. Позднѣе книжники выставляли имена, руководясь предположеніемъ, что Авраамій дѣйствовалъ въ самомъ началѣ христіанства на Руси; такъ явились въ первомъ эпизодѣ для епископовъ, современныхъ Авраамію, имена Θеодора и Иларіона, а для князей ростовскихъ—Владиміра и Бориса; во второмъ эпизодѣ, гдѣ подлѣ ростовскихъ князей является еще вел. кн. владимірскій, редакторъ имѣлъ въ запасѣ для послѣдняго имя Владиміра, но для первыхъ не могъ уже подыскать именъ изъ такого ранняго времени и они остались во всѣхъ спискахъ не поименованными [2]). Въ виду этихъ именъ

---

[1]) Θеодоръ въ сб. Унд. №574, л. 585, въ другихъ Иларіонъ; въ синод. сб. №555: „видѣвъ же прав. еп. Θеодоръ множащуся монастырю, всѣми потребами изобилну сущу, совѣтъ же сотвори еп. Ларіонъ съ князи честными... дабы сотворили архимаритію ту обитель“.

[2]) Арх. Филаретъ, относя дѣятельность Авраамія къ концу XI в., отвергаетъ имена епископовъ и кн. Бориса въ житіи, но удерживаетъ имя кн. Владиміра, видя въ немъ Мономаха, и на этомъ основаніи относитъ кончину Авраамія къ самому началу XII в. Но для этого онъ принужденъ строить гор. Владиміръ на Клязмѣ, гдѣ кн. судитъ Авраамія, раньше чѣмъ строитъ его лѣтопись; притомъ, какъ замѣчено выше, и этотъ князь въ нѣкоторыхъ спискахъ житія не названъ по имени. Р. Свв. окт. стр. 294 и сл.

и того, что житіе молчитъ о Леонтіѣ и Исаіи, дѣятельность Авраамія и теперь относятъ къ первымъ десятилѣтіямъ христіанства въ Россіи, задолго до этихъ епископовъ [1]). Но если можно сопоставлять такія блѣдныя историческія черты, какія находимъ въ житіяхъ Леонтія, Исаіи и Авраамія, и строить изъ нихъ нѣчто цѣлое, то надобно поставить Авраамія близко по времени къ этимъ ростовскимъ епископамъ. Можно указать одинъ сколько-нибудь ясный хронологическій пунктъ, къ которому извѣстія о Ростовѣ XI в. позволяютъ отнести просвѣтительный подвигъ Авраамія: это промежутокъ епископствъ Леонтія и Исаіи, 1073—1077 гг., когда ростовская каѳедра оставалась не занятой. Христіане были въ Ростовѣ уже при Леонтіѣ, но язычество преобладало и отъ него пострадалъ этотъ епископъ; преемникъ его Исаія, сколько можно судить по неопредѣленнымъ извѣстіямъ его житія, нашелъ уже если не все населеніе города, то большинство христіанами, новокрещенными и не утвержденными въ вѣрѣ. Эту перемѣну можно приписать проповѣди Авраамія, о которой житіе начинаетъ разсказъ извѣстіемъ, что не всѣ еще въ Ростовѣ приняли крещеніе, когда преподобный выступилъ противъ коренившейся здѣсь идольской прелести. Тогда движеніе христіанства въ Ростовѣ и его области можно будетъ въ общихъ чертахъ воспроизвести по ростовскимъ житіямъ хотя съ нѣкоторой послѣдовательностію

---

[1]) Преосв. Макарій въ Ист. Р. Ц. I, 157, прим. 331. Но и онъ принужденъ отвергнуть годъ смерти Авраамія (1010), выставленный въ рукописныхъ святцахъ и въ замѣтѣ одной монастырской рукописи, какъ слишкомъ ранній, хотя имъ, повидимому, и руководились редакторы въ выборѣ именъ князей и епископовъ, упоминаемыхъ въ житіи. Предполагая въ цифрѣ описку, преосв. пытается поправить ее на 6553 (1045); но и этимъ не устраняется противорѣчіе, въ какое вступаетъ житіе съ другими ростовскими извѣстіями XI в. именно благодаря именамъ князей и епископовъ, внесеннымъ въ житіе наугадъ; Авраамій креститъ Ростовъ все еще слишкомъ рано.

и безъ рѣзкихъ противорѣчій. Изложенный выводъ находитъ подтвержденіе въ обмолвкѣ витіеватаго похвальнаго слова, приложеннаго ко второй редакціи житія и по ней составленнаго: хотя житіе представляетъ Авраамія современникомъ ростовскихъ еп. Ѳеодора и Иларіона, слово называетъ его послѣдователемъ Леонтія[1]).

Житія двоихъ ростовскихъ святыхъ современниковъ, еп. Игнатія и ордынскаго царевича Петра принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ ростовской письменности. Архіеп. Филаретъ дѣлаетъ предположеніе, что жизнь царевича Петра описана при ростовскомъ еп. Трифонѣ (1462—1467), выводя такое позднее происхожденіе жизнеописанія изъ того, что оно упоминаетъ о правнукѣ Петра. Напротивъ коротенькое житіе еп. Игнатія, по мнѣнію арх. Филарета, неизвѣстно, на чемъ основанному, написано очень рано, при митр. Максимѣ (1283—1305), т. е. вскорѣ по смерти Игнатія въ 1288 г.[2]). Но уцѣлѣло указаніе на то, что оба житія писаны однимъ авторомъ и притомъ житіе царевича прежде. Въ макарьевскихъ спискахъ этого послѣдняго житія, упомянувъ о смерти Игнатія и чудесахъ, ее сопровождавшихъ, авторъ прибавляетъ: «о сихъ же

[1]) Рук. Тр. Серг. Л. №657, л. 121: „Радуйся, преп. отче Аврааміе, яко послѣдова ученіемъ, чудесы же и подвигы благому пастырю иже въ святителехъ великому Леонтію, его же Г. Богъ отъ востокъ къ-западу посла яко свѣтило велякое, да просвѣтитъ сущихъ въ тмѣ невѣдѣнія".

[2]) Обз. р. д. лит. I. стр. 93 и 112. Р. Свв. іюнь, прим. 202.—Въ сказаніи о Петрѣ царевичѣ особенно потерпѣло отъ пропусковъ и поправокъ писцовъ два мѣста: о покупкѣ Петромъ земли у ростовскаго князя и о тяжбѣ внука петрова Юрія съ ростовскими князьями за эту землю. Списки сказанія: въ Мак. ч мин. іюнь, стр. 891; Унд. № 5 86, л.222; сп. поздній, но одинъ изъ самыхъ исправныхъ въ синод. сб. нач. XVIII в. № 84, л. 229; этотъ сб.-копія съ ростовской соборной рукописи. Списки житія еп. Игнатія: въ синод. сб. 1459 г. № 637, л. 116, въ Макар. ч мин. май (л. 1184 по синод., стр. 891по усп. сп.), Унд. № 586, л. 171 и синод. № 84, л. 46. Житіе Петра напеч. въ прав. Соб. 1859, I, 360.

чудесѣхъ святителя индѣ скажемъ». Дѣйствительно, существующее житіе Игнатія преимущественно наполнено описаніемъ чудесъ, происшедшихъ при погребеніи епископа. Предположить другое житіе, написанное раньше этого, не позволяетъ замѣчаніе послѣдняго: «потомъ же житіе сего преподобнаго не предано бысть писанію доселѣ.» Житія эти написаны раньше половины XV в., ибо одно изъ нихъ—еп. Игнатія занесено уже въ синод. сборникъ 1459 г. Въ житіи царевича есть указанія, по которымъ можно приблизительно опредѣлить время его автора. Послѣдній разсказываемый здѣсь фактъ есть нашествіе Ахмыла, случившееся при ростовскомъ еп. Прохорѣ († 1327). Арх. Филаретъ, введенный въ заблужденіе нѣкоторыми списками житія, называющими Ахмыла царемъ, дѣлаетъ предположеніе, что подъ этимъ Ахмыломъ разумѣется ханъ Булатъ Темиръ, нападавшій въ 1466 г. на нижегородское княжество; но житіе указываетъ здѣсь на событіе изъ времени борьбы кн. Юрія московскаго съ Тверью, очень ясно разсказываемое въ лѣтописяхъ подъ 1322 г. [1]). Въ описаніи этого нашествія житіе дѣлаетъ замѣчаніе, звучащее воспоминаніемъ очевидца, который вмѣстѣ со всей русской землей былъ напуганъ зрѣлищемъ варварскаго полчища, прошедшаго впрочемъ на этотъ разъ безъ вреда для Ростова: «страшно есть, братіе, видѣти рать его (Ахмыла) и все войско вооружено».

---

[1]) Р. Сев. іюнь, прим. 207.—П. С. Р. Лѣт. VII, 198: «Тогоже (6830) лѣта приходи на Русь изъ орды посолъ силенъ, именемъ Ахмылъ, и много пакости чини по низовской земли, и Ярославль взя и много христіанъ изсѣче». Ср. Ник. III, 127. Большая часть списковъ житія не называютъ Ахмыла царемъ, а нѣкоторые говорятъ прямо: «*въ лѣто 6830* пріиде Ахмылъ на русскую землю, и пожже градъ Ярославль, и пойде къ Ростову». Въ томъ, что нашествіе случилось по житію при правнукѣ Петра, не можетъ быть побужденія искать этого событія въ болѣе позднемъ времени: въ 1322 г. были же правнуки кн. Бориса, современника и названнаго брата Петра.

Время прибытія царевича въ Ростовъ не опредѣлено. Въ нѣкоторыхъ спискахъ службы ему преставленіе его помѣчено 6761 г. [1]), что противорѣчитъ разсказу житія, по которому Петръ ушелъ изъ орды съ еп. Кирилломъ при ханѣ Беркѣ. Основываясь на этомъ, относятъ событіе ко времени между 1257 г., когда Берка сталъ ханомъ, и 1261, когда Кириллъ оставилъ ростовскую каѳедру. Но и разсказъ житія представляетъ нѣкоторыя неясности. При Беркѣ въ ордѣ стало распространяться магометанство и въ 1262 г. встрѣчаемъ уже на Руси отступника, принявшаго магометанство подъ вліяніемъ татарскаго баскака. Царевичъ ушелъ изъ орды еще язычникомъ, незнакомымъ съ новой вѣрой, слѣдовательно въ самомъ началѣ правленія Берки. Но по житію Берка умеръ вскорѣ по уходѣ Петра. Далѣе житіе прямо говоритъ, что еп. Кириллъ крестилъ Петра по смерти Берки, который по нашимъ лѣтописямъ умеръ въ 1266 г., т. е. 4 годами позже Кирилла. Ростовское житіе скорѣе могло смѣшать ордынскія событія, чѣмъ ростовскія, и поставить имя одного хана вмѣсто другаго. По этому заслуживаетъ нѣкотораго вниманія извѣстіе одного списка житія, по которому царевичъ бѣжалъ на Русь въ 6761 г. и слѣд. имя Берки поставлено вмѣсто имени Батыя; такая поправка устраняетъ указанныя неясности въ житіи [2]).—Житіе царевича отличается тенденціознымъ характеромъ: оно написано съ цѣлію доказать неоспоримость правъ потомства Петрова и монастыря, основан-

---

[1]) Рук. Унд. № 359, л. 1. Въ заглавіи службы по этому списку замѣчено, что она написана въ 7057 г.; это показываетъ, что Петръ царевичъ былъ въ числѣ новыхъ чудотворцевъ, канонизованныхъ на московскомъ соборѣ 1549 г.

[2]) Это извѣстіе находится въ заглавіи житія по списку въ рукописи XVI в., видѣнной нами у С. Т. Большакова: «житіе блаж. Петра... иже пріиде въ страхъ божій и умилися душею. и пришедъ изъ орды въ Ростовъ лѣта 6761-го и крестися» и проч. Другихъ списковъ съ такой помѣткой намъ не попадалось.

наго царевичемъ, на земли и воды, купленныя послѣднимъ у ростовскаго князя Бориса,—и написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжбы, въ которой правнуки Бориса оспаривали эти права. Выраженія житія о Петровскомъ монастырѣ, сочувствіе, съ которымъ оно становится на сторону рода Петрова въ тяжбѣ противъ ростовскихъ князей, прося ему у Бога соблюденія и умноженія живота —все это позволяетъ подозрѣвать въ смиренномъ и худомъ рабѣ, какъ называетъ себя авторъ, инока Петровскаго монастыря. Наконецъ, самый характеръ житія даетъ нѣкоторыя указанія на хронологическое отношеніе автора къ описываемымъ событіямъ. Основа сказанія—легенда о царевичѣ, продолженная преданіями о судьбѣ его потомства. Чѣмъ позже легенда облекается въ литературную форму, тѣмъ большее развитіе получаютъ ея поэтическія подробности, но тѣмъ блѣднѣе становятся въ ней основныя историческія черты. Легенда о царевичѣ, при всей живости и драматичности ея изложенія въ житіи, остается довольно прозрачной и плохо закрываетъ дѣйствительныя событія, послужившія для ея основой. Царевичъ, подъ вліяніемъ разсказовъ ростовскаго епископа, умилился душею, задумалъ видѣть божницу русской земли и ушелъ тайкомъ въ Ростовъ, гдѣ его осторожно крестили, боясь «исканія отрока» изъ орды. Это не было уже тогда исключительнымъ явленіемъ даже въ Ростовѣ: царевича женили на дочери одного ордынскаго вельможи, жившаго въ Ростовѣ и весьма богатаго, который «преже бяше въ вѣру пришедъ» [1]). Царе-

[1]) Это извѣстіе сохранили списки житія въ Макар. ч. мин. усп. и синод. Въ другихъ читается только: «князь же поимъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, бѣша бо тогда въ Ростовѣ ординьстіи вельможи». Древній текстъ житія, по видимому, затруднялъ писцовъ XVI и XVII в. и этимъ объясняемъ мы пропуски и поправки, замѣтные въ большей части

вичъ также пришелъ съ большими деньгами и крестившись задумалъ построить храмъ около Ростова; за непомѣрно дорогую цѣну, долго занимавшую воображеніе Ростовцевъ и съ поэтической образностью выраженную въ легендѣ, кн. Борисъ уступилъ мѣсто набожному сыну степей, который на предложеніе князя утвердить за нимъ землю грамотами простодушно отвѣчалъ: «азъ, княже, отъ отца и матери не знаю землею владѣти, а грамоты сіа чему суть?» Но потомки Бориса начали оттягивать землю у потомковъ Петра, послѣдніе жаловались въ ордѣ,—и авторъ сказанія рѣшительно подкупаетъ читателя не только въ пользу обижаемыхъ, но и въ пользу правосудія ордынскихъ пословъ, разбиравшихъ тяжбу, бросая невыгодный свѣтъ на внуковъ и правнуковъ кн. Бориса. Изъ всего этого позволительно заключать, что авторъ жилъ не слишкомъ далеко отъ начала XIV в.—времени тяжбы правнуковъ Бориса съ внуками Петра, но писалъ не стѣсняясь ростовскихъ князей, слѣд. послѣ того какъ Москва начала сурово хозяйничать въ Ростовѣ, когда, по выраженію житія Сергія радонежскаго, «наста насилованіе много, сирѣчь княженіе великое досталося кн. вел. Ивану Даниловичу» и тяжко пришлось граду Ростову и князьямъ его, «яко отъятся отъ нихъ власть и княженіе» [1]. Можно думать, что сказаніе о Петрѣ и житіе Игнатія написаны не позже половины XIV в.—По литературной формѣ житіе царевича—простая повѣсть, чуждая житейныхъ пріемовъ, безъ предисловія въ началѣ, безъ похвалы и чудесъ въ концѣ, хотя авторъ

торыя черты его, измѣненныя въ другихъ спискахъ, наприм. замѣтку о смерти бл. Игнатія съ оговоркой автора о житіи его и указанное извѣстіе о тестѣ царевича.

[1]) Тяжба правнуковъ Бориса, князей Ѳедора и Константина съ внуками Петра, по житію, происходила на много лѣтъ до 1322 г., къ которому относится нашествіе Ахмыла, но уже послѣ 1316 г., когда въ Ростовѣ упоминается еще отецъ этихъ князей, Василій Константиновичъ. П. С. Р. Л. VII, 187.

называетъ Петра блаженнымъ. Это впрочемъ условливалось отчасти исключительными обстоятельствами жизни святаго, отчасти особенной задачей автора [1]). Такой литературной формой житіе Петра замѣтно отличается отъ другаго труда тогоже автора, житія еп. Игнатія. Это послѣднее, при всей краткости, составлено искуственнѣе, начинается краткимъ предисловіемъ и сопровождается описаніемъ чудесъ, составляющимъ даже главную часть всей статьи. Житіе это даетъ очень скудный историческій матеріалъ, дѣятельность епископа описана самыми неопредѣленными чертами; не встрѣчаемъ и намека на многіе факты изъ жизни епископа, сохраненные лѣтописями и занесенные въ житіе Петра; остались только слѣды источниковъ, откуда авторъ могъ почерпнуть обстоятельныя извѣстія объ Игнатіѣ [2]).

Къ древнѣйшимъ ростовскимъ сказаніямъ о святыхъ примыкаетъ по характеру своему житіе Никиты, столпника переяславскаго. Это житіе было рано и сильно распространено въ древней русской письменности. Частой и продолжительной перепиской объясняются многочисленные варіанты текста житія въ разныхъ спискахъ; но при этомъ разнообразіи ни въ одномъ спискѣ не находимъ такой переработки первоначальнаго сказанія, которую можно было бы назвать особой его редакціей. Съ другой стороны, списки разныхъ вѣковъ, сохраняя одно и тоже основное сказаніе, распадаются на группы по большему или меньшему количеству статей, прибавляемыхъ къ жизнеопи-

---

[1]) Позднѣйшая редакція, сокращая древнее сказаніе, стремится уже приблизиться къ общему стилю житій. См. житіе Петра въ рук. гр. А. С. Уварова № 211.

[2]) Съ лѣтописной точностью обозначено время смерти Игнатія: «пребысть въ святительствѣ лѣтъ 26; въ л. 6796 преставися къ Богу священноеп. Игнатей мѣс. мая въ 28 день, въ пятокъ по вечерни.» Описаніе чудесъ при погребеніи съ точнымъ обозначеніемъ именъ лицъ и біогра-

санію. Въ спискѣ половины XV в. житіе является съ наиболѣе простымъ составомъ: повѣсть о жизни и кончинѣ столпника сопровождается однимъ разсказомъ о перенесеніи въ его монастырь брошенныхъ убійцами въ Волгу и чудесно найденныхъ крестовъ и веригъ подвижника вскорѣ послѣ убіенія. Списки XVI в. прибавляютъ къ этому пространное и витіеватое похвальное слово столпнику. Наконецъ въ спискахъ XVII в. эта группа статей усложняется прибавкой къ прежнимъ чудесамъ описанія чудесъ позднѣйшихъ, совершившихся въ XVI в. [1]). Это постепенное осложненіе состава житія въ спискахъ разныхъ вѣковъ наглядно представляетъ разновременность его образованія. Архіеп. Филаретъ замѣчаетъ, что житіе и похвальное слово написаны въ одно время [2]). Отсутствіе послѣдняго въ спискѣ половины XV в. указываетъ на противное. Притомъ, въ древнѣйшемъ своемъ видѣ житіе ни по составу ни по изложенію не носитъ на себѣ признаковъ тѣхъ искусственныхъ пріемовъ, какія развивались въ житіяхъ съ половины XV в. Разсказъ его свободенъ отъ назидательныхъ и реторическихъ распространеній: коротенькое предисловіе совершенно одного характера съ предисловіемъ къ житію еп. Игнатія. Напротивъ похвальное слово написано впол-

---

[1]) Списокъ XV в. въ синод. сб. № 637, л. 120. Начало предисловія, обыкновенно опускаемаго въ позднѣйшихъ спискахъ: „Елма убо и въ послѣднихъ днехъ рода нашего благоизволи Богъ въ сихъ странахъ руских многимъ и великымъ въ добродѣтелехъ мужемъ въсіяти"... Съ этимъ сп. сходны по составу, только безъ предисловія, списки Унд. XVI в. № 565, л. 32 и въ нашемъ сб. 1513 г. Списки XVI в съ похв. словомъ въ синод. сб. нач. XVI в. № 639, л. 21, въ Макар. ч. мин. по усп. сп., май, стр. 1224, сб. волокол. въ моск. епарх. библ. 1548 г. № 648, л. 52, сб. волокол. въ моск. д. акад. № 632. Списки XVII в., довольно рѣдкіе, съ похвалой и чудесами XVI в. въ сб. гр. А. С. Уварова № 127 (по катал. Царск.), л. 13, Милют. ч. мин., май, л. 1271, синод. № 627 и сб. Н. С. Тихонравова. Извлеченія изъ житія въ Ист. Р. Ц. преосв. Макарія, III, прим. 93.

[2]) Обз. р. д. лит. I, стр. 133.

нѣ въ духѣ позднѣйшаго житейнаго краснорѣчія. Наконецъ, въ развитіи искусственнаго состава житій замѣчаемъ общее явленіе, что похвальное слово, написанное одновременно съ житіемъ, чуждо повѣствовательнаго содержанія; напротивъ слово, написанное и прибавленное къ старинному житію позднѣе, обыкновенно повторяетъ главныя біографическія черты послѣдняго. Къ этому второму разряду принадлежитъ и похвала въ разбираемомъ житіи: сокращая его разсказъ, она дѣлаетъ изъ него иногда дословныя выдержки, перемѣшанныя съ поученіями въ духѣ церковной проповѣди. Позднѣйшіе списки замѣчаютъ эти повторенія и сокращаютъ похвалу, опуская въ ней именно повѣствовательныя заимствованія изъ житія [1]).

Еще темнѣе время происхожденія собственно житія; оно само не даетъ никакихъ указаній на это. Арх. Филаретъ въ одномъ сочиненіи замѣчаетъ, что житіе *по языку* XIII вѣка, а въ другомъ относитъ его къ XV, основывая этотъ выводъ на извѣстіи объ обрѣтеніи мощей Никиты митр. Фотіемъ [2]). Первое мнѣніе не имѣетъ достаточнаго основанія, ибо древнѣйшій извѣстный списокъ житія — половины XV в. и въ языкѣ его

---

[1]) Напр. въ волокол. сб. № 692, л. 201 и синод. XVI в. № 556, л. 804.

[2]) Обз. р. д. лит. I, стр. 133. Р. Свв. май, прим. 281. Здѣсь же (стр. 181) сказано, что мощи Никиты обрѣтены нетлѣнными при митр. Фотіѣ и при Никитскомъ игуменѣ Даніилѣ. Источникъ не указанъ; но имъ была, очевидно, Ист. р. іер. VI, 1029, гдѣ читаемъ: „Мощи преп. Никиты обрѣтены въ XV ст. при Фотіѣ, митр. московскомъ, и при Даніилѣ игуменѣ, переславскомъ чудотворцѣ“. Но послѣдній умеръ сто лѣтъ спустя послѣ кончины Фотія. Ошибка объясняется тѣмъ, что составитель статьи въ Ист. іер., невнимательно прочитавъ разсказъ о попыткахъ Фотія, принялъ иг. Даніила, передавшаго этотъ разсказъ, за современника и очевидца Фотіевой попытки. Арх. Филаретъ, поправляя эту ошибку по собственному соображенію, сдѣлалъ изъ извѣстнаго Даніила переславскаго небывалаго никитскаго игумена. Повѣсть объ исканіи мощей Никиты Фотіемъ въ статьѣ о чудесахъ XVI в. Милют. ч. мин., май, л. 1291.

трудно отыскать признаки XIII в.; основаніе втораго мнѣнія не точно. Авторъ, описавшій чудеса Никиты въ XVI в., разсказываетъ, что слышалъ объ исканіи мощей святаго отъ Даніила, основателя Троицкаго переяславскаго монастыря, а послѣднему разсказывалъ объ этомъ со словъ старожиловъ монастыря родственникъ его, никитскій иг. Іона, у котораго онъ жилъ въ дѣтствѣ. По его разсказу, митр. Фотій, удивляясь, что никто дотолѣ не позаботился открыть мощи прославленнаго подвижника, пытался откопать ихъ: уже отрыли бересту, которой вмѣсто гроба обернуто было тѣло столпника; но онъ не захотѣлъ лежать поверхъ земли, поднялась сильная буря и разрытая могила сама собою засыпалась, — т. е. мощей искали, но обрѣтенія не послѣдовало. Изъ отсутствія намека на это событіе въ житіи скорѣе слѣдуетъ заключать, что оно написано до попытки Фотія (1410—1431). Въ такомъ случаѣ, однако, характеръ житія не позволяетъ отодвигать его слишкомъ далеко въ древность отъ XV в. Подвиги столпника должны были упрочить его память въ мѣстномъ преданіи самою своею рѣдкостію; назидательный мотивъ о внезапномъ обращеніи лихоимца и притѣснителя, каковъ былъ Никита, къ самымъ суровымъ подвигамъ покаянія сообщилъ преданію еще болѣе силы и интереса. Издавна утвердившійся обычай въ связи съ видимыми остатками подвижничества Никиты, долго хранившимися на мѣстѣ, столпомъ, крестами, веригами, каменной шапкой Никиты и колодезями, имъ выкопанными, поддерживалъ и развивалъ это преданіе [1]). На этомъ назидательномъ мотивѣ и на

---

[1]) Во Владим. Сбор. К. Тихонравова, стр. 95, читаемъ, что въ память о подвигахъ Никиты богомольцы донынѣ, надѣвъ вериги преподобнаго и взявъ камень отъ ступеней часовни, гдѣ находится столпъ Никиты, обходятъ вокругъ нея три раза, держа камень на головѣ. Прежде вмѣсто камня брали каменную шапку Никиты, въ 1735 г. взятую въ канцелярію московскаго синод. приказа.

этихъ памятникахъ подвиговъ столпника и основано все содержаніе житія; историческія черты времени, неразлучныя со свѣжимъ преданіемъ, сглажены въ немъ до того, что почти незамѣтны. Даже о времени жизни Никиты можно только догадываться по указанію житія, что исцѣленный подвижникомъ черниговскій кн. Михаилъ поставилъ въ память этого крестъ около монастыря «въ лѣто 6694, мѣс. мая 16» [1]). Такимъ характеромъ отличается обыкновенно устное сказаніе, очень поздно нашедшее себѣ письменное изложеніе. Притомъ это преданіе о столпникѣ, поздно записанное въ житіи, вошло въ него не вполнѣ или по крайней мѣрѣ записывалось въ то время, когда еще не достигло своего полнаго развитія. На это указываетъ слитеніе разсказа житія объ исцѣленіи черниговскаго кн. Михаила съ тѣмъ, какъ передавался этотъ разсказъ въ XVI в. Въ описаніи чудесъ Никиты XVI в. авторъ, повторяя основныя черты разсказа по житію, прибавляетъ къ нимъ новыя, которыхъ нѣтъ въ послѣднемъ: Михаилъ совѣтуется о поѣздк въ Переяславль съ бояриномъ своимъ Ѳеодоромъ; помолившись о больномъ князѣ, Никита предсказываетъ ему съ

---

[1]) Въ древнѣйшемъ сп. житія (синод. сб. № 637) и многихъ позднѣйшихъ нѣтъ и этого извѣстія; въ другихъ оно вставлено въ видѣ замѣтки, перенесенной съ полей, разрывая грамматическій строй текста. Указаніе на годъ смерти Никиты мы встрѣтили только въ синод. сп. XVII в. № 627; здѣсь статья о убіеніи столпника озаглавлена: „о преставленіи святаго въ лѣто 6701, мѣс. мая въ 23 (л. 43)“. О жизни и общественномъ положеніи Никиты до постриженія житіе знаетъ такъ мало, что по нему нельзя составить яснаго понятія объ этомъ: „Бяше нѣкто человѣкъ Никита именемъ, рожение и въспитаніе имѣ въ градѣ Переяславлѣ; пришедъ же въ съвръшенъ възрастъ, якоже есть обычай нѣкыимъ въ юности на злая прилѣжати, такоже и сему Никитѣ, прилѣжа градскымъ судіямъ, и многъ мятежъ и пакости творяше человѣкомъ неправеднаго ради мьздоиманія, и тѣмъ питаше себе и подружіе свое“. Такъ начинается житіе въ синод. сб. № 637; другіе списки, передѣлывая это начало, прибавляютъ, что Никита „бѣ мытаремъ другъ“.

бояриномъ страдальческую кончину отъ нечестиваго царя. Эти черты вошли въ преданіе о Никитѣ, очевидно, подъ вліяніемъ повѣсти о мученической кончинѣ кн. Михаила и боярина его Θеодора; составленной современникомъ и очень распространенной въ древнерусской письменности; но въ этой повѣсти не находимъ и намека на сношенія кн. Михаила съ переяславскимъ столпникомъ[2]). Такимъ образомъ источники и взаимное отношеніе различныхъ частей житія уясняются легче, нежели время ихъ составленія. Мы видѣли, что память о святомъ въ продолженіе двухъ столѣтій была достояніемъ устнаго преданія, не переходя въ обряды церковнаго чествованія. Впервые стремленіе къ этому встрѣчаемъ въ попыткѣ митр. Фотія, не имѣвшей желаннаго исхода. Извѣстіе о ней даетъ опору предположенію. Житіе не всегда являлось вслѣдствіе открытія мощей или церковнаго прославленія святаго; иногда бывало наоборотъ. Выше было указано, почему житіе Никиты нельзя считать слѣдствіемъ попытки Фотія. Если въ началѣ XV в. является мысль открыть мощи святаго, то въ этомъ можно видѣть если не вліяніе самого житія, передъ тѣмъ появившагося, то дѣйствіе пробужденнаго преданія о святомъ, поведшаго и къ написанію житія, которое по этому можно отнести къ концу XIV или къ нач. XV в. Послѣ Фотія слѣды памяти о святомъ опять исчезаютъ. Даже его поиски въ могилѣ столпника впервые описаны болѣе 100 лѣтъ спустя по преданію изъ третьихъ рукъ. Повѣсть о чудесахъ Никиты XVI в., записавшая это преданіе, не говоритъ о повтореніи попытки. Не смотря на то, что житіе Никиты встрѣчается обыкновенно въ древнѣйшей по уцѣлѣвшимъ спискамъ группѣ сѣверныхъ житій, имени его не находимъ въ мѣсяцесловахъ XV в. между именами Леонтія и Игнатія ростовскихъ, митр. Петра, Сергія радонежскаго и другихъ святыхъ сѣверной

---

[2]) См. эту статью въ Милют. ч. мин., май, л. 1316 и сл.

Руси, прославленныхъ открытіемъ мощей раньше половины этого вѣка [1]). Изъ этого видно, что онъ чтился только мѣстно. Но память о немъ опять замѣтно оживляется съ начала XVI в.: съ этого именно времени возобновляется рядъ описанныхъ чудесъ его; здѣсь находимъ и другія, относящіяся также къ началу XVI в. указанія на усиленное стремленіе обновить память о святомъ [2]). Впервые является мысль устроить въ монастырѣ, гдѣ подвизался Никита, храмъ во имя его, который и былъ воздвигнутъ по благословенію митр. Варлаама (1511—1522), ставятъ крестъ на мѣстѣ, гдѣ былъ прежде столпъ Никиты; чтители памяти святаго, бесѣдуя о многихъ чудесахъ его, начинаютъ жалѣть, что они еще не описаны. Выше было указано, почему похвальное слово Никитѣ надобно считать произведеніемъ позднѣйшимъ сравнительно съ житіемъ. Съ другой стороны, Никита чтился мѣстно еще до XVI в.: въ началѣ его, еще до построенія перваго храма во имя Никиты при митр. Варлаамѣ, надъ его могилой была устроена гробница, на которой стоялъ уже образъ столпника; но всецерковное празднованіе Никитѣ, какъ думаютъ, установлено соборомъ 1549 г. [3]). Въ четью-минею митр. Макарія похвальное слово могло попасть и позже этого года; но его находимъ въ волоколамскомъ сборникѣ 1548 г., слѣд. оно написано раньше собора 1549 г. и не по поводу его постановленія [4]). На приведенныхъ данныхъ можно основать вѣроятность появленія этого слова въ началѣ XVI в. Созданіе храма во имя столпника дѣлало необходимымъ

---

[1]) Преосв. Макарія Ист. Р. Ц. IV, 260.

[2]) Малют. ч. мин. май, л. 1293—1297. Повѣсть съ описаніемъ этихъ чудесъ написана вскорѣ послѣ 1564 г., т. е. послѣ перестройки и преобразованія никитскаго монастыря, предпринятаго I. Грознымъ по личному его усердію къ мѣсту подвиговъ столпника.

[3]) Преосв. Макарія Ист. Р. Ц. VI, 218.

[4]) Сб. волокол. въ моск. епарх. библ. № 648, л. 77.

ежегодное празднованіе его памяти, а слово это по своему содержанію есть именно поученіе, написанное для чтенія въ церкви въ день преставленія святаго и соединяющее прославленіе его съ воспоминаніями изъ его жизни [1]).

ГЛАВА II.

Древнѣйшія житія на сѣверѣ.

Переходимъ къ кругу житій, отличающемуся особымъ характеромъ въ сравненіи съ разобранными выше. Преслѣдуя двѣ основныя задачи исторической критики въ избранной отрасли древнерусскаго историческаго матеріала—разъясненіе того, изъ какихъ источниковъ черпались и какъ, подъ вліяніемъ какихъ историческихъ и литературныхъ понятій обработывались сказанія о святыхъ, мы могли добиться очень скудныхъ и смутныхъ выводовъ въ этомъ отношеніи отъ разсмотрѣнныхъ житій. Изъ формъ историческаго изложенія въ сѣверно-русской литературѣ XII—XIV в. хорошо извѣстна самая простая—лѣтопись. Ясные слѣды указываютъ на существованіе въ ней и другой, болѣе сложной и искусственной формы—біографіи. Но если сѣверный лѣтописецъ этого времени является довольно яснымъ литератур-

---

[1]) Нач. похв. слова: „Се настоитъ, братіе, *свѣтоносное празднъство* преднвнаго отца нашего и чудотворца Никиты столпника". Въ концѣ слова читаемъ: „пресвѣтлое *твое успеніе* чтущимъ милости и оставленія грѣховъ просимъ".

нымъ типомъ, то образъ сѣвернаго біографа остается подернутъ тѣнью элементовъ, чуждыхъ историческому изложенію. Во первыхъ авторы этихъ жизнеописаній остаются для читателя лицами совершенно незнакомыми: какъ ихъ понятія и литературныя средства, такъ и имена, общественныя положенія и обстоятельства, среди которыхъ они писали житія, исчезли въ послѣднихъ почти безслѣдно. Далѣе, на всѣхъ разобранныхъ редакціяхъ, за исключеніемъ трехъ, лежитъ сильный отпечатокъ позднѣйшихъ литературныхъ цѣлей и понятій, которыя опредѣлили не только ихъ историческій взглядъ и отчасти фактическое содержаніе, но и литературную форму, внося въ біографію поучительно-реторическіе элементы. Наконецъ, всѣ редакціи безъ исключенія временемъ своего происхожденія слишкомъ удалены отъ описываемыхъ ими лицъ и ни одна не основала своего разсказа о жизни святаго на современныхъ или близкихъ къ нему по времени источникахъ. Не книжный списатель составилъ эти житія; до него ихъ сложила мѣстная народная легенда, у которой своя память, свои особые источники и пріемы; поздній списатель только записалъ готовую основу, прибавивъ къ ней свои книжныя разсужденія, ничего фактическаго не дающія историку. Среди скудныхъ историческихъ данныхъ, доступныхъ повѣркѣ по другимъ источникамъ, помимо житія, личность его составителя часто совершенно исчезаетъ въ этой легендѣ и нѣтъ средствъ ни указать точно его участіе въ обработкѣ сказанія, ни услѣдить за развитіемъ послѣдняго по всѣмъ темнымъ извилинамъ многолѣтней изустной передачи. Такимъ образомъ разобранныя житія древнѣйшихъ сѣверныхъ святыхъ не могутъ служить ни вѣрными образчиками древнѣйшей сѣверной агіобіографіи, ни чистымъ историческимъ источникомъ: ихъ литературные пріемы и точка зрѣнія на описываемыя лица не принадлежатъ этому періоду, а основные фактическіе источники не принадлежатъ непосредственно исторіи. Болѣе чистый матеріалъ для исторіографической

производительности до конца XIV в. на сѣверѣ даетъ небольшая група житій, составившаяся къ этому времени. Біографія является здѣсь съ наименьшей примѣсью стороннихъ элементовъ. Это немногія житія, составленныя современниками или со словъ современниковъ описываемыхъ лицъ: житіе Авраамія, написанное въ Смоленскѣ, Варлаама и Аркадія—въ Новгородѣ, Александра Невскаго – во Владимірѣ, кн. Михаила тверскаго въ Твери и митр. Петра—въ Ростовѣ. Такимъ образомъ эта группа житій не только представляетъ образцы сѣверно-русской агіобіографіи въ ея первоначальномъ видѣ, но и наглядно описываетъ собой кругъ древнѣйшихъ средоточій книжнаго просвѣщенія на сѣверѣ.

Житіе Авраамія смоленскаго—одно изъ самыхъ любопытныхъ какъ по заключающимся въ немъ даннымъ для исторіи, такъ и по своей литературной формѣ. Въ томъ и другомъ отношеніи оно подвергалось внимательному разбору [1]), къ результатамъ котораго можемъ прибавить нѣсколько критическихъ соображеній, объясняющихъ мысль и характеръ житія. Мысль и характеръ его опредѣлились отношеніемъ автора къ подвижнику и его литературнымъ положеніемъ. Авторъ, инокъ Ефремъ, называетъ себя въ послѣсловіи послѣднимъ изъ учениковъ Авраамія въ смыслѣ самаго недостойнаго. Въ житіи, описавъ наружность Авраамія, онъ прибавляетъ, что дѣлаетъ это для тѣхъ, кто не видалъ преподобнаго. Онъ помнитъ и заноситъ въ житіе нѣкоторыя выраженія, сказанныя Аврааміемъ при случаѣ. Такъ, разсказывая о гоненіяхъ, понесенныхъ послѣднимъ въ монастырѣ на Селищѣ, Ефремъ добавляетъ: онъ

---

[1]) Списки житія XVI в. въ рукоп. Унд. № 272, л. 1 и Макар. ч. мин по усп. сп., авг. стр. 2127—2147. Напеч. въ Прав. Собес. 1853, № 9 и 10 по списку половины XVI в. неисправному и не вполнѣ. Отрывки въ Ист. Р. Ц. преосв. Макарія, III, прим. 106; изложеніе и разборъ житія тамъ же стр. 47 и 171—175, и въ Ист. Оч. Ѳ. И. Буслаева; II, 116—122.

самъ говорилъ: «пять лѣтъ терпѣлъ я искушенія, поносимый, безчестимый подобно злодѣю». По всему этому виденъ въ Ефремѣ инокъ Богородицкаго монастыря, основаннаго еп. смоленскимъ Игнатіемъ и порученнаго настоятельству Авраамія, — одинъ изъ той немногочисленной братіи, которую Авраамій образовалъ около себя въ томъ монастырѣ, подвергая строгому испытатію каждаго вступающаго. Составленная въ послѣдствіи служба, руководясь житіемъ и мѣстнымъ преданіемъ, соединяетъ въ своихъ молитвахъ имена Авраамія и ученика его Ефрема, говоря о послѣднемъ, что онъ насладился божественнымъ ученіемъ учителя [1]). Этимъ отношеніемъ автора къ Авраамію опредѣляются основные источники житія — личныя воспоминанія и разсказы очевидцевъ; на послѣдній источникъ не разъ указываетъ самъ Ефремъ, сопровождая свой разсказъ замѣчаніями: это многіе знаютъ, этому много свидѣтелей. Можно даже замѣтить, съ какого времени авторъ разсказываетъ по своимъ личнымъ воспоминаніямъ: ссылки на свидѣтелей и очевидцевъ встрѣчаются въ описаніи начальной поры иноческихъ подвиговъ Авраамія и прекращаются въ разсказѣ о другой порѣ, когда онъ сталъ игуменомъ епископскаго монастыря. Тѣмъ же отношеніемъ къ Авраамію объясняется и главная мысль автора житія. Шумное гоненіе, которому подвергли страдальца завистники и невѣжды, должно было перейти смутнымъ и тяжелымъ воспоминаніемъ въ память слѣдующаго поколѣнія. Разсказать ему правдиво печальную исторію, указать друзей и враговъ, снять еще продолжавшіяся, можетъ быть, недоразумѣнія съ памяти учителя — такова цѣль, проглядывающая въ трудѣ Ефрема. Онъ озаглавилъ свою повѣсть «житіемъ и терпѣніемъ преп. Авраамія, просвѣтившагося въ терпѣніи мнозѣ». Съ особенной энергіей прибавляетъ онъ, перечи-

---

[1]) Преосв. Мак. Ист. Р. Ц. III, прим. 263.

сливъ клеветы, взведенныя «безчинными людьми» на Авраамія: «ина же многа напь вѣщанія глаголюще, ихъ же блаженный чюжь, истиною реку тако». Этой цѣлью объясняются и неровности фактическаго изложенія въ житіи. Не трудно замѣтить, что существенную часть житія, преобладающую надъ всѣмъ остальнымъ его содержаніемъ, составляетъ разсказъ объ интригѣ, веденной противъ Авраамія мѣстнымъ духовенствомъ здѣсь авторъ особенно разговорчивъ, тщательно раскрываетъ пружины «крамолы», подробно слѣдитъ за ея развитіемъ, ясно указываетъ въ городскомъ населеніи стороны за и противъ оклеветаннаго Авраамія, не забываетъ поименовать его защитниковъ, оставившихъ добрую память въ городѣ, наконецъ собираетъ и выписываетъ подобные случаи изъ церковныхъ преданій, чтобы показать страшныя слѣдствія гоненій на праведника. Все остальное въ жизни Авраамія, что̀ не имѣло прямой связи съ этой крамолой, обращаетъ на себя вниманіе автора гораздо въ меньшей степени; даже дѣятельность его въ монастырѣ еп. Игнатія, всего болѣе извѣстная Ефрему, изображена имъ слишкомъ кратко для очевидца. — Литературный характеръ житія объясняется литературной средой, въ которой вращался авторъ, инокъ одного изъ смоленскихъ монастырей. Извѣстія XII в. показываютъ, что въ развитіи книжнаго образованія Смоленскъ шелъ въ ряду первыхъ русскихъ городовъ. Само житіе даетъ не одно указаніе на степень развитія письменности въ смоленскихъ монастыряхъ въ концѣ этого вѣка. Изъ книгохранилища подгороднаго Селищскаго монастыря Авраамій бралъ и читалъ житія восточныхъ святыхъ Антонія, Саввы и др., также житіе Ѳеодосія печерскаго, сочиненія Златоуста, Ефрема Сирина и даже нѣкоторыя апокрифическія статьи; игуменъ этого монастыря, по выраженію житія, былъ такъ хитръ въ божественныхъ книгахъ, что никто не смѣлъ предъ нимъ «отъ книгъ глаголати». Книжныя занятія Авраамія не ограничивались чте-

ніемъ: онъ собралъ около себя писцовъ, съ помощію которыхъ составлялъ и переписывалъ новые сборники, извлекая для нихъ наиболѣе важныя статьи изъ прочитаннаго. Этимъ объясняется степень книжнаго образованія, какую обнаруживаетъ авторъ въ своемъ трудѣ. Особенно ясно выступаетъ она въ личномъ авторскомъ элементѣ, введенномъ въ житіе. Это — не простой сухой разсказъ: авторъ начинаетъ и часто прерываетъ его изложеніемъ собственнаго взгляда на разсказываемыя событія, сближеніемъ ихъ съ фактами церковной исторіи. Здѣсь открываются другіе, литературные источники житія, которые были вмѣстѣ и источниками литературнаго образованія автора. Особенно долго останавливаетъ онъ свое размышленіе на преслѣдованіяхъ, поднятыхъ противъ Авраамія: здѣсь приводитъ онъ для сравненія разсказы изъ житія Саввы, Іоанна Златоуста, припоминаетъ двѣ повѣсти изъ «Златой Чѣпи». При такихъ книжныхъ средствахъ Ефремъ могъ познакомиться съ литературными пріемами искусственнаго житія: онъ начинаетъ свой трудъ предисловіемъ и оканчиваетъ пространнымъ и витіеватымъ послѣсловіемъ съ похвалой святому, — и здѣсь любопытно видѣть, откуда идетъ это искусственное вліяніе: богословско-историческая молитва, которой начинается предисловіе, составлена по образцу предисловія къ Несторову житію преп. Θеодосія и оканчивается дословной выпиской изъ него. Изъ того же житія заимствуетъ авторъ извѣстіе о чудесномъ видѣніи, предшествовавшемъ построенію каменной печерской церкви, предпосылая его своему разсказу объ основаніи монастыря еп. Игнатіемъ. Въ описаніи жизни Авраамія видно также перо знакомое съ стилемъ житій: по близости къ святому, авторъ не могъ не знать подробностей о его юности; но онъ скрылъ ихъ подъ тѣми неопредѣленными чертами, которыми позднѣйшіе слагатели житій прикрывали недостатокъ свѣдѣній о молодости святыхъ.

Гораздо труднѣе опредѣлить хронологію житія, время его написанія и время жизни описываемаго имъ лица. Авраамій, по замѣчанію Ефрема, подвизался въ иночествѣ 50 лѣтъ; і священіе его въ іеромонаха помѣчено въ житіи временемъ князя смоленскаго и всей русской земли Мстислава, т. е. Мстислава Романовича, княжившаго въ Смоленскѣ съ 1197 по 1214, въ Кіевѣ по 1224 г.; гоненія на Авраамія и возведеніе его въ санъ архимандрита относятся ко времени пережитаго имъ смоленскаго еп. Игнатія, который только однажды упомянутъ въ лѣтописи подъ 1206 г. Изъ всего этого видно только, что Авраамій жилъ въ XII—XIII в. и что прежнее мнѣніе, относившее жизнь Игнатія и Авраамія къ первой половинѣ XII в., ошибочно [1]). Остальныя хронологическія показанія житія такъ неясны, что не даютъ основанія для болѣе точнаго вывода. Преосв. Макарій относитъ кончину Авраамія не далѣе первой четверти XIII в.; арх. Филаретъ въ одномъ сочиненіи—къ 1210 г., въ другомъ не позже 1220; нѣкоторые—къ 1221 г. [2]). Всѣ эти догадки основаны на предположеніи, что Авраамій сдѣлался іеромонахомъ очень поздно, лѣтъ черезъ 30 по вступленіи въ иночество, и не пережилъ преемника Игнатіева еп. Лазаря, который около 1220 г. оставилъ каѳедру и по житію былъ еще іереемъ во время крамолы на Авраамія [3]). Но 1) Авраамій, славив-

---

[1]). Ист. росс. іер. III, 65. Ист. свѣд. о мон., А. Ратшина, стр. 492. Ист. г. Смоленска, П. Никитина, стр. 44 и сл.

[2]). Ист. Р. Ц. III, прим. 107. Обз р. дух. лит. I, стр. 66: Р. Св. авг., стр. 82. Прав. Соб. 1858, №9, стр. 136.

[3]) Посл. еп. Симона къ Поликарпу въ Пам. росс. слов. XII, стр. 255: «Пишеть же ми княги княгини ростиславля Верхуслава, хотящи тебе поставити епископомъ Новуграду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто“. Если эти слова значатъ, что каѳедры въ Новгородѣ и Смоленскѣ не были тогда замѣщены, то очевидно, что онѣ обѣ были свободны одновременно, а Антоній новгородскій былъ смѣщенъ въ 1219 г. П. С. Р. Л. III, 37. Вторично оставилъ онъ каѳедру въ Новгородѣ въ 1228 г.,

шійся просвѣщеніемъ и учительностію, могъ сдѣлаться іеромонахомъ рано; 2) годъ смерти еп. Игнатія неизвѣстенъ, а изъ того, что житіе прямо отъ смерти Игнатія переходитъ къ смерти Авраамія, нельзя заключить, что послѣдняя случилась вскорѣ послѣ первой и не позже удаленія съ каѳедры еп. Лазаря, ибо разсказъ житія, какъ замѣчено выше, отличается неровностью и обстоятельное описаніе жизни Авраамія послѣ крамолы не входило въ программу автора. Поэтому одинаково вѣроятно предположить смерть Авраамія гораздо раньше и гораздо позже 1220 г. Такъ же невозможно точно опредѣлить время написанія житія. По мнѣнію арх. Филарета, оно написано не прежде 1237 г., уже при Монголахъ, ибо авторъ въ послѣсловіи молитъ Бога испровергнуть нашествія поганыхъ измаильскихъ языкъ. Но эти выраженія могутъ относиться не къ однимъ 1237—1240 гг., даже вовсе не къ монгольскимъ нашествіямъ[1]). Впрочемъ, можетъ быть, въ хронологической неясности житія виноватъ не авторъ. Разбирая текстъ житія по большей части списковъ, легко убѣдиться, что позднѣйшіе писцы значительно попортили это древнее произведеніе своими описками и пропусками. Можетъ быть, неудобопонятность его и вызвала позднѣйшую попытку передѣлать Ефремово житіе Авраамія[2]). Въ этой передѣлкѣ опущены предисловіе и послѣсловіе Ефрема; послѣднее редакторъ замѣнилъ другимъ, имъ самимъ составленнымъ, нравоучительнаго содержанія. Въ изложеніи жизне-

---

но объ этомъ не могъ писать Симонъ, умершій въ 1226. Изъ этого видна ошибка арх. Филарета, который отнесъ удаленіе Лазаря съ Смоленской каѳедры къ 1224: тогда въ Новгородъ надобно было ставить преемника Митрофану, умершему въ 1223, а не Антонію. Р. Свв. авг., прим. 131.

[1]) Тамъ же, прим. 119.

[2]) Эта передѣлка извѣстна намъ по списку въ синод. сб. XVII в. №477, л. 82–96; здѣсь разсказъ не доведенъ до конца и прерывается описаніемъ гоненій на Авраамія (на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ стр. 379 ой въ изданіи Прав. Собес).

неописанія также есть пропуски, сокращенія и даже прибавки. Передѣлка особенно коснулась тѣхъ вводныхъ мѣстъ древняго житія, которыми Ефремъ прерываетъ разсказъ, излагая свои размышленія; именно эти мѣста въ сохранившихся спискахъ житія и страдаютъ темнотой и неправильностію изложенія.

Послѣ Смоленска, средняго члена семьи старшихъ, волостныхъ городовъ, который въ древнѣйшемъ житіи своего святаго обнаружилъ прямую литературную зависимость отъ Юга, отъ старшаго родича своего Кіева, уцѣлѣвшіе памятники заставляютъ предполагать едвали еще не большее развитіе письменности и литературы въ Новгородѣ, въ самомъ сѣверномъ членѣ этой семьи, и главнымъ образомъ подъ тѣмъ же вліяніемъ. Съ другой стороны, церковная жизнь Новгорода въ первые вѣка христіанства на Руси выставила не мало дѣятелей, которые могли дать поучительное содержаніе для житія. Однакожь, можно указать очень скудные слѣды литературной производительности Новгорода въ этомъ родѣ. Въ концѣ XVI в. въ письменности выступило незамѣтное дотолѣ преданіе о житіи Антонія Римлянина, написанномъ будто бы ученикомъ послѣдняго Андреемъ около половины XII в.; но, какъ увидимъ, это преданіе является въ такой сомнительной обстановкѣ, что въ немъ позволительно не видѣть никакого дѣйствительнаго факта изъ исторіи новгородской литературы XII в. За тѣмъ древній прологъ сберегъ маленькое житіе Варлаама хутынскаго и благодаря ему же, вѣроятно, сохранилась еще болѣе краткая историческая записка объ Аркадіѣ, епископѣ новгородскомъ: вотъ всѣ памятники новгородской агіобіографіи, извѣстные до конца XIV в.

Краткое житіе Варлаама несомнѣнно существовало въ концѣ XIII в.[1]). Оно носитъ на себѣ типическія черты такъ-называе-

---

[1]) Встрѣчается въ прологахъ XIII—XIV в. Цитуемъ по сп. въ синод. пергам. прологѣ № 839 (л. 54—55), писанномъ въ Псковѣ и въ 1425 г.

наго проложнаго житія. Позже, рядомъ съ пространными житіями, въ значительномъ количествѣ встрѣчаются такія краткія, проложныя ихъ редакціи. Вопросъ о хронологическомъ отношеніи обѣихъ формъ неизбѣженъ въ литературной исторіи житій. Но только немногимъ изъ краткихъ редакцій есть основанія приписать болѣе раннее происхожденіе сравнительно съ пространными; о большей части трудно сказать, были ли онѣ первообразами послѣднихъ или ихъ сокращенными передѣлками для прочтенія въ церкви въ день памяти святаго. Въ этомъ отношеніи разбираемая редакція даетъ любопытный фактъ для литературной исторіи житій: являясь въ качествѣ проложной рядомъ съ позднѣйшими пространными редакціями, она была вмѣстѣ и древнѣйшимъ ихъ первообразомъ. Пространныя редакціи житія не встрѣчаются въ рукописяхъ раньше XV в.; сличая ихъ содержаніе съ краткой, можно замѣтить внутренніе признаки ея старшинства. Она вышла изъ среды, гдѣ событія и лица изъ исторіи Варлаама были еще въ свѣжей памяти и достаточно было намекнуть на нихъ безъ поясненій. Разсказъ о кончинѣ Варлаама начинается прямо извѣстіемъ: «егда же... приде изъ Костянтиня града Антоній, сверьстникъ его, радъ же бывъ блаженный о таковомъ мужи духовному си брату, преда въ руцѣ его монастырь». Позднѣйшія редакціи считаютъ нужнымъ пояснить, что Антоній, предназначенный Варлаамомъ въ преемники, не задолго до того пошелъ въ Царьградъ. Краткое

проданномъ въ Сироткинъ монастырь, какъ сказано въ припискѣ на л. 171. Нач. „Преп. отець нашь Варламъ родися въ Новѣгородѣ, отъ вѣрну родителю крестьяну и богобоязниву, въспитанъ бысть въ добрѣ наказаніи, и грамоту извыче и псаломская толкованія, и еще унъ сый, на игры съ уными человѣкы не изволи взяти, отгрѣбаяся всякоя мирьскыя вещи“. Изъ древняго пролога вмѣстѣ съ другими проложными статьями житіе это занесено въ Макар. ч. мин., гдѣ помѣщено вслѣдъ за позднѣйшимъ пространнымъ (нояб. по усп. сп. стр. 157—159).

житіе разсказываетъ о созданіи Хутынскаго монастыря съ подробностями и намеками, которые были уже непонятны составителямъ пространныхъ редакцій и потому опущены или спутаны ими. Варлаамъ еще до постриженія прямо изъ міра «изыде въ пусто мѣсто, имѣя наставника Бога и отца Перфурья и брата его Θеодора и ину братью, ихъ же житье и добронравье индѣ скажемъ.. остриже ся внѣ града отъ прозвутера нѣкоего мниха». Пространныя редакціи, не зная, кто этотъ Θеодоръ, опускаютъ и его съ иной братіей и указаніе на другое сочиненіе автора, а Порфирія смѣшиваютъ съ священноинокомъ, постригшимъ Варлаама. Обличая бо̀льшую отдаленность этихъ редакцій отъ описываемаго лица въ сравненіи съ краткой, указанныя особенности ихъ имѣютъ свой источникъ въ сжатомъ и не совсѣмъ ясномъ разсказѣ послѣдней. Трудно рѣшить, что̀ имѣлъ въ виду авторъ житія, обѣщаясь «индѣ» сказать житіе и добронравіе Порфирія и иной братіи; но нѣтъ нужды непремѣнно видѣть въ его словахъ обѣщаніе написать особыя житія этихъ людей. Древняя новгородская лѣтопись разъясняетъ, кто этотъ отецъ Порфирій и кого могъ разумѣть авторъ подъ «иной братіей». Понятно, что это одно еще не даетъ достаточнаго основанія приписывать лѣтопись и житіе одному автору; гораздо вѣроятнѣе, что авторъ житія намекаетъ на монастырскія записки, которыя онъ велъ вскорѣ по смерти Варлаама, живя въ его монастырѣ, и которыя послужили источникомъ извѣстій о хутынскомъ монастырѣ, занесенныхъ въ новгородскій лѣтописный сводъ. Изъ этого свода узнаемъ, что Порфирій — Прокша Малышевичъ, такой же «вячшій» новгородецъ, какъ и Варлаамъ, постригся на Хутынѣ «при иг. Варламѣ» и умеръ въ 1207 г.; братъ его Θеодоръ не извѣстенъ по лѣтописи, но она въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ слѣдитъ за судьбой его сына Вячеслава, внука Малышева, достроившаго церковь, заложенную его отцемъ, бывшаго тысяцкимъ, потомъ хутын-

скимъ монахомъ Варлаамомъ, и подробно обозначаетъ его смерть и погребеніе на Хутынѣ въ 1243. г. Тамъ же постриженъ и въ 1247 г. погребенъ сынъ Вячеслава Константинъ. Изъ одного съ Варлаамомъ класса вышелъ вернувшійся предъ смертью его Антоній: это былъ Добрыня, отецъ котораго воевода Ядрей погибъ въ походѣ 1193 г. на Югру; по лѣтописи, Добрыня еще до изгнанія архіеп. Митрофана (1211 г.) возвратился изъ Царьграда съ святыней отъ гроба господня и постригся на Хутынѣ; въ 1211 г. онъ избранъ владыкой Новгорода и потомъ неоднократно оставлялъ каѳедру. Вмѣстѣ съ Антоніемъ могъ быть въ числѣ «иной братіи» Варлаама и Арсеній, изъ хутынскихъ черецовъ дважды заступавшій мѣсто архіеп. Антонія, но не посвященный въ санъ, потомъ бывшій игуменомъ хутынскаго монастыря. Ко всѣмъ этимъ лицамъ лѣтопись относится съ большимъ сочувствіемъ и особенно останавливается на Арсеніѣ, описывая его доброправіе, называя его мужемъ кроткимъ, смиреннымъ, зѣло боящимся Бога [1]).

Разсмотрѣнные признаки житія не позволяютъ слишкомъ удалять его происхожденіе отъ времени описываемыхъ имъ событій. Въ послѣдствіи это житіе имѣло долгую литературную исторію и вобрало въ себя циклъ легендъ, которыми окружено было имя Варлаама. Разборъ ихъ найдетъ мѣсто въ разсмотрѣніи позднѣйшихъ редакцій житія. Краткая редакція свободна отъ этихъ легендъ; но и въ ней, не смотря на раннее время ея списковъ, можно отмѣтить черту, ставшую потомъ основой одной изъ нихъ. Древняя лѣтопись и житіе молчатъ о годѣ смерти Варлаама; двѣ позднѣйшія лѣтописи, новгородская 4-я и софій-

---

[1]) П. С. Р. Л. III: о Порфиріѣ стр. 30, ср. съ 218, о сынѣ его 31, 41, 42, 44, 54, о внукѣ 54, объ Антоніѣ и Арсеніѣ 31, 36—39, 42, 44, 45 и 48, ср. съ 219. Ист. Р. Ц. III, 76. Ср. Р. Свв. арх. Филарета, февр., прим. 67.

ская относятъ ее къ 6701 (1192, ноябр. 6). Воспроизводя исторію монастыря по древнему житію, видно, что Варлаамъ съ Порфиріемъ и иной братіей долго жили въ «пустѣ мѣстѣ» отшельниками, не принимая правильной формы монастырскаго братства, которое впервые устроилось по-монастырски, когда архіепископъ освятилъ поставленную «чернецомъ» Варлаамомъ малую церковь Преображенія на Хутынѣ, что по древней лѣтописи было 6 авг. 1192, т. е. незадолго до смерти Варлаама [1]). По Пахоміевской редакціи житія, Варлаамъ тогда же заложилъ другую, каменную церковь Преображенія, но не успѣлъ достроить при жизни [2]). Сопоставленіе этихъ извѣстій дѣлаетъ вѣроятнымъ извѣстіе о смерти Варлаама въ 1192, т. е. при архіеп. Григоріѣ, умершемъ въ слѣдующемъ году 24 мая. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ древняго житія хоронитъ Варлаама владыка Антоній; позже встрѣтимъ рядъ легендъ, основанныхъ на тѣсной дружбѣ между Варлаамомъ и *архіеп.* Антоніемъ, избраннымъ въ этотъ санъ въ 1211 г. Ошибка эта принадлежитъ не автору краткаго житія, которое, очевидно, въ другихъ спискахъ не обозначало имени владыки, какъ всѣмъ еще из-

---

[1]) Степ. кн., лѣтописи новогор. 2-я и 3-я (П. С. Лѣт. III, 129 и 220) и старинные святцы (по рук. моск. дух. акад. № 209) относятъ ее къ 1243 г., – ошибка, очевидно, произшедшая отъ смѣшенія преп. Варлаама съ Варлаамомъ Прокшаничемъ, на что и указалъ арх. Филаретъ въ Р. Свв., нояб., прим. 72.

[2]) Позднія новгор. лѣтописи смѣшиваютъ эту церковь съ малой, конченной и освященной (П. С. Л. III, 127 и 217). Воскресенская (тамъ же VII, 102) точнѣе замѣчаетъ подъ 6701 г.: „заложи церковь камену Преображение чудотв. Варлаамъ хутынскый: тогоже лѣта и преставися". Затрудненіе остается въ примиреніи одного извѣстія древней лѣтописи – о пострижевіи Прокши Малышевича при иг. Варлаамѣ, слѣд. не позже 1192, съ другимъ, которое выставляетъ тогоже Прокшу подъ мірскимъ именемъ основателемъ церкви 40 мучениковъ въ 1199., если только это имя не поставлено здѣсь по старой памяти вмѣсто иноческаго (П. С. III, 25, прим. р.).

вѣстнаго; на это указываютъ и позднѣйшія редакціи, которыя, переделывая древнее житіе, въ разсказѣ о погребеніи Варлаама также не называютъ архіепископа по имени. Такъ, по видимому, изъ стиравшихся въ преданіи исторических черть жизни Варлаама уже въ концѣ XIII в. завязывалась канва легенды.

Разбираемое житіе можетъ служить образчикомъ литературнаго стиля житій, какой усвояла новгородская письменность XIII в. Въ основныхъ чертахъ своихъ онъ тотъ же, что широко развился и твердо заучивался нашими книжниками въ послѣдствіи. Двѣ существенныя особенности его здѣсь уже готовы и выступаютъ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ короче житіе. Одна состоитъ въ извѣстномъ выборѣ біографическихъ черть для житія. Ихъ немного и почти всѣ онѣ связаны съ разсказомъ объ удаленіи Варлаама и его товарищей въ пустыню, о построеніи монастыря и о смерти святаго; остальные моменты и подробности не остановили на себѣ вниманія біографа. Не одна краткость біографіи тому виной. Рядомъ съ индивидуальными чертами жизни Варлаама нашли мѣсто и тѣ общія типическія черты съ ихъ неизмѣннымъ, заученнымъ выраженіемъ, которыя удобно переносились на всякаго святаго: «родися отъ вѣрну родителю крестьяну», «унъ сый на игры съ уными человѣкы не изволи изити», въ пустынѣ «не дадяше сна очима своима, боряся съ бѣсы», предсмертныя слова къ братіи: «аще, братіе, тѣломъ отхожу отъ васъ, да духомъ присно съ вами буду» и т. п. Затверженныя по чужимъ литературнымъ образцамъ, эти черты, здѣсь еще краткія и неразвитыя, очевидно, разсчитаны не на любопытство къ дѣламъ и дѣятелямъ прошлаго, а на вниманіе набожнаго слушателя въ церкви. Эта вторая особенность житейнаго стиля замѣтно связана съ первой: изъ жизни святаго берутся лишь такія черты, къ которымъ можно привязать эти общія, готовыя формулы житія. Но слѣдуетъ оговорить въ разбираемой редакціи отсутствіе третьей особенности житейнаго стиля,

развившейся позже: общія мѣста въ жизнеописаніи удерживають еще характеръ историческихъ фактовъ, хотя условныхъ, не переходя въ назидательное размышленіе или витіеватую проповѣдь и не удаляясь отъ первоначальнаго назначенія житія— служить историчечкой запиской или «памятью» о святомъ.

Еще ближе подходитъ къ этому назначенію коротенькая записка объ Аркадіѣ, еп. новгородскомъ, сохранившаяся въ Макарьевскихъ минеяхъ [1]). Трудно сказать, существовали ли въ письменности Новгорода до XV в. какія-нибудь біографіи другихъ его древнихъ владыкъ, написанныя въ Новгородѣ. Житія нѣкоторыхъ изъ нихъ, составленныя позже, или молчатъ о своихъ древнихъ источникахъ, или дѣлаютъ неясныя указанія на нихъ. Литературная простота записки объ Аркадіѣ лишаетъ вѣроятности предположеніе, что она написана при архіеп. Макаріѣ для его миней или въ близкое къ нему время: тогда составили бы болѣе пространное и витіеватое житіе, сообразно съ литературнымъ вкусомъ времени. Помѣщенная въ минеѣ Макарія среди краткихъ проложныхъ статей, она, очевидно, вмѣстѣ съ ними выписана изъ стариннаго пролога. Краткій некрологъ, эта записка чужда общихъ мѣстъ житія. По видимому, она была мало извѣстна церковнымъ историкамъ: говоря объ Аркадіѣ, они обыкновенно ограничиваются лѣтописными извѣстіями, начинающимися съ основанія имъ Успенскаго Аркажскаго монастыря въ 1153 [2]). Записка представляетъ нѣкоторый интересъ тѣмъ, что сообщаетъ черты жизни Аркадія до этого года, взятыя, очевидно, изъ другаго источника, столь же близкаго, какъ и древняя новгородская лѣтопись тѣхъ го-

---

[1]) Здѣсь она дважды переписана подъ 17 сент. съ разныхъ списковъ.

[2]) Такъ Ист. росс. іер. III, 277; преосв. Макарій въ Ист. Р. Ц. III, 56; Муравьевъ въ Жит. свв. росс. ц. дек., стр. 243 и сл.; Ратшинъ въ Ист. свѣд. о мон., стр. 397; въ Р. Свв. арх. Филарета нѣтъ и статьи объ Аркадіѣ.

довъ, ко времени этого епископа († 1163). Аркадій «бѣ нищъ», говоритъ записка, въ молодости покинулъ родителей и постригся въ Юрьевомъ новгородскомъ монастырѣ; здѣсь, достигнувъ сана пресвитера, онъ сталъ потомъ игуменомъ и наконецъ былъ почему-то изгнанъ изъ монастыря. Когда пріѣхалъ изъ Руси въ Новгородъ кн. Изяславъ, онъ полюбилъ Аркадія и поручилъ ему «мѣсто» св. Пантелеймона; оттуда Аркадій удалился потомъ въ пустынное мѣсто, гдѣ и основалъ въ 1153 г. свой монастырь [1]). Пантелеймоновъ монастырь около Новгорода упоминается въ грамотѣ кн. Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю, слѣд. существовалъ еще до 1136 г., когда Всеволодъ былъ изгнанъ изъ Новгорода. Изяславъ, какъ видно, заботился о его благосостояніи: онъ пріѣзжалъ въ Новгородъ на короткое время въ 1148 г.; къ этому времени можно отнести сохранившуюся грамоту его на земли, выпрошенныя имъ у Новгорода для Пантелеймонова монастыря; тогда же поручилъ онъ Аркадію управленіе этимъ монастыремъ, о чемъ говоритъ записка. Въ извѣстіяхъ лѣтописи объ игуменахъ Юрьева монастыря есть пробѣлъ между 1134 г., когда упоминается Исаія, и 1158, когда былъ поставленъ Діонисій. Очевидно, къ промежутку 1134 — 1148 гг. и относится игуменство Аркадія въ этомъ монастырѣ [2]).

Первоначальное житіе св. кн. Александра Невскаго составляетъ большую рѣдкость въ уцѣлѣвшихъ древнерусскихъ рукописяхъ: повидимому, отдѣльные списки его попадались рѣдко и

---

[1]) „Изыде въ пусто мѣсто и созда церковь св. Богородица, *яже стоитъ и до сего дне*“. Лѣтопись: „*сruби* Аркадъ игуменъ церковь св. Богородица Успеніе и състави собѣ монастырь“. Подъ 1188 г. лѣтопись говоритъ о построеніи здѣсь *каменной* церкви успенской. Если при этомъ была сломана аркадіевская деревянная и если слова записки относятся къ самому зданію церкви, то записка написана въ 1163—1188 гг.

[2]) Ист. росс. iер. VI, 772; V, 451. П. С. Лѣт. III, 10. 6. 13.

стариннымъ нашимъ переписчикамъ [1]). Это можно отчасти объяснить тѣмъ, что въ позднѣйшей письменности, наиболѣе сохранившейся, древнее житіе было вытѣснено изъ обращенія нѣсколькими редакціями его, составленными въ XVI в. въ духѣ позднѣйшаго житейнаго стиля. При такой рѣдкости списковъ, первое сличеніе ихъ можетъ возбудить нѣкоторыя сомнѣнія относительно первоначальнаго состава житія. Въ спискѣ, дополненномъ лѣтописными извѣстіями, есть подробности, не встрѣчающіяся въ другихъ. Сличая этотъ списокъ съ древней новгородской лѣтописью, легко видѣть, что эти подробности не принадлежатъ автору житія: почти всѣ онѣ относятся къ невскому и ледовому побоищу и заимствованы почти дословно изъ новгородской лѣтописи, а авторъ житія—не новгородецъ и опускалъ многое, касавшееся собственно Новгорода [2]). Съ другой стороны есть черты, опущенныя въ спискѣ псковской лѣтописи и удержанныя другими; самая крупная изъ нихъ—разсказъ о 6 русскихъ удальцахъ, отличившихся въ невскомъ бою [3]). Этотъ

[1]) Единственный намъ извѣстный отдѣльный списокъ житія въ рук. моск. дух. акад. XVI в. № 576, л. 1—9, и тотъ, кажется, выписанъ изъ лѣтописнаго сборника, судя по началу: „Преставися в. кн. Александръ Ярославичъ въ лѣто 6771. Скажемъ мужество и житіе его“. Другіе списки въ лѣтописныхъ сборникахъ: во 2-ой псковской лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 2—6) съ пропусками, въ лаврентьевской (тамъ же I, 204—206) безъ конца, въ 1-ой софійской и воскресенской (тамъ же V, 176—181. 191; VII. 146—151): здѣсь житіе подновлено и разбито на отдѣльныя статьи, перемѣшанныя съ лѣтописными извѣстіями; точно такъ же и въ тверской (тамъ же XV, 375—384).

[2]) Эти вставки (см. П. С. Л. V, 177. 179 и слѣд.; слич. съ новгор. лѣт. тамъ же III, 53 и 54): описаніе нашествія Шведовъ въ 1240 г., перечень павшихъ въ бою новгородцевъ, начало разсказа о ледовомъ побоищѣ и др. болѣе мелкія.

[3]) Онъ въ сп. лаврент. лѣт. и въ рук. моск. дух. акад. Вслѣдъ за этимъ разсказомъ слѣдуетъ здѣсь другой, также опущенный въ сп. псковской лѣт.—объ избіеніи ангеломъ множества Шведовъ на другомъ берегу Ижеры, гдѣ не дрались Русскіе. Ни того ни другаго извѣстія нѣтъ въ древней овгор. лѣтописи и они принадлежатъ, очевидно, автору житія.

разсказъ интересовалъ не исключительно однихъ новгородцевъ, ибо далеко не всѣ эти удальцы вышли изъ ихъ среды: четверо принадлежали къ дружинѣ князя, отъ котораго и слышалъ этотъ разсказъ авторъ, по его собственному показанію: «си же вся слышахъ отъ господина своего кн. Александра Ярославича и отъ иныхъ, иже обрѣтошася въ той сѣчи».

Авторъ — не новгородецъ: у него нѣтъ обычныхъ выраженій новгородца о родномъ городѣ, даже есть напротивъ нѣкоторое разногласіе съ новгородскимъ лѣтописцемъ въ разсказѣ о невскомъ боѣ: умалчивая о подробностяхъ, которыя могли занимать однихъ новгородцевъ и отмѣчены ихъ лѣтописцемъ, онъ не безъ ударенія указываетъ, что Александръ поспѣшилъ выступить противъ враговъ «въ малѣ дружинѣ» и потому много новгородцевъ не успѣло присоединиться къ нему, тогда какъ новгородскій лѣтописецъ выводитъ Александра въ походъ только съ новгородцами и ладожанами, не упоминая о княжеской дружинѣ. Авторъ и не псковичъ: послѣдняго трудно предположить въ жесткихъ словахъ, съ какими житіе заставляетъ Александра обратиться къ псковичамъ послѣ ледоваго боя: «О невѣгласи псковичи! аще сего (избавленія отъ Нѣмцевъ) забудете и до правнучатъ Александровыхъ, и уподобитеся Жидомъ» и проч [1]). Эти слова, образъ выраженія о ливонскихъ Нѣмцахъ и Шведахъ и другія черты обличаютъ въ авторѣ жителя Низовской земли, владимірца; на это указываетъ и обиліе подробностей въ разсказѣ о погребеніи Александра во Владимірѣ, которыхъ нѣтъ въ новгородской лѣтописи [2]). Но трудно опредѣлить общественное положе-

[1]) Такъ по сп. 2-й псковской лѣтописи (П. С. Л. IV, 180); по другимъ то говоритъ авторъ отъ своего лица.

[2]) Митр. Евгеній въ Слов. пис. дух. чина II, 265, основываясь только на томъ, что въ древнемъ новгородскомъ, какъ и въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ, житіе Александра помѣщено подъ 1240 г., признаетъ авторомъ его пономаря Тимоѳея, который будтобы составлялъ новгородскую

ніе автора: изъ его разсказа видно только, что онъ былъ лицо, стоявшее близко къ Александру. По его признанію, онъ слышалъ о князѣ отъ отцовъ своихъ и былъ «самовидецъ возраста его»; о невскомъ боѣ ему разсказывали самъ Александръ и другіе участвовавшіе въ дѣлѣ, очевидно, дружинники князя; о ледовомъ боѣ онъ также слышалъ отъ «самовидца» [1]).

Разсматриваемое житіе далеко не составляетъ полной, обстоятельной біографіи Александра; въ немъ не находимъ многаго, что извѣстно о князѣ изъ другихъ источникавъ. Въ немъ нѣтъ даже связнаго разсказа: содержаніе его представляетъ недлинный рядъ отрывочныхъ воспоминаній, отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни Александра. Не трудно замѣтить мысль, руководившую авторомъ при выборѣ этихъ эпизодовъ: въ его запискѣ соединены именно такія черты, которыя рисуютъ не историческую дѣятельность знаменитаго князя со всѣхъ сторонъ, а его личность и

лѣтопись послѣ „попа Іоанна" и по одному списку ея называетъ себя въ ней подъ 1230 г. Впослѣдствіи нашли подтвержденіе этому въ одномъ новгородскомъ прологѣ, писанномъ, какъ значится въ припискѣ, Тимоѳеемъ, пономаремъ церкви св. Іакова въ Новгородѣ въ 1282 г. Р. Ист. Сб. т. III, кн. 3, стр. 293, статья Н. С. Обзоръ р. дух. лит. I, 64. Но 1) самъ авторъ статьи сознается, что годъ въ припискѣ можно прочитать и 6705, какъ и читаетъ арх. Филаретъ, и 6790, какъ находитъ болѣе вѣроятнымъ авторъ; 2) пономарь и составитель лѣтописи въ 1230 могъ, положимъ, переписать прологъ въ 1282, но былъ конечно гораздо старше Невскаго, родившагося послѣ 1219 г., а въ житіи обѣщаетъ разсказать о немъ и то, что слышалъ „отъ отецъ своихъ", чего какъ будто не помнилъ самъ; 3) есть мнѣніе, что Тимоѳей — только позднѣйшій переписчикъ лѣтописи, и упомянутый прологъ служитъ скорѣе подтвержденіемъ этого. Не говоримъ объ указанномъ разногласіи автора житія и новгород. лѣтописца.

[1]) Въ сп. псковской лѣт. (П. С. V, 6) сохранилась повидимому оффиціальная форма выраженія о хоронившемъ Александра митр. Кириллѣ (†1280), могущая навести на мысль, что житіе писано еще при немъ: „се же слышано бысть всѣмъ отъ господина митрополита". Такъ же и въ рук. моск. дух. акад.; въ другихъ просто: „отъ Кирилла митрополита".

глубокое впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ, и эти черты переданы въ томъ свѣжемъ, не потертомъ позднимъ преданіемъ видѣ, въ какомъ ходили онѣ между современниками. Слова, какія сказали ливонскій магистръ и Батый, увидѣвъ Александра, поэтическія черты, въ какія современники и даже участники двухъ громкихъ побѣдъ Александра успѣли уже облечь свои разсказы о нихъ, татарскія жены, стращающія дѣтей словами «Александръ ѣдетъ», отвѣтъ его посламъ папы, скорбное слово о зашедшемъ суздальскомъ солнцѣ, сказанное митрополитомъ при извѣстіи о смерти князя,—эти и другія черты житія если не всѣ точно отражаютъ дѣйствительные факты, то даютъ историку живо почувствовать, какъ отразилась дѣятельность Александра въ умахъ современниковъ. Источникъ съ такими чертами въ сѣверной письменности получаетъ тѣмъ болѣе цѣны, что ихъ нѣтъ въ современной сѣверной лѣтописи, вообще не любящей рисовать живо явленія времени, и легко замѣтить, что позднѣйшіе лѣтописные сборники въ разсказѣ объ Александрѣ воспроизводятъ эти живыя черты именно по житію, безъ котораго онѣ погибли бы для нихъ и для историка.—Литературная сторона житія дѣлаетъ его явленіемъ не менѣе любопытнымъ для характеристики литературной дѣятельности XIII в. на сѣверѣ. Изложеніе его не чуждо книжной искусственности, хотя очень далеко отъ изысканнаго до невразумительности «добрословія» позднѣйшихъ книжниковъ. Авторъ знакомъ и съ божественнымъ и съ человѣческимъ писаніемъ: онъ умѣетъ кстати привести текстъ изъ ветхозавѣтнаго пророка; характеризуя своего героя, онъ сравнитъ его въ храбрости съ царемъ римскимъ «Еуспесіаномъ» и при этомъ разскажетъ случай, гдѣ послѣдній явилъ свое мужество; разсказывая объ избіеніи Шведовъ ангеломъ въ невскомъ бою, не забудетъ упомянуть о подобномъ чудѣ въ древніе дни, при царѣ Езекіи. Далѣе онъ знаетъ, что пишетъ житіе святаго, котораго и самъ такъ называ-

еть. Не смотря на все это, онъ не выдерживаетъ элементарныхъ пріемовъ житія, не хочетъ ни начать его приличнымъ описаніемъ благочестиваго дѣтства святаго князя, ни закончить молитвеннымъ обращеніемъ къ новому ходатаю на небѣ. Вмѣсто этого онъ набрасываетъ въ началѣ повѣсти краткую характеристику взрослаго князя: ростомъ онъ выше другихъ людей, голосъ его точно труба въ народѣ, лицемъ онъ Іосифъ Прекрасный, сила его — половина силы Самсоновой, и далъ ему Богъ премудрость Соломонову, храбростью онъ Веспасіанъ, царь римскій, — и рядомъ съ этими земными доблестями ни одной иноческой, чѣмъ любили съ дѣтства отличать даже князей позднѣйшія житія. Описаніе кончины святаго авторъ начинаетъ обращеніемъ къ себѣ, которое по наивной изобразительности земной скорби столь же чуждо духу житій послѣдующаго времени: Горе тебѣ, бѣдный человѣче! какъ опишешь ты кончину господина своего? какъ не выпадутъ у тебя зѣницы вмѣстѣ съ слезами? какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? оставить отца человѣкъ можетъ, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, еслибъ можно было. Житіеписатель, вышедшій изъ школы Пахомія Логоѳета, сказалъ бы, что авторъ повѣсти объ Александрѣ совсѣмъ не умѣетъ писать житія; такъ, вѣроятно, и думали передѣлывавшіе ее редакторы XVI в., сглаживая въ ней именно эти оригинальные, вольные пріемы. Этимъ вольнымъ движеніемъ, не стѣсняющимся холодной торжественностью житейнаго языка, оживленъ весь разсказъ житія; замѣтно еще литературное вѣяніе стараго кіевскаго или волынскаго юга подъ этимъ сѣвернымъ, суздальскимъ перомъ, которое съ гибкостью и изобразительностію южнаго лѣтописца вставляетъ въ разсказъ и библейскій примѣръ или текстъ, и сжатую картину ледоваго боя или народной скорби при погребеніи Александра, не даетъ князю, его дружинѣ и другимъ дѣйствующимъ лицамъ дѣйствовать молча, но постоянно выводитъ ихъ съ живою рѣ-

ью и при этомъ иногда мимоходомъ отмѣчаетъ черту современнаго общественнаго взгляда или отношенія къ извѣстному событію: жалостно было слышать,—добавляетъ житіе въ разсказѣ о поспѣшномъ выступленіи Александра противъ Шведовъ,—жалостно было слышать, что отецъ его вел. кн. Ярославъ не вѣдалъ такого нашествія на сына своего милаго Александра, и ему было некогда посылать вѣсть къ отцу, ибо враги уже приближались.

Вслѣдъ за другими книжными центрами древнѣйшей сѣверовосточной Руси является и Тверь съ памятникомъ исторіографической литературы, съ повѣстью о своемъ князѣ—страдальцѣ Михаилѣ Ярославичѣ. Первоначальное сказаніе о немъ извѣстно намъ въ немногихъ позднѣйшихъ спискахъ; оно не попало въ древнія лѣтописи, а позднѣйшіе лѣтописные сборники занесли его на свои страницы уже въ передѣлкѣ XV в. [1]). По содержанію и основной мысли это сказаніе не житіе въ настоящемъ смыслѣ слова, а повѣсть объ убіеніи кн. Михаила въ ордѣ; но его можно отнести къ разряду житій какъ по сходству литературнаго стиля, такъ и потому, что оно цѣликомъ легло въ основаніе позднѣй-

—

[1]) Ч. Мин. митр. Макарія по усп. сп., ноябрь, стр. 2155—2163; Ч. Мин. Тулупова XVII в., рук. Тр. Серг. Л. № 671, л. 129—141. Преосв. Макарій и арх. Филаретъ, разбирая сказаніе о Михаилѣ, написанное современникомъ, цитуютъ повѣсть, помѣщенную въ софійской и воскресенской лѣтописяхъ (Ист. Р. Ц. V, 178. Обз. р. д. лит. I, стр. 96. Р. Св. ноябрь, стр. 369. П. С. Лѣт. V, 207; VII, 188). Но это—передѣлка XV в., а не первоначальное сказаніе, написанное современникомъ. Хронологическое отношеніе этого сказанія къ редакціи XV в. можно видѣть изъ сличенія одного мѣста въ нихъ. Современникъ замѣчаетъ въ разсказѣ о первой поѣздкѣ Михаила въ орду: *„якоже обычай есть взимати тамо великое княженіе“*. Указанная позднѣйшая редакція должна была уже измѣнить это выраженіе: „якоже и прежебывшіи его князи имяху обычай тамо взимати великое княженіе“. Въ минеѣ Тулупова первоначальное сказаніе помѣщено вслѣдъ за передѣлкой подъ заглавіемъ: „ино твореніе“.

шихъ передѣлокъ, облеченныхъ уже въ форму правильнаго житія. Встрѣчаемъ въ сказаніи слѣды автора: въ ночь по убіеніи Михаила многіе вѣрные и невѣрные видѣли два свѣтлыя облака надъ тѣломъ его, «еже исповѣдаху намъ со слезами и со многими клятвами»; въ гор. Бездежѣ, гдѣ остановились съ тѣломъ на пути въ Москву, одинъ сторожъ былъ чудесно наказанъ за неуваженіе къ мощамъ святаго и «пришедъ исповѣда ту (въ Бездежѣ была церковь) іереови бывшая ему, отъ него же слышавше написахомъ». Сказавъ, что убитаго князя отвезли на ночь за рѣку Адежь, «еже зовется горесть», повѣсть замѣчаетъ: «горесть бо и бѣ, братіе, тогда въ той часъ, таковую видѣвши нужную смерть господина своего». Въ этихъ словахъ сказывается очевидецъ смерти Михаила, бывшій спутникомъ его въ орду, но не сопровождавшій его тѣла оттуда. Въ свитѣ, окружавшей Михаила за нѣсколько минутъ до убійства, повѣсть указываетъ вмѣстѣ съ боярами и слугами отцовъ его духовныхъ, игумена Александра и «двоихъ поповъ». Въ одномъ изъ нихъ и можно подозрѣвать автора. Въ минуту смерти князя, когда бояре и слуги его одни убѣжали къ ханшѣ и тамъ скрывались, другіе были обобраны, побиты и закованы Татарами, духовныхъ, по видимому не тронули и они могли на другое утро услышать отъ вѣрныхъ и невѣрныхъ разсказъ о ночномъ явленіи надъ тѣломъ князя. Московскій князь отправилъ тѣло убитаго въ Москву «съ своими бояры» и этотъ поѣздъ описанъ въ повѣсти кратко; на другое лѣто той же дорогой вернулся на Русь и Юрій съ сыномъ, боярами и слугами Михаила; по видимому, на этомъ пути авторъ и узналъ отъ бездежскаго іерея о новомъ чудѣ Михала.— Во всей повѣсти авторъ остается вѣренъ своей повѣствовательной задачѣ и не прерываетъ разсказа тѣми поучительными или реторическими распространеніями, которыя вносятъ въ него позднѣйшія редакціи. Эта ровность разсказа характеризуетъ его повѣсть наравнѣ съ разсмотрѣнными новгородскими

жатіями. Въ ней можно даже замѣтить нѣкоторый разсчитанный подборъ фактовъ: указавъ кратко происхожденіе князя, разсказъ направляется далѣе прямо къ катастрофѣ въ ордѣ и касается только тѣхъ событій, которыя къ ней привели или тѣсно съ ней связаны. Этимъ объясняются нѣкоторые пробѣлы въ повѣсти: разсказавъ о путешествіи князей Михаила и Юрія въ орду въ 1304 г., по смерти Андрея, указавъ такимъ образомъ завязку вражды между ними, авторъ обходитъ 8 слѣдующихъ спокойныхъ лѣтъ великокняженія Михаила и переноситъ разсказъ прямо къ 1313 г., когда затихшая вражда возобновилась. Положеніе автора сообщаетъ интересъ его отношенію къ событіямъ и главнымъ лицамъ сказанія. Очень естественно не найти въ немъ и намека на историческій смыслъ московско-тверской распри; но можно ждать объясненія ближайшихъ мотивовъ и характеровъ враждующихъ князей съ тверской точки зрѣнія. Сквозь простой разсказъ повѣсти тверской князь выступаетъ у автора величественной фигурой; на его сторонѣ право и великодушіе: онъ готовъ отступиться отъ своего великокняжескаго права въ пользу соперника, лишь бы вражда прекратилась, при всякомъ случаѣ выражаетъ готовность пострадать, лишь бы неповинные христіане избѣгнули бѣды смертью его одного; онъ борется одинъ противъ московско-татарскаго союза, при чемъ авторъ умалчиваетъ, что и его герой водилъ изъ орды окаянныхъ Татаръ на Русь, на погибель христіанству. Но любопытно, что соперникъ его Юрій московскій остается въ тѣни и не на него направлено тверское негодованіе автора. Юрій съ низовскими князьями—орудія Татаръ, невольныя жертвы ордынской жадности и особенно треклятаго Кавгадыя, всего зла заводчика. Такое отношеніе тѣмъ болѣе любопытно, что Москва въ началѣ XIV в. не была еще окружена въ глазахъ общества блескомъ, прикрывавшимъ многое, и самъ авторъ не скрываетъ подробностей, несогласныхъ съ его отноше-

ніемъ къ дѣйствующимъ лицамъ разсказа. Увидѣвъ брошенное безъ одежды тѣло Михаила, Кавгадый «съ яростью» обратился къ Юрію: вѣдь онъ братъ тебѣ старшій, все равно что отецъ, зачѣмъ лежитъ такъ его тѣло? Послѣ убійства и русскіе князья съ боярами, въ одной вежѣ съ ордынскими, пили вино и хвастались, какую кто вину выдумалъ на пострадавшаго князя.

Одинъ грамотей, составлявшій лѣтописный сборникъ въ первой половинѣ XVI в., чувствуя неполноту своего изложенія и свое неумѣніе сочинять повѣсти и украшать ихъ премудрыми словесами, извинялъ себя тѣмъ, что онъ не кіянинъ родомъ, ни новгородецъ, ни владимірецъ, но ростовскій поселянинъ [1]). Если эта оговорка указываетъ главнѣйшіе центры книжнаго просвѣщенія въ древней Руси, то любопытно отсутствіе среди нихъ Москвы. Ее не можемъ занести и въ число городовъ, оставившихъ жизнеописанія своихъ мѣстныхъ политическихъ или церковныхъ дѣятелей до половины XIV в. Даже пророкъ и одинъ изъ основателей ея политическаго величія не нашелъ себѣ въ ней русскаго жизнеописателя.

Современникъ митр. Петра и первый его жизнеописатель, ростовскій еп. Прохоръ былъ довольно извѣстнымъ лицомъ въ свое время и въ мѣстной памяти по смерти. Съ его именемъ связана поэтическая легенда объ основаніи Толгскаго монастыря въ 1314. Еще игуменъ Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ, онъ присутствовалъ на переяславскомъ соборѣ вмѣстѣ съ своимъ епархіальнымъ ростовскимъ архіереемъ Симеономъ и вскорѣ потомъ занялъ мѣсто послѣдняго [2]). Въ 1319 г. Прохоръ ѣздилъ

---

[1]) П. С. Р. Л. XV, 142.

[2]) Время этого собора не опредѣлено точно; преосв. Макарій полагаетъ его не позже 1311 г. (Ист. Р. Ц. IV, 18); другіе даже въ 1313. Съ большей точностью относитъ его архіеп. Филаретъ ко второй половинѣ 1310, основываясь на томъ, что патр. Аѳанасій, своимъ посланіемъ возбудившій этотъ соборъ, отказался отъ каѳедры въ началѣ 1311 и въ томъ же году

въ Тверь мирить ея князей съ Юріемъ московскимъ, въ 1325 г. съ митр. Петромъ хоронилъ въ Москвѣ убитаго Юрія, въ августѣ 1327 г., уже по смерти Петра, освящалъ тамъ же заложенный послѣднимъ успенскій соборъ, а подъ 7 сент. слѣдующаго года лѣтопись говоритъ уже о смерти его самого [1]). Это указываетъ приблизительно на время составленія житія. Разборъ внѣшняго вида его даетъ основаніе для болѣе точнаго опредѣленія. Трудъ Прохора, скоро встрѣтившій сильнаго соперника въ сочиненіи Кипріана, сохранился въ немногихъ спискахъ, въ которыхъ однакожъ текстъ его отличается обиліемъ варіантовъ и замѣтными неправильностями [2]). Рядомъ съ описками, обычными у писцовъ, встрѣчаемъ варіанты, объясняющіе судьбу текста. Когда во владимірскомъ соборѣ объявили о чудесахъ Петра, совершившихся въ Москвѣ вскорѣ по смерти его, по однимъ спискамъ, «почудися в. кн. Александръ Михайловичъ и весь народъ, иже бѣ въ соборѣ» [3]); другіе вмѣсто Александра, дѣйствительно бывшаго тогда (въ нач. 1327) великимъ княземъ, ставятъ великаго князя Ивана (Калиту), противорѣча собственному разсказу, что кн. Иванъ, описавъ эти

кг. Прохоръ сталъ епископомъ (Р. Свят., дек., стр. 578). Въ русскихъ лѣтописяхъ есть болѣе точныя указанія, подтверждающія это предположеніе. Зимой 1310 г., послѣ крещенія, митр. Петръ пріѣхалъ въ Брянскъ и пробылъ тамъ до первыхъ чиселъ апрѣля. Одна лѣтопись сохранила извѣстіе, что Петръ посвятилъ Прохора во епископа 21 марта 1311 г., въ Твери, съ епископомъ которой только что примирился. П. С. Лѣт. XV, 408.

[1]) П. С. Лѣт. XV, 412; VII, 199-201.

[2]) По крайней мѣрѣ ни одинъ изъ четырехъ намъ извѣстныхъ списковъ нельзя назвать исправнымъ и особенно напечатанный преосв. Макаріемъ изъ софійскаго сб. XVI в. (Ист. Р. Ц. IV, 308). Въ рукописяхъ намъ удалось найти только три списка: XV—XVI в. въ синод. сб. № 556, л. 201, XVI в. въ сб. Унд. № 565, л. 42 и солов. № 805, л. 84, съ надписью: „твореніе Прохора, еп. ростовскаго“.

[3]) По синод. и Унд.

чудеса, послалъ свитокъ во Владиміръ для прочтенія въ соборѣ, слѣд. не поѣхалъ самъ. Авторъ житія упоминается въ немъ по всѣмъ спискамъ въ формѣ, принадлежащей перу писца, а не автора: на переяславскомъ соборѣ является «преп. иг. Прохоръ», свитокъ о чудесахъ читаетъ во Владимірѣ «преп. еп. Прохоръ». Происхожденіе этой послѣдней поправки объясняется церковнымъ употребленіемъ, какое получилъ трудъ Прохора и на которое указываетъ его заглавіе по софійскому списку: «преставленіе Петра митр. всея Руси; *а се ему чтеніе*», т. е. чтеніе въ церкви на 6-ой пѣсни канона святителю. Этимъ же объясняются отчасти многочисленные варіанты въ концѣ житія и между ними одинъ, для насъ болѣе другихъ любопытный. Прохоръ ничего не говоритъ о преемникѣ Петра Ѳеогностѣ, пріѣхавшемъ на Русь въ тотъ же годъ, когда умеръ Прохоръ. Описаніе оглашенныхъ во Владимірѣ чудесъ святителя заканчивается по софійскому и соловецкому спискамъ словами, обѣщающими конецъ житія: «ты же, св. святителю, намъ испроси грѣховъ оставлѣніе».... Но житіе оканчивается какъ будто припиской и по видимому не договоренной: «И се паки ино знаменіе его: создана бысть церкви въскорѣ милостью св. Богородица и Божіа угодника, св. святителя Петра митр., а сътвореніе в. кн. Ивана». Одинъ списокъ, наиболѣе исправный, какъ будто чувствуя, что эта приписка не на мѣстѣ, ставитъ ее передъ заключительнымъ обращеніемъ къ святому, передѣлывая послѣднее для чтенія въ церкви на праздникъ святаго [1]). Въ этой припискѣ можно подозрѣвать намекъ на то, что житіе написано до окончанія и освященія успенскаго собора въ Москвѣ (въ августѣ 1327 г.), слѣд. вскорѣ по прочтеніи авторомъ во влади-

---

[1]) Унд. л. 47: „И се паки ино знаменіе: създана бысть церковь та въскорѣ милостью св. Богородица.. Ты же, святителю Петре, испроси грѣховъ оставленіе празднующимъ любовію память твою, да твоими молитвами сподобимся пріяти жизнь вѣчную о Христѣ І. Господѣ нашемъ“.

мірскомъ соборѣ свитка о чудесахъ Петра. Эти очевидные слѣды передѣлки не позволяютъ съ увѣренностью говорить о первоначальной литературной формѣ труда Прохора. Въ существующемъ его видѣ это—совершенно проложное житіе, изложенное въ сухомъ, сжатомъ разсказѣ. Въ немъ можно отмѣтить нѣкоторыя новыя черты житейнаго стиля, любопытныя въ русскомъ памятникѣ, несомнѣнно получившемъ теперешній видъ еще въ первой половинѣ XIV в., вслѣдствіе того, что митр. Ѳеогностъ, какъ разсказываетъ Кипріанъ, получивъ отъ цареградскаго патріарха разрѣшеніе (въ 1339) почтить память святителя пѣснями священными и славословіями, установилъ «праздникъ свѣтелъ святому». Прохоръ мало зналъ о жизни Петра на югѣ: онъ упоминаетъ объ его отцѣ Ѳеодорѣ, но не можетъ назвать ни матери его, ни мѣста рожденія святаго, ни монастыря, гдѣ постригся Петръ. Поэтому можно не предполагать особенныхъ источниковъ для его извѣстій, что Петръ началъ учиться грамотѣ 7 лѣтъ и постригся 12 лѣтъ, ибо эти обычныя черты, по примѣру греческихъ житій, вставлялись въ нашихъ, когда не были точно извѣстны дѣйствительныя [1]). Но даже въ позднихъ спискахъ труда Прохора не замѣтно чертъ, внесенныхъ подъ вліяніемъ сочиненія Кипріанова: въ разсказѣ о святительствѣ Петра Прохоръ приводитъ извѣстія, какихъ нѣтъ у Кипріана; «градъ славный зовомый Москва», по выраженію послѣдняго, у перваго не болѣе какъ «градъ честенъ кротостію».

Изъ всѣхъ разобранныхъ выше житій съ ихъ редакціями можно набрать десятокъ, достовѣрно или вѣроятно написанный до XV в. Одно изъ нихъ (Авраамія смоленскаго) вполнѣ отличается уже искусственнымъ складомъ, позже усвоеннымъ сѣ-

[1]) Неизвѣстенъ источникъ замѣтки въ одной статьѣ XVI в., что отецъ Петра звался Іаковомъ, а мать Евпраксіей. Опис. Рум. Муз., стр. 514. Кипріанъ знаетъ объ этомъ не больше Прохора.

терной агіографіей, и выше указанъ источникъ этого исключительнаго явленія. Другое житіе (А. Невскаго) — своеобразный, не повторившійся въ древнерусской литературѣ опытъ житія, чуждаго пріемовъ житейнаго стиля. Остальныя житія, различаясь между собою свойствомъ источниковъ и фактическаго содержанія, представляютъ нѣсколько общихъ типическихъ чертъ: они писаны для церковнаго употребленія или по крайней мѣрѣ имѣли его, нѣкоторыя несомнѣнно, другія вѣроятно; потому всѣ они имѣютъ характеръ проложной записки, или «памяти» о святомъ, отличаясь сухимъ, сжатымъ разсказомъ, скудно оживляемымъ рѣчью дѣйствующаго лица или библейскимъ заимствованіемъ; въ нихъ замѣтно уже зарожденіе условныхъ біографическихъ чертъ и пріемовъ, составившихъ реторику житій позднѣйшаго времени; но вопреки ей всѣ они, не исключая и двухъ указанныхъ, имѣютъ въ основѣ своей извѣстную исторіографическую задачу, ставя на первомъ планѣ фактическое содержаніе житія и не обращая его въ матеріалъ для церковной проповѣди или нравственно-реторическаго разсужденія. Таковы происхожденіе и первоначальный видъ древнерусской агіобіографія на сѣверѣ.

ГЛАВА III.

Кипріанъ и Епифаній.

Съ XV вѣка развитіе изслѣдуемой отрасли древнерусской литературы замѣтно принимаетъ иное направленіе. Съ одной стороны усиливается постепенно производительность въ этой отрасли; съ другой—въ ней выработывается новый характеръ, измѣняющій отношеніе къ ней историка. Для большинства но-

ныхъ житій преданіе перестаетъ быть не только единственнымъ, но и главнымъ источникомъ; въ то же время начинають перерабатывать прежде написанныя житія; развивается особый литературный взглядъ, подъ вліяніемъ котораго составляются новыя житія и новыя редакціи старыхъ, найденныхъ неудовлетворительными. Съ этого времени въ житіяхъ получаютъ господство искусственные литературные пріемы, устанавливаются сложныя правила и условія; сказаніе о святомъ уже не ограничивается простой исторической задачей сохранить о немъ память въ потомствѣ, но ставитъ на первомъ планѣ другія цѣли. Эти пріемы и цѣли не только устанавливаютъ въ житіяхъ особую точку зрѣнія, извѣстный условный взглядъ на описываемыя явленія, но и опредѣляютъ въ нихъ самый выборъ содержанія, которымъ можетъ пользоваться историкъ. Если это содержаніе вообще становится гораздо богаче въ сравненіи съ житіями предшествующаго времени, то примѣсь постороннихъ, неисторическихъ элементовъ даетъ ему особую, условную оболочку, которую предварительно долженъ снять съ него историкъ. Это направленіе развивалось въ сѣверной агіобіографіи подъ иноземнымъ южно-славянскимъ вліяніемъ, проникавшимъ въ нашу литературу двумя путями. Съ юга усиливается въ сѣверной Руси наплывъ славянскихъ оригинальныхъ произведеній и переводовъ, послужившихъ образцами и пособіями для изложенія житій въ новомъ направленіи; въ то же время, въ слѣдъ за письменными памятниками юга, появляются пришлые оттуда же литературные таланты, которые даютъ нашей литературѣ первые опыты этого искусственнаго изложенія.

Если тотъ составъ, въ какомъ сохранилась древнерусская письменность, можетъ служить отраженіемъ дѣйствительнаго книжнаго движенія въ древней Руси, то съ XV в. въ немъ обнаружилось замѣтное оживленіе, по крайней мѣрѣ въ письменности житій. Количество греческихъ житій, переведенныхъ то-

ги или прежде, достигаетъ значительной цифры и русскіе списки ихъ размножаются. Встрѣчаемъ любопытное указаніе на движеніе этой письменности: въ 1431 г. русскій инокъ списываетъ на Аѳонѣ до 20 житій и похвальныхъ словъ святымъ въ славянскомъ переводѣ, и вскорѣ, по волѣ игумена Троицкаго Сергіева монастыря, этотъ сборникъ переписывается въ Россіи [1]). Впрочемъ, не въ этихъ переводныхъ житіяхъ можно найти главный источникъ, изъ котораго указанное направленіе русской агіобіографіи съ XV в. почерпнуло свои особенности. Нѣкоторыя изъ этихъ житій — пространныя біографіи съ искусственнымъ составомъ, который могъ служить образцомъ для нашихъ писателей; таковы житія Нифонта, Евѳимія Великаго Макарія Египетскаго, Аѳанасія Аѳонскаго, довольно часто встрѣчающіяся въ нашихъ спискахъ XV в., также житія Антонія Великаго и Панкратія, переведенныя по порученію Іоанна, экзарха болгарскаго, и др. Но какъ эти, такъ и масса остальныхъ, краткихъ и простыхъ по составу переводныхъ житій остаются болѣе вѣрны историческому изложенію, менѣе вносятъ въ него другихъ литературныхъ элементовъ, нежели большинство нашихъ съ XV в. Сборники, вообще довольно вѣрно отражавшіе характеръ и движеніе древнерусской письменности, и для разсматриваемаго явленія указываютъ другой болѣе прямой и широкій источникъ. Не внося въ свое изслѣдованіе вопроса о распространеніи и вліяніи южно-славянской письменности у насъ въ XIV — XV в., мы отмѣтимъ въ немъ одну черту, важную по отношенію ея къ развитію русской агіобіографіи съ XV в. Достаточно разсмотрѣть составъ нѣсколькихъ нашихъ сборниковъ XV в., чтобы замѣтить, что преобладающій элементъ въ немъ составляютъ церковно-поучительныя произведенія: слова и поученія на церковные праздники всего болѣе переписыва-

[1]) Сб. Тр. Серг. Л. XV в. № 746, л. 336.

лись и слѣдовательно читались; даже житія святыхъ встрѣчаются между ними рѣже; за то значительную долю этой церковно-поучительной литературы составляютъ похвальныя слова и поученія на праздники святыхъ; въ десяткѣ торжественниковъ ихъ не трудно набрать до полусотни. Здѣсь встрѣтимъ наиболѣе извѣстныя ораторскія имена восточной церкви: Василія Великаго, Аѳанасія александрійскаго, Іоанна Златоуста, Прокла константинопольскаго, Козмы Веститора и друг.; значительную группу составляютъ оригинальныя славянскія произведенія въ этомъ родѣ, принадлежащія перу двухъ южныхъ славянскихъ проповѣдниковъ, Климента, епископа величскаго, и Григорія Цамблака; этотъ послѣдній одинъ написалъ болѣе 10 похвальныхъ словъ и поученій на праздники святыхъ, которыя скоро и сильно распространились въ древнерусской письменности. Сборники такого состава замѣтно размножаются съ XV в. въ нашей письменности. Этой церковно-ораторской литературѣ мы приписываемъ гораздо бо́льшую долю участія въ выработкѣ искусственнаго агіобіографическаго стиля у насъ, чѣмъ переводнымъ греческимъ житіямъ: изъ нея составители древнерусскихъ житій широкой рукой черпали литературные пріемы для украшенія своего разсказа; здѣсь всего легче подобрать цитаты для заимствованій, которыя дословно или въ легкомъ перифразѣ переносили они такъ часто въ свои творенія. Подъ вліяніемъ указанныхъ похвальныхъ словъ святымъ молитва, или краткая похвала, которой заканчивается иногда разсказъ въ древнѣйшихъ сѣверныхъ житіяхъ, стала отдѣляться отъ него въ позднѣйшихъ, принимая форму особой, иногда очень длинной статьи и сдѣлавшись необходимой частію житія; дѣйствіе тѣхъ же похвальныхъ словъ, переплетающихъ ораторское прославленіе святаго съ чертами его біографіи, измѣняло характеръ и самаго фактическаго изложенія въ нашихъ житіяхъ, приближая его къ мысли и тону церковнаго панегирика.

Одновременно съ этимъ вліяніемъ являются у насъ писатели которые дають первые литературные образцы новаго агіобіографическаго стиля, примѣняя его къ жизнеописаніямъ русскихъ святыхъ; ихъ можно назвать творцами новой агіобіографіи на русскомъ сѣверѣ или по крайней мѣрѣ ея первыми мастерами. Это были сербы Кипріанъ и Пахомій Логоѳетъ; между ними почетное мѣсто занимаетъ русскій писатель Епифаній. Для исторіи этого новаго направленія характеристично, что оно обнаруживается прежде всего въ переработкѣ русской біографіи, написанной за нѣсколько десятковъ лѣтъ прежде, — житія митрополита Петра.

Московская память отнеслась безъ горечи къ Кипріану: положивъ забвеніе на смутныя событія первой половины его святительства, въ которыхъ онъ не всегда игралъ роль невольной жертвы, она сохранила полезную дѣятельность пастыря «вельми книжнаго и духовнаго, всякаго благаго любомудрія и божественнаго разума исполненнаго», какъ называетъ его московскій біографъ. Составленное имъ житіе митрополита Петра стало любимымъ чтеніемъ древней Руси и переписывалось съ большимъ усердіемъ. Даже въ народномъ преданіи онъ не прошелъ безслѣдно: ужь въ XV в. на Руси ходило сказаніе о страшныхъ слѣдствіяхъ, какія имѣло неблагословеніе Кипріана для одного литовскаго хозяина, къ которому на пути заѣхалъ митрополитъ [1]). Кипріанъ не указываетъ въ числѣ сво-

---

[1]) Въ сб. Кирилло-бѣлозерск. монастыри 2-й половины XV в., по списи арх. Варлаама въ Уч. Зап. 2-го Отд. И. Ак. Наукъ, кн. V. стр. 17. Изъ многочисленныхъ списковъ Кипріанова житія Петра древнѣйшій намъ извѣстный въ синод. сб. 1459. г № 637, л. 149—174; другой XV в. въ сб. Унд. № 560, л. 92—98. Но здѣсь въ разсказѣ о переяславскомъ соборѣ, о преставленіи Петра и въ другихъ мѣстахъ есть пропуски и сокращенія, возстановленныя въ сп. Макар. ч. мин. (по усп. сп.), дек. стр. 927—938 и 947—948 (листы перемѣшаны). См. также син. сб. № 555,

ихъ источниковъ на житіе, написанное до него ростовскимъ епископомъ Прохоромъ, а замѣчаетъ только въ предисловіи, что задумалъ написать, «елико отъ сказатель слышахъ». Но онъ несомнѣнно пользовался сочиненіемъ Прохора: легко замѣтить, что послѣднее служило програмой для книжнаго Серба, по которой онъ подробнѣе и другимъ литературнымъ стилемъ, но совершенно въ томъ же порядкѣ разсказываетъ событія; притомъ Кипріанъ, нигдѣ не списывая у Прохора, удержалъ однакожъ въ своемъ изложеніи нѣсколько отдѣльныхъ его оборотовъ и выраженій. Кипріанъ могъ найти трудъ Прохора неудовлетворительнымъ какъ въ фактическомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи: нѣкоторыя черты жизни святителя, извѣстныя Кипріану, опущены у ростовскаго епископа; другія изложены слишкомъ кратко на взглядъ митрополита и не освѣщены съ надлежащихъ сторонъ; притомъ Прохоровское житіе—сухой разсказъ современника, тогда какъ отношеніе послѣдующихъ поколѣній къ великому московскому святителю и книжныя понятія самого Кипріана требовали иной формы для литературнаго изложенія его дѣяній. Новыя черты, внесенныя Кипріаномъ въ біографію, обнаруживаютъ оба мотива, имъ руководившіе. Онъ прибавляетъ извѣстіе о волынскомъ происхожденіи Петра, о состояніи Волыни при Петрѣ и въ его, Кипріаново время, о замыслѣ волынскаго князя, пославшаго Петра въ Царьградъ ставиться въ митрополита, о чемъ умалчиваетъ Прохоръ. Эти волынскія извѣстія вынесены Кипріаномъ изъ продолжительнаго пребыванія въ южной Руси; но у него есть новыя черты и въ описаніи жизни Петра на сѣверѣ: онъ упоминаетъ о нежеланіи нѣкоторыхъ на сѣверѣ принять Петра, о чемъ также нѣтъ ни слова у Прохора; гораздо подробнѣе

л. 380. Въ томъ же син. сб. № 637, л. 88—101, служба на преставленіе Петра, составленная Кипріаномъ.

послѣдняго описываетъ переяславскій соборъ, на которомъ, по его разсказу, дѣйствовала противъ Петра цѣлая партія «иноковъ, священниковъ, князей и бояръ», шумно враждовавшихъ на Петра; приводитъ рѣчь митрополита къ собору, утишившую смятеніе [1]); далѣе вставляетъ знаменитое пророчество Петра Іоанну Калитѣ о Москвѣ и прибавляетъ извѣстіе объ установленіи празднованія Петру преемникомъ его Ѳеогностомъ, до чего не дожилъ Прохоръ. Съ другой стороны, въ Кипріановской біографіи впервые на сѣверѣ является искусственный стиль житій въ полномъ развитіи, со всѣми своими особенностями. Преданіе о видѣніи матери предъ рожденіемъ Петра, записанное Прохоромъ, Кипріанъ не только воспроизводитъ съ новыми чертами, но и прибавляетъ къ нему новое, не разъ повторенное въ другихъ житіяхъ, о чудесномъ дарованіи отроку успѣха въ книжномъ ученіи; подвижничество въ монастырѣ, гдѣ постригся 12-ти-лѣтній Петръ, настоятельство въ основанной имъ обители на Ратѣ описаны тѣми стереотипными чертами, какія съ того времени твердо усвоила себѣ сѣверная агіобіографія; разсказъ начатъ витіеватымъ предисловіемъ, обильно украшенъ вводными разсужденіями и законченъ краткимъ, но столь же краснорѣчивымъ похвальнымъ словомъ святому. Это предисловіе, похвальное слово и многорѣчивыя нефактическія отступленія, прерывающія разсказъ, стали образцами для позднѣйшихъ писателей житій, которые заимствовали у Кипріана не только ихъ литературную форму, но и мысли, въ нихъ вы-

[1]) Макар. Ч. мин. дек., стр. 933: «толика бо молва бысть (на соборѣ) яко мнѣ не безвѣстно что бысть на блаженнаго; и паки между собою иноцы и священницы, князи и вельможи о лживомъ оболганіи на св. Петра вражду имуще вражіимъ наущеніемъ, иные же многія православные храненіемъ св. Духа по св. митрополитѣ поборающе, той же Андрей еп тверьскый, на томъ соборѣ бяше помраченъ лицемъ и умомъ» и проч. Это мѣсто обыкновенно опускается въ другихъ спискахъ, что мѣшаетъ яс ному и точному представленію событія.

сказанныя. Наконецъ ясно заявлена Кипріаномъ главная литературная задача житія, усвоенная позднѣйшими агіобіографами: «праведнику подобаетъ похвала, говоритъ авторъ въ предисловіи, и я, привлекаемый любовію къ пастырю, хочу малое нѣкое похваленіе принести святителю». Съ этой стороны объясняется замѣчаніе Кипріана въ предисловіи: «неправедно судихъ таковаго святителя вѣнецъ не украшенъ нѣкако оставити, аще и прежде насъ бывшіи самохотіемъ преминуша». Онъ зналъ трудъ Прохора, но прилагая къ его простому и сухому разсказу высокую задачу агіобіографа, могъ сказать, что вѣнецъ великаго святителя не имѣлъ въ немъ достойнаго украшенія. Впрочемъ не одно литературное похваленіе святаго предшественника имѣлъ въ виду Кипріанъ, составляя его біографію; въ появленіи послѣдней участвовали и нѣкоторыя практическія побужденія: она была отвѣтомъ на многіе тревожные вопросы времени, силу которыхъ не разъ пришлось почувствовать самому автору. Установленіе въ Москвѣ государственнаго центра, къ которому начала тяготѣть сѣверовосточная Русь, уже въ XIV в. сказалось важными затрудненіями въ русской церковной жизни: съ одной стороны положеніе русской церковной іерархіи между ея высшимъ авторитетомъ въ Царьградѣ и свѣтской властью дома, съ другой—церковное положеніе различныхъ частей Руси, политически раздѣлившихся, — всѣ эти отношенія стали запутываться и требовать новыхъ опредѣленій. Митрополитъ кіевскій и всея Руси живетъ уже не въ Кіевѣ, а въ Москвѣ; Кіевъ уже не тянетъ къ себѣ Руси ни княземъ ни митрополитомъ; Москва далеко еще не тянетъ къ себѣ всей Руси княземъ, но тянетъ ее митрополитомъ; послѣдній, основавшись въ Москвѣ, радѣетъ здѣшнему князю; за это жалуются на него патріарху и тверской и литовскій, просятъ себѣ особаго митрополита, галицкій (съ 1340 г. король польскій) особаго. Въ Москвѣ заводится обычай выставлять своего русскаго

кандидата на митрополію въ ущербъ избирательному праву цареградскаго патріарха съ его соборомъ; избранникъ московскаго князя Митяй по смерти св. Алексія колеблетъ другое право - посвящать избраннаго на русскую митрополію, настаивая на правѣ собора русскихъ епископовъ дѣлать тоже, и съ нимъ соглашаются князь, бояре и многіе епископы. Попавъ въ эту путаницу интересовъ въ качествѣ примирителя, уполномоченнаго патріархомъ, Кипріанъ дѣйствуетъ въ его духѣ, хотя вопреки его инструкціи: не всегда разборчиво пользуясь обстоятельствами, онъ выступаетъ кандидатомъ на южно-русскую митрополію, орудіемъ и поборникомъ тамошнихъ церковныхъ сепаратистовъ, но ставъ кіевскимъ митрополитомъ, самъ стремится къ возсоединенію церкви подъ своею властію, дѣйствуетъ противъ своихъ соперниковъ, обвиняя московскаго же князя въ намѣреніи двоить митрополію [1]), и утвердившись въ Москвѣ, вмѣшивается въ дѣла галицкой митрополіи, не возсоединившейся съ кіевской, за что получаетъ выговоръ отъ патріарха. Кипріанъ вынесъ изъ борьбы ея обычныя пріобрѣтенія: враговъ, горькія воспоминанія, раздраженіе и потребность оправдаться, объяснить свои дѣйствія. Самое удобное средство для послѣдняго представляла жизнь митрополита Петра. Святитель, котораго вся Русь призывала въ молитвахъ, прошелъ чрезъ тѣже смуты русской церковной жизни, отъ которыхъ нравственно и матеріально потерпѣлъ Кипріанъ. Разсказать объ этомъ значило для Кипріана стать подъ защиту великаго имени, осудить враждебныя стремленія и избѣгнуть необходимости разбирать собственныя дѣйствія, о которыхъ хотѣлось молчать. Кипріану не удалось возвратить Галичъ русской митрополіи, и разсказывая о цѣли отправленія Петра въ Царьградъ, онъ за-

[1]) См. посланія Кипріана въ Прав. Соб. 1860 г. II, 99 и 104. Здѣсь откровенно высказаны тѣже тенденціи, которыя потомъ облечены были въ форму біографіи митрополита Петра.

вѣчаетъ, что князь волынскій «совѣщаваетъ совѣтъ неблагъ», захотѣлъ галицкую епископію въ митрополію обратить; Кипріанъ много потерпѣлъ, благодаря избраннику московской свѣтской власти Митяю, и онъ рѣзко выражается о дерзкомъ сопернникѣ Петра, игуменѣ Геронтіѣ, такъ же избранникѣ свѣтской власти, котораго никто не удерживалъ отъ такого «безсловесія» и патріарха заставляетъ напомнить ему церковныя правила о незаконности мірскаго избранія или самовольнаго посвятительства на святительскій престолъ; когда, разсказываетъ Кипріанъ, пріѣхалъ я на Русь въ санѣ русскаго митрополита, «мало что сьпротивно прилучи ми ся ради моихъ грѣховъ», т. е. его долго отвергали въ Москвѣ и не разъ сурово изгоняли,— и разсказывая о пріѣздѣ Петра на Русь въ санѣ митрополита, онъ замѣчаетъ, что исконный врагъ «малу спону святому сътворя», внушилъ *нѣкоторымъ* нежеланіе принимать его, но они скоро образумились и покорились ему смиренно. Иногда еще яснѣе просвѣчиваетъ изъ-подъ пера Кипріана мысль его — стать подъ сѣнью памяти Петра: если до него, какъ высказываетъ онъ въ предисловіи, оставили вѣнецъ святителя безъ достойнаго украшенія, то и въ этомъ видитъ онъ особый даръ святаго ему, Кипріану, чтобы онъ, стоящій на его мѣстѣ и взирающій на его гробъ, получилъ малую мзду отъ Бога, достойно почтивъ память святаго предшественника: «когда, говоритъ онъ въ послѣсловіи, я заболѣлъ въ Царьградѣ и былъ близокъ къ смерти, я призвалъ на помощь св. Петра, молясь ему: если угодно тебѣ, чтобы я достигнулъ твоего престола и поклонился гробу твоему, облегчи болѣзни мои, — и вѣрьте мнѣ, съ того часа исчезли тяжкія болѣзни и я пришелъ и поклонился гробу угодника.» Эта мысль труда Кипріана объясняетъ, почему онъ и не упомянулъ объ отношеніи Петра къ ордѣ, его пастырскую дѣятельность изобразилъ короче Прохора и вовсе опустилъ извѣстіе послѣдняго объ архимандритѣ

Θеодорѣ, котораго Петръ при жизни избралъ себѣ преемникомъ: все это не относилось прямо къ его цѣли, а последнее даже противорѣчило ей, какъ московское нарушеніе избирательнаго права патріарха. Трудно опредѣлить съ точностію, когда написано житіе. Въ послѣсловіи Кипріанъ упоминаетъ о пріемѣ, сдѣланномъ ему «съ радостію и честію великою» великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ (1381); мысль житія и осторожность, съ какою выражается оно о непріятномъ Кипріану свѣтскомъ вмѣшательствѣ въ дѣла церкви, также показываетъ, что Кипріанъ писалъ его уже по окончаніи церковной смуты, примирившись съ московскимъ княземъ. Но въ первый разъ Кипріанъ прожилъ въ Москвѣ недолго, годъ съ небольшимъ и не совсѣмъ спокойно: въ 1382 г. онъ опять и надолго былъ изгнанъ. Записка о его жизни говоритъ, что житіе Петра написано въ подмосковномъ митрополичьемъ селѣ Голенищевѣ, на досугѣ, среди другихъ книжныхъ работъ Кипріана[1]). Вернувшись въ Москву въ 1390 г., онъ нѣсколько лѣтъ былъ занятъ церковными дѣлами и поѣздками по митрополіи и только съ 1397 (до 1404) настало для него вполнѣ спокойное и досужее время, къ которому, повидимому, и относится приведенное извѣстіе. Въ самомъ житіи есть намекъ на то, что оно писано среди другихъ литературныхъ трудовъ и замысловъ автора [2]).

Около того времени, когда Кипріанъ въ Голенищевѣ трудился надъ житіемъ митрополита Петра, въ Сергіевомъ Троицкомъ монастырѣ инокъ Епифаній взялся за перо, чтобы приготовить

---

[1]) Милют. ч. мин. сент., л. 554—561: "Сказаніе вкратцѣ о премудромъ Кипріанѣ митрополитѣ"..

[2]) Въ послѣсловіи, сказавъ о смерти заточеннаго покровителя своего патріарха Филоѳея, Кипріанъ замѣчаетъ (по сп. житія въ Мак. ч. Мин. дек., стр. 947): „я пакы о семь блаженнемь патріархѣ индѣ скажемъ." Въ другихъ спискахъ это замѣчаніе опущено. Труды Кипріана не всѣ приведены въ извѣстность; неизвѣстно, гдѣ исполнилъ онъ свое обѣщаніе о Филоѳеѣ.

матеріалы для біографіи своего учителя, преподобнаго Сергія. Блестящій русскій писатель начала XV в., представитель книжнаго образованія своего времени, Епифаній перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ премудраго. Происхожденіе его неизвѣстно. Въ похвалѣ, которой заканчивается житіе Стефана пермскаго, авторъ обращается къ святому съ словами: «помню, ты очень любилъ меня; при жизни твоей я досаждалъ тебѣ, препирался съ тобою о какомъ-нибудь событіи, о словѣ, о стихѣ писанія или о строкѣ». Разсказывая о жизни Стефана въ ростовскомъ монастырѣ Григорія Богослова, Епифаній пишетъ, что Стефанъ, прилежно читая святыя книги, любилъ останавливаться на каждомъ стихѣ, чтобы выразумѣть его смыслъ, и встрѣтивъ мужа книжнаго и мудраго, «ему совопросникъ и собесѣдникъ бѣаше, и съ нимъ соводворяшеся и обнощеваше и утреневаше, распытая ищемыхъ скоропытнѣ». Отсюда заключаютъ, что Епифаній жилъ въ одномъ монастырѣ съ Стефаномъ. Въ предисловіи къ житію онъ говоритъ, что о Стефанѣ онъ знаетъ иное какъ очевидецъ, другое изъ многократныхъ бесѣдъ съ самимъ Стефаномъ, а объ остальномъ распрашивалъ «старыхъ мужъ»; въ житіи онъ иногда называетъ святаго своимъ учителемъ. Это, по видимому, указываетъ, что Епифаній былъ младшій современникъ Стефана. Ниже увидимъ, что разсказъ о томъ, какъ Стефанъ готовился въ ростовскомъ монастырѣ къ проповѣди, изложенъ Епифаніемъ сбивчиво: можно думать, что онъ пришелъ въ этотъ монастырь гораздо позже Стефана, не задолго до ухода его на проповѣдь, т. е. до 1379 г., еще въ молодыхъ лѣтахъ, и вскорѣ перешелъ въ другой монастырь — къ преподобному Сергію. Пахомій въ послѣсловіи къ житію Сергія называетъ Епифанія ученикомъ послѣдняго, жившимъ «много лѣтъ, паче же отъ самого возраста юности» вмѣстѣ съ святымъ. Но сношенія обоихъ друзей не прекратились и по уходѣ Стефана на апостольское дѣло. Изъ Епифаніевскаго житія

[illegible] видно, что епископъ Стефанъ, въ поѣздкахъ своихъ изъ Перми въ Москву, обыкновенно заѣзжалъ къ Сергію, въ лежавшій на пути монастырь его; здѣсь будущій біографъ пермскаго просвѣтителя слушалъ его разсказы о Перми и ея обращеніи къ христіанству; въ похвалѣ своей Стефану онъ сѣтуетъ, что не присутствовалъ при его кончинѣ и больше уже не увидится съ нимъ. Пахомій въ указанномъ мѣстѣ говоритъ еще, что Епифаній «бѣ духовникъ въ велицѣй лаврѣ всему братству». Отсюда выводятъ, что Епифаній былъ отцомъ духовнымъ и Сергію; но онъ былъ еще молодъ для этого и при кончинѣ Сергія, по видимому, не имѣлъ и степени священника: по крайней мѣрѣ старыя русскія святцы и иконописный подлинникъ начала XVIII в., перечисляя учениковъ Сергія, называютъ Епифанія діакономъ [1]). Считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что послѣдній сталъ іеромонахомъ и духовникомъ обители уже по смерти Сергія. Говоря о Епифаніѣ, обыкновенно указываютъ еще черту его жизни, взятую изъ приписываемаго ему похвальнаго слова Сергію, гдѣ авторъ намекаетъ на свое странствованіе въ Царьградъ, на Аѳонъ и въ Іерусалимъ [2]). Для исторіи извѣстнаго литературнаго направленія на Руси XV в. было бы очень любопытно это извѣстіе объ одномъ изъ первыхъ его представителей, еслибы въ упомянутомъ словѣ не было и другихъ чертъ, обнаруживающихъ въ немъ участіе позднѣйшей руки, какъ увидимъ ниже. Есть хорошій списокъ этого слова по-

[1]) Рук. Моск. дух. Ак. № 209. Ѳ. И. Буслаева — Очерки, т. II, 355.

[2]) Въ этомъ словѣ авторъ или редакторъ говоритъ о Сергіѣ, что онъ въ своемъ монастырѣ „многолѣтное и многострадалное теченіе свое пре[illegible] воли и укрѣпи, не исходя отнудь отъ мѣста своего въ иныя предѣлы развѣ нужда нѣкыя, не взыска царствующаго града, ни Св. Горы или Іерусалима, якоже азъ окаянный и лишенный разума. Улютѣ мнѣ, увы мнѣ, ползая сѣмо и овамо и преплавая суду и овоуду и отъ мѣста на мѣсто преходя!“ По списку 1505 г. въ рук. Тр. Серг. л. № 466, л. 382.

лов. XVI в., въ заглавіи котораго замѣчено: «твореніе инока Пахомія Святыя Горы» [1]). Можетъ быть, это указываетъ въ Пахоміѣ не автора, а только позднѣйшаго редактора слова, которое въ такомъ случаѣ имѣло одинаковую судьбу съ житіемъ Сергія, написаннымъ Епифаніемъ, т. е. было дополнено вставками Похомія. По крайней мѣрѣ форма, въ какой выражено приведенное извѣстіе похвальнаго слова, очень идетъ къ странической судьбѣ Пахомія, водившей его съ Аѳона въ Москву, оттуда въ Сергіевъ монастырь, въ Новгородъ, опять въ Москву, потомъ въ Кирилловъ монастырь на Бѣлоозоро и опять въ Сергіевъ монастырь и въ Москву. Такимъ образомъ Епифаній стоялъ близко къ двумъ самымъ виднымъ дѣятелямъ въ русской церковной жизни второй половины XIV в. и могъ вынести обильный и надежный матеріалъ для ихъ біографіи, а пребываніе въ двухъ монастыряхъ, богатыхъ средствами книжнаго образованія, поставило его въ уровень съ тогдашними литературными требованіями агіобіографіи. Многочисленные тексты, приводимые Епифаніемъ въ обоихъ житіяхъ, показываютъ близкое знакомство его съ Св. Писаніемъ; по цитатамъ въ трудахъ его видно также, что онъ читалъ хронографы, палею, лѣствицу, патерикъ и другія церковно-историческіе источники, также сочиненіе черноризца Храбра. Въ житіи Сергія онъ приводитъ выдержки изъ житій Алексія и Симеона столпниковъ, Ѳеодора Сикеота, Евѳимія Великаго, Антонія, Ѳеодора Едесскаго, Саввы Освященнаго, Ѳеодосія и Петра митрополита по редакціи Кипріана; наконецъ характеръ изложенія обличаетъ въ Епифаніѣ обширную начитанность въ

[1]) Рук. волокол. въ моск. епарх. библ. № 606, л. 151. Въ концѣ рукописи приписка: „сія книга княже Димитреева Ивановича Нѣмого." Это кн. Д. И. Оболенскій-Нѣмой, постриженный Грознымъ въ 1565 г.; о немъ въ обиходникѣ Іосифова волоколамскаго мон. замѣчено: „дача по немъ государская, понеже неволею приведе его Богъ и государь во иночество." Карамз. по изд. Эйнерлинга, IX, прим. 144.

литературѣ церковнаго краснорѣчія. О житіи Сергія онъ самъ разсказываетъ, что принялся за его отдѣлку 26 лѣтъ спустя по смерти святаго, т.-е. въ 1417 — 1418 г. Нѣтъ ясныхъ указаній на время, когда написано житіе Стефана: живость чувства скорби, сказывающагося въ похвалѣ Стефану, и нѣкоторыя выраженія въ ней дѣлаютъ вѣроятнымъ мнѣніе, что житіе написано вскорѣ по смерти епископа [1]). Во всякомъ случаѣ оно старше житія Сергіева, написаннаго Епифаніемъ въ послѣдніе годы жизни: судя по тому, что въ послѣднемъ онъ не говоритъ объ обрѣтеніи мощей святаго въ 1421 г., онъ жилъ не долго послѣ 1418 г. [2]).

Лѣтописецъ XV вѣка замѣчаетъ въ концѣ краткаго некролога, который онъ приложилъ къ извѣстію о смерти Стефана: «есть же отъ житія его и книгы сложены, имущи тетратей съ двадесять; здѣ же мало нѣчто изрекохъ о немъ» [3]). Очеркъ

---

[1]) Преосв.—Макарія, Ист. Р. Ц. V, 231. Архіеп. Филаретъ (Обзоръ I, 120) думаетъ, что житіе написано спустя годъ по смерти Стефана, скончавшагося въ 1396 г., а плачъ церкви пермской нѣсколько позже, — неизвѣстно, на какомъ основаніи.

[2]) Въ житіи Сергія Епифаній дѣлаетъ намекъ еще на одинъ трудъ, повидимому задуманный имъ, хотя неизвѣстно, успѣлъ ли онъ его исполнить или нѣтъ. Въ разсказѣ о постриженіи Θеодора, племянника Сергіева, бывшаго потомъ ростовскимъ архіепископомъ, замѣчено: „прочая же его дѣянія индѣ напишутся, яко убо иного времени подобна требующа слово (синод. № 90, л. 58)“. Сохранившаяся біографія Θеодора есть компиляція, составленная въ XVII в., въ которой не находимъ слѣдовъ существованія его древняго житія. Списокъ ея въ синод. рук. 1723 г. № 580, л. 232—251.

[3]) Этотъ некрологъ занесенъ въ лѣтописный сборникъ XVI в. (П. С. Р. Лѣт. VIII, 69—70), но въ такомъ видѣ, какой могъ быть данъ ему лѣтописцемъ XV в., «нынѣ въ послѣднее время седмыя тысящи, на остановочномъ стѣ» и когда еще живы были «его житію и добродѣтели мнози свидѣтели.» Намъ не удалось найти житіе въ сп. XV в.; даже въ XVI в. полные списки его рѣдки. Самый ранній намъ извѣстный списокъ начала XVI вѣка въ синод. ч. мин. до-макарьевскаго состава, № 91, л. 650—777. Житіе издано въ Пам. стар. р. лит. IV, 119.

лѣтописца составленъ по житію, написанному Епифаніемъ, которое по размѣрамъ своимъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу самыхъ обширныхъ древнерусскихъ житій. Это произошло главнымъ образомъ отъ того, что Епифаній далъ въ своемъ трудѣ широкій просторъ какъ краснорѣчію своего пера, такъ и богатому запасу своей начитанности. Былъ ли онъ на Аѳонѣ и въ другихъ православныхъ центрахъ просвѣщенія или нѣтъ,—но онъ былъ хорошо знакомъ съ современной ему русской книжностью и въ совершенствѣ усвоилъ пріемы образцовыхъ произведеній церковнаго витійства на славянскомъ языкѣ, переводныхъ или оригинальныхъ, которыя стали размножаться въ русской письменности съ его времени. По житію Стефана можно составить значительный лексиконъ тѣхъ искусственныхъ, чуждыхъ русскому языку по своему грамматическому образованію словъ, которыя вносила въ книжный языкъ древней Руси южно-славянская письменность [1]). Реторическія фигуры и всевозможныя амплификаціи разсѣяны въ житіи съ утомительнымъ изобиліемъ; авторъ не любитъ разсказывать и размышлять просто, но облекаетъ часто одну и ту же мысль въ нѣсколько тавтологическихъ оборотовъ; для характеристики святаго онъ набираетъ въ одномъ мѣстѣ 20, въ другомъ 25 эпитетовъ, и почти всѣ они — разные [2]). Онъ самъ очень удачно характеризуетъ свое изложеніе, называя его «плетеніемъ словесъ». Столь же щедро разсыпаетъ онъ свою ученость въ обширныхъ экзегетическихъ или церковно-историческихъ отступленіяхъ, которыми часто прерывается его разсказъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ выписываетъ иногда 5, даже 8 текстовъ; на вопросъ, какимъ образомъ апостолы не достиг-

---

[1]) Наприм. *скорословіе, быстрость, доброразумичіе, умѣтельство* и т. под.

[2]) Пам. стар. р. лит. IV, 160 и 169.

ли пермской земли, онъ дѣлаетъ подробный очеркъ исторіи апостольской проповѣди и потомъ толкуетъ евангельскую притчу о наймѣ дѣлателей человѣкомъ домовитымъ, примѣняя ее къ Пермянамъ; въ разсказѣ о построеніи Стефаномъ устьвымской церкви онъ останавливается на внутреннемъ смыслѣ факта, что она была освящена во имя Благовѣщенія, и изъясняетъ церковно историческое значеніе марта мѣсяца по палеѣ или другому подобному источнику. Въ повѣсти о борьбѣ Стефана съ пермскимъ волхвомъ Памомъ вставлено многословное богословское пренiе между ними, въ которомъ трудно отыскать дѣйствительныя историческія черты, сообщенныя Стефаномъ, и скорѣе можно видѣть полемическое разсужденіе самого автора въ формѣ діалога на тему о превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ. Встрѣчаемъ въ житіи цѣлую статью, составленную изъ текстовъ о призваніи язычниковъ въ христіанскую церковь; за этой статьей слѣдуетъ другая, еще обширнѣе, объ азбукѣ пермской, изобрѣтенной Стефаномъ, гдѣ, подражая монаху Храбру и пользуясь его сочиненіемъ, авторъ излагаетъ происхожденіе еврейскаго, эллинскаго и славянскаго алфавита и потомъ говоритъ о превосходствѣ славянской и пермской грамоты предъ эллинской. Наконецъ житіе завершается похвалой святому въ формѣ, обнаруживающей стремленіе къ художественности: въ трехъ статьяхъ («плачахъ») являются съ длинными монологами пермскіе люди, пермская церковь и біографъ, сѣтующіе о кончинѣ епископа, самъ Стефанъ, обращающійся къ Господу съ молитвою о церкви, и Господь, прославляющій пермскаго апостола. Такая оригинальная форма похвальнаго слова безраздѣльно принадлежитъ одному Епифанію: ни въ одномъ греческомъ переводномъ житіи не могъ онъ найти ее и ни одно русское позднѣйшее, заимствуя отдѣльныя мѣста изъ похвалы Епифанія, не отважилось воспроизвести ея литературную форму. Вообще Епифаній въ своемъ твореніи больше проповѣд-

никъ, чѣмъ біографъ, и въ смѣшеніи житія съ церковнымъ панегирикомъ идетъ гораздо дальше Кипріана. Историческій разсказъ о Стефанѣ въ потокѣ авторскаго витійства является скудными отрывками; собравъ ихъ, получимъ фактическое содержаніе, не соотвѣтствующее обильнымъ источникамъ, какими, повидимому, располагалъ Епифаній и на которые онъ самъ указываетъ въ предисловіи. Младшій братъ Стефана по иночеству, онъ зналъ о немъ иное по слуху или «отъ старыхъ мужъ»; это, очевидно, относится къ первой порѣ жизни Стефана на родинѣ, въ Устюгѣ, и къ тѣмъ годамъ, которые онъ прожилъ въ ростовскомъ монастырѣ до вступленія сюда Епифанія. Другое «и своима очима видѣхъ», замѣчаетъ онъ о времени, проведенномъ вмѣстѣ въ монастырѣ. Потомъ ученики Стефана разсказывали ему о его учительствѣ и управленіи, т. е. о дѣятельности въ Перми; объ этомъ слышалъ онъ разсказы и отъ самого Стефана, встрѣчаясь съ нимъ во время своей жизни въ Сергіевомъ монастырѣ: на это, по нашему мнѣнію, намекаетъ Епифаній словами: «иное же и съ самѣмъ бесѣдовахъ многажды и отъ того навыкъ». Въ самомъ изложеніи Епифанія замѣтны слѣды этихъ бесѣдъ съ Стефаномъ: разсказъ о борьбѣ его съ волхвомъ заканчивается словами епископа, которыя біографъ запомнилъ изъ его разсказа объ этомъ: «преподобный же рече: прѣніе же наше еже съ влъхвомъ, въ немъ же мало не скончася надъ нами одно слово, глаголющее: проидохомъ сквозѣ огнь и воду и изведены въ покой; но обаче отшедшю влъхву обрѣтохомъ покой». Свойство источниковъ отразилось на изложеніи Епифанія. Въ разсказѣ о проповѣди святаго въ Перми есть живыя черты, схваченныя прямо со словъ Стефана или его сотрудниковъ и оставленныя авторомъ въ нетронутомъ реторикой видѣ: успѣху проповѣди болѣе всего помогло разочарованіе Пермянъ въ своихъ страшныхъ, неприкосновенныхъ идолахъ, которые позволяли Стефану безнаказанно бить ихъ обухомъ въ лобъ и

истреблять, и на угрозу волхва напустить боговъ на Стефана новокрещенные отвѣчаютъ: «поснималъ онъ съ славныхъ кумировъ священныя пелены и ихъ безъ вреда износилъ ученикъ и отрокъ его Матвѣйка, нашъ же крещеный Пермякъ; что сдѣлаютъ твои идолы учителю?» Но авторъ при своемъ многословіи не можетъ послѣдовательно изложить ходъ обращенія Перми; онъ передаетъ объ этомъ безъ связи рядъ отдѣльныхъ случаевъ и ихъ иногда не договариваетъ до конца: однажды раздраженная толпа язычниковъ съ луками напала на одинокаго Стефана, онъ держитъ къ нимъ витіеватую рѣчь со множествомъ текстовъ, но чѣмъ кончилось столкновеніе, житіе не говоритъ ни слова [1]). Точно также, кромѣ селенія Устьвыми, гдѣ построена была первая въ Перми церковь съ обителью, Епифаній не указываетъ другихъ мѣстъ дѣятельности Стефана въ Перми. Довольствуясь общими, самыми крупными біографическими чертами, авторъ вообще опускалъ въ разсказѣ подробности или передавалъ ихъ въ неопредѣленномъ видѣ, безъ обстоятельныхъ указаній, какія могъ получить отъ разсказчиковъ многаго и не сохранила его память до того времени, когда онъ принялся за житіе [2]). Здѣсь же источникъ неясности хронологическихъ указаній житія. Стефанъ постригся въ ростовскомъ монастырѣ юношей, прочитавшимъ уже многія книги Ветхаго

[1]) Домак. Ч. Мин. № 91, л. 678—679. Пам. стар. р. лит. IV, 131—132.

[2]) Нѣкоторыя изъ опущенныхъ подробностей записаны въ лѣтописяхъ, наприм. о поѣздкѣ Стефана въ Новгородъ въ 1386 г. и въ Москву въ 1390 г. (П. С. Р. Л. IV, 94. XV, 445). Другія уцѣлѣли въ преданіи: таково извѣстіе, что проповѣдь свою Стефанъ началъ съ зырянскаго села Котласа, при сліяніи Вычегды съ Двиной; таковы преданія объ устьвымской березѣ, которую боготворили Зыряне, и о выселеніи волхва Пама съ упорными послѣдователями изъ Перми. Ист. гор. Соли Вычегодской, А. Соснина. 1789. Рукоп. гр. А. С. Уварова, № 441, л. 123. Вологъ. Губ. Вѣд. 1850, статья «Устьвымъ», № 9.

и Новаго Завѣта, при ростовскомъ епископѣ Пароеніѣ, а при епископѣ Арсеніѣ поставленъ діакономъ. Ни о томъ, ни о другомъ епископѣ нѣтъ точныхъ извѣстій въ лѣтописи. Въ спискѣ ростовскихъ епископовъ Пароеній стоитъ между Петромъ, умершимъ въ 1365 г., и Арсеніемъ; но его нѣтъ между ними въ перечнѣ епископовъ, рукоположенныхъ митрополитомъ Алексіемъ [1]). По отмѣткамъ лѣтописей о времени поставленія нѣкоторыхъ изъ нихъ видно, что епископы исчислены въ перечнѣ въ хронологическомъ порядкѣ рукоположенія: такъ какъ здѣсь за Арсеніемъ ростовскимъ слѣдуетъ Евѳимій тверской, то поставленіе перваго относится ко времени между 1365 г., когда Пароеній занялъ мѣсто Петра, и 1374 г.[2]). По смерти Алексія, повелѣніемъ Митяя, говоритъ житіе, слѣдовательно 1378 г., Стефанъ поставленъ въ іеромонаха. Въ слѣдъ затѣмъ Епифаній говоритъ объ изученіи Стефаномъ пермскаго языка, о составленіи пермской грамоты и переводѣ русскихъ книгъ на пермскій, потомъ объ изученіи греческаго языка. Эти труды разсказаны не совсѣмъ на мѣстѣ, ибо не могли быть дѣломъ 1—2 лѣтъ, а вскорѣ, «на Москвѣ не сущу никому же митрополиту, Алексѣю убо къ Господу отшедшю, а другому не у пришедшю», слѣдовательно въ 1379—1380 г. Стефанъ уже отправился въ Пермь. Самъ Епифаній замѣчаетъ, что обращеніе Перми «издавна сдумано бяше» у Стефана, а пермскому языку всего скорѣе могъ онъ научиться еще на родинѣ, въ Устюгѣ, вблизи пермскаго края. Въ статьѣ объ азбукѣ пермской ея изобрѣтеніе и переводъ книгъ также отнесены ко времени, когда на Руси не было митрополита; но тутъ же Епифаній замѣчаетъ опредѣленнѣе, что это было недавно, «яко *мню* отъ созданія міру въ лѣто 6883(1375)», когда слѣдовательно еще былъ живъ Алексій. Здѣсь

[1]) П. С. Р. Л. VIII, 69. Ник. IV, 8 и 62.
[2]) Ник. IV, 40.

соединены разновременныя извѣстія. Епифаній не зналъ точно хода приготовленія Стефана къ проповѣди, которое началось до вступленія Епифанія въ Ростовскій монастырь; но онъ запомнилъ или слышалъ послѣ толки современниковъ о пермской азбукѣ Стефана: до сихъ поръ не было въ Перми грамоты, жили безъ нея; теперь ли, на исходѣ седьмой тысячи, только за 120 лѣтъ до кончины вѣка грамоту замышлять? Отсюда видно, что изобрѣтеніе Стефана стало извѣстно около 1372 г. Но книги переводились на пермскій языкъ уже при Епифаніѣ, въ послѣдніе годы жизни Стефана въ Ростовскомъ монастырѣ, и объявлены въ Москвѣ, когда Стефанъ ходилъ туда за благословеніемъ на проповѣдь. Принявъ, что Стефанъ сталъ іеромонахомъ лѣтъ 30-ти, можно приблизительно опредѣлить время главнѣйшихъ событій его жизни. Родившись въ концѣ первой половины XIV в., онъ постригся лѣтъ 18-ти, «еще младъ буда въ уности», около 1366 г., когда епископомъ въ Ростовѣ былъ Парѳеній; около 1372 г., при епископѣ Арсеніѣ, онъ сталъ діакономъ и тогда же узнали о его пермской азбукѣ. По лѣтописи, онъ посвященъ въ епископа Перми въ 1383, не имѣя еще повидимому и 40 лѣтъ отъ роду; не задолго до этого старый волхвъ Памъ, убѣждая новокрещенныхъ Пермянъ отстать отъ Стефана, говорилъ: меня слушайте, старца и вашего давняго учителя, а не этого русина, «уна суща возрастомъ, лѣты же предо мною яко сына и яко внука мнѣ».

Другой трудъ Епифанія не сохранилъ своего первоначальнаго вида, какъ житіе Стефана; по крайней мѣрѣ доселѣ не извѣстенъ списокъ, который можно было бы признать подлиннымъ текстомъ написаннаго Епифаніемъ житія Сергія, безъ дополненій, внесенныхъ въ него позднѣйшей рукой. Однакожъ есть указанія, съ помощію которыхъ можно отдѣлить эти дополненія отъ Епифаніева труда. Во всѣхъ спискахъ его разсказъ о кончинѣ Сергія сопровождается повѣстью о проявленіи мощей святаго и

рядомъ чудесъ, заключающихся послѣсловіемъ другаго автора, Пахомія Логоѳета. Въ предисловіи къ житію авторъ излагаетъ программу предпринятаго труда: «нынѣ же, аще Богъ подасть ми, хотѣлъ убо быхъ писати отъ самого рожденія его, и младеньство и дѣтьство, и въ юности и во иночествѣ и во игуменьствѣ и до самого преставленія его». Изъ послѣсловія Пахомія Логоѳета видно, какъ исполнилъ эту программу Епифаній: Сербъ пишетъ объ ученикѣ—біографѣ Сергія, что онъ «по ряду сказаше о рожденіи его и о възрасту и о чудотвореніи (при жизни), о житіи же и о преставленіи». Оба извѣстія согласно говорятъ, что разсказъ Епифанія не простирался далѣе кончины святаго. Этимъ подтверждается приведенное выше его же указаніе, что онъ началъ окончательно отдѣлывать біографію Сергія 26 лѣтъ спустя по смерти послѣдняго (1417—1418), слѣдовательно не могъ имѣть и намѣренія разсказать о обрѣтеніи мощей, происшедшемъ 30 лѣтъ спустя по смерти Сергія. Неизвѣстно, дожилъ ли Епифаній до этого событія; но въ разсказѣ житія о кончинѣ Сергія есть черта, подтверждающая выводъ, что именно здѣсь прервалъ Епифаній свою повѣсть, дописавъ ее раньше обрѣтенія: «не въмного же прострем̃ъ слово, — пишетъ онъ въ концѣ статьи о смерти Сергія, — кто бо възможетъ по достоанію святаго *ублажити?*» Въ этихъ словахъ можно только видѣть обѣщаніе автора приложить къ житію похвалу святому, уже начатую въ статьѣ о кончинѣ его; между тѣмъ въ сохранившихся спискахъ житія далѣе читаемъ разсказъ о проявленіи мощей, очевидно, другаго автора: «приложено же и се да будетъ къ предреченнымъ еже о обрѣтеніи мощей святаго.» Пахомій въ своей редакціи житія Сергія, изложивъ кончину его почти дословно сходно съ Епифаніемъ, опустилъ выписанное обѣщаніе, ибо имѣлъ въ виду разсказать дальше о обрѣтеніи и чудесахъ, за нимъ слѣдовавшихъ. Сочиненіе Епифанія встрѣчается обыкновенно въ спискахъ XVI и XVII в.; списокъ XV

7*

в. —чрезвычайная рѣдкость. Вообще его біографія Сергія была мало распространена въ древнерусской письменности [1]). Это объясняется легко: другой менѣе талантливый, но болѣе популярный писатель Пахомій передѣлалъ трудъ Епифанія прежде чѣмъ онъ распространился въ читающей средѣ, а писцы потомъ охотнѣе переписывали болѣе краткую Пахоміевскую редакцію чѣмъ обширный трудъ Епифанія. Въ библіотекѣ Сергіева монастыря сохранилось 9 списковъ редакціи Пахомія XV в., но не уцѣлѣло ни одного современнаго имъ списка Епифаніева труда; даже отъ XVI в. дошелъ только одинъ его списокъ, если не ошибаемся. Притомъ многія статьи въ Пахоміевской редакціи изложены дословно сходно съ Епифаніевской. Все это вмѣстѣ съ позднѣйшими прибавками, неразлучно сопровождающими Епифаніевскій текстъ въ уцѣлѣвшихъ спискахъ, можетъ возбудить сомнѣніе, принадлежитъ ли этотъ текстъ перу Сергіева ученика, не есть ли онъ произведеніе редактора XVI в., въ иныхъ мѣстахъ передѣлавшаго изложеніе Пахомія, въ другихъ переписавшаго его дословно. Это сомнѣніе устраняется однимъ куріознымъ спискомъ житія XV в. [2]). Здѣсь статьи, входящія въ составъ Епифаніева труда, расположены не въ томъ порядкѣ, какъ въ другихъ его спискахъ, но текстъ большей части ихъ совершенно одинаковъ съ послѣдними; немногія статьи напротивъ изложены въ томъ видѣ, какъ ихъ передѣлалъ Пахомій, нѣкоторыя наконецъ переписаны дважды, въ одномъ мѣстѣ сходно съ Епифаніевскимъ текстомъ, въ другомъ — съ Пахоміевскимъ. Отсюда видно, что

[1]) Основаніемъ для разбора этого труда Епифанія служили намъ списка его XVI в. въ библ. Тр. Серг. л. № 698, л. 1—156, въ сб. волокол. моск. д. акад. № 641, л. 260—407, въ сб. синод. № 90, л. 1—119 XVI—XVII в. въ сб. мнѣ принадлежащемъ и въ Макар. ч. Мин. сент. л. 822—1028, послѣдній безъ предисловія.

[2]) Этотъ единственный сп. XV в., въ которомъ мы встрѣтили текстъ Епифанія, въ рук. Ундольскаго № 370; первые листы его съ предисловіемъ и началомъ житія утрачены.

уже редакторъ XV в. имѣлъ передъ собой два различные текста житія и одинъ изъ нихъ — тотъ самый, который въ спискахъ XVI вѣка приписывается Епифанію. Далѣе, указанное сомнѣніе не можетъ касаться предисловія къ житію: здѣсь авторъ самъ говоритъ о себѣ какъ объ ученикѣ Сергія и очевидцѣ его послѣднихъ подвиговъ, и въ числѣ старцевъ монастыря, повѣдавшихъ ему о болѣе раннемъ времени жизни святаго, называетъ Стефана, его старшаго брата. Но и въ самомъ житіи, разсказывая событія начальной поры монастыря, авторъ иногда ссылается на ихъ свидѣтелей и очевидцевъ, которыхъ не могъ застать въ монастырѣ Пахомій, пришедшій почти сто лѣтъ спустя послѣ того [1]). Наконецъ характеръ изложенія въ житіи Сергія, извѣстные литературные пріемы и даже отдѣльныя фразы напоминаютъ перо біографа Стефана пермскаго. Отдѣливъ такимъ образомъ отъ позднѣйшихъ добавленій подлинный текстъ Епифанія въ редакціи житія, обозначаемой въ спискахъ его именемъ, легко замѣтить и въ самомъ этомъ текстѣ вставки другой руки, впрочемъ очень немногія. Къ разсказу объ основаніи московскаго Андроникова монастыря прибавлено извѣстіе о преемникѣ Андроника, игуменѣ Саввѣ и о посмертномъ исцѣленіи послѣднимъ ученика своего Ефрема. Савва, сколько можно заключать по неяснымъ извѣстіямъ о немъ, умеръ до 1418 г., и замѣтку о немъ могъ написать Епифаній; но не этому біографу Сергія принадлежитъ слѣдующій за тѣмъ разсказъ о построеніи и украшеніи каменной церкви въ монастырѣ преемникомъ Саввы Александромъ и живописцемъ Андреемъ Рублевымъ съ извѣстіемъ о смерти обоихъ, ибо это было много лѣтъ спустя послѣ 1418 г. [2]). Точ-

---

[1]) Эти ссылки въ разсказѣ о постриженіи Сергія и о воскресеніи отрока.

[2]) Нѣтъ точныхъ извѣстій о времени, когда правили монастыремъ Андрониковымъ игумены Савва и Александръ; можно только сказать, что въ первой четверти XV в. (Ист. опис. моск. Спасо-Андрон. мон., стр. 8 и

но также въ разсказѣ о кончинѣ Сергія вставлена замѣтка объ ученикѣ и преемникѣ его Никонѣ: «иже послѣди явлена его въ чюдесѣхъ показа, предводящее слово скажетъ.» Это намекъ на одно чудо (о Симеонѣ Антоновѣ), разсказанное въ позднѣйшемъ прибавленіи къ труду Епифанія и бывшее уже по смерти Никона.

Житіе Сергія не чуждо литературныхъ особенностей, отмѣченныхъ въ разборѣ житія Стефана: то же неумѣнье разсказывать кратко и ясно, та же наклонность вставлять въ разсказъ длинный рядъ текстовъ и вдаваться въ историческое или символическое толкованіе событій. Но это житіе, говоря вообще, богаче фактическимъ содержаніемъ въ сравненіи съ другимъ произведеніемъ Епифанія и сообщаетъ гораздо больше живыхъ чертъ, возможныхъ со стороны современника. Это объясняется многолѣтней жизнью автора на глазахъ Сергія, близкимъ знакомствомъ его съ мѣстомъ описываемыхъ событій, чего не достаетъ въ житіи Стефана, наконецъ обиліемъ живыхъ свидѣтелей жизни святаго. Не лишены интереса разсѣянныя въ предисловіи къ житію замѣтки Епифанія о томъ, какъ писалась эта біографія. Многое онъ самъ видѣлъ и слышалъ отъ Сергія; другое сообщили ему келейникъ Сергія, «вслѣдъ его ходившій время не мало и възліавшій на руку его воду», потомъ братъ святаго Стефанъ, старцы, помнившіе рожденіе и жизнь Сергія до пострижения, другіе старцы, очевидцы постриженія его и дальнѣйшей жизни; для каждой поры въ жизни святаго Епифаній еще

13). По статьѣ о проявленіи мощей Сергія въ житіи его и по житіи Никона, Андрей Рублевъ умеръ вскорѣ по окончаніи каменнаго Троицкаго собора надъ гробомъ Сергія, не задолго до кончины Никона († 1427). Ефремъ былъ игуменомъ въ Андрониковомъ монастырѣ послѣ Александра, но въ житіи Сергія о немъ замѣчено только, что онъ священноинокъ и ученикъ Саввы, «его же свѣдятъ мнози въ наша лѣта.» Такъ могъ сказать и Епифаній.

засталъ въ монастырѣ живыхъ свидѣтелей — очевидцевъ. Въ самомъ житіи встрѣчаемъ черты, подтверждающія эти сообщенія автора: онъ могъ назвать по имени священника, который крестилъ Сергія; зналъ діакона Елисея, отецъ котораго Онисимъ, такъ же діаконъ, является въ числѣ первыхъ иноковъ, пришедшихъ въ пустыню къ Сергію, а родственники этого Онисима, по разсказу Епифанія, пришли въ Радонежъ изъ ростовской области вмѣстѣ съ отцомъ Сергія и другими ростовскими переселенцами. Пользуясь такимъ источниками, Епифаній черезъ годъ или два по смерти Сергія первый началъ писать о его жизни, но только для себя, не для публики, «запаса ради и памяти ради»; написанныя такимъ образомъ «нѣкія главизны» о житіи старца, въ свиткахъ и тетрадяхъ, не приведенныя въ порядокъ, лѣтъ 20 лежали у автора, ждавшаго, не будетъ ли кто другой писать о томъ же. Узнавъ, что никто нигдѣ не пишетъ, Епифаній посовѣтовался съ старцами разумными и черезъ 26 лѣтъ послѣ кончины Сергія принялся писать его житіе «по ряду», т.-е. приводить въ порядокъ, дополнять и отдѣлывать свои старые свитки и тетради. Но Епифанію, очевидно, не вполнѣ удалось достигнуть этого, и расположеніе отдѣльныхъ «главизнъ» въ его трудѣ по сохранившимся спискамъ не соотвѣтствуетъ порядку разсказываемыхъ событій, что̀ затрудняетъ пользованіе житіемъ, какъ историческимъ источникомъ. Это затрудненіе увеличивается еще неясностью хронологическихъ указаній самого автора и ошибками писцовъ. Не разъяснены извѣстія о времени рожденія и смерти Сергія. Шевыревъ прочиталъ въ какомъ-то спискѣ Епифаніевскаго житія его, что святой скончался 6905 г.[1]). Но противъ этого во-первыхъ большая часть списковъ этой редакціи житія, помѣчающихъ время событія 6900 годомъ (25 сент. 1391); во вторыхъ, всѣ намъ из-

[1]) Ист. Р. Словесн. ч. 3, стр. 153.

вѣстные списки Пахоміевской редакціи XV в., числомъ болѣе 10, выставляющіе тотъ же годъ; въ-третьихъ, показанія лѣтописей, которыя записали извѣстіе о кончинѣ Сергія; въ-четвертыхъ, авторитетъ монаховъ Сергіева монастыря, современниковъ Пахомія. Одинъ списокъ Пахоміевской редакціи, писанный въ монастырѣ въ 1459 г., сопровождается припиской руки, переписавшей житіе: «въ лѣто 6900, мѣс. септевріа 25 преставися Сергій чюдотворецъ, а живъ лѣтъ 78; въ лѣто 6967, индикта 6, врунѣлѣто 6... отъ сего лѣта Сергію чюдотворцу настала година 67, а Никону игумену 31 година» [1]). Далѣе, къ извѣстію о годѣ смерти Сергія списки житія обыкновенно прибавляютъ замѣтку, что святой жилъ 78 лѣтъ; но въ началѣ житія Епифаній говоритъ, что Сергій родился «въ княженіе великое тверское, при вел. кн. Димитріѣ Михайловичи, егда бысть рать Ахмулова», т.-е въ 1322 г. Дѣлаютъ различные выходы изъ этихъ противорѣчивыхъ извѣстій одного и того же памятника. Одни стараются примирить несогласныя извѣстія, отыскивая между ними средину: если по одному показанію Сергій родился въ 1322 г., а по другому въ 1318, то полагаютъ время рожденія Сергія между 1318 —

---

[1]) Эта пасхальная приписка 1459 г. въ рук. Тр. Серг. л. № 264, л. 147. Только въ одномъ довольно позднемъ спискѣ епифаніевской ред., по синод. рук. № 90, встрѣтили мы годъ смерти Сергія 6905. Эта ошибка, по вѣроятному объясненію архіеп. Филарета, произошла отъ того, что букву є, которой оканчивалась цифра (лѣто 6900-є), писцы приняли за цифру и поставили подъ титломъ. Р. Свят., сент., прим. 264. Кончина Сергія записана подъ 6900 г. въ лѣт. троицкой, софійскихъ и воскресенской; первая, древнѣйшая по составу, передаетъ о Сергіѣ извѣстія, которыхъ нѣтъ въ житіи и которыя записаны повидимому современникомъ, напр. о болѣзни Сергія въ 1375. П. С. Р. Л. I, 232 и 233. V, 245 VI, 119. VIII, 62. Наконецъ, въ лаврѣ есть Евангеліе, на окладѣ котораго въ числѣ другихъ святыхъ изображенъ и преп. Сергій; этотъ окладъ, какъ видно изъ надписи, сдѣланъ въ мартѣ 1392 г. Ист. опис. Серг. л. М. 1865, стр. 45.

1322 г., приблизительно около 1320 г. [1]). Но хронологическія показанія источниковъ — не мнѣнія ученыхъ и мирить ихъ съ помощію средины значитъ прибавлять къ двумъ несходнымъ и сомнительнымъ показаніямъ источниковъ свое третье, сочиненное. Арх. Филаретъ избралъ другой болѣе рѣшительный путь: принявъ извѣстіе большей части списковъ житія о кончинѣ Сергія въ 6900 г. и о 78 годахъ его жизни, онъ посредствомъ вычитанія получаетъ для рожденія святаго 1313 годъ и затѣмъ отвергаетъ всѣ другія показанія, не примиряя ихъ [2]). Но кромѣ того, что не указаны причины предпочтенія одного показанія житія другому, новое извѣстіе арх. Филарета вступаетъ въ противорѣчіе съ другими показаніями Епифанія. Сергій постригся 23 лѣтъ, по словамъ Епифанія, слѣдовательно въ 1336—1337 г., по выводу Филарета о времени его рожденія; троицкая церковь въ пустынѣ построена Сергіемъ раньше этого съ помощію старшаго брата Стефана, уже овдовѣвшаго и постригшагося; слѣд. сынъ послѣдняго Иванъ, будущій игуменъ симоновскій Θеодоръ, родился еще раньше; онъ постриженъ уже игуменомъ Сергіемъ, слѣд. не раньше 1353 г., и по разсказу Епифанія 10 — 12 лѣтъ, слѣд. не позже 1347 года, по хронологіи Филарета недостаетъ 6 — 7 лѣтъ, чтобы помирить ученаго изслѣдователя съ ученикомъ Сергія. Далѣе, упомянутая церковь построена въ княженіе Симеона, по разсказу Епифанія, слѣд. не раньше 1341 г., а по хронологіи Филарета не позже 1335 г.: опять не достаетъ 6 — 7 лѣтъ [3]). Такъ какъ изъ двухъ противорѣчи-

[1]) Преосв. Макарія — Ист. Р. Ц. IV, 352; авторъ принимаетъ извѣстія о смерти Сергія въ 6905 г. и о 78 годахъ жизни святаго.

[2]) Р. Свят., сент., стр. 126.

[3]) Это послѣднее противорѣчіе замѣчаетъ самъ Филаретъ, но устраняетъ его посредствомъ натяжки. У Епифанія написано: „священа бысть церкви во имя св. Троица благословеніемъ преосв. архіеп. Θеогноста — при вел. кн. Симеонѣ Ивановичѣ, мню убо еже рещи въ начало княженія его." Филаретъ замѣчаетъ: „ясно, что Епифаній, говоря объ освя-

выхъ показаній источника одно непремѣнно ложно, остается оцѣнить сравнительно признаки вѣроятности каждаго и принять одно изъ двухъ, или 78 лѣтъ жизни Сергія или рожденіе его въ 1322 г. Епифаній слышалъ отъ старцевъ, что святой родился въ великокняженіе Димитрія тверскаго, когда была рать Ахмылова; но они не сказали и Епифаній не зналъ, когда, въ какомъ году это было: иначе онъ сообразилъ бы, что въ 1391 году Сергію не было 78 лѣтъ. Еслибы житіе прямо помѣтило событіе **1322 г.**, въ его показаніи, при противорѣчіи съ другимъ, можно было бы усомниться, подозрѣвая ошибку автора или писца; но оно передаетъ извѣстіе въ формѣ, которая сама по себѣ внушаетъ довѣріе. Такова обычная народная хронологія: она считаетъ не годами, а событіями и рѣдко ошибается. Она запомнила, что Сергій родился при великомъ князѣ Димитріѣ, который въ одинъ годъ съ нашествіемъ Ахмыла и на короткое время «подъялъ» великое княженіе подъ Юріемъ московскимъ. Съ другой стороны, въ годъ смерти Сергія едвали были въ монастырѣ люди, помнившіе его рожденіе и дѣтство; тѣмъ менѣе можно предположить ихъ присутствіе черезъ 26 лѣтъ послѣ, когда дописывалось житіе, а поколѣніе младшихъ современниковъ Сергія въ обители его, къ которому принадлежалъ авторъ, легко могло ошибиться въ счетѣ лѣтъ святаго. Вообще въ этомъ послѣднемъ извѣстіи, если даже оно записано самимъ Епифаніемъ, скорѣе можно предположить неточность, чѣмъ въ извѣстіи о времени рожденія; еще менѣе удерживаетъ оно цѣны, если вставлено въ текстъ Епифанія позднѣйшей рукой, что̀ болѣе вѣроятно [1]). Наконецъ, Епифаніево извѣстіе о

щенія храма при кн. Симеонѣ, говоритъ гадательно (тамъ же, прим. 237)" Но ясно именно не это: Епифаній хорошо знаетъ, что церковь освящена при Өеогностѣ и Симеонѣ, а гадательно говоритъ только о томъ, въ какую пору княженія Симеона было это.

[1]) Въ большей части списковъ пахоміевской редакціи и притомъ въ древнѣйшихъ это извѣстіе является въ текстѣ вставкой, его разрывающей

времени рожденія Сергія не только согласно съ дальнѣйшими хронологическими показаніями житія, но и бросаетъ свѣтъ на нѣкоторыя темныя черты послѣдняго и возстановляетъ приблизительную хронологію главнѣйшихъ событій въ исторіи монастыря. Переселеніе Сергіева отца съ другими ростовцами въ Радонежъ Епифаній объясняетъ съ одной стороны московскими насиліями, начавшимися въ Ростовѣ при великомъ князѣ Іоаннѣ Калитѣ, слѣдовательно послѣ 1328 г., съ другой—льготами, манившими переселенцевъ въ Радонежъ, который былъ отданъ Калитой меньшему сыну Андрею. Но по двумъ духовнымъ Калиты, писаннымъ въ 1328 г., Радонежъ завѣщанъ великой княгинѣ Еленѣ съ меньшими дѣтьми, а не Андрею, которому назначенъ особый удѣлъ [1]). Отсюда слѣдуетъ, что эта весь, какъ называетъ ее Епифаній, отошла къ удѣлу Андрея вслѣдствіе новаго раздѣла по смерти княгини Елены, которая умерла по лѣтописи въ 1332 г. Находимъ подтвержденіе извѣстію Епифанія: въ 1373 г. Радонежъ является по лѣтописи въ вотчинѣ Андреева сына Владиміра, а по духовной Симеона 1353 г. Владиміръ «вѣдаетъ уѣздъ отца своего» [2]). Такимъ образомъ переселеніе Сергіева отца въ Радонежъ произошло послѣ 1332 г. Съ того времени до удаленія Сергія въ пустыню прошло по житію не мало времени: младшій братъ его Петръ успѣлъ вырости и жениться, а старшій овдовѣть, имѣя двоихъ сыновей, и постричься; родители ихъ современемъ такъ же постриглись и умерли, поживъ въ иночествѣ «мало лѣтъ», слѣдовательно не одинъ годъ. Все это подтверждаетъ извѣстіе Епифанія, что церковь Троицы, которой

— —

и перенесенной съ полей: «чистую свою и священную душу Господеви предасть, живъ преподобный всѣхъ лѣтъ 70 и 8, въ лѣто 6900». Такъ въ синод. сп. 1459 г. № 637, л. 44, въ сп. Серг. библ. XV в. № 116 и др.

[1]) Собр. гос. грам. и дог. I, №№ 21 и 22; здѣсь же меньшими дѣтьми названы дочери Марья и Өедосья.

[2]) Ник. IV, 39. Сбор. гос. грам. и дог. I, № 25.

ушедшій въ пустыню Сергій началъ строеніе монастыря, освящена въ княженіе Симеона, т.-е. не раньше 1341 г. Это извѣстіе высказано авторомъ съ увѣренностію, а прибавленная къ нему догадка, что это было въ началѣ княженія Симеона, подкрѣпляется замѣткой житія въ другомъ мѣстѣ, что отъ начала строенія «мѣста того» прошло болѣе 15 лѣтъ до заселенія его окрестностей, что было еще въ княженіе Іоанна, брата Симеонова [1]). Сергій постригся 23 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно въ 1345 — 1346 г., и вскорѣ стали приходить къ нему монахи; этимъ объясняется замѣчаніе житія, что Сергій жилъ въ пустынномъ уединеніи, не видя лица человѣческаго, года два «или болѣ или менши, не вѣдѣ (не вѣмъ), Богъ вѣсть» [2]). Первымъ монахамъ, просившимся въ пустыню къ Сергію, онъ говоритъ о монастырѣ еще какъ о будущемъ; слѣдовательно братство начало собираться около пустынника едвали раньше 1346. Сергій принялъ игуменство въ Переяславлѣ, въ отсутствіе митрополита Алексія, отъ Аоанасія волынскаго, который является въ званіи переяславскаго епископа въ духовной Симеона 1353 г.; это скорѣе можно отнести къ поѣздкѣ Алексія въ Царьградъ въ 1353 — 1354 г., чѣмъ къ путешествію его туда же въ 1456.

Таковъ приблизительно хронологическій порядокъ событій въ первой половинѣ житія; гораздо труднѣе возстановить его во второй. Разсказъ біографа становится подробнѣе, распадается на отрывочные эпизоды, которые, благодаря недостатку хронологическихъ указаній автора, нельзя связать съ другими

[1]) Слѣдовательно до 1359 г. Житіе по синод. рук. № 90, л. 62.

[2]) Тамъ же, л. 44. Въ другомъ мѣстѣ житія (л. 37) читаемъ: «довольна времена и лѣта въ лѣсѣ ономъ пустынномъ мужскы пребываше твердѣйшая она душа, несумѣнно претерпѣ безъ приближенія всякого лица человѣча.» Отсюда видно, что онъ жилъ въ пустынѣ уединенно до постриженія и прихода братіи года 3—4 и церковь построена имъ въ 1341—1342 г.

извѣстными событіями времени. Можно только замѣтить по нѣкоторымъ статьямъ житія, что въ существующихъ спискахъ онѣ расположены безъ хронологической послѣдовательности. Одною изъ послѣднихъ статей является разсказъ о попыткѣ митрополита Алексѣя уговорить Сергія занять послѣ него престолъ русской митрополіи, что̀ было не задолго до смерти митрополита въ 1378 г.; между тѣмъ гораздо прежде помѣщенъ въ житіи разсказъ о пермскомъ епископѣ Стефанѣ, относящійся ко времени послѣ 1383 г., когда Стефанъ сталъ епископомъ. Еще замѣтнѣе эта непослѣдовательность въ томъ, что между разсказами о Стефанѣ и Алексіѣ помѣщенъ рядъ статей о монастыряхъ, основанныхъ подъ руководствомъ Сергія, которые всѣ возникли до посвященія Стефана въ епископы, но нѣкоторые послѣ смерти Алексія. Первымъ въ этомъ ряду монастырей-колоній является Андрониковъ; о немъ можно только сказать, что онъ основанъ до 1370 г. [1]). Слѣдующій за нимъ въ житіи Симоновъ монастырь основанъ такъ же при Алексіѣ, но неизвѣстно въ какомъ году; въ позднѣйшемъ житіи Θеодора, племянника Сергіева, находимъ извѣстіе, что онъ, первый игуменъ этого монастыря, былъ духовникомъ великаго князя Димитрія и тысяцкаго; отсюда видно, что онъ сталъ игуменомъ до 1374 г., а монастырь, по тому же житію, основался задолго до игуменства Θеодора [2]). Слѣдующій за Симоновымъ Дубен-

[1]) Житіе митр. Алексія, разсказавъ о построеніи Андроникова монастыря, продолжаетъ: „тако сему бывающу и времени нѣкоему минувшу, св. же Алексѣй митр. отходитъ въ Нижній Новъградъ“ Это было въ 1370 г. П. С. Р. Л. V, 231. VIII, 17. По Ист. росс. іер. (III, 94) монастырь основанъ около 1360 г., по арх. Филарету (Р. Свят., іюнь, 76) въ 1361: ни то, ни другое не подтверждается прямыми указаніями источниковъ. Преданіе, приводимое Филаретомъ (тамъ же, стр. 79), естественнѣе относить къ путешествію Сергія въ Рязань въ 1385 г., а не въ Нижній въ 1365.

[2]) Въ 1374 г. умеръ послѣдній тысяцкій въ Москвѣ, Василій Вельяминовъ, сынъ того Василія Вельяминовича или Протасіевича, тысяцкаго

скій монастырь основанъ, по разсказу Епифанія, вскорѣ послѣ побѣды надъ Мамаемъ въ 1380 г. Послѣ него житіе разсказываетъ о коломенскомъ Голутвиномъ монастырѣ, время основанія котораго неизвѣстно, и наконецъ о серпуховскомъ Высокомъ, который по лѣтописи построенъ въ 1374 г. [1]). Такимъ образомъ и рядъ статей о монастыряхъ учениковъ Сергіевыхъ не имѣетъ хронологической послѣдовательности. Встрѣчаемъ въ житіи замѣтки, показывающія, что самъ Епифаній затруднялся размѣщеніемъ своихъ старыхъ отрывочныхъ записокъ, когда сталъ приводить ихъ въ порядокъ. Такъ вслѣдъ за разсказомъ объ основаніи Ѳеодоромъ Симонова монастыря онъ помѣстилъ разсказъ о видѣніи ангела, бывшемъ раньше, еще до удаленія Ѳеодора изъ обители Сергія, и замѣчая, что помѣстилъ не на мѣстѣ, переходитъ къ статьѣ о Дубенскомъ монастырѣ съ оговоркой: «сіа сказанія преднимъ послѣдуютъ о составленіи монастыря отъ ученикъ святаго еже на Дубенкѣ» [2]).

Обширное похвальное слово Сергію, мало распространенное въ спискахъ, обыкновенно усвояется послѣдними «ученику Сергія священноиноку Епифанію» [3]). Но замѣтка въ упомянутомъ выше волоколамскомъ спискѣ слова показываетъ, что оно приписывалось и перу Пахомія. Ни Пахомій, ни другой позднѣйшій редакторъ Сергіева житія, Симонъ Азарьинъ, говоря о Епифаніѣ, не прибавляютъ извѣстія, что имъ составлено и похвальное слово Сергію. Въ самомъ словѣ встрѣчаемъ два ряда чертъ,

же, который былъ духовнымъ сыномъ Ѳеодорова отца Стефана. П. С. Р. Лѣт. VIII. 21. Ник. IV, 39. Житіе Ѳеодора въ рук. синод. библ. № 580, л. 235.

[1]) Ник. IV, 39.

[2]) Синод. № 90, л. 95; ср. л. 103.

[3]) Самый раннiй списокъ его, намъ извѣстный, въ сб. Тр. Серг. л. № 466, пис. въ 1505 г., л. 372—386; въ этомъ же сб. помѣщено и житіе Сергія, но пахоміевской редакціи. Другой сп. половины XVI в. въ упомян. рук. волокол. Іосифова мон. № 606, л. 151.

которыя или принадлежатъ разнымъ авторамъ, или такъ же противорѣчатъ другъ другу, какъ извѣстія списковъ слова о его авторѣ. Во первыхъ, въ изложеніи слова видны пріемы и особенности Епифаніевскаго пера, утомительно-многословнаго и неистощимаго въ тавтологическомъ «плетеніи словесъ», умѣющаго для характеристики нрава Сергія подобрать 18 прилагательныхъ такъ же легко, какъ 25 эпитетовъ для характеристики Стефана въ его житіи. Очевидецъ Сергія сказывается въ выраженіи похвальнаго слова: «дарова намъ (Богъ) видѣти такова мужа свята и велика старца и бысть въ дни наша» [1]). Во всемъ словѣ нѣтъ и намека на открытіе мощей Сергія, изъ чего можно заключить, что оно писано не по поводу этого открытія и раньше его [2]). Но съ другой стороны, слово говоритъ уже о ракѣ мощей святаго, которую цѣлуютъ вѣрующіе; авторъ обращается къ святому. «се бо мощій твоихъ гробъ передъ очима нашима видимъ есть всегда». Наконецъ читаемъ выраженія, возможныя только въ словѣ, которое произносилось въ церкви на праздникъ святаго [3]). Все это можно было написать уже по открытіи мощей, когда онѣ были переложены въ раку и установлено празднованіе святому; слѣдовательно слово писано Епифаніемъ гораздо позже житія. Но въ томъ же словѣ читаемъ: «прочая его (Сергія) добродѣтели индѣ скажемъ и многая его исправленія индѣ повѣмъ»; слѣдовательно житіе еще не было написано, когда писалось слово [4]). Но въ такомъ

---

[1]) Рук. Тр. Серг. л. № 466, л. 314 и 378.

[2]) Т. е. вслѣдъ за житіемъ, около 1418 г., какъ и думаетъ архіеп. Филаретъ. Обз. русск. д. лит. I, стр. 120.

[3]) „Яко возлюбленныхъ чадъ отець въ духовному веселію нынѣ съзвавши и яко любителя отець въ свѣтлей сей церкви радостно пріемлющи...“

[4]) На этомъ предположеніи останавливается преосв. Макарій, прибавляя, что слово, вѣроятно, читалось братіи въ день кончины святаго. Ист. Р. Ц. V, 237.

случаѣ тотъ же Епифаній въ предисловіи къ житію Сергія не могъ сказать, что 26 лѣтъ прошло отъ кончины святаго и «никто же не дръзняше писати о немъ, ни дальніи ни ближніи, ни большіи ни меньшіи». Біографъ разумѣлъ здѣсь писаніе, которое было бы извѣстно другимъ, а не свои старыя записки о Сергіѣ, писанныя *для себя* и не выходившія изъ его келліи; но онъ не могъ забыть своего похвальнаго слова Сергію, которое читалось въ церкви и въ которомъ есть біографическія черты. Изъ всѣхъ этихъ противорѣчій одинъ выходъ—въ признаніи, что въ Епифаніево слово послѣ открытія мощей внесены вставки Пахоміемъ; онъ же могъ сдѣлать и выписанное обѣщаніе, собираясь послѣ слова подвергнуть передѣлкѣ и написанное Епифаніемъ житіе Сергія, съ той же цѣлью — приспособить его къ чтенію въ церкви.

Въ Епифаніѣ, какъ писателѣ, встрѣчаемъ два условія, которыя рѣдко соединялись въ нашихъ позднѣйшихъ агіобіографахъ: онъ обладалъ литературнымъ талантомъ, вооруженнымъ обширной начитанностью, и былъ близкимъ свидѣтелемъ событій которыя описывалъ, или зналъ ихъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Притомъ въ его литературномъ положеніи была особенность, не существовавшая позднѣе: онъ писалъ въ то время, когда стиль житій у насъ только еще устанавливался, не затвердѣвъ въ неподвижныхъ, холодныхъ формахъ. Потому его витійство не знаетъ границъ и часто подавляетъ фактическое содержаніе; потому же изъ всѣхъ образцовыхъ агіобіографовъ онъ былъ наименѣе доступенъ для чтенія или подражанія, чѣмъ объясняется слабое распространеніе его трудовъ въ древнерусской письменности. Сущность фактовъ у Епифанія пострадала отъ ораторской окраски очень мало, меньше чѣмъ въ большинствѣ позднѣйшихъ житій; но сильно потерпѣли ихъ связь и ясность.

ГЛАВА IV.

Пахомій Логоѳетъ.

Сербъ Пахомій имѣлъ громкое имя между древнерусскими книжниками, а по размѣрамъ и количеству своихъ литературныхъ произведеній едвали не самый плодовитый писатель древней Россіи. Однакожь извѣстія о немъ въ нашей исторической литературѣ сбивчивы и противорѣчивы. Читаемъ напримѣръ, что Пахомій, родомъ сербъ, пришелъ въ Россію съ Аѳонской горы въ Новгородъ во времена архіеп. новгородскаго Іоны, т. е. около 1460 г., а по смерти этого владыки, слѣдовательно послѣ 1470 г., переѣхалъ изъ Новгорода въ Троицкій Сергіевъ монастырь [1]. Архіеп. Филаретъ также начинаетъ литературную дѣятельность Пахомія въ Новгородѣ, во время архіеп. Іоны, и составленіе имъ житій первыхъ Троицкихъ игуменовъ Сергія и Никона относитъ ко времени послѣ переселенія Пахомія изъ Новгорода въ Троицкій монастырь, хотя не указываетъ, когда это случилось. Другіе приводятъ Пахомія въ Россію гораздо раньше: не смотря на то, что въ нашихъ рукописяхъ онъ называется сербиномъ и іеромонахомъ «Святыя Горы», Шевыревъ видитъ въ немъ того болгарина Пахомія, который въ 1410 г. прибылъ на Русь съ митр. Фотіемъ изъ морейской Акакіевой пустыни и потомъ уединялся на берегу озера

[1]) Слов. истор. о писат. дух. чина, ч. 2, стр. 154 и слѣд.

Синега близъ построенной Фотіемъ церкви [1]). Всѣ эти извѣстія не точны. Древнерусскіе писатели такъ же оставили немного свѣдѣній о Пахоміѣ. Не смотря па то, что послѣдній имѣлъ въ Москвѣ значеніе офиціальнаго агіобіографа, по этимъ свѣдѣніямъ нельзя возстановить съ нѣкоторой стройностью и полнотой его біографію; но съ помощію мелкихъ, часто микроскопическихъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ припискахъ на рукописяхъ, въ нѣкоторыхъ памятникахъ древнерусской литературы и въ его собственныхъ многочисленныхъ трудахъ, можно составить перечень этихъ послѣднихъ въ хронологическомъ порядкѣ по крайней мѣрѣ приблизительномъ.

Келарь Троицкаго Сергіева монастыря Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ житію Сергія, написанномъ имъ въ 1653 г., упомянувъ, что послѣ Епифанія Пахомій описалъ житіе и чудеса Сергія, прибавляетъ, что съ того времени прошло болѣе 200 лѣтъ и никто не рѣшился занести дальнѣйшія чудеса преподобнаго въ книгу житія его [2]). Въ припискѣ къ сказанію о обрѣтеніи мощей митр. Алексія, составленному при митр. Макаріѣ въ половинѣ XVI в., замѣчено, что іеромонахъ Пахомій составилъ повѣсть объ Алексіѣ «минувшимъ лѣтомъ мало мнѣе седмидесятимъ» по преставленіи св. Алексія [3]). Изъ обоихъ этихъ извѣстій можно видѣть, что Пахомій явился на Русь и началъ здѣсь свою литературную дѣятельность гораздо раньше того времени, какое указываютъ митроп. Евгеній и архіеп. Филаретъ. Болѣе опредѣленныя указанія извлекаются изъ разсмотрѣнія списковъ составленной Пахоміемъ редакціи житія Сергія. Разбирая это житіе, церковно-историческая критика ограничивается обыкновенно замѣчаніемъ, что Пахомій сократилъ Епифаніев-

---

[1]) Арх. Филаретъ въ Обз. русск. дух. лит. I, стр. 143 и слѣд. Шевыревъ въ Ист. русск. слов. III, стр. XVIII и 315. Ср. Нив. V, 39.

[2]) Врем. Общ. Ист. и Др. Р. X, смѣсь, стр. 3.

[3]) Милют. Ч. Мин. май, л. 1087.

ское житіе, дополнивъ его описаніемъ чудесъ, совершившихся по открытіи мощей Сергія. Выше сдѣлана попытка отдѣлить Епифаніевскій текстъ отъ позднѣйшихъ прибавленій въ редакціи житія, обозначаемой въ спискахъ именемъ Епифанія. Но текстъ и Пахоміева сокращенія не во всѣхъ спискахъ одинаковъ: уже въ спискахъ XV в. онъ представляетъ два разныхъ пересмотра или сокращенія Епифаніевскаго оригинала. Разница преимущественно стилистическая; одинъ изъ пересмотровъ стоитъ въ этомъ отношеніи ближе къ тексту Епифанія, другой представляетъ дальнѣйшее сокращеніе его, болѣе измѣняетъ изложеніе подлинника и при этомъ опускаетъ мѣстами нѣкоторыя фактическія черты, удержанныя въ первомъ пересмотрѣ. Уже поэтому можно догадаться, что второй пересмотръ сдѣланъ позднѣе и на основаніи перваго и служилъ окончательной отдѣлкой новой редакціи житія; здѣсь, можетъ быть, причина того, что онъ преимущественно распространился въ древнерусской письменности, тогда какъ первый, черновой уцѣлѣлъ въ немногихъ спискахъ [1]). Второе сокращеніе встрѣчаемъ уже въ двухъ спискахъ 1459 г. [2]). Далѣе, позднѣйшія статьи, прибавленныя къ Епифаніевскому житію, не простая копія съ Пахоміевской ре-

[1]) Его мы нашли только въ двухъ спискахъ библ. Тр. Серг. л., изъ коихъ одинъ XV в. (№ 746, л. 209), другой пис. въ 1524 г. (№ 771). Списковъ втораго пересмотра въ одной лаврской библ. сохранилось отъ XV в. до 8. О стилистическомъ отношеніи обоихъ пересмотровъ можно судить по началу житія. Перв. пер. по № 746: „Бѣ бо нѣкто мужъ благовѣренъ, бѣ же и закономъ сопряженное подружіе ему Марія. Поучахуся въ заповѣдехъ господнихъ день и нощь, всяческими же добродѣтелми украшени бѣху и едини въ Единому душю съ тѣломъ преклонше, моляху Бога, яко да даруетъ имъ отроча“. Втор. пер.: „Бысть бо нѣкто мужъ въ градѣ Ростовѣ, Курилъ именемъ, благовѣренъ сый и боящися Бога и всякыми добродѣтелми украшенъ сый, тако и съ супружницею своею Маріею именемъ поучающися въ заповѣдехъ господнихъ день и нощь, и едини во Единому душю съ тѣломъ преклонше, моляхуся“.

[2]) Синод. сб. № 637, л. 2. Сб. Тр. Серг. л. № 264, л. 112.

дакціи. Последняя во всѣхъ спискахъ обоихъ пересмотровъ сопровождаетъ разсказъ о кончинѣ Сергія сказаніемъ объ открытіи мощей его и о 12 чудесахъ, послѣ того совершившихся. Тоже сказаніе и тѣже чудеса находимъ въ спискахъ Епифаніевскаго житія; но здѣсь изложеніе ихъ другое, представляетъ болѣе пространную редакцію сравнительно съ изложеніемъ въ собственно Пахоміевскомъ сокращеніи житія. Въ этой пространной редакціи чудесъ есть указанія на то, что и она принадлежитъ перу того же Пахомія и составлена позднѣе сокращеннаго изложенія ихъ въ его редакціи житія: въ чудѣ 12-мъ авторъ разсказываетъ, что сухорукій Леонтій, вошедши въ церковь во время литургіи, сталъ у раки св. Сергія, «всѣмъ братіямъ предстоящимъ и мнѣ, недостойному Пахомію, писавшому въ то время житіе святаго». Возникаетъ вопросъ, какой изъ двухъ пересмотровъ житія разумѣется въ этомъ замѣчаніи редактора. Въ нѣкоторыхъ спискахъ втораго пересмотра упомянутое 12-е чудо сопровождается еще тремя кратко описанными чудесами, происшедшими въ одно время, 31 мая 1449 г. [1]). Ихъ нѣтъ въ спискахъ перваго пересмотра и они, очевидно, приписаны послѣ, при вторичномъ пересмотрѣ житія, который слѣдовательно относится ко времени между 1449 и 1459 г. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Пахоміевской редакціи житія уцѣлѣла замѣтка автора въ началѣ 12 го чуда: «ниже се да умолчится еже *не предъ многими дни* чудо святымъ содѣяся, еже своима очима видѣхомъ» [2]). Есть основанія заключать отсюда, что это чудо было

[1]) Она помѣщены непосредственно предъ послѣсловіемъ Пахомія въ житіи по сп. синод. сб. № 637, л. 54. Въ печатномъ житіи, изданномъ въ полов. XVII в. Симономъ Азарьинымъ, эти чудеса невѣрно помѣчены 1468 годомъ: самый списокъ житія въ указанной синод. рукописи, гдѣ они помѣщены, писанъ раньше, въ 1459 г., какъ обозначено въ припискѣ на первомъ листѣ.

[2]) Наприм. въ синод. сб XVI в. № 555.

послѣднимъ изъ совершившихся въ то время, когда Пахомій оканчивалъ свое первое сокращеніе Епифаніева труда о жизни Сергія: въ спискахъ перваго пересмотра прямо за этимъ чудомъ слѣдуетъ заключительное послѣсловіе автора о себѣ; до этого чуда рядъ чудесъ одинаковъ во всѣхъ спискахъ, а за нимъ мѣняется, въ однихъ помѣщается чудо о пресвитерѣ Симеонѣ, въ другихъ указанныя три чуда 1449 г. Итакъ первый пересмотръ житія начатъ Пахоміемъ до исцѣленія сухорукаго Леонтія и окончепъ вскорѣ послѣ него. Въ разбираемыхъ 12 чудесахъ, о которыхъ разсказываетъ Пахомій послѣ обрѣтенія мощей Сергія, ни по краткому ни по пространному изложенію нѣтъ прямыхъ указаній на ихъ время; но можно замѣтить въ ихъ порядкѣ хронологическую послѣдовательность, не трудную для Пахомія, который одни изъ нихъ видѣлъ самъ, другіе узналъ отъ очевидцевъ. Чудо 4-е есть исцѣленіе боярскаго сына Димитрія Каисы, котораго по лѣтописи находимъ между павшими въ бою съ Татарами въ 1438 г., слѣдовательно совершилось до этого года[1]). Чудо 3-е съ архим. Игнатіемъ записано авторомъ «отъ свидѣтеля устъ», бывшаго очевидцемъ событія; но 8-е «бысть въ наша лѣта», какъ замѣчаетъ авторъ, намекая повидимому, что въ это время онъ былъ уже въ Россіи. Здѣсь разсказывается о знатномъ воинѣ, спасшемся отъ татарскаго плѣна во время нашествія ордынскаго царя Ахметя: описываемыя Пахоміемъ обстоятельства дѣла, удачнаго для Русскихъ въ первомъ бою и кончившагося ихъ пораженіемъ во второмъ, даютъ понять, что рѣчь идетъ о нашествіи изгнаннаго изъ орды Улу-Махмета на Бѣлевъ въ 1438 г. [2]). Во многихъ спискахъ Пахоміевской редакціи втораго пересмотра за исцѣленіемъ сухорукаго слѣдуетъ чудо съ пресвитеромъ Симеономъ, записанное въ Троиц-

---

[1]) П. С. Р. Лѣт. VIII, 107.

[2]) Тамъ же. Ср. Ник. V, 125—127.

комъ монастырѣ съ его словъ. Симеонъ сопровождалъ митр. Исидора на осьмой соборъ въ Италію, но бѣжалъ изъ Венеціи съ тверскимъ посломъ, за это былъ скованъ возвратившимся Исидоромъ, но послѣ бѣгства его изъ Москвы освобожденъ и отправленъ въ Троицкій монастырь къ игумену Зиновію. Это случилось, очевидно, между 1441 г., когда бѣжалъ Исидоръ, и 1443, когда умеръ Зиновій. Помѣщеніемъ чуда съ сухорукимъ между событіями 1438 г. съ одной стороны и 1441—1443 съ другой опредѣляется приблизительно его время, а съ нимъ и время первой работы Пахомія надъ житіемъ Сергія. Находимъ библіографическое подтвержденіе этого вывода. Древнѣйшій списокъ Пахоміевской редакціи перваго пересмотра встрѣчаемъ въ лаврской рукописи XV в. между житіями и похвальными словами, сопровождающимися припиской, которая разсказываетъ о происхожденіи сборника [1]). Буквальный смыслъ этой приписки тотъ, что разсматриваемая рукопись есть списокъ, и уже по видимому не первый, съ сборника, составленнаго на Аѳонѣ въ 1431 г., и этотъ списокъ снятъ по распоряженію Троицкаго игумена Зиновія (1432—1443), но при этомъ переписчикъ

---

[1]) № 746: житіе Сергія здѣсь на л. 209—261; на обор. л. 336 скорописью *одного* почерка приписано: „Въ лѣто 6939 списася книга сія въ святой горѣ Аѳонсцѣ, въ обители царстѣ, въ лаврѣ великаго Аѳанасія, подъ крыліемъ св. Григорія Паламы и преп. отца нашего Петра Аѳонскаго, въ кущи св. и славнаго пророка Илія. Преписася (рукою) многогрѣшнаго и смиреннаго инока Аѳанасія Русина, послѣди же повелѣніемъ господина Зиновія, игумена Сергѣева монастыря, списася грѣшнымъ Іоною, игуменомъ угрѣшскимъ". Эту приписку поняли повидимому такъ, что и житіе Сергія вмѣстѣ съ прочими статьями въ сборникѣ переписано на Аѳонѣ въ 1431 г. (Ист. оп. Серг. Л., изд. 1865 г. стр. 158. Р. Свят. сент. прим. 231). Но какъ попало на Аѳонъ въ томъ году житіе, которое Пахомій, по его собственнымъ словамъ, писалъ въ Сергіевомъ монастырѣ и писалъ послѣ чуда 1438 года. Приписка прежде всего даетъ понять, что сборникъ, въ которомъ она находится, составленъ не на Аѳонѣ, а въ Россіи, и только имѣетъ въ своемъ составѣ произведенія, списанныя на Аѳонѣ въ 1431 г.

внесъ въ сборникъ и житіе русскаго святаго, въ то время только-что составленное Пахоміемъ. Переписка происходила въ послѣдніе годы игуменства Зиновія, и потому въ сборникъ могло попасть житіе, написанное при томъ же игуменѣ и разсказывающее чудеса 1438 и слѣдующихъ лѣтъ.

Невозможно опредѣлить съ точностію время пріѣзда Пахомія въ Москву къ великому князю, о чемъ говоритъ извѣстіе, обыкновенно помѣщаемое въ заглавіи житія преемника Сергіева, игумена Никона [1]). Но около 1440 года Пахомій поселился уже въ Троицкомъ монастырѣ. Съ того времени до 1459 г. здѣсь уцѣлѣли слѣды его пребыванія. Можно думать, что біографія Сергія была первымъ его литературнымъ трудомъ на Руси. Какъ писатель, владѣвшій правильнымъ книжнымъ стилемъ, умѣвшій написать житіе святаго какъ слѣдуетъ, онъ былъ нужный человѣкъ въ монастырѣ, объ основателѣ котораго братія еще не могла послушать подобающаго чтенія въ церкви въ день его памяти: житіе, написанное Епифаніемъ, было слишкомъ обширно для этого и притомъ ничего не говорило ни объ открытіи мощей святаго, ни о чудесахъ, послѣ того совершившихся. Съ обрѣтенія мощей уже праздновали торжественно Сергію; но не видно, чтобъ до Пахомія была написана особая служба на память его. Это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что вмѣстѣ съ житіемъ Пахомій составилъ и службу Сергію, помѣчаемую въ рукописяхъ его именемъ и помѣщенную уже въ сборникѣ 1459 г. [2]). Отъ авторства Пахомій переходилъ къ болѣе простому труду переписчика: въ библіотекѣ Троицкой лавры сохранился списокъ книги Симеона Богослова, написанный рукою Пахомія въ 1443 г., и списокъ Палеи, сдѣланный имъ же въ 1445 г.; въ 1459 г., по порученію казначея того же монасты-

---

[1]) „Твореніе священноинока Пахомія, иже пріиде изъ Срѣбьскыя земля къ в. кн. Василію Василіевичу".

[2]) Синод. № 637, л. 56.

ря, онъ переписалъ псалмы Давидовы съ толкованіями [1]). Въ тоже время продолжалась и литературная дѣятельность. Выше замѣчено, что между 1449 и 1459 г. Пахомій пересмотрѣлъ составленное имъ житіе Сергія и при этомъ внесъ въ него кромѣ трехъ чудесъ 1449 г. новую большую статью — сказаніе о пресвитерѣ Симеонѣ. Вѣроятно, въ тотъ же періодъ жизни въ Сергіевомъ монастырѣ (1440—1459) Пахомій написалъ житіе и службу игумену Никону и дополнилъ Епифаніеву біографію Сергія повѣстью объ открытіи мощей его и слѣдовавшими затѣмъ чудесами, давъ имъ новую, болѣе пространную редакцію сравнительно съ изложеніемъ въ его сокращенномъ житіи Сергія. Прямыхъ указаній на время этихъ работъ нѣтъ; но въ дополненіи Епифаніевскаго житія замѣтны заимствованія изъ біографіи иг. Никона. Въ спискахъ не названъ авторъ краткаго проложнаго житія Сергія; но оно составлено по Пахоміевской редакціи житія, въ древнѣйшихъ спискахъ обыкновенно слѣдуетъ за службой Сергію, написанной Пахоміемъ, и вмѣстѣ съ ней встрѣчается уже въ сборникѣ 1459 г. [2]). Есть списокъ составленнаго Пахоміемъ житія митр. Алексія съ замѣткой въ заглавіи, что оно написано въ 1459 г., по порученію митр. Іоны и собора святителей [3]). Ниже, въ разборѣ этого житія, будутъ изложены основанія, почему можно предполагать, что часть этого новаго труда Пахомія, сказаніе объ открытіи мощей св. Алексія и служба ему были написаны раньше, около

---

[1]) Рук. Тр. Сер. л. № 180; въ концѣ книги Симеона на л. 103 тѣмъ же почеркомъ приписано: „многогрѣшнаго и послѣднѣго Пахоміе, въ лѣто 6951“; въ концѣ Палеи на л. 355: „въ л. 6953.“ Въ рукописи Моск. дух. акад. № 23 приписка того же почерка: „съписана бысть сія божественныя книги псалмы Давидови повелѣньемъ Сергія старца, Сергіева монастыря казначія, рукою послѣдняго въ священноиноцѣхъ таха іеромонаха Пахомія сербина, въ лѣто 6967“.

[2]) Синод. № 637, л. 81—87. Сб. Тр. С. л. XV в. № 116, л. 412.

[3]) Синод. № 556, рукоп. XV—XVI в. л. 140.

1450 года, вскорѣ послѣ того какъ новопоставленный митр. Іона съ соборомъ русскихъ епископовъ установилъ всецерковное празднованіе памяти Алексія.

Такимъ образомъ Пахомій получалъ значеніе офиціальнаго агіобіографа и творца каноновъ и пользовался большой литературной извѣстностью въ русской церковной средѣ. Этимъ объясняется приглашеніе, полученное Пахоміемъ изъ Новгорода. Желая увѣковѣчить въ потомствѣ память объ отечественныхъ, особенно мѣстныхъ новгородскихъ угодникахъ, новгородскій архіеп. Іона поручилъ жившему у него Пахомію написать житія ихъ и каноны для церковнаго празднованія ихъ памяти. Такъ пишетъ біографъ Іоны, прибавляя, что владыка не щадилъ имѣнія для прославленія Божіихъ угодниковъ и щедро вознаградилъ «искуснаго въ книжныхъ слогняхъ» Серба за его литературные труды множествомъ золота, серебра и соболей. Но здѣсь есть нѣкоторая неясность въ извѣстіяхъ о Пахоміѣ. По разсказу упомянутаго біографа Іоны, когда въ Новгородъ пріѣхалъ вел. кн. Василій и здѣсь въ январѣ 1460 г. совершилось надъ его постельникомъ чудо преп. Варлаама, Пахомій жилъ уже въ Новгородѣ, у архіеп. Іоны, который поручилъ ему тогда написать повѣсть о случившемся чудѣ и другія сочиненія. Пребываніе Пахомія въ Новгородѣ послѣ того было непродолжительно: къ началу 1462 г. онъ вернулся въ Москву. Поэтому нельзя не удивиться быстротѣ его пера при томъ количествѣ написанныхъ имъ тогда въ Новгородѣ сочиненій, какое перечисляетъ біографъ архіеп. Іоны. Онъ написалъ сказаніе о чудѣ преп. Варлаама въ 1460 г., житіе этого святаго съ похвальнымъ словомъ и канономъ, также житія блаж. княгини Ольги, преп. Саввы Вишерскаго и предшественника Іоны, архіеп. Евѳимія, съ канонами каждому изъ этихъ святыхъ, наконецъ службу св. Онуфрію, которому былъ посвященъ храмъ въ Отней пустыни, мѣстѣ постриженія Іоны, пользовавшейся потому

его особеннымъ покровительствомъ. По смерти митр. Іоны въ мартѣ 1461 г. владыка новгородскій упросилъ Пахомія написать службу на память этого святителя [1]). Такъ разсказываетъ жизнеописатель-современникъ Іоны, ставя сказаніе о чудѣ 1860 г. на первомъ мѣстѣ въ ряду новгородскихъ трудовъ Пахомія. Но самъ Пахомій въ предисловіи къ житію Варлаама Хутынскаго пишетъ, что онъ пріѣхалъ въ Новгородъ еще при архіеп. Евѳиміѣ, слѣдовательно раньше марта 1458 г., и этотъ владыка поручилъ ему съѣздить въ обитель Варлаама, чтобы собрать свѣдѣнія о чудесахъ его. Очевидно, Евѳимій желалъ, чтобы написано было житіе Варлаама: до своего архіерейства онъ жилъ нѣсколько времени въ Хутынскомъ монастырѣ; въ позднѣйшихъ спискахъ житія Варлаама сохранилось извѣстіе, что онъ думалъ открыть мощи этого святаго [2]). Съ другой стороны, выше указана книга, писанная Пахоміемъ въ 1459 г., по порученію казначея Троицкаго Сергіева монастыря. Остается предположить одно изъ двухъ: или Пахомій писалъ эту книгу, живя въ Новгородѣ, или онъ пріѣзжалъ сюда при архіеп. Іонѣ въ

---

[1]) Списки исчисленныхъ житій указаны ниже въ своемъ мѣстѣ. Канонъ Варлааму безъ имени автора въ трефол. XV в. Тр. С. л. № 617 и Унд. № 100, л. 244; канонъ Саввѣ съ именемъ Пахомія въ сб. Рум. XVI в. № 397, л. 25, въ трефол. XVI в. Тр. С. л. № 624, л. 86, Унд. № 101, л. 75; канонъ митр. Іонѣ Рум. № 397, л. 161; архіеп. Евѳимію тамъ же л. 146, Унд. № 101, л. 324; тропарь изъ службы Евѳимію встрѣчаемъ уже въ сб. 1460 года, принадлежавшемъ преп. Герману соловецкому (солов. библ. № 802). Въ рукописяхъ XVI в. встрѣчаются каноны преп. Онуфрію и кн. Ольгѣ, но безъ имени автора (Рум. № 397, л. 283; Унд. № 104, л. 374).

[2]) Разсказъ объ этомъ помѣщенъ между посмертными чудесами въ житіи по списку въ Милют. ч. мин. ноябр. л. 262, съ ошибочной хронологической замѣткой въ заглавіи: «О смотрѣніи мощей архіеп. Евѳиміемъ въ лѣто 6968». На время, когда написанъ разсказъ, указываетъ замѣчаніе о дьякѣ Иванѣ Караманѣ, державшемъ лампаду при осмотрѣ: «четырехъ мѣсяцевъ не доживе архіепископа Макарія».

1459 г. уже въ другой разъ. Наконецъ, какъ увидимъ ниже, есть основаніе сомнѣваться въ точности извѣстія, будто житіе Саввы Вишерскаго написано въ 1460—1461 г., до отъѣзда Пахомія изъ Новгорода. Біографъ архіеп. Іоны заключаетъ свой перечень новгородскихъ трудовъ Пахомія неожиданнымъ извѣстіемъ, что владыка много уговаривалъ Пахомія написать канонъ Сергію радонежскому, хотя служба ему съ двумя канонами давно уже была составлена Пахоміемъ. Іонѣ хотѣлось, чтобы Пахомій написалъ ему еще нѣсколько житій и каноновъ; но послѣдній отказался, собираясь вернуться въ московскія страны. Тамъ ожидало его новое литературное порученіе. Въ предисловіи къ житію преп. Кирилла Бѣлозерскаго онъ пишетъ, что по благословенію митр. Θеодосія, «овогда повелѣнъ бывъ *тогда* самодръжцемъ в. кн. Васильемъ Васильевичемъ», онъ отправился въ Кирилловъ монастырь, чтобъ на мѣстѣ собрать свѣдѣнія для біографіи святаго. Θеодосій возведенъ на митрополію въ маѣ 1461 г., а в. кн. Василій умеръ въ мартѣ 1462; этимъ опредѣляется время поѣздки Пахомія на Бѣлоозеро. Но изъ словъ автора въ предисловіи можно замѣтить, что эта обширная біографія написана уже по смерти Василія, хотя нельзя опредѣлить, гдѣ и когда именно: едвали не самый древній списокъ ея сохранился въ Сергіевомъ монастырѣ и писанъ около 1470 г. [1]). Въ продолженіе слѣдующаго десятилѣтія (1462—1472) слѣды Пахомія исчезаютъ въ письменности: неизвѣстно, гдѣ онъ жилъ и писалъ ли что-нибудь. Въ 1472 г. онъ снова призванъ былъ къ офиціальному литературному труду.

---

[1]) Время этого списка, писаннаго рукою Паисія Ярославова и вплетеннаго въ сб. Тр. Серг. л. № 764, л. 2—62, опредѣляется припиской въ концѣ его, сдѣланной Паисіемъ: „Господину игумену Спиридонію живон. Троица сіе надписаніе отъ руки грѣшна инока Паисѣя, отъ усердіа съ любовію, аще и не удобренно, но отъ желанія“. Спиридоній игуменствовалъ у Троицы въ 1467—1474 г.

Въ 1472 г. сломали старый Успенскій соборъ въ Москвѣ, основанный митр. Петромъ, и начали строить новый; тогдаже совершено было открытіе и первое перенесеніе мощей св. митрополита на новое мѣсто и день перенесенія, 1 іюля, положили праздновать по всей землѣ. Современный лѣтописецъ замѣчаетъ, что Пахомію поручено было написать слово объ этомъ событіи и службу въ память его [1]). Слово это, совершенно согласное съ извѣстіемъ лѣтописца о его содержаніи и довольно рѣдко встрѣчающееся въ рукописяхъ, иногда помѣчается въ нихъ 24 авг., по ошибкѣ писцовъ, которые смѣшивали первое перенесеніе со вторымъ, бывшимъ 24 авг. 1479 г. Объ этомъ послѣднемъ ни слова не говоритъ Пахомій въ своей повѣсти, заключая разсказъ извѣстіемъ объ установленіи праздника 1 іюля. Въ самой повѣсти есть довольно ясныя указанія на время ея составленія: авторъ говоритъ, что пишетъ по повелѣнію самодержца и архіерея, «иже того самого блаженнаго Петра высокій престолъ *одержащаго*». Этотъ архіерей, какъ поясняетъ Пахомій, есть митр. Филиппъ; повѣсть ничего не говоритъ ни о паденіи основаннаго этимъ митрополитомъ собора въ 1474 г., ни о смерти Филиппа въ апр. 1473 г., выражаясь о немъ какъ о живомъ еще владыкѣ. Отсюда видно, что она составлена вскорѣ, послѣ событія 1 іюля. Сравнивая ее съ двумя лѣтописными сказаніями о томъ же, находимъ, что она гораздо бѣднѣе послѣднихъ

---

[1]) П. С. Лѣт. VI, 196: „И сломаша и пренесоша мощи его іюля въ 1, и праздникъ великъ учиниша; и канонъ пренесенію мощемъ учинити и слово досиѣти о церковномъ замышленіи и о обрѣтеніи чудотворцовѣ и о обрѣтеніи Іоаннѣ повелѣша Пахомью сербину, мниху Сергіева монастыри, иже сотвори два канона“. Это “слово на пренесеніе честныхъ мощей“ въ Макар. ч. мин. авг. стр. 2161. Ср. Рум. № 153, л. 30. Служба въ сб. Тр. Сер. л. 1509 г. № 590; складывая начальныя слова и буквы тропарей канона, получимъ: „повелѣніемъ благочестиваго великаго кн. Іоанна всея Руси, благословеніемъ Филиппа митрополита всея Руси благодарно принесеся рукою многогрѣшнаго Пахомія сербина“.

подробностями и нѣкоторыя изъ нихъ, по замѣчанію одного лѣтописца, передаетъ не вполнѣ точно; но она писана на праздникъ и изложена въ духѣ витіеватой церковной проповѣди, не стремясь быть обстоятельной исторической запиской о событіи[1]). Въ минеяхъ митр. Макарія это слово Пахомія сопровождается сказаніемъ о дальнѣйшей постройкѣ Успенскаго собора и о второмъ перенесеніи мощей митр. Петра въ 1479 г. Архіеп. Филаретъ, повидимому, и это сказаніе приписываетъ Пахомію[2]). Составъ его не поддерживаетъ этого предположенія: оно начинаетъ не прямо съ того, что слѣдовало за перенесеніемъ 1 іюля, описаннымъ въ разсмотрѣнной повѣсти, но повторяетъ послѣднюю, легко передѣлывая изложеніе Пахомія и мѣстами дословно заимствуя у него реторическія украшенія. Это продолженіе Пахоміева слова составлено также въ XV в., вѣроятно вскорѣ послѣ 24 авг. 1479 года[3]). За нимъ слѣдуютъ въ указанномъ спискѣ два похвальныя слова, одно на память св. Петра, другое на перенесеніе его мощей; эти слова также приписываются Пахомію и также едвали принадлежатъ ему[4]). Витіеватое прославленіе святаго уже изложено Пахоміемъ въ

---

[1]) П. С. Лѣт. VI, 194 и слѣд. VIII, 170 и слѣд.

[2]) Макар. Ч. Мин. авг. стр. 2168. Тоже въ Мазют. Ч. Мин. авг. л. 1047. Арх. Филаретъ въ Обз. русск. дух. лит. I, 144 и въ Р. Свят. дек. прим. 206.

[3]) Оно есть въ рук. Унд. № 232, л. 104, писанной не позже 1497 г. Такъ какъ въ 1479 г., вслѣдствіе новаго перенесенья, празднованіе его было, по лѣтописи, перемещено съ 1 іюля на 24 августа, то и слово Пахомія о первомъ перенесеніи стали потомъ переписывать подъ 24 авг.; точно также служба на перенесеніе 1 іюля, написанная Пахоміемъ, уже въ сп. 1509 г. помѣчена 24 авг.

[4]) Макар. ч. мин. авг. стр. 2173 и 2176. Нач. перваго: „Праведныхъ душа въ руцѣ Божіи“. Нач. втораго: „Се настоить, братіе, свѣтоносное праздньство“. Первое помѣщено послѣ сказанія о строеніи Успенскаго собора въ указанномъ сб. Унд. № 232, л. 107; въ нѣкоторыхъ спискахъ оно присоединяется къ Кипріановской редакціи житія св. Петра.

концѣ его слова о перенесеніи 1 іюля; указанныя похвальныя слова — только развитіе этого прославленія, на нѣсколькихъ страницахъ почти дословно сходное въ обоихъ и составленное съ помощію Пахоміева слова, подобно сказанію о второмъ перенесеніи.

Послѣ приведеннаго извѣстія лѣтописца о литературныхъ трудахъ Пахомія въ 1472 г. не находимъ ясныхъ указаній на его дѣятельность; но она еще продолжалась и повидимому не мало лѣтъ. Кромѣ исчисленныхъ произведеній остается значительный и разнообразный рядъ другихъ, изъ коихъ нѣкоторыя писаны послѣ 1472 г. Древнерусская письменность усвояла ихъ Пахомію, но не оставила извѣстій, когда, гдѣ или по какому поводу были они составлены. Сохранились списки канона св. Стефану пермскому, содержащаго въ начальныхъ словахъ и буквахъ нѣкоторыхъ стиховъ извѣстіе, что онъ писанъ «рукою многогрѣшнаго Пахомія сербина, повелѣніемъ владыки Филоѳія епископа», слѣдовательно не раньше 1472 года[1]). Списки житія новгородскаго архіеп. Моисея называютъ авторомъ его того же Пахомія сербина. Указанное выше лѣтописное извѣстіе 1472 г. называетъ Пахомія инокомъ Сергіева монастыря; неизвѣстно, покидалъ ли онъ послѣ того эту обитель и когда умеръ. Біографія Моисея, по содержанію одного чуда въ ней, могла быть написана не раньше 1484 г.; судя по времени пріѣзда Пахомія на Русь, она была послѣднимъ трудомъ его, написаннымъ въ очень преклонныхъ лѣтахъ. Въ службѣ Знаменію Богородицы въ Новгородѣ (чудо 1169 г.) находимъ два канона, оба съ надписью: «твореніе священноинока Пахомія Логоѳета»[2]). Нѣкоторыми чертами изложенія напоминаетъ эти каноны и вооб-

---

[1]) Сп. XV в. въ сб. Тр. Серг. л. № 617, XVI в. въ сб. той же лавры № 624, л. 354, въ сб. Рум. № 397, л. 189.

[2]) Въ синод. сб. № 447, л. 376, въ сб. Унд. № 378, л. 1, въ рук. гр. А. С. Уварова № 65.

ше пріемы пахоміевскаго пера витіеватое похвальное слово Знаменію, обыкновенно присоединяемое въ рукописяхъ къ древнему новгородскому сказанію объ этомъ чудѣ [1]). Наконецъ встрѣчаемъ списокъ житія новгородскаго архіеп. Іоанна, правда поздній, который показываетъ, что древнерусская письменность усвояла и это житіе перу Пахомія [2]). Такихъ указаній, разумѣется, недостаточно для рѣшенія вопроса объ авторѣ двухъ названныхъ произведеній; можно только привести нѣкоторыя соображенія, поддерживающія эти указанія. Главное содержаніе житія архіеп. Іоанна почерпнуто изъ круга мѣстныхъ народныхъ преданій. Имя Іоанна получило важное значеніе въ мѣстной легендѣ благодаря тому, что онъ во время нашествія Суздальцевъ на Новгородъ послужилъ орудіемъ чуда отъ иконы Богородицы, ставшаго любимымъ воспоминаніемъ Новгородцевъ. Память объ этомъ владыкѣ вмѣстѣ съ новгородской стариной оживилась особенно въ XV в., въ эпоху послѣдней борьбы Новгорода съ Москвой. Явленіе его архіеп. Евоѳимію въ 1439 г., какъ разсказываетъ житіе, повело къ открытію его мощей и къ установленію панихиды 4 октября всѣмъ князьямъ и владыкамъ, погребеннымъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Вмѣстѣ съ именемъ Іоанна, подъ вліяніемъ опасностей со стороны Москвы, должно было оживиться и воспоминаніе о чудѣ 1169 г. Это сказывается въ легендахъ, распространявшихся изъ Новгорода въ XV в., о знаменіяхъ, подобныхъ чуду XII в., состоявшихъ въ явленіи слезъ на иконахъ Богородицы [3]). Не указываемый

---

[1]) Списки XVI в. въ синод. сб. № 555, л. 260, въ Макар. ч. мин. ноябрь, стр. 2451, въ сб. Унд. № 571, л. 41.

[2]) Оно въ рукописяхъ обыкновенно встрѣчается безъ имени автора: намъ попался только одинъ списокъ XVII в., сходный съ другими, но съ надписью въ заглавіи: „списано бысть священноинокомъ Пахоміемъ, іеромонахомъ и Логоѳетомъ иже отъ Св. Горы (рук. А. А. Шахова)“.

[3]) См. наприм. П. С. Лѣт. IV, 127; III, 241 и 136; VIII, 158. Можетъ быть, съ однимъ изъ такихъ современныхъ знаменій сближаетъ Па-

въ рукописяхъ поводъ къ составленію двухъ каноновъ Знаменію Пахоміемъ, можетъ быть, побудилъ его написать и похвальное слово объ этомъ чудѣ и житіе архіеп. Іоанна. Труды, предметъ которыхъ заимствованъ изъ церковной исторіи Новгорода, были слѣдствіемъ пребыванія Пахомія въ этомъ городѣ или сношеній съ нимъ, не прерывавшихся и по возвращеніи автора къ Троицѣ. Но трудно догадаться о времени и поводѣ къ написанію четырехъ другихъ произведеній, обозначаемыхъ именемъ Пахомія — повѣсти о страданіи черниговскаго кн. Михаила и его боярина Θеодора съ службой на память ихъ, похвальнаго слова на Покровъ Богородицы и канона въ службѣ св. Борису и Глѣбу [1]). Только о первомъ изъ этихъ сочиненій можно сказать, что оно написано раньше 1473 года: біографъ князя ярославскаго Θеодора, писавшій около этого года, зналъ уже повѣсть о Батыѣ, приложенную Пахоміемъ къ сказанію о кн. Михаилѣ.

хомій древнее чудо въ одномъ стихѣ 2-го канона: „Видѣхомъ преславное *днесь* знаменіе, бывшее отъ божественнаго ти зрака, Мати Божія". Съ другой стороны, въ словѣ о Знаменіи и въ житіи архіеп. Іоанна встрѣчаемъ намеки, обличающіе въ авторѣ человѣка, который жилъ въ эпоху паденія В. Новгорода. Въ словѣ о Знаменіи читаемъ, что Богъ показалъ чудо „иконою Матери Своея, яко да посрамятся иконоборцы". Макар. ч. мин. ноябр. стр. 2452. Авторъ житія Іоанна влагаетъ въ уста его предсмертное поученіе къ паствѣ, въ которомъ говоритъ о чудѣ: „того ради се бысть, да посрамятся иконоборцы, да не растлятся обычая наша и да вѣрою несумѣнною покланяемся св. иконамъ". Нѣтъ извѣстій о какой либо опасности для новгородской паствы временъ Іоанна со стороны иконоборцевъ; но въ 70-хъ годахъ XV в. въ ней бродили мнѣнія такъ-называемой ереси жидовствующихъ, обнаруживавшіяся между прочимъ въ поруганіи иконъ. На то же время указываетъ увѣщаніе Іоанна въ поученіи къ паствѣ: „князя (православнаго) бойтеся, за иновѣрнаго же и нечестиваго князя не предавайтеся".

[1]) Сп. канона кн. Михаилу и бояр. Θеодору съ именемъ автора въ сб. Тр. Серг. л. № 470 и Унд. № 101. Канонъ Борису и Глѣбу въ сб. Тр. л. XV в. № 116 и XVI в. № 646. Слово на Покровъ въ сб. Рум. № 437.

Житія, которыя одни подлежатъ нашему разбору изъ всѣхъ исчисленныхъ разнообразныхъ произведеній Пахомія, распадаются на двѣ группы по отношенію къ нимъ критики. Одни изъ нихъ — только передѣлки прежде написанныхъ и сохранившихся біографій и могутъ быть повѣрены на основаніи послѣднихъ: таковы житія Сергія, митр. Алексія, Варлаама Хутынскаго, архіеп. Моисея и сказаніе о кн. Михаилѣ черниговскомъ. Остальныя стоятъ внѣ такой повѣрки, ибо написаны или прямо по изустнымъ разсказамъ, или на основаніи письменныхъ источниковъ, уже утраченныхъ.

Къ изложеннымъ соображеніямъ о времени написанія и составѣ Пахоміева житія Сергія остается прибавить нѣсколько замѣчаній о значеніи его какъ историческаго источника [1]). Уже древнерусская письменность считала его не самостоятельнымъ произведеніемъ, а только передѣлкой, новой редакціей прежде написанной біографіи: въ большей части списковъ этого житія заглавіе сопровождается замѣткой, что оно «преже списано бысть отъ духовника мудрѣйшаго Епифанія, послѣжде преписано (или «преведено») бысть отъ священноинока Пахомія Св. Горы». Разборъ отношенія Пахоміевской редакціи, служившей образцомъ для другихъ, къ ея оригиналу дастъ одно изъ указаній на то, для чего и какъ дѣлались эти новые «преводы» или редакціи, наполняющія собою древнерусскую письменность житій. Цѣль Пахоміевой передѣлки житія указывается замѣткой въ одномъ спискѣ службы Сергію, откуда видно, что твореніе Пахомія читалось въ церкви на праздникъ памяти святаго;

---

[1]) Списки перваго пересмотра житія указаны выше. Изъ многочисленныхъ списковъ втораго обозначаемъ здѣсь древнѣйшіе: въ сб. синод. № 637, л. 2, и Тр. С. л. № 264, л. 112 (оба списка 1459 г.), въ сб. той же лавры XV в. № 116, л. 355, въ сб. 1505 г. тамъ же № 466, л. 278, въ волокол. сб. Моск. д. ак. XVI в. № 634, л. 1, въ синод. Ч. Мин. домакар. сост. № 169, л. 202, и въ синод. сб. № 555, л. 97.

житіе, написанное Епифаніемъ, не было удобно для этого ни по размѣрамъ, ни по свойству изложенія [1]). Согласно съ такимъ назначеніемъ житіе начинается обращеніемъ къ предстоящей братіи, призывающимъ ее достойно праздновать память святаго. Въ послѣсловіи авторъ выставляетъ главнымъ побужденіемъ къ написанію біографіи посмертныя чудеса святаго, видѣнныя и слышанныя имъ въ обители, которыя онъ первый внесъ въ житіе, ибо при взглядѣ на послѣднее какъ на церковное назидательное слово разсказъ о чудесахъ становится въ его составѣ существенной, необходимой частью. Указанное назначеніе біографіи, съ одной стороны, объясняетъ чрезвычайно сильное распространеніе ея въ древнерусской письменности, съ другой—опредѣлило главныя особенности ея изложенія. Чтобы сообщить своей редакціи размѣры, возможные для церковнаго слова, Пахомій старается возможно больше сократить Епифаніевскій оригиналъ, опуская его многочисленныя реторическія отступленія, сжимая иногда десятокъ его листовъ въ 10 строкъ. Но вмѣстѣ съ реторическими отступленіями исчезли подъ перомъ Пахомія и тѣ живыя, дорогія для историка черты, которыя записалъ въ житіи Епифаній по личнымъ воспоминаніямъ или разсказамъ очевидцевъ, напримѣръ видъ глухой лѣсной пустыни въ то время, когда уединился въ ней Сергій, и постепенное заселеніе ея вмѣстѣ съ развитіемъ монастыря. Такъ изложена редакторомъ бо́льшая половина житія, до статьи объ изведеніи источника; отселѣ перифразъ чередуется у Пахомія съ дословной выпиской. Далѣе, редакторъ опускалъ факты оригинала, какіе находилъ неудобными для чтенія въ церкви, или измѣнялъ ихъ подробности и причины, чтобы сообщить бо-

[1]) Въ сб. Тр. Серг. л. № 466, л. 270 служба Сергію, составленная Пахоміемъ. и на ней *чтеніе*: „Пріидите, честное и святое постникъ сословие“: это—начало предисловія пахоміевской редакціи житіи, которая читалась на службѣ.

лѣе назидательности своему изложенію. Епифаній не былъ москвичъ и не смотрѣлъ на событія московскими глазами: какъ въ житіи Стефана онъ упрекнулъ москвичей за недостаточное признаніе подвиговъ пермскаго просвѣтителя, такъ и здѣсь въ правдивомъ разсказѣ о переселеніи Сергіева отца изъ Ростова не задумался выставить главной причиной событія московскія насилія. Пахомій передалъ фактъ безъ объясненія. Сергій, уходя въ пустыню, отдаетъ свою долю отцовскаго наслѣдства у Епифанія младшему брату, у Пахомія — бѣднымъ, ибо такъ лучше сказать въ житіи; Епифаній просто говоритъ, что въ лѣсу, гдѣ поселился Сергій, было много звѣрей и гадъ, у Пахомія бѣсы преображались въ звѣрей и змѣй и нападали на Сергія; по разсказу Епифанія, Сергій ушелъ изъ своего монастыря на Киржачъ вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ братіи не желали имѣть его игуменомъ и во главѣ ихъ былъ родной братъ его Стефанъ, однажды въ церкви изрекшій на Сергія «многа, еже не лѣпо бѣ»; Пахомій нашелъ неумѣстнымъ напоминать братіи объ этомъ непріятномъ дѣлѣ и объяснилъ удаленіе Сергія желаніемъ отыскать мѣсто для безмолвія, которое постоянно нарушали богомольцы, во множествѣ приходившіе въ монастырь. Наконецъ, кромѣ этихъ поправокъ, вызванныхъ соображеніями редактора, у него есть неточности, происшедшія отъ недосмотра. Онъ знаетъ о жизни Сергія не больше Епифанія, хотя въ послѣсловіи ссылается на разсказы другихъ братій монастыря; онъ вноситъ въ біографію свои мысли, пріемы изложенія, свой прагматизмъ, но не вноситъ новыхъ біографическихъ чертъ. Относясь къ своему труду преимущественно какъ стилистъ, равнодушный къ историческому факту, онъ менѣе заботится о точности и послѣдовательности разсказа. Епифаній внимательно слѣдитъ за постепеннымъ образованіемъ небольшой монашеской общины около радонежскаго пустынника, за ея первоначальной жизнію и развитіемъ монастыря въ связи

съ распространеніемъ его извѣстности. Пахомій стираетъ эти любопытныя подробности своими общими мѣстами, не думая о связи событій, и вслѣдъ за описаніемъ уединенной жизни Сергія говоритъ уже о многочисленной братіи, привлеченной къ нему всюду разносившейся славой его подвиговъ, не поясняя, кто видѣлъ эти подвиги пустынника, не видавшаго лица человѣческаго. Иногда Пахомій безъ всякой причины измѣняетъ порядокъ статей оригинала или, опустивъ одну статью, удерживаетъ ссылку на нее, сдѣланную Епифаніемъ въ другой дальнѣйшей [1]). Такимъ образомъ рядомъ съ уцѣлѣвшей Епифаніевской біографіей редакція Пахомія имѣетъ нѣкоторую цѣну какъ историческій источникъ, только благодаря дополнительнымъ статьямъ объ открытіи мощей и посмертныхъ чудесахъ святаго.

Какъ библіографическая исторія житія митр. Алексія, такъ и его фактическое содержаніе представляютъ много темныхъ, едвали даже разъяснимыхъ пунктовъ. Надъ обработкой этого житія трудился рядъ писателей, начинающійся Питиримомъ въ половинѣ XV в. и оканчивающійся чудовскимъ инокомъ во второй половинѣ XVII в. Пахомій только наиболѣе извѣстный авторъ изъ этого ряда. Исторія житія тѣсно связана съ судьбою мощей св. Алексія и начинается съ ихъ обрѣтенія. Сказаніе о немъ было обработано въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Двѣ изъ нихъ встрѣчаются въ спискахъ Пахоміева житія Алексія, одна краткая, другая распространенная, обѣ съ 8 или 9 чуде-

---

[1]) Статья о Симоновомъ монастырѣ начинается у Пахомія такъ же какъ у Епифанія: „Прежде убо бесѣдовахомъ еже о Стефанѣ, братѣ Сергіевѣ". Но разсказъ о постриженіи Стефанова сына Θеодора, на который здѣсь ссылается Епифаній, опущенъ у Пахомія. Не на мѣстѣ поставленъ у Пахомія напрim. разсказъ о благословеніи Исаакія на молчаніе: у Епифанія онъ слѣдуетъ за статьей о Киржацкомъ монастырѣ, какъ и должно, а не предшествуетъ ей, какъ у Пахомія.

сами [1]). Третья есть передѣлка пространной статьи Пахоміевскаго житія и прибавляетъ къ ея чудесамъ новое—объ исцѣленіи чудовскаго инока хромца, сокращая пространное сказаніе объ этомъ митр. Ѳеодосія [2]). Наконецъ 4-я редакція, съ витіеватымъ предисловіемъ, имѣетъ характеръ церковной бесѣды на праздникъ обрѣтенія мощей 20 мая: это другая передѣлка Пахоміева сказанія, составленная въ Чудовомъ монастырѣ въ XVI в. при митр. Макаріѣ, съ новыми фактическими подробностями и съ прибавленіемъ повѣсти о вторичномъ перенесеніи мощей Алексія послѣ 1483 года [3]). Время обрѣтенія мощей опредѣляется въ этихъ редакціяхъ сказанія двумя противорѣчащими другъ другу извѣстіями: *всѣ* онѣ согласно говорятъ, что это случилось при митр. Фотіѣ, слѣдовательно не позже іюля **1431 г.**; но краткая Пахоміевская и четвертая прибавляютъ, что это было спустя 60 лѣтъ по преставленіи Алексія, слѣдовательно около 1438 г. Остается избрать изъ этихъ показаній вѣроятнѣйшее. Извѣстіе о 60 годахъ взято изъ службы на обрѣтеніе мощей, составленной Питиримомъ, въ которой чи-

---

[1]) Первая въ сп. житія синод. № 90, л. 148, въ Макар. ч. мин. по усп. сп. февр. стр. 826, въ волокол. сб. Моск. д. акад. начала XVI в. № 634, л. 167. Вторая въ синод. сб. XVI в. № 948, л. 131. Въ Милют. ч. мин. февр. л. 338—365 обѣ ред. рядомъ. Въ тѣхъ же спискахъ обѣ ред. сопровождаются двумя похвальными словами, краткимъ и пространнымъ, скомпилированнымъ неловко изъ краткаго и изъ похвалы Сергію Радонежскому.

[2]) Она въ Мак. ч. мин. май, по усп. сп. стр. 1150, по синод. л. 925. Время ея составленія не ясно. Нѣкоторые признаки указываютъ на конецъ XV вѣка: о чудесахъ изъ коихъ послѣднее, исцѣленіе хромца, относится къ 1462 г., въ ней замѣчено: „сія вся чудотворенія не во мнозѣхъ лѣтѣхъ сдѣяшася, иже мнози суть свидѣтели тѣмъ и донынѣ"; она ничего не говоритъ о вторичномъ перенесеніи, которое было не задолго до 1501 г., когда построенную еще при Алексіѣ церковь Чуда, изъ которой перенесены были мощи, разобрали, чтобы выстроить новую (П. С. Лѣт. VIII, 240).

[3]) П. С. Лѣт. VIII, 215. Эта ред. въ Милют. ч. мин. май, л. 1078, о вторичномъ перенесеніи л. 1082.

таетъ: «въ 60-е лѣто обрѣтошася (мощи) невредимы ничимъ же». Но Питиримъ и современники его, разсказами которыхъ пользовался Пахомій, легче могли ошибиться въ числѣ лѣтъ, протекшихъ со смерти Алексія, чѣмъ въ имени митрополита, при которомъ произошло обрѣтеніе, бывшее на ихъ памяти. Притомъ въ одной редакціи житія, правда позднѣйшей, къ указаннымъ противорѣчивымъ извѣстіямъ прибавленъ самый годъ обрѣтенія—1431, которымъ нѣтъ основанія жертвовать для круглой цифры 60 годовъ [1]).

Третья изъ описанныхъ редакцій сказанія сохранила извѣстіе о времени, когда писалъ Питиримъ. Спустя *много* времени по обрѣтеніи, одинъ чудовской іеромонахъ разсказалъ, что ему явился во снѣ Алексій и повелѣлъ еп. Питириму, пріѣхавшему тогда изъ Перми и остановившемуся въ Чудовомъ монастырѣ, написать стихиры и канонъ въ память его. Питиримъ «не мало о семъ потрудися и елика бѣ мощна, сице почте святаго». Составленная служба принесена къ митр. Іонѣ, который по совѣщанію съ соборомъ русскихъ епископовъ постановляетъ праздновать память Алексія 12 февр. и обрѣтеніе 20 мая [2]). Это, очевидно, относится къ 1447 и 1448 гг., когда Питиримъ былъ въ Москвѣ, участвуя вмѣстѣ съ другими епископами въ соборныхъ совѣщаніяхъ и между прочимъ въ поставленіи Іоны (дек. 1448 г.) на митрополію [3]). Въ приведенномъ извѣстіи нѣтъ прямаго

[1]) Ник. IV, 63. Фотій умеръ въ іюлѣ 1431, а мощи обрѣтены въ маѣ Поэтому мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ 1431 годъ обрѣтенія, принимаемый арх. Филаретомъ (Р. Свят. февр. стр. 116), чѣмъ 1439, принимаемый преосв. Макаріемъ на основаніи Питиримовой службы (Ист. Р. Ц. V, 239).

[2]) Макар. ч. мин. по усп. сп. май, стр. 1151.

[3]) Этимъ опровергается мнѣніе преосв. Макарія, что служба составлена Питиримомъ *тотчасъ* по открытіи мощей (Ист. Р. Ц. IV, 255): 3-я редакція сказанія прямо говоритъ, что явленіе Алексія было „времени уже не малу мимошедшу“ по обрѣтеніи.

указанія на то, чтобы тогда же составлено было Питиримомъ и житіе Алексія; но Пахомій главнымъ источникомъ своей біографіи Алексія выставляетъ въ предисловіи писаніе *архимандрита* Питирима, «иже послѣди бысть въ Перми епископъ». Эти слова могутъ навести на мысль, что Питиримъ составилъ жизнеописаніе Алексія гораздо прежде службы и своего епископства [1]). Но изъ словъ того же Пахомія можно замѣтить, что онъ выразился не совсѣмъ точно и что Питиримъ написалъ житіе въ одно время съ службой, передъ возвращеніемъ въ Пермь, не имѣя досуга: «сей убо предиречешный епископъ, продолжаетъ Пахомій, нѣчто мало о святѣмъ списа и канонъ тому во хвалу изложи... прочая же не посиѣ, времяни тако зовущу». Притомъ составленіе службы дѣлало необходимымъ «чтеніе» или краткую «память» о святомъ на 6-й пѣсни канона. Если таково происхожденіе Питиримовскаго житія, то можно найти нѣкоторыя основанія для простой догадки церковныхъ историковъ, приписывающихъ Питириму краткое житіе, сохранившееся въ рукописяхъ и въ одной лѣтописи [2]). Оно отличается вполнѣ характеромъ сухой проложной записки, какая требовалась для церковной службы; къ нему приложима замѣтка Пахомія, что Питиримъ не успѣлъ написать всего, если разумѣть здѣсь чудеса и похвалу, которыхъ нѣтъ при этой запискѣ; сличая послѣднюю съ Пахоміевскимъ житіемъ, можно замѣтить, что первая могла быть источникомъ втораго, но невозможно пред-

---

[1]) Такъ въ Степ. I, 445, въ Словарѣ дух. пис. II, 168, въ Ист. Р. Ц. преосв. Макарія, V, 239.

[2]) Макар. ч. мин. по усп. сп. февр. стр. 824—826. П. С. Лѣт. VIII. 26—28. Оба списка представляютъ разныя рецензіи; первоначальная изъ нихъ повидимому въ лѣтописи. Нач. по сп. Мак. миней: „Сей убо преп. отець нашь Алексій митрополитъ бѣяше родомъ боляринъ, славныхъ и нарочитыхъ болярь„. Позднѣйшая передѣлка этой ред. въ печатномъ московскомъ прологѣ 1641 г. съ ошибками.

положить въ ней его позднѣйшаго сокращенія, ибо она гораздо богаче его фактами и не во всемъ съ нимъ согласна; наконецъ встрѣчаемъ въ ней выраженія, показывающія, что она писана около половины XV в. или не позже 1483 г. [1]). Опредѣленіе собора праздновать обрѣтеніе 20 мая и составленіе службы Питиримомъ на этотъ праздникъ вызывало потребность въ особомъ сказаніи объ этомъ событіи, чего не успѣлъ сдѣлать пермскій епископъ. Написать такое сказаніе вмѣстѣ съ службой на 12 февр. и полнымъ житіемъ, по всей вѣроятности, было тогда же поручено соборомъ Пахомію. Къ этому собору всего скорѣе можно отнести замѣтку въ заглавіи Пахоміевой службы на преставленіе Алексія, что она составлена по благословенію митр. Іоны и «проразсуженіемъ еже о немъ честнаго събора святительска» [2]). Порученіе собора относительно житія Пахомій исполнилъ позднѣе, въ 1459 г.; но службу и повѣсть о обрѣтеніи, какъ болѣе нужныя для церкви, онъ долженъ былъ написать скоро, около 1450. Это подтверждается припиской къ упомянутой выше 4-й редакціи сказанія о обрѣтеніи, которая указываетъ приблизительно на тоже время [3]).

---

[1]) О началѣ княженія Іоанна II житіе говоритъ: "самъ князь въ орду отходитъ къ царю, *кожє есть обычай*, взяти великое княженіе". Въ Чудовомъ мон. Алексій поставилъ „трапезу велію камену и погребы камены, *еже есть и донынѣ*". Но въ 1483 была заложена новая трапеза, о которой лѣтопись говоритъ: „того же лѣта заложи чудовскій архимандритъ трапезу камену, а старую разруши". П. С. Лѣт. IV, 235.

[2]) Такъ по сп. службы въ минеѣ 2-й полов. XV в., рук. Тр. Серг. л. № 528, и въ волокол. сб. Моск. д. акад. нач. XVI в. № 634. Такая же замѣтка и въ заглавіи пахоміевскаго житія Алексія.

[3]) Милют. ч. мин. май л. 1087: „по преставленіи св. Алексія минувшимъ лѣтомъ мало мнѣе седмидесятимъ паки (послѣ Питирима) составися повѣсть сія ермонахомъ Пахоміемъ... благословеніемъ Іоны митрополита." Этимъ объясняется происхожденіе двухъ сказаній Пахомія о обрѣтеніи: первое, пространное, вносившееся въ списки житія съ особымъ загла-

При разборѣ содержанія Пахоміевскаго житія Алексія надобно имѣть въ виду, что очень рѣдко можно встрѣтить его въ исправномъ спискѣ, безъ очевидныхъ грубыхъ ошибокъ и пропусковъ [1]). Въ предисловіи Пахомій говоритъ, что слышалъ объ Алексіѣ отъ «великихъ и достовѣрныхъ мужъ», изъ коихъ нѣкоторые еще помнили святаго, «прочая же и достовѣрнѣйшая» узналъ изъ сочиненія Питирима. Если краткое житіе, сохранившееся въ лѣтописи и съ варіантами въ рукописяхъ, дѣйствительно написано Питиримомъ, то оно оправдываетъ отзывъ Пахомія, что епископъ «нѣчто мало» написалъ о святомъ, но не оправдываетъ другаго его отзыва объ этомъ источникѣ, какъ наиболѣе достовѣрномъ. Это житіе передаетъ очень мало свѣдѣній о жизни Алексія, особенно о самой важной порѣ ея, когда Алексій правилъ митрополіей: о борьбѣ съ югозападными соперниками, о церковныхъ и политическихъ отношеніяхъ митрополита въ Москвѣ не указано ни одного факта; даже изъ монастырей, имъ основанныхъ, упомянутъ одинъ Чудовъ. Но и то, что̀ есть въ житіи, не всегда ясно и достовѣрно. Такъ время рожденія Алексія опредѣляется тремя извѣстіями, изъ которыхъ каждое противорѣчитъ двумъ остальнымъ: 1) Алексій родился въ великокняженіе Михаила Ярославича тверскаго, до

віемъ, написано раньше житія; второе безъ особаго заглавія, не отдѣляемое отъ житія, составлено одновременно съ нимъ и есть только сокращеніе первой редакціи, въ которое Пахомій вставилъ приведенное извѣстіе Питирима о 60 годахъ.

1) Сп. XV—XVI в. въ синод. сб. № 556, л. 140—165. Въ оригиналѣ, съ котораго снятъ этотъ списокъ, листъ похвалы, сопровождающей житіе, вѣроятно, оторвался и попалъ между листами предисловія; писецъ такъ и переписалъ ихъ, не замѣтивъ безсмыслицы, отсюда происшедшей, и поставивъ библіографа въ опасность открыть новую редакцію житія. Исправнѣе другихъ списки XV—XVI в. въ сб. Тр. С. л. № 643, л. 320, въ сб. синод. № 948, л. 118; другіе съ пропусками въ сб. волокол. XVI в. въ Моск. дух. акад. № 634, л. 167, въ сб. синод. № 90, л. 148, № 555, л. 562, и въ Макар. ч. мин. по усп. сп. февр. стр. 826.

убіенія Акинѳова, слѣдовательно въ 1304 г., когда сталъ великимъ княземъ Михаилъ и убитъ его бояринъ Акинѳъ; 2) Алексій былъ 17-ю годами старше вел. кн. Симеона (Гордаго), слѣдовательно родился 1299 г.; 3) Алексій скончался 85 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно родился 1293 г. [1]). У Пахомія въ разсказѣ до вступленія Алексія на митрополію встрѣчаемъ опущенную въ краткомъ житіи легенду о пророческомъ гласѣ, слышанномъ 12-тилѣтнимъ боярскимъ сыномъ во время ловли птичекъ. Но, съ другой стороны, Пахомій далеко не воспроизводитъ всего, что есть въ краткомъ житіи: однѣ черты его онъ опускаетъ, замѣняя ихъ общими мѣстами житій, другія передаетъ неточно, не вникнувъ въ связь и послѣдовательность событій. По краткому житію Алексій родился въ Москвѣ, по переселеніи сюда родителей, при великомъ кн. Михаилѣ тверскомъ и при митр. Максимѣ, до убіенія Акинѳа, и его крестилъ кн. Иванъ Даниловичъ; Пахомій, не разобравъ или не запомнивъ этихъ сложныхъ указаній, разсказываетъ проще, что отецъ Алексія переселился въ Москву во дни великаго кн. Ивана Даниловича, «тогда убо тому великое княженіе держащу», т. е.

---

[1]) П. С. Лѣт. VII, 184. Ник. III, 102. Въ 1333 г. Симеону было по лѣтописи 17 лѣтъ, слѣд. онъ род. 1316 (П. С. Лѣт. VII, 204). Извѣстіе о 85 годахъ жизни Алексія сочинено біографомъ на основаніи приблизительныхъ, круглыхъ чиселъ, принятыхъ имъ за точныя: 20 лѣтъ жизни до постриженія, 40 лѣтъ иночества до посвященія въ епископа (въ дек. 1352). По Пахомію, Алексій постригся 15 лѣтъ; авторъ краткаго житія самъ говоритъ въ началѣ, что Алексій иночествовалъ до епископства около 40 лѣтъ, а въ концѣ для суммы лѣтъ всей жизни беретъ полныя 40. Отнявъ эти прибавки, приблизимъ время рожденія Алексія ко второму извѣстію; но согласить его съ первымъ можно только предположеніемъ, что здѣсь перемѣшаны событія и что указаніе на 1299 г., когда по лѣтописи весь Кіевъ разбѣжался отъ насилій татарскихъ, относится не къ рожденію Алексія, бывшему позже, а къ переселенію его родителей въ Москву изъ Чернигова, вызванному тѣми же насиліями, какъ прямо говоритъ пахоміевское житіе.

дѣлаетъ анахронизмъ почти на 30 лѣтъ. Точно также назначеніе Алексія на митрополію онъ относитъ исключительно ко времени вел. кн. Ивана Ивановича и ни слова не говоритъ объ отношеніяхъ Алексія къ вел. кн. Симеону и митр. Θеогносту, ясно указанныхъ въ краткомъ житіи и подготовившихъ это назначеніе. За то въ описаніе святительства митр. Алексія Пахомій вводитъ новые эпизоды, которыхъ нѣтъ въ краткомъ житіи. Изъ нихъ разсказъ объ основаніи Андроникова монастыря и о попыткѣ Алексія уговорить преп. Сергія на митрополію Пахомій буквально выписалъ изъ своего житія Сергія [1]). Сверхъ этого Пахомій разсказываетъ о двухъ поѣздкахъ Алексія въ орду: къ царю Бердибеку — довольно близко къ разсказу лѣтописи подъ 1357 г. и къ Амурату, хану съ 1361 г., для исцѣленія его жены, не названной у Пахомія по имени. Нѣкоторыя лѣтописи и житіе по редакціи XVI в., согласно съ сохранившимся ярлыкомъ, называютъ царицу Тайдулой, женой Чанибека, и относятъ ея исцѣленіе къ тому же 1357 г. Принявъ эту поправку, церковные историки однакожъ разсказываютъ вслѣдъ за Пахоміемъ о двухъ поѣздкахъ Алексія, относя обѣ къ 1357, одну ко времени Чанибека, другую ко времени сына его Бердибека, въ томъ же году сѣвшаго на мѣсто отца [2]). Но ни одна лѣтопись не говоритъ о двухъ поѣздкахъ; по одной ясно видно, что Алексій поѣхалъ еще при Чанибекѣ, но вернулся при Бердибекѣ; согласно съ нею и позднѣйшія редакціи житія говорятъ только

---

[1]) Слѣдующія за разсказомъ объ Андрониковомъ монастырѣ краткія извѣстія объ основаніи Алексіемъ монастырей Благовѣщенскаго въ Нижнемъ и Константиновскаго во Владимірѣ не точны: первый по лѣтописи существовалъ уже въ 1229 г., а второй въ 1276. П. С. Лѣт. I, 192. Ник. III, 59. Алексій только возстановилъ или поддержалъ эти монастыри.

[2]) П. С. Лѣт. IV, 63. VIII, 10. Ник. III, 208 и IV, 61. Преосв. Макарій въ Ист. Р. Ц. IV, 47. Арх. Филаретъ въ Р. Свят. февр. стр. 95.

объ одной поѣздкѣ [1]). По всей вѣроятности историки впадаютъ здѣсь въ одинаковую ошибку съ Пахоміемъ, различно повторяютъ одно и тоже событіе, заимствуя его изъ разныхъ источниковъ.—Наконецъ, набравъ извѣстій кой-откуда, Пахомій далъ имъ въ житіи случайный порядокъ и спуталъ ихъ хронологическую послѣдовательность; оттого Чудовъ монастырь, основанный въ 1365 году, является у него послѣ нижегородскаго Благовѣщенскаго, построеннаго въ 1370. Такимъ образомъ редакція Пахомія прибавляетъ только новыя ошибки къ Питиримовскимъ и составлена такъ, что ниже ея въ литературномъ и фактическомъ отношеніи стоятъ немногія житія въ древнерусской литературѣ. Изъ разсмотрѣнной исторіи жизнеописанія Алексія въ XV в. можно извлечь одинъ фактъ, характеризующій московскую письменность этого времени: 70—80 лѣтъ спустя по смерти знаменитаго святителя въ Москвѣ не умѣли написать порядочной и вѣрной его біографіи, даже по порученію великаго князя и митрополита съ соборомъ.

Въ чудесахъ, приложенныхъ Пахоміемъ къ повѣсти о обрѣтеніи мощей, нѣтъ прямыхъ хронологическихъ указаній, но есть намеки, показывающіе, что они всѣ произошли послѣ обрѣтенія, не задолго до составленія Пахоміевскаго житія [2]).

Въ рукописяхъ XVI в. встрѣчается особая редакція житія Варлаама Хутынскаго, отличающаяся и отъ краткой первона-

---

[1]) Ник. III, 209. Къ этому можно прибавить невѣроятную быстроту, съ какою совершены Алексіемъ тяжкія въ то время странствія въ орду: въ первый разъ онъ поѣхалъ, какъ видно изъ лѣтописи, 18 августа, слѣд. дважды съѣздилъ въ 4 мѣсяца, такъ что въ январѣ слѣдующаго года послѣ Крещенія могъ предпринять уже поѣздку изъ Москвы въ Кіевъ.

[2]) Въ 5-мъ чудѣ читаютъ уже канонъ святаго, написанный въ 1448—1449 гг., а въ 4-мъ говорится о славномъ московскомъ мужѣ Владимірѣ, построившемъ церковь Воздвиженія: это—московскій бояринъ Вл. Гр. Ховринъ, построившій на своемъ дворѣ каменную церковь Воздвиженія въ 1450 г. П. С. Лѣт. V, 270. VIII, 123. См. выше стр. 133.

чальной и отъ Пахоміевской, — отъ послѣдней отсутствіемъ предисловія и большей краткостью въ изложеніи одинаковаго содержанія, отъ первой описаніемъ чудесъ при жизни и по смерти Варлаама, чего нѣтъ въ первоначальной редакціи [1]). По нѣкоторымъ признакамъ можно видѣть, что эта редакція есть по времени происхожденія вторая обработка житія, предшествовавшая Пахоміевской. Въ сказаніи о чудѣ Варлаама 1460 г. Пахомій замѣчаетъ, что больной постельникъ великаго князя «издавна имяше у себя житіе преп. Варлаама и часто прочиташе того чюдеса». Это замѣчаніе не можетъ относиться ни къ Пахоміевой редакціи, составленной не раньше того года, въ январѣ котораго совершилось чудо, ни къ первоначальной, въ которой нѣтъ чудесъ. Разсказъ о «благовѣщаніи отрока», одномъ изъ чудесъ святаго при жизни, вторая редакція начинаетъ фразой, въ которой можно видѣть хронологическое указаніе: «бѣ бо, рече, тогда князь въ Великомъ Новѣградѣ, якоже обычай есть того града гражаномъ своею волею князя дръжати». Едвали можно было выразиться такъ во второй половинѣ XV в., и Пахомій, воспроизводя это чудо въ своей редакціи, долженъ былъ сказать просто: «пріиде князь... его же своею волею себѣ имяху». Наконецъ, описанію посмертныхъ чудесъ разсматриваемая редакція предпосылаетъ замѣтку, что эти чудеса «не предъ многими лѣты сдѣашася», а послѣднее изъ нихъ, исцѣленіе кн. Константина, по извѣстію въ нѣкоторыхъ спискахъ редакціи, относится ко времени в. кн. Василія Димитріевича, когда Константинъ былъ намѣстникомъ въ Новго-

---

[1]) Списки ея: XV—XVI в, въ синод. сб. № 556, л. 711; XVI в. въ синод. сб. № 948, л. 144, Унд. № 565, л. 58. Нач. „Сей преп. отець нашъ Варлаамъ родися въ В. Новѣгородѣ отъ благовѣрну и христіану родителю, отца нисоемъ Михаила“. Первый изъ указанныхъ списковъ оканчивается 3-мъ посмертнымъ чудомъ съ кн. Константиномъ Димитріевичемъ; въ другихъ затѣмъ слѣдуютъ позднѣе прибавленныя къ этой редакціи Пахоміево похвальное слово Варлааму и чудо 1460 г.

родѣ, слѣдовательно совершилось въ 1408—1411 г. [1]). Эти чудеса, очевидно, и вызвали въ началѣ XV в. пересмотръ и дополненіе древняго краткаго житія, слѣдствіемъ чего была эта вторая его редакція.

Пахомій въ предисловіи къ своей редакціи говоритъ, что онъ соединилъ въ ней разсказы о Варлаамѣ, которые слышалъ отъ старцевъ Хутынскаго монастыря, куда редакторъ ѣздилъ по порученію архіеп. Евѳимія. Это замѣчаніе можно отнести только къ 4 посмертнымъ чудесамъ, которыя пахоміевская редакція прибавляетъ къ 3 прежнимъ, описаннымъ во второй. Главнымъ источникомъ Пахомію служила эта вторая редакція, найденная имъ въ монастырѣ: ее передѣлалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ поѣздки, вслѣдствіе порученія другаго архіепископа—Іоны. Онъ самъ ссылается на этотъ письменный источникъ, сопровождая извѣстіе объ отцѣ Варлаама замѣткой: «матере же того отрока писаніе не яви»; дѣйствительно, вторая редакція, поименовавъ отца, не называетъ матери. Пріемы передѣлки и здѣсь тѣже что въ другихъ твореніяхъ Пахомія, составленныхъ по письменнымъ источникамъ: это большею частью перифразъ источника, болѣе многословный и витіеватый, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти дословное заимствованіе. Къ указаннымъ 4 посмертнымъ чудесамъ Пахомій присоединилъ

---

[1]) Въ 1408 г. по лѣтописи этотъ князь пріѣхалъ въ Новгородъ въ качествѣ намѣстника вел. князя Василія Димитріевича, а въ 1411 г. въ Новгородѣ былъ уже другой князь Семенъ Ольгердовичъ. П. С. Лѣт. III, 103 и 104. Въ житіи по синод. сп. № 948, л. 153: „повелѣніемъ и посланіемъ брата своего старѣйшаго, великого князя Василія Димитріевича, прилучися ему (Константину) быти въ В. Новѣградѣ". Ср. П. С. Лѣт. VI, 134: составитель лѣтописи, выписывая изъ житія это чудо, неточно отнесъ его къ 1407 г. Изъ древней новгор. лѣтописи и древней редакціи житія Михаила Клопскаго видно, что Константинъ и послѣ 1411 г. не разъ бывалъ въ Новгородѣ, но изгнанникомъ, а не намѣстникомъ старшаго брата. П. С. Лѣт. III, 109. Мак. ч. мин. янв. л. 466.

пространное сказаніе о чудѣ 1460 г. и похвальное слово свя тому [1]). Разсматриваемыя редакціи житія могутъ служить новымъ примѣромъ того, какъ позднѣйшіе редакторы житій измѣняли посвоему и создавали біографическія черты подъ совокупнымъ вліяніемъ трехъ причинъ: краткости древняго житія, плохо понятаго ими, агіобіографической реторики и мѣстной народной легенды. Сличая извѣстія о Варлаамѣ въ его древнемъ житіи и въ лѣтописи, можно видѣть, что онъ съ нѣсколькими знатными горожанами удалился въ пустыню, нѣсколько времени жилъ отшельникомъ и потомъ, выстроивъ церковь, образовалъ монастырь. Это послѣднее было въ 1192 г., когда по лѣтописи архіеп. Григорій освятилъ (6 авг.) новую церковь и «нарече манастырь». Въ ноябрѣ того же года Варлаамъ скончался; отсюда видно, что онъ удалился въ пустыню уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, незадолго до смерти. Позднѣйшія редакціи создаютъ изъ этого разсказъ, какъ Варлаамъ еще въ отрочествѣ начинаетъ аскетическое воздержаніе, говоритъ своимъ родителямъ поученіе о силѣ поста и молитвы, вскорѣ, проводивъ ихъ въ могилу, раздаетъ имѣніе нищимъ и постригается подъ руководствомъ священноинока Порфирія, своего наставника, который, какъ мы видѣли выше при разборѣ древняго житія, былъ однимъ изъ знатныхъ новгородцевъ, сопровождавшихъ Варлаама въ пустыню, и самъ постригся у послѣдняго [2]). Вліяніе мѣст-

---

[1]) Это чудо, возвращеніе къ жизни великокняжескаго постельника Григорія Тумгеня, случившееся во время пребыванія вел. князя Василія въ Новгородѣ, было тогда же офиціально описано, вѣроятно по порученію великаго князя, московскимъ митрополичьимъ дьякомъ Родіономъ Кожухомъ. Благодаря этому чуду, въ Москвѣ съ 1461 г. начали праздновать преп. Варлааму. П. С. Лѣт. VI, 148; тамъ же (стр. 320) и сказаніе Родіона. Повѣсть Пахомія есть болѣе книжное переложеніе этого сказанія.

[2]) Архіеп. Филаретъ, развивая далѣе эти общія мѣста, прибавляетъ, что въ домъ родителей Варлаама пришли странники и изъ нихъ инокъ Порфирій особенно возбуждалъ въ душѣ его ревность къ подвигамъ, послѣ

наго преданія обнаружилось на позднѣйшихъ редакціяхъ внесеніемъ въ житіе чудесъ святаго, совершенныхъ при жизни. Подъ дѣйствіемъ того же источника эти редакціи передѣлали извѣстія о другомъ сверстникѣ Варлаама Антоніѣ, бывшемъ потомъ архіепископомъ въ Новгородѣ. Въ разборѣ древняго житія было замѣчено, что на отношеніяхъ этого Антонія къ Варлааму позднѣйшее преданіе основало кругъ легендъ, развивавшійся одновременно съ литературной обработкой житія, но независимо отъ нея. Эти легенды представляютъ два варіанта сказанія объ Антоніѣ. По одному изъ нихъ Антоній былъ новгородскимъ владыкою еще при жизни Варлаама: такъ говорятъ повѣсти объ избавленіи Варлаамомъ отъ низверженія въ Волховъ преступника и о пророчествѣ Варлаама, предсказавшаго снѣгъ и морозъ въ Петровъ постъ. Происхожденіе анахронизма въ этихъ преданіяхъ объясняется извѣстіемъ одного изъ нихъ, что по смерти Варлаама архіеп. Антоній установилъ крестный ходъ въ Хутынскій монастырь изъ Новгорода въ пятницу первой недѣли Петрова поста [1]). На другомъ варіантѣ построено позднѣйшее житіе Антонія Дымскаго: здѣсь разсказывается, что Антоній, новгородецъ родомъ, постригся у Варлаама, ходилъ по его порученію въ Царьградъ, по смерти Варлаама былъ игуменомъ его монастыря, а потомъ ушелъ оттуда и основалъ свой монастырь на озерѣ Дымскомъ, никогда не бывавъ новгородскимъ владыкою [2]). Историческую основу этихъ сказаній легко возстановить по лѣтописи и древнему житію Варлаама:

чего онъ удалялся въ Лисичій монастырь. Авторъ цитуетъ при этомъ древнее житіе Варлаама; но ни въ одномъ древнемъ житіи Варлаама нѣтъ ничего подобнаго. Р. Свят. ноябрь, стр. 321.

[1]) Пам. стар. русск. лит. I, 278.

[2]) Это житіе въ поздней рукоп. Унд. № 281. Очевидно, на другаго инока Хутынской обители, быть можетъ, бывшаго въ ней игуменомъ, потомъ основавшаго Дымскій монастырь, редакторы житій перенесли черты сказанія объ Антоніѣ, бывшемъ владыкой въ Новгородѣ.

послѣднее говоритъ, что послѣ того какъ сверстникъ Варлаама Антоній пришелъ изъ Царьграда, блаженный предъ смертью вручилъ ему свой монастырь, а первая замѣчаетъ въ разсказѣ объ избраніи Антонія на новгородскую каѳедру въ 1211 г., что онъ, въ мірѣ Добрыня, сынъ воеводы Ядрея, прежде того вернулся изъ Царьграда и постригся на Хутынѣ. Поясняя краткое и не совсѣмъ ясное извѣстіе древняго житія, позднѣйшія редакціи создаютъ изъ него сказаніе о пророчествѣ Варлаама, за нѣсколько минутъ до кончины провидѣвшаго пріѣздъ Антонія изъ Царьграда въ монастырскую пристань (на Волховѣ) и вручившаго ему игуменство въ своемъ монастырѣ; Пахомій прибавляетъ къ этому, что игуменъ Антоній окончилъ заложенную Варлаамомъ каменную церковь въ обители и утвердилъ въ послѣдней уставъ ея основателя. Но лѣтопись, говоря объ Антоніѣ, не называетъ его игуменомъ Хутынскимъ; съ другой стороны слова, съ которыми въ древнемъ житіи Варлаамъ обращается къ Антонію: «нынѣ предаю ти его (монастырь) тобѣ, ты же спабди и добрѣ» — не значатъ непремѣнно, что Антоній сталъ игуменомъ послѣ Варлаама; можетъ быть, послѣдній только поручилъ обитель заботамъ знатнаго брата, подобно тому какъ самъ долго руководилъ братіей, не будучи игуменомъ. Сдѣлавъ Хутынскимъ игуменомъ Антонія, цареградскаго паломника по древнему житію и Добрыню Ядрейковича по лѣтописи, позднѣйшія редакціи не знали, по крайней мѣрѣ не говорятъ, что онъ былъ потомъ Новгородскимъ владыкой; этимъ онѣ дали опору второму варіанту сказанія, по которому тотъ же Антоній основываетъ Дымскій монастырь. Въ обѣихъ редакціяхъ XV в. не замѣтно еще слѣдовъ перваго варіанта; но Пахомій зналъ его, хотя и не занесъ въ житіе. Пророчество Варлаама о снѣгѣ, выпавшемъ въ Петровъ постъ и спасшемъ городъ отъ голода, сохранялось въ мѣстной памяти благодаря основаннымъ на немъ крестному ходу и мѣстному обычаю молебствовать въ

Хутынскомъ монастырѣ всѣмъ городомъ во время бездождія или слишкомъ дождливаго лѣта. Объ этомъ обычаѣ говоритъ Пахомій въ похвальномъ словѣ Варлааму, приводя примѣры *пророческаго* дара, даннаго святому; на ту же силу его отвращать бездождіе намекаетъ онъ въ своемъ сказаніи о чудѣ 1460 г. Упомянутыя выше сказанія объ осужденномъ и о снѣгѣ, повидимому, впервые были записаны при митр. Макаріѣ: въ спискѣ Пахоміевскаго житія по Макарьевскимъ минеямъ они помѣщены не на мѣстѣ, послѣ посмертныхъ чудесъ, какъ позднѣйшее прибавленіе, а второе изъ нихъ по нѣкоторымъ спискамъ говоритъ о молитвѣ за царя Ивана Васильевича и царицу Анастасію. Но позднѣйшіе списки помѣщаютъ эти сказанія на своемъ мѣстѣ, въ числѣ чудесъ, совершенныхъ святымъ при жизни [1]). Такимъ образомъ обломки противорѣчивыхъ народныхъ сказаній встрѣтились въ одномъ и томъ же житіи, усиливъ путаницу, внесенную въ него редакціями XV в.

Сказаніе о мученической кончинѣ князя черниговскаго Михаила въ ордѣ любопытно для насъ только какъ фактъ для характеристики редакторскихъ пріемовъ Пахомія [2]). Оно почти не прибавляетъ новыхъ историческихъ чертъ къ древней повѣсти о томъ же событіи, написанной вѣроятно вскорѣ по смерти кн. Михаила. Древнѣйшій списокъ этой повѣсти называетъ авторомъ ея отца Андрея, одинъ изъ позднѣйшихъ — епископа Ивана. послѣднее извѣстіе по всей вѣроятности есть неловкая догадка

[1]) Такъ по сп. житія XVII в. въ Милют. ч. мин. ноябр. л. 237.

[2]) Спис. XVI в. въ сб. Унд. № 565, л. 47, съ надписью: „твореніе ермонаха Пахомія Св. Горы". Нач. „Что реку и что възглаголю?" Другіе списки безъ имени автора: XV—XVI в. въ синод. сб. № 639, л. 12, № 556, л. 85, въ сб. Тр. Серг. л. № 642, л. 132, № 466—сп. 1505 г. л. 231; въ этомъ послѣднемъ сб. л. 219 служба Михаилу и Θеодору, въ которой „святымъ два канона—твореніе таха ермонаха Св. Горы Пахомія". Св. кн. Михаилу праздновали задолго до Пахомія. Ист. Р. Ц., преосв. Макарія. IV, 259.

писца, прочитавшаго въ переписанной имъ повѣсти, что отецъ духовный, съ которымъ совѣтовался Михаилъ предъ отъѣздомъ въ орду, звался Іоанномъ [1]). Только въ началѣ сказанія Пахомій вставилъ извѣстіе объ умерщвленіи Михаиломъ пословъ, отправленныхъ къ нему Батыемъ въ Кіевъ; далѣе изложеніе Пахомія—легкій перифразъ Андреева разсказа, мѣстами украшающій его реторическими распространеніями, иногда вводящій въ него новыя фактическія черты сомнительнаго свойства: такъ вельможу Батыева Елдегу, посланнаго предложить Михаилу на выборъ смерть или покорность ханскому приказу, Пахомій заставляетъ вступить въ преніе съ княземъ о вѣрѣ, чего не находимъ у Андрея. При такомъ отношеніи къ источнику естественно, что Пахомій не поправилъ неточности въ разсказѣ послѣдняго, будто черниговскій князь поѣхалъ въ орду добровольно, увлекаемый ревностію «обличити прелесть» нечестиваго царя, «ею же льстить крестьяны». Къ сказанію о кн. Михаилѣ Пахомій приложилъ повѣсть «о убіеніи злочестиваго царя Батыя» въ Венгріи; сухое книжное изложеніе пощадило въ ней нѣкоторые поэтическіе мотивы, по которымъ легко замѣтить, что это – народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, въ книжной обработкѣ пущенная пришлымъ Сербомъ въ древнерусскую письменность: въ такой формѣ, иногда съ варіантами, она встрѣчается въ позднѣйшихъ русскихъ житіяхъ и лѣтописныхъ сборникахъ.

Критическій разборъ житія архіеп. Моисея встрѣчаетъ затрудненіе въ томъ, что оно сохранилось въ очень немногихъ

---

[1]) Древнѣйшіе списки въ синод. прологѣ XIV в. № 248, л. 19, тамъ же въ прологѣ 1425 г. № 839, л. 17. По списку въ софійской рукописи XIV—XV в. сказаніе напеч. преосв Макаріемъ въ Ист. Р. Ц. V, 409. Въ этомъ сп. обозначенъ авторъ—отецъ Андрей; въ солов. сб. 1558 г. № 805, л. 29 въ заглавіи той же повѣсти замѣчено: „створено Иваномъ епископомъ“.

спискахъ и притомъ поздняго времени, XVII—XVIII в. Всѣ они носятъ въ заглавіи одинаковую помѣтку: «твореніе Пахомія сербина». Но усвояя памятникъ одному автору, они не представляютъ одинаковаго текста, распадаются на двѣ редакціи, различающіяся изложеніемъ и составомъ [1]). Житіе начинается предисловіемъ, почти дословно сходнымъ съ предисловіемъ къ Пахоміевской біографіи архіеп. Евѳимія; нѣкоторые варіанты, отличающіе первое, только затемняютъ рѣчь, вносятъ въ нее грамматическія неправильности и, можетъ быть, принадлежатъ писцамъ, а не автору. Самое жизнеописаніе составляетъ краткую статью, въ которой по обѣимъ редакціямъ можно замѣтить одну общую литературную основу; но въ спискахъ XVIII в. она изложена гораздо пространнѣе, болѣе развита общими мѣстами, чѣмъ въ спискахъ XVII в., и представляетъ нѣсколько фактическихъ чертъ, которыхъ нѣтъ въ послѣднихъ. Посмертныя чудеса, сопровождающія житіе (о наказаніи разбойниковъ, о архіеп. Сергіѣ и 2 чуда о новгородскомъ купцѣ) также представляютъ значительные варіанты въ изложеніи обѣихъ редакцій. Наконецъ, списки краткой редакціи прибавляютъ довольно длинное, несоразмѣрное съ коротенькимъ житіемъ похвальное слово, котораго нѣтъ въ обоихъ спискахъ пространной. Ничто не заставляетъ отвергать преданіе, сохраненное списками житія Моисея, что оно написано Пахоміемъ. Житія митр. Алексія и Саввы Вишерскаго, принадлежащія ему безспорно, показываютъ, что и онъ, мастеръ житій, могъ написать такую скудную, нестройную біографію, наскоро сшитую изъ отрывочныхъ извѣстій и преданій, каково житіе Моисея. Тѣмъ, что

[1]) Пространная по изложенію ред. извѣстна намъ по двумъ спискамъ XVIII в.—въ сб. гр. А. С. Уварова № 911 (Царск. № 136), л. 352, въ сб. поморскаго письма, намъ принадлежащемъ, л. 204. Списокъ сокращенной ред. XVII в. въ сб. гр. Уварова № 429 (Царск. № 133), л. 248; по другому сп. XVII в. она напеч. въ Пам. стар. русск. лит. IV, 10.

житіе, какъ видно по разсказу объ архіеп. Сергіѣ, могло быть написано не раньше 1484 г., нельзя ни поддержать ни опровергнуть извѣстія списковъ о его авторѣ, ибо мы не знаемъ, когда прекратилась литературная дѣятельность Пахомія. Остается вопросъ, какая изъ описанныхъ выше редакцій принадлежитъ Пахомію. Его можно рѣшить только предположеніемъ, при недостаткѣ прямыхъ указаній. Благодаря позднему времени списковъ, по языку обѣихъ редакцій нельзя сдѣлать надежныхъ выводовъ для рѣшенія этого вопроса. Изъ похвальнаго слова, входящаго въ составъ сокращенной редакціи, видно, что оно написано на праздникъ памяти Моисея [1]). Но неизвѣстно, когда начали мѣстно праздновать Моисею. Изъ разсказа объ архіеп. Сергіѣ можно только заключить, что въ 1483 г., болѣе 100 лѣтъ спустя по смерти Моисея, онъ еще не былъ признанъ церковію даже въ числѣ мѣстно-чтимыхъ святыхъ; иначе пріѣхавшій съ Москвы архіеп. Сергій, даже въ припадкѣ московскаго пренебреженія къ павшему Новгороду, не отважился бы обозвать одного изъ его святыхъ смердьимъ сыномъ. Любопытно также, что въ 1563 г. царь, перечисляя святыхъ новгородскихъ владыкъ, не называетъ между ними Моисея [2]). Это придаетъ нѣкоторую вѣроятность догадкѣ, что похвальное слово съ сокращенной редакціей житія—позднѣйшаго происхожденія сравнительно съ пространной, которая составлена Пахоміемъ [3]).

---

[1]) „Пріидемъ же и мы во всечестный праздникъ великаго архіерея Моисея".

[2]) А. Ист. I, № 168. Въ XVII в. уже чтили Моисея во святыхъ. Р. Свят. архіеп. Филарета, янв. прим. 139.

[3]) Въ похвальномъ словѣ, въ молитвѣ къ святому читаемъ: „архіереи, Божія святителя, иже любовію честное твое торжество сотворяющихъ, освяти". Въ спискѣ гр. Уварова № 429 (л. 232—247) сокращенной редакціи житія предшествуетъ служба Моисею, въ которой канонъ—„твореніе киръ Сидора". Если это - митр. Исидоръ (1603—1619), единственный новгородскій владыка этого имени до XVIII в., то время составленія службы и похвальнаго слова очевидно. Арх. Филаретъ въ указ. мѣстѣ цитуетъ 4 спис-

Изложеніе этой послѣдней совершенно въ духѣ литературнаго стиля другихъ житій, написанныхъ Пахоміемъ.

Для опредѣленія источниковъ житія находимъ краткую біографію Моисея въ одномъ спискѣ росписи новгородскихъ владыкъ, составленной въ концѣ XVI в. [1]). Невозможно опредѣлить точно время составленія этой краткой простой записки; но она явилась раньше искусственныхъ редакцій житія, обозначаемыхъ въ спискахъ именемъ Пахомія, и была ихъ источникомъ, а не сокращенной передѣлкой. Обѣ эти редакціи съ большей или меньшей близостью къ ея тексту черпаютъ изъ нея, но не исчерпываютъ вполнѣ ея содержанія; по своему строю и характеру изложенія она очень похожа на древнее краткое житіе Варлаама Хутынскаго и особенно на записку объ архіеп. Аркадіѣ; встрѣчаемъ въ ней даже одинаковые съ ними обороты рѣчи, а конецъ ея почти дословно сходенъ съ заключеніемъ записки объ Аркадіѣ. Пространная искусственная редакція житія Моисея полнѣе сокращенной воспроизводитъ фактическія черты записки, иногда измѣняя ихъ: такъ записка перечисляетъ монастыри и церкви, построенные Моисеемъ, въ хронологическомъ порядкѣ, согласномъ съ древней новгородской лѣтописью; пространная редакція не выдерживаетъ его, а сокращенная вовсе опускаетъ этотъ перечень. Послѣдняя, опуская или передавая неточно и другія черты записки, является сокращеніемъ ея или пространной редакціи; но въ ней есть и не лишенная интереса новая черта. О началѣ ереси стригольниковъ нѣтъ извѣстій: лѣтописи упоминаютъ о ней впервые въ 1376 г., когда она уже успѣла распространиться въ Новгородѣ. По извѣстію сокра

на службы Моисею, будто бы Пахоміевой, въ библ. Царскаго, въ томъ числѣ и № 133 (гр. Уварова № 429). Но въ двухъ сборникахъ, имъ обозначенныхъ, нѣтъ этой службы, а въ № 133 канонъ въ ней помѣченъ именемъ Исидора.

[1]) П. С. Р. Лѣт. III, 181—182, о спискѣ росписи см. тамъ же стр. 117

щенной редакціи житія Моисея, повторенному и въ похвальномъ словѣ, Моисей ратовалъ противъ стригольниковъ во время своего вторичнаго управленія новгородской епархіей, слѣдовательно еще до 1359 г. [1]). Но трудно угадать источникъ этого извѣстія: его нѣтъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ древней запискѣ о Моисеѣ.—Время перваго чуда и двухъ послѣднихъ въ житіи не указано ясно; второе—объ архіеп. Сергіѣ относится къ 1483—1484 г. и бросаетъ свѣтъ на источникъ и обработку этихъ сказаній. По происхожденію своему разсказъ о Сергіѣ принадлежитъ къ кругу легендъ, сопровождавшихъ паденіе новгородской вольности. Съ подчиненіемъ Новгорода Москвѣ должна была пасть и его церковная самобытность. Архіеп. Сергій, назначенный на новгородскую каѳедру въ Москвѣ и изъ москвичей, первый прервалъ собою рядъ туземныхъ излюбленныхъ владыкъ; но онъ только 9 мѣсяцевъ правилъ паствой и вслѣдствіе болѣзни воротился въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Это послужило источникомъ легенды о немъ, въ разныхъ мѣстахъ передававшейся различно. Наиболѣе прозаическая изъ этихъ мѣстныхъ ея редакцій — московская, по которой Новгородцы волшебствомъ отняли умъ у Сергія за то, что онъ не ходилъ по ихъ мысли. Въ псковскомъ варіантѣ легендарные мотивы имѣютъ каноническую основу: новгородскіе святители, почившіеся въ Софійскомъ соборѣ, являясь Сергію во снѣ и наяву, поразили его недугомъ за то, что онъ вопреки правиламъ св. отцовъ, при живомъ владыкѣ (Ѳеофилѣ) вступилъ на его престолъ. По народному новгородскому преданію, поэтическому, Сергія наказалъ чудотворецъ Іоаннъ, «что̀ на бѣсѣ ѣздилъ», новгородскій владыка, имя котораго связано съ преданіемъ о чудесномъ спасеніи Новгорода отъ суздальскаго нашествія въ XII в. [2]). На-

[1]) Пам. стар. русск. лит. IV, 11 и 14.
[2]) П. С. Р. Лѣт. VI, 236. V, 42.

конецъ въ житіе Моисея занесена четвертая редакція, сложившаяся очевидно въ стѣнахъ Сковородскаго монастыря, гдѣ погребенъ Моисей: гордаго москвича покаралъ этотъ святитель за презрительный отзывъ Сергія, заѣхавшаго въ монастырь по дорогѣ въ Новгородъ. Но воспроизводя эту легенду, авторъ житія сгладилъ ея мѣстныя черты общимъ нравственнымъ урокомъ, изъ нея выведеннымъ: Сергій посрамленъ и лишился сана епископскаго за то, что унизилъ угодника Божія и въ немъ не почталъ епископскаго сана. Это не противорѣчитъ предположенію, что житіе Моисея составлено не новгородцемъ, но по разсказамъ Сковородской братіи и можетъ быть по ея просьбѣ.

Въ разборѣ второй группы Пахоміевскихъ житій труднѣе провѣрить автора, ибо у него не было здѣсь подъ руками старыхъ біографій или онѣ не уцѣлѣли. Первымъ по времени въ этомъ ряду можно признать житіе игумена Никона. Это житіе, краткое, безъ предисловія и похвальнаго слова, составлено Пахоміемъ вѣроятно для службы и обыкновенно встрѣчается въ спискахъ вмѣстѣ съ нею [1]). Здѣсь только въ двухъ мѣстахъ авторъ воспользовался своимъ же трудомъ, житіемъ Сергія; главнымъ источникомъ служили ему «еще въ тѣлѣ обрѣтающеися тоя же обители иноци, свидѣтели извѣстни», т. е. очевидцы Никона, которыхъ, конечно, было еще много во время составленія житія. Однакожъ біографія не представляетъ связнаго разсказа не только о всей

[1]) Списки XV в. въ сб. Тр. Серг. л. № 116, л. 415, служба л. 421. въ рукоп. Унд. № 370, л. 218, безъ послѣднихъ чудесъ; объ одномъ изъ нихъ только замѣчено: „се же ино (инъ) скажемъ, писано въ житіи св. Сергія, о Симеонѣ Антоновѣ чудо чти“. Это ссылка на помѣщенное въ той же рукописи сводное житіе Сергія по двумъ редакціямъ, гдѣ уже было разсказано объ этомъ чудѣ: переписчикъ житій былъ вмѣстѣ и ихъ редакторомъ. Сп. XVI в. въ синод. сб. № 90, л. 119, въ воловоз. сб моск. д. акад. № 632, л. 56, въ сб. Тр. С. л. № 654, л. 20.

жизни Никона, но и о его игуменствѣ въ Троицкомъ монастырѣ. Такъ ничего не сказано о временномъ удаленіи его отъ игуменства на безмолвіе, о чемъ говорятъ позднѣйшая редакція этого житія и житіе Саввы Сторожевскаго. Главное вниманіе автора обращено на заботы Никона о возстановленіи монастыря, разореннаго татарскимъ нашествіемъ 1408 г., и о построеніи новой каменной церкви надъ гробомъ Сергія; но и здѣсь нѣтъ ни слова объ открытіи мощей святаго, происшедшемъ, по разсказу самого Пахомія въ житіи Сергія, при основаніи этой церкви. Кончина Сергія и одно изъ 3 чудесъ Никона (о С. Антоновѣ) изложены почти дословно по житію Сергія; но есть разногласіе съ послѣднимъ во времени кончины Никона. Въ житіи Сергія Пахомій говоритъ, что Никонъ игуменствовалъ 36 лѣтъ, а въ житіи Никона — 37; позднѣйшая редакція этого послѣдняго житія прибавляетъ, что Никонъ скончался 6938 г. Это разногласіе разрѣшается приведенной выше припиской къ Сергіеву житію по списку 6967 г.: если въ этомъ году праздновали 67-ю годовщину памяти Сергія (25 сент.) и 31-ю памяти Никона (17 ноября), то послѣдній жилъ послѣ Сергія 36 лѣтъ и преставился въ ноябрѣ 1427 года [1]).

Составъ житія архіеп. Евѳимія не одинаковъ въ разныхъ спискахъ. Въ большинствѣ ихъ 5 посмертныхъ чудесъ, приложенныхъ къ жизнеописанію и заканчивающихся краткой похвалой святому, сопровождаются новымъ чудомъ, съ особымъ витіеватымъ предисловіемъ и съ надписью: «ино новѣйшее чудо» [2]).

---

[1]) Рук. Тр. Серг. л. № 264, л. 147. Игуменомъ Никонъ былъ собственно 30 лѣтъ: Пахомій прибавляетъ къ годамъ игуменства и тѣ 6 лѣтъ, которыя Никонъ провелъ въ безмолвіи. Поздніе рукописные святцы помѣчаютъ кончину его 17 ноябр. 6935 г.

[2]) Таковъ составъ житія по сп. XVI в. въ синод. сб. № 630, л. 119, въ Мак. ч. мин. мартъ, стр. 649, въ сб. Румянц. муз. № 154, л. 395, по сп. XVII в. въ Ч. мин. Герм. Тулупова, рук. Тр. Серг. л. № 675, л. 11. Въ сп. соф. библ. (напеч. въ Пам. стар. русск. лит. IV. 16) къ прежнимъ чудесамъ

Оно написано очевидно послѣ житія и другимъ авторомъ, но немного спустя по смерти Евѳимія: этотъ авторъ уже ссылается на читанное имъ житіе Евѳимія съ чудесами, а софійскій протодіаконъ, о которомъ онъ разсказываетъ, былъ современникъ и знакомый Евѳимія. Въ одномъ спискѣ это чудо сопровождается послѣсловіемъ, указывающимъ его отношеніе къ житію: авторъ приписки, выражаясь о Пахоміѣ какъ современникъ, говоритъ, что этотъ Пахомій писалъ о Евѳиміѣ «елика ему повѣдаша, а не все житіе святаго подробну»; отсюда можно заключить, что это чудо описано вскорѣ послѣ Пахоміевскаго житія, которое оканчивалось 5 чудесами съ краткой похвалой святому [1]). Замѣчаніе въ приведенной припискѣ, кажется, характеризуетъ составъ Пахоміева труда, а не указываетъ на

прибавлено 5 новыхъ, описанныхъ во второй половинѣ XVI в. Послѣднее изъ нихъ есть исцѣленіе присланнаго въ Новгородъ царемъ Иваномъ дьяка Андрея Клобукова, который участвовалъ въ ливонскомъ походѣ 1577 г. Въ предпослѣднемъ разсказано объ исцѣленіи Никиты Романова, бывшаго новгородскимъ намѣстникомъ, и къ этому прибавлено извѣстіе: „тажь и посылаемъ бываше великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ предреченный Никита и съ нимъ воевода Георгій, нарицаемый Токмаковъ, въ землю Свѣйскихъ Нѣмецъ и.. взяша градъ, рекомый Перновъ“. Никита Романовичъ Юрьевъ былъ воеводой большаго полка при взятіи Пернова въ 1575 г. Карамз. IX, прим. 412, 426 и 460.

[1]) Сб. синод. № 630, л. 146: „Благословеніемъ и повелѣніемъ господина преосв. архіепископа Великаго Новаграда Іоны и совѣтомъ игумена Саввы обители Пресв. Богородицы Аркажа монастыря и господина Пахомія, отъ сербьскія земля пришедша, мужа благочестива, проходяща иноческое житіе со всякимъ опасеніемъ добрымъ, и отъ юности съвршена въ божественномъ писаніи и во всякомъ наказаніи книжномъ и въ философскомъ истинномъ ученіи, еже знаменаетъ по степенемъ грамотикію и проч и философія, яко превзыти ему мудростію и разумомъ всѣхъ книгчій, отъ сего же Пахомія написано бысть отъ житіа великаго святителя и чудотворца отъ великихъ малая, глаголю Еуѳимія, съ великимъ свидѣтельствомъ, елика ему повѣдаша, а не все житіе святаго подробну. Сій бо Пахоміе является въ нашей земли многихъ житія святыхъ написавъ и славословіемъ украсивъ памяти ихъ дѣйствомъ св. Духа по чину добрѣ“.

какія-либо позднѣйшія дополненія, въ него внесенныя. Это житіе дѣйствительно отличается неровностью фактическаго изложенія. Самъ Пахомій не указываетъ своихъ источниковъ, а изъ упомянутой приписки видно, что между ними не было письменныхъ. Святительская дѣятельность Евѳимія описана кратко, въ общихъ чертахъ; но гораздо обстоятельнѣе разсказано о Вяжицкомъ монастырѣ и отношеніи къ нему архіепископа, о постройкахъ сдѣланныхъ имъ въ этомъ монастырѣ, при этомъ Пахомій смутно представлялъ себѣ хронологическое отношеніе разсказываемыхъ событій [1]). Эти пробѣлы и неточности зависѣли отъ свойства источника, изъ котораго черпалъ Пахомій и которымъ служили изустные разсказы Вяжицкой братіи и лицъ, окружавшихъ Евѳимія. За то останавливаетъ на себѣ обстоятельность, съ какою описаны послѣдній годъ жизни Евѳимія и его погребеніе: здѣсь авторъ подробно указываетъ, гдѣ и когда, въ какой день былъ и что сдѣлалъ приближавшійся къ смерти владыка и какъ его хоронили. Выше мы видѣли, что Пахомій пріѣзжалъ въ Новгородъ еще при Евѳиміѣ, по всей вѣроятности въ послѣднее время его жизни (1457—1458). Такимъ образомъ это время онъ могъ описать по личнымъ воспоминаніямъ. Всѣ указанныя обстоятельства объясняютъ особенность, отличающую это Пахоміевское житіе отъ дру-

[1]) Сказавъ о обновленіи и украшеніи Софійскаго храма Евѳиміемъ, Пахомій продолжаетъ: „по семъ же“ задумалъ Евѳимій построить себѣ палату каменную. Извѣстія объ украшеніи Софійскаго собора находимъ въ лѣтописи подъ 1439 и 1450 гг. а палата каменная построена въ 1433 г. П. С. Лѣт. III, 111. 112. 240. Разсказавъ о построеніи храма св. Николая въ Вяжицкомъ мон., Пахомій продолжаетъ: „прешедшимъ же многимъ лѣтомъ“ Евѳимій, чувствуя близость кончины, пожелалъ построить тамъ же теплый храмъ съ трапезою,— какъ будто это было въ послѣдній годъ жизни Евѳимія. Но по лѣтописи храмъ Николая построенъ въ 1438, а теплый съ трапезою въ 1439, почти за 20 лѣтъ до смерти Евѳимія. Тамъ же, стр. 112 и 239.

гихъ. Несмотря на неровность изложенія, оно обильно фактами, рѣдко обращается къ помощи общихъ мѣстъ житій и передаетъ много живыхъ біографическихъ чертъ, подмѣченныхъ современникомъ. Благодаря этому, біографія Евѳимія принадлежитъ къ числу немногихъ удовлетворительныхъ трудовъ Пахомія.

Мы видѣли выше, что біографъ архіепископа Іоны ставитъ житіе Саввы Вишерскаго въ числѣ сочиненій, которыя этотъ владыка поручилъ написать Пахомію, когда послѣдній жилъ у него въ Новгородѣ (1459—1461). Самъ Пахомій замѣчаетъ въ концѣ житія, что написалъ его по порученію Іоны. Между посмертными чудесами Саввы у Пахомія есть разсказъ о пріѣздѣ въ Саввинъ монастырь Іоны, который повелѣлъ тогда написать образъ преподобнаго, также составить канонъ и *прочая* въ память его. На основаніи извѣстія въ житіи Іоны этотъ пріѣздъ надобно отнести къ 1461 г., по крайней мѣрѣ не позже. Но съ другой стороны есть извѣстіе, что церковь Іоанна Предтечи въ монастырѣ Саввы поставлена въ 1464 г., а она уже упоминается у Пахомія. Далѣе, нѣкоторые списки житія, называющіе въ заглавіи авторомъ его того же Пахомія, оканчиваются припиской, по которой «списано бысть и изобрѣтено блаж. Саввы житіе священноинокомъ Геласіемъ, бывшимъ тогда игуменомъ тоя обители, въ лѣто 6972-е» [1]). Трудно понять, что значатъ эти слова, если не то, что Галасій, вслѣдствіе повелѣнія Іоны написать канонъ и *прочая*, приготовилъ записки о

---

[1]) Такъ по списку волокол. сб. XVI в. въ Моск. дух. ак. № 640, л. 161, и въ сб. XVII в. гр. А. С. Уварова № 133 (по кат. Царск.), л. 448. Въ сб. Моск. дух. ак. № 15 приписка еще яснѣе опредѣляетъ отношеніе Геласія къ Пахомію: „спискано же бысть и изобрѣтено блаженнаго житіе иг. Геласіемъ, бывшаго (sic) настоятелемъ тогда тоя обители; написано же бысть и сотворено рукою смиреннаго священноинока Пахомія сербина иже отъ Св. Горы". Другіе списки XVI в. въ Макар. ч. мин. окт. стр. 21 и въ синод. сб. № 630, л. 8. О церкви Іоанна Предтечи въ Кратк. лѣтоп. о монастырѣ преп. Саввы, изд. 2, стр. 2.

жизни Саввы, по которымъ Пахомій уже послѣ 1464 г. составилъ житіе. Каковы бы ни были источники Пахоміевской біографіи Саввы, по содержанію ея видно, что авторъ очень мало зналъ о святомъ. Онъ неопредѣленно говоритъ о происхожденіи и мѣстѣ постриженія Саввы, хотя и родъ Бороздиныхъ, изъ котораго онъ вышелъ, и тверской Саввинъ монастырь, въ которомъ подвизался сначала, были довольно извѣстны въ то время [1]). Изъ тверскаго монастыря авторъ ведетъ Савву прямо на р. Вишеру, не сказавъ, что святой былъ настоятелемъ Саввиной пустыни и оттуда ходилъ на Аѳонъ, послѣ чего уже поселился на Вишерѣ. Далѣе Пахомій передаетъ отдѣльные разсказы изъ жизни Саввы анекдотическаго свойства; но исторія монастыря изображена немногими и такими бѣглыми чертами, что біографъ говоритъ объ одномъ изъ учениковъ Саввы, не упомянувъ даже, что къ отшельнику стала собираться братія. Все это тѣмъ болѣе неожиданно, что Пахомій былъ современникъ Саввы и писалъ житіе немного лѣтъ спустя по смерти его. Впрочемъ, и время кончины Саввы въ житіи не указано прямо. Позднѣйшіе рукописные святцы и въ слѣдъ за ними церковные историки помѣчаютъ ее 1 окт. 1460 г.; но другія извѣстія дѣлаютъ подозрительнымъ это показаніе. По разсказу Пахомія, Савва, умирая, поручилъ свой монастырь попеченію архіепископа Емеліана (Евѳимія I, 1424—1429). Это очевидно ошибка: всего вѣроятнѣе, первое иноческое имя Евѳимія I поставлено здѣсь вмѣсто имени преемника его Евѳимія II; позднѣйшіе писцы и писатели часто смѣшивали этихъ епископовъ. Далѣе Пахомій пишетъ, что Савва предъ кончиной передалъ управленіе обителію старѣйшимъ ученикамъ своимъ Ефрему и Андрею, и

---

[1]) Позднѣйшая краткая редакція (по рукоп. конца XVII в., принадлежащей Ѳ. И. Буслаеву) приводитъ подробное извѣстіе о родѣ Саввы, согласное съ родословной книгой. См. Врем. Общ. Ист. и Др. Р. кн. X, 175.

вовсе не упоминаетъ здѣсь о Геласіѣ, который однакожъ является у него настоятелемъ еще до посѣщенія монастыря Іоной. Наконецъ, по житію Савва скончался на 80-мъ году жизни. Преп. Іосифъ Санинъ называетъ его «начальникомъ» тверской Саввиной пустыни. Такъ обыкновенно назывались основатели. Сохранилась рукопись Саввина монастыря съ припиской, по которой въ 1432 году этому монастырю минуло 35 лѣтъ, слѣдовательно онъ основанъ въ 1397—1398г.; трудно повѣрить, чтобы основатель его былъ тогда 17-лѣтнимъ юношей, если 80-лѣтній Савва скончался въ 1460 г. [1]).

По порученію великаго князя Василія Василіевича и митр. Θеодосія Пахомій пріѣхалъ въ Кирилловъ монастырь 34 года спустя по смерти основателя (сконч. 1427), чтобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія о его жизни. Тогдашній игуменъ монастыря Кассіанъ просилъ и съ своей стороны образцоваго агіобіографа написать что-нибудь о Кириллѣ. Въ продолженіе 34 лѣтъ въ монастырѣ не было составлено не только житія, даже черновыхъ нестройныхъ записокъ объ основателѣ. Но Пахомій засталъ еще много очевидцевъ и учениковъ Кирилла, долго жившихъ съ учителемъ, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ Кассіанъ. Авторъ видѣлся и съ Мартиніаномъ, бывшимъ игуменомъ Θерапонтова,

---

[1]) Въ сказаніи о святыхъ отцахъ русскихъ Іосифъ пишетъ о Варсонофіѣ, преемникѣ Саввы: „его же постави настоятелемъ (въ тверской Саввиной пустыни) прежній Савва Бороздинъ, нарицаемый Ера, иже бише начальникъ обители оноя, егда самъ отыде въ Св. Гору. Блаженный же Варсонофій 5 лѣтъ пребысть на игуменьствѣ, потомъ же отыде въ пустыню". Вел. Мин. Ч., изд. Арх. Комм., вып. I, 554. По житію, Савва пришелъ на Вишеру при новгородскомъ архіеп. Іоаннѣ. Уцѣлѣла другая рукопись, писанная въ Саввиной пустыни при игуменѣ Варсонофіѣ въ 1416 году (Р. Свят., архіеп. Филарета, март. стр. 28). Отсюда можно заключать, что Савва ушелъ на Аѳонъ около 1411 г. и пришелъ на Вишеру не позже 1414 г. Въ 1418 г. онъ уже основалъ здѣсь монастырь и построилъ въ немъ церковь, проживъ нѣсколько времени отшельникомъ. П. С. Лѣт. III, 236.

потомъ Троицкаго Сергіева монастыря: въ 1462 г. онъ снова правилъ Ѳерапонтовымъ монастыремъ (въ 15 верстахъ отъ Кириллова) и могъ сообщить Пахомію подробныя свѣдѣнія о Кириллѣ, у котораго постригся еще въ отрочествѣ, въ первые годы существованія Кирилловой обители. Этихъ учениковъ Кирилла распрашивалъ я о святомъ, пишетъ Пахомій въ предисловіи, «и начаша бесѣдовати ко мнѣ о житіи святаго и о чудесѣхъ». Въ жизнеописаніи, разсказавъ повѣсть о князѣ и княгинѣ Бѣлевскихъ, онъ прибавляетъ, что слышалъ ее отъ инока Игнатія, которому передала ее сама княгиня, и при чтеніи этой повѣсти легко замѣтить, что книжный стиль Пахомія не вполнѣ сгладилъ пріемы простаго изустнаго разсказа. Авторъ передаетъ имена людей, игравшихъ самую невидную роль въ исторіи обители, и много другихъ мелкихъ подробностей, которыя показываютъ, что житіе писано со словъ иноковъ монастыря. При этомъ авторъ дѣлаетъ еще оговорку, что многое оставлено имъ не записаннымъ по обилію матеріала или потому, что за давностію позабыто разсказчиками [1]). Единственнымъ письменнымъ источникомъ, какой можно замѣтить въ житіи, была духовная Кирилла, которую Пахомій занесъ въ свой трудъ съ пропусками и поправками [2]). Такимъ образомъ Пахомій имѣлъ въ своемъ распоряженіи обильный запасъ свѣдѣній, позволявшій ему составить біографію, подобную Епифаніевому житію Сергія. Жизнеописаніе Кирилла — самый обширный и лучшій изъ всѣхъ трудовъ

---

[1]) Сказавъ о погребеніи святаго, Пахомій продолжаетъ: „множайша же ина чудеса при животѣ бывшая блаженного Кирилла множества ради, паче же и предъ многими лѣты бывша писанію не предашася, сія же нѣчто мало отчасти написана быша“. Списки житія: XV в. въ сб. Тр. Серг. л. № 764, л. 2, пис. Паисіемъ Ярославовымъ, XVI в. въ Макар. ч. мин. іюнь, стр. 240, въ волокол. сб. 1549 г. въ моск. епарх. библ. № 639. л. 183; неполный сп. въ синод. сб. XV—XVI в. № 556, л. 818.

[2]) Ср. Макар. ч. мин. въ указ. мѣстѣ, стр. 270 съ А. Ист. I, № 32.

Пахомія. Для историко-критической оцѣнки этого житія важно, какъ, съ какой стороны воспользовался своими источниками біографъ и какой взглядъ положилъ онъ въ основаніе труда. Здѣсь авторъ не стѣснялся ни скудостью матеріала, отнимающей возможность выбора фактовъ, ни церковнымъ назначеніемъ житія, заставлявшимъ одни факты опускать, другимъ давать извѣстное условное выраженіе. Прежде всего можно замѣтить, что не одни біографическія воспоминанія объ основателѣ, но и самые взгляды братіи Кириллова монастыря на монашество напили въ перѣ Пахомія трость книжника скорописца. Извѣстно, что изъ отшельническихъ келлій, разсѣянныхъ въ бѣлозерскихъ лѣсахъ и имѣвшихъ близкія сношенія съ монастыремъ Кирилла, вышелъ въ самомъ началѣ XVI в. шумный протестъ противъ монастырскаго землевладѣнія. Самъ Пахомій былъ равнодушенъ къ этому вопросу, сколько можно заключать по другимъ его житіямъ; но біографія Кирилла даетъ любопытное указаніе, что не одни бѣлозерскіе «пустынники», но и часть братіи богатаго общежительнаго монастыря, какимъ былъ Кирилловъ во 2-ой половинѣ XV в., была противъ монастырскаго землевладѣнія и въ этомъ смыслѣ направляла перо біографа. Пахомій не говоритъ ни объ одномъ земельномъ пріобрѣтеніи Кирилла; разсказывая, какъ бояринъ Романъ Ивановичъ хотѣлъ дать послѣднему село, біографъ заставляетъ святаго высказать тѣже самые аргументы противъ пріобрѣтенія селъ монастырями, какіе выражены были митр. Кипріаномъ въ посланіи къ игумену Аѳанасію и потомъ развиты послѣдователями Нила Сорскаго. Ни въ этомъ молчаніи, ни въ этихъ аргументахъ нельзя видѣть факты изъ біографіи Кирилла. Одна грамота согласно съ Пахоміемъ показываетъ, что село боярина Романа отошло къ монастырю уже по смерти Кирилла; но таже грамота насчитываетъ до 6 земельныхъ вкладовъ, принятыхъ Кирилломъ, и до 11 земельныхъ покупокъ, сдѣланныхъ самимъ

основателемъ [1]). Далѣе, главное вниманіе Пахомія обращено, разумѣется, на дѣятельность Кирилла въ новой обители, на тѣ 30 лѣтъ, которыя протекли съ возникновенія монастыря до кончины основателя. Здѣсь находимъ 3 — 4 страницы, изображающія внутреннюю жизнь монастыря по уставу Кирилла; сверхъ этого безъ видимой связи, безъ хронологическихъ указаній изложено болѣе 20 краткихъ повѣстей или отдѣльныхъ случаевъ нравоучительнаго характера, рисующихъ нравственное вліяніе Кирилла, его отношенія къ братіи, мірянамъ — и только. Постепенный ростъ монастыря, перемѣны, внесенныя имъ въ окрестную пустыню, матеріальныя условія жизни и характеръ братіи — все это изображено очень скудными, мимоходомъ брошенными чертами; очевидно, это не занимало Пахомія и онъ объ этомъ не распрашивалъ. Здѣсь замѣтна разница между нимъ и Епифаніемъ: и у послѣдняго на первомъ планѣ нравственный образъ основателя, какъ примѣръ для подражанія; но онъ слѣдитъ и за исторіей монастыря, не обходитъ его простыхъ житейскихъ отношеній и отмѣчаетъ перемѣны въ окрестной пустынѣ, насколько онѣ вліяли на жизнь монастыря. Указанныя особенности житія Кирилла, отсутствіе связнаго разсказа, анекдотичность и стремленіе изображать дѣятельность святаго только съ извѣстной стороны стали отличительными чертами русскихъ житій послѣдующаго времени.

Житіе Іоанна, архіепископа новгородскаго, по своему происхожденію и источникамъ имѣетъ близкое отношеніе ко времени архіеп. Евѳимія и къ Пахоміевскимъ житіямъ Варлаама Хутынскаго и архіеп. Моисея. Выше было указано шаткое извѣстіе, приписывающее и это житіе перу Пахомія. Впрочемъ, кто бы ни былъ его авторъ, главныя черты своего содержанія оно почерпнуло изъ того же круга новгородскихъ легендъ, получив-

---

[1]) А. А. Эксп. I, № 377; см. также купчую Кирилла въ А. Ю. № 72

шихъ литературную обработку въ эпоху паденія Новгорода, откуда черпали и два упомянутыя житія. Въ нашей исторіи не много эпохъ, которыя были бы окружены такимъ роемъ поэтическихъ сказаній, какъ паденіе новгородской вольности. Казалось, «господинъ Великій Новгородъ», чувствуя, что слабѣетъ его жизненный пульсъ, перенесъ свои думы съ Ярославова двора, гдѣ замолкалъ его голосъ, на св. Софію и другія мѣстныя святыни, вызывая изъ нихъ преданія старины. Выше было замѣчено, какъ открытіе мощей Іоанна въ 1439 г. архіеп. Евѳиміемъ вмѣстѣ съ установленіемъ панихиды 4 октября должно было содѣйствовать оживленію этихъ преданій, особенно объ Іоаннѣ и о чудѣ Знаменія въ 1169 г.; по извѣстію лѣтописи, что Новгородцы приписывали наказаніе архіеп. Сергія ѣздившему на бѣсѣ чудотворцу Іоанну, видно, что эти преданія были распространены въ мѣстномъ населеніи [1]). Изъ того же источника вышло житіе архіеп. Іоанна: почти все его содержаніе состоитъ изъ легендъ о построеніи Благовѣщенскаго монастыря, о Знаменіи, о путешествіи въ Іерусалимъ на бѣсѣ и о мести послѣдняго владыкѣ. Разсматривая эти легенды въ связи съ другими, относящимися къ тому же кругу, можно извлечь нѣкоторыя указанія на время, когда составлено житіе. Въ рукописяхъ встрѣчаемъ иногда рядомъ 4 новгородскія повѣсти: о варяжской божницѣ, о Благовѣщенскомъ монастырѣ, о просфорѣ и объ архіеп. Іонѣ [2]). По ссылкамъ, какія дѣлаетъ въ нихъ авторъ, видно, что онѣ записаны одной рукой. Такъ въ первой изъ нихъ замѣчено: «сія ми повѣда игуменъ

---

[1]) Кромѣ сказанія въ житіи Іоанна, съ установленіемъ панихиды 4 октября связана другая легенда—о видѣніи софійскаго пономаря Аарона. П. С. Лѣт. III, 239.

[2]) Наприм. въ волокол. сб. половины XVI в. въ Моск. д. ак. № 659, л. 355—358. Первыя три повѣсти см. въ Пам. стар. русск. лит. I, 251—255 и въ П. С. Лѣт. III, 218.

Сергій Островскаго монастыря отъ св. Николы, отецъ Закхіевъ, нынѣшняго игумена Хутынскаго»; вторая начинается словами: «той же чудный мужъ Сергіе повѣда»[1]). По извѣстію послѣдней изъ этихъ повѣстей о числѣ лѣтъ архіепископства Іоны видно, что онѣ записаны послѣ 1471 г. Закхей правилъ Хутынскимъ монастыремъ повидимому въ послѣдней четверти XV вѣка; въ 1475 г. по лѣтописи на Хутынѣ былъ еще игуменомъ Наѳанаилъ, котораго встрѣчаемъ здѣсь въ разсказѣ о чудѣ преп. Варлаама въ 1471 г.; имена Хутынскихъ настоятелей съ начала XVI в. становятся всѣ извѣстны, но между ними нѣтъ Закхея[2]). На легендарность разсказовъ объ Іоаннѣ намекаетъ самъ авторъ житія, которое, по его признанію, написано не безъ колебанія[3]). Между письменными источниками, на которые ссылается авторъ, была и одна изъ указанныхъ выше повѣстей, именно о Благовѣщенскомъ монастырѣ: легкій перифразъ ея помѣщенъ въ началѣ житія, а въ другомъ мѣстѣ, не

---

[1]) Третья: «Повѣдаше нѣкто отъ благочестивыхъ мужъ"; четвертая: "Повѣда намъ самъ господинъ архіеп. Іона.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 201. III, 241. Въ повѣсти объ Іонѣ упоминается, какъ извѣстный новгородецъ того времени, Михаилъ Яковлевъ Медоварцевъ, внукъ той Наталіи, которая пріютила у себя 7-лѣтняго сироту, будущаго владыку Іону. Въ Тр. Серг. Л. есть сб. № 466 съ припиской на л. 354: „написана сія книга Минея въ градѣ Москвѣ, въ монастыри св. и великаго чудотворца Николы Старого, замышленіемъ и рукою многогрѣшнаго Михаила Іаковля сына Медоварцова, новоградца, въ лѣто 7013 (1505)". Можетъ быть, онъ былъ переселенъ изъ Новгорода послѣ 1478 г.

[3]) Разсказавъ объ открытіи мощей, авторъ продолжаетъ: «Азъ окаянный слышахъ о житіи праведнаго мужа, великаго святителя Божія Іоанна, и невѣріемъ одержимъ быхъ, и ять мя нѣкоторый недугъ неисцѣленъ; азъ же уразумѣхъ, яко мое невѣріе увѣряетъ святый... Написахъ житіе святаго.., елика изобрѣтохъ написана о святѣмъ... она же слышахъ отъ неложныхъ свидѣтелей и отъ старецъ многолѣтныхъ». Списки житія въ Мак. ч. мин., изд. Арх. Комм. I, 327, въ синод. сб. № 555, л. 37, въ волокол. сб. половины XVI в. въ моск. д. ак. № 659. л. 149; эти списки безъ пространнаго похвальнаго слова, составленнаго позднѣе житія.

речисляя построенныя Іоанномъ церкви, авторъ, по нѣкоторымъ спискамъ житія, замѣчаетъ, что первою изъ нихъ была Благовѣщенская, «о ней же преди писахомъ отъ сказанія повѣсти чуднаго мужа Сергія, игумена Островскаго монастыря отъ св. Николы». Въ концѣ житія авторъ призываетъ молитвы Іоанна на «великодержавнаго, скипетръ царства въ Русской землѣ держащаго». Умирая, Іоаннъ поучаетъ новгородцевъ бояться «князя православнаго яко Бога», а за иновѣрнаго не отдаваться, и въ чудѣ Знаменія указываетъ тотъ смыслъ, «да посрамятся иконоборцы, да не растлятся обычая наша». Изъ этихъ выраженій можно заключить, что и 4 упомянутыя повѣсти и житіе написаны въ концѣ 70-хъ или въ 80-хъ годахъ XV в., когда подчиненіе Новгорода Москвѣ было рѣшено и когда въ немъ стали обнаруживаться иконоборческія мнѣнія жидовствующихъ. Повѣсть о Знаменіи въ житіи также есть передѣлка сказанія, встрѣчающагося въ рукописяхъ съ конца XV в. Изъ лѣтописи или другаго письменнаго источника взяты перечень церквей и извѣстіе о происхожденіи Іоанна и о томъ, что до архіепископства онъ былъ священникомъ при церкви св. Власія. Но своди различные источники, авторъ впалъ въ ошибку: легенду о построеніи Благовѣщенскаго монастыря онъ отнесъ ко времени, когда Іоаннъ былъ еще міряниномъ; потомъ онъ сталъ іереемъ, по разсказу житія, и наконецъ постригся въ своемъ монастырѣ, откуда былъ избранъ на каѳедру; но по лѣтописи этотъ монастырь основанъ въ 1170 г., когда Іоаннъ былъ уже архіепископомъ. Не видно, чтобы сказаніе о путешествіи во Іерусалимъ и о мщеніи бѣса существовало въ письменности раньше жизнеописанія Іоанна; едва ли не впервые оно записано въ этомъ житіи по изустнымъ разсказамъ «неложныхъ свидѣтелей».

Пахомій вышелъ изъ средоточія православной греко-славянской образованности XIV—XV в., изъ Святой Горы, и вынесъ оттуда высокое понятіе объ охранительной силѣ родной пись-

менности для племени: «бяху Угри, замѣчаетъ онъ въ повѣсти о Батыѣ, первое во православіи крещеніе отъ Грекъ пріемше, но не поспѣвшимъ имъ своимъ языкомъ грамоту изложити, Римляномъ же яко близъ сущимъ приложиша ихъ своей ереси послѣдовати». Пахомія много читали въ древней Руси и усердно подражали пріемамъ его пера: его творенія служили едвали не главными образцами, по которымъ русскіе агіобіографы съ конца XV в. учились искусству описывать жизни святаго. Авторъ приведенной выше приписки къ житію Евоимія, выражая взглядъ русскихъ книжниковъ XV в. на Пахомія, называетъ его отъ юности усовершившимся въ писаніи и во всѣхъ философіяхъ, превзошедшимъ всѣхъ книжниковъ разумомъ и мудростію. Такой человѣкъ былъ нуженъ на Руси въ XV в. и потому, когда онъ явился здѣсь, великій князь и митрополитъ съ соборомъ, новгородскій владыка и игуменъ монастыря обращались къ нему съ просьбами и порученіями написать о томъ или другомъ святомъ. Достаточно пересчитать творенія Пахомія, приведенныя въ извѣстность, чтобы видѣть, для чего собственно было нужно на Руси его перо и что новаго внесло оно въ русскую письменность. Пахомій написалъ не менѣе 18 каноновъ и 3 или 4 похвальныя слова святымъ, 6 отдѣльныхъ сказаній и 10 житій; изъ послѣднихъ только 3 можно считать оригинальными произведеніями; остальныя—новыя редакціи или переложенія прежде написанныхъ біографій. Запасъ русскихъ церковныхъ воспоминаній, накопившійся къ половинѣ XV в., надобно было ввести въ церковную практику и въ составъ душеполезнаго чтенія, обращавшагося въ ограниченномъ кругу грамотнаго русскаго общества. Для этого надобно было облечь эти воспоминанія въ форму церковной службы, слова или житія, въ тѣ формы, въ какихъ только и могли они привлечь вниманіе читающаго общества, когда послѣднее еще не видѣло въ нихъ предмета не только для научнаго знанія, но и для про-

стаго историческаго любопытства. Въ этой стилистической переработкѣ русскаго матеріала и состоитъ все литературное значеніе Пахомія. Онъ нигдѣ не обнаружилъ значительнаго литературнаго таланта; мысль его менѣе гибка и изобрѣтательна чѣмъ у Епифанія; но онъ прочно установилъ постоянныя, однообразные пріемы для жизнеописанія святаго и для его прославленія въ церкви и далъ русской агіобіографіи много образцовъ того ровнаго, нѣсколько холоднаго и монотоннаго стиля, которому было легко подражать при самой ограниченной степени начитанности. Есть еще сторона въ литературной дѣятельности Пахомія, имѣющая нѣкоторое значеніе въ исторіи письменности древнерусскихъ житій. Въ послѣдствіи, при размноженіи этой письменности, многія житія переписывались и распространялись исключительно или преимущественно въ мѣстахъ дѣятельности святыхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно увеличивалась группа житій, имѣвшихъ общее значеніе, вездѣ читавшихся. Самую раннюю и видную часть въ этой группѣ составляютъ вмѣстѣ съ Кипріановской біографіей митр. Петра и древнѣйшими ростовскими житіями творенія Пахомія: благодаря извѣстности автора, его житія не только митр. Алексія или преп. Сергія, но даже архіеп. Евѳимія, Варлаама Хутынскаго и другихъ мѣстныхъ святыхъ стали общимъ достояніемъ древнерусскихъ читающихъ людей и переписывались вездѣ. Гораздо менѣе важны труды Пахомія какъ историческій матеріалъ. Только одинъ изъ святыхъ, жизнь которыхъ онъ описалъ, архіеп. Евѳимій былъ извѣстенъ ему лично. Главными источниками служили ему изустные разсказы и готовыя біографіи. Воспроизводя тотъ или другой источникъ, Пахомій нисколько не заботился о томъ, чтобы исчерпать его вполнѣ, и вслѣдствіе разныхъ причинъ допускалъ много неточностей въ своемъ воспроизведеніи. Большая часть явленій, имъ описываемыхъ, не была извѣстна ему по непосредственному наблюденію; ему не пришлось видѣть возникновенія

и образованія ни одного русскаго монастыря; этотъ недостатокъ непосредственнаго знакомства съ дѣйствительностію онъ восполнялъ реторикой житій, которая многому давала невѣрную окраску. Притомъ многія изъ его біографій писаны для церковной службы и по порученію свѣтской или церковной власти; это заставляло его иное опускать, а другое воспроизводить, какъ нужно было, а не какъ было на самомъ дѣлѣ. Послѣднее замѣтилъ въ одномъ его трудѣ современный русскій лѣтописецъ [1]). Только біографіи Кирилла и Евоимія цѣнны и по свойству источниковъ и по обилію содержанія; если бы всѣ остальные труды Пахомія исчезли, въ нашихъ историческихъ источникахъ не образовалось бы слишкомъ замѣтнаго пробѣла.

ГЛАВА V.

Русскія подражанія до Макарьевскаго времени.

Дальнѣйшее наше изслѣдованіе должно превратиться въ краткій библіографическій обзоръ. Получивъ въ разсмотрѣнныхъ выше житіяхъ образцы агіобіографіи, русскіе слагатели житій однообразно подражали имъ и въ литературныхъ пріемахъ и въ пониманіи историческихъ явленій. Стороны въ ихъ произве-

[1]) Сказавъ о обрѣтеніи мощей св. Петра въ 1472 г. и о порученіи, данномъ Пахомію, написать слово объ этомъ, лѣтописецъ дѣлаетъ замѣчаніе, можетъ быть единственное въ древнерусской литературѣ: „А въ словѣ томъ написа, яко въ тѣлѣ обрѣли чудотворца, невѣрія ради людскаго, занеже мой толко не въ тѣлѣ лежитъ, тотъ у нихъ не святъ; а того не помянутъ, яко кости наги источаютъ исцѣленія.“ П. С. Лѣт. VI, 196.

деніяхъ, которыхъ должна коснуться критика, опредѣлились не личными условіями писателя, а этимъ историческимъ взглядомъ на явленія, у всѣхъ одинаковымъ, который вычитанъ въ образцахъ и вмѣстѣ съ литературными пріемами послѣднихъ составилъ реторическую теорію житія. Личность писателя опять исчезаетъ за этой теоріей, какъ исчезала прежде за многолѣтней легендой, хотя теперь въ большей части случаевъ мы можемъ не только назвать его по имени, но и указать нѣкоторыя черты его жизни. Съ другой стороны, чѣмъ дальше отъ половины XV в., тѣмъ болѣе русская агіобіографія удаляется отъ городскихъ центровъ, гдѣ составилось большинство прежнихъ житій, и продолжаетъ свое развитіе въ пустынѣ, по многочисленнымъ монастырямъ, здѣсь возникавшимъ, выходя такимъ образомъ изъ предѣловъ того круга общественныхъ явленій, который вѣдала лѣтопись; потому рѣдко представляется возможность съ помощію послѣдней провѣрить или объяснить новыя житія. Между историкомъ и историческимъ матеріаломъ, заключающимся въ этихъ житіяхъ, остается одна упомянутая теорія агіобіографіи: критика, приведя въ извѣстность ея дальнѣйшіе памятники, можетъ ограничиться общимъ разборомъ этой теоріи, чтобы выдѣлить изъ нея историческій фактъ.

Выше было замѣчено, какія литературныя вліянія содѣйствовали превращенію прежней краткой записки, или памяти о святомъ, въ историческое похвальное слово, ибо таковы въ сущности витіеватыя житія, которыя писались съ XV в. Эти вліянія замѣтно сказываются въ русскихъ произведеніяхъ второй половины XV в. Явленія церковной и мірской жизни становятся содержаніемъ не простой повѣсти, а церковно-ораторскаго слова. Мы видѣли выше, какъ обрѣтеніе мощей св. митрополита Петра въ 1472 г. подало собору поводъ возложить на Пахомія составленіе витіеватаго слова объ этомъ событіи съ похвалой и двумя канонами святому. Въ 1462 г. у гроба св. митрополита Алексія

исцѣлился хромецъ: глава русской церковной іерархіи митр. Θеодосій написалъ пространное слово объ этомъ чудѣ, блестящее произведеніе церковнаго краснорѣчія въ духѣ того времени; ораторское предисловіе въ немъ равняется по объему самому сказанію. Другое произведеніе того же автора, одинаковаго характера съ первымъ, похвальное слово апостоламъ Петру и Павлу обнаруживаетъ источникъ, откуда черпалъ Θеодосій свое краснорѣчіе: здѣсь авторъ дословно выписываетъ страницы изъ слова Цамблака на ту же тему, подобно тому какъ послѣдній въ этомъ и другихъ своихъ ораторскихъ твореніяхъ заимствовалъ у Іоанна Златоуста и прочихъ образцовыхъ витій православной церкви [1]). Этимъ цвѣтомъ церковнаго похвальнаго слова окрашивались не одни церковныя явленія: онъ сильно замѣтенъ уже въ житіи великаго князя Димитрія Донскаго, написанномъ, повидимому, вскорѣ послѣ его смерти. Авторъ біографіи — начитанный книжникъ, сколько можно судить по его цитатамъ и многорѣчивымъ разсужденіямъ, и писалъ ее для какого-нибудь духовнаго лица [2]). Иногда у него замѣтно подражаніе житію Александра Невскаго; встрѣчаемъ литературныя черты, которыя были не во вкусѣ агіобіографіи: картину Донскаго побоища, плачъ княгини съ причитаньями надъ умершимъ мужемъ. Но

---

[1]) Сказаніе о чудѣ 1462 г. въ П. С. Р. Лѣт. VI, 325. Похвальное слово апостоламъ въ сб. Унд. XV в. № 558, л. 75; напеч. въ Изв. 2 отд. Ак. Н. т. III, 322. По отношенію къ характеру церковной литературы того времени и предметамъ, которые она разработывала, не лишній фактъ представляетъ еще одно произведеніе Θеодосія, не занесенное въ перечень его трудовъ (у арх. Филарета въ Обзорѣ I. 141): это кондаки и икосы на успеніе Богородицы — „твореніе Θеодосія митр. кіевскаго и всея Руси". Солов. сб. XVI в. № 916.

[2]) Напеч. въ Русск. Ист. Сб. т. III, 81 и П. С. Лѣт. IV, 349. VI, 104 и VIII, 53, съ пропусками. Въ похвалѣ, приложенной къ житію, авторъ обращается къ лицу, для котораго писана біографія: „понеже *преподобство* твое испроси у нашего художества слова, мы припадаемъ къ Св. Духу благодати.."

тѣмъ рѣзче выдѣляются въ біографіи черты другаго свойства: въ характеристику князя допущены почти исключительно иноческія добродѣтели; несоразмѣрно длинное и до темноты витіеватое похвальное слово въ концѣ житія разсматриваетъ Донскаго героя только какъ святаго, и перебирая историческія имена, которыми можно было бы характеризовать князя, оно называетъ только праведниковъ обоихъ завѣтовъ. Вторая редакція сказанія о кн. Михаилѣ Ярославичѣ тверскомъ наглядно показываетъ, что вся перемѣна, происшедшая въ русской агіобіографіи съ XV в., состояла въ пріемахъ литературнаго изложенія и не вызвала потребности болѣе внимательнаго знакомства съ фактами, относящимися къ жизни описываемыхъ лицъ. Выше, въ разборѣ древней повѣсти о Михаилѣ былъ отмѣченъ признакъ, обличающій во второй ея редакціи произведеніе XV в., хотя въ ней, по обычаю древнерусскихъ позднѣйшихъ редакторовъ, удержаны выраженія начальнаго сказанія, какія могъ употребить только современникъ и очевидецъ описываемыхъ событій [1]). Эта позднѣйшая редакція почти дословно повторяетъ текстъ своего оригинала, не только не прибавляя къ нему но-

---

[1]) Списокъ этой редакціи съ предисловіемъ въ Ч. Мин. Германа Тулупова, рукоп. Тр. Серг. Л. № 671, л. 111; сказаніе здѣсь сопровождается припиской на л. 129: „въ лѣто 6994 написано бысть сіе убіеніе вел. кн. Михаила Ярославича, мѣс. ноемврія 17 день". Это, очевидно, указаніе на время древняго списка, съ котораго копировалъ Германъ. Но редакція сказанія составлена раньше: ее находимъ, только безъ предисловія, въ спискѣ софійской лѣтописи, писанномъ прежде 1481 года (П. С. Лѣт. V, 207 ср. съ замѣчаніемъ о спискѣ кн. Оболенскаго на стр. 77 и слѣд.). Нач. предисловія: „Вѣнецъ убо многоцвѣтенъ". Оно сходно съ предисловіемъ во второй редакціи житія ростовскаго епископа Исаіи и вѣроятно въ обоихъ житіяхъ взято изъ одного источника. Редакторъ повѣсти о Михаилѣ повторяетъ наивно выраженія начальнаго ея автора: „написахомъ", „исповѣдаху намъ" и проч. Этимъ объясняется смыслъ замѣтки его въ предисловіи: „мы же убо не отъ инѣхъ слышавше, но самовидцы бывше честному его (кн. Михаила) воспитанію".

выхъ фактовъ, но даже опуская нѣкоторыя фактическія черты его, напримѣръ хронологическія и топографическія помѣтки въ разсказѣ о борьбѣ кн. Юрія московскаго съ Михаиломъ. Передѣлка древняго сказанія предпринята только для того, чтобы прибавить къ нему длинное витіеватое предисловіе и внести въ простой разсказъ современника обильныя реторическія распространенія, тексты, историческія сравненія и т. п.

Характеристическими образчиками компилятивности, какою отличались подражанія въ русской агіобіографіи съ половины XV в., могутъ служить сочиненія о князьяхъ ярославскихъ, составленныя въ изучаемый періодъ времени: это — двѣ редакціи житія кн. Ѳеодора Чернаго и сказаніе о князьяхъ Василіѣ и Константинѣ. Еще до открытія мощей кн. Ѳеодора въ 1463 г. въ письменности обращалась краткая повѣсть о преставленіи этого князя съ немногими извѣстіями о его жизни: судя по изложенію и нѣкоторымъ подробностямъ въ описаніи кончины Ѳеодора, можно думать, что эта проложная статья была составлена вскорѣ по смерти князя или на основаніи современной ему мѣстной лѣтописи, записавшей эти подробности [1]). Вскорѣ по обрѣтеніи мощей князя описано было и это событіе съ чудесами, его сопровождавшими [2]). Великій князь московскій Іоаннъ и митрополитъ Филиппъ поручили описать жизнь новоявленнаго чудотворца Антонію, іеромонаху Спасскаго ярославскаго монастыря, гдѣ

---

[1]) Сб. Тр. Серг. Л. 1505 г. № 466, л. 366; древнѣе сп. въ рук. Рум. муз. 1462 г. № 305, л. 260. Архіеп. Филаретъ ошибочно смѣшиваетъ эту статью съ сочиненіемъ Антонія. Русск. Свят. сент. стр. 81.

[2]) Въ рукописяхъ статья эта встрѣчается въ двухъ редакціяхъ: въ краткой — въ указанномъ сб. Тр. С. Л. № 466 (вписана на поляхъ рядомъ съ статьей о преставленіи) и въ полной — въ волокол. сб. 1543 г. въ Моск. дух. ак. № 490, л. 235; этой редакціей пользовался Антоній; она же безъ послѣднихъ чудесъ въ П. С. Лѣт. V, 185—187, разбита по годамъ и перемѣшана съ другими лѣтописными извѣстіями.

покоился кн. Θеодоръ. Біографъ разсказываетъ объ удаленіи архіеп. ростовскаго Трифона съ каѳедры (1467 г.), а о последнемъ самостоятельномъ князѣ Ярославля Александрѣ Θеодоровичѣ, при которомъ произошло открытіе мощей его предка, выражается, какъ будто его уже не было на свѣтѣ: отсюда видно, что житіе написано между 1471 годомъ, когда умеръ кн. Александръ, и 1473, когда умеръ митр. Филиппъ [1]). Антоній, знакомый съ образцами русской агіобіографіи того времени, составилъ житіе такъ, чтобы оно было достойно высокаго порученія, возложеннаго на автора. Предисловіе онъ выписалъ изъ житія митр. Алексія, написаннаго Пахоміемъ, съ нѣкоторыми перемѣнами, но удержавъ выраженія, которыя вовсе не шли къ ярославскому писателю [2]). Изложивъ извѣстія о кн. Θеодорѣ и о нашествіи Батыя, какія нашлись въ упомянутомъ старомъ некрологѣ Θеодора, Антоній прибавилъ къ нему повѣсть о смерти Батыя, измѣнивъ нѣсколько статью Пахомія объ этомъ, и разсказъ объ отношеніяхъ Θеодора къ ордѣ. Благодаря этому разсказу, заимствованному повидимому у мѣстнаго лѣтописца и не занесенному въ лѣтописные своды теперь извѣстные, трудъ

---

[1]) П. С. Р. Лѣт. VI, 191. О кн. Александрѣ Антоній говоритъ: „сущу ему тогда старѣйшиньствуя въ градѣ томъ, блаженному же Θеодору *бѣ* правнукъ“. Составъ и текстъ Антоніева житія Θеодора въ спискахъ очень разнообразны вслѣдствіе пропусковъ и сокращеній. Самый цѣльный списокъ, съ предисловіями предъ жизнеописаніемъ и повѣстью объ открытіи мощей, въ сб. Тр. Серг. л. половины XVII в. № 664, л. 313 — 350. Списки XVI въ сб. Унд. 1541 г. № 1214, л. 670, его же № 383, л, 31, волокол. въ Моск. дух. ак. № 490, пис. въ 1543 г., л. 226; но статья о проявленіи мощей здѣсь другая, короче и безъ предисловія, написана, по нашему мнѣнію, прежде труда Антонія.

[2]) Наприм. вслѣдъ за Пахоміемъ Антоній пишетъ о Θеодорѣ: „не бо своима очима видѣхъ что таково бываемо, но отъ великихъ и достовѣрныхъ мужей слышавъ въ градѣ томъ, якоже то глаголютъ, иніи своима очима видѣша самого святаго, не зѣло бо предъ многими лѣты бѣяше.“ Антоній писалъ спустя не менѣе 172 лѣтъ по смерти Θеодора.

Антонія имѣетъ цѣну между источниками нашей исторіи. Разсказъ о кончинѣ князя выписанъ цѣликомъ изъ того же некролога, а обрѣтеніе мощей и чудеса описаны по статьѣ, составленной раньше сочиненія Антонія; только два чуда—съ архіеп. Трифономъ и съ безногимъ инокомъ Софоніей изложены у Антонія витіеватѣе, первое словами статьи о Стефанѣ пермскомъ въ Епифаніевскомъ житіи Сергія, второе — словами написаннаго митр. Ѳеодосіемъ сказанія о хромцѣ Наумѣ; наконецъ всей этой статьѣ объ открытіи мощей и чудесахъ Ѳеодора Антоній предпослалъ многорѣчивое предисловіе, въ которомъ легко замѣтить передѣлку предисловія къ Пахоміеву слову о перенесеніи мощей св. митрополита Петра, не задолго передъ тѣмъ написанному.—Встрѣчаемъ и другую переработку древней записки о кн. Ѳеодорѣ: это—житіе, которое составилъ нѣкто Андрей Юрьевъ. Сколько помнится, въ исторіи древнерусской духовной литературы совершенно неизвѣстно имя этого писателя, какъ и его произведеніе: послѣднее, судя по рѣдкости его списковъ, было мало извѣстно и древнерусскимъ грамотеямъ [1]). По выраженіямъ автора можно только догадываться, что онъ писалъ въ Ярославлѣ. Списокъ его труда, намъ извѣстный, относится къ началу XVI вѣка; въ нѣкоторыхъ словахъ житія можно видѣть

[1]) Единственный списокъ его нашли мы въ рукоп. начала XVI в. изъ библ. Общ. Ист. и Др. Р. № 56, л. 306 - 317: „Житіе и жизнь преп. кн. Ѳеодора ярославскаго. Списано отъ Ондрѣя Юрьева". Начало предисловія: „О свѣтлая и пресвѣтлая Русская земле и преукрашенная многими рѣками и разноличными птицами и звѣрми и всякою различною тварію, потѣшая Богъ человѣка, и сътворилъ вся его ради на потѣху и на потребу различныхъ искушеній человѣческаго ради естества, и потомъ подарова Господь православною вѣрою, св. крещеніемъ, наполнивъ ю великими грады и домы церковными и насѣявъ ю боголюбивыми книгами, и показуя имъ путь спасенія, имъ же доити пресвѣтлаго свѣта и радости всѣхъ святыхъ и райскія пищи, неоскудныя Божія благодати наполнитися, но по дѣломъ нашимъ пріяти противу трудомъ".

довольно ясный намекъ на то, что оно писано послѣ открытія мощей св. князя, хотя невозможно рѣшить, раньше или позднѣе Антоніевой редакціи [1]). Произведеніе А. Юрьева любопытно тѣмъ, что реторическій взглядъ на житіе, утвержденный образцовыми агіобіографами XV в., здѣсь сказался еще яснѣе, ибо дѣйствовалъ на редактора одностороннѣе и исключительнѣе; притомъ этотъ редакторъ, сколько можно судить по его имени, былъ не монахъ, можетъ быть даже не изъ бѣлаго духовенства. Антоній, передѣлывая древнюю краткую біографію въ духѣ указаннаго взгляда, считалъ еще необходимымъ пополнить ея содержаніе извѣстіями изъ другихъ источниковъ, хотя сдѣлалъ это не совсѣмъ удачно. А. Юрьевъ, какъ видно изъ его признанія и содержанія новой біографіи, ничего не зналъ о кн. Θеодорѣ сверхъ извѣстій древняго некролога [2]). Извѣстія послѣдняго онъ цѣликомъ и большею частью почти дословно перенесъ въ свое произведеніе. Но скудное содержаніе своего источника онъ растворилъ въ обильной примѣси общихъ мѣстъ церковнаго панегирика; житіе закончилъ онъ похвалой святому, которая объемомъ немного уступаетъ біографическому очерку. Отсюда видно, что единственной цѣлью, вызвавшей новую редакцію, было «ублажити подробну» новоявленнаго чудотворца. Задачу свою авторъ исполнилъ съ литературнымъ умѣньемъ, дающимъ его труду почетное мѣсто въ ряду русскихъ реторических

[1]) Напримѣръ, сказавъ о проявленіи въ Москвѣ свѣтильниковъ-митрополитовъ Петра и Алексія, авторъ продолжаетъ (л. 315): „Тако же въ *нынѣшняя* времена прояви Господь сего новаго чудотворца кн. Θеодора, спасая имъ градъ его Ярославль отъ многихъ бѣдъ его".

[2]) Въ послѣсловіи читаемъ: „Азъ же многогрѣшный Андрей Юрьевъ, недостойный рабъ, и обрѣтохъ у нѣкоего христолюбца писанъ *перечень* житія св. преподобнаго князя Θеодора; азъ же дерзнухъ написати его житіе, не умѣя ни видѣ (sic) его житія, но надѣяся на его милосердіе и помощи Божія прося и на молитву св. отца надѣяся, и написахъ, елико слышахъ, отъ великихъ малая, елико бысть мощно мнѣ".

ческихъ произведеній XV—XVI в. Хотя не монахъ, Юрьевъ— начитанный грамотей: онъ приводитъ выдержки изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, изъ житій Димитрія Солунскаго, митроп. Петра и Алексія, Леонтія ростовскаго по одной изъ позднѣйшихъ редакцій; послѣсловіе его есть легкая передѣлка послѣсловія Пахомія Логоѳета къ житію преп. Сергія.

Еще любопытнѣе составъ другаго ярославскаго сказанія — о князьяхъ Василіѣ и Константинѣ. Въ 1501 г въ Ярославлѣ сгорѣла соборная Успенская церковь, и когда начали разбирать обгорѣлые камни, нашли въ церковномъ помостѣ два гроба съ нетлѣнными мощами; на гробахъ прочитали имена святыхъ покойниковъ, князей Василія и Константина. Послѣдовалъ рядъ чудесъ. Такъ разсказываетъ повѣсть о новыхъ ярославскихъ чудотворцахъ, которую нѣсколько лѣтъ спустя сложилъ нѣкто монахъ Пахомій по благословенію мѣстнаго архіеп. Кирилла, въ княженіе Василія Іоанновича, слѣдововательно между 1526 и 1533 г. [1]) Мѣстное преданіе запомнило, что князья-чудотворцы были родные братья Всеволодовичи. Принявъ это извѣстіе за основаніе своей повѣсти, Пахомій началъ ее предисловіемъ, неловко составленнымъ по предисловію серба Пахомія къ житію митр. Алексія или, вѣроятнѣе, по передѣлкѣ его въ разсмотрѣнномъ Антоніевомъ житіи кн. Ѳеодора. У того же предшественника своего Антонія выписалъ онъ характеристику кн. Ѳеодора, приспособивъ ее къ своимъ князьямъ-братьямъ. Далѣе, на-

---

[1]) Списки этой мало распространенной въ рукописяхъ повѣсти въ сб. Тр. Серг. Л. № 696, л. 158 и № 677, л. 49, съ надписью: „Сія убо повѣсть сложена мною, многогрѣшнымъ рабомъ Божіимъ мнихомъ Пахоміемъ, по благословенію господина нашего архіеп. Кирилла ростовскаго и ярославскаго, при благовѣрномъ великомъ кн. Василіѣ Ивановичѣ“. Повѣсть о князьяхъ сопровождается статьею объ открытіи ихъ мощей въ 1501 г. съ 15 чудесами. Списокъ той же повѣсти безъ предисловія въ рук. Унд. № 294, л. 1.

шедши въ лѣтописи извѣстіе, что кн. Константинъ Всеволодовичъ въ 1215 г. заложилъ въ Ярославлѣ каменную церковь Успенія, біографъ отнесъ это извѣстіе къ своему Константину, князю ярославскому, смѣшавъ послѣдняго съ дѣдомъ его, умершимъ въ 1419 г. и погребеннымъ во Владимірѣ [1]). Далѣе опять по Антонію онъ разсказываетъ о нашествіи Батыя и избіеніи русскихъ князей, прибавляя вопреки лѣтописи, что они погибли при взятіи Ярославля 3 іюля [2]). Въ числѣ погибшихъ здѣсь князей были и братья Всеволодовичи ярославскіе, о которыхъ повѣствуетъ Пахомій. Разсказъ оканчивается сказаніемъ о смерти Батыя въ Болгаріи, заимствованнымъ также у Антонія. По лѣтописи, въ татарское нашествіе погибъ Всеволодъ Константиновичъ ярославскій; по родословной книгѣ, у этого Всеволода было двое сыновей, Василій и Константинъ. Первый, по лѣтописи, мирно скончался въ 1249 г. во Владимірѣ, гдѣ въ то время находился случайно; можетъ быть, это и дало Пахомію поводъ назвать его великимъ княземъ владимірскимъ. О судьбѣ Константина въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій. Такимъ образомъ разсмотрѣнные памятники ярославской агіобіографіи обнаруживаютъ съ одной стороны большую заботливость украшать житіе въ литературномъ отношеніи, руководствуясь образцами, съ дру-

---

[1]) Въ спискѣ по рук. Унд. № 204 къ этому лѣтописному извѣстію прибавлены другія, съ новыми ошибками: говорится наприм. объ основаніи тѣмъ же Константиномъ церкви Входа въ Іерусалимъ въ Спасскомъ монастырѣ въ 1218 г. и объ освященіи ея въ 1224 г. епископомъ Симономъ и этимъ княземъ. По лѣтописи, это была церковь Спаса, заложенная въ 1216 г. и освященная въ 1224 г. епископомъ Кирилломъ при сынѣ Константина Всеволодѣ. П. С. Лѣт. I, 186 и 190.

[2]) „И пріиде (Батый) ко граду Ярославлю, и ту побіени быша князи наши, кн. Василій владимірскій и кн. Константинъ и Юрій..“ Въ сп. Унд. къ этому прибавлено мѣстное преданіе, что Батый стоялъ подъ Ярославлемъ два года съ половиной, отыскивая своего отца: „баше бо той окаянный царь Батый родомъ града Ярославля, отъ веси Черможскія“.

гов—такое же равнодушіе къ его фактическому содержанію и къ источникамъ, изъ которыхъ оно черпается.

Въ Твери, кромѣ указаннаго выше пересмотра стараго сказанія о кн. Михаилѣ Ярославичѣ, встрѣчаемъ опытъ жизнеописанія другаго князя, гораздо болѣе любопытный, но сохранившійся въ обломкахъ. Книжникъ ростовскаго края, составляя въ 1534 г. лѣтописный сборникъ, заносилъ въ него цѣликомъ или въ отрывкахъ отдѣльныя историческія сочиненія, какія попадались ему подъ руки [1]). Такъ помѣстилъ онъ въ своемъ сборникѣ извлеченія изъ цѣльнаго историческаго труда о тверскомъ князѣ Михаилѣ Александровичѣ (ум. 1399 г.). Нѣкоторыя указанія на происхожденіе и характеръ этого труда находимъ во вступленіи, которое сберегъ составитель сборника. Текстъ этого вступленія, какъ и всего сборника, сохранившагося въ спискѣ XVII в., носитъ слѣды сильной порчи писцомъ; но и въ такомъ видѣ этотъ текстъ обличаетъ у автора перо, хорошо знакомое съ книжнымъ языкомъ времени. Въ испорченномъ началѣ вступленія авторъ хочетъ, кажется, сказать, что не былъ современникомъ кн. Михаила, не видалъ его самъ и пишетъ по порученію тверскаго князя Бориса (правнука Михайлова, княжившаго 1425 — 1461 г.), «иже повелѣлъ ми есть написати отъ слова честь премудраго Михаила». Къ этому князю обращается авторъ въ предисловіи, называя его честною главой, благочестивымъ самодержцемъ. Отсюда видно, что сочиненіе писано около половины XV в. Обѣщая писать «зряще русскаго гранографа», авторъ замѣчаетъ: «отъ Кіева начну даже и до сего богохранимаго Тферскаго града, въ немъ же въспитаніе бысть

---

[1]) Этотъ лѣтописный сборникъ изданъ въ XV т. П. С. Р. Лѣт. подъ именемъ Тверской лѣтописи. Отрывки изъ сочиненія о Михаилѣ помѣщены на столбц. 463—470 подъ заглавіемъ: „Предисловіе лѣтописца княженія Тферскаго“ и проч. Это заглавіе принадлежитъ составителю сборника.

благородному Михаилу», и затѣмъ, выписавъ рядъ прямыхъ предковъ князя отъ св. Владиміра, онъ заключаетъ: «доздѣ пишуще, уставихомъ изъ прьваго лѣтописца въображающе, якоже володимерскій полихронъ степенемъ приведе явѣ указуетъ». Выписанныя ссылки автора подали поводъ признать разсматриваемый отрывокъ особой тверской лѣтописью, составленной при кн. Борисѣ, составитель которой при изложеніи событій, предшествовавшихъ вступленію на престолъ Михаила Александровича, руководствовался владимірскимъ полихрономъ [1]). Но этотъ полихронъ понадобился автору, чтобы изложить родословную князя, сказать «честь мужу, да всѣмъ вѣдомо будетъ, отъ котораго богосаднаго корени таковаа доброплодная отрасль израсте». Вслѣдъ за тѣмъ авторъ излагаетъ программу своего труда о Михаилѣ: «зѣло скоропытнѣ искавше образъ бытіа его, когда родися и како Богомъ утвержаемъ въ крѣпости възраста и колико мужества на земли храбрости показа, наипаче же елми къ Богу вѣру въ дѣлехъ стяжа». Ясно, что авторъ хочетъ писать не лѣтопись, а біографію кн. Михаила. Дальнѣйшее изложеніе также чуждо лѣтописныхъ пріемовъ. Изъ него составитель сборника приводитъ далѣе два отрывка, изъ которыхъ въ одномъ описана жизнь князя до начала борьбы его съ дядей, тверскимъ княземъ Василіемъ Михаиловичемъ, въ другомъ — начало великокняженія самого Михаила. Въ обоихъ отрывкахъ сплошной біографическій разсказъ безъ хронологическихъ помѣтокъ, при чемъ отрочество князя и его воспитаніе изображено обычными чертами житій. Тверскія лѣтописныя извѣстія о Михаилѣ и его отцѣ, занесенныя какъ въ этотъ тверской лѣтописный сводъ, такъ и въ никоновскій и взятыя, очевидно, изъ одного источника, не только не похожи по своему изложенію на выдержки изъ біографіи кн. Михаила, но даже иногда противо-

[1]) П. С. Р. Лѣт. XV, стр. V.

рѣчатъ извѣстіямъ послѣдней: такъ здѣсь иначе разсказано о Шевкалѣ и избіеніи Татаръ въ Твери, чѣмъ въ тѣхъ сводахъ; по біографіи Михаилъ учился грамотѣ у митрополита Θеогноста, а по лѣтописямъ—у своего отца крестнаго, новгородскаго архіеп. Василія [1]). Наконецъ въ другихъ лѣтописяхъ сохранился еще одинъ отрывокъ изъ сочиненія о тверскомъ князѣ Михаилѣ и въ одной изъ нихъ съ признакомъ, что это—отрывокъ именно изъ разбираемаго жизнеописанія князя: въ одномъ изъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводовъ, составленномъ въ началѣ XVI в., помѣщена статья о преставленіи кн. Михаила, которой предпослано въ видѣ предисловія начало выше анализированнаго вступленія къ тверскому жизнеописанію Михаила, съ незначительными перемѣнами въ словахъ и безъ искаженій, сдѣланныхъ писцомъ тверскаго сборника [2]).—Вотъ повидимому все, что уцѣлѣло отъ біографіи кн. Михаила. Недостаетъ любопытнѣйшихъ страницъ изъ этой біографіи, описанія борьбы тверскаго князя съ дядей Василіемъ и потомъ съ великимъ княземъ московскимъ Димитріемъ, и мы не знаемъ, какъ изобразилъ эти событія тверской біографъ съ своей мѣстной точки зрѣнія. Судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ его труда, онъ зналъ любопытныя черты изъ жизни Михаила, не попавшія въ извѣстныя теперь лѣтописи, хотя повидимому не былъ его современникомъ. Наконецъ, послѣ біографіи Александра Невскаго это едвали не первый опытъ жизнеописанія въ простомъ смыслѣ слова, гдѣ описываемое лицо разсматривается какъ историческій дѣятель, а

---

[1]) Тамъ же столб. 465—467 ср. съ столб. 415 и съ Ник. III, 137 и 175. См. также П. С. Лѣт. V, 223 и VII, 207.

[2]) П. С. Р. Лѣт. IV, 359. Здѣсь вмѣсто кн. Бориса поставлено имя какого-то отца Кирилла. для котораго сдѣлано извлеченіе изъ житія Михаила составителемъ такъ-называемой 4-ой новгородской лѣтописи. Таже статья, только безъ предисловія, въ воскресенскомъ сводѣ (П. С. Л. VII, 73); она есть и въ тверскомъ, но съ сокращеніями и варіантами (тамъ же т. XV, столб. 459 и слѣд.).

не съ точки зрѣнія церковнаго похвальнаго слова, какъ нравственный образецъ для подражанія. Изъ предисловія къ біографіи видно, что авторъ имѣлъ подъ руками «русскій гранографъ» «володимірскій полихронъ»; труднѣе проникнуть въ его мѣстные источники. Въ позднѣйшемъ лѣтописномъ сборникѣ сохранилось краткое житіе кн. Михаила [1]). По составу своему оно совершенно одинаково съ запиской о князѣ ярославскомъ Ѳеодорѣ, написанной до Антонія: бѣглый очеркъ жизни князя сопровождается вдвое болѣе обширнымъ описаніемъ его кончины: только здѣсь, въ житіи Михаила, біографическія черты гораздо живѣе и обильнѣе. По сохранившимся остаткамъ біографіи, написанной при кн. Борисѣ, трудно рѣшить, пользовался ли авторъ ея этой запиской [2]); но сравненіе разсказа о преставленіи князя по обоимъ житіямъ не позволяетъ предположить, что краткое составлено по пространному: въ первомъ есть много подробностей, какихъ нѣтъ въ послѣднемъ; характеръ князя, его отношенія къ семьѣ, дружинѣ, духовенству, городу, какъ они обнаружились въ послѣднія минуты его жизни, очерчены въ первомъ такъ живо, что этотъ разсказъ составляетъ одинъ изъ лучшихъ листовъ въ литературныхъ источникахъ нашей исторіи и по происхожденію своему, очевидно, стоитъ гораздо ближе ко времени Михаила, чѣмъ разсказъ біографа, писавшаго при Борисѣ.

---

[1]) Ник. IV, 263—296 подъ заглавіемъ: „Повѣсть древняя списана о житія в. кн. Михаила Александровича тверскаго“.

[2]) Только въ отрывкѣ о началѣ великокняженія Михаила есть темный намекъ на какой-то источникъ, можетъ быть, на эту записку: „Господь Богъ възвыси и прослави рогъ Тверскія земля, многаа благаа и земная въсиріать (при кн. Михаилѣ), *якоже речеся*“. Выше у біографа не было сказано ничего, на что можно было сдѣлать такую ссылку; но въ краткомъ житіи читаемъ, что когда Михаилъ сѣлъ на великомъ княженіи, тогда „сынове тверстіи многая благая восприяша“.

Другое тверское житіе — епископа Арсенія, очень рѣдкое въ рукописяхъ, сохранилось съ прибавкой большаго или меньшаго количества позднѣйшихъ чудесъ. Въ одномъ изъ нихъ, помѣченномъ 1566 годомъ, авторъ замѣчаетъ, что онъ, смиренный инокъ Ѳеодосій, слышалъ объ этомъ чудѣ отъ монаховъ Желтикова монастыря, гдѣ погребенъ св. епископъ, и самъ видѣлъ человѣка, съ которымъ совершилось чудо [1]). Съ другой стороны, сохранился списокъ службы Арсенію, относящійся къ началу второй половины XVI вѣка, и здѣсь служба сопровождается припиской съ извѣстіемъ, что канонъ и стихиры въ ней составлены въ 1483 г. въ Желтиковомъ монастырѣ, по благословенію тверскаго епископа Вассіана, рукою многогрѣшнаго инока Ѳеодосія [2]). Основываясь на какомъ-нибудь одномъ изъ этихъ указаній и забывая о другомъ, изслѣдователи относятъ составленіе житія къ концу или XV или XVI в., приписывая его перу одного и того же инока Ѳеодосія [3]). Очевидно, авторъ канона Арсенію и повѣствователь о его чудѣ 1566 года—разные писатели, раздѣленные цѣлымъ вѣкомъ: тожество ихъ именъ —простая случайность. Но въ житіи нѣтъ прямаго указанія, что оно написано тѣмъ или другимъ Ѳеодосіемъ. Между тѣмъ есть признаки, показывающіе, что оно составлено въ концѣ XV в., по крайней мѣрѣ раньше чуда 1566 г. Проложное сокращеніе его помѣщено уже въ сборникѣ, составленномъ около

---

[1]) Списокъ житія въ рукоп. Унд. начала XVII в. № 286, л. 8, съ двумя посмертными чудесами, описанными, повидимому, однимъ авторомъ первое помѣчено 1566 г., второе—1594; въ первомъ авторъ называетъ себя по имени. Другой сп. XVII в. въ рукоп. Унд. № 1224, л. 50, съ приложеніемъ 26 чудесъ XVII в., изъ которыхъ послѣднія помѣчены 1664 г. Нач. предисловія: „Да есте вѣдуще, братіе, яко нынѣ намъ приспѣ торжество преп. отца.“

[2]) Сб. Рум. муз. XVI в. № 397, л. 146.

[3]) Архіеп. Филаретъ въ Обз. русск. д. лит. I. 155. Строевъ въ Опис. рукоп. Царскаго, стр. 55.

половины XVI в.[1]). Въ предисловіи къ житію авторъ говоритъ «по многихъ лѣтѣхъ еже къ Богу отшествія его (Арсенія) написахомъ отъ части житія его, изыскахомъ духовными мужи, еже слышаху отъ преподобныхъ его устъ». Такъ не могъ написать авторъ, составлявшій житіе во второй половинѣ XVI в., болѣе полутораста лѣтъ спустя по смерти Арсенія. Наконецъ, по началу предисловія видно, что житіе писано на праздникъ памяти святаго. На этомъ можно основать только вѣроятность мнѣнія, что составитель службы Арсенію въ 1483 г. былъ вмѣстѣ и авторомъ его жизнеописанія, какъ обыкновенно бывало въ литературной исторіи житій. Объ источникахъ біографіи Арсенія читаемъ въ предисловіи, что современники тверскаго епископа, люди, пришедшіе съ нимъ изъ Москвы, писали краткія записки о жизни и чудесахъ его, «на памятехъ изо устъ», и эти отрывочныя записки много лѣтъ хранились въ монастырѣ на Желтиковѣ, переходя изъ рукъ въ руки между братіей обители: иныя изодрались, иныя обветшали, когда біографъ началъ собирать ихъ для своего труда: «елика изыскахомъ, то и написахомъ», заключаетъ онъ свой разсказъ о собираніи матеріала. Очевидно, въ этихъ запискахъ онъ не нашелъ обстоятельнаго описанія жизни Арсенія до епископства: современники не допустили бы ошибки, въ какую впалъ біографъ, сказавъ, что Арсеній въ юности еще пришелъ въ кіевскій Печерскій монастырь и постриженъ *игуменомъ* этого монастыря Кипріаномъ, тѣмъ самымъ Кипріаномъ, за которымъ, по разсказу житія, посылалъ великій кн. Димитрій духовника своего, симоновскаго игумена Ѳеодора, чтобы призвать его на русскую митрополію (1381 г.). Дальнѣйшій разсказъ житія, вообще не богатаго содержаніемъ, ограничивается тремя эпизодами: о поставленіи Арсенія на тверскую епископію, о построеніи имъ монастыря на Желтиковѣ и о кон-

---

[1]) Рум. сб. № 397, л. 418.

чинѣ епископа. Уцѣлѣли источники первой и послѣдней изъ этихъ статей, остатки тѣхъ записокъ современниковъ, на которыя ссылается авторъ. Въ житіяхъ послѣдующаго времени мы часто встрѣчаемъ подобныя ссылки на старыя «памяти», исчезнувшія въ позднѣйшей письменности или доселѣ остающіяся неизвѣстными; въ литературной исторіи житія сохранившіеся остатки ихъ не лишены интереса, какъ образчики для характеристики этихъ черновыхъ записокъ, по которымъ составлялись искусственныя біографіи. Сохранился списокъ церковнаго устава съ витіеватой припиской, изъ которой видно, что онъ писанъ въ 1438 г. при тверскомъ епископѣ Иліи, рукою дьяка Андрея, для Успенской церкви (въ Желтиковомъ монастырѣ): рядомъ съ этой припиской помѣщена любопытная записка о пріѣздѣ въ Тверь митр. Кипріана и нѣсколькихъ епископовъ въ 1390 г. съ описаніемъ суда надъ тогдашнимъ тверскимъ епископомъ Евоиміемъ и возведенія Арсенія на его мѣсто [1]). Въ одну новгородскую лѣтопись занесена другая записка — о кончинѣ Арсенія, съ ясными указаніями, что она написана однимъ изъ лицъ близкихъ къ епископу, на которыхъ ссылается авторъ житія въ предисловіи [2]). Обѣ писаны чистымъ книжнымъ языкомъ того времени; вторая даже начинается правоучительнымъ предисловіемъ, не чуждымъ витіеватости. Сличая ихъ съ жи-

---

1) Пергам. рукоп. синод. библ. № 331, л. 277. Эта записка съ измѣненіями занесена въ нѣкоторыя лѣтописи. П. С. Р. Лѣт. XV, 445. Ник. IV, 195—198. Записка въ уставѣ сопровождается краткимъ лѣтописнымъ извѣстіемъ объ основаніи Арсеніемъ монастыря на Желтиковѣ въ 1394 г.

2) П. С. Р. Лѣт. IV, 111, примѣчаніе подъ строками. Здѣсь читаемъ: „Бысть... священному епископу Арсенію тферьскому отъ житія преставитися сицевымъ образомъ: индикта 2, приспѣвшю сбору всегодищному, многовѣтствовахомъ пастырю и учителю своему... въ понедѣльникъ же ученіе слышахомъ отъ устъ его“. Далѣе видно, что авторъ записки присутствовалъ при кончинѣ епископа. Передѣлка этой записки въ Ник. V, 30.

тіемъ, легко замѣтить, что послѣднее по нимъ излагаетъ разсказъ о тѣхъ же событіяхъ.

Вслѣдъ за движеніемъ монастырей-колоній, болѣе и болѣе углублявшихся въ пустыню, и русская агіобіографія съ XV в. идетъ туда же и тамъ находитъ новыя средоточія и новый матеріалъ для своего развитія. Обзоръ нашъ также долженъ перейдти отъ житій, составленныхъ въ городахъ, къ тѣмъ, которыя выходили изъ келліи пустыннаго монастыря.

Здѣсь, по всей вѣроятности, написано было въ XV в. «воспоминаніе» объ архіепископѣ новгородскомъ Іонѣ, любопытное и по содержанію и по литературной формѣ. Довольно странно, что это воспоминаніе обыкновенно относятъ къ половинѣ XVI в., прибавляя иногда, что оно написано не раньше царствованія Ивана IV. Въ первыхъ строкахъ записки встрѣчаемъ слова, обличающія въ авторѣ современника не только Іоны, но и предшественника его Евѳимія (ум. 1458 г.): «въ чинъ же и здѣ приложися вспомянути его (Іону) по преп. архіепископѣ нашемъ Еуѳиміи, иже восіавшу предъ очима нашима, и добродѣтелей его и благодѣяній вси мы пріимателе и свѣдѣтеле суще». Архіеп. Филаретъ возражаетъ на это, что «въ воспоминаніи есть нѣсколько хронологическихъ неточностей, не совсѣмъ умѣстныхъ въ описаніи современника», а о дѣлахъ Іоны въ княженіе Ивана III въ воспоминаніи ничего не сказано, что опять странно въ современномъ описаніи [1]). Послѣднее, разу-

---

[1]) Р. Свят. ноябрь, стр. 309, прим. 23. Продолжая возраженія, историкъ указываетъ на слова житія: „многа исцѣленія бываху отъ тѣлесе святаго даже и донесь", а первое чудо будто совершилось въ 1540 г. Это вопервыхъ невѣрно, ибо чудо съ Яковомъ Маселгой, которое здѣсь разумѣлъ ученый, въ рукописяхъ помѣчено 1655 г., а вовторыхъ ничего не значитъ, ибо авторъ воспоминанія разумѣлъ не эти чудеса, совершившіяся и описанныя гораздо позднѣе. Наконецъ, говоритъ арх. Филаретъ, старшій списокъ воспоминанія, синодальный, писанъ 1608 г. Но оно есть въ Макар. ч. мин. ноябрь, стр. 107—120 по усп. сп.. Другіе списки въ

мѣется, нисколько не мѣшаетъ вѣрить тому, что говоритъ авторъ записки, и было бы одинаково странно и въ біографіи, писанной въ XVI в ; хронологическія же неточности неумѣстны вездѣ и возможны вездѣ, а въ воспоминаніи объ Іонѣ онѣ скорѣе объясняютъ выписанныя слова, чѣмъ даютъ основаніе сомнѣваться въ ихъ правдивости. Разсказывая въ началѣ о Евѳиміѣ. авторъ вспоминаетъ о нападеніи Витовта на Порховъ, поставившемъ Новгородъ въ большое затрудненіе, и прибавляетъ «обаче *восмьои* въздасть ему Господь ординьскими цари». За этимъ слѣдуетъ разсказъ о пораженіи Витовта Татарами, въ которомъ легко узнать знаменитый въ свое время бой на Ворсклѣ 1399 г., тогда какъ нападеніе на Порховъ, о которомъ говоритъ записка, было въ 1428 г. Писатель половины XVI в., всего вѣроятнѣе, и не вспомнилъ бы самъ объ этихъ событіяхъ, тѣмъ болѣе что они вовсе не относятся къ біографіи Іоны, или разсказалъ бы о нихъ правильно, по письменному источнику; авторъ воспоминанія, писавшій вскорѣ по смерти Іоны, еще помнилъ ихъ по преданію, но уже забылъ ихъ хронологическое отношеніе. Такъ же объясняются и другія менѣе крупныя неточности въ его разсказѣ [1]). Но въ концѣ разсматриваемаго памятника есть другое указаніе на время его происхожденія, болѣе ясное чѣмъ приведенное выше: разсказавъ о кончинѣ Іоны, воспоминаніе продолжаетъ: «и *второму* лѣту уже исходящу по успеніи его, и никтоже *доднесь* смрада обонявъ явися отъ гроба его». Ясно, что записка писана въ

сб. Рум. муз. № 154, л. 311, въ сб. Тр. Серг. Л. № 671, л. 1,—оба XVII в. Напеч. въ Пам стар. р. лит. IV, 27.

[1]) По запискѣ, Іона построилъ въ своемъ владычнемъ домѣ храмъ во имя преп. Сергія Радонежскаго, первый въ Россіи, послѣ первой поѣздки въ Москву въ 1460 г., а по лѣтописи—послѣ второй въ 1463. Храмъ Трехъ Святителей въ Отней пустыни, по запискѣ, построенъ вмѣстѣ съ другими во время святительства Іоны, а по лѣтописи —еще въ 1452 году когда Іона былъ игуменомъ. П. С. Лѣт. III, 141 и 240.

концѣ 1472 г. Къ этому можно прибавить, что въ житіи митр. Іоны, писанномъ въ половинѣ XVI в., есть ссылка на эту записку объ архіеп. Іонѣ [1]).—Составъ и литературный характеръ записки подтверждаютъ ея раннее происхожденіе. Нѣкоторыя выраженія въ ней даютъ понять, какимъ образомъ она явилась. Изъ первыхъ строкъ ея видно, что она служитъ продолженіемъ чего-то: «Воспомянути и блаженнаго нашего пастыря Іону добро поне малымъ словомъ; въ чинъ же и здѣ приложися вспомянути его по преп. архіепископѣ нашемъ Еуѳиміи». Записка начинается разсказомъ о томъ, какъ Евѳимій, еще не будучи владыкой, ходилъ посломъ отъ тогдашняго архіепископа Евѳимія I (въ 1428 г.) къ Витовту просить мира и какъ потомъ, ставъ владыкой, онъ трудился за свою паству. Сославшись здѣсь на житіе Евѳимія, написанное по порученію Іоны, записка повторяетъ: «сего же самого... Іону вспомянути приложися нынѣ къ памяти Еуѳиміевы». Записка оканчивается не совсѣмъ ясно изложенной замѣткой: «сія ми вспомянушася о приснопамятнемъ семъ архіеп. Іонѣ мала, яже инія оставиша, иже болшая памяти писавшеи, и елика тіи оставиша аки мала и не вписаша къ прочимъ своимъ писменомъ, мы приложихомъ вспомянути по блаженнемъ Еуѳиміи о священнемъ Іонѣ» [2]). Здѣсь трудно видѣть указаніе на другое, болѣе полное житіе Іоны; авторъ хочетъ только сказать, что онъ записалъ опущенное другими. Дѣйствительно, у Пахомія въ житіи архіеп. Евѳимія, на которое ссылается авторъ записки, опущены нападеніе Витовта на Порховъ и посольство Евѳимія, бывшаго тогда игуменомъ, а о по-

---

[1]) По сп. Унд. № 322, л. 17: „сугубо прорекоша (архіеп. Іона и митр. Іона) великой ордѣ разореніе и русскому царству распространеніе, яко же явлено бысть въ житіи самого того блаженнаго Іоны новоградскаго“.

[2]) Такъ читаемъ мы это мѣсто по сп. Макар. ч. мин. ноябрь, стр. 120; въ Пам. стар. русск. лит. (IV, 35) и въ Р. Свят., арх. Филарета (ноябрь, примѣч. 23) оно прочитано иначе.

слѣднемъ событіи молчатъ и лѣтописи; точно также древнія редакція житія Михаила Клопскаго молчатъ о первомъ появленіи юродиваго въ Новгородѣ и о встрѣчѣ его съ будущимъ архіепископомъ Іоной, о чемъ разсказываетъ записка. Эти житія повидимому и имѣлъ въ виду ея авторъ, говоря объ «иныхъ, болшая памяти писавшихъ». Этимъ объясняется происхожденіе записки. Авторъ, несомнѣнно новгородецъ, какъ видно по его выраженіямъ, и можетъ быть отенскій инокъ, переписавъ или прочитавъ житіе Евѳимія, рѣшился написать въ видѣ обширной приписки или дополненія воспоминаніе и о преемникѣ его, при чемъ кстати разсказалъ черту и о Евѳиміѣ, опущенную Пахоміемъ. Такое происхожденіе записки отразилось на ея изложеніи. Авторъ не имѣлъ намѣренія составлять полное и стройное жизнеописаніе: онъ пишетъ, что вспомнилось, и пишетъ наскоро, безъ справокъ и не отдѣлывая своего труда. Этимъ объясняются какъ его фактическія неточности, такъ неправильность и нестройность изложенія. Записка представляетъ наглядный образчикъ тѣхъ первоначальныхъ, черновыхъ записокъ, большею частію погибшихъ, на которыя такъ часто ссылаются позднѣйшія житія и въ которыхъ, какъ выражается Епифаній про свои черновыя записки о преп. Сергіѣ, «бѣаху написаны нѣкыя главизны о житіи старцевѣ памяти ради, аще и не по ряду, но предняя назади, а задняя напреди». Разсказавъ нѣсколько «главизнъ», или эпизодовъ изъ жизни Іоны до вступленія на новгородскую каѳедру и изъ первыхъ лѣтъ святительства (1458—1462), записка говоритъ очень мало о дальнѣйшей дѣятельности Іоны до кончины (въ ноябрѣ 1470 г.). Самый разсказъ идетъ «не по ряду»: начавъ его временемъ иночества и игуменства Іоны въ Отней обители, авторъ обращается потомъ къ дѣтству его и передаетъ пророчество о немъ юродиваго Михаила; событія разновременныя онъ ставитъ иногда рядомъ, не указывая хронологическаго разстоянія между ними.

Потому же, не смотря на присутствіе книжности въ изложеніи записки, она чужда обычныхъ пріемовъ житій. Наконецъ, для критической оцѣнки тѣхъ мѣстъ въ ней, гдѣ она касается отношеній архіепископа къ Москвѣ, необходимо отмѣтить политическій взглядъ автора. Его «воспоминаніе» любопытно потому, что писано въ эпоху, когда окончательно рѣшалась судьба Новгорода. Мы уже замѣчали выше, что тогда были въ ходу легенды о близкой печальной развязкѣ. Происхожденіе этихъ легендъ понятно: сторона, державшаяся Москвы, находила въ нихъ нравственное оправданіе своего образа дѣйствій. Разсказывая о бесѣдѣ новгородскаго владыки съ великимъ княземъ Василіемъ въ 1460 г., когда Іона, ходатайствуя о своей паствѣ, обѣщалъ князю молиться объ освобожденіи сына его отъ ордынскихъ царей и заплакалъ о судьбѣ, какую готовитъ себѣ Новгородъ своими смутами и усобицами, авторъ замѣчаетъ: «проувидѣ бо духомъ, яко людемъ его невозможно до конца содержати въ свободѣ града своего продерговающіяся ради неправды въ нихъ и насилія».

Жизнеописаніе преп. Димитрія Прилуцкаго, другая біографія, вышедшая изъ обители, отдаленной отъ старыхъ средоточій письменности, какимъ не была Вологда, имѣетъ характеръ стройнаго житія, написаннаго по всѣмъ правиламъ агіобіографіи XV в. Всѣ списки называютъ автора его Макаріемъ, игуменомъ основаннаго Димитріемъ монастыря. Время составленія этого житія не ясно. У Макарія нигдѣ нѣтъ намека, чтобы онъ былъ современникомъ и ученикомъ Димитрія; но встрѣчаемъ въ житіи замѣтку, что главнымъ его источникомъ служили автору разсказы Пахомія, который пришелъ изъ Переяславля къ Вологдѣ вмѣстѣ съ Димитріемъ и былъ его преемникомъ по управленію новооснованнымъ монастыремъ. Сохранилось еще извѣстіе, что Макарій былъ пятымъ игуменомъ Прилуцкаго монастыря. Съ другой стороны, въ ряду посмертныхъ чудесъ, опи-

санныхъ въ біографіи, встрѣчаемъ разсказы о разореніи Вологды Вятчанами во время княжеской усобицы и о нападеніи Димитрія Шемяки зимой на этотъ городъ. Послѣднее по лѣтописи было въ 1450 г. [1]). Изъ этихъ извѣстій можно заключить, что Макарій писалъ въ началѣ второй половины XV в. На тоже указываютъ и литературныя пособія, которыми пользовался Макарій. Трудъ свой онъ снабдилъ предисловіемъ и похвальнымъ словомъ, написанными съ обычной витіеватостію тогдашнихъ нашихъ агіобіографовъ-подражателей. На обработкѣ предисловія у Макарія замѣтно вліяніе предисловій къ Епифаніевскому житію Стефана пермскаго и къ Пахоміевскому житію Сергія; по поводу чуда съ однимъ изъ Вятчанъ приведенъ разсказъ изъ житія Стефана Сурожскаго, которое стало распространяться въ нашей письменности повидимому около половины XV в. Сказаннымъ едвали не ограничивается все, что можно сказать съ увѣренностью о трудѣ Макарія: болѣе подробный разборъ его затрудняется тѣмъ, что въ рукописяхъ именемъ одного и того же автора обозначаются двѣ разныя редакціи житія и трудно рѣшить, которая изъ нихъ первоначальная. Говоря о прилуцкомъ игуменѣ-біографѣ, обыкновенно имѣютъ въ виду наиболѣе распространенный текстъ житія, какой находимъ въ Макарьевскихъ минеяхъ. Ниже, въ связи съ позднѣйшей переработкой біографіи основателя Прилуцкаго монастыря, будутъ указаны признаки, обличающіе присутствіе позднѣйшихъ элементовъ въ этомъ текстѣ [2]).

Какъ источникъ нѣсколькихъ житій, написанныхъ въ XV—XVI в., важна лѣтопись Спасскаго Каменнаго монастыря, составленная Паисіемъ Ярославовымъ. Архіеп. Филаретъ сообща-

---

[1]) П. С. Р. Лѣт. VIII, 123. См. Опис. Спасо—Прилуцк. монастыря, П. Савваитова, стр. 39.

[2]) См. въ гл. VI.

етъ, что Паисій былъ постриженникъ Каменнаго монастыря, не указывая, откуда заимствовано это свѣдѣніе [1]). Авторъ извѣстнаго посланія о причинахъ вражды между монахами кириловскими и іосифовскими называетъ преп. Нила Сорскаго ученикомъ Паисія: повидимому, отсюда заключаютъ, что Нилъ, постригшись въ Кирилловой обители, находился тамъ подъ руководствомъ Паисія [2]). Если это правда, то послѣдній около половины XV в. былъ инокомъ Кириллова монастыря. Но во время игуменства Спиридона въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ (1467 —1474) онъ жилъ уже здѣсь, какъ можно догадываться по списку житія Кирилла Бѣлозерскаго, сохранившемуся въ библіотекѣ лавры и писанному Паисіемъ для Спиридона. Въ 1479 г. онъ сталъ игуменомъ Троицкой обители, по желанію великаго князя, и крестилъ его сына; года черезъ два паденіе иноческой дисциплины въ монастырѣ заставило его отказаться отъ игуменства. Съ тѣхъ поръ не разъ встрѣчаемъ его въ Москвѣ: въ 1484 г. великій князь совѣтуется съ нимъ о митр. Геронтіѣ и уговариваетъ его занять мѣсто послѣдняго; въ 1490 и 1503 г. онъ является въ Москвѣ на соборахъ. Но нѣтъ прямыхъ указаній на мѣсто его постояннаго пребыванія послѣ отказа отъ игуменства въ Троицкомъ монастырѣ. Изъ письма архіепископа Геннадія (отъ 25 февр. 1489 г.), въ которомъ онъ проситъ ростовскаго архіепископа Іоасафа вызвать старцевъ Паисія и Нила и посовѣтоваться съ ними объ исходящей седьмой тысячѣ лѣтъ, можно заключать, что Паисій жилъ въ предѣлахъ ростовской епархіи, въ Кирилловомъ или Каменномъ монастырѣ [3]). На это послѣднее мѣсто указываетъ и состав-

---

1) Обз. русск. д. лит. I, стр. 155.

2) Посланіе въ Прибавл. къ твор. св. Отц., кн. X, стр. 505. Русск. Свят. апр. стр. 15. Преп. Нилъ Сорскій. СПБ. 1864, стр. VIII.

3) П. С. Р. Лѣт. VI, 136. IV. 158. Указ. посланіе о причинахъ вражды. Посланіе Геннадія въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1847 г., № 8.

ленная Паисіемъ лѣтопись [1]). Къ заглавію ея обыкновенно присоединяется замѣтка о составителѣ: «той собра отъ многихъ отъ старыхъ книгъ послѣ пожара Каменскаго монастыря (1476 г.)». Однакожь, большая часть извѣстій лѣтописи относится къ XV в.; провѣривъ ихъ, можно нѣсколько опредѣлить источники и качество всего сказанія. Послѣднее извѣстіе въ немъ, относящееся къ XV в., помѣчено 1481 г; отсюда видно, что Паисій составилъ лѣтопись уже послѣ своего игуменства. Онъ сообщаетъ извѣстія объ отдачѣ Каменному монастырю великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ села на р. Пучкѣ, Никольскаго монастыря въ Св. Лукѣ и села въ Засодимьѣ: до сихъ поръ уцѣлѣли грамоты объ этихъ вкладахъ [2]). Но въ томъ видѣ, какъ сохранилось сказаніе въ рукописяхъ, оно отличается многими неточностями. Смерть ростовскаго архіеп. Діонисія въ 1426 г., по лѣтописи, отнесена въ немъ къ 6903 г.; въ 1452 г. оно даетъ 15 лѣтъ 12-тилѣтнему сыну великаго князя Ивану; по его разсказу, Кассіанъ, игуменъ Кириллова монастыря, сложивъ съ себя игуменство, возвратился въ Каменный монастырь, мѣсто своего постриженія, еще при вел. князѣ Василіѣ Василіевичѣ, слѣдовательно прежде 1462 г., а по одной грамотѣ онъ игуменствовалъ въ Кирилловомъ монастырѣ еще въ 1468 г. [3]). Эти неточности, если онѣ принадлежатъ самому Паисію, можно объяснить тѣмъ, что Паисій составлялъ лѣтопись

---

[1]) Въ рукописяхъ эта лѣтопись, или „сказаніе" присоединяется обыкновенно къ житію Іоасафа Каменскаго. Оно было мало распространено въ письменности, не попало въ минеи Макарія и сохранилось въ позднѣйшихъ спискахъ съ прибавленіемъ извѣстій XVI — XVII в. Сп. XVII в. Унд. № 321, л. 28, и Больш. въ моск. публ. муз. № 37. По соловецкимъ сп. напеч. въ Прав. Соб. 1861 г. I, 199.

[2]) Доп. къ А. И. I, №№ 10, 16 и 17.

[3]) А. А. Эксп. I, № 85. Въ грамотѣ 1471 г. является уже другой игуменъ—Игнатій. Тамъ же № 95. Ср. Прав. Соб. въ указ. мѣстѣ, стр. 210.

по памяти, много лѣтъ спустя послѣ пожара 1476 г. Это дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что и немногія извѣстія о монастырѣ до XV в. взяты лѣтописцемъ изъ устнаго монастырскаго преданія, а не изъ какого-либо стариннаго письменнаго источника. Разсказъ объ основаніи монастыря даетъ понять, что имя основателя, бѣлозерскаго князя Глѣба сохранилось въ преданіи благодаря тому, что рано было связано съ нѣкоторыми урочищами въ Кубенскомъ краѣ; но отчество князя всѣ намъ извѣстные списки лѣтописи обозначаютъ неправильно, называя его Борисовичемъ, а не Васильковичемъ. По началу сказанія видно также, что составитель его вслѣдъ за преданіемъ смутно представлялъ себѣ судьбу монастыря въ XIII и XIV в. [1]). Паисій называетъ Каменный монастырь «первымъ начальнымъ монастыремъ за Волгою»; между тѣмъ такой же источникъ, какимъ руководствовался лѣтописецъ, преданіе приписываетъ болѣе раннее происхожденіе тремъ другимъ заволжскимъ монастырямъ, Устьшехонскому на Шекснѣ, Глѣденскому около Устюга и Герасимову около Вологды. Изъ монастырскихъ записокъ, можетъ быть, заимствованы Паисіемъ извѣстія объ Александрѣ Куштскомъ и Діонисіѣ Глушицкомъ: по крайней мѣрѣ въ разсказѣ его о послѣднемъ, какъ сейчасъ увидимъ, замѣтна связь съ біографіей Діонисія или ея источниками.

---

[1]) „Начало Каменскаго монастыря въ лѣто 6849, при великомъ Иванѣ Даниловичѣ. Въ лѣто 6850 (по другимъ спискамъ 6808)“,—и вслѣдъ затѣмъ разсказывается объ основаніи монастыря кн. Глѣбомъ, слѣдов. въ XIII в. Можетъ быть, здѣсь нѣтъ ошибки, а есть только неясность извѣстія. Разсказавъ, какъ Глѣбъ построилъ церковь на Каменномъ островѣ для найденныхъ имъ здѣсь 23 пустынниковъ и поставилъ имъ строителя старца Θеодора, Паисій говоритъ далѣе, что первымъ игуменомъ монастыря былъ Діонисій, пришедшій съ Аѳона при Димитріѣ Донскомъ и назначенный послѣднимъ, когда каменскіе старцы пришли въ Москву просить у князя игумена. Передъ тѣмъ монастырь или впервые сталъ организоваться въ правильное братство, или исчезалъ на нѣкоторое время и началъ возобновляться въ княженіе Калиты.

Житіе Діонисія любопытно по обработкѣ своей въ томъ отношеніи, что различные литературные элементы, развивавшіеся въ агіобіографіи, слиты здѣсь такъ слабо, что ихъ легко раздѣлить. Въ основу его положены монастырскія лѣтописныя замѣтки, изложенныя такъ же просто, какъ и сказаніе Паисія, но безъ неточностей послѣдняго и болѣе подробныя. Къ этой лѣтописи редакторъ придѣлалъ длинное витіеватое предисловіе и такое же похвальное слово святому; при составленіи перваго редакторъ замѣтно пользовался послѣсловіемъ Пахомія къ житію Сергія; въ лѣтописный разсказъ вставлены, гдѣ слѣдуетъ, общія мѣста агіобіографіи, реторика которыхъ имѣетъ мало гармоніи съ простымъ изложеніемъ источниковъ. Въ предисловіи редакторъ скрылъ свое имя подъ анаграммой, изложенной по какой то особенной «литорейной» грамотѣ: библіографы догадываются, что въ этой анаграммѣ скрыто имя Глушицкаго инока Иринарха [1]). Въ одной рукописи житіе сопровождается любопытной припиской съ извѣстіемъ, что оно написано въ Покровскомъ монастырѣ на Глушицѣ въ 1495 году [2]). Изъ словъ Иринарха видно, что у него не было подъ руками лѣтописи Паисія: онъ пишетъ, что прилежно искалъ извѣстій о происхожденіи и дѣтствѣ Діонисія, но не могъ узнать ни о родителяхъ его,

[1]) Ц. Строевъ въ Оп. библ. Общ. Ист. и Др. Р. стр. 144 Ключъ къ анаграммѣ трудно отыскать потому, что она испорчена переписчиками и писалась различно; наприм. въ Макар. ч. минеяхъ она читается въ одномъ мѣстѣ: „Закивамiархъ Фадафагвонъ", а въ другомъ: „Заквсимiархъ Фалагзонъ".

[2]) Рукоп. Тр. Серг. Л. половины XVI в. № 603, л. 16; въ концѣ похвальнаго слова: „Лѣта 7003 списано житіе преп. отца нашего Диматрія у Покрова Пречистыя на Глушицѣ при игуменѣ Іоакимѣ, а писалъ Фадаеагзонъ Закивамiархъ" и проч. Это—третье чтеніе имени автора въ анаграммѣ. Другіе списки XVI в. въ ч. мин. домакар. состава № 89, л. 1, въ Макар. ч. мин., іюнь, по усп. сп. стр. 3, Унд. 1541 г. № 1214, л. 555, Тр. Серг. Л. № 692, л. 581; въ послѣднихъ двухъ спискахъ, какъ и въ другихъ болѣе позднихъ есть пропуски и перемѣны въ порядкѣ статей.

ни объ отечествѣ, «токмо изыскахомъ отъ многа мало постническаго житія его». Согласно съ этимъ онъ начинаетъ свой разсказъ прямо съ поселенія Діонисія на берегу Кубенскаго озера, на мѣстѣ опустѣвшаго Святолуцкаго Никольскаго монастыря, какъ будто не зная, что Глушицкій подвижникъ прежде того, еще юношей Димитріемъ, пришелъ изъ Вологды на Каменный островъ и постригшись подъ именемъ Діонисія, жилъ тамъ 9 лѣтъ, а потомъ удалился на Святую Луку, о чемъ разсказываетъ Паисій. Съ другой стороны, разсказъ о свиданіи Діонисія Глушицкаго съ ростовскимъ архіепископомъ Діонисіемъ дословно сходны у Паисія и Иринарха, и первый даже удержалъ въ своей лѣтописи выраженіе, обличающее въ первоначальномъ авторѣ разсказа жителя Глушицкаго, а не Каменнаго монастыря [1]). Это впочемъ не значитъ, что Паисій выписалъ названный разсказъ у Иринарха: при короткости разстоянія между Каменнымъ и Глушицкимъ монастырями, лѣтописецъ перваго легко могъ достать часть тѣхъ же глушицкихъ записокъ, которыми пользовался Иринархъ. Существованіе этихъ записокъ очевидно по многимъ указаніямъ житія Діонисія. Въ предисловіи біографъ говоритъ, что писалъ житіе по порученію соборныхъ старцевъ монастыря и писалъ на основаніи того, что сообщили ученики святаго, хорошо его знавшіе, жившіе съ нимъ много лѣтъ, Амфилохій, Макарій и Михаилъ; не видно, чтобы самъ Иринархъ былъ современникомъ и очевидцемъ Діонисія; напротивъ, онъ дѣлаетъ повидимому намекъ, что не засталъ въ монастырѣ и названныхъ имъ учениковъ святаго; «изыскахомъ... елико слышахъ отъ нѣкыхъ, яже ученицы его повѣдали тѣмъ». Въ большей части разсказовъ, даже о мелкихъ явленіяхъ въ исто-

[1]) Объ иконѣ, данной Діонисію ростовскимъ архіепископомъ при этомъ случаѣ, Иринархъ и Паисій замѣчаютъ: „яже и нынѣ есть *нами* видима". Архіеп. Филаретъ ничѣмъ не оправдываетъ своего мнѣнія, будто Иринархъ повторяетъ извѣстія Паисія. Р. Свят. іюнь, прим. 6.

ріи монастыря, точно и въ лѣтописной формѣ обозначенъ годъ событія: это обиліе хронологическихъ помѣтокъ показываетъ, что біографъ пользовался не одними только изустными разсказами. Въ одномъ мѣстѣ, подъ 1412 г. читаемъ о Діонисіѣ слова, которыя едвали могъ сказать отъ своего лица біографъ, писавшій въ 1495 году: «всѣмъ даяше образъ смиреніемъ и *прежде ны* исхождаше на пѣніе» [1]). Разсказъ о построеніи приходской Воскресенской церкви Діонисіемъ въ 18 верстахъ отъ монастыря оканчивается замѣткой: «яже (церковь) *нынѣ* благодатію Христовою утверждена есть отъ архіепископа Ефрема града Ростова (1427 — 1454 г.); эта замѣтка также могла быть сдѣлана рукой, писавшей при жизни Ефрема, а не 40 лѣтъ спустя по смерти его. Наконецъ два разсказа — о посѣщеніи обители этимъ Ефремомъ и о приходѣ къ Діонисію пермскаго архимандрита Тарасія въ 1427 г. имѣютъ въ заглавіи одинаковую помѣтку: «а писалъ Макарей, ученикъ Діонисіевъ» [2]). Изъ этихъ указаній можно заключить, что редакторъ цѣликомъ переписалъ въ житіи записки современниковъ. И въ разсказѣ онъ не разъ ссылается еще на изустныя сообщенія, сдѣланныя ему старыми людьми. Хотя эпизоды, полученные этимъ путемъ, не всегда удачно расположены между статьями, заимствованными изъ старыхъ записокъ, и замѣтно спутывали хронологическую послѣдовательность разсказа въ біографіи; но благодаря сліянію различныхъ источниковъ, развитіе и значеніе Покровскаго Глушицкаго монастыря при жизни основателя изображены съ такою полнотой въ редакціи Иринарха, что послѣдняя въ смыслѣ историческаго источника принадлежитъ къ числу немногихъ превосходныхъ житій, какія можно найти въ древнерусской литературѣ.

---

[1]) Макар. ч. мин. іюнь, стр. 13.

[2]) Тамъ же стр. 25 и 28.

Съ разобранными выше житіями Димитрія Прилуцкаго и Діонисія Глушицкаго имѣетъ литературную связь житіе Григорія Пелшемскаго. Рѣдкіе списки этого житія представляютъ двѣ редакціи, рѣзко различающіяся между собою: одна изъ нихъ съ предисловіемъ, 3 или 7 посмертными чудесами и длиннымъ похвальнымъ словомъ; другая безъ предисловія, съ 8 чудесами и болѣе краткой похвалой святому [1]). Въ обѣихъ легко замѣтить одну общую основу; вторая повидимому сокращала первую, дѣлая въ ней значительные пропуски, но въ остальномъ сохраняя почти дословное сходство съ ея текстомъ. Но кромѣ этого вторая имѣетъ нѣкоторыя фактическія черты, которыя или опущены въ первой или прямо противорѣчатъ ей: къ нимъ относится замѣчаніе о лѣтахъ жизни Григорія и о томъ, что кончина святаго описана со словъ инока Тихона, который прежде служилъ Григорію, а по смерти его постригся въ Пелшемскомъ монастырѣ. Это послѣднее извѣстіе служитъ единственнымъ указаніемъ, по которому можно заключать, что житіе писано въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка [2]). Далѣе, въ первой редакціи не находимъ извѣстія, что Григорій, еще въ юныхъ лѣтахъ покинувъ родителей, постригся въ монастырѣ Макарія Желтоводскаго, откуда потомъ въ санѣ игумена перешелъ въ монастырь Богородицы (Авраамієвъ) на берегу Галицкаго озе-

---

[1]) Первая въ Макар. ч. мин. сент. по усп. сп. стр. 1967 и въ рукоп. Унд. XVII в. № 298. Начало: „Добро убо и полезно вѣдо иже божественыхъ мужей житіе повѣствовати“. Вторая въ Милют. ч. мин. сент. л. 1223. Та же редакція въ ч. мин. Троицк. Серг. л. 1657 г. № 664, л. 586. Въ сб. той же лавры № 624 помѣщена служба Григорію съ замѣткой: „Сіе написалъ канонъ и житіе священноинокъ Митрофанъ“. Едвали это—авторъ житія, а не писецъ.

[2]) Житіе выражается о Тихонѣ, какъ уже объ умершемъ: „бѣ нѣкій мнихъ, именемъ Тихонъ“. О чудесахъ святаго при жизни житіе замѣчаетъ, что они „множества ради, наче же и предъ *многими* лѣты бывша писанію не предашася“. Милют. ч. мин. сент. л. 1240.

ра [1]). Но здѣсь вторая редакція противорѣчитъ не только первой, но и самой себѣ: по ея разсказу, Григорій умеръ, имѣя 127 лѣтъ отъ роду (въ 1449 г.); слѣдовательно онъ постригся задолго до рожденія Макарія Желтоводскаго. Вообще разсказъ первой редакціи стройнѣе и болѣе возбуждаетъ довѣрія; повидимому она представляетъ если не первоначальный, то болѣе близкій къ нему текстъ житія сравнительно со второй. Послѣдняя напротивъ, какъ можно предполагать по ея составу и характеру, есть позднѣйшая передѣлка первой, дополненная смутными или невѣрными преданіями. — Разсматривая общую основу обѣихъ редакцій, легко замѣтить въ ней, кромѣ источниковъ Пелшемскаго монастыря, участіе житій Діонисія Глушицкаго и Димитрія Прилуцкаго. Ничто не поддерживаетъ предположенія архіеп. Филарета, что житіе Григорія написано Иринархомъ Глушицкимъ; но очевидно, у послѣдняго заимствованы разсказъ о жизни Григорія у Діонисія и нѣкоторыя черты въ разсказѣ объ основаніи монастыря на Пелшмѣ [2]). При составленіи похвалы Григорію біографъ пользовался между прочимъ похвалой въ житіи Димитрія Прилуцкаго. Другое заимствованіе изъ этого житія даетъ новый образчикъ путаницы, какую вносили редакторы въ составляемыя ими біографіи, пользуясь различными источниками. Біографъ Григорія передаетъ любопытный для исторіи

---

[1]) Далѣе разсказывается, что въ 1394 г. Григорій сталъ архимандритомъ въ Ростовѣ и въ 1412 г. удалился къ Діонисію на Глушицу. Первая редакція напротивъ повѣствуетъ, что Григорій по смерти родителей постригся въ Богородицкомъ Галицкомъ монастырѣ, оттуда удалился въ ростовскій Богоявленскій, здѣсь при архіеп. Діонисіѣ (1418 — 1426 г.) поставленъ игуменомъ Спасскаго монастыря что на Пескахъ и чрезъ 2 года ушелъ къ Діонисію на Глушицу. Это не противорѣчитъ извѣстію второй редакціи, что Григорій пришелъ на Пелшму за 23 года до кончины, т. е. около 1525 года, но опровергаетъ ея показаніе о приходѣ Григорія на Глушицу въ 1412 г.

[2]) Обз. русск. дит. I, стр. 154.

нравовъ разсказъ о ходатайствѣ святаго предъ Димитріемъ Шемякой за жителей вологодскаго края, разоряемыхъ войсками князя. Этотъ разсказъ поставленъ здѣсь въ связь съ выписаннымъ изъ житія Димитрія извѣстіемъ о нападеніи Шемяки зимой на Вологду. Изъ подробностей разсказа видно, что рѣчь идетъ о событіи, описанномъ въ лѣтописи подъ 1450 годомъ, слѣдовательно случившемся уже по смерти Григорія. По самому изложенію разсказа въ разбираемомъ житіи можно замѣтить, что авторъ сопоставилъ два различныя событія: согласно съ своимъ источникомъ онъ говоритъ, что Шемяка осаждалъ городъ безуспѣшно, и однако тутъ же замѣчаетъ, что святой приходилъ къ князю «во градъ». Біографъ Григорія, вѣроятно, смѣшалъ Шемяку съ братомъ его Василіемъ Косымъ, который по лѣтописи удачно нападалъ на Вологду въ 1435 г., или неправильно пріурочилъ къ разсказу житія Димитрія какое-нибудь другое событіе изъ времени борьбы Шемяки съ Василіемъ Темнымъ [1]).

Условія развитія русской агіобіографіи въ концѣ XV и началѣ XVI в., можетъ быть, нигдѣ не выступаютъ такъ ясно, какъ въ судьбѣ жизнеописанія основателей Соловецкаго монастыря Савватія и Зосимы. До насъ дошла уже третья редакція этого житія; но при ней сохранились извѣстія о происхожденіи и судьбѣ двухъ первыхъ. Сподвижникъ Савватія и потомъ

---

[1]) П. С. Р. Л. VIII, 99. Въ первой редакціи разсказъ помѣченъ невѣрно 1430 годомъ. Догадка о Василіѣ Косомъ поддерживается тѣмъ, что непосредственно передъ этой статьей въ житія помѣщенъ разсказъ о примиреніи Василія Васильевича съ дядей Юріемъ, относящемся къ 1433 году и ошибочно отнесенномъ во второй редакціи къ 1431 г. Разсказъ этотъ любопытенъ по указанію на отношеніе Григорія къ княжеской распрѣ.

[2]) Списки XVI в. въ синод. Ч. Мин. домакар. состава № 91, л. 277. въ волокол. сб. моск. дух. ак. № 659, л. 215, тамъ же въ сб. № 607, въ волокол. сб. моск. епарх библ. № 609, л. 45.

Зосимы, переживший обоихъ, старецъ Германъ по смерти Зосимы, слѣдовательно между 1478 и 1484 г., продиктовалъ клирикамъ свои воспоминанія объ основателяхъ. Онъ былъ изъ простыхъ людей, не умѣлъ грамотѣ и «простою рѣчію сказоваше клирикомъ, и они клирицы тако писаша, не украшая писанія словесы». Такъ разсказываетъ одинъ изъ редакторовъ житія Досиеей, бывшій ученикомъ Зосимы, въ статьѣ «о сотворении житія началниковъ Соловецкихъ», которая вошла въ составъ дошедшихъ до насъ редакцій житія. Но въ одномъ спискѣ житія сохранилась другая, болѣе полная редакція той же статьи: здѣсь вмѣсто клириковъ, которымъ диктовалъ Германъ, Досиеей говоритъ только о себѣ [1]). По смерти Зосимы онъ жилъ въ келліи Германа и послѣдній по его просьбѣ разсказалъ ему, что было до прихода Досиеева на островъ: «азъ же неразумный како слышахъ, тако и написахъ, не украшая писанія словесы». Для характеристики литературныхъ понятій времени любопытна замѣтка Досиеея, что къ продиктованнымъ ему запискамъ нѣкоторые изъ монастырской братіи относились съ пренебреженіемъ и даже насмѣшкой, потому что Германъ былъ человѣкъ неграмотный и диктовалъ Досиеею и клирикамъ простою рѣчью. Впрочемъ эти записки скоро исчезли изъ монастыря: на Соловки пріѣхалъ инокъ съ Бѣлоозера, взялъ записки къ себѣ въ келлію почитать и потомъ увезъ ихъ въ свой монастырь, оставивъ братію «безъ памяти о житіи началниковъ»; Германа уже не было въ живыхъ. Случилось потомъ быть Досиеею въ Новгородѣ и архіепископъ Геннадій, бывшій ученикомъ Савватія на Валаамѣ, благословилъ Досиеея написать житіе Соловецкихъ подвижниковъ. Ученикъ Зосимы опять принялся за

---

[1]) Эту редакцію статьи мы нашли только въ волокол. сб. моск. дух. ак. № 659, л. 307: здѣсь она въ концѣ житія, послѣ посмертныхъ чудесъ, а не между ними, гдѣ обыкновенно помѣщается другая редакція статьи.

перо и написалъ, что̀ видѣлъ самъ и что̀ запомнилъ изъ разсказовъ учителя и изъ пропавшихъ записокъ, диктованныхъ Германомъ. Но не считая себя писателемъ, стоявшимъ на высотѣ литературныхъ требованій времени, онъ стыдился явиться къ архіепископу съ своимъ трудомъ правдивымъ, но не украшеннымъ «словесы». Его безпокоила долго мысль, гдѣ найти человѣка, «могущаго украсити, якоже подобаетъ». Проѣзжая по дѣламъ монастыря въ Москву, Досиѳей заѣхалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, гдѣ въ заточеніи доживалъ послѣдніе свои годы отверженный митрополитъ Спиридонъ: его и уговорилъ авторъ удобрить свое «грубое писаніе». Въ томъ видѣ, какъ вышло житіе изъ-подъ пера Спиридона, Досиѳей отвезъ его къ Геннадію, который похвалилъ соловецкаго біографа за то, что онъ нашелъ такого искуснаго въ книжномъ дѣлѣ излагателя [1]). Эта Спиридоновская редакція житія, написаннаго Досиѳеемъ, и сохранилась въ рукописяхъ. На литературное участіе Спиридона въ біографіи и на отношеніе его редакціи къ «грубому писанію» Досиѳея находимъ нѣсколько указаній. Въ припискѣ къ своей редакціи, сказавъ, что она составлена въ 1503 г. въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, Спиридонъ прибавляетъ: «понужену

---

[1]) Извѣстія о Спиридонѣ скудны и неясны. Лѣтопись говоритъ о немъ подъ 1476 годомъ: «пріиде изъ Царяграда въ Литовскую землю митр. Спиридонъ, родомъ тверитинъ, поставленъ на мздѣ патріархомъ, а повелѣніемъ турскаго царя». Карамз. VI, прим. 629, по изд. Эйнерл. столб. 93. Неизвѣстно, когда и какъ попалъ онъ въ заточеніе въ Ѳерапонтовъ монастырь, гдѣ жилъ еще въ 1503 г., которымъ онъ помѣтилъ свою передѣлку Досиѳеева труда. Вѣроятно, вскорѣ послѣ того онъ умеръ: когда Досиѳей привезъ исправленное житіе къ Геннадію, послѣдній сказалъ о Спиридонѣ: «сей человѣкъ въ нынѣшняя роды *бѣяше* столпъ церковный, поне же измлада извыче священная писанія». Это было до іюня 1504 г., когда Геннадій былъ сведенъ съ каѳедры въ Чудовъ монастырь, или до декабря 1505 г., когда онъ умеръ. Досиѳей не указываетъ ясно, куда онъ отвезъ житіе къ Геннадію, въ Москву или Новгородъ.

ми сущу отъ нѣкоего мниха, ученика Зосимы блаженнаго, имене̃мъ Досоѳія, тамо бо ему игуменомъ бывшу въ обители острова Соловецкаго; исповѣда ми подробну вся, ова и написана дасть на памятехъ, азъ же сія собрахъ» [1]). Сдѣланный здѣсь намекъ, что Спиридонъ кромѣ записокъ воспользовался и изустными разсказами Досиѳея, подтверждается послѣднимъ изъ посмертныхъ чудесъ Зосимы, редактированныхъ Спиридономъ: здѣсь разсказъ о явленіи святаго Досиѳею, бывшему тогда игуменомъ, начинается замѣткой: «се повѣда священноинокъ Досоѳей». Въ послѣдствіи Максимъ Грекъ, составляя предисловіе къ Спиридоновской редакціи, писалъ, что Досиѳей «написа убо потонку и неухищренно», т. е. кратко и просто, а Спиридона упросилъ «подробну преписати и удобрити достохвальное пребываніе; онъ же отчасти убо исправи и добрословіемъ украси, но не все» [2]). Послѣднія слова намекаютъ, повидимому, на отсутствіе въ житіи предисловія и похвалы, считавшихся необходимыми принадлежностями агіобіографическаго доброслловія, и на умѣренность реторическихъ украшеній въ разсказѣ: такъ можно заключать по замѣчанію въ указанной статьѣ Максима, что Досиѳей и Спиридонъ писали для поморскихъ жителей, некнижныхъ и даже плохо знавшихъ русскій языкъ. Спиридону, очевидно, принадлежитъ легкій стилистическій пересмотръ житія, мало коснувшійся Досиѳеева текста, удержавшій даже выраженія, которыя могъ написать Досиѳей отъ лица своего и своей братіи, но которыя не шли къ Спиридону [3]). Впрочемъ Спири-

---

[1]) Синод. Ч. Мин. № 91, л. 325; волокол. сб. моск. епарх. библ. № 609, л. 103. Точно также въ началѣ житія Спиридонъ ссылается на „боголюбивыхъ мужъ, приходящихъ мнихъ отъ острова того", прибавляя: „и отъ нихъ истязахъ вмалѣ бесѣдами малыми".

[2]) Соч. Максима Грека, т. III, стр. 265.

[3]) Такъ въ одномъ изъ первыхъ чудесъ Зосимы по смерти, редактированныхъ Спиридономъ, въ разсказѣ о видѣніи старцемъ Тарасіемъ тѣла

доновымъ пересмотромъ не кончилась литературная исторія житія. Разъясненіе ея затрудняется тѣмъ, что позднѣйшія статьи о чудесахъ, постепенно прибавлявшіяся къ житію, въ разныхъ спискахъ размѣщались различно и большею частью въ порядкѣ, не соотвѣтствующемъ времени ихъ появленія. Изъ длиннаго ряда посмертныхъ чудесъ, сопровождающихъ жизнеописаніе, въ редакцію Спиридона входили, по всей вѣроятности, 8 первыхъ, которыя заканчивались указаннымъ выше послѣсловіемъ Досиѳея [1]). Статья «о сотвореніи житія» прибавлена Досиѳеемъ, очевидно, уже послѣ Спиридонова пересмотра. Происхожденіе двухъ ея редакцій не ясно: въ наиболѣе распространенной изъ нихъ есть неточности; отсюда можно заключать, что она — позднѣйшая передѣлка переписчиковъ, а первоначальный видъ ея тотъ, въ какомъ сохранилъ ее волоколамскій списокъ житія [2]). Въ томъ же спискѣ передъ житіемъ

Зосимы наверху земли читаемъ: „сіе тако видѣвъ старецъ, и исповѣда игумену Исаіи и многимъ братіамъ тако же исповѣдя, *намъ* же се вѣдущимъ, яко *погребохомъ* тѣло его въ глубинѣ земля; мы же се слышавше дивихомся". Синод. Ч. Мин. № 91, л. 322. Впрочемъ начало житія, какъ видно изъ приведенной выше ссылки біографа, написано самимъ Спиридономъ, и этимъ объясняется анахронизмъ въ разсказѣ о Савватіѣ, будто онъ подвизался въ Кирилловомъ монастырѣ при вел. кн. Василіѣ Василіевичѣ и митроп. Фотіѣ „въ лѣто 6944-е": этотъ годъ есть время прихода Зосимы на Соловецкій островъ, а княженіемъ Василія Васильевича, т. е. временемъ съ начала 1425 г. опредѣляется время прибытія Савватія на Соловки съ Валаама, куда онъ перешелъ изъ монастыря Кириллова; по соловецкой лѣтописи, Савватій прибылъ на островъ въ 1429 г., а въ 1434 скончался (27 сент. 6943). Рукоп. солов. библ. № 483.

[1]) Эти чудеса: явленіе Зосимы Даніилу и видѣнія Тарасія, Митрофана, Іосифа, Герасима, Филимона и Досиѳея; сюда же относятся статьи о поставленіи гробницы надъ могилой Зосимы и разсказъ Досиѳея о предсмертномъ обѣщаніи святаго, заключающійся краткой похвалой ему.

[2]) Неточности эти въ извѣстіяхъ, что житіе написано 30 лѣтъ спустя по смерти Зосимы († 1478 г.): Спиридонъ, какъ самъ онъ говоритъ въ

отдѣльно помѣщены два разсказа изъ жизни Соловецкаго монастыря, любопытные по указаніямъ на порчу монастырскихъ нравовъ и потому, вѣроятно, не попавшіе въ другіе списки: одинъ изъ нихъ—о пророчествѣ Зосимы—писанъ 32 года спустя по смерти святаго, т. е. въ 1510 году, и судя по выраженіямъ, тѣмъ же Досиѳеемъ, который записалъ въ житіи предсмертное обѣщаніе Зосимы [1]). Бывшій игуменъ и біографъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ послѣ 1510 года: въ числѣ лучшихъ старцевъ монастыря въ грамотѣ 1514 года является и бывшій игуменъ Досиѳей [2]). По этимъ статьямъ, не тронутымъ передѣлкой, можно судить о той простой, «не ухищренной» рѣчи, которой писалъ Досиѳей: это—книжная церковно-славянская рѣчь, только безъ реторики и съ большей примѣсью русскаго элемента сравнительно съ языкомъ образцовыхъ агіобіографовъ XV в. Къ чудесамъ, разсказаннымъ Досиѳеемъ, еще въ описываемый періодъ прибавлено 18 новыхъ, описанныхъ соловецкимъ игуменомъ Вассіаномъ: изъ неясныхъ извѣстій о монастырѣ въ началѣ XVI в. можно видѣть только, что онъ былъ игуменомъ между 1514 и 1527 г. [3]).

припискѣ, уже пересматривалъ составленное Досиѳеемъ житіе въ 1503 г., живя заточникомъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ.

[1]) Волокол. сб. моск. дух. ак. № 659, л. 213; см. этотъ разсказъ въ приложеніяхъ. Другой разсказъ (л. 310) объ инокѣ Мартиріѣ не даетъ указаній ни на автора, ни на время написанія.

[2]) Опис. Солов. мон. архим. Досиѳея, ч. 1, стр. 67.

[3]) По одной грамотѣ въ 1514 г. игуменомъ былъ Евѳимій, а по другой въ 1527 г.—Варлаамъ; въ промежуткѣ этихъ лѣтъ указываютъ длинный рядъ игуменовъ, о которыхъ нѣтъ болѣе ясныхъ извѣстій въ источникахъ; въ числѣ ихъ былъ и Вассіанъ (Опис. Солов. мон. архим. Досиѳея, ч. 3, стр. 183, ч. 1, стр. 67. Солов. лѣтоп., изд. архим. Паисіемъ, стр. 12. здѣсь они пересчитываются, повидимому, не въ хронологическомъ порядкѣ, наприм. Варлаамъ поставленъ прежде Евѳимія). Чудеса, описанныя Вассіаномъ, только въ немногихъ спискахъ отдѣляются отъ предшествующихъ заглавіемъ: «Сія убо чудеса списана быша игуменомъ Вассіаномъ тоя

Еще къ описываемому времени относятся первые памятники изъ длинной серіи житій и записокъ, вышедшихъ изъ среды учениковъ Пафнутія Боровскаго и Іосифа Волоцкаго и посвященныхъ описанію подвиговъ учителей. Большая часть списковъ пространной біографіи Пафнутія называетъ авторомъ ея Пафнутіева ученика Вассіана, архіепископа ростовскаго [1]). Изслѣдователи, видя въ немъ ростовскаго архіепископа Вассіана, по прозванію Рыло, автора извѣстнаго посланія къ великому князю Ивану III на Угру, бывшаго игуменомъ Сергіева, потомъ Спасскаго монастыря въ Москвѣ и умершаго въ 1481 году, прибавляютъ, что онъ былъ ученикъ Пафнутія и родственникъ Іосифа Санина [2]). Трудно угадать источникъ этихъ извѣстій. Въ біографіи Іосифа, написанной крутицкимъ епископомъ Саввой Чернымъ, и въ посланіи рязанскаго епископа Леонида къ царю Ѳедору Ивановичу встрѣчаемъ двоихъ Вассіановъ, родственниковъ Іосифа: одинъ, племянникъ его Топорковъ, поставленъ въ 1525 г. епископомъ въ Коломну; другой, братъ Іосифа, былъ архимандритомъ Симонова монастыря, а съ 1506 года ростовскимъ архіепископомъ. Въ многочисленныхъ извѣстіяхъ XVI в. объ Іосифѣ и его монастырѣ нѣтъ указанія на третьяго Вассіана, родственника Іосифова, и едвали онъ не созданъ перенесе-

---

же честныя обители Соловецкія". Первое изъ нихъ—разсказъ старца Савватія о промышленникахъ, погибавшихъ на островѣ Шужмоѣ.

[1]) Макар. ч. мин. май, по усп. сп. стр. 109, по синод. сп. л. 123; волокол. сб. Моск. дух. ак. XVI в. № 659, л. 112, № 572, л. 1; сб. Тр. Серг. л. № 791, л. 26, Унд. № 353. Одинъ поздній списокъ въ рукоп. Унд. XVIII в. № 354 сопровождаетъ заглавіе житія замѣткой: „списано бысть отъ ученика его Иннокентія"; но житіе здѣсь тоже, которое въ древнихъ спискахъ усвояется Вассіану. Ошибка произошла отъ смѣшенія имени автора съ именемъ одного изъ его источниковъ.

[2]) Слов. истор. о писат. дух. чина, ч. 1, стр. 73. Обз. русск. дух. лит. I, 152. Ист. опис. Тр. Серг. лавры, изд. 1865 г. стр. 73.

ніемъ извѣстій о Вассіанѣ Санинѣ на Вассіана Рыло [1]). По крайней мѣрѣ относительно происхожденія Пафнутіева житія это можно сказать съ нѣкоторой увѣренностію. Авторъ его говоритъ, что многое узналъ онъ о святомъ отъ Іосифа и «отъ древнихъ учениккъ его (Пафнутія), отъ иже *прежсе* много время съжительствовавшихъ отцу, изначала съпотрудившихся ему» [2]). Повидимому авторъ не принадлежалъ къ числу древнихъ учениковъ Пафнутія, не засталъ начальной поры монастыря. Это указаніе не идетъ къ Вассіану Рылу, который уже въ началѣ 1455 года былъ игуменомъ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, слѣдовательно самъ былъ однимъ изъ первыхъ сподвижниковъ Пафнутія въ его обители, возникшей въ 1444 г. Въ числѣ своихъ источниковъ Вассіанъ выставляетъ разсказы, слышанные имъ отъ Іосифа, «егда съ нимъ бѣхомъ въ бесѣдѣ»; но трудно угадать, когда Вассіанъ Рыло встрѣчался съ Іосифомъ, пришедшимъ въ Пафнутіевъ монастырь много лѣтъ спустя по удаленіи оттуда Вассіана; самъ Іосифъ въ сказаніи о русскихъ подвижникахъ ничего не говоритъ о ростовскомъ архіепископѣ. Наконецъ разсказъ о пророчествѣ Пафнутія, предсказавшаго Іосифову брату Вассіану архимандритство на Симоновѣ, въ древнѣйшихъ спискахъ житія заключается замѣткой: «еже по мнозѣхъ лѣтѣхъ въ дѣло произыде реченное». Вассіанъ Рыло умеръ въ 1481 году; но до 1485 г. на Симоновѣ былъ еще архимандритомъ Нифонтъ и предсказаніе Пафнутія исполнилось не раньше 1500 года [3]). Вассіанъ Санинъ является въ этомъ

[1]) По кормовой книгѣ Іосифова монастыря, составленной въ XVI в., 28 августа въ обители творили память „по архіепископѣ Васіанѣ по ростовскомъ", т. е. братѣ Іосифа, умершемъ 28 авг. 1515 года; но не встрѣчаемъ извѣстія о поминовеніи другаго архіеп. Вассіана, умершаго раньше, 23 марта 1481 г. Волокол. сб. Моск. дух. ак. № 577, л. 298.

[2]) Макар. ч. мин. май, по синод. сп. л. 129 и 139.

[3]) А. А. Экспе. I, № 56. П. С. Р. Лѣт. VIII, 215. Ист. росс. іер. II, 361.

разсказѣ «юнымъ зѣло и новопостриженнымъ»; примѣняя къ нему изложенныя указанія, можно заключить, что здѣсь говорить о себѣ въ 3-мъ лицѣ самъ авторъ, писавшій житіе въ Симоновомъ монастырѣ или въ Ростовѣ между 1500 и 1515 г. Подобно другимъ житіямъ, трудъ Вассіана представляетъ не послѣдовательный разсказъ о жизни Пафнутія, а безсвязный рядъ эпизодовъ, изображающихъ отношенія основателя къ братіи и мірянамъ; но изложеніе его ясно и довольно просто, сравнительно мало страдаетъ реторикой. Въ позднѣйшихъ спискахъ въ разсказъ Вассіана внесены двѣ большія вставки: «повѣсти отца Пафнутія» изъ патерика Іосифова монастыря и описаніе 6 исцѣленій, совершенныхъ Пафнутіемъ при жизни [2]).— Вассіанъ выставляетъ своими источниками сверхъ личныхъ воспоминаній только изустные разсказы, слышанные отъ Іосифа, Иннокентія и Исаіи Чернаго, «древнихъ» учениковъ святаго; но онъ имѣлъ подъ руками и литературный источникъ. Сохранилась записка, подробно разсказывающая о послѣднихъ 8 дняхъ жизни святаго. Здѣсь авторъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, и узнаемъ, что это — Иннокентій, на изустныя сообщенія котораго ссылается Вассіанъ [1]). Въ эти дни Инно-

---

[2]) Объ этихъ повѣстяхъ см. ниже въ VI гл. разборъ волоколамскихъ житій. Онѣ являются въ житіи уже по спискамъ XVI в., наприм. въ волокол. сб. № 572 и сб. Тр. Серг. л. № 791. Разсказъ о 6 исцѣленіяхъ слѣдуетъ за этими повѣстями въ спискѣ житія XVII в. въ Милют. ч. мин. май, л. 40 съ замѣткой при первомъ чудѣ: „твореніе Данила Моисеова". Вѣроятно, это былъ инокъ Пафнутьева монастыря, вскорѣ послѣ Вассіана описавшій чудеса, опущенныя послѣднимъ.

[1]) Эта записка въ волокол. сб. XVI в. Моск. дух. ак. № 515, л. 395. За молитвой, которой она начинается, читаемъ: „Исповѣдати хощу о тацѣмъ свѣтилѣ, святѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Пафнутіи, аще и недостоинъ есмь отъ начала житія его исповѣдати". Ниже читаемъ: „Таже рече ми старецъ: Инокентей! Азъ же прилѣжно зрѣхъ на священную его главу, что̀ хощетъ рещи" (л. 410).

кентій почти безотлучно находился при умирающемъ и какъ одинъ изъ старшей братіи лучше Вассіана зналъ отношенія Пафнутія и подробности его предсмертныхъ минутъ, запомнилъ слова, имъ сказанныя, и записалъ ихъ повидимому буквально. Разсказъ изложенъ литературнымъ языкомъ времени, но совершенно чуждъ реторики и по задушевной простотѣ, по живой изобразительности, съ какою рисуются въ немъ общественныя отношенія Пафнутія и его характеръ, одинъ изъ любопытнѣйшихъ въ древнерусскомъ монашествѣ, эта записка принадлежитъ къ числу лучшихъ памятниковъ древнерусской агіобіографіи. Повидимому Иннокентій написалъ свой разсказъ вскорѣ по смерти учителя, еще до удаленія Іосифа изъ его монастыря, т. е. въ 1477 или 1478 году: «не буди мнѣ лгати на преподобнаго, понеже и свѣдѣтеліе суть неложніи», говоритъ онъ, увѣряя въ правдивости своего разсказа, и въ числѣ этихъ свидѣтелей, иноковъ монастыря, пришедшихъ навѣстить умирающаго, выставляетъ Іосифа. Въ такомъ случаѣ Вассіанъ могъ узнать записку Иннокентія еще въ Пафнутьевомъ монастырѣ, откуда онъ удалился вслѣдъ за Іосифомъ. Разсказъ о кончинѣ Пафнутія въ житіи, написанномъ Вассіаномъ, есть сокращеніе Иннокентіевой записки, мѣстами очень близкое къ тексту оригинала.—Нѣтъ извѣстій о судьбѣ Иннокентія послѣ Пафнутія. Онъ написалъ еще канонъ своему учителю; замѣтка, сопровождающая заглавіе этого канона въ рукописяхъ, показываетъ, что онъ написанъ до 1531 года, когда митрополитъ съ соборомъ благословилъ пѣть его [1]). Въ руко-

[1]) Сб. Тр. Серг. Л. № 791, л. 16: „Канонъ преп. Пафнотію, твореніе ученика его Иннокентія, инока тоя же обители. Въ державу благовѣрнаго и христолюбиваго православнаго царя вел. кн. Василія Ивановича господиномъ преосв. архіепископомъ Даніиломъ, митрополитомъ всея Русіи, съ всѣмъ священнымъ его съборомъ, при игуменѣ Пафнотіи, благословилъ пѣти

писяхъ находимъ еще «сказаніе вкратцѣ» о Пафнутіѣ, состоящее изъ краткихъ лѣтописныхъ извѣстій о преподобномъ. Это сказаніе составлено по житію, написанному Вассіаномъ, съ прибавленіемъ хронологическихъ чертъ, какихъ нѣтъ у послѣдняго. По замѣткѣ въ одномъ спискѣ видно, что оно явилось не позже 1518 года [1]).

Уже въ изложеніи судьбы біографіи соловецкихъ подвижниковъ мы видѣли указанія на паденіе агіобіографическаго стиля, какой установили мастера XV в. Значеніе и причины этого паденія найдутъ мѣсто въ общемъ критическомъ разборѣ житій; здѣсь укажемъ другіе факты, въ которыхъ обнаружилось это литературное явленіе. Въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ встрѣ-

---

канонъ и житіе чести въ лѣто 7039, мѣс. маія в. 1 день". Нач. канона: „*Ново* тебѣ пѣніе принести молебно въ отверзеніе устъ моихъ, Пафнотіе богомудре, подаждь ми твоими молитвами благодать". Тотъ же канонъ въ волокол. сб. XVI в. Моск. дух. ак. № 382, л. 244. Здѣсь за канономъ Иннокентія слѣдуетъ другой подъ заглавіемъ: „Пѣніе молебно преп. отцу нашему игумену Пафнотію, списано отъ инока многогрѣшна, желающа молитвами его получити грѣхомъ разрѣшеніе". Біографическія черты изложены въ этомъ канонѣ по житію, написанному Вассіаномъ, а выписанныя выраженія обоихъ каноновъ какъ будто намекаютъ на то, что второй составленъ прежде Иннокентіева. Вѣроятно, по поводу указаннаго соборнаго постановленія 1531 г. написано обширное похвальное слово Пафнутію, занесенное уже въ Макар. ч. минеи (по усп. сп. стр. 127, по синод. л. 141). По выраженіямъ его видно, что оно написано на праздникъ памяти Пафнутія, авторомъ, жившимъ тогда въ его обители, слѣдовательно не Вассіаномъ, а авторомъ, видѣвшимъ кончину святаго: „явленно предлежитъ нынѣ предъ всѣми нами, живущими въ обители преподобнаго сего мужа"; въ другомъ мѣстѣ: „сподобихомся видѣти отца нашего... отсюду къ Богу отшествіе".

[1]) Волокол. сб. № 515, л. 419, № 638, л. 236; въ этомъ послѣднемъ спискѣ замѣчено о Пафнутіѣ: „въ черничествѣ живота его 60 и 3 лѣта, *а какъ поставилъ сей монастырь, 74 лѣта*". Начало: „Рожденіе и въспитаніе великаго старца Пафнотія отъ града Боровска, отъ веси Кудиновскія". Другая краткая редакція слѣдуетъ непосредственно за пространнымъ Вассіановымъ житіемъ въ обоихъ спискахъ Макар. ч. миней. Начало: „Въ лѣто 6985, маія 1 преставися преп. игуменъ Пафнотіе".

чаемъ повѣсть о строеніи Успенскаго собора въ Москвѣ и о обрѣтеніи мощей митр. Петра [1]). Эта повѣсть не только чужда реторики житій, но не держится строго и въ предѣлахъ церковно-славянскаго языка, допуская въ свое безыскусственное изложеніе особенности чисто-русской рѣчи. Авторъ, очевидно, жилъ въ Москвѣ, былъ близкимъ свидѣтелемъ описываемыхъ событій и писалъ про себя, свободно и откровенно: онъ замѣтилъ многія мелкія, но любопытныя подробности и между ними такія, которыя не позволили бы обнародовать тогдашнія церковныя власти. Въ литературномъ отношеніи эта повѣсть любопытна тѣмъ, что была не черновой запиской, послужившей матеріаломъ для болѣе искуственной обработки, но самостоятельнымъ трудомъ, написаннымъ позднѣе этой послѣдней: авторъ не только читалъ витіеватое оффиціальное слово Пахомія о перенесеніи мощей св. Петра, но даже поправляетъ его въ выписанной выше рѣзкой замѣткѣ. Такимъ же характеромъ отличается разсказъ о чудѣ митрополита Ѳеогноста въ 1474 г., помѣщенный въ томъ же лѣтописномъ сборникѣ[2]).

Въ рукописяхъ XVI в. сохранились двѣ редакціи сказанія о юродивомъ Михаилѣ Клопскомъ, отличныя отъ той, которую въ 1537 г. составилъ сынъ боярскій Василій Тучковъ. Одна изъ нихъ довольно подробно и слогомъ нечуждымъ книжности излагаетъ дѣянія, или «пророчества» Михаила въ Клопскомъ монастырѣ, его кончину и одно посмертное чудо; другая почти тоже содержаніе передаетъ гораздо короче, въ сухомъ некнижномъ разсказѣ, чуждомъ литературныхъ украшеній и близкомъ къ разговорной рѣчи [3]). Современный Тучкову лѣтописецъ,

---

[1]) П. С. Р. Л. VI 194—221: части этой повѣсти разсѣяны здѣсь между лѣтописными извѣстіями подъ разными годами.

[2]) Тамъ же, стр. 198.

[3]) Первая извѣстна намъ по двумъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ, древнѣйшій, въ Макар. ч. мин. янв. по усп. сп. стр. 917, другой въ

сообщая извѣстіе о его редакціи житія Михаила, прибавляетъ, что это житіе «и прежде написано бысть, но непрестанно (не пространно) и неявленно, сирѣчь вельми просто» [1]). Самъ Тучковъ въ послѣсловіи къ своей редакціи разсказываетъ, что вмѣстѣ съ порученіемъ написать житіе блаженнаго онъ получилъ отъ новгородскаго архіеп. Макарія и «написаніе чудесѣмъ и жительству св. чудотворца Михаила отъ древнихъ списателъ вкратцѣ». Неизвѣстно, зналъ ли Макарій краткую некнижную редакцію; но можно съ увѣренностію сказать, что онъ передалъ Тучкову не ее, а другую, пространную и болѣе книжную: послѣдняя занесена въ его четіи-минеи; сличая ее съ трудомъ Тучкова, легко замѣтить, что онъ пользовался именно этой редакціей, тогда какъ участіе некнижной не отразилось ни одной чертой въ твореніи боярскаго сына; поэтому множественное число «древнихъ списателей» въ извѣстіи Тучкова можетъ и не значить того, что онъ получилъ отъ Макарія обѣ редакціи житія. Это ставитъ внѣ сомнѣнія, что пространная редакція «пророчествъ» составлена задолго до 1537 г., въ описываемый нами періодъ, хотя древнѣйшій списокъ ея, намъ извѣстный, не старше древнѣйшаго списка Тучковской редакціи: оба

ч. мин. Германа Тулупова, рукоп. Тр. Серг. л. № 673, л. 219; этотъ сп. писанъ въ 1627 г. Предисловіе въ этой ред. начинается словами: „Многимъ сущимъ преподобнымъ и достойнымъ Богови“. Вторая извѣстна намъ также по двумъ спискамъ XVI в. въ волокол. сб. моск. дух. ак. № 659, л. 344, и въ рук. Тр. Серг. л. № 735, л. 32, безъ начала и съ другимъ порядкомъ статей чѣмъ въ первомъ спискѣ. Эта редакція безъ предисловія, прямо начинается разсказомъ о приходѣ Михаила въ монастырь: „А пришолъ канунъ дни честнаго рожества Іоанна въ нощь, и попъ Макарій, покадивъ церковь на 9 пѣсни, да пошолъ въ келью, ажь келья отомчена“. По характеру изложенія и заглавіямъ статей въ обѣихъ редакціяхъ будемъ называть первую пространной, или редакціей „пророчествъ“, а вторую краткой некнижной, или редакціей „чудесъ“.

[1]) П. С. Р. Л. VI, 301.

они въ минеяхъ Макарія. Нѣкоторыя указанія на взаимное отношеніе обѣихъ разсматриваемыхъ редакцій можно извлечь изъ ихъ сравнительнаго разбора. Некнижная редакція отъ начала до конца представляется сокращенной передѣлкой пространнаго сказанія о пророчествахъ: она опускаетъ не только реторическія распространенія послѣдняго, но и многія фактическія любопытныя подробности, разсѣянныя въ немъ, которыя указываютъ на близость его источниковъ къ описываемымъ событіямъ [1]). Встрѣчаемъ цѣлые эпизоды, опущенные въ краткой редакціи чудесъ; далѣе, въ послѣдней нѣтъ указаній на годы и числа, которыми редакція пророчествъ помѣчаетъ многія событія въ своемъ разсказѣ. Наконецъ, можно замѣтить въ краткой нѣсколько неточностей и ошибокъ. Такъ напримѣръ приходъ Михаила въ Клопскій монастырь она помѣчаетъ временемъ Ѳеодосія, «нареченнаго на владычество», между тѣмъ упоминаетъ о пророчествѣ Михаила, который, живя на Клопскѣ, предсказалъ игумену Ѳеодосію, что онъ будетъ избранъ на новгородскую каѳедру, но не будетъ посвященъ. Въ житіи нѣтъ прямыхъ извѣстій о томъ, когда Михаилъ пришелъ въ Клопскій монастырь и когда скончался; но по другимъ надежнымъ источникамъ можно опредѣлить приблизительно время этихъ событій. Ни одна редакція житія Михаила не говоритъ, откуда онъ пришелъ на Клопско, и ничего не знаетъ о прежней его жизни. Біографъ архіеп. Іоны разсказываетъ, что прежде поселенія въ Клопской обители Михаилъ явился въ Новгородъ, пришедши туда изъ дальней земли и «иного отечества сый», при архіепископѣ новгородскомъ Іоаннѣ, т. е. до 1415 г. Тогда, при

[1]) Опущены напрям. слова Михаила къ посаднику Посаху, обижавшему монастырь и наказанному за это: „не корми ты насъ ни пои, а насъ не обидя". Эти подробности показываютъ, что въ редакцію пророчествъ заносилось свѣжее преданіе о юродивомъ, главнымъ образомъ державшееся на подобныхъ изреченіяхъ, памятныхъ современникамъ.

первомъ появленіи въ Новгородѣ, Михаилъ предсказалъ архіепископство Іонѣ, бывшему еще мальчикомъ. Одна лѣтопись сохранила извѣстіе, что это было въ 1408 году[1]). Неизвѣстно, долго ли жилъ Михаилъ въ Новгородѣ. Когда онъ явился въ Клопскую обитель, въ монастырской церкви Св. Троицы шла служба. Повидимому, это былъ тогда монастырь новый, недавно образовавшійся. По древней новгородской лѣтописи, деревянная церковь Троицы въ монастырѣ построена въ 1412 г.[2]). Нѣсколько лѣтъ спустя, когда была построена каменная церковь, Михаилъ жилъ уже въ монастырѣ. Отсюда видно приблизительно время его прихода на Клопско; отсюда же обнаруживается другая неточность краткой редакціи. По ея извѣстію, Михаилъ жилъ въ монастырѣ 50 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, слѣдовательно скончался около 1462 года. Но біографъ архіеп. Іоны, современникъ юродиваго, знавшій о послѣднемъ болѣе всѣхъ редакцій его житія, говоритъ, что онъ умеръ прежде смерти архіеп. Евеимія, т. е. до 1458 г. Поэтому болѣе довѣрія внушаетъ показаніе пространной редакціи пророчествъ, что блаженный жилъ въ обители 44 года, слѣдовательно умеръ около 1456 года[3]). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ краткая ре-

---

[1]) П. С. Р. Л. III, 235.

[2]) Тамъ же стр. 105.

[3]) Пам. стар. русск. лит. IV, 29. Въ рукописныхъ святцахъ кончина Михаила помѣчена 1452 годомъ: это показаніе, очевидно, составилось посредствомъ приложенія 44 лѣтъ жизни юродиваго въ Клопской обители къ 1408 году, когда по лѣтописи Михаилъ пришелъ въ Новгородъ. Но 1) неизвѣстно, когда Михаилъ пришелъ на Клопско; можно только предполагать, что позже 1408 г.; 2) по разсказу пространной редакціи о Шемякѣ (пророчество 11-е) Михаилъ былъ еще живъ въ годъ смерти этого князя (1453) и повидимому пережилъ его. Краткая редакція впадаетъ въ неточность и въ извѣстіи о Клопскомъ игуменѣ Ѳеодосіѣ, говоря, что онъ былъ 3 года нареченнымъ владыкой Новгорода: пространная редакція согласно съ древней новгородской лѣтописью показываетъ два года. П. С. Р. Л. III, 110. IV, 120.

дакція впадаетъ въ неточности и [illegible] источника [1]). Все сказанное не позволяетъ видѣть въ редакціи пророчествъ простую передѣлку краткой книжной повѣсти. Находимъ въ первой замѣтку, повторенную и въ послѣдней: послѣ того какъ Михаилъ предсказалъ Шемякѣ неудачу въ борьбѣ съ великимъ княземъ Василіемъ, на вопросъ братіи объ успѣхѣ перваго юродивый отвѣчалъ: «заблудили наши, отъ супротивныхъ бѣгая». Братія, добавляетъ редакція пророчествъ, записала тотъ день, когда [illegible] лительно заключить, что предсказанія Михаила записывались въ монастырѣ еще при его жизни. Здѣсь открывается источникъ тѣхъ добавочныхъ подробностей и хронологическихъ отмѣтокъ, которыя находимъ въ пространной редакціи и которыхъ нѣтъ въ краткой. Ясно, что первая гораздо ближе послѣдней стоитъ къ этому источнику или по крайней мѣрѣ воспользовалась имъ шире. Въ самомъ изложеніи редакціи пророчествъ замѣтны слѣды этихъ монастырскихъ записокъ: въ началѣ ея читаемъ, что Михаилъ помыслилъ уединиться отъ міра и пришелъ на Клопско «прежде нѣкихъ немногихъ лѣтъ»: эти слова едвали принадлежатъ редактору, писавшему спустя 60 или болѣе лѣтъ по приходѣ Михаила въ обитель на Клопско. Притомъ этотъ редакторъ — человѣкъ книжный, владѣетъ литературнымъ языкомъ времени и умѣетъ украсить разсказъ общими риторическими мѣстами; однакожъ перо его часто падаетъ до оборотовъ простой разговорной рѣчи. То и другое можно объяснить вліяніемъ современнаго святому монастырскаго источника, текстъ котораго отрывками прокрался въ книжное изложеніе редактора. Наконецъ въ послѣднемъ 12-мъ

---

[1]) Слич. наприм. по обѣимъ редакціямъ разсказъ о приходѣ разбойниковъ въ монастырь. Рук. Тр. С. л. № 735, л. 32, сб. волокол. № 659, л. 345, Макар. ч. мин. янв. стр. 920, Тулуп. ч. мин. № 673, л. 224.

пророчествѣ Михаила о близкомъ паденіи Новгорода редакторъ обличаетъ въ себѣ современника новгородскихъ погромовъ 1470-хъ годовъ: «тако въ нынѣшняя времена и лѣта,—замѣчаетъ онъ о состояніи вольнаго города предъ паденіемъ, — по Божію попущенію велику мятежу бывшу и усобной рати промежи боляръ и множества рати людій и всего народа въ Великомъ Новѣградѣ». Не смотря на такую близость редакціи ко времени святаго, въ ней есть уже легендарный анахронизмъ,— знакъ, что разсказами о Михаилѣ начинала овладѣвать народная фантазія. Въ помянутой статьѣ о 12-мъ пророчествѣ разсказывается, какъ въ Клопскій монастырь пріѣхалъ посадникъ Иванъ Немиръ благословиться у блаженнаго старца. На слова гостя, что въ Новгородѣ есть теперь литовскій князь Михаилъ Александровичъ, юродивый отвѣчалъ: «то, сынку, у васъ не князь, но грязь» и пророчески описалъ пораженіе новгородцевъ на Шелони и паденіе Новгорода. Житіе помѣчаетъ этотъ разсказъ 6979 годомъ, когда великій князь московскій былъ «гнѣвенъ» на Новгородъ и сбирался воевать съ нимъ: по обстоятельствамъ дѣла видно, что редакторъ разумѣлъ конецъ 1470 или начало 1471 года, когда прошло уже болѣе 10 лѣтъ со смерти Клопскаго юродиваго. Въ 1471 г. Иванъ Васильевичъ Немиръ былъ очень старымъ посадникомъ, ибо встрѣчаемъ его въ этомъ званіи уже въ 1435 году [1]). Вѣроятно, дѣйствительное событіе, скрывающееся въ разсказѣ житія, относится къ болѣе раннему времени и подъ Михаиломъ Александровичемъ разумѣется другой литовскій князь, напримѣръ Юрій Семеновичъ, пріѣзжавшій въ Новгородъ въ 1438 году [2]). Выше указанъ мотивъ, замѣтный въ поэтическихъ сказаніяхъ о паденіи Новгорода: оглядываясь въ послѣдствіи на погромъ, новгородская

---

[1]) П. С. Р. Л. III, 111. Карамз. VI, прим. 66.

[2]) П. С. Р. Л. III, 112.

масса, тянувшая къ Москвѣ, любила представлять его карой за боярскія неурядицы, предсказанною святыми людьми. Таже мысль рѣзко выражена въ разсматриваемомъ пророчествѣ Михаила; для нея и понадобилось вызвать изъ могилы юродиваго пророка. Находимъ наконецъ указаніе на пособія, которыми редакторъ пророчествъ пользовался для литературной обработки житія, откуда онъ черпалъ общія мѣста для украшенія своего разсказа: въ 10-мъ пророчествѣ Михаила о нареченномъ владыкѣ Евѳиміѣ II и въ разсказѣ о погребеніи Михаила встрѣчаемъ буквальныя выписки изъ пахоміевскаго житія архіеп. Евѳимія [1]. Таковы источники разсматриваемой редакціи, которую мы считаемъ первой литературной обработкой житія. Она любопытна какъ памятникъ, рисующій образъ древнерусскаго юродиваго и значеніе, какое онъ могъ пріобрѣсть въ обществѣ. Но она незамѣнима по разсказамъ о лицахъ, игравшихъ видныя роли въ исторіи Новгорода XV вѣка: архіеп. Евѳимій Брадатый и преемникъ его Евѳимій II, посадники Григорій Кириллович Посахно и Иванъ Васильевичъ Немиръ, бояринъ Иванъ Семеновичъ Лошинскій, Димитрій Шемяка -- всѣ эти любопытные люди, которые въ лѣтописи мелькаютъ блѣдными фигурами политической драмы, разыгравшейся между Новгородомъ и Москвой, являются здѣсь съ живыми чертами, съ своими еже-

---

[1]) Ср. эти статьи редакціи пророчествъ съ житіемъ Евѳимія въ Пам. стар. русск. лит. IV, 18 и 22. Въ 10-мъ пророчествѣ выписки сопровождаются двумя замѣтками о Евѳиміѣ: „о немъ же житіи индѣ скажемъ"; „о сихъ же добродѣтеля индѣ скажемъ". Отсюда нельзя заключать, что Пахомій составилъ и разсматриваемую редакцію житія Михаила: 1) послѣдняя даетъ обѣщаніе сказать о Евѳиміѣ, а пахоміевское житіе Евѳимія написано раньше ея; 2) біографъ архіеп. Іоны прямо говоритъ что послѣдній не могъ уговорить Пахомія написать житіе Михаила или канонъ ему. Приведенныя замѣчанія—или ссылки на житіе Евѳимія, которое редакторъ намѣревался переписать, или указаніе на то, что этотъ редакторъ составлялъ лѣтопись о времени Евѳимія.

дневными отношеніями. Другая, некнижная редакція рядомъ съ первой имѣетъ очень мало цѣны какъ историческій памятникъ, далеко уступая ей въ полнотѣ и точности фактическаго содержанія. Она можетъ представлять нѣкоторый интересъ только по отношенію къ исторіи литературнаго древнерусскаго языка: изложеніе ея далеко не чуждо церковно-славянскихъ грамматическихъ формъ и не можетъ быть признано образчикомъ чисто-русской народной рѣчи XV—XVI в.; все его отличіе отъ изложенія первой редакціи состоитъ въ большей примѣси формъ русскаго языка. Признаковъ происхожденія, близкаго ко времени святаго, какіе есть въ редакціи пророчествъ, не находимъ въ краткой; сравненіе обѣихъ позволяетъ предполагать, что послѣдняя редакція представляетъ позднѣйшую обработку житія. Личность Клопскаго юродиваго превлекала къ себѣ вниманіе массы; люди некнижные, даже вовсе неграмотные желали почитать или послушать о его пророчествахъ и изреченіяхъ и могли затрудняться чтеніемъ первой редакціи, не чуждой искусственности въ изложеніи. Эта потребность и могла вызвать другую, болѣе простую передѣлку житія, составитель которой сократилъ монастырскія записки или, что вѣроятнѣе, первую редакцію житія. Это предположеніе подтверждается изложеніемъ единственнаго посмертнаго чуда (съ купцомъ Мих. Марковымъ) въ спискахъ краткой редакціи. По списку ея въ рукописи Іосифова волоколамскаго монастыря сокращеніе этого чуда —простая выборка изъ текста пространной редакціи, удержавшая вполнѣ книжныя церковно-славянскія формы послѣдней и этимъ рѣзко отличающаяся отъ остальнаго, близкаго къ просторѣчію изложенія краткой редакціи. По списку той же редакціи въ рукописи Троицкой лавры, повидимому немного позднѣйшему, это чудо изложено такъ же просто, тѣмъ же смѣшаннымъ русско-церковно-славянскимъ языкомъ, какъ и вся редакція; разсказъ о чудѣ и здѣсь есть сокращеніе статьи ре-

дакціи пророчествъ, но это сокращеніе сдѣлано независимо отъ того, какое находимъ въ волоколамскомъ спискѣ, и удержало нѣкоторыя черты пространной редакціи, опущенныя въ этомъ спискѣ [1]). Оба сокращенія сдѣланы по одному и тому же подлиннику, которымъ былъ разсказъ въ редакціи пророчествъ.

Въ нашей письменности очень рано составилась значительная литература о чудотворцѣ Николаѣ Мирликійскомъ. Въ рукописяхъ XV—XVI в. встрѣчается житіе его съ длиннымъ рядомъ чудесъ, изъ коихъ нѣкоторыя совершились и описаны на Руси. Наша церковная исторіографія признаетъ и все это жизнеописаніе произведеніемъ русскимъ, написаннымъ въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка [2]). По изложенію этого житія можно замѣтить, что однимъ изъ источниковъ служила ему переводная біографія, сильно распространенная въ русской письменности XV—XVI в. [3]) Въ тоже время, къ которому относятъ русское житіе св. Николая, явилась русская повѣсть о перенесеніи его мощей въ городъ Баръ, написанная современникомъ событія, на что указываютъ выраженія автора [4]). Наконецъ раньше обоихъ этихъ русскихъ сочиненій, вѣроятно, появилось на Руси

[1]) Сборн. волокол. въ моск. дух. ак. № 659, л. 350. Рукоп. Тр. С. л. № 735, л. 37.

[2]) Нач. житія: „Во дни прежняя благоволи Богъ взыскати писанья". Оно въ рукоп. Унд. XV в. № 258, л. 15, въ сб. Царскаго 1514 г. № 381, л. 4, въ сб. Рум. начала XVI в. № 436, л. 114. См. о немъ у преосв. Макарія въ Ист. Р. Ц. II, 138 и у архіеп. Филарета въ Обзорѣ I, 38.

[3]) Начало: „Мудра нѣкая вещь живописецъ рука". Это житіе въ сб. Унд. XV в. № 560, л. 71, въ сб. его же XVI в. № 563, л. 67, въ сб. Царскаго № 381, л. 147. Въ ч. минеѣ Унд. XVI в. № 230, л. 112, повидимому, другой переводъ тогоже житія.

[4]) Она въ сб. Рум. XV в. № 435, л. 344, въ рукоп. Унд. XV в. № 258, л. 1. См. о ней у преосв. Макарія въ Ист. Р. Ц. II, 139 и у арх. Филарета въ Обзорѣ I, 38.

похвальное слово чудотворцу Николаю, по нѣкоторымъ выраженіямъ котораго заключаютъ только, что оно писано для какихъ-нибудь новокрещенныхъ Славянъ [1]). Въ началѣ его изложены біографическія черты, и можно предполагать, что оно служило другимъ источникомъ русскаго житія св. Николая [2]). При томъ благоговѣніи, удивлявшемъ иностранцевъ, съ какимъ русскій народъ относился къ памяти Мирликійскаго чудотворца и которое было такъ глубоко, что въ нашихъ историческихъ источникахъ XVI—XVII в. чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить, особенно въ высшихъ классахъ общества, русскаго человѣка съ именемъ этого святителя,—историка литературы можетъ интересовать вопросъ: рядомъ съ книжными, искусственными по изложенію сочиненіями о св. Николаѣ, каковы исчисленныя выше, существовала ли въ нашей письменности простая обработка его житія, приспособленная къ пониманію некнижнаго большинства, и если существовала, то въ какомъ видѣ и съ какимъ содержаніемъ? Находимъ, что въ рукописяхъ XV—XVI в. была распространена такая некнижная редакція житія, одно изъ куріознѣйшихъ явленій въ древнерусской литературѣ. Ничего опредѣленнаго нельзя сказать о времени и мѣстѣ происхожденія этой редакціи; по извѣстнымъ намъ спискамъ ея видно только, что она ходила уже по рукамъ читателей въ концѣ XV или въ началѣ XVI в. [3]). Сличая эту редакцію съ двумя ука-

---

[1]) Оно въ тѣхъ же сб. Рум. № 435, л. 169 и Унд. № 258, л. 113. См. о немъ у арх. Филарета въ Обзорѣ I, 39.

[2]) Въ немъ есть наприм. легенда, какъ только-что родившійся младенецъ простоялъ 2 часа, пока его омывали. Эта легенда повторена и въ русскомъ житіи, но ея нѣтъ въ переводномъ.

[3]) Въ синод. сб. XV—XVI в. № 556, л. 629 помѣщенъ конецъ этого житія, разсказъ о первомъ Никейскомъ соборѣ и преставленіи Николая; полные списки въ сб. Унд. XVI в. № 563, л. 100 и въ сб. его же XVI в. № 569, л. 16. Заглавіе и начало: „Слово иже во святыхъ отца нашего Николы о житіи его и о смерти его и о хоже-

занными выше житіями чудотворца, находимъ въ нихъ очень мало общаго, есть даже прямыя противорѣчія [1]). Содержаніе русской редакціи отличается сильной легендарностью и половина его занята разсказами о странствованіи Николая по Арменіи, Сиріи и другимъ странамъ, о распространеніи имъ христіанства, объ исцѣленіяхъ и борьбѣ съ бѣсами. Съ перваго раза можно подумать, что въ нашей редакціи описывается жизнь не того мирликійскаго святаго, о которомъ разсказываютъ названныя древнія житія. Однакожь есть прямыя указанія на то, что предметомъ этой біографіи служитъ тотъ самый чудотворецъ Николай, память котораго празднуется 6 декабря, который присутствовалъ на первомъ Никейскомъ соборѣ и который «въ латынскихъ земляхъ тѣломъ лежитъ». Ближайшій источникъ этой русской редакціи находимъ въ «повѣсти о погребеніи» св. Николая, которая была распространена у насъ уже въ XV в. [2]). Повѣсть написана совершенно книжно, цер-

---

ніи его и о погребеніи. Благословенъ еси, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, дивная и неизреченная творящи чудеса во всей земли, прославилъ еси свѣтлый праздникъ св. Николы. Мы же, братіе, прославимъ тую землю, гдѣ жилъ св. Никола, на имя Миры Ликійскія митрополія, а въ нашихъ русскихъ странахъ весь родъ христіяньскый память его честную въ нынѣшній день свѣтло празднуемъ".

[1]) По переводному житію, Николай, окончивъ свое образованіе, становится пресвитеромъ и служитъ въ монастырѣ Сіонѣ, построенномъ его дядей, откуда потомъ соборъ мѣстныхъ епископовъ возводитъ его на мирликійскій архіерейскій престолъ; по русской редакціи, Николай въ 14-лѣтнемъ возрастѣ покидаетъ отечество и много лѣтъ странствуетъ по разнымъ землямъ, приходитъ наконецъ въ Миры и здѣсь патріархъ іерусалимскій Макарій поставляетъ его „епископомъ во всей Ликіи".

[2]) Сборники Унд. XV в. № 560, л. 222 и № 567, л. 55. Сб. Царскаго 1514 г. № 381, л. 120. Нач. „Благословенъ еси, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, иже дивная и неизслѣдованная дѣла творя, иже въ родъ и родъ извеличивлъ еси свѣтлое и всепразньственное св. Николы събраніе. Людіе, племена, языци и все достоинство и многосъбранный и любопразньственный съборе мирликійскыя митрополи и весь родъ чело-

ковно-славянскимъ языкомъ съ примѣсью греческихъ словъ и оборотовъ, отзывающихся буквальнымъ переводомъ съ греческаго. Въ одномъ спискѣ, сохранившемъ повидимому первоначальный видъ повѣсти, есть неясный намекъ на ея происхожденіе: въ молитвѣ о Грекахъ - христіанахъ въ Азіи, подвергнувшихся варварскому нашествію, св. Николай проситъ у Бога: «даждь сподолѣціе роду гречьскому и *болгарьскому*» [4]). Опасаясь промаховъ, предоставляемъ спеціалистамъ ближе опредѣлить какъ источники этого, повидимому, южно-славянскаго сказанія, такъ и отношеніе его содержанія къ достовѣрнымъ извѣстіямъ о чудотворцѣ Николаѣ: для насъ оно любопытно только какъ источникъ одного изъ русскихъ памятниковъ, въ которыхъ обнаружилось изучаемое нами паденіе агіобіографическаго стиля въ русской литературѣ XV — XVI в. Языкъ въ этомъ памятникѣ тотъ же самый, какимъ изложена разобранная выше вторая редакція житія Михаила Клопскаго; русская повѣсть о св. Николаѣ есть простое переложеніе упомянутаго церковно-славянскаго сказанія на этотъ языкъ, изрѣдка сокращающее разсказъ источника. Впрочемъ если церковно-славянская повѣсть явилась къ намъ въ томъ составѣ, какой имѣетъ она въ упомянутомъ спискѣ съ указаніемъ на болгарскую ея редакцію, то русскій редакторъ внесъ въ свое переложеніе этой повѣсти двѣ прибавки: разсказъ объ участіи св. Николая въ засѣданіяхъ Никейскаго собора съ любопытными легендарными подробностями, источникъ которыхъ опредѣлить не беремся, и заключительное обращеніе къ русскимъ сынамъ и дщерямъ, имѣющее видъ похвалы святому.

вѣчьскый свѣтлую и всепразньственную память св. Николы днесь празднуимъ".

[4]) Сб. Унд. № 567, л. 56.

ГЛАВА VI.

Житія Макарьевскаго времени.

Именемъ митрополита Макарія можно обозначить цѣлую эпоху въ исторіи древнерусской агіобіографіи. На это даетъ право уже одно количество литературныхъ памятниковъ, появившихся въ его время подъ близкимъ или отдаленнымъ вліяніемъ, отъ него исходившимъ. Древнерусская литература житій не оставила жизнеописанія этого знаменитаго собирателя житій, хотя онъ не прошелъ и въ ней безъ всякаго слѣда. Сохранилась повѣсть о послѣднихъ дняхъ его, которую можно принять за матеріалъ для житія, не получившій однакожъ дальнѣйшей обработки [1]). Повѣсть эта разсказываетъ о болѣзни и кончинѣ митрополита съ задушевной простотой, не преувеличивая значенія описываемаго лица, и написана, судя по подробностямъ, вскорѣ по смерти святителя какимъ-нибудь близкимъ къ нему человѣкомъ. Но отсутствіе полнаго жизнеописанія лишаетъ насъ возможности видѣть, какъ древнерусскіе книжники представляли его дѣятельность въ полномъ ея объемѣ и какое значеніе придавали той сторонѣ ея, которая соприкасалась съ движеніемъ древнерусской агіобіографіи. Впрочемъ характеръ и мотивы, внесенные имъ въ это движеніе, можно разглядѣть въ нѣкоторыхъ явленіяхъ, связанныхъ съ дѣятельностію Макарія. Прежде всего заслуживаетъ вниманія обстоятельство, что Макарій вышелъ изъ монастыря Пафнутія Боровскаго, воспитался въ преданіяхъ

---

[1]) Поздній списокъ этой повѣсти въ рукоп. Большак. въ Моск. публ. муз. № 266.

сферы, изъ которой вышло замѣтно выдѣляющееся направленіе въ средѣ русскаго монашества XVI вѣка: согласно съ духомъ своего родоначальника, въ которомъ біографъ выставляетъ преобладающей чертой характера чувство мѣры [1]), эта школа отличалась стремленіемъ къ дисциплинѣ, къ внѣшнему порядку и благолѣпію и сильнымъ практическимъ смысломъ. Въ такомъ характерѣ источникъ достоинствъ и недостатковъ этой школы. Такой характеръ отразился на пастырской дѣятельности постриженника Пафнутьева монастыря въ Новгородѣ: онъ вводитъ правильное общежитіе въ здѣшніе монастыри, строитъ и украшаетъ храмы, поновляетъ обветшавшіе памятники церковной святыни, заботится объ украшеніи города, чтобы, по выраженію современнаго лѣтописца, было «велми лѣпо и чудно видѣти» [2]). Тоже стремленіе украшать и поновлять ветхое, съ которымъ обращался Макарій къ монументальнымъ памятникамъ церковной старины, онъ прилагалъ и къ памятникамъ литературнымъ. Замѣчательно, что изъ-подъ пера самого Макарія, одного изъ наиболѣе начитанныхъ книжниковъ въ Россіи XVI вѣка, не вышло ни одного канона или похвальнаго слова святому. Но сильное возбужденіе сообщено было русской агіобіографіи двумя явленіями, ознаменовавшими его дѣятельность: это— канонизація русскихъ святыхъ на соборахъ 1547 и 1549 г. и составленіе Макарьевскихъ четьихъ-миней.

Въ историческихъ источникахъ XVI в. не находимъ подроб-

[1]) Архіеп. Вассіанъ въ житіи Пафнутія: „безмѣрія во всемъ убѣгая, егда время бѣ, глаголаше потребная, и егда подобно, молчанію прилежаше, все въ время творя“.

[2]) П. С. Р. Лѣт. VI, 301. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же лѣтописецъ (стр. 286) замѣчаетъ о дѣятельности Макарія въ Новгородѣ: „пресвящ. архіепископъ, по своему благоутробію, болши хотя украсити В. Новградъ при своемъ честнѣмъ святительствѣ, преже бо наченъ еже о церквахъ Божіихъ тщаніе и великое прилежаніе и о обителѣхъ великое устроеніе, даже и до самыхъ вещей“.

ныхъ извѣстій о подготовительныхъ работахъ, предшествовавшихъ собору 1547 года; но есть указаніе на то, какъ подготовлялся соборъ 1549 года; кромѣ того извѣстны списки святыхъ, канонизованныхъ обоими соборами. Разбирая эти списки и извѣстія о подготовкѣ къ собору 1549 года, можно объяснить происхожденіе и характеръ разсматриваемыхъ соборныхъ дѣяній. По мысли царя, епархіальные архіереи послѣ собора 1547 г. произвели въ своихъ епархіяхъ обыскъ о великихъ новыхъ чудотворцахъ, собрали «житія, каноны и чудеса» ихъ, пользуясь указаніями мѣстныхъ жителей. Явившись въ Москву въ 1549 г. съ собраннымъ церковно-историческимъ запасомъ, они соборне «свидѣтельствовали» его и ввели въ составъ церковнаго пѣнія и чтенія, установивъ праздновать по этимъ житіямъ и канонамъ новымъ чудотворцамъ. Было бы слишкомъ смѣло подозрѣвать въ этихъ епархіальныхъ обыскахъ и соборномъ свидѣтельствованіи признаки церковно-исторической критики, возбужденной оффиціальнымъ почином царя и высшей іерархіи: ни то ни другое не шло дальше собиранія и внѣшняго осмотра написаннаго, не внося потребности въ болѣе широкомъ изученіи, въ сводѣ или повѣркѣ агіобіографическихъ источниковъ. Но въ соборномъ свидѣтельствованіи нельзя не видѣть опыта церковной цензуры, впрочемъ чисто-литературной и притомъ необходимой: вводя труды мѣстныхъ грамотеевъ въ церковное богослуженіе, соборъ естественно долженъ былъ разсмотрѣть, соотвѣтствуютъ ли они установленнымъ формамъ церковно-литературныхъ произведеній. Здѣсь открывается литературный источникъ канонизаціи 1547 и 1549 годовъ: установленіе празднованія извѣстному святому условливалось существованіемъ житія и канона, которые можно было бы пѣть и читать въ церкви въ день его памяти. Участіе этого источника замѣтно въ актѣ собора 1547 г. Предполагая, что единственнымъ основаніемъ канонизаціи служило повсемѣстно рас-

пространенное въ русскомъ обществѣ почитаніе святаго, трудно объяснить составъ списка святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ. Изъ 12-ти святыхъ, которымъ установлено было всецерковное празднованіе, только двоимъ, Александру Невскому и митрополиту Іонѣ можно усвоять широкую извѣстность въ русскомъ церковномъ обществѣ до соборнаго опредѣленія 1547 года; остальные пріобрѣли ее вслѣдствіе этого опредѣленія и были прежде святыней мѣстности, гдѣ подвизались и покоились по смерти. Остается признать, что выборъ опредѣлился двумя условіями: житія, каноны или посмертныя чудеса 12 новыхъ чудотворцевъ, внесенныхъ въ списокъ, были написаны до собора и притомъ настолько распространены въ письменности, что легко могли сдѣлаться извѣстными членамъ собора. Случайность выбора, зависѣвшая отъ этого послѣдняго условія, становится еще замѣтнѣе при сопоставленіи списка 1547 г. съ количествомъ русскихъ житій, написанныхъ до собора, и съ ихъ сравнительнымъ распространеніемъ въ письменности первой половины XVI в. Почти всѣ имена, занесенныя въ списокъ 12-ти, принадлежатъ святымъ, житія которыхъ встрѣчаются въ рукописяхъ этого времени гораздо чаще сравнительно съ житіями другихъ, хотя также давно написанными. Ни къ общимъ, ни даже къ мѣстнымъ святымъ соборъ не причислилъ ни князя тверскаго Михаила Александровича, ни князей ярославскихъ Василія и Константина, хотя житія ихъ были давно составлены, а послѣдніе были даже прославлены открытіемъ мощей въ 1501 году; согласно съ этимъ, судя по уцѣлѣвшимъ спискамъ, есть основаніе считать житія названныхъ святыхъ очень мало распространенными въ письменности до половины XVI в. и этимъ объяснять ихъ отсутствіе въ минеяхъ Макарія. Съ другой стороны можно замѣтить, что двѣ трети списка составлены по мысли самого митрополита, руководителя собора, подъ вліяніемъ его личнаго отношенія къ памяти нѣкоторыхъ

святыхъ и его знакомства съ агіобіографической литературой [1]). Эту случайность выбора, опредѣлившагося первымъ, что представилось вниманію собора изъ русскаго церковно-историческаго запаса, чувствовалъ самъ соборъ 1547 г., къ которому царь обратился съ просьбой собрать по епархіямъ свѣдѣнія объ остальныхъ новыхъ чудотворцахъ. Указанныя условія дѣйствовали и на соборѣ 1549 г. Не сохранилось оффиціальнаго списка святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ; ихъ перечисляють по догадкамъ и не совсѣмъ точно [2]). Но въ одной изъ редакцій житія митрополита Іоны, составленныхъ при митрополитѣ Макаріѣ, встрѣчаемъ разсказъ объ обоихъ соборахъ и общій перечень чудотворцевъ, которымъ они установили церковное празднованіе [3]). И здѣсь изъ 14 русскихъ святыхъ 6 принадлежать новгородской епархіи, а съ другой стороны не встрѣчаемъ мно-

[1]) А. А. Эксп. I, № 213. Почти половина списка 12-ти состоить изъ именъ святыхъ новгородской епархіи. Тѣмъ же можно объяснить занесеніе въ списокъ именъ Пафнутія Боровскаго, Александра Невскаго и митрополита Іоны: личное усердіе Макарія къ двоимъ послѣднимъ святымъ выразилось въ его заботахъ о написаніи новыхъ житій или похвальныхъ словъ имъ.

[2]) Преосв. Макарія—Ист. Р. Ц. VI, 218.

[3]) Разсказъ и перечень см. въ приложеніяхъ. Отсюда видно, что въ 1549 г. канонизованы: новгородскіе архіепископы Евѳимій и Іона, Стефанъ пермскій, Іаковъ ростовскій, князья Всеволодъ псковской и Михаилъ тверской, Савва Сторожевскій, Евѳимій суздальскій, Авраамій смоленскій, Савва Вишерскій, Евфросинъ псковской, Ефремъ Перекомскій, Григорій Пельшемскій и Максимъ, юродивый московскій; кромѣ того—двое сербскихъ и трое литовскихъ святыхъ. Перечень не полонъ, можетъ быть по винѣ писца: изъ списка 1547 года пропущены имена Михаила Клопскаго, Діонисія Глушицкаго и Павла Обнорскаго; въ списокъ 1549 года есть основаніе внести еще имена архіепископа новгородскаго Никона, царевича ордынскаго Петра, Ѳерапонта и Мартиніана бѣлозерскихъ. О послѣднихъ см. примѣчаніе на стр. 40 и ниже, стр. 273. Объ установленіи празднованія Нифонту Макаріемъ см. въ концѣ житія въ Пам. стар. русск. лит. IV, 8—9.

гихъ подвижниковъ, жившихъ до Макарія въ другихъ епархіяхъ; но житія святыхъ, здѣсь перечисленныхъ, были написаны еще до собора или писались во время его по порученію церковныхъ властей. На связь канонизаціи съ движеніемъ литературы житій особенно указываютъ въ упомянутомъ перечнѣ имена Саввы Сторожевскаго, Евфросина, Евѳимія суздальскаго и Ефрема: ихъ нѣтъ въ спискѣ 1547 года; но житія ихъ были написаны вскорѣ, подъ вліяніемъ епархіальныхъ изслѣдованій о новыхъ чудотворцахъ, и соборъ 1549 года, пополняя пробѣлы прежняго, установилъ празднованіе и этимъ святымъ. Наконецъ тѣже условія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на одно изъ основаній которыми руководился соборъ 1547 года, установляя однимъ святымъ всецерковное празднованіе, другимъ — мѣстное. Изъ 9-ти святыхъ, поименованныхъ въ спискѣ мѣстныхъ, только одному епископу тверскому Арсенію былъ до собора написанъ канонъ съ житіемъ; но послѣднее не попало въ минеи митрополита Макарія и это подтверждаетъ догадку, что оно съ канономъ осталось неизвѣстнымъ собору или не было ему представлено; житія остальныхъ не были еще написаны, но собору, вѣроятно, сообщили, что мѣстное населеніе воздаетъ и этимъ святымъ церковное чествованіе; по крайней мѣрѣ кромѣ епископа Арсенія это достовѣрно извѣстно о двоихъ другихъ, обозначенныхъ въ спискѣ мѣстныхъ, о Прокопіѣ и Іоаннѣ устюжскихъ. Это послѣднее обстоятельство открываетъ другой источникъ канонизаціи, церковно-административный. Есть основанія утверждать, что не только большая часть святыхъ, исчисленныхъ въ спискѣ всецерковныхъ, но и нѣкоторые изъ мѣстныхъ, если не всѣ чтились на мѣстахъ церковнымъ обрядомъ до собора; для первыхъ соборъ расширилъ чествованіе, а для послѣднихъ только подтвердилъ фактъ, уже существовавшій и дѣйствовавшій дотолѣ независимо отъ него. Такимъ образомъ есть замѣтная разница въ канонизаціи, совершившейся въ половинѣ XVI вѣ-

ка сравнительно съ прежней. Прежде мѣстное празднованіе святому установлялъ обыкновенно епархіальный епископъ съ мѣстнымъ соборомъ; всецерковная канонизація была рѣдкимъ явленіемъ; притомъ и то и другое являлось случайнымъ и единичнымъ актомъ, который вызывался развитіемъ чествованія извѣстнаго святаго въ мѣстномъ или во всемъ православномъ населеніи Руси, открытіемъ мощей, чудесами. Теперь канонизаціи приданъ характеръ собирательный, сдѣлана попытка ввести въ церковный календарь всѣхъ извѣстныхъ русскихъ чудотворцевъ и притомъ сдѣлать ихъ достояніемъ всей русской церкви; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія извѣстіе, что соборъ 1549 г. «предалъ Божіимъ церквамъ» для пѣнія и празднованія всѣ собранныя и свидѣтельствованныя житія и каноны новымъ чудотворцамъ, повидимому не раздѣляя послѣднихъ на общихъ и мѣстныхъ, какъ сдѣлалъ соборъ 1547 года; наконецъ церковное признаніе святаго становится дѣломъ общаго центральнаго собора русской церкви, а не епархіальной іерархіи [1]). Это сосредоточеніе канонизующей власти вмѣстѣ съ руководящей ею церковно-исторической мыслью собрать и обобщить частныя явленія, разсѣянныя на пространствѣ вѣковъ и епархій, можно признать однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ проявленій централизаціи, которая развивалась въ русской церкви объ руку съ государственной. Есть указаніе на то, какъ относились къ разсматриваемымъ соборамъ современники и какое значеніе придавали имъ многочисленные русскіе агіобіографы, вызванные ими къ дѣятельности. Одинъ изъ послѣднихъ, авторъ псковскихъ житій Василій, упомянувъ въ біографіи Сав-

[1]) Въ XVI в., если не ошибаемся, не встрѣчается случаевъ установленія мѣстнаго празднованія святому мѣстнымъ епископомъ. Даже благословеніе праздновать преп. Пафнутію Боровскому въ его обители, данное въ 1531 году, и такое же распоряженіе о преп. Іосифѣ Волоцкомъ въ 1578 г. исходитъ отъ митрополита „со всѣмъ священнымъ его соборомъ".

вы Крыпецкаго о соборномъ установленіи празднованія новымъ чудотворцамъ, замѣчаетъ, что съ того времени церкви Божіи въ Русской землѣ не вдовствуютъ памятями святыхъ и Русская земля сіяетъ православіемъ, вѣрою и ученіемъ «якоже вторый великій Римъ и Царствующій градъ: тамо бо вѣра православная испроказися Махметовою прелестію отъ безбожныхъ Турокъ, здѣ же въ Рустей земли паче просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ». Василій высказалъ не новую мысль: еще раньше выражалъ ее въ своихъ посланіяхъ псковской инокъ Филоѳей. Она развилась изъ событій половины XV вѣка: флорентійскій соборъ и паденіе Царьграда уронили въ глазахъ русскаго общества православный авторитетъ Византіи. Мысль, что Русь—последній Римъ, единственное хранилище чистаго православія, должна была внушать особенное вниманіе къ отечественной церковно-исторической святынѣ, и прославленіе русскихъ чудотворцевъ служило ей нагляднымъ выраженіемъ въ формѣ церковнаго обряда. Можетъ быть, указанный взглядъ служилъ однимъ изъ побужденій, вызвавшихъ соборы по дѣлу о новыхъ чудотворцахъ, и въ такомъ случаѣ въ немъ можно видѣть третій источникъ канонизаціи, церковно-историческій. Совокупное дѣйствіе всѣхъ указанныхъ источниковъ канонизація должно было утвердить и освятить господство церковно-реторическихъ формъ въ дальнѣйшей русской агіобіографіи.

Ни въ чемъ такъ наглядно не выразилась мысль митрополита Макарія, вызвавшая разсмотрѣнные соборы, какъ въ его четьихъ-минеяхъ. По задачѣ, положенной въ основаніе этого сборника, собрать и переписать «всѣ святыя книги, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются», минеи Макарія—самое отважное предпріятіе въ древнерусской письменности. Возможность такого предпріятія объясняется съ одной стороны богатствомъ новгородской письменности и матеріальными средствами новгородскаго владыки, не щадившаго «сребра и всякихъ поче-

стей» для различныхъ писарей, съ другой — направленіемъ всей дѣятельности Пафнутьевскаго постриженника, не отличавшагося творческимъ даромъ, но любившаго собирать, приводить въ порядокъ и украшать приготовленное прошедшимъ. Въ этомъ направленіи источникъ мысли объ общей канонизаціи русскихъ чудотворцевъ. Минеи представляютъ такую же попытку централизаціи въ области древнерусской письменности, какой были соборы 1547 и 1549 годовъ въ области русскихъ церковно-историческихъ воспоминаній. Во вкладной записи, написанной Макаріемъ въ ноябрѣ 1552 года и приложенной къ такъ-называемому успенскому списку миней, единственному полному экземпляру памятника, собиратель говоритъ: «а писалъ есми сія святыя великія книги въ Великомъ Новѣгородѣ, какъ есми тамо былъ архіепископомъ, а писалъ есми и сбиралъ и въ едино мѣсто ихъ совокуплялъ двадцать лѣтъ». Изъ вкладной, приложенной къ новгородскому софійскому списку миней, видно, что въ 1541 году этотъ списокъ въ составѣ 12 книгъ былъ оконченъ и подаренъ архіепископомъ Софійскому собору; іюльская книга этого списка, какъ видно изъ приписки въ концѣ ея, начата и кончена въ 1538 году. Отсюда слѣдуетъ, что работы надъ минеями Макарій предпринялъ въ 1529 — 1530 г. Но извѣстіе вкладной 1552 г. о 12-тилѣтнемъ трудѣ надъ минеями въ Новгородѣ не совсѣмъ точно опредѣляетъ ходъ ихъ составленія. Это извѣстіе относится къ одному софійскому списку, которымъ не завершилось образованіе сборника. Успенскія минеи, переписка которыхъ кончена къ 1552 году, не простой списокъ съ софійскихъ, а скорѣе другая, болѣе полная и обработанная ихъ редакція: кромѣ измѣненій въ порядкѣ статей встрѣчаемъ значительное количество произведеній, не попавшихъ въ софійскій списокъ и занесенныхъ въ успенскій; между ними есть памятники, которые впервые явились въ свѣтъ уже послѣ 1541 года,

когда кончены были софійскія минеи [1]). Такимъ образомъ минеи Макарія слагались долѣе 20 лѣтъ. Ни по цѣли ни по исполненію онѣ не могутъ назваться литературнымъ памятникомъ, не представляютъ литературной обработки запаса, накопившагося въ древнерусской письменности къ половинѣ XVI вѣка. Литературное участіе собирателя въ составленіи памятника ограничилось поправками въ языкѣ статей или, какъ онъ самъ замѣчаетъ во вкладной 1552 года, «исправленіемъ иностранскихъ и древнихъ пословицъ», переводомъ ихъ на русскую рѣчь. Даже редакторскій надзоръ его едвали простирался одинаково на весь составъ огромнаго сборника. Собирая и группируя рукописный матеріалъ, Макарій не успѣвалъ ни распредѣлить точно по минейной программѣ всѣ статьи, ни подвергнуть каждую изъ нихъ предварительному просмотру. На это указываетъ и размѣщеніе статей въ сборникѣ и неисправность текста въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и наконецъ признаніе самого собирателя, что иное онъ оставилъ не исправленнымъ и среди святыхъ книгъ гдѣ-нибудь могъ пропустить въ сборникъ «ложное и отреченное слово святыми отцы». Не смотря на это, минеи не лишены интереса и по отношенію къ литературной исторіи древнерусской агіобіографіи на Сѣверѣ. Къ послѣдней относится небольшое количество памятниковъ, около 40 въ числѣ 1300 всѣхъ житій, вошедшихъ въ составъ успенскаго списка миней. Но очень многія изъ этихъ русскихъ житій не сохранились въ спискахъ, которые были бы древнѣе макарьевскихъ. Далѣе, въ составѣ этого небольшаго отдѣла миней про

[1]) Таковы житія Александра Свирскаго, Іосифа Волоцкаго, Павла Обнорскаго, Евфросина Псковскаго, Александра Невскаго, митрополита Іоны первое написано въ 1545 г., второе не раньше 1545, третье не раньше 1546, остальныя въ 1547. Другія статьи, которыми пополненъ успенскій списокъ, см. въ „Замѣткахъ“ преосв. Макарія о софійскихъ минеяхъ въ Лѣтоп. русск. лит. и древности, изд. Н. С. Тихонравовымъ, кн. 1. отд. 3 стр. 71.

свѣчиваетъ литературный взглядъ Макарія на житіе. Собиратель соединилъ въ своемъ сборникѣ далеко не всѣ русскія житія, написанныя до 1530 года. Нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, остались неизвѣстны Макарію; но отсутствіе другихъ въ его минеяхъ объясняется другой причиной. Собравъ всѣ житія, написанныя до миней, но не попавшія въ нихъ, какія теперь извѣстны, легко замѣтить, что это — или краткія житія первоначальной неразвитой конструкціи или жизнеописанія, отличающіяся характеромъ простой біографіи историческаго лица и чуждыя агіобіографической реторики. Участіе литературнаго взгляда Макарія въ составѣ разсматриваемаго отдѣла миней особенно ясно обнаруживается на житіи Александра Невскаго: митрополитъ зналъ о существованіи древней біографіи князя, написанной современникомъ, но не допустилъ ея на страницы своихъ миней въ первоначальномъ видѣ, а поручилъ передѣлать ее по правиламъ господствовавшей реторики житій. При этомъ онъ самъ сознавалъ, что такое житіе не историческая повѣсть, и въ чисто-историческомъ сборникѣ, въ Степенной книгѣ помѣстилъ другую передѣлку житія, которая проще и полнѣе изображаетъ жизнь князя. Отсюда видно, въ какомъ смыслѣ должна была влiять на русскую агіобіографію любовь Макарія къ церковно-историческимъ литературнымъ памятникамъ и преданіямъ, выразившаяся въ его минеяхъ.

Достаточно краткаго библіографическаго обзора русскихъ житій, составленныхъ писателями Макарьевскаго времени и прежде всего тѣхъ, которыя написаны по непосредственному внушенію Макарія, чтобы видѣть, что движеніе, возбужденное въ русской агіобіографіи сверху канонизаціей и церковно-историческими наклонностями главы іерархіи, только утверждало господство установившихся литературныхъ формъ житія, не внося потребности въ болѣе широкомъ изученіи и въ менѣе условномъ пониманіи историческихъ фактовъ.

Первымъ по времени изъ житій, написанныхъ по распоряженію Макарія, была новая редакція біографіи Михаила Клопскаго, составленная въ 1537 году Василіемъ Михайловичемъ Тучковымъ. Неизвѣстно, почему архіеп. Филаретъ назвалъ этого писателя Михаиломъ, смѣшавъ его съ отцомъ, Михаиломъ Васильевичемъ Тучковымъ, дѣдомъ Андрея Курбскаго по матери [1]). Оба Тучковы, отецъ и сынъ были довольно извѣстные люди на Руси въ XVI в. и историческіе источники сохранили о нихъ достаточно свѣдѣній. Авторъ новой редакціи житія Клопскаго юродиваго въ похвалѣ святому дважды называетъ себя недостойнымъ рабомъ Василіемъ; тоже имя находимъ у современника, новгородскаго лѣтописца, который подробно разсказываетъ о происхожденіи новаго житія и называетъ автора сыномъ боярскимъ, тогда какъ Михаилъ Тучковъ ужевъ 1512 г. является окольничимъ, еще при великомъ князѣ Василіѣ былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ, а въ 1537 г. принадлежалъ къ числу старыхъ думныхъ бояръ [2]). Столь же ошибочно другое извѣстіе архіеп. Филарета, будто біографъ Тучковъ сталъ потомъ инокомъ Иліею, написавшимъ канонъ Михаилу Клопскому и житіе Георгія, мученика болгарскаго. По извѣстію, скрытому авторомъ въ канонѣ, послѣдній написанъ рукою пресвитера Иліи по благословенію новгородскаго архіепископа Макарія, слѣдовательно не позже 1542 года [3]). Житіе Георгія болгарскаго, по словамъ біографа, того же Иліи, составлено

---

[1]) Обзоръ русск. дух. лит. I, стр. 208. Р. Свят. янв. стр. 57.

[2]) П. С. Р. Лѣт. VI, 301.

[3]) Минея служ. XVII в. въ Тр. Серг. лаврѣ № 522: здѣсь въ службѣ Михаилу Клопскому второй канонъ въ начальныхъ словахъ и буквахъ своихъ стиховъ содержитъ извѣстіе: „въ царство благочестиваго христолюбиваго Іоанна всея Русіи самодержца, повелѣніемъ и благословеніемъ Макарія, святѣйшаго архіепископа богоспасаемыхъ градовъ Великаго Новаграда и Пскова благодарно сіе пѣніе принесеся всепреп. Михаилу Клопскому рукою презвитера Иліи“. Ср. сб. Рум. № 397, л. 109.

въ 1539 году. Отсюда видно, что еслибы этотъ Илія былъ Василій Тучковъ, мы не встрѣтили бы оффиціальнаго извѣстія, что на царской свадьбѣ въ 1547 г. была только жена Василія Михайловича Тучкова, а самъ онъ болѣлъ, убился съ коня и его мѣсто дружки съ невѣстиной стороны занималъ Морозовъ [1]). Разсказъ самого Тучкова въ послѣсловіи къ житію и извѣстіе современнаго лѣтописца согласно показываютъ, что побужденіе, вызвавшее новую редакцію, было чисто литературное. Макарій былъ недоволенъ «весьма простымъ» изложеніемъ древней редакціи и когда къ нему явился за благословеніемъ грамотей сынъ боярскій, пріѣхавшій въ Новгородъ собирать ратниковъ въ походъ и «издѣтска навыкшій велми божественнаго писанія», владыка упросилъ его «написать и распространить житіе и чудеса» Михаила, сообщивъ ему для этого древнюю редакцію. Согласно съ этимъ лѣтописецъ разсматриваетъ трудъ Тучкова исключительно со стороны литературной формы: «аще кто прочетъ самъ узритъ, како ветхая обнови иколми чудно изложи». При этомъ онъ не можетъ удержаться, чтобы простодушно не выразить своего удивленія передъ тѣмъ рѣдкимъ въ исторіи нашей литературы явленіемъ, какъ «отъ многоцѣнныя царскія палаты сей храбрый воинъ прежеписанный Василей свѣтлое око, и всегда во царскіихъ домѣхъ живый и мягкая нося и подружіе законно имѣя, и селика разумія отъ Господа сподобися». Самъ біографъ указываетъ образчики элементовъ своего книжнаго образованія, ссылаясь на житіе митрополита Алексія въ Степенной и на книгу о Тройскомъ плѣненіи, называя Омира и Овидія, Еркула и Ахилла. Въ этомъ книжномъ образованіи боярскаго сына объясненіе литературнаго мастерства и широкаго реторическаго размаха, обнаруженныхъ имъ въ похвалѣ святому и особенно въ пре-

[1]) Карамз. VIII, прим. 164.

дисловіи, гдѣ онъ, начавъ съ Адама, изложилъ очеркъ хода искупленія человѣчества и начало христіанскаго просвѣщенія Россіи, прибавивъ кстати новгородскую легенду о жезлѣ апостола Андрея. Но этимъ и ограничилась дальнѣйшая обработка житія въ новой редакціи [1]). Выше было указано, что источникомъ, по которому Тучковъ описалъ жизнь Михаила, служила редакція пророчествъ, которую мы считаемъ первой по времени литературной обработкой житія. Тучковъ не только не расширилъ фактическаго содержанія этой редакціи новыми чертами, но не исчерпалъ и того, что̀ давала она; напротивъ, сокращая разсказъ ея въ своемъ переложеніи, онъ впалъ въ неточности и ошибки, причина которыхъ или въ невнимательномъ чтеніи источника или въ особенныхъ соображеніяхъ редактора [2]). Встрѣчаемъ у Тучкова одну новую черту, впрочемъ не имѣющую значенія историческаго факта. Уже по древнѣйшей редакціи житія въ пророчествѣ Михаила о паденіи Новгорода замѣтна примѣсь народной легенды. У Тучкова эта легенда является въ болѣе развитомъ видѣ: предсказанію, выслушанному посадникомъ Немиромъ въ 1470 году, здѣсь предшествуетъ пророчество о томъ же, высказанное Михаиломъ архіепископу Евѳимію

---

[1]) Древнѣйшіе списки ея въ Макар. ч. мин. янв. по усп. сп. стр. 941 и въ волокол. сб. Моск. дух. ак. № 659, л. 344, № 632, л. 99: по этому послѣднему списку редакція Тучкова издана въ Пам. стар. русск. лит. IV, 36.

[2]) Такъ у него архіеп. новгородскій Евѳимій, рукоположенный въ 1434 году, ѣдетъ потомъ въ Москву къ митроп. Фотію, умершему въ 1431. Евѳимій ѣздилъ въ Москву въ 1437 году къ митр. Исидору. П. С. Р. Лѣт. III, 112. Развивая общими реторическими мѣстами разсказъ первой редакціи, Тучковъ по-своему измѣнялъ ея подробности, что̀ легко замѣтить при сличеніи обѣихъ редакцій, особенно въ статьяхъ о приходѣ Михаила на Клопско, о разбойникахъ, объ архіеп. Евѳиміѣ II. Фактическія черты, прибавленныя Тучковымъ, касаются постороннихъ обстоятельствъ и лучше извѣстны изъ другихъ источниковъ. См. Пам. стар. русск. лит. IV, 39 и 44.

его въ 1440 году, по случаю рожденія у великаго князя сына Ивана, будущаго разорителя обычаевъ вольнаго Новгорода. Другой болѣе простой по изложенію варіантъ этой новой легенды сохранился въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ, составленномъ въ концѣ XVI вѣка [1]). По простотѣ и живости разсказа онъ напоминаетъ первую редакцію житія Михаила и, можетъ быть, заимствованъ лѣтописью отсюда, хотя его нѣтъ въ немногихъ сохранившихся спискахъ этой редакціи. Благодаря разсмотрѣннымъ особенностямъ труда Тучкова историкъ едва ли можетъ воспользоваться въ немъ чѣмъ-нибудь фактическимъ кромѣ 4 посмертныхъ чудесъ, которыя прибавлены здѣсь къ одному, извѣстному по первой редакціи.

Выше было сказано о грѣшномъ пресвитерѣ Иліи, который по порученію Макарія написалъ канонъ Михаилу Клопскому. Изъ послѣсловія къ другому труду этого Иліи, къ житію Георгія, мученика болгарскаго, узнаемъ, что авторъ былъ іеромонахъ, служившій при домовой церкви новгородскаго владыки [2]).

---

[1]). Тамъ же стр. 45. П. С. Р. Лѣт. VIII, 108. Повидимому, Тучковъ и здѣсь по-своему измѣнялъ подробности источника. Въ лѣтописи Михаилъ пророчествуетъ „въ монастыри на Вержи, пришедшу къ нему архіепископу Еуѳимію“, то есть въ Клопской обители; по разсказу Тучкова это было въ Вяжицкомъ монастырѣ архіеп. Евѳимія, куда ходилъ Михаилъ посѣтить владыку. Подъ вліяніемъ этой легенды Тучковъ прибавилъ новую несообразность къ прежнимъ въ преданіи о пророчествѣ Михаила Немиру: блаженный, произнесшій пророчество Евѳимію въ день рожденія кн. Ивана, здѣсь говоритъ посаднику объ этомъ князѣ: „како, безуміи, сему противитися хощете, иже *прежде рожденія речено о немъ*, яко сему обычая ваша премѣнити?“

[2]) Списки житія въ Макар. ч. мин. по синод. сп. май, л. 1140, въ рукоп. Унд. XVI в. № 563, л. 640 и XVII в. № 297, Рум. XVII в. № 364, л. 412. Нач. „Иже апостольстіи намѣстницы суть и пріемницы дару и силѣ“. Въ послѣсловіи читаемъ: „Написано же бысть мученіе его и посылая въ Великомъ Новѣградѣ великія Россія, благословеніемъ и повелѣніемъ святѣйшего архіеп. Макарія... лѣта 47-го, а писалъ смиренный мнихъ и презвитеръ Илія церкви преп. Евѳимія Великаго, иже внутрь дому архіепи-

Обстоятельства, вызвавшія это житіе, и его характеръ даютъ любопытное указаніе на то, изъ какихъ источниковъ иногда черпались и какъ обработывались на Руси южнославянскія церковныя преданія. Илія написалъ житіе въ 1539 году. Незадолго до этого въ Новгородъ пришли съ Аѳона двое монаховъ, Митрофанъ и Прохоръ. Макарій принялъ ихъ радушно и сталъ спрашивать: какъ стоитъ христіанство и не велика ли нужда отъ поганыхъ? Гости много разсказывали ему о насиліяхъ скверныхъ Сарацынъ и повѣдали между прочимъ о мученіи св. Георгія. Владыка, добавляетъ Илія въ предисловіи, восхитилъ изъ устъ ихъ повѣсть точно пищу сладкую и повелѣлъ мнѣ описать подвиги мученика. Сохранилось болгарское сказаніе о томъ же Георгіѣ, написанное Средецкимъ священникомъ, который былъ очевидцемъ событія и принималъ близкое участіе въ мученикѣ [1]). Сличеніе обоихъ сказаній показываетъ, въ какомъ видѣ болгарское событіе дошло до русскаго читающаго общества. Средецкій священникъ написалъ подробную повѣсть, не чуждую книжныхъ пріемовъ житій. Въ основныхъ моментахъ разсказа и въ немногихъ подробностяхъ новгородская повѣсть напоминаетъ болгарскую; въ остальныхъ чертахъ обѣ онѣ такъ далеки другъ отъ друга, какъ будто говорятъ о раз-

---

скопова В. Новаграда". Въ спискѣ Макар. ч. миней и Рум. № 364 это мѣсто нѣсколько измѣнено и, очевидно, по опискѣ сказано, что житіе написано въ Псковѣ; вѣроятно, это дало Востокову поводъ сказать вопреки разсказу Иліи въ предисловіи, что первое извѣстіе о Георгіѣ привезено въ Псковъ и оттуда распространилось по Россіи. Оп. Рум. муз. стр. 526 и 596. Краткая ред. житія въ сб. Рум. половины XVI в. № 397, л. 375.

[1]) Оно напечатано по списку сербской редакціи XVIII вѣка г. Гильфердингомъ въ Лѣт. занятій Археогр. Комм. вып. 2. Нач. „Слова потрѣбу дарова намъ създави насъ Богъ, яко да разумеемь тайны Божіе“. Объ отношеніяхъ автора къ мученику см. стр. 6, 13, 16 и 18. Другое изданіе этого житія въ сербскомъ «Гласникѣ» 1867 г. кн. IV.

ныхъ мученикахъ. Можно было бы видѣть въ разсказѣ Илія дополненіе болгарской повѣсти, заимствованное изъ другаго источника, если бы обиліе противорѣчій, въ какія новгородская біографія вступаетъ съ болгарской, не заставляло подозрѣвать и въ остальныхъ подробностяхъ первой искаженіе дѣйствительныхъ событій [1]). Это объясняется характеромъ источника, изъ котораго черпалъ Илія. Изъ его разсказа видно, что онъ написанъ единственно со словъ аѳонскихъ пришельцевъ и послѣдніе не сообщили автору письменныхъ матеріаловъ для біографіи Георгія. Изъ словъ Средецкаго священника можно замѣтить, что онъ бывалъ на Аѳонѣ [2]). Можетъ быть, аѳонскіе иноки читали его повѣсть; вѣроятнѣе, что они знали о мученикѣ по слухамъ. Во всякомъ случаѣ, когда имъ пришлось разсказывать о немъ въ Новгородѣ болѣе 20 лѣтъ спустя послѣ событія, въ ихъ памяти удержались смутныя черты его, къ которымъ Илія прибавилъ отъ себя общія мѣста житій. Но вмѣстѣ съ неточными или неясными чертами жизни и страданія Георгія Илія записалъ со словъ пришельцевъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій о янычарахъ и объ отношеніяхъ Турокъ къ завоеваннымъ христіанамъ въ XVI вѣкѣ, извѣстій, которыхъ нѣтъ въ болгарской повѣсти и которыя имѣютъ цѣну показаній очевидцевъ [3]).

---

[1]) Наприм. по разсказу Илія Георгій родился въ городѣ Средцѣ (Софія), былъ сынъ здѣшняго вельможи Іоанна и пострадалъ 25-ти лѣтъ отъ роду, 26 мая 1514 года, при митрополитѣ Іереміи; по разсказу Средецкаго священника, бывшаго духовнымъ отцемъ Георгія, онъ родился въ городѣ Кратовѣ, былъ сынъ Димитрія, по смерти отца переселился въ Софію, гдѣ занимался кузнечнымъ ремесломъ, и пострадалъ 18-ти лѣтъ отъ роду, 11 февраля 1515 года, при митроп. Панкратіѣ.

[2]) См. Лѣт. Археогр. Комм. вып. 2, приложенія, стр. 6: говоря о патріархѣ Нифонтѣ, мощи котораго покоились на Аѳонѣ, авторъ замѣчаетъ: „сему азъ грѣшній сподобихсе мощи его видети и облобизати“.

[3]) Эти извѣстія см. въ началѣ повѣсти Илія.

Вскорѣ послѣ собора 1547 года по порученію митрополита Макарія написаны житія кн. Александра Невскаго и митр. Іоны. Имена обоихъ значатся въ спискѣ святыхъ, канонизованныхъ названнымъ соборомъ. Въ предисловіи къ житію кн. Александра біографъ прямо говоритъ, что данное ему порученіе было слѣдствіемъ соборнаго изысканія о чудесахъ князя [1]). Этими чудесами ограничивается все, что внесла редакція новаго въ фактическое содержаніе біографіи; самое жизнеописаніе въ ней большею частью дословное повтореніе древней повѣсти объ Александрѣ; только нѣкоторыя черты послѣдней, не соотвѣтствующія пріемамъ позднѣйшей агіобіографіи, сглажены въ новой редакціи или разбавлены общими мѣстами житій. Согласно съ такимъ происхожденіемъ и характеромъ новой редакціи составитель далъ ей заглавіе «похвальнаго слова», а не житія. По нѣкоторымъ выраженіямъ ея видно, что она составлена во Владимірѣ; нѣкоторыя чудеса авторъ записалъ со словъ очевидцевъ, монаховъ здѣшняго Рождественскаго монастыря, гдѣ покоились мощи святаго [2]). Въ житіи нѣтъ ближайшихъ указаній на личность автора. Но между службами новымъ чудотворцамъ, канонизованнымъ въ 1547 г., находимъ канонъ кн. Александру, написанный Михаиломъ, инокомъ названнаго монастыря [3]). Очень вѣро-

---

[1]) Эта редакція въ Макар. ч. мин. ноябр. стр. 2233. Нач. „Преблагый человѣколюбивый Господь изрядно свою благостыню на съгрѣшающихъ показуетъ". Ниже читаемъ: „Правящу же престолъ русскія митрополія пресвященному Макарію и повелѣніемъ самодръжца оному о семъ подвигшуся вседушьнѣ съ всѣмъ священнымъ съборомъ и изыскавше извѣстно съ всяцѣмъ испытаніемъ о чудесѣхъ, бывающихъ отъ честныя его раки, сице же ему и мене убогаго понудивщу списати сіе похваленіе". Житіе сопровождается 13 чудесами, бывшими „въ послѣдняя лѣта"; первое изъ нихъ— явленіе святаго во время Куликовскаго побоища, слѣдствіемъ чего было открытіе мощей князя; остальныя относятся къ XVI в., наприм. 7-е помѣчено 1541 г. Макар. ч. мин. ноябр. 2242.

[2]) Тамъ же стр. 2242 и 2243.

[3]) Сб. Рум. музея XVI в. № 397, л. 67. Въ сб. Тр. Серг. л. XVI—XVII в. № 624, л. 148 и въ синод. сб. XVII в. № 447, л. 402 службѣ

атно, что этотъ инокъ Михаилъ былъ на соборѣ 1547 г. въ числѣ представителей владимірскаго духовенства и получилъ отъ Макарія порученіе составить разсматриваемую редакцію житія. Этимъ объясняется ошибка архіеп. Филарета, который, смѣшавъ съ владимірскимъ инокомъ Михаиломъ боярина Михаила Тучкова, не бывшаго писателемъ, приписалъ ему вмѣстѣ съ службой св. князю и разбираемую редакцію житія [1]). Догадка о происхожденіи этой редакціи изъ Рождественской обители во Владимірѣ подтверждается однимъ современнымъ источникомъ. Почти въ одно время съ этой редакціей, какъ увидимъ ниже, но независимо отъ нея составлена была другая въ Псковской области біографомъ мѣстныхъ святыхъ Василіемъ. Встрѣчаемъ наконецъ третью обработку того же житія, сдѣланную также при митрополитѣ Макаріѣ [2]). Біографъ суздальскихъ святыхъ Григорій, писавшій около половины XVI в., въ похвальномъ словѣ русскимъ святымъ говоритъ о владимірскихъ инокахъ, описавшихъ добродѣтели Александра [3]). Если въ формѣ этого извѣстія видѣть опредѣленный намекъ на литературные факты, то мы въ правѣ заключить, что эта третья редакція подобно первой разсмотрѣнной написана въ половинѣ XVI в. инокомъ владимірской обители, гдѣ покоился князь. Въ нее вошла въ сокращеніи, иногда дословно выше описанная первая редакція съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ опущенныхъ тамъ чертъ древней біографіи. Но къ этому присоединены многочисленныя вставки изъ дру-

---

прилослана приписка съ извѣстіемъ о смерти и погребеніи князя и здѣсь замѣчено объ авторѣ службы: „сотворено смиреннымъ инокомъ Михаиломъ тоя же обители, идѣже блаженнаго тѣло лежитъ“.

[1]) Обзоръ I, стр. 208.

[2]) Степ. кн. I, 358. Синод. рукоп. № 277, л. 541.

[3]) Сл. Тр. С. Л. начала XVII в. № 337, л. 584: „Якоже же кн. Александръ Невскій, отецъ преподобный, его же любомудріе владимерстіи иноци слышавше и видѣвше почудишася и написаша достойно добродѣтели его.“

гихъ источниковъ: редакторъ старался повидимому соединить въ своемъ разсказѣ всѣ извѣстія объ Александрѣ, какія нашелъ въ лѣтописи, не забывъ повторить и Пахоміево сказаніе о смерти Батыя. За то изъ чудесъ, приложенныхъ къ первой макарьевской редакціи, онъ взялъ только два. Такой составъ редакціи показываетъ, что она написана спеціально для Степенной книги. Къ прочимъ двумъ редакціямъ она относится, какъ историческая повѣсть къ церковному панегирику; по крайней мѣрѣ такой характеръ хотѣлъ сообщить ей самъ составитель [1]).

Таково же отношеніе между редакціями житія митрополита Іоны, составленными при Макаріѣ. Въ четьи-минеи занесена реторическая редакція, названная въ заглавіи похвальнымъ словомъ и написанная по порученію Макарія въ 1547 году, въ одно время съ похвальнымъ словомъ кн. Александру и по одинаковому поводу, т. е. вслѣдствіе канонизаціи этихъ святыхъ на соборѣ 1547 года [2]). Слово писано неизвѣстнымъ авторомъ на мѣстѣ, гдѣ покоился святой, «посредѣ сего царствующаго и Богомъ спасаемаго града Москвы», и по литературному строю совершенно одинаково съ словомъ владимірскаго инока объ Александрѣ, такъ же отличается витіеватостью, обиліемъ общихъ мѣстъ и скудостью фактическаго содержанія. Другаго характера редакція житія, вошедшая въ Степенную книгу: по составу и изложенію она соотвѣтствуетъ помѣщенному тамъ же житію кн. Александра [3]). Подобно ему, эта біографія Іоны основана на

---

[1]) Выписывая чудо 1541 года, онъ замѣчаетъ о похвальномъ словѣ Александру: «Сія же различная чудеса довольно писана быша въ торжественномъ словеси его, въ сей же повѣсти сокращено *прочихъ ради дѣяній*». Степ. кн. по синод. рук. № 277, л. 573.

[2]) Макар. ч. мин. март. по усп. сп. стр. 1887. Нач. «Пріидѣте, возлюбленніи добріи послушници». Тоже въ синод. сб. № 555, л. 648.

[3]) Степ. кн. II, 69. Тоже въ рукоп. конца XVI в. Унд. № 322 и Тр. С. Л. № 692, л. 530, въ Ч. Мин. Тулупова № 675, л. 147 и Милютина март. л. 1146. Нач. «Сей святый и великій во святителехъ Іона

похвальномъ словѣ, опускаетъ или сокращаетъ реторическія мѣста послѣдняго и цѣликомъ выписываетъ изъ него біографическія извѣстія; но эти извѣстія она приводитъ въ связь съ другими событіями времени Іоны и для этого обильно дополняетъ похвальное слово заимствованіями изъ длиннаго ряда другихъ источниковъ [1]). —Но и эта редакція показалась неудовлетворительной. Кто-то, прочитавъ ее, исправилъ и распространилъ ея изложеніе, вставилъ изъ «лѣтописаній» и отдѣльныхъ сказаній новыя статьи о митрополитахъ Кипріанѣ и Фотіѣ, о флорентійскомъ соборѣ, о княженіи Василія Васильевича и о другихъ событіяхъ и лицахъ, имѣвшихъ какое-нибудь отношеніе къ судьбѣ Іоны, а для начала буквально выписалъ предисловіе изъ разсмотрѣннаго похвальнаго слова Іонѣ. Такъ составилась третья редакція житія, самый полный сводъ извѣстій о жизни митрополита [2]). Самое любопытное добавленіе въ этой редакціи разсказъ о соборахъ 1547 и 1549 г., помѣщенный между предисловіемъ и началомъ біографіи, съ перечнемъ святыхъ, которымъ эти соборы установили церковное празднованіе. Здѣсь находимъ извѣстіе, что до собора 1547 г. никто не попытался собрать въ одну повѣсть извѣстія объ Іонѣ, разсѣянныя въ раз-

---

бысть родомъ отъ мѣстъ града Галича». Въ похвалѣ, заканчивающей чудеса Іоны, читаемъ: «преосвященнаго господина нашего архіеп. Макарія, митрополита всея Руси, красящаго престолъ твой, въ мірѣ житіе исправити поспѣши».

[1]) Жизнь Іоны въ Симоновомъ монастырѣ описана по сказанію преп. Іосифа о святыхъ русскихъ отцахъ, объ Исидорѣ по повѣсти Симеона Суздальца о Флорентійскомъ соборѣ и по слуху съ Симеономъ въ Пахоміевомъ житіи преп. Сергія; разсказъ объ усобицѣ вел. кн. Василія съ Шемякой заимствованъ изъ лѣтописнаго источника, пророчество митроп. Іоны и новгородскаго архіеп. Іоны — изъ житія послѣдняго. Біографъ пользовался также повѣстью Пахомія о обрѣтеніи мощей св. митроп. Петра и сказаніемъ о построеніи Успенскаго собора.

[2]) Списокъ ея въ рукописи XVI–XVII вѣка, намъ принадлежащей.

ныхъ историческихъ сказаніяхъ, и это впервые сдѣлано по распоряженію названнаго собора, установившаго празднованіе памяти святаго. Повидимому и эта редакція составлена при Макаріѣ: такъ можно заключать потому, что она удержала въ похвалѣ выраженіе второй редакціи о митрополитѣ.

Изъ разсмотрѣнныхъ житій можно извлечь нѣсколько чертъ какъ для исторіи Степенной книги, такъ и для характеристики русской агіобіографіи времени Макарія. Похвальное слово кн. Александру, говоря въ предисловіи о святыхъ русскихъ отцахъ, «ихъ же прослави Богъ въ послѣдняя времена», прибавляетъ: «о нихъ же послѣдь скажемъ» [1]). Въ этихъ словахъ можно видѣть намекъ на житія и извѣстія о русскихъ святыхъ, помѣщенныя въ Степенной книгѣ. Если такая догадка основательна, то обработка этой книги начата или задумана послѣ собора 1547 года. Источники біографій кн. Александра и митр. Іоны, помѣщенныхъ въ Степенной, показываютъ, что онѣ составлены послѣ этого года; притомъ біографія Іоны разсказываетъ о чудесахъ, совершившихся при мощахъ святителя, когда въ Москвѣ находился принесенный съ Вятки чудотворный образъ Николы Великорѣцкаго. По лѣтописи и сказанію объ этой иконѣ, она принесена въ Москву въ 1555 г. и отнесена обратно въ 1556 году [2]). Изъ этого видно, что Макарьевская редакція Степенной составлялась послѣ четьихъ-миней, въ послѣдніе годы жизни митрополита. Особыя редакціи житій для Степенной служатъ еще доказательствомъ, что самъ Макарій и книжники его времени дѣлали различіе между житіемъ для четьихъ-миней и исторической біографіей, какая требовалась для историческаго сборника: въ минеи заносилось житіе, облеченное въ реторику похвальнаго слова; для Степенной нужно было жизнеописа-

[1]) Макар. ч. мин. нояб. стр. 2233.

[2]) Ник. VII, 237 и 269. Сказаніе въ рукоп. Импер. Публ. библ. изъ Погодинск. отд. № 935.

ное менѣе витіеватое, но болѣе обильное біографическими подробностями.

Приведенныхъ образчиковъ достаточно, чтобы видѣть ходъ развитія и характеръ Макарьевской литературы житій. Іерархическое положеніе Макарія, ставшаго митрополитомъ, давало ему еще больше средствъ для «изряднаго дѣла поискати святыхъ житія», которое, по словамъ іеромонаха Иліи, день и ночь занимало его въ Новгородѣ. Мы видѣли, какъ тотчасъ послѣ собора 1547 г. онъ умѣлъ найти писателей и въ Москвѣ и во Владимірѣ для житій мѣстныхъ святыхъ. Подобно этому прямое порученіе митрополита и соборное прославленіе святыхъ съ оффиціальными обысками всюду пробуждали мѣстныя церковныя воспоминанія и вызвали длинный рядъ мѣстныхъ грамотеевъ къ литературной обработкѣ этихъ воспоминаній. Въ четверть вѣка написано было о русскихъ святыхъ не меньше чѣмъ въ сто лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью Макарія. Чтобы точнѣе изобразить эту оживленную агіобіографическую дѣятельность, мы прослѣдимъ ее по мѣстностямъ.

Въ Москвѣ кромѣ обработки житія митрополита Іоны передѣлывалось и дополнялось житіе митрополита Алексія. Въ минеяхъ Макарія помѣщена передѣлка древняго краткаго житія съ новыми ошибками [1]). Изъ приписки къ составленной при Макаріѣ четвертой редакціи повѣсти о обрѣтеніи мощей св. Алексія видно, что послѣ Пахоміевой редакціи житіе святителя вновь было пересмотрѣно и дополнено спустя 108 лѣтъ по смерти Алексія, слѣдовательно около 1486 года [2]). Выше бы-

[1]) Макар. ч. мин. по усп. сп. февр. стр. 824.

[2]) Макар. ч. мин. май, л. 1087. Степен. по рукоп. Рум. № 414, л. 41?. Ср. выше стр. 136, прим. 3. Сказавъ о Пахоміѣ, приписка продолжаетъ: „По сихъ же минувшимъ лѣтомъ осмимъ ко сту пораспространена повѣсть сія истинно обрѣтаемыми сказаніи, яже преже не явлена быша имъ за неполученіе настоящаго тогда времени; написано же бысть послѣ-

ла указана третья редакція сказанія о обрѣтеніи мощей, дополненная новыми подробностями о церковномъ прославленіи Алексія и составленная до перенесенія мощей въ церковь его имени, построенную Геннадіемъ въ концѣ XV вѣка [1]). Въ одномъ позднемъ лѣтописномъ сборникѣ встрѣчаемъ «повѣсть объ Алексѣѣ митрополитѣ», изложеніе которой подновлено, но въ которой сохранилось указаніе, что она составлена до упомянутаго вторичнаго перенесенія [2]). Къ составу ея приложимы выписанныя слова приписки: это компиляція, составленная по нѣсколькимъ источникамъ, изъ которыхъ главными служили старыя редакціи житія, краткая и Пахоміевская; въ компиляціи чередуются почти дословныя выписки изъ обѣихъ [3]). Но обиліе источниковъ не только не помогло новому редактору исправить ошибки прежнихъ, напротивъ ввело его въ новыя: онъ приводитъ извѣстіе Епифанія, что въ началѣ княженія Симеона братъ Сергіевъ засталъ еще Алексія въ Богоявленскомъ монастырѣ, и однакожь откуда-то выводитъ, что Алексій былъ на-

---

ди по благословенію преосв. Макарія, митрополита всея Русіи, въ лѣта царя и вел. кн. Ивана Васильевича всея Русіи и при благовѣрномъ сынѣ его царевичѣ Иванѣ, о нихъ же, святителю Христовъ Алексѣе, не престай молитися ко Господу и о сохраненіи Богомъ дарованныя имъ державы".

[1]) Стр. 133. При Макаріѣ къ ней прибавлены чудеса 1518—1519 года, описанныя въ лѣтописи (Ник. VI, 217 и 220. П. С. Лѣт. VIII 265 и 267).

[2]) Ник. IV, 55; она же съ сокращеніями въ синод. сб. № 84, л. 162. Мощи св. Алексія перенесены изъ Благовѣщенскаго придѣла въ храмѣ Чуда въ церковь его имени между 1483 г., когда основана эта церковь, и 1501, когда храмъ Чуда разобранъ: между тѣмъ повѣсть, сказавъ, что мощи по обрѣтеніи положены въ Благовѣщенскомъ придѣлѣ, прибавляетъ: „идѣже суть и до сего дни".

[3]) Кромѣ того изъ лѣтописи взято извѣстіе о бояринѣ Акинеѣ (Ник. IV, 55 и III, 102); изъ Епифаніевскаго житія Сергія выписано извѣстіе объ отношеніяхъ Алексія къ Сергіеву брату Стефану.

мѣстникомъ у Өеогноста 12 лѣтъ и 3 мѣсяца, слѣдовательно взятъ изъ Богоявленскаго монастыря во дворъ митрополита еще въ княженіе Калиты [1]). Въ связи съ этой третьей редакціей житія стоитъ четвертая, составленная по распоряженію Макарія для Степенной [2]). Подобно другимъ редакціямъ такого происхожденія она стремится соединить въ себѣ всѣ извѣстія объ Алексіѣ, найденныя въ источникахъ. Взявъ за основаніе редакцію Пахомія, составитель вписалъ въ нее извлеченія изъ древняго краткаго житія, изъ редакціи выше разсмотрѣнной, изъ біографіи Сергія и особенно изъ лѣтописи; изъ послѣдней вмѣстѣ съ извѣстіями объ Алексіѣ онъ бралъ и извѣстія къ нему неотносящіяся, но помѣщенныя въ источникѣ рядомъ съ первыми, выписывалъ даже цѣлыя сказанія. Съ помощію лѣтописи онъ могъ внести болѣе правильный хронологическій порядокъ въ расположеніе статей и пытался даже разъяснить нѣкоторыя противорѣчія прежнихъ редакторовъ [3]).

Соборъ 1547 г. призналъ московскаго юродиваго Максима мѣстно-чтимымъ. Повѣсть о перенесеніи мощей его въ 1698 г.

---

[1]) Точно также новый редакторъ насчитываетъ 4 года для епископства Алексія во Владимірѣ, хотя въ томъ же лѣтописномъ сводѣ, гдѣ помѣщена эта редакція, сказано, что Алексѣй поставленъ во епископа 6 декабря 1352 года, за 3 мѣсяца до смерти Өеогноста, послѣ которой онъ вскорѣ поѣхалъ въ Царьградъ ставиться въ митрополита (Ник. IV, 65 и III, 201).

[2]) См. въ печатной Степ. и въ рукоп. Рум. № 414, л. 386. Изъ послѣднихъ словъ приведенной выше приписки къ сказанію о обрѣтеніи и перенесеніи мощей, сопровождающему житіе по этой редакціи, видно, что послѣдняя составлена не раньше 1554 года, когда родился царевичъ Иванъ.

[3]) Такъ по извѣстію древняго краткаго житія о 85 годахъ жизни Алексія онъ разсчиталъ, что святой родился при кн. Даніилѣ Александровичѣ, когда въ Переяславлѣ княжилъ Димитрій Александровичъ, слѣдовательно до 1294 года, и однакожъ удержалъ извѣстіе, что Алексій былъ 17 годами старше кн. Симеона Гордаго, слѣд. родился 1299 г. Изъ лѣтописи буквально выписана повѣсть о кн. Андреѣ кипрскомъ. Ср. Ник. IV, 13.

говоритъ о большой книгѣ житія и чудесъ его, находившейся въ церкви, гдѣ похороненъ блаженный [1]). Есть краткое житіе, повидимому болѣе ранняго происхожденія чѣмъ повѣсть, которое также говоритъ о пропажѣ первоначальнаго писанія о Максимѣ и оканчивается извѣстіемъ о обрѣтеніи мощей блаженнаго при постройкѣ церкви надъ могилой его и о соборномъ распоряженіи написать канонъ ему [2]). Въ рукописяхъ второй половины XVI в. находимъ этотъ канонъ, написанный какимъ-то Ѳеодоромъ. Въ рукописныхъ святцахъ обрѣтеніе мощей помѣчено 13 августа; но и соборъ 1547 года установилъ праздновать Максиму въ этотъ день, а не 11 ноября, когда преставился Максимъ. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ заключить, что обрѣтеніе произошло до собора, который на основаніи его канонизовалъ блаженнаго и велѣлъ составить ему службу. Въ сборникѣ житій и службъ новымъ чудотворцамъ, писанномъ въ началѣ второй половины XVI в., помѣщенъ краткій некрологъ Максима, по содержанію близкій къ указанному выше житію и составленный, можетъ быть, по пространному, написанному вмѣстѣ съ службой [3]).

---

[1]) Рум. сб. XVII—XVIII в. № 364, л. 632: „О святомъ же житіи его и чудесѣхъ глаголютъ мнози, еже была не малая книга написанная. но не вѣмъ, како изъ церкви изгибе или кто у прежде бывшихъ священниковъ взялъ ради списанія".

[2]) Тамъ же л. 326. Нач. „Тайну цареву добро есть таити". Въ концѣ л. 328: „и по нѣколицехъ временехъ (по преставленіи Максима) создаша церковь надъ гробомъ его во имя пр. Максима Исповѣдника каменную и въ созиданіи церкви обрѣтены быша честныя его и многоцѣлебныя мощи цѣлы и нетлѣнны. , и повелѣніемъ самодержца и благословеніемъ всего освященнаго собора составиша стихѣры и канонъ молебне и праздновати учиниша и предаша всей россійстей церкви".

[3]) Служба въ сб. Троицк. Серг. л. № 619, л. 282 и волокол. сб. Моск. дух. ак. № 381, л. 44: канонъ — „твореніе Ѳеодора". Некрологъ въ сб. Рум. № 397, л. 358.

Въ 1558 году въ Пахоміевой редакціи житія преп. Сергія прибавленъ новый рядъ чудесъ [1]). Раньше составлена и занесена въ минеи Макарія опущенная въ критико-библіографическихъ обзорахъ вторая редакція житія преемника Сергіева Никона [2]). Инокъ Маркеллъ въ біографіи Саввы Сторожевскаго, написанной около 1550 года, разсказавъ объ удаленіи Саввы изъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Звенигородъ, замѣчаетъ, «паки возводятъ на игуменство преп. Никона, якоже и въ житіи его сповѣдано бысть». Извѣстіе объ этомъ есть только во второй редакціи житія и опущено въ первой, Пахоміевой. Отсюда видно, что новая редакція вызвана соборнымъ постановленіемъ праздновать всею церковію Никону, дотолѣ чтимому мѣстно. Житіе, написанное вмѣстѣ съ службой Пахоміемъ въ половинѣ XV в., могло показаться слишкомъ краткимъ и сухимъ на литературный взглядъ Макарьевскаго времени. Такая догадка подтверждается отношеніемъ новой редакціи къ старой. Въ предисловіи авторъ обѣщается собрать и «извѣстнѣйше» изложить свѣдѣнія о святомъ. Но онъ прибавилъ только извѣстіе о временномъ удаленіи Никона отъ игуменства и поправку къ разсказу Пахомія о живописцахъ Андреѣ и Даниле [3]). За то новый редакторъ обильно распространилъ изложеніе Пахомія общими мѣстами житій и собственнымъ реторическимъ творчествомъ: такъ къ краткому извѣстію Пахомія, что Никона, просившагося въ Троицкій монастырь, Сергій послалъ къ ученику своему, Высоцкому игумену Аѳанасію, при-

---

[1]) И. Строева Оп. библ. Общ. Ист. и Др. Росс. стр. 144.

[2]) Макар. ч. мин. ноябрь, стр. 2007. Рукоп. Тр. С. лавры XVI в. № 692, л. 177. Эта редакція приложена къ печатному житію Сергія, изданному С. Азарьинымъ въ 1646 г. Староп. кн. Унд. № 126, л. 176. Нач. „Кто убо исповѣдати возможетъ многая и великая Божія дарованія“.

[3]) Послѣдней работой ихъ, по новой редакціи, было росписаніе не Троицкаго собора въ Сергіевомъ монастырѣ, а Спасскаго въ Андрониковомъ.

бавлен длинный діалог между Аѳанасіемъ и Никономъ, въ которомъ первый изображаетъ трудности монастырской жизни, а второй — свою рѣшимость и способность перенести ихъ.

Упомянутое житіе Саввы Сторожевскаго очень скудно біографическимъ содержаніемъ и старается восполнить его длиннымъ рядомъ чудесъ [1]). Самъ авторъ оговаривается въ предисловіи, что не нашелъ свѣдѣній о происхожденіи и воспитаніи святаго и вкратцѣ написалъ только объ иноческой его жизни. Здѣсь въ разсказѣ объ игуменствѣ Саввы въ Дубенской обители онъ пользовался житіемъ Сергія, извѣстіе объ игуменствѣ въ Сергіевомъ монастырѣ заимствовалъ изъ второй редакціи житія Никона. Послѣднія чудеса относятся ко времени Аѳанасія, игуменствовавшаго до 1550 года; житіе составлено около этого времени, не позже 1552 года, и потому успѣло попасть въ минеи Макарія. Самъ біографъ разсказываетъ о происхожденіи житія, что оно написано по порученію митрополита Макарія, вызванному ходатайствомъ Сторожевской братіи объ этомъ дѣлѣ [2]). Повидимому, авторъ не принадлежалъ къ этой братіи. Въ одномъ мѣстѣ житія онъ называетъ себя инокомъ Маркелломъ. Послѣ онъ жилъ и писалъ въ Новгородѣ и мы вернемся къ нему въ разборѣ группы псковскихъ и новгородскихъ житій.

Въ письменности XVI в. встрѣчаются два канона, посвященные двумъ псковскимъ святынямъ, одинъ обрѣтенію мощей св. князя Всеволода, другой знаменію Чирской чудотворной ико-

---

[1]) Макар. ч. мин. дек. стр. 33, Милют. іюнь, л. 1287, волокол. сб. XVI в. въ Моск. дух. ак. № 381, л. 125. Нач. „Яко же убо царскія утвари златомъ украшени съ многоцѣннымъ каменіемъ веселятъ очи зрящихъ нань“. Посмертныхъ чудесъ 26; первыя изъ нихъ, судя по именамъ игуменовъ, относятся къ XV в., послѣднія 17 къ XVI. См. списокъ настоятелей въ Опис. Сторож. монастыря, С. Смирнова, и поправки архіеп. Филарета въ Р. Свят. дек. примѣч. 20 и 22.

[2]) „Сему убо (Макарію) умолену бывшу отцы обители оноя и добр[е] о семъ подвигшуся и мене убогаго понудивше списати“.

ны [1]). Авторъ обоихъ названъ пресвитеромъ Филоѳеемъ. Кромѣ старца Евфросинова, или Елеазарова монастыря, оставившаго извѣстныя посланія къ псковскому дьяку Мунехину, съ этимъ именемъ является въ одномъ изъ чудесъ преп. Евфросина игуменъ его обители, жившій около того же времени [2]). Нѣтъ достаточныхъ данныхъ для рѣшенія, одно ли это лице и если не одно, которому изъ нихъ принадлежатъ указанныя произведенія. До насъ не дошло житія ни одного изъ основателей псковской Печерской обители; но свѣдѣнія о нихъ находимъ въ сказаніи о началѣ этого монастыря, написанномъ однимъ изъ его игуменовъ. Повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, составленная въ началѣ XVII вѣка, разсказывая объ осадѣ Пскова Баторіемъ, замѣчаетъ, что еще за 14 лѣтъ до этого «игуменъ Корнилій въ книзѣ лѣтописаніи своемъ» повѣдалъ о видѣніи, предвозвѣщавшемъ осаду. Корнилій умеръ въ 1570 году, за 11 лѣтъ до осады. По извѣстіямъ о Печерскомъ монастырѣ, занесеннымъ въ псковскую лѣтопись, можно предположить, что составитель послѣдней пользовался и лѣтописаніемъ Корнилія [3]). Трудно опредѣлить литературное отношеніе этой исчезнувшей монастырской лѣтописи къ повѣсти объ основаніи Печерскаго монастыря, сохранившейся въ немногихъ спискахъ [4]). Она составлена раньше лѣтописи, въ 1531 году, какъ прямо сказано въ концѣ ея. Авторъ не назвалъ себя въ ней по име-

---

[1]) Рум. № 397, л. 80 и 288.

[2]) Житіе преп. Евфросина въ Пам. стар. русск. лит. IV, 109. Оп. Рум. Муз. стр. 597. Обзоръ, арх. Филарета, стр. 185.

[3]) См. П. С. Р. Лѣт. IV, 293, 295, 302, 303, 306, 310, 312, 316, 318 въ примѣч. и далѣе.

[4]) Волоколам. сб. моск. дух. ак. № 659, л. 143—148: эти листы относятся къ той части сборника, которая писана въ 1536 г. Милют. ч. мин. іюль, л. 634. Нач. предисловія: „Вся убо яже въ лѣтѣ и яже подъ лѣтомъ бываемая Божія благодѣянія о человѣцѣхъ нелѣпо есть таити“.

ни, но легко догадаться, что это — игуменъ Корнилій [1]). Постриженникъ Печерской обители, пришедшій сюда, когда она только-что возникала изъ своего убожества, Корнилій засталъ еще живыхъ свидѣтелей ея основанія. Онъ слышалъ разсказы стараго Селиши изъ Изборска, который въ молодости ходилъ съ отцемъ на охоту къ Печерской горѣ, когда она была еще покрыта дремучимъ лѣсомъ, бесѣдовалъ о монастырѣ съ Святогорскимъ инокомъ Теруфіемъ, пасынкомъ того земца Ивана Дементьева, который около 1470 г. началъ первый разчищать Печерскую пустыню, поставивъ деревню около горы и въ послѣдствіи уступилъ монастырю землю подъ монастырскія постройки. Такіе источники внушаютъ полное довѣріе къ сказанію Корнилія, одному изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ для исторіи монастырской колонизаціи, особенно для опредѣленія связи ея съ земской.

Самымъ плодовитымъ біографомъ псковскихъ и новгородскихъ святыхъ былъ пресвитеръ Василій, въ иночествѣ Варлаамъ. Онъ разсѣялъ въ своихъ сочиненіяхъ скудныя и неясныя извѣстія о себѣ. Въ 1547 г. онъ написалъ житіе Евфросина по просьбѣ братіи основаннаго этимъ святымъ монастыря, какъ самъ разсказываетъ въ предисловіи. Въ 1550—1552 г. онъ описалъ жизнь и чудеса кн. Всеволода Мстиславича, погребеннаго въ Псковѣ: послѣднее (21-е) чудо помѣчено 1550 г.

---

[1]) Въ ряду Печерскихъ игуменовъ Корнилій, поставленный на эту должность въ 1529 году слѣдовалъ за Доровеемъ и Герасимомъ; въ предисловіи сказанія авторъ пишетъ: „По благословенію отецъ и иже прежемено бывшихъ злѣ игуменъ и священноиноковъ Доровея и Герасима, иже быша въ та лѣта, въ няже строился новый сей монастырь, и по совѣту и проразсужденіемъ всѣхъ яже о Христѣ братіи нашея, повелѣно бысть мнѣ худому и грѣшному написати сія“. Описавъ 6 лѣтъ, слѣдовавшихъ за освященіемъ монастырской церкви въ 1523 году, впродолженіе которыхъ игуменствовали Доровей и Герасимъ, авторъ останавливается и ничего не говоритъ объ управленія Корнилія, начавшемся въ 1529 году.

и житіе успѣло попасть въ минеи Макарія. Сохранилась редакція житія кн. Александра Невскаго, въ концѣ которой составитель называетъ себя Василіемъ. При сходствѣ литературныхъ пріемовъ есть и другія основанія видѣть въ этомъ Василіѣ біографа псковскихъ святыхъ: въ разсказѣ о Ледовомъ боѣ вставлена чисто-мѣстная подробность, содѣйствіе кн. Всеволода Александру. Въ сборникѣ, написанномъ въ Псковѣ въ началѣ второй половины XVI вѣка, находимъ краткое житіе Александра, которое составлено по редакціи Василія, очень мало распространенной въ древнерусской письменности [1]). По нѣкоторымъ выраженіямъ этой редакціи видно, что она явилась послѣ 1547 года. Въ предисловіи къ біографіи Саввы Крыпецкаго Василій говоритъ, что написалъ ее по просьбѣ Крыпецкой братіи въ 1555 году, вскорѣ по обрѣтеніи мощей [2]). Къ житію приложилъ онъ 10 чудесъ, изъ которыхъ первыя совершились еще до обрѣтенія мощей, послѣднія послѣ, между 1555 и 1564 г., слѣдовательно описаны біографомъ позднѣе житія. Разсказывая о обрѣтеніи и чудесахъ, ему предшествовавшихъ, онъ ссылается на слова иноковъ монастыря и не выставляетъ себя очевидцемъ; но изъ разсказа о 10-мъ чудѣ, которое Василію сообщено было въ 1555 г., видно, что онъ жилъ тогда въ Крыпецкой обители. Въ описаніи чудесъ 1558—1564 годовъ онъ называетъ себя уже священноинокомъ Варлаамомъ, замѣчая о преп. Саввѣ и кн. Всеволодѣ, что онъ сподобился «и житія святыхъ тѣхъ и чудодѣйствія ихъ и канонъ написати Саввинъ, еще ми въ то время бѣлыя ризы носящу и въ мірѣ живущу». Повидимому, онъ постригся въ Крыпецкомъ монастырѣ вскорѣ послѣ написанія житія Саввы. Одновременно съ

[1]) Румянц. Рук. № 397, л. 348.

[2]) Архіеп. Филаретъ пишетъ (Р. Свят. авг. стр. 134), что видѣніе инока Исаіи, предшествовавшее обрѣтенію, было въ 1547 г. Въ житіи и видѣніе и обрѣтеніе отнесены къ 1554 году. Синод. рук. № 633, л. 41.

позднѣйшими чудесами этого святаго Варлаамъ писалъ житія новгородскихъ владыкъ Никиты и Нифонта и повѣсть о мученикѣ юрьевскомъ Исидорѣ. Въ каждомъ изъ этихъ произведеній онъ говоритъ, что писалъ ихъ по порученію митрополита Макарія; но остается неизвѣстнымъ, гдѣ въ то время жилъ авторъ и почему на него пали эти порученія. Кромѣ канона Саввѣ въ рукописяхъ встрѣчаются списки каноновъ Евфросину и Георгію болгарскому съ именемъ автора пресвитера Василія [1]).

За біографію Евфросина Василій подвергся суровому приговору церковно-историческихъ критиковъ. Порицаніе вызвано главною частью въ содержаніи житія, разсказомъ о спорѣ между Евфросиномъ и представителями псковскаго духовенства по вопросу объ аллилуіи. Болѣе или менѣе остроумно и рѣшительно доказываютъ, что все, разсказываемое въ житіи о борьбѣ Евфросина за сугубую аллилуію и о видѣніяхъ перваго «списателя», создано фантазіей «жалкаго клирика, отдѣленнаго почти 70 годами отъ Евфросина, чтобы авторитетомъ святаго пустынника и близкаго къ нему по времени біографа освятить собственное мнѣніе [2]). Такіе выводы облегчались тѣмъ, что трудъ перваго біографа оставался неизвѣстнымъ. Уцѣлѣлъ списокъ повѣсти, носящей на себѣ признаки того источника, изъ котораго черпалъ Василій: ослабляя отвѣтственность этого біографа передъ критикой, она значительно измѣняетъ отношеніе последней къ самымъ фактамъ, сообщаемымъ въ житіи. Василій замѣчаетъ въ своемъ трудѣ, что прежній біографъ, у котораго онъ выписалъ разсказъ о его сонныхъ видѣніяхъ, писалъ о

---

[1]) Рукоп. Рум. №397, л. 219, 231 и 304.

[2]) Митроп. Евгеній въ Словарѣ писат. дух. чина I, 167 и 170. Рудневъ въ Разсужд. о ересяхъ и расколахъ, стр. 196 и слѣд. Преосв. Макарій въ Ист. русск. раск. стр. 32,37,66 и друг. Архіеп. Филаретъ въ Ист. Р. Ц. III, 180 и въ Р. Свят. май, прим. 151. Эти возраженія были высказаны уже въ XVII в. Доп. къ Акт. Ист. V, стр. 500.

Евфросинѣ «нѣкако и смутно, ово здѣ, ово индѣ». Совершенно такова по составу указанная повѣсть. Она носитъ заглавіе «житія и жизни преп. Евфросина»; но это собственно повѣсть о спорѣ по поводу аллилуіи; другія извѣстія о Евфросинѣ и его монастырѣ разсѣяны въ ней безъ порядка; авторъ излагаетъ ихъ въ видѣ отступленій отъ основнаго разсказа, по мѣрѣ того какъ ихъ касался послѣдній [1]). Здѣсь есть и разсказъ автора о видѣніяхъ безъ Василіевыхъ поправокъ. Такой составъ повѣсти объясняется тѣмъ, что витіевато разсказываетъ самъ авторъ о ея происхожденіи. Сперва онъ принялся за правильное житіе, началъ по порядку разсказывать о рожденіи и жизни святаго до зрѣлыхъ лѣтъ. Но когда дошелъ онъ до разсказа о путешествіи Евфросина въ Царьградъ для отысканія истины объ аллилуіи, біографомъ овладѣло недовѣріе къ своему разуму и способности изложить эту великую тайну. Смущенный чувствомъ безсилія, въ тревожномъ недоумѣніи напрасно брался онъ среди тишины глубокой ночи за «писало и хартію»; утомленный «маяніемъ печали», онъ закрылъ глаза и въ полуснѣ явились ему Евфросинъ съ Серапіономъ, ободряя его на дѣло. Но авторъ принялъ видѣніе за дѣйствіе нечистаго духа, хотя оно повторялось и на другую ночь; зная мало о Серапіонѣ, первомъ старцѣ, пришедшемъ къ Евфросину въ пустыню, онъ пошелъ и подробно распросилъ о немъ своего игумена Памфила [2]). Уже закра-

[1]) Единственный списокъ повѣсти перваго б ографа въ рукоп. Унд. XVI в. № 306, л. 1—112. Первые 14 листовъ заняты предисловіемъ, съ изысканной витіеватостью трактующимъ о нѣкоторыхъ догматахъ вѣры и любопытнымъ какъ типическій образчикъ богословствованія древнерусскихъ книжниковъ. Начало: «Ты еси царю единъ І. Христосъ, животворящее слово, преже вѣкъ безъ начала и всздѣ сый».

[2]) Памфилъ, третій игуменъ Евфросинова монастыря, былъ однимъ изъ 4-хъ братьевъ, которые въ разное время постриглись вмѣстѣ съ отцемъ своимъ у Евфросина; трое старшихъ были одинъ за другимъ первыми игуменами монастыря. Второй изъ нихъ Харламній сталъ игуменомъ еще до смерти Евфросина въ 1481 году (А. Эксп. I, № 108). Первый

дывалась въ него мысль «не вершити житія преподобнаго»; но на третью ночь явилась ему съ святыми старцами сама Богородица, открыла тайну божественной аллилуіи и повелѣла поставить ее во главѣ писанія. Уныніе исчезло, умъ просвѣтлѣлъ и авторъ написалъ новую повѣсть, съ новой задачей и по другой программѣ, вставивъ въ нее части своего прежняго труда, исправленныя и дополненныя при этомъ [1]). Изъ этого разсказа видно, что первый біографъ не былъ очевидцемъ Евфросина, пришелъ въ его монастырь уже по смерти основателя и написалъ свою повѣсть со словъ оставшихся сподвижниковъ святаго въ концѣ XV или въ началѣ XVI в., не позже 1510 г. Послѣднее подтверждается словами, съ которыми онъ обращается къ Пскову: «слыши же убо, паче слыши и зѣло внемли, христолюбивый граде Пскове, земля *свободная*»! Повѣсть начинается прямо споромъ Евфросина съ Іовомъ и его сторонниками объ аллилуіи; житіе выросло само собой изъ разсказа объ этомъ спорѣ, въ который авторъ вносилъ при случаѣ другія извѣстія о Евфросинѣ и его монастырѣ. Всю эту повѣсть Василій переписалъ въ своемъ житіи почти дословно, позволяя себѣ легкія перемѣны въ слогѣ и изрѣдка сокращая чрезвычайно многословное и растянутое изложеніе своего предшественника. Литературное участіе Василія въ новой редакціи ограничилось

біографъ разсказываетъ, что свое видѣніе Евфросина онъ повѣрялъ образомъ, который находился на его гробницѣ и былъ снятъ по волѣ иг. Памфила съ портрета, написаннаго еще при жизни святаго. Василій, передавая этотъ разсказъ, прибавляетъ, что архіеп. Геннадій, которому Памфилъ повѣдалъ о жизни и чудесахъ святаго, повелѣлъ «житіе его изложити». Отъ иг. Памфила осталось посланіе, писанное въ 1505 г. (Доп. къ А. И. I, №22) Этимъ опредѣляется нѣсколько время его игуменства.

[1]) Въ концѣ разсказа объ инокѣ Коновѣ (Унд. №306, л. 67) первый біографъ прибавляетъ: „Сіе же чудо и преднаписахъ въ житьи святаго и поставихъ и въ ряду чудесъ; понеже бо тамо паче нѣчто мало не исправихъ, не побрегохъ бо, досрочно испытуя сказателя, и сего ради здѣся паче исполнихъ исправленія мѣрѣ и поставихъ въ ряду бываемое„.

тѣмъ, что длинное предисловіе источника онъ замѣнилъ другимъ, поставилъ на своихъ мѣстахъ безпорядочно разсѣянные у перваго біографа разсказы о времени до спора и прибавилъ въ началѣ житія извѣстія о дѣтствѣ святаго, его постриженіи и основаніи монастыря на р. Толвѣ, а въ концѣ чудеса, совершившіяся послѣ перваго біографа, и похвальное слово святому [1]). Такъ падаютъ обвиненія въ вымыслахъ, взводимыя на Василія критикой: перо его было послушной тростью книжника—скорописца. Вся отвѣтственность падаетъ на перваго біографа, а его отношеніе къ событіямъ должно ослабить излишнюю подозрительность критиковъ. Онъ не былъ ученикомъ Евфросина, но былъ настолько близокъ къ его времени и ученикамъ, чтобы не отважиться на чистыя выдумки. Несправедливо было со стороны критики требовать точности равнодушнаго повѣствованія отъ полемическаго сочиненія; не біографъ виноватъ, если напрягали ученое остроуміе, чтобы доказать нелѣпость его сновидѣній. Отдѣливъ легко-уловимыя полемическія неточности въ разсказѣ перваго списателя, найдемъ, что основные факты въ его повѣсти, любопытные для характеристики духовныхъ интересовъ русскаго общества XV вѣка, подтверждаются современными извѣстіями другихъ источниковъ. Въ концѣ предисловія авторъ откровенно признается, что его повѣсть вызвана великимъ расколомъ въ церкви по вопросу объ аллилуіи и

---

[1]) Древнѣйшій списокъ Василіева житія Евфросина въ Макар. ч. мин. (въ синод. сп. май, л. 824). По другимъ спискамъ напеч. въ Пам. стар. русск. лит. IV, 67. Извѣстія, которыхъ нѣтъ у перваго біографа, наприм. о происхожденіи, постриженіи и поселеніи Евфросина на Толвѣ, получилъ Василій отъ упоминаемаго имъ въ предисловіи инока Маркелла, жившаго въ обители Евфросина съ конца XV в. Слѣдующій затѣмъ у Василія разсказъ о Серапіонѣ помѣщенъ первымъ біографомъ въ концѣ повѣсти, вслѣдъ за первымъ видѣніемъ, когда онъ узналъ отъ и. Памфила объ этомъ сподвижникѣ Евфросина; слѣдующій у Василія дальше рядъ разсказовъ о Филаретѣ и его 4-хъ сыновьяхъ вставленъ у перваго автора въ разсказъ о перепискѣ Евфросина съ архіеп. Евфиміемъ.

написана съ цѣлію оправдать двоеніе этой пѣсни [1]). Изъ вопроса, съ какимъ архіепископъ Геннадій, современникъ біографа, обращался къ Димитрію Греку, видно, что разномысліе объ этомъ предметѣ существовало въ концѣ XV в. въ новгородской епархіи. Извѣстіе, что этотъ расколъ волновалъ псковское общество уже въ юные годы Евфросина, т. е. въ началѣ XV вѣка, и онъ напрасно искалъ разрѣшенія вопроса у «церковной чади», подтверждается оффиціальными и литературными памятниками того времени [2]). Возможность того, что Евфросинъ нашелъ на Востокѣ, въ греческой церкви подтвержденіе своего обычая двоить аллилуію, указывается извѣстіемъ Димитрія Грека въ

---

[1]) Унд. №306, л. 10 и 11: „Нынѣ же убо великъ плевелъ укоренившеся и цвѣтетъ влъчець нечестія посреди съборныя апостольскыя церкви, и зѣло великъ прахъ впаде отъ невѣдѣнія и всорися въ церковномь оцѣ и се паче великъ расколъ въ Божіи церкви.. тяжкою бурею на два чина растръгшеся прею, раздѣлишася: двоащеи святая аллилугіа ти зазираютъ со укоризною на троащихъ.... Предъ троащими двоащеи свѣтяться яко день предъ нощію или яко солнце предъ мѣсяцемъ. И сего ради прохожу вамъ словомъ.... житіе великаго нашего отца Евфросина, да услышавъ бесѣду и повѣсть слова на разумъ пзеише, да сугубь вонмете обоихъ вину, троащихъ купно же и двоащихъ".

[2]) Н. С. Тихонравовъ нашелъ въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой лавры служебникъ XII в. съ сугубой аллилуіей. Толкованіе, изложенное въ извѣстномъ указѣ архіеп. Макарія о трегубой аллилуіи (Ист. Р. Раск., преосв. Макарія, стр. 30 и 31), выписано изъ статьи, помѣщенной въ спискѣ Златоуста XIV – XV в. (рукоп. Софійской библ. № 1264, л. 15 об.): „Уставъ о пѣтьи мефимона. Повелѣнье же Божьо глаголеть: пѣнью врѣмя, а молитвѣ часъ, а не яко то нѣціи блядословьци, не отъгоняеть свѣтъ заутреней ни тия вечерніи, не таково, все повелѣно въ уставленьи время творити, не тоже и ангели суть служать Богу беспрестани. Иже мнози поють подвоицю аллилугіа, а не втрегубиа, на грѣхъ собѣ поють. Пѣти: аллилугіа, аллилугіа, аллилугіа, слава Тобѣ, Боже. Аллилугіа речется; пойте Богу" и т. д. Великій кн. Василій Ивановичъ на смертномъ одрѣ произноситъ сугубую аллилуію (П. С. Лѣт. VI, 271). См. также посланіе митроп. Фотія въ Псковъ 1419 г. (Ист. Р. Раск., преосв. Макарія, стр. 5). Разборъ извѣстія о времени хожденія Евфросина въ Царьградъ въ Пам. стар. русск. лит. IV, 118.

упомянутомъ посланіи къ Геннадію, и непонятно, почему и восточные іерархи, присутствовавшіе на московскомъ соборѣ 1667 года, и позднѣйшіе церковные историки видѣли въ этомъ разсказѣ Евфросинова біографа клевету на греческую церковь[1]). Если архіеп. Геннадій недоумѣвалъ объ аллилуіи и только на основаніи письма Димитрія Грека призналъ безразличнымъ и двоеніе и троеніе, то напрасно находятъ страннымъ и подвергаютъ сомнѣнію отвѣтъ предшественника его Евѳимія, который отказался разрѣшить Евфросину спорный вопросъ, положивъ его на совѣсть цареградскаго паломника. Наконецъ фактъ, лежащій въ основаніи повѣсти, что такой формальный и неважный вопросъ способенъ былъ поднять бурю въ псковскомъ обществѣ и получить значеніе великой тайны въ глазахъ Евфросина и его противниковъ, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго въ виду почти современнаго спора о хожденіи по-солонь и краткаго, но выразительнаго извѣстія новгородской лѣтописи подъ 1476 годомъ: «той же зимы нѣкоторые философове начаша пѣти *Господи помилуй*, а друзѣи *Осподи помилуй*»[2]).

Въ предисловіи къ біографіи кн. Всеволода авторъ откровенно признается: «а еже отъ младыхъ ногтей житіе его не свѣмъ и не обрѣтохъ нигдѣже». Это житіе довольно плохо составлено изъ немногихъ лѣтописныхъ извѣстій о дѣятельности князя въ Новгородѣ и Псковѣ; отъ себя прибавилъ авторъ анахронизмъ, отнесъ дѣятельность князя ко временамъ Ливонскаго ордена, назвавъ его «оборонителемъ и забраломъ граду Пскову отъ поганыхъ Нѣмецъ». Лучше разсказано о обрѣтеніи

---

[1]) Димитрій Грекъ пишетъ Геннадію (сб. волокол. въ моск. дух. ак. № 491, л. 486): „Мнѣ ся помнитъ, что и у насъ о томъ споръ бывалъ межъ великихъ людей: иніи обоя единако судили... Ино какъ ни молвитъ человѣкъ тою мыслію, такъ добро».

[2]) П. С. Р. Лѣт. IV, 130.

и перенесеніи мощей въ 1492 году: здѣсь авторъ имѣлъ подъ рукой «нѣкое малое писаніе» и пользовался изустными разсказами старца клирика Ивана, «добрѣ вѣдуща яже о святемъ повѣствованія отъ неложныхъ мужей псковскихъ старѣйшихъ». По отношенію къ исторіи Пскова въ первой половинѣ XVI в. не лишены интереса чудеса, разсказанныя со словъ самихъ исцѣленныхъ или очевидцевъ.—Житіе кн. Александра-реторическая передѣлка древней повѣсти современника въ томъ видѣ, какъ она помѣщалась въ лѣтописныхъ сборникахъ XVI вѣка, т. е. съ добавками изъ лѣтописей; Василій даже не приложилъ къ своему труду позднѣйшихъ чудесъ, описанныхъ современнымъ ему владимірскимъ редакторомъ житія; за то онъ смѣлѣе этого послѣдняго измѣнялъ текстъ оригинала, внося въ него свое обычное многословіе. Главными пособіями при этомъ служили ему Антоніево житіе кн. Ѳеодора ярославскаго и Пахоміево сказаніе о кн. Михаилѣ черниговскомъ. Изъ перваго онъ буквально выписалъ обычную лѣтописную характеристику благочестиваго князя, замѣнивъ ею живое изображеніе Александра, сдѣланное древнимъ біографомъ; оттуда же взятъ разсказъ о нашествіи Батыя. По сказанію Пахомія онъ составилъ витіеватое предисловіе къ своему труду и разсказалъ о смерти Батыя. Но характеризующій древнерусскаго біографа недостатокъ чувства грани между историческимъ фактомъ и реторическимъ образомъ особенно рѣзко выступаетъ въ разсказѣ Василія о поѣздкѣ Александра въ орду: все, что̀ сообщаетъ о путешествіи черниговскаго князя къ хану Пахомій, подражатель его перенесъ на Александра, давъ только другой исходъ разсказу.— Житіе Саввы Крыпецкаго обильнѣе содержаніемъ и по характеру источниковъ внушаетъ болѣе довѣрія. Біографъ пользовался разсказами старцевъ монастыря, которыхъ называетъ самовидцами чудесъ святаго и между которыми не могли еще погаснуть свѣжія воспоминанія объ ос-

нованія монастыря и объ основателѣ, умершемъ въ концѣ XV вѣка; у Василія, повидимому, были въ рукахъ акты о пріобрѣтеніи селъ монастыремъ и о введеніи въ немъ общежитія при жизни Саввы. Можно однако замѣтить, что монастырское преданіе о происхожденіи основателя къ половинѣ XVI в. успѣло замутиться. Въ біографіи Саввы Василій словами Тучкова изъ житія Михаила Клопскаго предупреждаетъ, что ни отъ кого не могъ узнать объ этомъ, но въ похвальномъ словѣ замѣчаетъ, что одни выводятъ святаго изъ Сербской земли, а другіе съ Святой Горы. Въ проложномъ сокращеніи Василіева житія, составленномъ вскорѣ, къ этимъ преданіямъ прибавлено третье, будто Савва родомъ изъ Литвы.—Молчаніе современной псковской и новгородской лѣтописи не позволяетъ опредѣлить степень точности Варлаамова разсказа объ Исидорѣ и товарищахъ его страдальческой кончины въ городѣ Юрьевѣ. Впрочемъ легко замѣтить въ этомъ разсказѣ несообразности, внушающія подозрѣніе къ мысли, которую старается провести авторъ, будто судьба мучениковъ была слѣдствіемъ стремленія городскаго начальства обратить ихъ въ католицизмъ, а не уличнаго столкновенія, вызваннаго православнымъ празднованіемъ 6 января. Въ опредѣленіи времени событія у автора есть противорѣчіе: онъ говоритъ, что это было въ 1472 году, при новгородскомъ архіепископѣ Іонѣ, который умеръ въ 1470 году. Витіеватое и многословное изложеніе повѣсти носитъ сильный полемическій оттѣнокъ; но нѣтъ указаній на источники ея фактическаго содержанія [1]).

---

[1]) Житіе кн. Всеволода въ Макар. ч. мин. февр. и въ сб. Рум. XVI в. № 397, л. 390. Первое чудо съ посадникомъ Елисеемъ Каклинымъ помѣчено въ житіи 1484 г. Псковская лѣтопись упоминаетъ о посадникѣ Елисеѣ Окинѳовичѣ подъ 1475 г. (П. С. Р. Лѣт. IV, 250). Предисловія къ первому и 21-му чуду Василій буквально выписалъ у Тучкова изъ житія Михаила Клопскаго.—Василіево житіе кн. Александра рѣдко

Въ житіи Нифонта Варлаамъ едва прикрываетъ многословіемъ недостатокъ своихъ свѣдѣній о святомъ. Происхожденіе изъ кіевской области и постриженіе въ Печерскомъ монастырѣ— вотъ всѣ черты біографіи до епископства Нифонта, въ которыхъ можно видѣть дѣйствительные факты. Другая половина житія, описывающая дѣятельность епископа въ Новгородѣ, отношенія къ митрополиту Клименту и обстоятельства кончины, немного богаче фактами. Біографъ не указываетъ ясно своихъ источниковъ, замѣчая, что объ имени родителей Нифонта «въ повѣстехъ нигдѣже писаніе не объяви». Одною изъ «повѣстей» служило почти дословно переписанное Варлаамомъ изъ Печерскаго патерика сказаніе о Нифонтѣ. Извѣстно, что это сказаніе принадлежитъ къ числу прибавочныхъ статей патерика, входящихъ не во всѣ его списки. Можно прослѣдить его библіографическую исторію. Въ спискахъ первой Кассіановской редакціи патерика, составленной въ 1460 г., нѣтъ этого сказанія; но въ концѣ патерика встрѣчаемъ рядъ лѣтописныхъ извѣстій о Печерскомъ монастырѣ, въ томъ числѣ и извѣстіе о

встрѣчается въ рукописяхъ; полный списокъ его въ ч. мин. Германа Тулупова, рукоп. Тр. Серг. Л. № 671, л. 158. Нач. „Что реву или что возглаголю о доблести и мужествѣ и подвизаніи въ молитвахъ?". Въ рукоп. Унд. №274 безъ предисловія.—Житіе Саввы въ синод. рук. XVI -XVII в. № 633, л. 15; здѣсь къ 19 чудесамъ, описаннымъ Василіемъ, прибавлены разсказъ „священноепископа Геннадія" о своемъ исцѣленія и два позднѣйшихъ чуда 1581 и1598 г. Предисловіе къ житію выписано изъ Тучковской біографіи Михаила; начало: „По страсти Г. нашего І. Христа". Краткое житіе въ рук. Рум. № 397, л 385: „Сей убо преп. отецъ нашъ Савва рожденія имѣя и воспитаніе и ангельскаго образа восріатіе въ туждыхъ странахъ, не свѣмы, коея земли святый жительство имѣяше... Но слышахъ отъ нѣкихъ человѣкъ, въ повѣстехъ обносимо бѣаше о семъ блаженнемъ Саввѣ: ови глаголютъ, яко отъ Сербьскія земли ему пришедшу или отъ Св. Горы, а инѣмъ глаголющимъ, яко Литовская страна породи и воспита того". Повѣсть объ Исидорѣ въ сб. гр. А. С. Уварова № 911, л. 320.

Нифонтѣ [1]). Здѣсь читаемъ о постриженіи кн. Святоши въ 1105 г., о вписаніи въ синодикъ имени преп. Θеодосія въ 1108, о смерти Нифонта въ Печерскомъ монастырѣ въ 1156 съ разсказомъ о его предсмертномъ видѣніи, наконецъ о смерти печерскаго архимандрита Поликарпа въ 1182 и о избраніи попа Василія на его мѣсто [2]). Первыя два извѣстія принадлежатъ еще начальному печерскому лѣтописцу и показываютъ, откуда взяты остальныя: они записаны въ монастырѣ и изъ его записокъ перенесены какъ въ кіевской лѣтописный сводъ, такъ и въ Кассіановскую редакцію патерика. На такое происхожденіе извѣстія о Нифонтѣ указываетъ и его составъ: оно говоритъ сначала о пріѣздѣ Нифонта въ Кіевъ и о смерти его, потомъ передаетъ разсказъ Нифонта о его предсмертномъ видѣніи, далѣе краткую характеристику епископа и наконецъ одинъ эпизодъ изъ его жизни — о борьбѣ съ Климомъ. Во второй Кассіановской редакціи патерика, составленной въ 1462 году, эта лѣтописная записка о Нифонтѣ была обработана въ особое сказаніе, въ которомъ части ея приведены въ порядокъ и которое получило въ патерикѣ мѣсто совершенно не по праву между сказаніемъ Нестора о первыхъ печерскихъ черноризцахъ и посланіемъ епископа Симона къ Поликарпу [3]). Это сказаніе и заимствовалъ изъ патерика Варлаамъ, вставивъ въ него извѣстіе о смерти и обрѣтеніи мощей современника Нифонтова, кн. Всеволода Мстиславича, о построеніи Нифонтомъ Мирожскаго монастыря и посла-

---

[1]) См. эту редакцію по новгородскому списку Моисія 1554 г. въ синод. рукоп. № 216, л. 132 и по копіи въ Милют. ч. мин. (май, л. 430), снятой съ списка 1462 г., сдѣланнаго въ московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

[2]) См. эти извѣстія въ П. С. Лѣт. I, 120 и 121. II, 79 и 126.

[3]) См. эту редакцію по списку XV в. въ рукоп. Рум. № 305, л. 129 и по сп. XVI в. въ рукоп. гр. Уварова (по катал. Царск.) № 296, л. 147.

ніе патріарха къ Нифонту. Извѣстіе о Всеволодѣ Варлаамъ взялъ изъ своей біографіи этого князя; источникъ остальныхъ прибавокъ угадать трудно, если имъ не было изустное преданіе Мирожскаго монастыря. Посланіе патріарха, можетъ быть, сочинено самимъ біографомъ; но нѣтъ основанія отвергать извѣстіе о кіевскомъ происхожденіи Нифонта, тѣмъ болѣе что мнѣніе, считающее его Грекомъ, есть догадка, не имѣющая достаточной опоры [1]). Не встрѣчаемъ въ житіи ни одной черты, по которой можно было бы заключить, что біографъ пользовался лѣтописью.

Минеи Макарія сохранили житіе полоцкой княжны св. Евфросиніи. По составу и литературному характеру оно напоминаетъ реторическія житія XV—XVI вѣка; но живость и обиліе біографическихъ чертъ вмѣстѣ съ остатками стариннаго языка заставляетъ предполагать у біографа какой-нибудь болѣе древній источникъ [2]).

Біографическая письменность, возбужденная въ Новгородѣ архіепископомъ Макаріемъ, продолжалась и по отъѣздѣ его въ Москву какъ въ центрѣ, такъ и въ пустынныхъ монастыряхъ новгородской епархіи. Въ 1545 году, 12 лѣтъ спустя по смерти Александра Свирскаго, игуменъ его монастыря Иродіонъ, по внушенію Макарія и архіепископа Ѳеодосія, описалъ жизнь своего учителя. Постриженникъ Александра, ставшій іеромонахомъ еще при жизни его, біографъ зналъ объ основаніи монастыря и о прежней жизни святаго по разсказамъ самого Александра и его первыхъ сподвижниковъ. Такіе источники внуша-

---

[1]) Преосв. Макарія Ист. Р. Ц. III, 10.

[2]) Мак. ч. мин. по синод. сп. май, л. 1014. Нач. „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ". Архіеп. Филаретъ (Обзоръ I, 58) относитъ житіе къ 1200 году, указывая на пергаменный списокъ его XIV в. въ Львовскомъ монастырѣ: но безъ сомнѣнія это — житіе Евфросиніи восточной, а не русской.

ваетъ довѣріе къ его обширному и обильному любопытными подробностями труду. — Въ тѣсной связи съ этимъ житіемъ стоитъ біографія Ефрема Перекомскаго. Трудно представить себѣ болѣе внѣшнее или безсильное отношеніе біографа къ своему дѣлу. Авторъ почти цѣликомъ переписалъ житіе Александра Свирскаго, поставивъ только другія имена лицъ и мѣстъ и кой-гдѣ легко измѣнивъ ходъ разсказа. Это, конечно, дѣлало неизбѣжнымъ искаженіе дѣйствительныхъ событій, чѣмъ объясняется множество противорѣчій, которыя легко замѣтить при чтеніи житія [1]). Такъ читаемъ, будто Ефремъ, умирая, предоставилъ выборъ игумена изъ назначенныхъ имъ кандидатовъ архіепископу Пимену (1552—1570); отсюда можно только заключить, что житіе написано не раньше 1552 г. Въ такомъ случаѣ авторомъ его едва ли могъ быть обозначаемый во всѣхъ спискахъ житія ученикъ Ефрема Романъ, котораго святой уже въ 1486 г. избралъ однимъ изъ кандидатовъ на игуменство; притомъ ученикъ не могъ такъ плохо знать жизнь своего учителя и наполнить его біографію такими ошибками. Житіе говоритъ о празднованіи памяти святаго, которое, какъ извѣстно изъ другаго источника, установлено было въ 1549 г. Есть извѣстіе, что перенесеніе мощей Ефрема произошло въ 1545 г., 22 года спустя по смерти его, при иг. Романѣ. Въ самомъ житіи можно замѣтить, что его хронологическія показанія вообще раньше обозначаемыхъ ими событій; притомъ и по его разсказу каменная церковь построена Ефремомъ въ княженіе Василія Ивановича. Изъ этого, повидимому, можно заключить, что житіе написано какимъ-нибудь простодушнымъ монахомъ второй половины XVI вѣка, котораго поздніе списки назвали игуме-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ указаны архіеп. Филаретомъ (Р. Св.ят. сент. 155—160) и въ Ист. р. іерарх. V, 467—472; но составители обоихъ сочиненій исправляютъ ошибки по-своему, исходя изъ предположенія, что основа житія заслуживаетъ довѣрія.

номъ Романомъ, а Ефремъ преставился не въ 1486 году, а въ началѣ XVI вѣка, чѣмъ устраняются основныя несообразности въ разсказѣ житія [1]).

Неизвѣстно, гдѣ жилъ инокъ Маркеллъ около 1550 г., когда писалъ житіе Саввы Сторожевскаго. Въ началѣ 1555 г. онъ присутствовалъ на московскомъ церковномъ соборѣ уже въ качествѣ игумена Хутынскаго. Новгородская лѣтопись, говоря о пріѣздѣ его въ Новгородъ въ 1555 съ архіепископомъ Пименомъ послѣ собора, дѣлаетъ неясную замѣтку, изъ которой можно заключить, что Маркеллъ жилъ прежде въ Пафнутьевомъ боровскомъ монастырѣ. Но уже въ концѣ 1557 г. онъ оставилъ игуменство, поселился въ Антоніевомъ монастырѣ, «да сотворилъ житіе Никитѣ, епископу новгородскому, и канунъ» и уѣхалъ въ Москву не задолго до открытія мощей Никиты, которое совершилось 30 апрѣля 1558 года [2]). Ясно, что эти житіе и канонъ ничего не говорили объ открытіи мощей и были написаны на память преставленія святаго. Встрѣчается въ рукописяхъ канонъ такого содержанія, въ которомъ по начальнымъ буквамъ стиховъ 9-ой пѣсни можно прочитать имя Маркелла. Но между извѣстными редакціями житія Никиты кромѣ статьи Поликарпа въ посланіи къ архим. Акиндину нѣтъ ни

---

[1]) Житіе Александра Свирскаго въ Мак. чет. мин. по усп. сп. стр. 2265 сб. Тр. Серг. л. XVI в. № 692, л. 214, въ синод. рукоп. XVI—XVII в. № 874, л. 22. Нач. „Молю же убо преподобство ваше". Житіе Ефрема въ сб. гр. А. С. Уварова XVIII в. № 911, л. 7. Начало тоже. Подобно житію и служба Ефрему есть копія съ службы другому святому, Саввѣ Вишерскому. О перенесеніи мощей въ Ист. росс. іер. V, 473. Въ святцахъ неопредѣленно сказано: „Ефремъ бѣ въ лѣта 6900". Время рожденія Ефрема обозначено 4-мя показаніями, изъ которыхъ 3 противорѣчатъ другъ другу: 20 сент. 6921 г. при царѣ Василіѣ Ивановичѣ, при митроп. Фотіѣ и архіеп. новгородскомъ Евеиміѣ, строителѣ Вяжицкаго монастыря (1429—1458).

[2]) Ник. VII, 232. Р. С. Р. Л. III, 157, прим. *и*, 158. Маркеллъ прожилъ въ монастырѣ Антонія 6 мѣсяцевъ съ 28 окт. 1557 г.

самой, которая не знала бы о обрѣтеніи мощей святаго; есть только похвальное слово, которое въ нѣкоторыхъ рукописяхъ помѣщено рядомъ съ упомянутой службой и подобно ей написано на память святаго 30 января. Это слово дѣлаетъ краткій очеркъ жизни Никиты по Поликарпу, опуская разсказъ послѣдняго объ искушеніи печерскаго затворника, и его, по всей вѣроятности, разумѣлъ новгородскій лѣтописецъ [1]. — Гораздо интереснѣе и обширнѣе другая редакція житія Никиты, составленная игуменомъ Іоасафомъ, занявшимъ потомъ каѳедру вологодской епископіи. Она составлена, какъ пишетъ самъ біографъ, по распоряженію архіепископа Пимена, который, видя чудеса отъ гроба новоявленнаго святаго, «не терпѣлъ безъ написанія быти». Іоасафъ подробно описалъ эти чудеса и предшествовавшее имъ обрѣтеніе мощей, которымъ и былъ вызванъ его трудъ. Разсказъ Поликарпа о Никитѣ переписанъ у Іоасафа почти дословно, а извѣстія о рожденіи Никиты въ Кіевѣ и о постриженіи его въ Печерскомъ монастырѣ въ юности составлены по соображеніямъ редактора: Никита, по разсказу Поликарпа, былъ инокъ кіевскаго монастыря, слѣдовательно и родился во градѣ Кіевѣ; игуменъ Никонъ у Поликарпа называетъ Никиту юнымъ, слѣдовательно послѣдній въ юномъ возрастѣ пришелъ въ монастырь, и изъ этого редакторъ создаетъ бесѣду Никиты съ Никономъ, который передъ постриженіемъ испытывалъ юношу, будетъ ли онъ въ силахъ

---

[1]) Это слово помѣщено въ январской четьи-минеѣ, писанной іеродіакономъ Герасимомъ новгородцемъ въ 1567 году (рукоп. Е. В. Барсова). Рядомъ съ службой оно въ сб. Тр. С. Л. № 692, л. 35. Нач. „Въ память вѣчную будетъ праведникъ“. Авторъ замѣчаетъ: „Рожденіа же его мѣста и родителема именованіа обрѣсти не возмогохомъ, токмо свидѣтельство пріемше ото онѣхъ отецъ Печерскаго монастыря иже въ Кіевѣ, яко ту во обители ихъ блаженному оному ангельскаго образа сподобльшуся“.

терпѣть труды иночества. Описаніе кончины епископа въ 1108 г. съ указаніемъ лѣтъ святительства составлено по новгородской лѣтописи [1]).

Житіе Никиты вскорѣ еще разъ подверглось переработкѣ, принадлежащей по литературному характеру своему къ довольно обширному кругу житій-поученій, въ которыхъ біографія стоитъ на второмъ планѣ, служа автору лишь канвой для пестрой ткани назидательнаго витійства. Въ Макарьевское время, которое особенно любило такія редакціи, онѣ являются въ изобиліи и реторическая агіобіографія достигаетъ въ нихъ вершины своего развитія. Въ новгородской письменности подъ вліяніемъ мнѣній Θеодосія Косаго, направленныхъ противъ почитанія святыхъ, произведенія такого характера получили полемическій оттѣнокъ. Движеніе, вызванное этими мнѣніями, совпало съ открытіемъ мощей новгородскихъ святителей Іоны въ 1553 и Никиты въ 1558 г. Эти событія и стали предметомъ двухъ словъ, по своему направленію тѣсно примыкающихъ къ извѣстному сочиненію инока Зиновія. Труды автора «Истины показанія» доселѣ не всѣ приведены въ извѣстность. Было основательно доказано, что похвальныя слова Зосимѣ и Савватію Соловецкимъ писаны не имъ, а сербскимъ монахомъ Львомъ Филологомъ; но при этомъ высказано очень вѣроятное предположеніе, что Зиновій перевелъ эти слова на русскій книжный языкъ XVI в. и потому иногда считался ихъ авторомъ [2]). Кромѣ того ему принадлежитъ одно изъ двухъ похвальныхъ словъ

---

[1]) Ч. Мин. Г. Тулупова, рукоп. Тр. С. Л. № 673, л. 360. Нач. „Иже въ Троицѣ прославляемаго преблагаго единаго дивнаго во святыхъ его Бога“. Эта редакція чаще встрѣчается безъ предисловія и съ легкой передѣлкой начала жизнеописанія: „Сей блаженный духоносный отецъ Никита рожденіе имѣяше во градѣ Кіевѣ“. См. наприм. солов. сб. № 818, л. 498 и № 222, л. 1.

[2]) См. статью въ Приб. къ твор. св. отцевъ, ч. XVIII: „Свѣдѣнія о Филологѣ черноризцѣ“, стр. 526.

черниговскимъ мученикамъ, кн. Михаилу и боярину Феодору. Находимъ еще въ рукописяхъ довольно обширное слово о обрѣтеніи мощей святителя Іоны, и по выраженіямъ этого слова легко узнать въ авторѣ его инока Отней пустыни, гдѣ погребенъ Іона. Въ концѣ, защищая противъ еретиковъ поклоненіе мощамъ и иконамъ, рѣчь незамѣтно переходитъ въ бесѣду автора съ Герасимомъ, однимъ изъ клирошанъ, передъ которыми Зиновій опровергаетъ Феодосія Косаго въ книгѣ «Истины показаніе», и самая бесѣда имѣетъ почти дословное сходство съ соотвѣтствующими мѣстами этой книги [1]). Изъ того же слова узнаемъ, что раньше его было написано авторомъ другое по поводу обрѣтенія мощей епископа Никиты; въ рукописяхъ встрѣчаемъ и это слово, еще болѣе обширное и витіеватое и такъ же проникнутое полемическимъ характеромъ [2]). Не смотря на

---

[1]) Рум. сб. XVI—XVII в. № 154, л. 336: „О обрѣтеніи мощемъ преп. Іоны... и о казнехъ, бывающихъ на насъ отъ Бога. Восприіахомъ и паки о отцѣ нашемъ преп. Іонѣ, архіепископѣ В. Новаграда сего; не убо житіе его похвалити нынѣ настоитъ, но обрѣтенію мощей его сотворяется память днесь". Ср. Ист. показ., изд. въ Казани, стр. 499—509 и слово по указ. сп. л. 351—360. О митроп. Макаріѣ слово выражается какъ объ умершемъ; вѣроятно, оно написано въ одно время съ книгой противъ Косаго, т. е. въ 1566—1567 г.

[2]) Въ словѣ объ Іонѣ читаемъ: „Вину убо явленія и обрѣтенія священныхъ мощей малыми глаголы сказахомъ; пріидемъ прочее повѣдати и сіе, како обрѣтошася мощи сія. Никиты убо присвопамятнаго во свое ему время отдасть уже слово, въ неже по явленіи прославленъ бывъ отъ Бога и дивная Божія благодать глаголана тогда; нынѣ же о обрѣтеніи мощей архіеп. Іоны глаголемо". Слово о Никитѣ въ ч. мин. Герм. Тулупова, рукоп. Тр. С. лавры № 673, л. 392—449 подъ заглавіемъ: „О Божіей благодати, бывшей чудеси явленіемъ и прославленіемъ священнаго тѣлесе иже во святыхъ отца нашего Никиты епископа" и проч. Нач. „Великая Божія дѣла глаголати свѣтла языка требуютъ". Это слово писано послѣ Іоасафова житія: изъ него авторъ выбралъ нѣсколько чудесъ, сопровождая ихъ оговоркой: „большая же чудотворенія его во иновъ списана быша". По этому слову составилъ Варлаамъ, біографъ псковскихъ святыхъ, свою редакцію житія Никиты. Сб. гр. Уварова, по катал. Царск. № 133, л. 52.

обиліе реторики, оба слова важны какъ историческій матеріалъ. Оба они даютъ нѣсколько чертъ для исторіи броженія, произведеннаго въ обществѣ ересями XVI вѣка. Кромѣ того первое изъ нихъ рисуетъ яркую картину голода и мора, предшествовавшихъ обрѣтенію мощей Іоны, и сильно бичуетъ земскихъ правителей за ихъ поведеніе во время этихъ народныхъ бѣдствій, замѣчая имъ, что такъ не поступаютъ и Турки. Второе слово гораздо подробнѣе Іоасафа разсказываетъ объ открытіи мощей Никиты и взятіи Ругодива у Ливонцевъ, случившемся въ одно время съ этимъ открытіемъ, и потомъ своеобразно излагаетъ жизнь святаго. И Зиновій знаетъ о ней только по повѣсти въ кіевскомъ патерикѣ, авторомъ которой ошибочно называетъ епископа Симона; но онъ не ограничивается реторическимъ ея развитіемъ и едва ли не впервые въ исторіи русской агіобіографіи анализируетъ и подвергаетъ критикѣ разсказъ источника. Въ словахъ Зиновія замѣтно сильное вліяніе сербскаго Филолога, сказавшееся въ изысканной вычурности фразы, обиліи формъ и оборотовъ южнославянскаго книжнаго языка и даже въ литературныхъ пріемахъ. — Тоже полемическое направленніе видно и въ похвальномъ словѣ архіепископу Іоанну, представляющемъ новую редакцію его житія: повторивъ біографическія черты по старой редакціи XV вѣка, оно заставляетъ еще святителя на всероссійскомъ соборѣ доблестно посѣкать еретическіе полки и обличать «хулящихъ нераздѣлимаго въ двѣ постасѣ, а четверицу чтущихъ» [1]).

Къ новгородскому кругу похвальныхъ словъ Макарьевскаго времени можно прибавить еще одно — на память блаженнаго Николы Кочанова, по преданію юродствовавшаго въ XIV вѣкѣ. Оно встрѣчается уже въ спискахъ XVI в. и писано на празд-

[1]) Это слово, рѣдкое въ рукописяхъ, сопровождаетъ житіе Іоанна въ сб. солов. библ. № 991. На время происхожденія его указываетъ молитва за „царя государя нашего иже честію и славою вѣнчаннаго“ и т. д.

цахъ памяти Николы, а на обновленіе памяти его въ Новгородѣ въ половинѣ XVI в. указываетъ извѣстіе лѣтописи о построеніи каменной церкви надъ гробомъ его въ 1554 году. Впрочемъ это слово, написанное въ Новгородѣ, имѣетъ мало значенія и литературнаго и фактическаго: обѣщаясь описать жизнь Николы, оно сообщаетъ очень скудныя и неопредѣленныя черты, переплетая ихъ общими мѣстами [1]).

Еще во время Макаріева управленія новгородской епархіей Соловецкая братія посылала монаха Богдана на славянскій Югъ съ порученіемъ отыскать тамъ искусное перо для новаго изложенія житія своихъ основателей. Богданъ воротился съ двумя похвальными словами, написанными инокомъ Львомъ Филологомъ. Черты жизни Савватія и Зосимы изложены здѣсь, иногда въ дословныхъ выпискахъ по житію ихъ, составленному Досиѳеемъ и Спиридономъ, на которое ссылается самъ Филологъ и которое, очевидно, было ему доставлено Богданомъ; но сербскій редакторъ записалъ при этомъ много новыхъ извѣстій о монастырѣ и его основателяхъ, которыя сообщилъ ему соловецкій инокъ. Въ литературномъ отношеніи торжественныя редакціи Филолога служили такими же образцами для русской агіобіографіи въ ея дальнѣйшемъ реторическомъ развитіи, какими были творенія земляка его Пахомія при образованіи реторическаго стиля житій въ древнерусской литературѣ [2]). — И къ старому житію продолжали дѣлать пристройки. Посылка въ чужую землю за жизнеописаніемъ отечественныхъ

---

[1]) Списки XVI в. въ сб. гр. Уварова, по катал. Царск. № 385, л. 46, и въ сб. мнѣ принадлежащемъ. Нач. „Приспѣ намъ, братіе, свѣтлое праздньство и память успенія преблаженнаго“. Ср. П. С. Лѣт. III, 157 и Р. Свят. арх. Филарета, іюль, прим. 288.

[2]) Напеч. въ Правосл. Соб. 1859 г. ч. 2 и 3. Новыя черты см. наприм. во 2 ч. стр. 349—354, 357—360; въ 3 ч. стр. 112 и др. Объ этихъ словахъ см. указанное выше изслѣдованіе въ Приб. къ твор. св. отц. ч. XVIII.

святыхъ всего лучше объясняетъ, почему съ такимъ же порученіемъ обратились къ Максиму Греку. Спиридонъ оставилъ исправленный имъ трудъ Досиөея безъ предисловія. Составляя это предисловіе по порученію какого-то «честнаго отца», Максимъ замѣчаетъ, что началъ «еже ко древнему и новая прикладывати». Въ житіи Соловецкихъ чудотворцевъ въ 1548 г. при игуменѣ Филиппѣ къ прежнимъ чудесамъ прибавленъ былъ рядъ новыхъ. Вѣроятно, оба труда были составлены если не однимъ авторомъ, то по одному поводу [1].

Вмѣстѣ съ размноженіемъ пустынныхъ монастырей на сѣверо-восточной окраинѣ Руси въ первой половинѣ XVI в. усилилась здѣсь и агіобіографическая производительность. Нѣкоторые древніе списки житія Димитрія Прилуцкаго представляютъ другую, вообще болѣе краткую редакцію въ сравненіи съ текстомъ его въ Макарьевскихъ минеяхъ. Въ этой редакціи есть признаки, которые приводятъ къ предположенію, что это — первоначальный текстъ житія, написаннаго игуменомъ Макаріемъ около половины XV в. и передѣланнаго въ послѣдствіи. Встрѣчаемъ въ ней выраженія, указывающія на перваго біографа и опущенныя въ позднѣйшей передѣлкѣ [2]). Рядъ чудесъ въ ней прерывается разсказомъ о Димитріѣ Шемякѣ, а въ редакціи Макарьевскихъ миней продолжается пятью новыми чудесами, и въ одномъ изъ нихъ разсказано о построеніи третьей соборной церкви въ монастырѣ. Это, по всей вѣроятности, церковь, построенная, какъ гласитъ сохранившаяся надпись,

---

[1]) Соч. Максима Грека, III, 268. Волокол. сб. моск. епарх. библ. XVI в. № 609, л. 171.

[2]) Эта редакція въ рук. Рум. полов. XVI в. № 96, л. 286 и въ сб. того же времени, мнѣ принадлежащемъ. Чудо 5-е здѣсь начинается замѣчаніемъ, опущеннымъ въ спискѣ Макар. миней: „По сихъ же лѣтехъ и иная ненаписана чудеса, ему же и мы самовидцы бывше". Ср. Мак. ч. мин. февр. по усп. сп. стр. 224.

въ 1542 году [1]). Эта позднѣйшая распространенная и дополненная редакція житія съ похвалой святому обыкновенно сопровождается въ рукописахъ особымъ длиннымъ похвальнымъ словомъ, составляющимъ третью редакцію житія. Біографическія извѣстія въ немъ выписаны изъ сочиненія игумена Макарія, а предисловіе изъ Пахоміева житія Сергія [2]). Обѣ передѣлки древней біографіи составлены повидимому въ концѣ первой половины XVI в. и даютъ мало новаго.—Къ тому же времени относится житіе князя-инока Игнатія, погребеннаго въ Прилуцкомъ монастырѣ. Біографъ, монахъ этого монастыря Логгинъ въ краткой повѣсти, чуждой реторическихъ украшеній, сообщилъ немногія свѣдѣнія о князѣ и чудесахъ его по смерти до половины XVI вѣка [3]).

На время появленія житія Павла Обнорскаго бросаетъ свѣтъ составъ его въ разныхъ спискахъ. Въ древнѣйшихъ оно оканчивается разсказомъ о преемникѣ Павла, игуменѣ Алексѣѣ [4]). Въ другихъ къ житію прибавлено отдѣльное «сказаніе» о 19 посмертныхъ чудесахъ святаго [5]). Наконецъ въ третьей группѣ списковъ къ этимъ чудесамъ присоединенъ рядъ новыхъ, начинающійся повѣстью о разореніи монастыря Казанскими

---

[1]) Тамъ же, стр. 227. Опис. Прилуцк. мон., П. Савваитова, стр. 9.

[2]) Рум. XVI в. № 153, л. 182, сб. гр. Уварова 1547 г. по катал. Царск. № 131, л. 232, синод. сб. № 556, л 886. Вѣроятно, эту редакцію разумѣлъ Григорій, сказавъ въ своемъ похвальномъ словѣ русскимъ святымъ: „кто не вѣсть Димитрія Прилуцкаго, о немъ же убо многи повѣсти списаны быша“. Сб. Тр. Серг. л. № 337, л. 582.

[3]) Сп. XVII. в. въ синод. сб. №866, л. 38, Унд. №302, л. 80. Въ сб. службъ XVII в. въ библ. Тр. С. Л. № 628, л. 165 помѣщена служба Игнатію, въ которой по первымъ буквамъ тропарей можно прочитать имя автора: „Господи Боже, помилуй Илью“.

[4]) [illegible] въ волокол. сб. № 659, л. 172: эта часть сборника писана въ 1536 г.

[5]) Въ Макар. ч. мин. янв. по усп. сп. стр. 857, въ солов. сб. №819 л. 230, въ сб. Тр. С. Л. №692, л. 293.

Татарами въ 1538 году; между этими чудесами помѣщенъ разсказъ о построеніи новаго храма въ монастырѣ въ 1546 г. [1]). Въ рукописяхъ это житіе начинаетъ появляться не раньше 2-ой четверти XVI вѣка. Изъ всего этого можно только заключить, что оно составлено не задолго до 1538 г. и вскорѣ было дополнено новыми статьями. Отдѣленный столѣтіемъ отъ святаго, біографъ успѣлъ еще воспользоваться не только разсказами многолѣтнихъ старцевъ, но и «списаніями яже отъ древнихъ, видѣвшихъ святаго». Около половины XVI в. была уже составлена краткая редакція житія Павла. У ней были повидимому и другіе источники кромѣ пространной біографіи: о странствованіяхъ Павла по монастырямъ и пустынямъ и о созданіи имъ обители на Обнорѣ она сообщаетъ любопытныя извѣстія, которыхъ нѣтъ въ послѣдней [2]).

Сравнивая конецъ житія Ѳерапонта съ началомъ житія Мартиніана, легко замѣтить, что обѣ біографіи бѣлозерскихъ подвижниковъ написаны одной рукой и составляютъ одно цѣлое. Первая, разсказавъ о переходѣ Ѳерапонта изъ основаннаго имъ бѣлозерскаго монастыря въ Можайскъ, прерывается замѣчаніемъ, что онъ и здѣсь не переставалъ молиться о покинутой имъ обители; въ самомъ началѣ второй читаемъ, что Богъ услышалъ молитвы Ѳерапонта и послалъ обители на мѣсто его Мартиніана; въ житіи послѣдняго описана и кончина Ѳерапонта и обоимъ приносится общая похвала. Выраженія житія о Ѳерапонтовомъ бѣлозерскомъ монастырѣ не оставляютъ сомнѣнія, что біографъ здѣшній инокъ [3]). Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія Мартиніана извѣстіе о кончинѣ его сопровождается любопыт-

---

[1]) Ч. Мин. Германа Тулупова въ библ. Тр. С. Л. №673, л. 114.

[2]) Сб. Рум. №397, перемѣшанные листы 355, 352 и 356.

[3]) Въ указанномъ трефологіонѣ Тр. С. Л. № 628, л. 33 есть служба Мартиніану съ надписью въ заставкѣ: „Матѳея инока твореніе се". Можетъ быть, онъ авторъ и обоихъ житій.

нымъ разсказомъ о канонизаціи обоихъ бѣлозерскихъ подвижниковъ, дополняющимъ свѣдѣнія о московскомъ соборѣ 1549 г. Объясняя, почему нѣтъ именъ Ѳерапонта и Мартиніана въ грамотѣ митрополита Макарія 1547 г. о новыхъ чудотворцахъ, авторъ разсказа говоритъ, что послѣ собора 1547 г. игуменъ Ѳерапонтова монастыря привезъ въ Москву житія обоихъ святыхъ и отдалъ митрополиту, который на второмъ соборѣ велѣлъ прочитать «книги тыя, житія святыхъ и чудеса» и установилъ праздновать память Ѳерапонта и Мартиніана [1]). Разсказъ имѣетъ видъ вставки и его нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ житія [2]). Онъ даетъ право предположить, что оба житія были вызваны обысками о мѣстныхъ чудотворцахъ, произведенными по распоряженію собора 1547 г. Согласно съ этимъ біографъ не разъ намекаетъ, что пишетъ по распоряженію высшей власти, «а не самъ сія изволихъ». Описывая чудеса, слѣдовавшія за открытіемъ мощей Мартиніана въ 1514 году, онъ не выставляетъ себя очевидцемъ, но ссылается на разсказы другихъ. Въ обоихъ житіахъ онъ пользовался Пахоміевой біографіей Кирилла, выписалъ изъ нея буквально извѣстіе о Мартиніанѣ, читалъ грамоты и уставъ Ѳерапонтова монастыря, въ разсказѣ о борьбѣ великаго князя Василія съ Шемякой ссылается на «книгу лѣтописчія русскія земли» и кромѣ этихъ письменныхъ источниковъ имѣлъ изустные разсказы древнихъ старцевъ, но нигдѣ не упомянулъ о существованіи старыхъ біографій Ѳерапонта и Мартиніана, до него написанныхъ.

---

[1]) Сб. Тр. С. Л. XVI в. №696 и въ Макар. ч. мин. янв. л. 395 Нач. житія Ѳерапонта: „Понеже убо красная жира сего". Нач. ж. Мартиніана: „Богъ всемилосердый не навыче презирати угодникъ своихъ".

[2]) Наприм. въ волокол. сб. моск. дух акад. № 564, л. 223, ж. Ѳерапонта л. 204.

Въ житіи Филиппа Ирапскаго, составленномъ въ концѣ XVII вѣка, есть извѣстіе, что святой разсказалъ свою жизнь Каменскому старцу Герману, долго жившему съ нимъ на Ирапѣ, и Германъ, похоронивъ Филиппа, записалъ слышанное отъ него себѣ на память [1]). Находимъ списокъ другой біографіи, къ которой редакція XVII в. относится какъ сокращенная передѣлка и авторомъ которой названъ Германъ [2]). По слогу и нѣкоторымъ мѣстамъ этой біографіи можно замѣтить подновленіе

---

[1]) Оно въ спискахъ новаго письма Тр. Серг. Л. № 24, л. 134 и Унд. № 1234. Къ житію приложено 9 чудесъ 1661—1673 гг.

[2]) Единственный извѣстный намъ сп. ея въ рукописи поморскаго письма, намъ принадлежащей. Въ заглавіи житія замѣчено: „списано бысть благоискуснымъ монахомъ Германомъ монастыря Св. Спаса, еже есть на Кубенскомъ езерѣ". Нач. „Бысть во дни благочестивыя державы вел. кн. Василія Іоанновича московскаго и всея Россіи". Память о Филиппѣ Ирапскомъ особенно была распространена въ Поморьи. Въ позднихъ рукописныхъ святцахъ онъ названъ пустынникомъ, „иже бысть на морѣ-окіянѣ у Ганцкаго острова", и причисленъ къ святымъ Архангельскаго края (Рукоп. моск. дух. акад. № 209). Этимъ объясняется легенда о немъ (въ сб. Тр. Серг. Л. XVII в. № 651, л. 58), напоминающая своимъ складомъ духовный стихъ: „Съѣжадаетъ преп. Филипей Рабскій исъ Соловецково острова, и пошелъ подлѣ море, взыскающи себѣ мѣста, и пришедъ къ Выгѣ рѣкѣ, и речеть Выгѣ рѣкѣ: сотворю плотъ на тебѣ, куды меня Духъ Господень по тебѣ понесеть, туто хощу Христа умолити. И садящеся преп. Филипей на плотѣ, и емля ево тишина, и несеть его за Выгъ рѣку, и сходя съ плота своего съ Выгы рѣки, и пошелъ въ гору, гдѣ ему ангелъ Господень исповѣдалъ и благовѣстилъ, къ Леванидову кресту надъ Лужаномъ озеромъ: туто тебѣ исповѣдатися, Христа умолити. И створилъ пришествіе къ кресту къ Леванидову, и нача ся Христу молити подъ крестомъ Леванидовымъ по благовѣстованію ангела Господня, и преклонь колѣна, и нача ся молити Христу, и пріидь на преп. Филиппа Ирабсково мракъ, и явися ему ангелъ Господень, и рече ему: востани, отче Филипе Ирабскій! сподобленъ тебѣ столпъ ангелы Господня. И явися ему Пречистая со ангелы Господня по благовѣстованію ангела Господня, и возбудився отъ сна своего и ужасенъ бысть отъ видѣнія Преч. Владычицы нашея Богородицы, и веде его въ столпъ Преч. Богородица, и поставленъ бысть крестъ Леванидовъ ангелы Господни, и

и вставки, сдѣланныя позднѣйшей рукой; но безыскусственность разсказа, въ которомъ Германъ выражается о себѣ въ первомъ лицѣ, и обиліе мелкихъ подробностей заставляютъ думать, что основа этой любопытной біографіи принадлежитъ перу Германа, писавшаго вскорѣ по смерти Филиппа, въ концѣ первой половины XVI вѣка [1]).

Житіе кн. Іоасафа Каменскаго относятъ къ первой половинѣ XVI вѣка. Оно могло появиться не раньше 1547 года. приложенныя къ жизнеописанію предисловіе и похвальное слово буквально выписаны изъ Василіевой біографіи Евфросина [2]). Поэтому трудно извлечь изъ этого житія что-нибудь опредѣленное объ авторѣ. По его словамъ, прежде житія онъ написалъ канонъ святому, тропарь и кондакъ. Эта скудная фактами, хотя многословная біографія почти ничего не прибавляетъ новаго къ извѣстіямъ Паисія Ярославова о князѣ, и самъ біографъ даетъ понять, что не могъ найти другихъ источниковъ. Посмертныя чудеса внушаютъ подозрѣніе: по крайней мѣрѣ одно изъ нихъ, исцѣленіе кн. Романа, племянника кн.

видима бысть, и благоцвѣти ангеломъ Господнимъ гласъ съ небеси не ... исхоженья изъ столпа сего возлѣ видѣнія Преч. Богородицы".

[1]) Передавъ разсказъ Филиппа о себѣ, Германъ замѣчаетъ: „Сія ми ... святый, азъ же отъ него слышахъ изъ устъ его и написахъ памяти ради, чтобы не забытно такова святаго и блаженнаго отца житіе". Разсказавъ о погребеніи Филиппа, авторъ оканчиваетъ житіе замѣткой: „... же паки возвратившуся въ монастырь Св. Всемилостиваго Спаса ... на Кубенскомъ езерѣ, зовомъ Каменной". Хронологическія показанія житія не согласны между собою: оно говоритъ, что Филиппъ преставился въ 1537 г. на 45-мъ году жизни, проживъ 15 лѣтъ на Иранѣ, а пришествіе его на Иранъ относитъ къ 1517 г.

[2]) ... русск. дух. лит I, 212. Прав. Соб. 1861 г. I. 215. Списки XVII в. ... № 321 и Больш. въ Моск. Муз. № 37, л. 91; здѣсь же л. 151 служба Іоасафу. Въ похвалѣ авторъ житія не выпустилъ даже словъ, не имѣющихъ смысла по отношенію къ Іоасафу: „Ты подовѣдомой тайнѣ Столпа ... мнѣніемъ превозносящагося, посрамилъ еси".

Іосифа Дорогобужскаго, выписано изъ житія кн. Θеодора ярославскаго.

Составитель житія Авраамія Чухломскаго, называя себя инокомъ Протасіемъ, говоритъ, что онъ прожилъ 3 года, «содержа жезло паствы», въ Успенскомъ монастырѣ около Галича, первомъ изъ 4 монастырей, основанныхъ Аврааміемъ; въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ, что былъ и въ Покровской обители около Чухломы, гдѣ похороненъ Авраамій, и видѣлъ чудеса отъ гроба его. Сохранилась грамота Покровскаго Чухломскаго монастыря, подтвержденная царемъ въ 1551 г. при игуменѣ этой обители Протасіѣ [1]). Этимъ опредѣляется приблизительно время составленія житія. На изложеніи послѣдняго замѣтно вліяніе житія Павла Обнорскаго: это оправдываетъ предположеніе, что біографъ Авраамія — тотъ игуменъ Павлова монастыря Протасій, при которомъ въ 1546 г. найденъ въ землѣ гробъ Обнорскаго пустынника и который потомъ перешелъ въ Авраамиевъ монастырь; въ такомъ случаѣ онъ же еще до игуменства въ Павловомъ монастырѣ составилъ записки о Сергіѣ Нуромскомъ, послужившія потомъ Іонѣ матеріаломъ для біографіи Сергія и теперь повидимому исчезнувшія. Въ житіи Авраамія Протасій пишетъ, что видя чудеса отъ мощей святаго, онъ спросилъ старцевъ той обители, есть ли какія записки о жизни святаго, и иноки принесли ему «мало нѣчто написано о житія преп. Авраамія, ветхо и издранно, азъ же едва прочтохъ и извѣстно увѣрихся о житіи преподобнаго». Эти записки, очевидно, и сберегли для Протасія въ продолженіе почти 200 лѣтъ любопытныя подробности его разсказа [2]).

---

[1]) Акт. Ист. I, стр. 185.

[2]) Житіе Авраамія очень рѣдко въ рукописяхъ. Сп. XVII в. въ с[б.] Тр. С. лавры № 625, л. 304. Нач. „Благодарю тя, владыко мой, Господи І. Христе, яко сподобилъ мя еси недостойнаго повѣдателя быти преп твоего Авраамія“. Здѣсь л. 230 и служба Авраамію. Сокращеніе этої

Житіе устюжскаго юродиваго Прокопія, плохо написанное, составлено изъ отдѣльныхъ эпизодическихъ разсказовъ, имѣющихъ очень мало литературной связи и раздѣленныхъ хронологическими противорѣчіями [1]). Это рядъ легендъ, сложившихся изъ различныхъ мѣстныхъ воспоминаній независимо одна отъ другой и не подвергнутыхъ въ житіи искусной обработкѣ. Въ послѣсловіи къ житію, написанномъ по предисловію Епифанія въ біографіи Сергія, читаемъ: «азъ окаянный написахъ о житіи и чудесѣхъ его втайнѣ и предахъ сія Божіимъ церквамъ, видѣвъ ихъ у себе и церковніи повѣстницы за много лѣтъ, свитцы писанные приготованы быша про такова свята мужа». Разсказъ объ огненной тучѣ въ житіи есть неловкая передѣлка повѣсти, отдѣльно встрѣчающейся въ сборникахъ XVI в. Разсказъ о страданіи Прокопія во время мороза, по словамъ біографа, написанъ со словъ юродиваго отцемъ Стефана Пермскаго Симеономъ; но изложеніе его въ житіи есть передѣлка эпизода изъ житія Андрея цареградскаго. Повидимому, преданія о Прокопіи и его чудеса начали записывать уже во второй половинѣ XV вѣка, когда въ Устюгѣ построили церковь во имя блаженнаго (1471 г.) и начали мѣстно праздновать его память: въ одномъ изъ чудесъ, приложенныхъ къ житію, больному околь-

---

біографіи въ одномъ сб. новгор. дух. ак. начала XVIII в. № 871, л. 273, другая еще болѣе краткая ред. въ сб. Больш. XVII в. въ моск. публ. муз. № 422.

[1]) Рум. XVI—XVII в. № 361, л. 115, Унд. № 362 и № 600, л. 367, оба XVII в. Нач. „Искони убо божественное писаніе глаголетъ о блаженныхъ и юродивыхъ". За предисловіемъ слѣдуютъ разсказы: о происхожденіи и поселеніи Прокопія въ монастырѣ у Варлаама Хутынскаго, объ избавленіи Устюга отъ огненной тучи, о страданіи Прокопія во время мороза, о пророчествѣ Прокопія, предсказавшаго 3-лѣтней Маріи, что она будетъ матерью Стефана Пермскаго, и о кончинѣ юродиваго въ 1303 г. По первому разсказу Прокопій жилъ въ концѣ XII в., второй помѣченъ 1478 г., и оба несогласны съ послѣднимъ.

почему великаго князя Ивана III послали изъ Устюга вмѣстѣ съ образомъ Прокопія стихиры и канонъ ему [1]). Въ житіе внесена повѣсть о построеніи церкви Прокопія въ Борисоглѣбской сольвычегодской обители въ 1548 г. и о чудесахъ отъ его образа, тамъ находившагося. Упомянувъ объ этихъ чудесахъ, авторъ житія другаго устюжскаго юродиваго Іоанна замѣчаетъ о Прокопіѣ: «его же чудеса и прощеніе въ писаніи его сказа, а о семъ же св. Иванѣ начнемъ паки писати». Повидимому, эта неясная замѣтка даетъ основаніе считать оба житія произведеніемъ одного автора: по крайней мѣрѣ оба отличаются одинаковыми пріемами и одинаковымъ неумѣньемъ писать. Житіе Іоанна составлено по источникамъ болѣе надежнымъ. Біографъ говоритъ, что писалъ его, живя въ Борисоглѣбскомъ сольвычегодскомъ монастырѣ у отца своего игумена Діонисія, по распоряженію котораго построена была упомянутая церковь Прокопія и который до вступленія въ иночество былъ священникомъ при устюжскомъ соборѣ, лично зналъ Іоанна и присутствовалъ при его погребеніи. Этотъ Діонисій сообщилъ сыну свѣдѣнія о блаженномъ и благословилъ его написать его житіе въ 1554 году [2]).

Личность упомянутаго выше біографа Іоасафа среди скудныхъ извѣстій остается въ туманѣ. Житіе епископа Никиты онъ написалъ, повидимому, вскорѣ по обрѣтеніи мощей его въ 1558 г. Въ житіи Стефана Махрищскаго онъ замѣчаетъ, что уже писалъ о явленіи мощей и чудесахъ учениковъ этого святаго Григорія и Кассіана Авнежскихъ, а сказаніе о послѣднихъ могло быть написано не раньше 1560 г. Житіе Никиты было первымъ по времени изъ этихъ трехъ произведеній; но и житіе

---

[1]) Унд. № 362, л. 69. Этихъ чудесъ XV—XVI в. здѣсь 18; по хронологическимъ указаніямъ въ нихъ видно, что послѣднія изъ нихъ совершились около половины XVI в., когда, повидимому, составлено и житіе.

[2]) Списки въ рукоп. Унд. XVII в. № 320, Больш. въ моск. муз. № 393, л. 62. Нач. „Жизнь богоугодну и житіе непорочно мужа сего".

Стефана по крайней мѣрѣ начато не позже 1563 г., ибо авторъ принялся за него по порученію митрополита Макарія. Утверждаютъ, что этотъ біографъ—тотъ Іоасафъ, который съ 1560 г. сталъ пермскимъ епископомъ; но ни въ одномъ трудѣ онъ не дѣлаетъ намека на свой епископскій санъ; напротивъ, въ сказаніи объ Авнежскихъ чудотворцахъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, называя себя смиреннымъ іеромонахомъ, игуменомъ Даніилова монастыря, онъ говоритъ о себѣ въ 1-мъ лицѣ, а о пермскомъ епископѣ Іоасафѣ пріѣзжавшемъ въ 1560 г. въ Авнежскій монастырь, выражается въ 3-мъ и разсказываетъ, что два чуда въ сказаніи изложены на основаніи донесенія этого епископа. Наконецъ есть грамота 1566 г., подъ которой вмѣстѣ съ епископомъ Іоасафомъ подписался и «чернецъ Іасафъ, бывшій игуменъ Даниловскій» [1]). Но трудно рѣшить, какимъ Даниловымъ монастыремъ правилъ авторъ, переяславскимъ или московскимъ [2]). Главнымъ источникомъ сказанія объ Авнежскихъ чудотворцахъ служили разсказы Махрищскаго игумена Варлаама, который по порученію митрополита въ 1560 г. на мѣстѣ собиралъ свѣдѣнія о чудесахъ и по донесенію котораго соборъ, установивъ празднованіе Григорію и Кассіану, распорядился составить сказаніе о нихъ. Авторъ замѣчаетъ въ предисловіи, что сказаніемъ своимъ хотѣлъ спасти посмертныя чудеса Григорія и Кассіана отъ забвенія, постигшаго ихъ жизнь. Нѣкоторыя извѣстія о послѣдней онъ записалъ потомъ въ біографіи ихъ учителя Стефана. Но и въ повѣсти о чудесахъ, предшествовавшихъ

---

[1]) Арх. Филар. Обзоръ I, стр. 211. Собр. гос. грам. и дог. I, стр. 556.

[2]) Есть списокъ службы Іакову Железноборскому съ замѣткой, въ которой, можетъ быть, сохранилась біографическая черта, относящаяся къ нашему Іоасафу: „списано тогоже монастыря смиреннымъ игуменомъ Іасафомъ". Сб. Тр. Серг. Л. № 625, л. 90. Съ именемъ Іоасафа встрѣчается и служба Авнежскимъ чудотворцамъ. Сб. той же лавры № 624, л. 483.

открытію мощей и возобновленію Авнежскаго монастыря, онъ сообщаетъ подробности, дѣлающія ее памятникомъ первостепенной важности для исторіи заселенія сѣверовосточной русской окраины. Сообщаемыя Іоасафомъ извѣстія о происхожденіи біографіи Стефана не лишены интереса по отношенію къ литературной исторіи житія. Спустя почти полтораста лѣтъ по смерти Стефана, сѣтуя о пренебреженіи, съ какимъ относились въ монастырѣ къ памяти основателя, игуменъ Варлаамъ отыскалъ въ кладовой краткія записки прадѣда своего Серапіона, лично знавшаго Стефана, вспомнилъ разсказы, слышанные отъ него еще въ дѣтствѣ, и самъ задумалъ описать чудеса святаго, видѣнныя имъ или сообщенныя другими. Съ писаніемъ своимъ онъ явился къ царю и митрополиту, которые и поручили Іоасафу составить новую правильную біографію. Зная очень мало о жизни святаго, Іоасафъ поѣхалъ въ Махрищскій монастырь, чтобы разспросить тамъ игумена и братію. Тѣ показали ему Серапіоновы свитки на хартіяхъ, которыя онъ и воспроизвелъ въ своемъ обильномъ любопытными подробностями трудѣ. Легко замѣтить также, что Іоасафъ пользовался свѣдѣніями изъ житій Сергія радонежскаго и Кирилла бѣлозерскаго, современниковъ и друзей Стефана [1]).

Въ описываемое время, по всей вѣроятности, появились въ Ростовѣ позднѣйшія редакціи житій его первыхъ просвѣтителей Леонтія и Авраамія и новое житіе Исидора, ростовскаго юродиваго XV в. Церковь чтила его память уже въ началѣ XVI в. и житіе его занесено въ минеи Макарія. Не смотря однако на

---

[1]) Списки сказанія въ чет. мин. Милют. іюнь, л. 678 и Тулупова въ Тр. Серг. л. № 677, л. 144. Нач. „Коль благъ Богъ Израилевъ". Позднѣйшій редакторъ вставилъ въ это сказаніе извѣстія о Григоріѣ и Кассіанѣ, дословно выписанныя изъ Іоасафова житія Стефана (сб. Тр. Сер л. XVII в. № 635, л. 39). Списки этого житія XVI в. въ сб. Тр. С. л. № 692, л. 707 и XVII в. въ синод. № 542, л. 428 съ собственноручными поправками Симеона Полоцкаго. Нач. „Понеже убо преблагій нашъ Владыка".

правительно-недалекое разстояніе біографа отъ времени жизни блаженнаго, содержаніе этого житія очень смутно и почерпнуто преимущественно изъ легендарныхъ источниковъ. Здѣсь повторилась связь ростовскихъ преданій съ новгородскими, уже замѣченная нами въ перенесеніи легенды о борьбѣ архіепископа Іоанна съ бѣсомъ на Авраамія ростовскаго. Чудо исчезновенія напитковъ на пиру у ростовскаго князя есть варіантъ легенды о болѣе раннемъ юродивомъ Николѣ Кочановѣ новгородскомъ, разсказъ о спасеніи ростовскаго купца Исидоромъ на морѣ основанъ на легендарныхъ мотивахъ, плохо прикрытыхъ книжной редакціей и одинаковыхъ съ извѣстной новгородской былиной, пріуроченной къ лицу новгородца XII в. Содка Сытинича [1]). — Несравненно важнѣе повѣсть о Борисоглѣбскомъ монастырѣ (въ 15 верстахъ отъ Ростова), съ избыткомъ восполняющая отсутствіе житія основателей его Өеодора и Павла. Она написана въ самомъ монастырѣ въ началѣ второй половины XVI в., какъ видно по указаніямъ автора и по времени одного ея списка. Разсказъ въ ней очень простъ и сухъ, безъ всякихъ риторическихъ украшеній, но передаетъ событія съ такою полнотой и ясностью, какая рѣдко встрѣчается въ житіяхъ и которой не имѣетъ даже сказаніе Пансія Ярославова [2]).

---

[1]) Макар. ч. мин. май, по синод. сп. л. 764. Унд. XVI в. № 574, л. 648. О чудѣ на пиру у князя авторъ житія замѣчаетъ: „еже едва отъ нѣкихъ увѣдѣвшу ми". Память Исидора отмѣчена въ мѣсяцесловѣ начала XVI в. Рум. № 446 (Опис. Рум. муз. Востокова стр. 713).

[2]) Списокъ этой рѣдкой въ рукописяхъ повѣсти въ сб. Тр. Серг. лавры, пис. около половины XVI в., № 782, л. 449—461. Источники указаны авторомъ въ первыхъ строкахъ: „Еже исперва отъ древнихъ старецъ слышахомъ и мало писанія обрѣтохъ: пріиде на сію пустыню преп. Өеодоръ и вселися въ ней изъ области В. Новаграда, рода же и отечества не обрѣтохъ, и коего монастыря постриженникъ; во многія лѣта безъ писанія здѣ пребысть". Разсказавъ о построеніи иг. Өеофиломъ каменной церкви Благовѣщенія, освященной въ 1526 г., авторъ прибавляетъ: „О

Къ самымъ обширнымъ и лучшимъ біографіямъ Макарьевскаго времени принадлежитъ житіе Даніила переяславскаго, преставившагося 7 апрѣля 1540 г. Оно написано 13 лѣтъ спустя по смерти Даніила неизвѣстнымъ по имени ученикомъ его, по двойному приказу царя и митрополита. Близость біографа къ описываемому лицу отразилась на тонѣ и изложеніи житія: онъ разсказываетъ просто о старцѣ, котораго любилъ и уважалъ, не облекая дѣйствительныхъ явленій въ условныя формы житій и не дѣлая обычнаго подбора біографическихъ чертъ [1]). Біографъ замѣчаетъ, что до него жизнь Даніила никѣмъ не была описана, хотя нѣкоторые и начинали; можетъ быть, онъ же сдѣлалъ и сокращеніе своего труда, помѣщенное въ Степенной [2]). Въ житіи Даніила подробно разсказано и объ открытіи имъ въ 1539 г. мощей князя смоленскаго Андрея; погребеннаго при одной изъ приходскихъ церквей въ Переяславлѣ. Присланнымъ изъ Москвы слѣдователямъ о мощахъ Даніилъ показывалъ въ «старыхъ книгахъ» службу Андрею, стихиры и канонъ, по которымъ, говорилъ онъ, еще недавно праздновали ему въ церкви, при которой онъ покоился. Кто-то въ Переяславлѣ выписалъ цѣликомъ этотъ разсказъ изъ житія Даніила и придѣлавъ къ нему небольшое вступленіе, пустилъ подъ именемъ житія кн. Андрея [3]). Немного позднѣе біографіи Даніила

семъ же по преставленіи Өеофиловѣ ясно повѣда многимъ намъ ростовецъ мастеръ церковный Григорей Борисовъ", который строилъ ту церковь. Послѣ Өеофила повѣсть упоминаетъ еще о двухъ игуменахъ.

[1]) Синод. рукоп. XVI в. № 926, Унд. XVII в. № 301. Нач. „Благословенъ Христосъ Богъ нашъ, всегда прославляемый присными своими угодники". Далѣе: „умилихся, яко мнози требуютъ еже о св. старцѣ писанія видѣти... недостойную руку простроxъ и во умѣ собрахъ, иже отъ устъ самого старца слышахъ, иная же отъ ученикъ его и отъ инѣхъ нѣкоихъ слышахъ".

[2]) Степ. кн. ч. 2, стр. 218. Милют. ч. мин. апр. л. 299.

[3]) Рук. Тр. Серг. л. № 696, л. 221, Рум. № 371, л. 228 съ службой. Догадки о кн. Андреѣ у архіеп. Филарета въ Русск. Свят. окт. 27.

прибавлен был къ житію другаго мѣстнаго святаго Никиты рядъ чудесъ XVI в. съ разсказомъ о преобразованіи и перестройкѣ монастыря Иваномъ Грознымъ. Эти чудеса описаны, кажется, игуменомъ Никитскаго монастыря Вассіаномъ и даютъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для исторіи монастырской жизни въ XVI вѣкѣ [1]).

Мѣстнымъ біографомъ суздальскихъ святыхъ, не уступавшимъ въ усердіи псковскому Василію, но умѣвшимъ стать даже ниже его по достоинству своихъ произведеній, былъ инокъ Спасскаго Евѳиміева монастыря Григорій. Извѣстія о немъ еще темнѣе. Одни относятъ его литературную дѣятельность къ концу XV или къ началу XVI в., другіе ко второй половинѣ XVI вѣка [2]). Болѣе точное опредѣленіе можно извлечь только изъ мелкихъ и неясныхъ указаній, разсѣянныхъ Григоріемъ въ его твореніяхъ. Кажется, эти творенія еще не всѣ приведены въ извѣстность. Соборный ключарь Ананія Ѳедоровъ, собиравшій въ по-

---

Впрочемъ уже въ XVI в. даже въ Переяславлѣ мало знали объ Андреѣ. Разсказывали, что онъ 10 лѣтъ служилъ пономаремъ при Никольской церкви и только по смерти его изъ найденнаго при немъ „писаньица" узнали, кто онъ. По Даніилъ уже не могъ найти этого писаньица и въ бесѣдѣ съ вел. княземъ и митрополитомъ признавался: „глаголютъ же о семъ кн. Андреѣ въ повѣстехъ нѣции сице, аще истинна суть, единъ Богъ вѣсть". Синод. № 926, л. 103. Въ сб. Тр. С. л. № 696 вслѣдъ за житіемъ Андрея выписано нѣсколько чудесъ Даніила, въ которыхъ князь выставленъ уже переяславскимъ священникомъ, знакомымъ Даніилу.

[1]) См. выше стр. 49. По сп. въ Милют. ч. мин. май, л. 1325 разсказъ о чудѣ во время построенія соборнаго храма въ монастырѣ въ 1561 - 1564 г. заканчивается анаграммой, какъ любили обозначать свои имена древнерусскіе писатели: „Аще хощеши увѣдати имя игумену тоя обители второе первымъ начальствуй, двоесотное сотнымъ слагай (sic), и съ пятдесятнымъ, еромъ навершетася (Васьянъ)".

[2]) Архіеп. Филаретъ въ Обзорѣ I, стр. 173, въ Р. Свят. іюнь, прим. 54, сент. прим. 220. Строевъ въ Опис. рукоп. Царск. стр. 46. Митроп. Евгеній въ Словарѣ дух. пис. I, 104 относилъ Григорія даже къ XVII в., а ключарь А. Ѳедоровъ къ XIV—XV.

ловинѣ XVIII в. матеріалы для исторіи Суздаля, приписываетъ Григорію житія Евѳимія, Евфросиніи и суздальскаго епископа Іоанна съ канонами этимъ святымъ, также канонъ епископу Ѳеодору. Но въ древне-русскихъ рукописяхъ встрѣчаемъ имя тогоже автора еще на похвальномъ словѣ новымъ русскимъ чудотворцамъ со службой имъ и на житіи Козмы Яхромскаго; по многимъ признакамъ ему принадлежитъ и канонъ этому святому [1]). Къ житію Евѳимія біографъ прибавилъ 14 посмертныхъ чудесъ его, въ которыхъ описалъ и открытіе мощей святаго въ 1507 году; нѣкоторыя изъ этихъ чудесъ совершились послѣ игумена Кирилла, а онъ еще правилъ монастыремъ въ 1518 году [2]). Притомъ первыя чудеса Григорій описываетъ по разсказамъ другихъ, но въ описаніи дальнѣйшихъ, начиная съ 10-го, выставляетъ себя «самовидцемъ»; отсюда можно заключить, что онъ вступилъ въ монастырь Евѳимія послѣ освященія каменной церкви въ 1511 г., описаннаго имъ въ первомъ отдѣлѣ чудесъ. Наконецъ сокращеніе этого житія встрѣчаемъ въ спискѣ 1543 года [3]). Изложенныя указанія подтверждаются

---

[1]) Историч. собраніе о градѣ Суждалѣ въ 22 кн. Врем. Общ Ист. и Др. росс. стр. 119 и 130. Въ сб. Тр. Серг. лавры нач. XVII в. № 337 помѣщены сочиненія, обозначенныя именемъ „смиреннаго Григорія, черица въ обители св. Евѳимія града Суждаля“: л. 483 служба Евфросиніи, л. 309 житіе Евѳимія (ср. ч. мин. Тулупова № 695, л. 1), л. 538 служба Евѳимію, л. 557 служба новымъ русскимъ чудотворцамъ, л. 571 слово похвальное новымъ чудотворцамъ (ср. Больш. въ моск. публ. муз. № 422, статья 46-я), л. 593 служба еп. Іоанну. Житіе Евфросиніи въ рукоп. Унд. нач. XVII в. № 308, Тр. Серг. л. № 664, л. 399, синод. № 869. Ж. Іоанна въ рук. Унд. XVII в. № 318, въ сб. Рум. № 164 съ перемѣнами. Ж. Козмы въ рукоп. Имп. публ. библ. отд. Погод. № 729, л. 54; служба въ сб. Рум. № 371, л. 464.

[2]) См. грамоту этого года въ рукоп. Рум. № 52, л. 38.

[3]) Волокол. сб. въ моск. дух. акад. № 490, л. 249. Тоже въ рук. Унд. XVI в. № 310. Архіеп. Филаретъ (Р. Свят. апр. прим. 1) ссылается на ключаря Ѳедорова, говоря, что Григоріево житіе Евѳимія передѣлано и дополнено чудесами по волѣ митроп. Макарія Махрищскимъ

словомъ «на память всѣхъ святыхъ русскихъ новыхъ чудотворцевъ». Самое заглавіе, повидимому, даетъ понять, что слово вызвано соборомъ 1547 года; но при отсутствіи ранняго списка его трудно извлечь подтвержденіе этой догадки изъ именъ упоминаемыхъ въ немъ святыхъ: въ позднѣйшихъ спискахъ писцы по произволу дополняли перечень Григорія именами святыхъ, позднѣе признанныхъ церковію, или своихъ мѣстныхъ. Впрочемъ и при этихъ прибавкахъ можно замѣтить въ словѣ черту, показывающую, что оно составлено вскорѣ послѣ собора 1547 года: изъ святыхъ, прославленныхъ соборомъ 1549 года, въ перечнѣ Григорія встрѣчаемъ или только мѣстнаго чудотворца Евѳимія или вмѣстѣ съ нимъ немногихъ другихъ, случайно занесенныхъ писцомъ. Въ этомъ словѣ есть намекъ на то, что оно написано послѣ житія Евѳимія [1]). Указанными соображеніями нѣсколько уясняется исторія житія Евфросиніи. Оно сопровождается двумя отдѣльными статьями, чудомъ 1558 г. и повѣстью объ установленіи мѣстнаго празднованія Евфросиніи съ нѣсколькими чудесами. Изъ этой повѣсти, написанной суздальскимъ епископомъ Варлаамомъ, узнаемъ, что житіе долго оставалось неизвѣстнымъ въ Суздалѣ и въ 1577—1580 г. случайно найдено Варлаамомъ въ Махрищскомъ монастырѣ, куда унесъ его изъ Евѳиміева монастыря монахъ Савватій «для преписанія чудесъ». Варлаамъ замѣчаетъ при этомъ, что житіе написано «нѣкоимъ инокомъ Григоріемъ» [2]). На основаніи толь-

игуменомъ Варлаамомъ, который дополнялъ и житіе Евфросиніи. Ни у Ѳедорова, ни въ житіи Евѳимія нѣтъ такого извѣстія, а житіе Евфросиніи дополнялъ суздальскій епископъ Варлаамъ.

[1]) Въ предисловіи по сп. Тр. С. л. № 337, л. 573: „преже малыхъ дней вамъ бесѣдовахъ о св. Еуфиміи, обѣщахомся и о сихъ побесѣдовати". Буквальный смыслъ этихъ словъ указываетъ лишь на отношеніе праздника новыхъ чудотворцевъ (17 іюля) къ дню памяти Евѳимія (1 апрѣля); но такъ нельзя было выразиться, не написавъ прежде о Евѳиміѣ.

[2]) Сб. Тр. Серг. л. № 664, л. 444. Варлаамъ называетъ Савватія бывшимъ игуменомъ, не указывая, въ какомъ монастырѣ. По грамотамъ

ко этихъ словъ архіепископъ Филаретъ думаетъ, что оно написано не позже 1510 года; но отсюда слѣдуетъ лишь то, что Варлаамъ, ставъ епископомъ въ 1571 г., уже не засталъ въ Суздалѣ Григорія. Изъ разсказа Варлаама видно, что авторомъ, который описалъ чудо 1558 г. какъ очевидецъ, былъ не онъ, а можетъ быть упоминаемый имъ игуменъ Савватій, если не самъ Григорій. Такимъ образомъ литературную дѣятельность послѣдняго можно отнести ко второй четверти XVI вѣка. Григорій былъ запоздалымъ біографомъ: кромѣ Козмы Яхромскаго, жившаго въ концѣ XV в., остальныя описанныя имъ лица отдалены отъ него на 100, на 200, даже на 300 лѣтъ. Это отразилось сильно на характерѣ его твореній. Изъ нихъ только житіе Евѳимія имѣетъ цѣну по своему содержанію; остальныя болѣе похожи на витіеватыя похвальныя слова, въ которыхъ сквозь реторику, занятую у Григорія Цамблака, Епифанія и другихъ образцовъ, проглядываетъ лишь скудное и смутное преданіе [1]). Въ этомъ отношеніи особенно любопытно довольно объемистое житіе Козмы: здѣсь среди словообильныхъ и напыщенныхъ назиданій и размышленій, путающихъ ходъ разсказа, съ трудомъ можно уловить двѣ-три ясныя біографическія черты.

Слѣдствія запоздалости еще сильнѣе обнаружились на муромской агіобіографіи. Въ рукописяхъ были распространены съ XVI в. двѣ службы муромскимъ святымъ: одна изъ нихъ на память кн. Константина и дѣтей его Михаила и Ѳеодора приписы-

извѣстнымъ Савватій, игуменъ Евѳиміева монастыря около 1565. Сб. Рум. № 58 и 59.

[1]) Предисловіе къ житію Евѳимія есть подражаніе предисловію Пахомія къ житію Сергія, а предисловіе къ житію еп. Іоанна почти цѣликомъ выписано изъ предисловія Епифанія къ житію тогоже святаго; слово на память русскихъ чудотворцевъ есть близкое подражаніе написанному Григоріемъ Цамблакомъ похвальному слову св. отцамъ, въ постѣ просіявшимъ.

вается «господину Михаилу мнаху», въ другой на память Петра и Февроніи первый канонъ написанъ «Пахоміемъ мнихомъ», второй тѣмъ же Михаиломъ. Эти службы составлены были около 1547 года, когда соборъ установилъ мѣстное празднованіе муромскимъ чудотворцамъ; можетъ быть, авторамъ ихъ принадлежитъ и литературная обработка сказаній о тѣхъ же святыхъ, хотя въ рукописяхъ нѣтъ прямаго указанія на это [1]). Легенда о Петрѣ, подъ которымъ повидимому разумѣется умершій въ 1228 г. въ иночествѣ муромскій князь Давидъ Юрьевичъ, не можетъ быть названа житіемъ ни по литературной формѣ, ни по источникамъ, изъ которыхъ почерпнуто ея содержаніе; въ исторіи древне-русской агіобіографіи она имѣетъ значеніе только какъ памятникъ, ярко освѣщающій неразборчивость, съ какою древне-русскіе книжники вводили въ кругъ церковно-историческихъ преданій образы народнаго поэтическаго творчества. Повѣсть о кн. Константинѣ и его сыновьяхъ сохранилась въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Въ полномъ своемъ составѣ она содержитъ сказанія о древнѣйшемъ состояніи города Мурома, о водвореніи въ немъ христіанства Константиномъ, о возстановленіи города кн. Юріемъ, далѣе поэтическую легенду о епископѣ Василіѣ и разсказъ о обрѣтеніи мощей муромскихъ просвѣтителей въ 1553 году [2]). Эта повѣсть имѣетъ чисто-историческую ос-

---

[1]) Сб. Тр. Серг. л. XVI в. № 6?9, л. 146 и 222, и синод. XVI в. № 630, л. 196 и 210. По разсказу житія кн. Константина, служба ему была написана за много лѣтъ до обрѣтенія мощей въ 1553 г. Архіеп. Филаретъ говоритъ, что повѣсть о Петрѣ и Февроніи написана монахомъ Еразмомъ; но ни въ спискахъ, указанныхъ имъ при этомъ, ни въ другихъ нами видѣнныхъ мы не нашли такого извѣстія (Обзоръ I, стр. 211).

[2]) Таковъ составъ ея по списку въ синод. не переплетенномъ сб. XVI — XVII в. № VI, л. 39 — 114. Нач. „Павелъ, св. апостолъ, церковный учитель, свѣтило всего міра". Съ пропусками и сокращеніями она въ спискѣ, изданномъ въ Пам. стар. русск. лит. I, 229. Таже редакція безъ сказанія о Муромѣ и легенды о еп. Василіѣ облечена въ фор-

нову; но едвали можно воспользоваться ея подробностями. Редакціи ея несогласны въ показаніяхъ о времени событія, изъ которыхъ ни одно впрочемъ не заслуживаетъ вѣры: полная относитъ прибытіе Константина въ Муромъ къ 6731 (1223) году, замѣчая однакожъ, что это было не много послѣ св. Владиміра; краткая неопредѣленно обозначаетъ событіе цифрой 6700. Притомъ въ мѣстномъ преданіи, на которомъ основана повѣсть, авторъ не нашелъ уже живыхъ дѣйствительныхъ чертъ событія и долженъ былъ замѣнять ихъ пріемами реторическаго изобрѣтенія и чертами, взятыми изъ разсказа лѣтописи о крещеніи Кіева. Наконецъ въ повѣсти есть эпизодъ, относящійся къ гораздо позднѣйшему времени и позволяющій видѣть, какъ авторъ распоряжался фактами: разсказывая о возстановленіи города Мурома кн. Юріемъ Ярославичемъ, онъ говоритъ, что и этотъ князь пришелъ изъ Кіева и «устроилъ» въ Муромѣ епископа Василія [1]). Поэтому было бы напрасно пытаться примирить всѣ черты повѣсти, не предполагая въ нихъ ошибокъ, съ сохранившимися извѣстіями лѣтописи о древнемъ Муромѣ [2]). Помогая лишь установить въ самомъ общемъ видѣ основный фактъ, неизвѣстный изъ другихъ источниковъ, повѣсть сообщаетъ нѣсколько извѣстій объ остаткахъ языческихъ обрядовъ на Руси и намековъ на ея отношеніе къ восточнымъ инородцамъ въ XVI в.

му похвальнаго слова въ сб. Тр.-Серг. л. XVII в. № 800. л 70. Краткая редакція, въ которой опущены реторическія отступленія, но распространенъ по лѣтописи разсказъ о св. кн. Глѣбѣ, въ Милют. ч. мин. май, л. 1169.

1) По лѣтописи Муромъ обновленъ въ 1351; въ 1355 Юрій былъ низверженъ, а еп. Василій поставленъ уже въ 1356. Ник. III, 193 и 205

2) Такъ желая видѣть въ кн. Константинѣ дѣйствительное историческое лицо, предполагаютъ, что подъ этимъ христіанскимъ именемъ скрывается Ярославъ Святославичъ († 1129); но изъ сказанія Даніила Паломника извѣстно, что христіанское имя этого князя было Панкратій.

Къ описываемому времени относятся два одиночныя житія, изъ которыхъ одно составлено въ Колязинскомъ монастырѣ, а о другомъ даже трудно сказать, гдѣ оно написано: это житіе новгородскаго архіепископа Серапіона. Авторъ житія Макарія Колязинскаго говоритъ, что оно составлено въ 64-й годъ по смерти преподобнаго, слѣдовательно въ 1546—47 г. передъ самымъ соборомъ о новыхъ чудотворцахъ или тотчасъ послѣ него. Можно повѣрить его извѣстію, что разсказы о Макаріѣ, идущіе отъ его первыхъ сподвижниковъ, дошли до біографа отъ людей, изъ которыхъ «иніи и самого святаго своима очима видѣша». Изъ сказанія преп. Іосифа о русскихъ пустынникахъ выписано извѣстіе объ ученикахъ Макарія. Біографъ замѣчаетъ, что до него никто не писалъ житія Макарія; но вѣроятно онъ пользовался краткой запиской о немъ, составленной по разсказамъ монахини родственницы святаго и любопытной какъ по своему простому изложенію, такъ и по біографическимъ чертамъ, не воспроизведеннымъ въ пространномъ житіи [1]). Точно также не вошло въ послѣднее много любопытныхъ чертъ, записанныхъ Досиѳеемъ Топорковымъ въ волоколамскомъ патерикѣ. Этотъ третій очеркъ жизни Макарія составленъ по разсказамъ Іосифа Санина; Досиѳей писалъ свои воспоминанія, повидимому не раньше 1547 года, ибо говоря о чудесахъ по обрѣ-

---

[1]) Волокол. сб. въ моск. дух. ак. № 515, л. 423 и слѣд. „Лѣта 7032, марта во 2 день, пыталъ кн. Юрьи Ивановичъ Срѣтенскіе старицы Ефросиніи Васильевской, жена Кожина, о житіи преп. Макаріа чудотворца, отъ каковыхъ родителей родися, и каково бысть житіе его. И старица Евфросиніа сказываетъ: помнила маму его, которая его кормила, а звали ее Еуфимьею, а жила 106 лѣтъ. Начало житія Макарьева сице бысть" и т. д. Житіе Макарія въ Макар. ч. мин. март. стр. 789, синод. сб. № 555, л. 608, волокол. сб. моск. д. ак. № 632, л. 136, сб. Тр. Серг. л. № 692, л. 463. Первый изъ этихъ списковъ отличается отъ другихъ нѣкоторыми варіантами и пропусками: нѣтъ статьи о первыхъ ученикахъ Макарія Маркеллѣ и Сергіѣ; чудесъ по обрѣтеніи 16, въ другихъ 90.

теніи мощей Макарія, онъ замѣчаетъ: «якоже о нихъ въ писаніи свидѣтельствуетъ» [1]). Это писаніе есть сухой и длинный перечень чудесъ приложенный авторомъ житія къ разсказу объ открытіи мощей въ 1521 году. Краткость этого разсказа, которая, какъ и неполнота самого жизнеописанія, объясняется, можетъ быть, спѣшностью работы, вызванной соборомъ, заставила повидимому вновь и подробнѣе описать обрѣтеніе мощей вскорѣ послѣ соборной канонизаціи Макарія [2]). Наконецъ и перечень чудесъ подвергся передѣлкѣ: новый редакторъ распространилъ ихъ прежнее сухое изложеніе, придѣлалъ къ нимъ витіеватое предисловіе, и въ такомъ видѣ они встрѣчаются въ нѣкоторыхъ спискахъ житія. Но напрасно считаютъ этого позднѣйшаго редактора чудесъ какого-то Макарія, какъ видно изъ приложенной къ статьѣ анаграммы, авторомъ разсмотрѣннаго житія: прибавленное имъ къ прежнимъ одно новое чудо относится уже къ 1584 году и въ послѣсловіи ясно указано, что онъ описалъ только чудеса по «прежнимъ тетрадямъ» [3]). —Въ житіи Серапіона легко замѣтить цѣль біографа оправдать архіепископа отъ обвиненій, взводимыхъ на него сторонниками Іосифа. Эта тенденція только усиливаетъ интересъ біографіи.

---

[1]) Синод. сб. XVI в. № 927, л. 25—27: о немъ ниже.

[2]) Изъ повтореннаго въ этомъ описаніи перечня чудесъ видно, что оно составлено между 1539 годомъ, которымъ помѣчено одно изъ послѣднихъ чудесъ, и 1548, къ которому относится списокъ его въ волокол. сб. моск. епарх. библ. № 648, л. 118. Нач. „Присно убо человѣколюбіе Божіе проповѣдати должни есмы“. Этотъ сборникъ писанъ въ 1548 г. „замышленіемъ“ Е. И. Воронцовой, какъ сказано въ припискѣ.

[3]) Сб. Тр. Серг. л. № 692. л. 488, № 802, л. 17. Нач. „Се нынѣ время благопріятно“. Въ заключительной статьѣ „о списателѣ чудесомъ по преставленіи пр. Макарія“, сказавъ, что онъ описалъ чудеса по просьбѣ колязинскихъ иноковъ Серапіона и Филарета, авторъ продолжаетъ: „и вашихъ прежнихъ тетратей никакоже не повредихъ, не почернилъ нигдѣже, ни имени не премѣнилъ въ чудесѣхъ, но паче распространилъ и рѣчи премѣнилъ удобь пріятенъ видъ“.

Іосифъ и его приверженцы много писали въ свою защиту; гораздо менѣе извѣстно, какъ представляла дѣло и оправдывалась противная сторона. Можно поэтому пожалѣть, что біографъ Серапіона самъ ослабилъ интересъ своего труда излишней подражательностію. Все предисловіе и начало житія онъ дословно выписалъ изъ слова Льва Филолога на память Зосимы соловецкаго; еще неожиданнѣе, что участіе Серапіона въ спорѣ о монастырскихъ селахъ изложено словами анонимнаго житія Іосифа и подражаніе этому сочиненію замѣтно даже въ разсказѣ о распрѣ Серапіона съ Іосифомъ. На время составленія житія указываетъ прибавочная статья въ одномъ спискѣ о переложеніи мощей Серапіона: здѣсь разсказано, что вслѣдствіе провала въ могилѣ и двухъ чудесныхъ явленій святаго мощи его въ 1559 г. были вынуты изъ земли и положены въ новомъ гробѣ [1]).

Іосифовъ волоколамскій монастырь оставилъ много извѣстій о себѣ за XVI в. въ припискахъ, разсѣянныхъ по многочисленнымъ рукописямъ его библіотеки. На сильное участіе монастыря въ умственномъ и литературномъ движеніи на Руси XVI в. еще яснѣе чѣмъ эта библіотека указываетъ длинный рядъ литературныхъ произведеній, написанныхъ въ стѣ-

---

[1]) Сп. XVI в. Унд. № 367. Нач. „Лѣпо же ми въ настоящемъ плетеніи глаголъ“. Ср. Прав. Собес. 1859, ч. II, 353 и 510, также ж. Іосифа, соч. неизвѣстнымъ и изд. г. Невоструевымъ, стр. 39. Догадка арх. Филарета, что житіе Серапіона написано ученикомъ его Іаковомъ, не поддерживается ни выраженіями житія объ Іаковѣ ни временемъ сочиненій, которыми пользовался біографъ (Р. Свят. март. стр. 94). Открытіе и переложеніе мощей въ указанномъ сп. по ошибкѣ обозначено 7007 годомъ: по указанію на игумена Іоасафа и келаря Адріана, при которыхъ это совершилось, видно, что слѣдуетъ читать 7067. Оп. Тр. Серг. Лавры, изд. 1865 г. стр. 85. Лѣтоп. намѣстниковъ, келарей и проч. въ Лѣт. зан. Археогр. Ком. IV, 79. Святцы относятъ кончину Серапіона къ 7067 г., смѣшивая его, очевидно, съ годомъ переложенія; въ службѣ читаемъ: „многими лѣты покровенны быша честныя мощи твоя“. Милют. ч. мин. март. л. 420.

нахъ этого монастыря или людьми, изъ него вышедшими. Судя по количеству и качеству этихъ произведеній, можно сказать, что ни одинъ русскій монастырь не обнаружилъ литературнаго возбужденія, равнаго тому, какое находимъ въ обители Іосифа. Послѣ трудовъ самого Іосифа большую часть этихъ произведеній составляютъ житія. Выше мы видѣли, что братъ Іосифа и инокъ его монастыря въ самомъ началѣ XVI в. описалъ жизнь Пафнутія, дѣда той партіи въ русскомъ монашествѣ XVI в., которую звали «осифлянами» и которая, какъ бы ни судилъ о ней историкъ, была крупной общественной силой, стóящей его вниманія. Прочія житія посвящены жизнеописанію подвижниковъ, жившихъ въ волоколамской колоніи Пафнутьева монастыря, и главнымъ образомъ основателя ея, отца «осифлянъ». Жизнь его описана въ трехъ біографіяхъ, составленныхъ совершенно независимо одна отъ другой. Одинъ изъ біографовъ, Савва Черный, епископъ крутицкій, писавшій въ 1546 году по благословенію митрополита Макарія, говоритъ прямо, что въ теченіе 30 лѣтъ по смерти Іосифа никто ни изъ родственниковъ, ни изъ учениковъ не написалъ о немъ. Отсюда видно, что очеркъ жизни Іосифа, составленный племянникомъ его Досиѳеемъ въ видѣ надгробнаго слова, написанъ въ одно время съ сочиненіемъ Саввы или позднѣе. Третье житіе, принадлежащее неизвѣстному автору, сохранилось въ рукописи, писанной повидимому задолго до 1566 года, но составлено не раньше 1540-хъ годовъ [1]). Сочиненія Саввы и этого неизвѣстнаго біографа принадлежатъ по содержанію своему къ числу луч-

---

[1]) Всѣ три житія изданы г. Невоструевымъ. Указываемое имъ сходство Саввы съ Досиѳеемъ въ одномъ мѣстѣ такъ далеко, что едва ли можно видѣть въ немъ заимствованіе (Саввино ж. стр. 9, прим. 31). Неизвѣстный біографъ выражается объ инокѣ Діонисіѣ Звенигородскомъ какъ объ умершемъ; въ одномъ сб. сохранилась приписка съ извѣстіемъ, что этотъ инокъ умеръ въ 1539 г. (волокол. сб. моск. д. ак. № 577, л. 298).

шихъ житій въ древнерусской литературѣ и притомъ хорошо дополняютъ, даже иногда поправляютъ одно другое. Оба біографа хорошо знали жизнь Іосифа: первый былъ его постриженникомъ и ученикомъ; второй сообщаетъ такія подробности, которыя могли быть почерпнуты только изъ очень близкаго къ Іосифу источника. Но при этомъ одинъ большею частью распространяется именно о томъ, о чемъ умалчиваетъ или говоритъ кратко другой; иногда даже въ разсказѣ объ одномъ и томъ же событіи одинъ выставляетъ на первый планъ черты, опущенныя или мимоходомъ замѣченныя другимъ. Очень трудно разъяснить личность любопытнаго неизвѣстнаго біографа. Единственный списокъ его труда, отысканный въ библіотекѣ Іосифова монастыря, попалъ въ нее (въ 1566 г.) со стороны, вмѣстѣ съ другими рукописями изъ библіотеки кн. Д. И. Оболенскаго-Нѣмаго; на этомъ спискѣ есть замѣтки, сдѣланныя рукою противника Іосифовскихъ мнѣній, иногда довольно рѣзкаго; авторъ нигдѣ не дѣлаетъ и намека, что онъ былъ ученикомъ Іосифа, даже зналъ его лично, называетъ его просто черноризцемъ и даетъ понять, что писалъ не въ его монастырѣ [1]). Останавливаетъ на себѣ также мягкость автора въ отношеніи къ противникамъ Іосифа, отсутствіе рѣзкихъ выраженій о нихъ, которыхъ не чуждъ Савва. Наконецъ чтеніе этого житія затрудняется изысканной вычурностію изложенія, которою оно замѣтно отличается отъ другихъ житій XVI в. и какую находимъ только у одного писателя того времени, у Зиновія Отенскаго. Не этотъ ли ученикъ Максима Грека, въ вопросѣ о монастырскихъ селахъ разошедшійся съ учителемъ и приставшій къ осифлянамъ, написалъ и разсматриваемое житіе? — Разсказъ Досиѳея, вообще краткій и не вездѣ точный, любопытенъ нѣкоторыми чертами, наприм. о дѣтствѣ и родителяхъ Іосифа, объясняющимися род-

---

[1]) Житіе Іосифа, сост. неизвѣстнымъ, стр. 4 и 56.

ственной близостью автора къ последнему. Указанная заметка Саввы, что до него никто не писалъ объ Іосифѣ, поддерживается намекомъ Досиѳея, что онъ писалъ свое слово «по мнозѣ времени» послѣ смерти Іосифа [1]). Уцѣлѣлъ другой еще болѣе любопытный трудъ Досиѳея. Въ сѣверной агіобіографіи не замѣтно наклонности составлять патерики, подобные кіевопечерскому; обыкновенно ограничивались простыми сборниками житій святыхъ извѣстной мѣстности. Попытка составить нѣчто похожее на патерикъ была сдѣлана Іосифомъ въ его сказаніи о русскихъ пустынножителяхъ. Ближе подходятъ къ этой формѣ малоизвѣстныя воспоминанія объ Іосифѣ и его учителѣ Пафнутіѣ [2]). Авторъ ихъ указываетъ на себя замѣткой въ предисловіи: «также и ученика (Пафнутіева) отца Іосифа надгробными словесы почтохомъ и мало объявихомъ о жительствѣ его, кто и откуду бѣ, еже отъ него слышахомъ и сами видѣхомъ въ его обители и индѣ». Онъ обѣщаетъ написать, что̀ слышалъ отъ Пафнутія, Іосифа или отъ ихъ учениковъ и что̀ самъ видѣлъ въ ихъ обителяхъ. Неизвѣстно, гдѣ постригся Досиѳей; но по разсказу епископа крутицкаго Саввы, въ 1484 г. онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Вассіаномъ былъ уже инокомъ и помогалъ Іосифу въ построеніи церкви. Въ надгробномъ словѣ Іосифу онъ говоритъ, что удалился изъ монастыря дяди по его благословенію, можетъ быть, въ Пафнутьевъ монастырь. По указанной выше

---

[1]) „Слово надгробное преп. иг. Іосифу. Сказаніе о житіи его, откуду и кто бѣ", изд. г. Невоструевымъ, стр. 23 и 28.

[2]) Синод. сб. XVI в. № 927, л. 2—40. Сочиненіе безъ заглавія, начинается словами: „Понеже убо мнози изначала отъ отецъ начаша чинити повѣсти преже бывшихъ отецъ, имъ же ти сожительствоваша и отъ нихъ слышаша, иная же сами видѣша и слышаша, странствующе по монастыремъ". Но на об. 1-го бѣлаго листа записано: „Черньца Васіана Фатеева, бывшаго архимандрита Вотмицкаго монастыря, тверскаго уѣзда, письмо о житіи вкратцѣ преп. иг. Іосифа Волоцкаго". Сб. писанъ раньше 1568 г., когда умеръ Вассіанъ.

ссылкѣ Досиѳея на писаніе о чудесахъ Макарія Колязинскаго можно думать, что онъ писалъ свои воспоминанія не раньше 1546 года. Излагая программу своихъ записокъ, онъ самъ называетъ ихъ патерикомъ [1]). Согласно съ такимъ названіемъ авторъ въ первой части излагаетъ рядъ назидательныхъ изреченій и бесѣдъ Іосифа, разсказы его и другихъ иноковъ довольно разнообразнаго содержанія; вторая часть состоитъ изъ 5 повѣстей Пафнутія о морѣ въ 1427 г. и нѣсколькихъ разсказовъ Іосифа и другихъ о кн. Георгіѣ Васильевичѣ, о митрополитѣ Петрѣ, о нашествіи Татаръ и т. п. [2]). Въ этихъ разнообразныхъ разсказахъ много любопытныхъ чертъ для характеристики не только монастырской жизни XV и XVI в., но и всего древнерусскаго общества.

Въ томъ же сборникѣ помѣщены небольшія біографіи двоихъ сотрудниковъ Іосифа, Кассіана Босаго и его ученика Фотія, похожія одна на другую по своему складу и изложенію [3]). Авторъ втораго житія называетъ себя въ немъ по имени: это ученикъ Фотія Вассіанъ, рукою котораго писанъ сборникъ. Разсказ о послѣднихъ дняхъ жизни Фотія написанъ авторомъ со словъ другихъ учениковъ этого старца: повидимому, Вассіанъ сталъ Возмицкимъ архимандритомъ раньше смерти Фотія 9 марта 1554 г. Авторомъ житія Кассіана Босаго считаютъ этого Фо-

---

[1]) Тамъ же л. 6: „Сего ради изволихъ по силѣ трудившихся (sic) писаніемъ изложити въ патерицѣ по отческому преданію первѣе о отци Пафнутіи и о ученицѣхъ его и елика отъ него они слышаша, потомъ же и о отцѣ Іосифѣ и о ученицѣхъ его и елика отъ него слышахомъ и сами видѣхомъ, такоже во инѣхъ монастырехъ пребывая, елико слышахъ и самъ видѣхъ и елика отъ сущихъ въ мірѣ слышахъ, потщахся писанію предати таковая... глаголющихъ ради и неправѣ мудрствующихъ, яко въ нынѣшняя времена такова знаменія не бываютъ“.

[2]) Лишь эта часть извѣстна по другимъ спискамъ и была внесена потомъ въ житіе Пафнутія.

[3]) Синод. сб. № 927, л. 104—112 и 172—177.

тія [1]). Вассіанъ поставилъ его имя надъ двумя произведеніями, помѣщенными въ томъ же сборникѣ: надъ поученіемъ противъ сквернословія и службой преп. Іосифу, представленной митроп. Макарію, который «благословилъ старца Фотія въ кельи по ней молитвовати и до празднованія соборнаго изложенія» [2]). Есть указаніе, заставляющее думать, что житіе Кассіана написано не Фотіемъ: разсказывая о пожарѣ, остановленномъ молитвой Кассіана, авторъ прибавляетъ: «мнѣ же въ та времена лучись быти въ келарехъ». Въ житіи Фотія есть извѣстіе, что онъ много лѣтъ былъ уставщикомъ, но нѣтъ и намека на келарство; напротивъ Вассіанъ замѣчаетъ, что учитель его «не желаше старѣйшинства или подстарѣйшиною быти». Сходство литературныхъ пріемовъ и даже нѣкоторыхъ выраженій заставляетъ предполагать одного автора обоихъ житій. Оба написаны просто, безъ реторики, безъ предисловій и похвальныхъ словъ. Пользуясь трудомъ Саввы въ біографіи Кассіана, авторъ въ обоихъ житіяхъ сообщаетъ много новыхъ и драгоцѣнныхъ чертъ для характеристики жизни Іосифова монастыря въ первую половину XVI в.

Рядъ волоколамскихъ біографовъ XVI в. завершается Евѳиміемъ Турковымъ, постриженникомъ и игуменомъ Іосифова монастыря (1574—1587); впрочемъ его литературная дѣятельность развѣ только началомъ своимъ относится къ Макарьевскому времени. Въ библіотекѣ Іосифова монастыря сохранилось нѣсколько книгъ, писанныхъ его рукою, съ автобіографическими замѣтками. Между ними есть канонникъ, содержащій въ себѣ черновой списокъ сочиненій Евѳимія, молитвъ, предсмертной исповѣди, канона на исходъ души и канона «за друга умерша», съ поправками автора [3]). Въ довольно обширной исповѣди ав-

[1]) Архіеп. Филаретъ въ Обзорѣ дух. лит. I, стр. 213.

[2]) Синод. сб. № 927, л. 178 и 160.

[3]) Волокол. сб. въ моск. дух. ак. № 412.

торъ изложилъ свои предсмертныя размышленія и нѣсколько чертъ изъ своей жизни. Евѳимій пишетъ просто, но его изложеніе проникнуто теплымъ чувствомъ и обличаетъ въ авторѣ литературный талантъ. Такимъ же характеромъ отличается раньше составленная имъ записка о Өеодосіѣ, бывшемъ архіепископѣ новгородскомъ: это исполненный задушевной скорби разсказъ о послѣднихъ дняхъ учителя [1]). Здѣсь же Евѳимій записалъ любопытныя извѣстія о взятіи Полоцка, происшедшемъ въ одно время со смертью Өеодосія, въ февралѣ 1563 г.

ГЛАВА VII.

Перечень позднѣйшихъ житій и редакцій.

Столѣтіемъ позже миней митрополита Макарія составлены были два новыхъ сборника такого же рода, заслуживающіе нѣкотораго вниманія въ исторіи древнерусской письменности житій. Одинъ изъ нихъ написанъ по порученію Троицко-Сергіевскаго архимандрита Діонисія рукою монаха Германа Тулупова изъ Старицы въ 1627—1632 гг., другой составленъ священникомъ посадской церкви Сергіева монастыря Іоанномъ Милютинымъ и его сыновьями въ 1646—1654 гг. По составу своему тѣ и другія четьи-минеи отличаются бо́льшимъ однообразіемъ отъ Макарьевскаго сборника: въ нихъ вошли почти исключительно памятники историческаго содержанія, житія и сказанія. На этихъ минеяхъ отразилось движеніе древнерусской агіобіографіи до половины XVII вѣка: въ сборникѣ Макарія житія русскихъ свя-

---

[1]) Волов. сб. въ моск. дух. ак. № 512, л. 213: это автографъ Евѳимія.

тыхъ составляютъ незамѣтную группу; въ обоихъ новыхъ сборникахъ имъ отведено много мѣста, въ минеяхъ Милютина ихъ болѣе сотни, не считая отдѣльныхъ сказаній. Но при этомъ оба составителя руководились различными взглядами на свое дѣло. Германъ старался дать мѣсто въ своемъ сборникѣ всему, что находилъ подъ руками: онъ не только переписывалъ памятники цѣликомъ, даже охотно помѣщалъ рядомъ разныя редакціи одного и того же памятника. Милютинъ не ограничивался задачей писца и собирателя. Онъ говоритъ, что пользовался для своего сборника монастырскими минеями и прологами, писанными Германомъ Тулуповымъ, прибавляя, что писалъ «съ разумныхъ списковъ, тщася обрѣсти правая»; но дорожа мѣстомъ и временемъ, онъ старался сокращать и даже иногда передѣлывать памятники, любилъ опускать въ житіяхъ предисловія и похвальныя слова. Это отнимаетъ много цѣны у его обширнаго сборника и позволяетъ обращаться къ нему для изученія извѣстнаго памятника только при недостаткѣ другихъ списковъ [1]).

Литературное однообразіе житій послѣ Макарія позволяетъ ограничиться перечнемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, насколько можно возстановить его по уцѣлѣвшимъ указаніямъ. Въ 1567 г. іеромонахъ Ошевенскаго монастыря Ѳеодосій написалъ обширное и превосходное по содержанію житіе основателя его преп. Александра [2]). Сопровождающій біографію обстоятельный разсказъ о происхожденіи ея открываетъ, какимъ образомъ не

---

[1]) Минеи Германа въ библіотекѣ Тр. Сер. лавры, Милютинскія въ синодальной.

[2]) Списки: XVI в. Унд. № 276 безъ начала, XVII в. синод. рук. № 413 и сб. Германа Тулупова въ Тр. Серг. л. № 694. Ѳеодосій пользовался житіемъ Александра Свирскаго, наприм. порядокъ жизни въ Ошевенскомъ монастырѣ (синод. № 413, л. 57) описанъ словами Продіана. Служба, составленная Ѳеодосіемъ, въ той же синод. рук. № 413 и сборн. Тр. Серг. л. № 625, л. 218.

смотря на 88 лѣтъ, отдѣляющихъ ее отъ смерти Александра, дошло до автора столько любопытныхъ подробностей о жизни святаго. Братъ Александра Леонтій, вскорѣ по смерти его постригшись въ монахи въ Ошевенскомъ монастырѣ, началъ диктовать клирикамъ разсказы о жизни святаго. Около 1530 г. игуменъ Маркеллъ, обобравъ монастырь, уѣхалъ въ Москву и взялъ съ собою записки. На дорогѣ его убили и записки пропали. Но къ отцу Өеодосія, священнику села, гдѣ родился Александръ, часто приходилъ племянникъ послѣдняго, и будущій біографъ, еще сидя за азбукой, слышалъ много о жизни пустынника. Потомъ отецъ автора переселился въ село на Онѣгу, не далеко отъ монастыря, и здѣсь посѣщалъ ихъ іеромонахъ Корнилій, читавшій диктованныя Леонтіемъ записки и самъ участвовавшій въ ихъ составленіи. По смерти отца занявъ его мѣсто и потомъ овдовѣвъ, Өеодосій постригся въ Ошевенской обители. Здѣсь онъ не нашелъ никакого писанія объ основателѣ, но засталъ еще древнихъ старцевъ и родныхъ Александра, и пополнивъ ихъ разсказами свои свѣдѣнія о немъ, написалъ біографію. Такіе источники позволили автору приложить къ жизнеописанію въ длинномъ рядѣ посмертныхъ чудесъ не менѣе любопытный разсказъ о дальнѣйшей судьбѣ монастыря. Позднѣе, можетъ быть для чтенія въ церкви, по труду Өеодосія составлено было сокращенное житіе, въ которомъ меньше содержанія, но больше реторики [1]).

Около того же времени составлено житіе Кассіана Учемскаго. Авторъ его—бывшій игуменъ Учемскаго монастыря, гдѣ засталъ уже немногихъ учениковъ Кассіана. Кромѣ этихъ учениковъ о Кассіанѣ разсказывалъ біографу знавшій его Өерапонтовскій старецъ Силуанъ. Учемскіе игумены XVI в. не всѣ извѣстны;

[1]) Единственный сп. его встрѣтили мы въ минеѣ Г. Тулупова № 69², л. 216—237. Нач. „Якоже небо украшается звѣздами“.

изложенные признаки указываютъ повидимому на игумена Порфирія, по просьбѣ котораго въ 1560 г. подтверждена одна грамота Учемскаго монастыря [1]).

Біографъ Александра Куштскаго говоритъ, что слышалъ отъ «отецъ» своихъ разсказы объ Александрѣ, сообщенные имъ сотрудниками святаго Савватіемъ и Симеономъ; по неясному намеку въ похвальномъ словѣ можно заключать, что оно съ житіемъ написано во время царя Ивана Грознаго. Къ житію приложено 22 посмертныхъ чуда: 20-е помѣчено 1575 годомъ и имъ въ нѣкоторыхъ спискахъ оканчивается житіе, которое повидимому написано около этого времени [2]). Выписавъ, что̀ нашелъ объ Александрѣ въ сказаніи Паисія Ярославова, авторъ прибавилъ немного новыхъ извѣстій, не лишенныхъ впрочемъ интереса. Въ изложеніи онъ старался подражать житію Діонисія Глушицкаго, откуда почти дословно выписалъ предисловіе.

Монахъ Сійскаго монастыря Іона написалъ житія Антонія Сійскаго, Сергія Нуромскаго и Варлаама Важскаго. Сохранившіяся указанія позволяютъ возстановить исторію перваго изъ этихъ житій [3]). Іона въ послѣсловіи пишетъ, что составилъ

---

[1]) Списки этого рѣдкаго житія въ Милют. ч. мин. май, л. 1183 и въ сб. синод. типогр. библ. № 1615. Нач. „Отцы и братія и богоизбранніи людіе... Бывшу ми нѣкогда въ обители его и на мѣстѣ его стоящу и жезлъ пастырскій въ руцѣ имѣя, и еще отъ ученикъ его ту застахъ.“

[2]) Ч. Мин. Г. Тулупова № 677, л. 61, сб. гр. Уварова по катал. Царскаго № 124, л. 82, ч. мин. Милют. іюнь, л. 516. Нач. „Се бо нынѣ о семъ блаженнемъ свѣтлый учитель славный Павелъ вопіетъ“. Въ похвалѣ читаемъ: „прародитель благовѣрнѣйшаго и высшаго царя и государя Іоанна Васильевича, самодержца всея Русіи, вел. князь кіевскій Владимиръ“ и проч. Послѣднее чудо 1579 г. повидимому прибавлено послѣ.

[3]) Списокъ Іонина житія Антонія XVII в. въ сб. солов. библ. № 230 съ службой, составленной тѣмъ же авторомъ, и въ рукоп. Унд. № 284. Нач. „Понеже великихъ святыхъ мужъ добродѣтели писати преподобно есть“. Посмертныя чудеса описаны позже житія: въ нихъ разсказывается о постройкѣ новой церкви въ монастырѣ, начатой въ 1589 г.

свой трудъ въ 7086 (1577 — 78 г.). Вскорѣ написана была другая редакція житія царевичемъ Иваномъ, сыномъ Грознаго. Изъ его подробнаго разсказа о происхожденіи этой редакціи можно видѣть, что̀ побудило Сійскаго игумена Питирима съ братіей поручить Іонѣ составленіе житія: тотчасъ по окончаніи послѣдняго игуменъ съ ученикомъ Антонія Филоѳеемъ поѣхалъ въ Москву просить царя и митрополита объ установленіи празднованія святому. Игуменъ съ другимъ Антоніевымъ ученикомъ, новгородскимъ архіепископомъ Александромъ, упросилъ царевича написать житіе Антонія съ похвальнымъ словомъ и службой. Царевичъ исполнилъ просьбу въ 1579 г. Онъ называетъ «первымъ писателемъ» Антоніева житія Филоѳея. Іона, по его словамъ, написалъ житіе по разсказамъ учениковъ Антонія, «памятуховъ житію его», въ числѣ которыхъ упоминаетъ и Филоѳея. Но одно изъ посмертныхъ чудесъ повѣствуетъ объ инокѣ, который первый началъ писать о святомъ, но былъ остановленъ поришаніемъ прочей братіи, которая кричала: «преже сего никтоже дерзну писати, а сей убо пишетъ и житія святыхъ составляетъ». Это извѣстіе можно отнести къ Филоѳею, но не̂ къ Іонѣ, писавшему по просьбѣ братіи: очевидно, послѣдній воспользовался и неконченными записками перваго, котораго царевичъ назвалъ начальнымъ біографомъ Антонія. Царевичъ прибавляетъ, что Питиримъ и Филоѳей принесли ему «списаніе о житіи» святаго, «зѣло убо суще въ легкости написано». Это — трудъ Іоны, какъ видно изъ сличенія обѣихъ редакцій. Царевичъ написалъ новое предисловіе и сократилъ два первые разсказа въ трудѣ Іоны; далѣе онъ дословно повторилъ послѣдняго и даже не опустилъ его послѣсловія, не назвавъ только автора по имени, но удержавъ черты, вовсе не идущія къ царственному московскому писателю. Строгій отзывъ царевича о своемъ источникѣ несправедливъ: самъ онъ не прибавилъ ни одной новой черты къ разсказу Іоны, далеко не воспроизвелъ его обиль-

наго любопытными подробностями содержанія и превзошелъ его развѣ реторикой, не вездѣ удачной [1]).— Въ припискѣ къ житію Сергія Нуромскаго, сдѣланной позднѣе, инокъ Іона говоритъ, что написалъ его въ 1584 году, когда былъ игуменомъ въ Глушицкомъ монастырѣ, куда Нуромская братія обратилась къ нему съ просьбой описать жизнь своего основателя. Уцѣлѣвшія въ актахъ Глушицкаго монастыря извѣстія объ игуменѣ Іонѣ относятся къ тому же 1584 г. и не позволяютъ опредѣлить, долго ли жилъ тамъ біографъ. Складъ предисловія и приписки въ этомъ житіи не оставляютъ сомнѣнія, что авторъ его тотъ же Сійскій инокъ. Въ 1589 г. онъ уже изъ Сійскаго монастыря посланъ былъ на Вагу; тамъ дѣла задержали его всю зиму, заставивъ долго пробыть въ монастырѣ Варлаама: и здѣсь братія, давно скорбѣвшая, что некому написать житіе основателя, умолила заѣзжаго біографа воспользоваться «остаткомъ древнихъ отецъ» для жизнеописанія Варлаама. Ни на Нурмѣ ни на Вагѣ Іона не засталъ учениковъ основателей; этимъ объясняется скудость обѣихъ біографій сравнительно съ житіемъ Антонія. Но и немногія свѣдѣнія о Сергіѣ и Варлаамѣ, записанныя Іоной, получены имъ изъ надежныхъ источниковъ. Въ житіи Сергія онъ перечисляетъ рядъ иноковъ, преемственно передававшихъ одинъ другому впродолженіе столѣтія повѣсть о жизни святаго, пока около половины XVI в. послѣдній изъ нихъ, игуменъ Павлова Обнорскаго монастыря Протасій не записалъ преданія въ своихъ «свиткахъ», которыми Іона пополнилъ изустные разсказы братіи. На подобныхъ источникахъ основано и житіе Варлаама [2]).

---

[1]) Списки редакціи царевича въ рукоп. Унд. XVI в. № 285 и гр. А. С. Уварова XVII в. № 383 (по катал. Царск. № 86), безъ приписки, въ которой авторъ разсказываетъ о происхожденіи своего труда; она напечатана у Карамз. IX, примѣч. 612 по изд. Эйнерлинга.

[2]) Объ Іонѣ см. грамоты Глушицкаго мон. въ Ист. росс. іер. III, 711 и 720. Сп. житія Сергія XVII в. въ солов. сб. № 1007, л. 27, Унд.

Житіе Геннадія Костромскаго вмѣстѣ съ службой ему написалъ ученикъ его и игуменъ основаннаго имъ монастыря Алексѣй. Въ наставленіи къ братіи по поводу житія авторъ проситъ отвезти его трудъ на просмотръ къ царю Ѳедору и митрополиту Діонисію: слѣдовательно біографія написана въ 1584 — 1587 гг. Она отличается свѣжестью біографическихъ чертъ и простотою изложенія: авторъ владѣетъ книжнымъ языкомъ, но мало заботится о реторикѣ. Онъ цѣликомъ помѣстилъ въ жизнеописаніи и духовное завѣщаніе, продиктованное Геннадіемъ: «бѣ бо Геннадій не умѣяше грамотѣ» [1]).

Немного позже составлено житіе Геннадіева учителя Корнилія Комельскаго. Авторъ называетъ себя постриженникомъ Корнилія и нѣкоторые разсказы въ своемъ трудѣ оканчиваетъ замѣчаніемъ, что слышалъ ихъ отъ самого святаго. Изъ грамоты патріарха Іова, писанной 21 февр. 1600 г. по поводу установленія празднованія Корнилію, узнаемъ, что игуменъ Іосифъ представлялъ церковному собору въ Москвѣ канонъ святому и житіе съ чудесами. Въ одномъ спискѣ житія уцѣлѣла замѣтка автора, что оно писано въ 1589 г. «рукою многогрѣшнаго Наѳанаила Корнильевскаго» [2]). Наѳанаилъ, повидимому, не былъ

№ 369, л. 102, Тр. Серг. лавры № 667, л. 82, съ 98 чудесами. Нач. „Всяка убо добродѣтель". Ж. Варлаама въ рукоп. Унд. XVI в. № 291, ч. мин. Г. Тулупова № 677, л. 231, синод. XVIII в. № 619; чудесъ 24. Нач. „Богъ прославляемъ въ совѣтехъ святыхъ".

[1]) См. приписку въ концѣ службы Пахомію Нерехотскому въ синод. сб. № VI, л. 133. Ж. Геннадія съ службой того же автора и „сказаніемъ иг. Алексѣя къ пастырю" Геннадіева мон. въ синод. рукоп. XVI—XVII в. № 929; тоже въ ч. мин. Г. Тулупова № 673, л. 312. Нач. житія: „Въ Троицѣ единосущней Отца и Сына и Св. Духа истинствую".

[2]) Списки въ синод. рукоп. XVIII в. № 608, л. 55 съ службой, Унд. XVII в. № 369, л. 171, съ припиской автора въ мин. Германа Тулупова № 676, л. 509. Нач. „Разумъ убо православнымъ христіаномъ". Ср. А. А. Эксп. II, № 222.

знакомъ съ житіемъ Геннадія и разсказываетъ о послѣднемъ не совсѣмъ согласно съ Алексѣемъ; разсказъ его богаче Алексѣева труда біографическими подробностями, но такъ же простъ и ровенъ, даже сухъ и сжатъ, что̀ возвышаетъ его цѣну.—Къ тому же времени, къ концу XVI в. можно отнести составленіе уцѣлѣвшаго житія другаго комельскаго пустынника Иннокентія. Это краткая записка, очень скудная извѣстіями и исполненная неточностей [1]). Біографъ говоритъ, что нѣкогда въ монастырѣ «много писанія о святомъ бысть», но въ 1538 г. казанскіе Татары вмѣстѣ съ монастыремъ сожгли и эти записки. Біографъ писалъ по уцѣлѣвшему преданію, многое забывшему или спутавшему; единственнымъ письменнымъ источникомъ служило ему краткое завѣщаніе, приложенное Иннокентіемъ къ собственноручно̀му списку монастырскаго устава учителя своего Нила Сорскаго.

Позднѣйшій писецъ житія Герасима Болдинскаго называетъ автора его, игумена Антонія, ученикомъ Герасима; но это извѣстіе не подтверждается ни его словами въ житіи ни его некрологомъ, написаннымъ въ Вологдѣ въ XVII вѣкѣ; напротивъ онъ вездѣ ссылается только на разсказы «достовѣрно повѣдущихъ», не выставляя себя очевидцемъ. Житіе написано по просьбѣ монаховъ-учениковъ Герасима и, какъ видно по выраженіямъ автора, въ Болдинскомъ монастырѣ, слѣдовательно не позже 1586 года, когда авторъ сталъ вологодскимъ епископомъ. Біографія отличается обстоятельностію разсказа. Уцѣлѣлъ письменный источникъ ея, любопытный по происхожденію. Передъ

---

[1]) Единственный намъ извѣстный списокъ въ сб. гр. А. С. Уварова нач. XVIII в. № 107, л. 64 безъ предисловія. Авторъ не знаетъ, что Иннокентій пришелъ къ Нилу еще до основанія послѣднимъ скита, странствовалъ съ учителемъ по Востоку и умеръ раньше Нила; напротивъ онъ разсказываетъ, что Иннокентій ушелъ изъ скита въ пустыню уже по смерти Нила.

смертью Герасимъ призвалъ къ себѣ Болдинскихъ иноковъ и игуменовъ другихъ основанныхъ имъ монастырей и въ присутствіи ихъ продиктовалъ извѣстія о своей жизни и послѣднія наставленія братіи. Эту предсмертную автобіографію или «изустную память» Герасима, переписанную «съ подлиннаго слово въ слово» въ 1576 г. по приказу соборныхъ старцевъ и игумена Антонія, послѣдній цѣликомъ внесъ въ свое твореніе, дополнивъ ее разсказами учениковъ основателя [1]). По труду Антонія была потомъ составлена другая редакція житія, нѣсколько короче и проще изложенная [2]).

Казанскій митрополитъ Гермогенъ, въ 1594 г. составившій сказаніе о мѣстной чудотворной иконѣ Богоматери, вскорѣ по обрѣтеніи мощей Гурія и Варсонофія, въ 1596 или 1597 г. описалъ жизнь этихъ первыхъ святителей христіанства въ Казани [3]). При литературномъ искусствѣ повѣсть Гермогена скудна извѣстіями: о жизни Гурія и Варсонофія до пріѣзда въ Казань авторъ замѣчаетъ, что не нашелъ «отъ младенства знающихъ житіе ихъ и отечество извѣстно»; но и дѣятельность ихъ въ Казани изображена въ общемъ очеркѣ, хотя авторъ и по близости ко времени ихъ жизни и по своему положенію въ Казани не могъ не знать подробностей.

---

[1]) Списокъ этой памяти въ рукоп. Унд., писанной въ Переяславлѣ въ 1663 г. № 301, л. 126. Антоніево житіе Герасима въ сб. Унд. 1686 г. № 600, л. 161. Нач. „Елицы убо духомъ Божіимъ водими суть". Послѣднія изъ 17 чудесъ описаны другимъ авторомъ: 15-е помѣчено 1590 г., когда Антонія уже не было на свѣтѣ.

[2]) Она въ рукоп. XVII в. Имп. Публ. библ. Погод. отд. № 711, безъ предисловія; она сообщаетъ болѣе подробное извѣстіе о Сверковомъ монастырѣ съ любопытнымъ разсказомъ о бояринѣ Салтыковѣ, сокращая въ остальномъ сочиненіе Антонія.

[3]) Сп. XVII в. въ синод. сб. № 109 и XVIII в. въ рукоп. Унд. № 299 съ службой. Нач. „Повѣсть полезна яко близь очима зрится".

Житіе Антонія Римлянина въ сохранившихся спискахъ XVI—XVII в. приписывается Андрею, ученику и преемнику Антоніеву по управленію монастыремъ. Въ самомъ житіи Андрей не разъ называетъ себя по имени: по его словамъ, онъ, священноинокъ Андрей, принялъ постриженіе въ обители Антонія, былъ его послушникомъ и ученикомъ; умирая, Антоній призвалъ его къ себѣ, сдѣлалъ его своимъ духовнымъ отцомъ и сообщилъ ему свѣдѣнія о своей жизни, завѣщавъ ему описать ее по смерти. Изъ другаго достовѣрнаго источника извѣстно, что Андрей былъ поставленъ игуменомъ въ 1147 и умеръ 1157. Въ концѣ житія читаемъ, что порученіе написать его было повторено Андрею тогдашнимъ епископомъ Нифонтомъ (+ 1156). Но встрѣчаемъ въ житіи черты, которыя могла занести только позднѣйшая рука. Было уже замѣчено другими, что новгородецъ первой половины XII в., говоря о гривенномъ слиткѣ серебра, на который Антоній нанялъ рыболововъ, не могъ написать въ поясненіе, что въ то время у новгородцевъ не было денегъ, а лили они серебряные слитки и ихъ употребляли въ торговлѣ. Но точно также преемникъ Антонія, описывавшій жизнь его по порученію епископа Нифонта, не имѣлъ нужды прибавлять къ имени послѣдняго замѣтку: «бѣ бо въ то время ему святительскій престолъ держащу». Далѣе, житіе говоритъ въ началѣ, что Антоній прибылъ въ Новгородъ въ 1105, а въ концѣ читаемъ: «поживе съ пришествія своего до игуменства лѣтъ 14»; ученикъ Антонія не могъ не знать, что послѣдній поставленъ игуменомъ въ 1131 году [1]). Повѣряя житіе современной Андрею лѣтописью, находимъ въ немъ другія несообразности, невозможныя со стороны современника описываемыхъ событій. Разбирая житіе, замѣчаютъ, что извѣстіе его о построеніи Антоніемъ каменной церкви въ монастырѣ при епископѣ

---

[1]) П. С. Лѣт. III, 6.

Никитѣ есть анахронизмъ, внесенный позднѣйшимъ редакторомъ. Но въ житіи почти всѣ событія изъ жизни Антонія на Руси отнесены ко времени Никиты; только поставленіе въ игумены и кончина Антонія обозначены временемъ епископа Нифонта; житіе какъ будто и не подозрѣваетъ, что между этими епископами былъ Іоаннъ (1108—1130), ко времени котораго относится все, что разсказываетъ житіе съ основанія обители Антоніемъ до его игуменства [1]). Между указанными противорѣчіями житія есть одно, дающее ключъ къ объясненію элементовъ, изъ которыхъ сложилось житіе. Зная, что Антоній посвященъ въ игумены при Нифонтѣ (по лѣтописи въ началѣ 1131 г.) и пришелъ въ Новгородъ въ 1105 г., біографъ однакожъ увѣряетъ, что Антоній прожилъ 14 лѣтъ отъ «пришествія» до игуменства и заложилъ церковь въ монастырѣ «во второе лѣто по пришествіи». Въ этомъ двойномъ противорѣчіи есть не подозрѣваемая самимъ біографомъ правда: церковь основана по лѣтописи въ 1117 г., слѣдовательно «пришествіе» относится къ 1116, ровно за 14 лѣтъ до игуменства. У біографа несомнѣнно были вѣрные письменные источники. Однимъ изъ нихъ, вѣроятно, служило краткое древнее житіе Антонія, подобное первой редакціи житія Варлаама Хутынскаго. Въ разсказѣ объ основаніи монастыря біографъ упоминаетъ о духовной грамотѣ Антонія. Подлинникъ ея исчезъ, но въ монастырѣ сохранились позднѣйшіе списки двухъ грамотъ Антонія [2]). Одна изъ нихъ имѣетъ видъ купчей и подана была игуменомъ въ 1573 г. царю по поводу тяжбы монастыря съ новгородскими посадскими за землю; другая похожа на духовное завѣщаніе основателя. Въ обѣихъ легко замѣтить черты, не позволяющія считать ихъ под-

[1]) П. С. Р. Лѣт. III, 4—6.

[2]) Онѣ напечатаны въ Ист. росс. іер. III, 123—126 и у Карамз. II. прим. 210. Сл. Ист. росс. іер. III, 144 и 154—175.

дѣлками; но обѣ смущаютъ своей внѣшней формой. Въ монастырскихъ актахъ XVI в., относящихся къ тяжбѣ, вездѣ упоминается списокъ только съ одной «духовной купчей ободной» грамоты Антонія, а выдержки приводятся изъ обѣихъ: повидимому, это двѣ части одной духовной и купчая, поданная царю, есть лишь выписка того мѣста изъ послѣдней, которое было нужно для судебнаго процесса. Участіе позднѣйшей руки, измѣнившей подлинный видъ грамоты, замѣтно и въ опредѣленіи цѣны Антоніевой покупки рублями, а не гривнами. Это помогаетъ объяснить извѣстіе грамоты, будто Антоній поселился на мѣстѣ обители по благословенію епископа Никиты, умершаго за 10 лѣтъ до ея основанія: въ подлинникѣ, вѣроятно, имя епископа не было обозначено и вставлено потомъ по догадкѣ. Извѣстія житія, заимствованныя изъ этихъ источниковъ, помогаютъ отдѣлить отъ нихъ черты другаго происхожденія, поставленныя рядомъ съ ними и нерѣдко имъ противорѣчащія. Въ духовной Антоній пишетъ, что онъ не принималъ имѣнія ни отъ князя ни отъ епископа, но купилъ для монастыря на свои деньги село Волховское у посадничьихъ Ивановыхъ дѣтей Семена и Прокофія; житіе, цитуя духовную, говоритъ объ этой покупкѣ, но выше, въ концѣ повѣсти о чудесномъ прибытіи Антонія въ Новгородъ превращаетъ этихъ посадничьихъ дѣтей въ посадниковъ Ивана и Прокофія Ивановичей, которые по просьбѣ епископа даромъ отводятъ подъ монастырь землю въ селѣ Волховскомъ. Въ духовной Антоній не говоритъ, откуда взялъ 170 гривенъ на покупку села и тони; житіе, выписывая это мѣсто духовной, прибавляетъ отъ лица Антонія, будто деньги взяты «изъ Пречистыя сосуда, сирѣчь изъ бочки» [1]). Такъ біографъ ставилъ рядомъ подъ покровомъ одинаковаго авторитета документаль-

---

[1]) Ср. Ист. іер. въ указ. м. стр. 123—125 съ Прав. Собес. 1858 г. ч. II, стр. 314, 171 и 321.

ныя и легендарныя черты. Можно замѣтить, что легенда о путешествіи Антонія изъ Италіи именно и вноситъ путаницу въ житіе: авторъ какъ будто не зналъ, какъ расположить, съ какими извѣстіями другихъ источниковъ связать части этой легенды, и расположилъ ихъ невѣрно. Происхожденіе и элементы этой легенды лежатъ за предѣлами нашей задачи; но нѣкоторыя соображенія о ходѣ ея развитія необходимы для подтвержденія вывода, что не перо XII в. записало ее въ томъ видѣ, какъ она изложена въ житіи. Житіе разсказываетъ, что по смерти Антонія, когда ученикъ его Андрей открылъ епископу и всѣмъ людямъ города тайну прибытія святаго въ Новгородъ, «оттолѣ начать зватися Антоній Римлянинъ». Но ни въ лѣтописяхъ ни въ другихъ памятникахъ, составленныхъ до половины XVI в., имя его не является съ такимъ эпитетомъ. Само житіе впадаетъ здѣсь въ любопытное противорѣчіе: по его словамъ, до самой кончины Антонія никто не зналъ «тайны о пришествіи его» кромѣ Никиты и Андрея, а въ разсказѣ о тяжбѣ съ рыбаками за бочку Антоній торжественно на судѣ за 30 лѣтъ до смерти объявляетъ, что въ Римѣ бросилъ эту бочку въ море, скрывъ въ ней священные сосуды. Изъ приложенныхъ къ житію похвалы и статьи о чудесахъ видно, какъ съ половины XVI в. подъ вліяніемъ воскресавшаго преданія объ Антоніѣ впервые выходили изъ забвенія памятники, связанные съ его именемъ: игуменъ Веніаминъ около 1550 г. торжественно поднялъ лежавшій дотолѣ въ пренебреженіи на берегу Волхова камень, на которомъ приплылъ Антоній; около 1590 игуменъ Кириллъ открылъ въ ризницѣ морскія трости, приплывшія съ этимъ камнемъ, и реставрировалъ на немъ образъ Антонія, стертый временемъ. Многолѣтняя тяжба за землю, купленную Антоніемъ, не могла остаться безъ дѣйствія на обновленіе преданія о немъ въ памяти мѣстныхъ жителей.—Изложенныя замѣчанія, повидимому, помогаютъ объяснить происхожденіе житія. Въ со-

хранившихся спискахъ оно обыкновенно начинается витіеватымъ предисловіемъ и сопровождается похвальнымъ словомъ, статьей о чудесахъ и длиннымъ послѣсловіемъ, изъ котораго узнаемъ, что чудеса описаны постриженникомъ Антоніева монастыря Нифонтомъ въ 1598 г. въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, куда онъ переселился вслѣдъ за игуменомъ Кирилломъ, около 1594 г. Нифонтъ приписываетъ себѣ только повѣсть о чудесахъ, но при этомъ дает понять, что прибавилъ эту повѣсть къ прежде сдѣланному собственноручному списку житія [1]. Разсмотрѣнное выше содержаніе послѣдняго не позволяетъ считать его твореніемъ Антоніева ученика, которому оно приписывается. По литературнымъ понятіямъ, господствовавшимъ въ древней Руси, иной грамотей, передѣлавъ старое произведеніе, смотрѣлъ однакожъ на свою передѣлку только какъ на новый списокъ подлинника и усвоялъ первому автору, что̀ онъ могъ написать, хотя и не написалъ. Живя въ монастырѣ Антонія, Нифонтъ первый возбудилъ мысль открыть и прославить его мощи. Потомъ онъ много хлопоталъ объ этомъ. Для успѣха дѣла необходимо было представить властямъ приличное житіе святаго съ чудесами и похвалой. Въ монастырѣ, вѣроятно, было преданіе, что краткая записка о святомъ составлена Андреемъ. Передѣлывая и дополняя другими источниками эту записку къ торжеству открытія мощей, послѣдовавшаго въ 1597 году, Нифонтъ не только поставилъ надъ біографіей имя Андрея, но и считалъ себя въ правѣ говорить въ ней отъ лица послѣдняго. Наконецъ новый біографъ самъ указываетъ на происхожденіе анахронизма, который онъ допустилъ, отнесши событія жизни Антонія до игуменства ко времени епископа Никиты: имя ничѣмъ не памятна-

---

[1]) Синод. рук. № 609, л. 154 - 159: „повелѣ ми (иг. Кириллъ) сія вся induct здѣ написати чудеса преподобнаго; а прочая же напреди написана бяше въ книзѣ сей, а здѣ же азъ сія вся тогда написахъ себѣ памяти ради въ обители живоначальныя Троицы“. Ср. Оп. Рум. муз. стр. 210.

то преемника его Іоанна забылось, а мысль открыть мощи Антонія пришла Нифонту, по его словамъ, немного послѣ обрѣтенія мощей Никиты.

Въ житіи основателя Сыпанова монастыря Пахомія, очень мало распространенномъ въ древнерусской письменности, нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на время и мѣсто его написанія; лишь по нѣкоторымъ неяснымъ признакамъ можно относить его появленіе къ концу XVI вѣка [1]). Но его дѣльный, внушающій довѣріе и простой разсказъ показываетъ, что поздній біографъ имѣлъ подъ руками надежные источники извѣстій объ этомъ подвижникѣ XIV в.

Распространенное въ рукописяхъ житіе митроп. Филиппа составлено кѣмъ-то въ Соловецкомъ монастырѣ, по порученію игумена и братіи, вскорѣ по перенесеніи туда мощей святителя изъ Отроча монастыря въ 1590 году. Авторъ замѣчаетъ: «никтоже яже о немъ написавъ намъ остави, тѣмъ же и азъ отъ инѣхъ достовѣрно повѣдающихъ о немъ слышахъ»; но въ разсказѣ объ игуменствѣ Филиппа онъ нигдѣ не выставляетъ себя очевидцемъ разсказываемаго [2]). Этимъ объясняются нѣкоторыя

---

[1]) Единственный намъ извѣстный сп. житія конца XVI или нач. XVII в. въ непереплетенномъ синод. сб. № VI, л. 134—155 съ однимъ посмертнымъ чудомъ, совершившимся надъ ученикомъ Пахомія Иринархомъ. Предисловіе къ житію—передѣлка предисловія къ житію Евфросиніи полоцкой. Нач. „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ". Передъ житіемъ помѣщена служба Пахомію съ наставленіемъ, какъ изображать на иконѣ Пахомія и Геннадія костромскаго.

[2]) Сп. житія XVI—XVII в. въ сб. Рум. № 361, л. 196, XVII в. Унд. № 381, волокол. сб. моск. дух. ак. № 660, л. 24, Большая. въ моск. публ. муз. № 28, л. 1. Въ первомъ изъ нихъ, которымъ пользовался Карамзинъ (т. IX, прим. 173 — 205) сохранилась замѣтка автора, опущенная въ другихъ: разсказывая о дѣятельности Филиппа въ Москвѣ, онъ говоритъ: „не отъ иного слышахъ, но самъ видѣхъ". По этой редакціи, перенесеніе мощей было въ 21-й годъ по смерти Филиппа, по другой— въ 1590 августа 8. Предисловіе къ первой редакціи составлено по житію Герасима Болдинскаго, написанному Антоніемъ; начало тоже.

неточности въ разсказѣ его о жизни Филиппа и на Соловкахъ и въ Москвѣ. Сохранилась другая редакція житія, составленная тамъ же: она во многомъ повторяетъ первую, короче описываетъ управленіе Филиппа русской церковію, но представляетъ много новыхъ и любопытныхъ чертъ въ разсказѣ о заточеніи Филиппа и особенно о его хозяйственной дѣятельности въ монастырѣ на Соловкахъ [1]).

Въ царствованіе Бориса Годунова пріятель его патріархъ Іовъ написалъ житіе царя Θедора. Оно изложено слишкомъ оффиціально для литературнаго произведенія и при обиліи реторики слишкомъ бѣдно содержаніемъ для біографа-современника стоявшаго такъ близко къ самому источнику описываемыхъ событій. Въ рукописяхъ встрѣчается служба преп. Іосифу Волоцкому съ извѣстіемъ, что въ 1591 г. соборомъ установлено всецерковное празднованіе его памяти и по этому поводу исправлены были для печатнаго изданія тропарь, кондакъ, стихиры, канонъ и на литургіи вся служба Іосифу. Въ службѣ одинъ канонъ—«твореніе Іова патріарха» [2]).

По порученію того же патріарха составлена была пятая, самая обширная и витіеватая редакція житія кн. Александра Невскаго. Изъ приписки къ ней видно, что авторъ ея—воло-

---

[1]) Единственный сп. второй ред. безъ начала въ рукоп. Унд. XVII в. № 3[illegible]0 л. 35. Первая редакція упоминаетъ мимоходомъ о приставѣ Стефанѣ Кобылинѣ, мучившемъ Филиппа въ заточеніи, потомъ постриженномъ и заточенномъ [illegible] Каменный монастырь. Второй редакторъ разсказываетъ потребнѣе о заточеніи Филиппа со словъ старца Симеона, бывшаго [illegible] Филиппа, [illegible] ему бывшу на Соловкахъ". На время второй редакціи [illegible] намекъ въ извѣстіи ея, что на мѣстѣ мельницъ построенныхъ Филиппомъ, *нынѣ* построены новыя каменныя. Можетъ быть, это тѣ, которыя были поставлены послѣ пожара, истребившаго мельницы въ 1601 г., по Соловецкой лѣтописи. Солов. рукоп. каз. дух. ак. № 483.

[2]) Житіе Θедора въ Ник. лѣт. VII, 316—359. Канонъ Іосифу въ волок. сб. моск. дух. ак. № 381.

годскій архіепископъ Іона Думинъ. Его трудъ—компиляція, составленная по запискѣ Александрова біографа-современника, по лѣтописи и по двумъ редакціямъ житія, написаннымъ по порученію митрополита Макарія; новый редакторъ прибавилъ отъ себя новыя реторическія украшенія, 4 чуда 1572 года и пространное похвальное слово. Сводя и передѣлывая сказанія прежнихъ біографовъ, Іона однакожъ ведетъ разсказъ отъ ихъ лица и приписываетъ имъ слова, которыхъ не находимъ въ ихъ сочиненіяхъ: такимъ образомъ въ біографіи, написанной по благословенію Іона, читаемъ, что авторъ бесѣдуетъ съ плѣнными, взятыми Александромъ въ Ледовомъ бою, и получаетъ отъ митрополита Макарія приказаніе написать житіе Александра, и слушаетъ разсказъ старца Рождественскаго монастыря во Владимірѣ о чудѣ князя Александра въ 1572 году [1]).

Много лѣтъ спустя по смерти Нила Столбенскаго († 7 дек. 1554 г.), около 1580 г. въ пустыню его пришелъ изъ сосѣдняго Никольскаго Рожковскаго монастыря іеромонахъ Германъ и ушедши черезъ 3 года, воротился туда около 1590 г. Самъ уроженецъ той мѣстности, Германъ по разсказамъ окрестныхъ жителей составилъ записки о жизни и чудесахъ Столбенскаго пустынника, и считая себя «недовольнымъ писанія», долго думалъ, гдѣ найти человѣка, способнаго по этимъ запискамъ написать житіе Нила. Узналъ онъ, что есть въ Болдинскомъ Герасимовомъ монастырѣ такой человѣкъ, инокъ Филоѳей Пиро-

---

[1]) Малют. ч. мин. ноябр. л. 1055, Унд. XVII в. №№ 275 и 1271: въ послѣднемъ анаграмма, въ которой скрыто имя автора; она напечатана по рукоп. Царскаго въ III т. Зап. Археол. Общ. и разобрана въ т. IV стр. 140. Нач. житія: „Якоже въ чувственныхъ видимое солнце". Іона, вѣроятно, прежде жилъ въ Рождественскомъ монастырѣ и не прекращалъ сношеній съ нимъ, ставъ въ 1589 г. епископомъ вологодскимъ: о чудѣ 1572 г. разсказалъ ему монахъ этого монастыря Антоній; въ 1600 г. онъ положилъ въ ту же обитель списокъ твореній Максима Грека на поминъ души своей по смерти. Опис. рукоп. Царскаго, стр. 200.

говъ, и въ 1598 г. въ Москвѣ на соборѣ встрѣтившись съ Болдинскимъ игуменомъ Ѳеоктистомъ, онъ вручилъ ему свои «списки» о жизни и чудесахъ Нила съ просьбой поручить Филоѳею составленіе житія. Разсказы странствующихъ иноковъ о Нилѣ уже давно пробудили въ Филоѳеѣ «желаніе несытно» писать о немъ, и когда Ѳеоктистъ принесъ ему записки Германа, онъ составилъ по нимъ житіе, стихиры и канонъ Нилу, дополнивъ извѣстія Германа разсказами странствующихъ иноковъ, бывавшихъ на Столобномъ островѣ [1]). Такъ составилось одно изъ любопытнѣйшихъ житій. Филоѳей замѣчаетъ, что «писалъ съ того вданнаго письма Германомъ»; можно заключать изъ этого выраженія, что записки послѣдняго цѣликомъ вошли въ редакцію Филоѳея, который удержалъ въ своемъ изложеніи даже ссылку на разсказы «жителей Осташковскихъ», принадлежащую, очевидно, Герману [2]). Сохранившаяся записка послѣдняго о составленіи житія показываетъ, что онъ не хуже Филофея владѣлъ книжнымъ языкомъ. Житіе составлено вскорѣ по полученіи записокъ, впрочемъ не раньше 1599 года, къ которому относится послѣднее изъ описанныхъ въ немъ чудесъ. Впослѣдствіи, еще до обрѣтенія мощей въ 1667 г. составлена была другая редакція житія, въ которой простой разсказъ Филоѳея, особенно въ началѣ, украшенъ реторикой и распространенъ общими мѣстами житій [3]).

[1]) Эти извѣстія извлечены изъ предисловія Филоѳея къ житію и записки Германа, помѣщенной Тулуповымъ передъ житіемъ въ рукоп. Тр. Серг. л. № 672, л. 85. Въ рукоп. Унд. XVII в. № 345 то же житіе со службой. Германъ былъ первымъ строителемъ монастыря на Столобномъ островѣ и скончался въ 1614 году; духовную его см. въ Ист. опис. Ниловой пустыни, В. Успенскаго, стр. 109. Нач. житія: „Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего“.

[2]) Унд. № 345, л. 41; Филоѳей говоритъ о себѣ, что не бывалъ въ Ниловой пустынѣ.

[3]) Она въ рукоп. Унд. XVIII в. №№ 346 и 347, въ обѣихъ безъ предисловія; нач. „Сей преп. Нилъ рожденіе и воспитаніе имѣ отъ области и предѣлъ В. Новаграда“.

Повѣсть о псковскомъ Печерскомъ монастырѣ, написанную игуменомъ Корниліемъ, продолжали другіе и въ началѣ XVII в. рядъ отдѣльныхъ сказаній сведенъ былъ въ одно цѣлое [1]. Самая любопытная статья въ этомъ сводѣ—описаніе монастыря, составленное «въ настоящій сей во 111-й (1603) годъ». Объ осадѣ Пскова Баторіемъ разсказывалъ автору Печерскій игуменъ Тихонъ, очевидецъ событія; дополняя повѣсть Корниліа, онъ ссылается на разсказы, слышанные имъ отъ Тихонова преемника Никона; въ повѣсти объ осадѣ монастыря Поляками въ 1611 г. авторъ является участникомъ въ защитѣ обители. Трудно рѣшить, принадлежатъ ли эти указанія различнымъ авторамъ отдѣльныхъ сказаній, вошедшихъ въ сводъ, или одному редактору его, жившему въ Печерскомъ монастырѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Въ спискѣ повѣсти начала XVII в. сохранилось извѣстіе, что три сказанія—о началѣ Печерскаго монастыря, объ осадѣ его и Пскова въ 1581 г.—впервые собраны въ одно цѣлое инокомъ Григоріемъ при игуменѣ Никонѣ [2]. Сообщаютъ еще, не указывая источниковъ, что Корниліево сказаніе дополняли въ 1587 г. игуменъ Мелетій и потомъ Іоакимъ (игуменъ съ 1593 по 1617 г.), что извѣстную повѣсть объ осадѣ Пскова въ 1581 г. написалъ іеромонахъ Псковскаго Елеазарова монастыря Серапіонъ [3]. Составитель

---

[1]) Этотъ сводъ въ солов. рукоп. каз. дух. ак. № 609; списокъ помѣченъ 1632 годомъ. Здѣсь повѣсти о монастырѣ предшествуютъ опись монастырскихъ зданій; въ повѣсти переписана бо́льшая часть Корниліева сказанія, къ которому прибавлены извѣстія о первомъ Печерскомъ пустынникѣ Маркѣ, о дѣятельности Корнилія и о его преемникахъ; затѣмъ слѣдуютъ статьи объ осадѣ Пскова и монастыря въ 1581 г., о переложеніи мощей Марка и Іоны при иг. Іоакимѣ, о нашествіи Поляковъ въ 1611 г. и о чудесахъ Печерской иконы.

[2]) Рукоп. г. Погодина, см. Москвит. 1843, г. № 9, стр. 139.

[3]) Опис. Печерск. монастыря, изд. въ Д-ртѣ въ 1821 г. стр. 52. Архіеп. Филаретъ въ Обз. русск. дух. лит. I, стр. 214 и 225. Митр. Евге-

разсматриваемаго свода, въ своемъ сокращеніи этой повѣсти передавая разсказъ ея о видѣніи Богородицы на стѣнѣ Пскова кузнецомъ Дороѳеемъ, прибавляетъ, что читалъ объ этомъ «въ писаніи пѣвца Митрофана».

Встрѣчаемъ писателей, соединявшихъ свои труды надъ одной и той же литературной работой. Въ рукописяхъ сохранилась служба великому князю московскому Даніилу, написанная по благословенію патріарха Іова воеводою Семеномъ Романовичемъ Олферьевымъ и инокомъ переяславскаго Даніилова монастыря Сергіемъ. Неизвѣстно, ими ли составлено и житіе князя, встрѣчающееся въ спискахъ XVII в. Рядъ посмертныхъ чудесъ въ немъ оканчивается извѣстіемъ о возстановленіи Даніилова монастыря въ царствованіе Ивана Грознаго. По словамъ житія, «сказаніе, еже во древнихъ лѣтописаніихъ явлено, сіе и здѣ предложися»; новаго въ житіи развѣ только взглядъ на характеръ и дѣятельность князя, любопытный по своему противорѣчію фактамъ, которые излагаетъ самъ біографъ [1]. По сохранившемуся описанію чудесъ Романа, углицкаго князя XIII вѣка, чудотвореніе отъ мощей его началось 3 февраля 1605 г. и тогда же, по порученію патріарха Іова, казанскій митрополитъ Гермогенъ свидѣтельствовалъ мощи святаго князя, а Семенъ Олферьевъ съ инокомъ Сергіемъ написали повѣсть о немъ, стихиры и каноны. Житіе съ первыми чудесами погибло во время разоренія Углича въ 1609 году; сохранилась только служба князю и описаніе чудесъ съ 2 по 12 марта 1605 года [2]. По ви-

---

ній въ Слов. пис. дух. чина. ч. 2, стр. 200. Повѣсть издана въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1847, кн. I.

[1]) Рукоп. Унд. XVII в. № 300, Рум. № 157, л. 169, Милют. ч. мин. март. л. 110. Житіе напеч. въ Степен. I, 377.

[2]) Обѣ статьи въ рукоп. Унд. XVII в. № 363, описаніе чудесъ въ сб. Тр. Серг. лавры XVII в. № 628, л. 88. Въ лѣтописи находимъ извѣстіе, что мощи Романа обрѣтены и внесены въ соборную церковь

дному, одного изъ названныхъ писателей имѣлъ въ виду архіепископъ Филаретъ, сообщая извѣстіе, будто *углицкій* инокъ Сергій въ 1610 г. описалъ чудеса Паисія углицкаго и передѣлалъ записки о его жизни [1]). Въ рукописяхъ встрѣчаемъ двѣ редакціи житія Паисія, краткую и пространную съ позднѣйшими прибавленіями. Изъ разсказа автора о происхожденіи послѣдней видно, что она составлена послѣ литовскаго погрома на основаніи какой-то «исторіи», вѣроятно, лѣтописной повѣсти о городѣ Угличѣ [2]). Въ ней можно замѣтить нѣсколько анахронизмовъ; но присутствіе мелкихъ подробностей въ разсказѣ о нѣкоторыхъ событіяхъ и хронологическихъ помѣтокъ, согласныхъ съ другими извѣстіями объ Угличѣ, заставляетъ думать, что авторъ пользовался довольно древнимъ и обстоятельнымъ письменнымъ источникомъ. Въ краткой редакціи по-

---

Углича въ 1595 году (Ник. VIII, 32 и 33. Лѣтоп. о мног. матеж. стр. 43). Это извѣстіе неточно: по житію Паисія углицкаго, мощи обрѣтены спустя немного лѣтъ по освященіи церкви въ монастырѣ Паисія въ 1482 г. и за 120 слишкомъ лѣтъ до разоренія Углича Литвой, слѣдовательно около 1485 г. По актамъ извѣстенъ архимандритъ переяславскаго Даніилова монастыря Сергій въ 1580 и 1584 гг. Собр. гос. грам. и догов. I. стр. 587. А. А. Эксп. I, стр. 212.

[1]) Обзоръ р. дух. лит., I, стр. 312; въ Р. Свят. іюнь, примѣч. 34 авторъ не повторилъ своего извѣстія о Сергіѣ.

[2]) Краткая безъ предисловія въ Милют. ч. мин. іюнь, л. 260. Пространная—въ нашей рукописи, писанной въ Угличѣ въ 1776 г. Нач. «Нынѣ убо, отцы и братія, подобаетъ намъ свѣтлое сіе торжество праздновати». Въ концѣ разсказа о чудесахъ Паисія при жизни біографъ замѣчаетъ: „многа писанія послѣди литовскаго разоренія не обрѣтаются уже, потреблены бо суть вся отъ тѣхъ злыхъ человѣкъ и сожжена быша, и лѣтописецъ гр. Углеча тогда же погибе, и сія едва въ ризницѣ преп. отца обрѣтохомъ, да и то вся истлѣвша и издрана весьма и едва мощно разобрати; сія же мало отъ тѣхъ списавше и здѣ въ житіе преп. отца приличная положихомъ и исполнихомъ житіе святаго отъ оноя исторіи, нынѣ нами обрѣтенныя, яже прежде доселѣ тая исторія невѣдома бѣ, и житіе преподобнаго вкратцѣ писашеся, то сіе нынѣ исправися и пространно написася“.

что всѣ эти подробности и хронологическія указанія опущены; въ остальномъ она большею частью дословно сходна съ пространной; но трудно рѣшить, была ли она позднѣйшимъ сокращеніемъ этой послѣдней или однимъ изъ ея источниковъ. Ни въ ней ни въ пространной редакціи нѣтъ яснаго подтвержденія извѣстія, будто житіе Паисія написано инокомъ Сергіемъ въ 1610 году [1]). Существованіе старой мѣстной лѣтописи подтверждается «повѣстью о градѣ Угличѣ», составленной во второй половинѣ XVIII вѣка [2]). Она начинается болѣе куріозными чѣмъ любопытными преданіями и догадками о происхожденіи и древнѣйшей исторіи Углича, обычными въ старыхъ и новыхъ нашихъ историческихъ описаніяхъ городовъ; но въ дальнѣйшемъ изложеніи выступаютъ ясно мѣстные лѣтописные источники. Для насъ эта повѣсть любопытна тѣмъ, что вмѣстѣ съ извлеченіями изъ сохранившихся житій углицкихъ святыхъ Кассіана и Паисія она приводитъ отрывки изъ житій, которыхъ нѣтъ въ извѣстныхъ рукописныхъ библіотекахъ. Такъ находимъ въ ней обстоятельный разсказъ объ ученикѣ Паисія Вассіанѣ Рябовскомъ, по складу своему не оставляющій сомнѣнія, что онъ выписанъ изъ житія Вассіана; не менѣе любопытно сказаніе о современникѣ Паисія, ростовскомъ инокѣ Варлаамѣ, въ 1460 г. основавшемъ монастырь близъ Углича на рѣкѣ Улеймѣ [3]).

---

[1]) Архіеп. Филаретъ относитъ составленіе пространной редакціи къ концу XVII вѣка, не указывая основаній. Въ обѣихъ редакціяхъ житіе сопровождается 27 посмертными чудесами, изъ которыхъ 2-е помѣчено 1574 годомъ, 21-е относится ко времени царя Василія Шуйскаго. Въ пространной къ этому прибавлено 4 позднѣйшихъ чуда, изъ которыхъ одно помѣчено 1654 г.

[2]) Она извѣстна намъ по рукописи Пискарева въ моск. публ. муз.

[3]) О Вассіанѣ см. л. 53, о Варлаамѣ л. 67. Повѣсть писана послѣ 1764 года, когда упраздненъ монастырь Вассіана; однакожъ упомянувъ о возстановленіи его въ 1616 году, она прибавляетъ что онъ „донынѣ стоитъ неразрушимъ славно“: такъ, очевидно, говорило житіе Вассіана.

При патріархѣ Іовѣ въ дѣлѣ литературнаго прославленія памяти святыхъ трудился кн. С. Шаховской. По порученію патріарха написалъ онъ похвальное слово святителямъ Петру, Алексію и Іонѣ; кромѣ того извѣстно его похвальное слово устюжскимъ юродивымъ Прокопію и Іоанну и повѣсть о царевичѣ Димитріѣ углицкомъ. Въ обоихъ первыхъ произведеніяхъ авторъ обнаружилъ хорошее знакомство съ реторическими пріемами агіобіографіи; но біографическія свѣдѣнія его о прославляемыхъ святыхъ ограничиваются тѣмъ, что онъ нашелъ въ ихъ житіяхъ [1])

Въ духовной Столбенскаго строителя Германа, писанной въ 1614 году, упоминается канонъ Василію, московскому блаженному. Въ канонникѣ Евфимія Туркова, игумена Іосифова монастыря, писанномъ въ концѣ XVI в., встрѣчаемъ этотъ канонъ съ извѣстіемъ, что онъ — твореніе старца Мисаила Соловецкаго [2]). Сохранилось житіе блаженнаго, очень скудное біографическимъ содержаніемъ, но многословное и скорѣе похожее на похвальное слово чѣмъ на житіе; чудеса, приложенныя къ житію, начались въ 1588 году; въ рукописяхъ житіе, кажется, появляется не раньше XVII вѣка: это указываетъ приблизительно на время его составленія [3]).

Въ предисловіи къ житію Кирилла Новоезерскаго, выписанномъ изъ житія Евѳимія Великаго, нѣтъ указаній ни на автора ни на время появленія житія; рядъ посмертныхъ чудесъ не одинаковъ въ разныхъ спискахъ и трудно угадать, гдѣ остано-

[1]) Слово святителямъ въ Милют. ч. мин. окт. л. 447; слово Прокопію и Іоанну въ рукоп. Унд. № 362, л. 197.

[2]) Опис. Ниловой Стол. пустыни, В. Успенскаго, стр. 110. Рукоп. волокол. въ моск. дух. акад. № 412. Въ Соловецкомъ уставѣ иг. Филиппа, писанномъ въ 1563 году, въ спискѣ братіи упомянутъ одинъ инокъ Мисаилъ. Рукоп. солов. въ казанск дух. ак. № 1127.

[3]) Списки: Унд. № 293, гр. А. С. Уварова по катал. Царск. № 135, л. 453, № 265, л. 51. Нач. „Благословенъ Богъ и Отецъ Господь“.

вился біографъ и откуда начинаются позднѣйшія прибавки [3]). Слово объ открытіи мощей Кирилла, написанное въ половинѣ XVII вѣка очевидцемъ событія, разсказываетъ, что въ 1648 г. братія Новоезерскаго монастыря послала боярину Борису Морозову житіе Кирилла съ чудесами при жизни и по смерти. Изъ посмертныхъ чудесъ 14-е помѣчено 1581 годамъ, а о 17-мъ авторъ замѣчаетъ: «се новое и преславное чудо, еже видѣхомъ очію нашею». Наконецъ одно чудо Кирилла при жизни біографу сообщилъ Діонисій, первый по времени сотрудникъ и ученикъ святаго, пришедшій къ нему въ пустыню въ 1517 г. Изъ всего этого можно заключить, что житіе писано въ первые годы XVII в. монахомъ, вступившимъ въ монастырь Кирилла въ концѣ XVI в. Въ этомъ житіи можно замѣтить нѣсколько мелкихъ неточностей; но весь запасъ біографическихъ извѣстій почерпнутъ повидимому изъ хорошихъ источниковъ: кромѣ изустныхъ сообщеній учениковъ Кирилла авторъ намекаетъ и на записки, замѣчая, что «древле бывшая знаменія и чудеса отцемъ Кирилломъ списана прежними отцы», потрудившимися въ его обители.

Сохранилось витіеватое описаніе чудесъ Кирилла Челмскаго въ XVII вѣкѣ, составленное во второй половинѣ этого столѣтія Іоанномъ, священникомъ села около Кириллова монастыря. Сообщая двѣ-три біографическія черты о Кириллѣ и называя его братомъ Корнилія Комельскаго, Іоаннъ признается, что

---

[3]) Всѣ списки житія XVII в. Нач. „Единородный Сынъ Слово Божіе“. Ср. житіе Евфимія В. въ рукоп. Унд. XV в. № 558, л. 318. По сп. Царск № 126 житіе оканчивается чудомъ 1612года, по сп Унд. № 328 и Милют. ч. мин. февр. л. 100 — чудомъ 1620, по сп. Тр. Серг. лавры № 696, л. 75 — тремя чудесами 1627 года, по сп. гр. Уварова № 459), л. 93—чудомъ 1638 г. Архіеп. Филаретъ, останавливаясь на второй изъ этихъ группъ, полагаетъ, что житіе писано въ 1620 г. Русск. Свят. февр. примѣч. 18. Слово на обрѣтеніе мощей напеч. въ чтен. Общ. Ист. и Др. 1864 г. кн. 3

больше ничего не знаетъ о святомъ, но что были записки о его жизни, пропавшія во время Литовскаго разоренія. Въ извѣстномъ намъ спискѣ къ этимъ чудесамъ приложена повѣсть о жизни Кирилла, начинающаяся прямо разсказомъ «о пришествіи Кирилла на Челму гору въ лѣто 6824-е»; начала и нѣкоторыхъ частей въ срединѣ, очевидно, не достаетъ [1]). Біографія оканчивается разсказомъ объ исцѣленіи старца Антонія, который въ дѣтствѣ посѣщалъ Челмскаго пустынника. Подробности о жизни Кирилла и особенно Челмской обители по смерти его не позволяютъ думать, что біографія составлена на основаніи поздняго изустнаго преданія, которое было для Іоанна единственнымъ источникомъ свѣдѣній о Кириллѣ; притомъ біографическія извѣстія Іоанна не вполнѣ согласны съ этимъ житіемъ. Но разсказъ, на которомъ прерывается послѣднее, не даетъ достаточнаго основанія думать что оно составлено въ половинѣ XV в. Изложеніе его проще Іоаннова описанія чудесъ, но отличается складомъ и пріемами позднѣйшаго времени; притомъ едвали можно считать писателемъ половины XV в. біографа, который говоритъ о Кириллѣ, что онъ подражалъ многимъ угодникамъ, просіявшимъ въ сѣверной Чудской странѣ по различнымъ городамъ и островамъ морскимъ; наконецъ и въ этомъ житіи братомъ Кирилла является Корнилій Комельскій, слѣдовательно оно написано, когда прошло достаточно времени для такой ошибки, т. е. въ концѣ XVI или въ началѣ XVII. Эту

[1]) Это житіе чрезвычайно рѣдко, мы знаемъ его по списку въ поморской рукописи, намъ принадлежащей. Чудеса 1622—1674 гг., описанныя Іоанномъ, начинаются предисловіемъ: „Тайну цареву добро таити со опасеніемъ". Разсказъ о пришествіи Кирилла на Челму начинается словами: „По смотрѣнію убо Божію дошедъ преподобный отецъ нашъ Кириллъ чудотворецъ на мѣсто оно, глаголемое Челма гора, отъ града Каргополя 42 поприща, на усть Челмы рѣки, надъ озеромъ Челмозеромъ, о ней же извѣщеніе и гласъ Божій слышавъ".

ошибку можно объяснить только предположеніемъ, что біографъ смѣшалъ Комельскаго пустынника съ Корниліемъ Палеостровскимъ, о которомъ рано забыли даже въ Онежскомъ краѣ [1]).

Дружина Осорьинъ, сынъ муромскаго помѣщика и біографъ своей матери Іуліаніи, извѣстенъ по грамотамъ 1625—1640 гг. какъ губной староста города Мурома. Біографія матери написана имъ вскорѣ по погребеніи другаго сына ея въ 1614 году, когда открыли ея гробъ [2]). Разборъ этого житія — дѣло историко-литературной критики, которая уже не разъ обращалась къ нему. Черты помѣщичьяго быта XVI—XVII в. въ этой біографіи отступаютъ для читателя на второй планъ передъ ея литературнымъ значеніемъ: это собственно не житіе, а мастерская характеристика, въ которой Осорьинъ нарисовалъ въ лицѣ своей матери идеальный образъ древнерусской женщины. Послѣ повѣсти современника объ Александрѣ Невскомъ Осорьинъ едвали не впервые выводитъ читателя изъ сферы агіобіографіи и даетъ ему простую біографію свѣтской женщины, даже передъ смертью не сподобившейся ангельскаго образа. Необычной за-

---

[1]) Можно указать одно неясное подтвержденіе этой догадки. Въ сохранившейся службѣ Корнилію Палеостровскому есть извѣстіе, что онъ родился въ Псковѣ (см. статью г. Барсова „Палеостровъ“ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1868 г. кн. 1, прим. 2). Въ житіи Кирилла нѣтъ извѣстія о мѣстѣ его рожденія, но указано мѣсто постриженія — монастырь Антонія Римлянина. Въ послѣднемъ, какъ и на Палеостровѣ, главный храмъ во имя рождества Богородицы, а основатели новыхъ монастырей имѣли обычай воспроизводить въ нихъ храмъ обители, изъ которой вышли. Арх. Филаретъ, вѣроятно, пользовался выдержками изъ житія Кирилла и потому написалъ, что оно составлено въ XV в. и дополнено чудесами при патр. Никонѣ. Р. Свят. дек. прим. 108.

[2]) А. А. Эксп. III, №№ 163, 210, 295, 297. Житіе напеч. въ Пам. стар. русск. лит. I, 63 съ пропусками. Нач. предисловія: „Благословенъ Богъ Отецъ Вседержитель“. Въ концѣ житія по сп. въ нашемъ поморскомъ сб. л. 168: „Мы же о житіи ея никому не повѣдахомъ, дондеже преставися

дачѣ труда соотвѣтствуетъ и его внѣшняя форма: начавъ его предисловіемъ въ духѣ житій, Осорьинъ описалъ жизнь матери не безъ литературныхъ украшеній; но сыновнее чувство помогло ему выйти изъ тѣсныхъ рамокъ агіобіографіи и обойтись безъ ея условныхъ красокъ и пріемовъ.

Житіе затворника Иринарха, подвизавшагося въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на Устьѣ, написано ученикомъ его Александромъ по завѣщанію учителя и, какъ можно думать, вскорѣ послѣ его кончины въ 1616 г. Одно изъ послѣднихъ посмертныхъ чудесъ, приложенныхъ къ житію, помѣчено 1653 годомъ, а послѣднее 1693; но по изложенію ихъ видно, что они записывались позднѣе житія постепенно, разными людьми и даже въ разныхъ мѣстахъ [1]). Простой разсказъ Александра, сообщая нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ исторіи Смутнаго времени, особенно ярко рисуетъ паденіе монастырской дисциплины и нравственную распущенность, обнаружившуюся въ русскомъ монашествѣ съ половины XVI в.

Нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ жизни сельскаго населенія на дальнемъ Сѣверѣ даетъ длинный рядъ чудесъ, приложенныхъ къ сказанію объ Артеміи Веркольскомъ, писанному жителемъ Верколы по благословенію митрополита новгородскаго Макарія (1619—1627). Этотъ рядъ, начинаясь съ 1584 года, оканчивается чудомъ 1618 и съ 1605 г. записывался авторомъ со словъ самихъ исцѣленныхъ: повидимому сказаніе

сынъ ея Георгій, и копающе гробъ его, обрѣтохомъ мощи святыя, и оттолѣ понудихся списати житіе святыя“.

[1]) Списки XVIII в. въ солов. сб. каз. дух. акад. № 888, л. 89, въ рукоп. Унд. № 314, гр. А. С. Уварова № 838 и въ раскольн. рукоп. моск. дух. акад. № 437. Нач. „Сей преп. отецъ нашъ Иринархъ родися града Ростова, веси Кондакова отъ христіану родителю».

составлено вскорѣ по принятіи епархіи Макаріемъ въ управленіе[1]).

Въ рукописяхъ XVI в. встрѣчается простое по составу и изложенію житіе Макарія Желтоводскаго, безъ ясныхъ указаній на время и мѣсто написанія [2]). Германъ Тулуповъ помѣстилъ въ сборникѣ 1633 г. другую, болѣе пространную редакцію житія, составленную бойкимъ перомъ, съ изысканной витіеватостью. Этотъ редакторъ, сказавъ, что и до него писали о Макаріѣ, прибавляетъ: «еже что отъ слышавшихъ и видѣвшихъ и писавшихъ извѣстихся, сіе просто и вообразихъ». Біографическія извѣстія этой редакціи взяты изъ первой большею частью съ передѣлкой изложенія, иногда въ дословномъ извлеченіи [3]). Патріархъ Филаретъ въ 1619 г. писалъ царю, что произведено церковное слѣдствіе о чудесахъ Макарія, спрошены 74 исцѣленныхъ; патріархъ обѣщалъ прислать и житіе съ подлинной росписью чудесъ [4]). Въ новой редакціи прибавлено къ чудесамъ прежней еще 6 и первое изъ нихъ помѣчено 1615 годомъ; но нѣтъ намека ни на церковное слѣдствіе, ни на многочисленныя исцѣленія, о которыхъ писалъ Филаретъ.

Житіе Галактіона, сына казненнаго кн. Ивана Бѣльскаго, любопытно чертами, характеризующими древнерусскій взглядъ на отшельничество [5]). Лѣтъ черезъ 30 по смерти Галактіона

[1]) Сб. Тр. Серг. л. XVII в. № 696, л. 183. Нач. „Иже преже всѣхъ ...ый и всякая за всѣхъ подобаетъ истинному человѣку вѣдати". Въ Милют. ч. мин. іюль, л. 1338 безъ предисловія

[2]) Унд. № 332, солов. сб. № 229, гр. Уварова по катал. Царск. № 743, л. 289—сп. 1602 года; только 3-е изъ 10 посмертныхъ чудесъ помѣчено 1532 годомъ.

[3]) Сб. Тр. Серг. л. № 694, л. 340 съ похвальнымъ словомъ. Нач. „Что убо похвала благовѣрию и что яко утвержденіе".

[4]) Письма русск. государей, изд. Археогр. Комм. № 18.

[5]) Унд. № 296 новаго письма. Предисловіе составлено по второй редакціи житія Макарія Желтоводскаго; начало тоже. Канонъ написанъ

(– 1642). По поводу построенія жителями Вологды храма и обители въ искусственной пустыни Галактіона, архіепископъ вологодскій Варлаамъ (1627—1645) поручилъ составить его житіе одному изъ иноковъ, вступившихъ въ новый монастырь. Впослѣдствіи прибавили къ житію чудо 1652 года, записанное казначеемъ Ефремомъ и братіей со словъ исцѣленнаго.

Въ XVII в. соловецкая братія произвела новый рядъ сказанія о святыхъ. Повѣсть о сотрудникѣ Зосимы и Савватія Германѣ составлена, какъ видно, вскорѣ по обрѣтеніи мощей его въ 1627 году: описывая кончину Германа, біографъ, соловецкій инокъ, писавшій, по его словамъ, въ старости, замѣчаетъ, что слышалъ объ этомъ давно, еще въ юные годы, отъ старца, который помнилъ, «како преставися и гдѣ погребеся авва Германъ» [1]). Біографъ самъ указываетъ источникъ своихъ свѣдѣній о жизни Германа: «что обрѣтаемъ въ житіи преподобныхъ о семъ честнѣмъ, то и пишемъ». Его повѣсть—выборка извѣстій о Германѣ изъ старой біографіи Савватія и Зосимы, изъ которой дословно выписанъ и разсказъ Досиѳея о ея составленіи.—Сохранились записки о соловецкомъ игуменѣ Иринархѣ (1614—1626), составленныя соловецкимъ монахомъ, потомъ кожеозерскимъ игуменомъ Иларіономъ [2]). На время составленія ихъ указываетъ одно изъ прибавленныхъ позднѣе

былъ позднѣе, по порученію вологодскаго епископа Павла (1716—1725), какъ видно изъ слова объ Іосифѣ Заонѣкіевскомъ.

[1]) Это житіе успѣло попасть въ Милют. ч. мин. февр. л. 512. Ср. сб. XVII в. Унд. № 640, л. 271, Больш. въ моск. публ. муз. № 28, л. 96. Къ житію приложено 6 чудесъ, совершившихся въ Тотьмѣ отъ образа Германова, написаннаго въ 1612 г. Праздновать память Германа въ Соловецкомъ монастырѣ разрѣшено холмогорскимъ архіеп. Аѳанасіемъ въ 1690: грамота объ этомъ въ солов. сб. каз. дух. ак. № 182, л. 14.

[2]) Солов. рукоп. XVII в. № 238. Эти записки, очевидно, дополнены другою рукой, въ концѣ повѣсти замѣтившей: „письменному же повѣствованію преданы оныя (чудеса) отъ старца Иларіона обители сея“.

видѣній монастырскаго кузнеца, которому во снѣ Иринархъ велѣлъ сказать Иларіону, чтобы онъ не кичился своимъ умомъ: это было въ 1644 г. Въ запискахъ изложенъ рядъ отдѣльныхъ разсказовъ о посмертныхъ явленіяхъ Иринарха разнымъ инокамъ и бѣломорскимъ промышленникамъ, со словъ которыхъ они записаны безъ притязаній на литературное искусство: только въ началѣ переданъ одинъ эпизодъ изъ послѣднихъ дней игуменства Иринарха.—Соловецкій монахъ Сергій, потомъ ипатьевскій архимандритъ, бывшій очевидцемъ перенесенія мощей Іоанна и Логгина Яренгскихъ въ 1638 году, вскорѣ послѣ того написалъ витіеватое сказаніе объ этихъ чудотворцахъ, не лишенное литературнаго искусства и оригинальныхъ пріемовъ [1]). Онъ говоритъ, что нашелъ о чудесахъ святыхъ «на хартіяхъ написано невѣждами простою бесѣдою, не презрѣхъ же сего неукрашено оставити». Еще въ концѣ XVI в. соловецкій монахъ Варлаамъ, жившій въ Яренгѣ въ качествѣ монастырскаго прикащика и приходскаго священника, написалъ тетради о явленіи и чудесахъ Іоанна и Логгина. Въ одной соловецкой рукописи сохранились отрывки изъ этихъ тетрадей вмѣстѣ съ другими записками и документами по дѣлу о яренгскихъ чудотворцахъ, служившими матеріаломъ для Сергіева сказанія [2]).—По указаніямъ на разложеніе монастырскаго общежитія и на условія монастырской жизни въ Поморскомъ краѣ XVII в. очень любопытно житіе соловецкаго постриженника Даміана Юрьегорскаго. Оно составлено не позже половины XVII вѣка: въ двухъ приложенныхъ къ нему чудесахъ ясно указано, что они записаны особо послѣ житія, а первое изъ нихъ относится къ 1656

---

[1]) Оно въ рукоп. Имп. публ. библ. Погодинск. отд. № 728, л. 36. Нач. „Еже убо тѣсное разума“.

[2]) Солов. рукоп. № 182, л. 120—154. Кромѣ первыхъ чудесъ Іоанна, описанныхъ Варлаамомъ, здѣсь помѣщены: записка Мартиніана объ одномъ исцѣленіи, письмо изъ Соловецкаго монастыря о написаніи образа

году [1]). Неизвѣстно, кѣмъ и гдѣ написано это житіе. Впослѣдствіи составленъ былъ рядъ повѣстей о соловецкихъ пустынникахъ первой половины XVII в., изъ среды которыхъ вышелъ Даміанъ, и здѣсь находимъ извѣстіе, что эти повѣсти писаны самовидцами, жившими на Соловкахъ; однимъ изъ нихъ былъ монахъ Иларіонъ, жившій около соловецкой пустыни Даміана; повидимому, это авторъ записокъ объ Иринархѣ [2]). Двѣ изъ этихъ повѣстей — объ Андреѣ и Даміанѣ — выписаны изъ указаннаго житія послѣдняго.—Чудеса Савватія и Зосимы продолжали записывать въ Соловецкомъ монастырѣ и послѣ игумена Филиппа: въ рукописяхъ XVII в. встрѣчается рядъ ихъ, идущій до половины XVII в. Въ нихъ есть любопытныя историко-географическія указанія и разсѣяно много яркихъ чертъ изъ жизни Поморья того времени. Въ 1679 г. по порученію соловецкаго архимандрита Макарія службы соловецкимъ основателямъ и записки о нихъ Максима Грека и Досиѳея съ позднѣйшими чудесами, исправленныя, соединены были въ одинъ сборникъ, которому дали названіе Соловецкаго патерика [3]).

Двѣ части, изъ которыхъ состоитъ житіе Адріана Пошехонскаго, повѣсть о жизни его и слово объ открытіи мощей въ

Іоанна въ 1607 г., грамота новгородскаго митроп. Макарія Корельскому иг. Герасиму 1624 г. съ порученіемъ произвести слѣдствіе о чудесахъ Іоанна и Логгина, слѣдственный актъ и записка о перенесеніи мощей.

[1]) Это житіе безъ чудесъ въ Милют. ч. мин. февр. л. 1177; полный списокъ въ нашей поморской рукописи, л. 301. Нач. «Сей убо рабъ Божій родися близъ Студенаго моря на Онегѣ рѣцѣ въ Турчасовскомъ селѣ".

[2]) Солов. рукоп. новаго письма въ каз. дух. ак. № 1195, л. 37: говоря о пустынникахъ, уединившихся на островѣ около 1632 года, повѣствователь замѣчаетъ: „слышахомъ же о нихъ отъ старыхъ соловецкихъ жителей, изряднѣе же отъ монаха нѣкоего Иларіона, жившаго въ Александровой пустыни, что близъ Даміановыхъ пустынь".

[3]) Воловол. рукоп. конца XVII в. въ моск. дух. ак. № 610.

1626 г. съ чудесами, за тѣмъ слѣдовавшими, писаны въ разное время. Въ первой, подвергшейся позднѣйшимъ поправкамъ, уцѣлѣли указанія на автора, писавшаго въ концѣ царствованія Ивана Грознаго: онъ молится о побѣдѣ надъ поганымъ царемъ Девликеріемъ [1]). Слово о мощахъ составлено въ 1626—1643 гг., когда совершились разсказанныя въ немъ чудеса, которыя авторъ описываетъ какъ очевидецъ или со словъ исцѣленныхъ. Составители обѣихъ частей житія плохіе грамотеи: стараясь выражаться по-книжному, они постоянно впадаютъ въ тяжкія грамматическія ошибки и сбиваются на разговорную рѣчь. Зато безыскусственный разсказъ обоихъ полонъ любопытныхъ подробностей объ отношеніяхъ пустынниковъ къ крестьянамъ, о монастырскомъ и сельскомъ бытѣ XVI и XVII в.

Житіе Адріана и Өерапонта Монзенскихъ принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ источниковъ для исторіи древнерусской колонизаціи, но испорчено противорѣчіями въ хронологическомъ счетѣ, какой ведетъ оно описываемымъ событіямъ. По недостатку извѣстій едвали возможно вполнѣ разъяснить эти противорѣчія. Біографъ приводитъ извѣстіе, что Өерапонтъ преставился въ 1585 году, проживъ въ Монзенскомъ монастырѣ 2½ года [2]). Но по счету самого автора голодъ 1601 г. былъ

---

[1]) Списокъ житія нашли мы только въ рукоп. Унд. XVII в. № 273 съ службой на обрѣтеніе мощей. Нач. "Бысть нѣкій черноризецъ, ревомый Бестужъ". Мѣсто погребенія Адріана оставалось неизвѣстнымъ до 1625 г. Въ описаніи жизни читаемъ: „не имамы повѣдати *въ та времена*, гдѣ его скуташа и скрыша"; легко замѣтить здѣсь поправку. Предсмертное показаніе Іоны о мѣстѣ погребенія Адріана, упоминаемое въ словѣ о мощахъ, сохранилось и почти дословно сходно съ разсказомъ слова объ этомъ: повидимому, слово писано тѣмъ же иг. Лаврентіемъ, которому Іона далъ это показаніе (А. Ист. III, № 14).

[2]) Сб. XVII в. гр. Уварова № 415 (по катал. Царскаго № 118), л. 28—206. Нач. „Бысть нѣкій юноша именемъ Аммосъ". Арх. Филаретъ, ссылаясь на этотъ списокъ, говоритъ, что кончина Өерапонта въ немъ помѣчена 1591 годомъ. Но 1) ему, вѣроятно, доставлена была неточная

13 лѣтъ спустя по смерти Ѳерапонта. точно также по его совѣту Адріанъ скончался въ 1619 чрезъ 30 лѣтъ по смерти Ѳерапонта; притомъ Монзенскій монастырь основался не раньше 1595, когда собратъ Адріана Пафнутій, собравшійся идти съ нимъ на Монзу, сдѣлался Чудовскимъ архимандритомъ; наконецъ, по ходу разсказа въ житіи, Ѳерапонтъ былъ еще живъ во время ссоры Монзенской братіи съ игуменомъ Павлова Обнорскаго монастыря Іоилемъ, который занималъ это мѣсто въ 1597—1605 гг.[1]. Біографъ говоритъ, что кончилъ житіе чрезъ 39 лѣтъ по смерти Ѳерапонта. Но оно написано много лѣтъ спустя по приходѣ автора въ обитель, когда онъ сталъ уже строителемъ монастыря и іеромонахомъ, а онъ самъ говоритъ, что пришелъ въ монастырь въ 1626. Повидимому, Ѳерапонтъ умеръ въ 1598—1599 г. и хронологическія замѣтки біографа не всѣ точны; надежнѣе его указанія на упоминаемыя имъ лица. Написавъ біографію, онъ посылалъ въ Прилуцкій Димитріевъ монастырь попросить у игумена Антонія для повѣрки своего труда записокъ его о Монзенскомъ монастырѣ, но узналъ, что Антонія уже нѣтъ на свѣтѣ; слѣдовательно житіе написано около 1644 года, когда умеръ Антоній[2]. Эти хронологическія неточности отчасти объясняются источниками біографа. Поступивъ послушникомъ въ келью втораго игумена Монзенскаго Григорія, онъ прочиталъ у него «краткое писаніе» о началѣ монастыря. Потомъ въ Прилуцкомъ монастырѣ иг. Антоній, бывшій духовникомъ Адріана, далъ ему писаніе, въ которомъ «многа написана быша» о Монзенскомъ монастырѣ и о Ѳерапонтѣ. Біографъ читалъ долго это писаніе, но не снялъ съ него копіи,

---

копіи съ списка, вслѣдствіе чего онъ передѣлалъ по-своему и другія черты житія. 2) поправкой онъ не устраняетъ противорѣчій послѣдняго.

[1]) Вологодск. Епарх. Вѣдом. 1866 г. № 5.

[2]) Если справедливо показаніе г. Савваитова въ Оп. Спасо-Прилуцк. мон. стр. 42.

а впослѣдствіи оно утонуло на Двинѣ вмѣстѣ съ другими вещами Антонія. Было и другое писаніе о жизни и чудесахъ Ѳерапонта, составленное первымъ Монзенскимъ игуменомъ, такъ же Антоніемъ по имени, перешедшимъ потомъ въ Воскресенскій солигалицкій монастырь; но когда біографъ явился къ нему попросить этихъ записокъ, ихъ авторъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ объявилъ ему, что онѣ сгорѣли вмѣстѣ съ его книгами въ Солигаличѣ. Такимъ образомъ біографъ дополнялъ сообщенное Григоріемъ краткое писаніе лишь изустными разсказами современниковъ Ѳерапонта и тѣмъ, что удержалось въ его памяти изъ записокъ Адріанова духовника. Изъ послѣднихъ чудесъ въ житіи видно, что авторъ сталъ потомъ игуменомъ монастыря; но по недостатку извѣстій нѣтъ возможности угадать имя этого третьяго Монзенскаго игумена. Интересъ біографія увеличивается простотою изложенія и состава, которая сообщаетъ ей характеръ первоначальныхъ необработанныхъ записокъ.

Сохранилось краткое житіе московскаго юродиваго Іоанна—Большаго-Колпака съ извѣстіемъ, что оно написано въ Москвѣ въ 1647 г. «рукою многогрѣшнаго простаго монаха, а не ермонаха». Любопытнѣе болѣе обширная и простымъ языкомъ изложенная записка о кончинѣ и чудесахъ Іоанна, которой пользовался авторъ житія. Въ чудесахъ, относящихся къ 1589—1590 гг., много любопытныхъ указаній для топографіи Москвы въ XVI в., и судя по ихъ изложенію, они извлечены изъ памятной книги Покровскаго собора, въ которую записаны были вскорѣ по смерти Іоанна въ 1589—90 г. повидимому тогдашнимъ протопопомъ собора Димитріемъ [1]).

Житіе Тихона Луховскаго съ 70 посмертными чудесами со-

---

[1]) Два списка житія въ синод. сб. XVII в. № 850, л. 289 и 815 съ стилистическими и фактическими варіантами, первый съ припиской о времени составленія житія. Записка тамъ же, л. 928.

ставлено въ 1649 году, какъ видно по послѣднему изъ нихъ [1]. Жизнь святаго описана кратко по преданіямъ, какія хранились въ обители, образовавшейся потомъ на мѣстѣ уединенія Тихона, и между окрестными жителями; но эти скудныя извѣстія любопытны по указанію на начало города Луха и нѣсколькимъ характеристическимъ чертамъ русскаго отшельничества въ XV—XVI в. Чудеса извлечены біографомъ изъ памятныхъ монастырскихъ книгъ, въ которыя они записывались со времени обрѣтенія мощей Тихона въ 1569 г.

Въ печатныхъ изданіяхъ житія Никандра Псковскаго 1799 и 1801 г. читаемъ, что въ 1686 г. было церковное свидѣтельство мощей пустынника и лица, производившія дѣло, «сложивше службу и описавше житіе и чудеса» преподобнаго, препроводили эти произведенія въ Москву [2]. Но въ этихъ изданіяхъ сохранились слѣды, показывающіе что обыскная коммиссія только передѣлала прежде-написанную біографію. Уже въ 1684 г. одно изъ чудесъ было вписано въ готовую книгу житія и чудесъ Никандра; въ предисловіи къ печатной редакціи авторъ пишетъ, что слышалъ о святомъ «отъ ученикъ его, исперва съ нимъ добрѣ жительствовавшихъ». У біографа, писавшаго 105 лѣтъ спустя по смерти Никандра, эти слова могутъ значить, что онъ воспользовался старымъ житіемъ, составленнымъ учениками святаго. Въ рукописяхъ сохранилось житіе Никандра, относящееся къ печатному изданію какъ болѣе простая и древняя редакція [3]. Впродолженіе XVII в. до 1686 г.

---

[1]) Милют. ч. мин. іюнь, л. 728 безъ предисловія; другой сп. въ сб. XVII в. Больш. въ моск. публ. муз. № 422 не полонъ. Чудеса относятся къ 1569—1649 гг.; послѣднее—„нынѣшняго 157 года“.

[2]) Въ старопеч. библ. Унд. №№ 588 и 598. Нач. „Все человѣческое естество многоразличными образы суетѣ повинуся“.

[3]) Она въ синод. рукоп. XVII в. № 620 и въ нашемъ поморскомъ сб. л. 55, безъ предисловія и повѣсти о свидѣтельствѣ мощей; посмертныхъ чудесъ въ первомъ сп. 8, во второмъ 3, въ печатныхъ изданіяхъ

къ прежнимъ чудесамъ приписывались дальнѣйшія, внесенныя въ печатную редакцію; по одному изъ нихъ, относящемуся ко времени новгородскаго митрополита Афеонія, видно, что старая біографія написана еще въ первой половинѣ XVII в. Редакція 1686 г. составлена, какъ видно по ея намекамъ, тогдашнимъ игуменомъ Никандрова монастыря Евеиміемъ. Она не вездѣ точно воспроизводитъ старую редакцію. Въ хронологическихъ показаніяхъ обѣ противорѣчатъ себѣ и другъ другу.

Въ Вологдѣ въ 1649 г. записаны очевидцемъ 25 чудесъ Герасима, совершившихся въ 1645—1649. Авторъ говоритъ, то до него была написана повѣсть о древнихъ чудесахъ святаго, погибшая во время разоренія Вологды. Любопытнѣе чудесъ извлеченное откуда-то и предпосланное имъ лѣтописное извѣстіе о приходѣ Герасима въ 1147 г. на рѣку Вологду и объ основаніи имъ монастыря въ дикомъ лѣсу, гдѣ потомъ образовался городъ Вологда. Рядомъ съ этимъ извѣстіемъ въ рукописяхъ встрѣчается некрологъ біографа Герасима Болдинскаго, вологодскаго епископа Антонія, составленный въ Вологдѣ повидимому въ началѣ XVII вѣка, съ двумя чудесами 1598 г. [1]).

Основатели Черногорскаго монастыря на Пинегѣ не были причислены къ лику святыхъ; но вмѣсто житія ихъ сохранилась повѣсть объ основаніи обители и о двухъ чудотворныхъ иконахъ, въ ней находящихся, владимірской и грузинской. На время составленія повѣсти указываетъ послѣднее чудо, совершившееся «въ нынѣшнее настоящее время», въ 1650 г. Авторъ—инокъ Черногорской обители, который вмѣстѣ съ другими помогалъ въ 1603 г. первому игумену ея Макарію въ расчист-

---

18 или 19. Предположеніе архіеп. Филарета въ Обзорѣ дух. лит. I, стр. 332 ни на чемъ не основано.

[1]) Сб. нач. XVIII в. гр. Уварова № 107, л. 69, и нашъ поморскій сб. л. 285.

въ пустыни [1]). Повѣсть даетъ любопытныя указанія на движеніе и средства монастырской колонизаціи въ далекомъ сѣверномъ краѣ.

Нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ исторіи Смутнаго времени сообщаетъ житіе астраханскаго архіепископа Ѳеодосія. Въ 1617 г. въ Москву пріѣзжалъ изъ Астрахани протопопъ съ «явленнымъ спискомъ» чудесъ Ѳеодосія и съ просьбой перевезти тѣло его изъ Казани въ Астрахань. Житіе оканчивается разсказомъ объ этомъ перенесеніи и написано повидимому немного послѣ того по порученію мѣстныхъ церковныхъ властей, на что̀ указываетъ оффиціальный тонъ разсказа, много ослабляющій интересъ біографіи [2]).

Пожаръ въ 1596 г. истребилъ повѣсть о жизни и чудесахъ Арсенія Комельскаго, хранившуюся въ его монастырѣ. Послѣ игуменъ и братія нашли въ кладовой малую хартію о жизни Арсенія и поручили составить житіе иноку Іоанну, который переписалъ хартію, дополнивъ ее разсказами братіи и чудесами XVII в. Эти чудеса относятся къ 1602—1657 гг., но послѣднія изъ нихъ, повидимому, приписаны къ житію послѣ. Впрочемъ самъ Іоаннъ намекаетъ, что писалъ житіе, когда самовидцевъ Арсенія уже не было въ монастырѣ; оттого разсказъ его при своей простотѣ не богатъ подробностями, сухъ и отрывоченъ [3]).

[1]) Солов. сб. XVII в. № 871, л. 279—302, и № 989. Нач. „Божія нѣкая тайны великаго человѣколюбія мало предъ нашимъ родомъ явлена быша". По поводу чудеснаго звона въ пустынѣ при основаніи обители авторъ замѣчаетъ: „мы же дивихомся о чудеси томъ". Ср. повѣсть съ грам. въ Акт. Ист. II, № 72; III, № 166.

[2]) Рѣдкій сп. житія въ рукоп. Унд. № 385. Нач. „Единородный Сынъ Слово Божіе. На послѣднемъ листѣ помѣтка „1654 г." указываетъ на время списка.

[3]) Это рѣдкое житіе извѣстно намъ только по сп. XVIII в. въ сб. гр. Уварова № 107, л. 47. Нач. „Слава Тебѣ, Христе Боже, сотворшему вся̀ческая„. Посмертныхъ чудесъ 17.

Въ одной рукописи XVII в. находимъ чудо новгородскаго архіепископа Іоны съ крестьяниномъ Яковомъ Маселгой, записанное въ 1655 году, и 8 другихъ чудесъ, относящихся повидимому также къ половинѣ XVII в. и любопытныхъ какъ по нѣкоторымъ бытовымъ чертамъ, такъ и по безыскусственному изложенію, напоминающему разсмотрѣнныя выше редакціи житій Николая чудотворца и Михаила Клопскаго [1]).

Въ XVII в. составленъ рядъ сказаній о подвижникахъ Кожеозерскаго монастыря, получившій отъ позднѣйшаго писца названіе лѣтописи. Сказаніе объ основаніи монастыря и о первомъ строителѣ его Серапіонѣ написано какимъ-то монахомъ, пришедшимъ въ Кожеозерскій монастырь во второй годъ по смерти Серапіона — 1613. Это очеркъ, не лишенный любопытныхъ указаній, но вообще краткій и не вполнѣ точный въ подробностяхъ, хотя авторъ писалъ по разсказамъ сотрудниковъ Серапіона [2]). Житіе Никодима Кожеозерскаго сохранилось въ двухъ редакціяхъ: кромѣ извѣстной подробной повѣсти есть краткая записка о немъ, болѣе древняя и остававшаяся неизвѣстною [3]). Составитель этой послѣдней не называетъ себя по имени, а пишетъ, что о явленіихъ митрополита Алексія и Троицкаго архимандрита Діонисія Никодимъ «за седмь мѣсяцъ до отшествія своего сказа мнѣ смиренному». Симонъ Азарьинъ въ житіи Діонисія говоритъ, что постриженникъ Кожеозерскаго мо-

---

1) Сб. Рум. № 154, л. 370—380.

2) Списокъ 1741 г. въ солов. рукоп. № 182, л. 17—25. Нач. „Сей убо праведный мужъ старецъ Серапіонъ, якоже поведаша ми о немъ иже много лѣта съ нимъ пожившеˮ. Авторъ говоритъ, что Серапіонъ пришелъ на Кожеозеро въ 1566 году; но самъ Серапіонъ въ челобитной къ царю 1595 г. писалъ, что строилъ монастырь 36 лѣтъ. Акт. Ист. I, № 246.

3) Пространное житіе съ чудесами въ той же солов. рукоп. № 182, л. 25. Безъ чудесъ оно напеч. въ Прав. Соб. 1865 г. I, 204. Краткую редакцію нашли мы въ синод. сб. XVII в. № 850, л. 531—533.

настыря Боголѣпъ Львовъ объ этихъ явленихъ «отъ преп. инока Никодима пустынножителя увѣрився и отъ его Никодимовыхъ устъ слышавъ таковая, и писанію предастъ». Въ другомъ мѣстѣ житія Симонъ замѣчаетъ, что онъ читалъ эту «повѣсть» Боголѣпа. По этимъ и другимъ указаніямъ всего вѣроятнѣе, что Боголѣпъ былъ авторомъ краткаго житія. По чудесамъ, приложеннымъ къ пространной редакціи, видно, что она составлена въ 1649—1677 гг. какимъ-то Кожеозерскимъ іеромонахомъ, который не зналъ Никодима при жизни и писалъ о немъ по разсказамъ другихъ. Онъ не указываетъ прямо въ числѣ своихъ источниковъ на краткую записку, но послѣдняя вся вошла въ его разсказъ большею частію дословно. Сравненіе обѣихъ редакцій даетъ рѣдкую въ древнерусской агіобіографіи возможность видѣть, что такое тѣ первоначальныя памяти или записки, о которыхъ такъ часто говорятъ позднѣйшія украшенныя редакціи, и какъ онѣ передѣлывались въ послѣднія. Новый редакторъ прибавилъ разсказы самовидцевъ житію» Никодима о его отшельнической жизни, о которой очень кратко говоритъ записка; сверхъ того онъ переплелъ разсказъ послѣдней общими біографическими чертами, почерпнутыми изъ древнерусскаго понятія о подвижникѣ, а не изъ какого-либо фактическаго источника.

Житіе Ефрема Новоторжскаго сохранилось въ поздней и плохой редакціи, которая состоитъ изъ безсвязнаго ряда статей и всего менѣе говоритъ о жизни Ефрема. Біографъ разсказываетъ преданіе, будто въ началѣ XIV в. тверской кн. Михаилъ, разоривъ Торжокъ и обитель, увезъ древнее житіе Ефрема въ Тверь, гдѣ оно скоро сгорѣло; въ 1584—1587 гг. при митрополитѣ Діонисіѣ установлено было празднованіе Ефрему и «благоискусные мужи града Торжка» сложили ему службу. Біографъ передаетъ смутныя біографическія черты и даже немногія извѣстія о святомъ и его братьяхъ въ кіевскомъ патерикѣ и другихъ древнихъ памятникахъ заимствовалъ не прямо изъ

источниковъ, а изъ сообщенія іеромонаха Юрьева монастыря Іоасафа, которое вставлено въ житіе безъ всякой литературной связи съ нимъ. Сказаніе о перенесеніи мощей въ 1690 году, приводя извѣстія изъ этого житія, называетъ его «древнимъ писаніемъ» [1]. На время составленія житія указываетъ послѣднее изъ приложенныхъ къ нему передъ похвалой чудесъ XVI—XVII вѣка, относящееся къ 1647 году: авторъ описалъ его какъ современникъ. Похвальное слово сопровождается еще однимъ чудомъ 1681 г., которое, какъ видно изъ его предисловія, описано позднѣе тѣмъ же авторомъ.

Въ половинѣ XVII в. составлена повѣсть о обрѣтеніи мощей Геннадія костромскаго въ 1644 г. съ двумя чудесами, изъ которыхъ одно любопытно по разсказу о борьбѣ за земельный вкладъ въ монастырь между дворяниномъ, хотѣвшимъ постричься, и его матерью [2]. Около того же времени написана повѣсть о обрѣтеніи мощей Даніила переяславскаго съ чудесами XVII в.—едвали не тогдашнимъ игуменомъ Данилова монастыря Тихономъ, который въ 1652 г. вмѣстѣ съ ростовскимъ митрополитомъ Іоною свидѣтельствовалъ мощи святаго [3]. Къ житію Антонія Сійскаго прибавленъ рядъ статей о чудесахъ XVII в. до 1663 г., описанныхъ въ разное время разными

---

[1]) Оно приложено къ житію по списку XVIII в. гр. Уварова № 105 (по катал. Царск. № 94), л. 108. Другіе списки въ рукоп. XVII в. Больш. въ моск. публ. муз. № 419 и гр. Уварова нач. XVIII в. № 162, л. 119. Нач. „Тайны царевы добро есть хранити". Сп. службы XVI в. въ сб. гр. Уварова по катал. Царск. № 378, л. 223, и № 563, л. 522. Мы не могли провѣрить извѣстіе, приводимое архіеп. Филаретомъ по рукоп. петерб. дух. акад. (Обзоръ дух. лит. I, стр. 223), будто житіе Ефрема написано въ 1572 г. Іоасафомъ; разсматриваемая редакція во всякомъ случаѣ составлена не Іоасафомъ и не въ XVI в.

[2]) Эта повесть прибавлена къ житію въ нашемъ поморскомъ сб. л. 183.

[3]) Рукоп. 1663 г. Унд. № 301. л. 84. Здѣсь (л. 125) и запись Іоны о свидѣтельствѣ мощей.

авторами; изъ нихъ повѣсть о чудотворной иконѣ въ монастырѣ написана вскорѣ послѣ пожара въ 1658 г. Сійскимъ игуменомъ Ѳеодосіемъ [1]).

Краткія извѣстія объ Иродіонѣ Илоезерскомъ съ чудесами его въ XVII в. были записаны по поводу церковнаго слѣдствія о жизни и чудесахъ его, произведеннаго въ 1653 г. архимандритомъ Кириллова бѣлозерскаго монастыря Митрофаномъ (1652—1660). О свѣдѣніяхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, въ спискахъ повѣсти замѣчено: «и то имъ, архимандритомъ Митрофаномъ, здѣ вкратцѣ изобразися» [2]).

Позднѣйшій біографъ Трифона Печенгскаго говоритъ, что первое житіе, писанное «самовидцами», пропало во время разоренія монастыря Шведами въ 1589 г., но чтители святаго сохранили свѣдѣнія о немъ въ малыхъ книжицахъ и краткихъ запискахъ, изъ которыхъ и составилась уцѣлѣвшая біографія [3]). При чтеніи житія легко замѣтить разницу въ изложеніи двухъ его половинъ: въ первой жизнь Трифона до основанія монастыря описана стройно, но въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ она хранилась въ памяти позднихъ иноковъ этого монастыря; вторая составлена изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ разсказовъ. Житіе написано во второй половинѣ XVII в. не раньше Никонова патріаршества, если послѣднее чудо, относящееся къ этому времени, не прибавлено къ житію другой позднѣйшей рукой. Пользованіе скуднымъ фактическимъ содержаніемъ біографіи въ связи съ извѣстіями лѣтописи не представляло бы особенныхъ затруд-

---

[1]) Эти чудеса приложены къ житію Антонія въ солов. рукописи, писанной 1666 г. въ Сійскомъ монастырѣ, № 230, л. 293, и въ рукоп. Унд. № 284, л. 203.

[2]) Рукоп. 1746 г. въ Имп. публ. библ. отд. Погод. № 726 и нашъ поморскій сб. л. 315.

[3]) Списки XVIII в. въ солов. рукоп. № 182, л. 86 и въ нашемъ поморскомъ сб. л. 287. Напеч. неполнѣ въ Правосл. Собес. 1859 г. II, 94.

ній, еслибы ихъ не создали изслѣдователи. Когда Трифонъ просвѣщалъ Лопарей на Печенгѣ, тоже святое дѣло дѣлалъ на Колѣ соловецкій монахъ Θеодоритъ, о которомъ любопытныя біографическія свѣдѣнія сообщилъ сынъ его духовный, кн. Курбскій въ своей исторіи царя Ивана [1]). Курбскій не всѣ періоды жизни Θеодорита зналъ одинаково и особенно неясно изобразилъ его дѣятельность на далекомъ Сѣверѣ. Однакожь по его указаніямъ можно видѣть, что Θеодоритъ прибылъ на Колу не задолго до 1530 года; чрезъ 20 лѣтъ, просвѣтивъ мѣстныхъ Лопарей и основавъ при устьѣ Колы Троицкій монастырь, онъ покинулъ Сѣверъ и въ 1551—1552 г. сдѣлался архимандритомъ Евθиміева монастыря въ Суздалѣ [2]). Курбскій ни слова не говоритъ о Трифонѣ; но изслѣдователи старались съ точностію опредѣлить его отношеніе къ Θеодориту [3]). Однимъ хотѣ-

---

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 126—142.

[2]) Буквально понимаемое извѣстіе Курбскаго, что Θеодоритъ съ Митрофаномъ прожили на Колѣ лѣтъ 20 и потомъ поѣхали въ Новгородъ къ архіеп. Макарію, противорѣчитъ и предшествующему и дальнѣйшему разсказу Курбскаго. Преосв. Макарій поправляетъ 20 на 12 и полагаетъ начало проповѣди Θеодорита послѣ 1542 г. (Ист. Р. Ц. VI, 326). Но по разсказу Курбскаго видно, что Θеодоритъ первый началъ просвѣщать Лопарей около Колы, которые были крещены въ 1531 г., когда для нихъ освятили двѣ церкви въ Колѣ. Притомъ Левъ Филологъ, имѣя въ виду движеніе среди Лопи въ 1531—1535 гг., со словъ соловецкаго монаха еще до 1542 г. написалъ, что „единодушно вси живущіи неразумніи людіе къ просвѣщенію притекоша“. Мы думаемъ, что Θеодоритъ прожилъ на Колѣ *всего* 20 лѣтъ и что Курбскій записалъ вѣрныя черты, переданныя ему самимъ Θеодоритомъ, но перемѣшалъ ихъ хронологическій порядокъ. Извѣстіе лѣтописи о просвѣтительной миссіи изъ Новгорода на Колу въ 1531 г. можно сопоставить съ разсказомъ Курбскаго о возвращеніи Θеодорита изъ Новгорода „съ нѣкоторыми другими“. Духовникъ Макарія, Θеодоритъ не былъ ли тѣмъ соборнымъ священникомъ, котораго тогда послали на Колу?

[3]) Архіеп. Филарета—Р. Свят. дек. стр. 550—559. Прав. Соб. въ указ мѣстѣ, стр. 89—94. Журн. Мин. Нар. Пр. 1868, іюль, стр. 257—292.

лось заставить обоихъ просвѣтителей дѣйствовать вмѣстѣ, и они достигали этого очень просто. Упомянувъ о старцѣ, котораго нашелъ Ѳеодоритъ въ Кольской пустынѣ и съ которымъ прожилъ тамъ лѣтъ 20, Курбскій прибавляетъ: помнится мнѣ, звали его Митрофаномъ; ясно, заключаютъ изслѣдователи, что это — мірское имя Трифона, и согласно съ такимъ выводомъ передѣлываютъ по-своему извѣстія и Курбскаго и Трифонова біографа. Другимъ хочется доказать, что оба просвѣтителя не знали другъ друга, и разъясняя житіе Трифона, они спрашиваютъ: когда Трифонъ, подготовивъ Лопарей къ крещенію, испросилъ у новгородскаго архіепископа разрѣшеніе построить церковь на Печенгѣ, почему владыка тотчасъ не послалъ туда священника? Ясно, отвѣчаютъ они наперекоръ житію, что Трифонъ просвѣтилъ Лопарей и началъ строить церковь во время междуархіепископства (1509—1526) въ Новгородѣ [1]). Сличеніе житія Трифона и сказанія Курбскаго съ другими источниками дѣлаетъ лишними подобныя догадки. Максимъ Грекъ и Левъ Филологъ со словъ соловецкихъ монаховъ согласно съ лѣтописью говорятъ, что въ 1520-хъ годахъ среди Мурманской и Кандалакской Лопи обнаружилось сильное движеніе къ христіанству. Если о Ѳеодоритѣ не сохранилось особаго преданія въ мѣстномъ населеніи, это объясняется тѣмъ, что онъ былъ одним изъ многихъ виновниковъ этого движенія, забытыхъ позднѣе приходившими русскими поселенцами [2]). Неизвѣстны сѣятели христіанства на Кандалакскомъ берегу, откуда въ 1526 г. явились въ Москву Лопари съ просьбой объ антиминсахъ и священникахъ; но извѣстіе лѣтописи о такой же

[1]) Соч. Максима Грека III, 266. Прав. Соб. 1859 г. II, 352. П. С. Р. Лѣт. V, 73. VI, 282, 289 и 296.

[2]) Развѣ на мѣстѣ сохранилась память о старцѣ Ѳеогностѣ, распространявшемъ христіанство на Понеѣ во 2-й половинѣ XVI вѣка? А. А. Эксп. I, № 288.

присылкѣ въ Новгородъ съ Колы въ концѣ 1531 г. указываетъ на плоды дѣятельности іеродіакона Ѳеодорита съ старцемъ Митрофаномъ. Въ 1534 и 1535 г. по порученію архіепископа іеромонахъ Илія объѣзжалъ инородческія поселенія новгородской епархіи, истребляя въ нихъ остатки язычества; Трифонъ, по его житію, встрѣтивъ этого Илію въ Колѣ, упросилъ его освятить построенную за 3 года передъ тѣмъ церковь на Печенгѣ и крестить Лопарей. Трифонъ бывалъ въ Колѣ; Курбскій пишетъ, что Ѳеодоритъ въ концѣ своей жизни ѣздилъ съ Вологды въ Колу и на Печенгу. Такимъ образомъ оба просвѣтителя, дѣйствуя въ разныхъ мѣстахъ, почти въ одно время достигли успѣховъ, основали монастыри и легко могли завязать взаимныя сношенія [1]).

Житіе княгини Анны Кашинской скорѣе можно назвать реторическимъ упражненіемъ въ біографіи: крайне скудныя свѣдѣнія объ Аннѣ авторъ такъ обильно распространилъ сочиненными діалогами и общими мѣстами, что среди нихъ совершенно исчезаютъ историческія черты. Авторъ пользовался сказаніемъ о кн. тверскомъ Михаилѣ, но воспроизводилъ его не совсѣмъ точно. Къ житію прибавлены повѣсть о обрѣтеніи мощей въ 1649 г., о перенесеніи ихъ ростовскимъ митроп. Варлаамомъ (+ 1652) и о чудесахъ въ XVII в. По нѣкоторымъ указаніямъ видно, что перенесеніе и чудеса описаны отдѣльно отъ житія, первое прежде, вторыя послѣ и повидимому другимъ авторомъ, «самовидцемъ бывшимъ чудесемъ ся, писаніе же предати замедлившимъ»; послѣднее чудо 1666 г. описано особо отъ прежнихъ и прибавлено къ нимъ послѣ. Отсюда вид

---

[1]) Мѣсто Троицкаго Ѳеодоритова монастыря указываютъ близь Колы гдѣ нынѣ кладбище. Опис. Колы, Рейнеке. Спб. 1830.

но, что житіе составлено около 1650 г. по поводу обрѣтенія мощей [1]).

Житіе Іова, основателя Ущельскаго монастыря на Мезени, —необработанная записка безъ литературныхъ притязаній. О происхожденіи Іова авторъ ничего не знаетъ; первыя біографическія свѣдѣнія почерпнуты имъ изъ благословенной грамоты 1608 г., данной Іову новгородскимъ митр. Исидоромъ, изъ которой въ запискѣ сдѣлано извлеченіе. Къ этому прибавленъ краткій разсказъ объ основаніи монастыря на Ущельѣ въ 1614 г. и о смерти Іова отъ разбойниковъ въ 1628. Записка о жизни Іова сопровождается длиннымъ и сухимъ перечнемъ чудесъ 1654—1663 гг., при описаніи которыхъ она, очевидно, составлена [2]).

Для исторіи нравственной жизни древнерусскаго общества любопытна повѣсть о священникѣ Варлаамѣ, который жилъ въ Колѣ при царѣ Иванѣ и наказалъ себя за убійство жены тѣмъ, что съ трупомъ ѣздилъ на лодкѣ, не выпуская весла изъ рукъ, по океану мимо Св. Носа, «дондеже мертвое тѣло тлѣнію предастся», и потомъ подвизался инокомъ въ пустынѣ около Кереть. Посмертныя чудеса Варлаама, ставшаго покровителемъ бѣломорскихъ промышленниковъ, авторъ записывалъ со словъ спасшихся отъ потопленія и пріѣзжавшихъ въ Кереть, гдѣ по-

---

[1]) Синод. рукоп. XVII в. № 622 съ службой на перенесеніе мощей и канономъ на обрѣтеніе. На первомъ листѣ рукописи почеркомъ XVII в. записано, что „въ 186 г. патр. Іоакимъ сей книгѣ—лживое списаніе о Аннѣ Кашинскіе, сложеніе кашинскаго попа съ причетники и съ своими сродники, указалъ быти въ своей ризной казнѣ впредь для спору“; но въ спискѣ нѣтъ прямаго подтвержденія извѣстія, что этотъ попъ—Василій, писавшій со словъ пономаря Никифора (Указ. Синод. библ. преосв. Саввы, стр. 174).

[2]) Едвали не единственный сп. житія въ сб. XVIII в. гр. А. С. Уварова № 426 (по катал. Царск. № 130), л. 122. Послѣ прибавлены 8 чудесъ 1700 — 1741 г.

коился Варлаамъ; одно изъ этихъ чудесъ записано въ 1664 г. и указываетъ приблизительно на время составленія повѣсти. По всей вѣроятности, авторъ былъ монахъ, жившій въ Керети въ качествѣ сельскаго священника и прикащика Соловецкаго монастыря, которому съ 1635 г. принадлежала вся эта волость.[1]).

По порученію казанскаго митрополита Лаврентія (1657—1673) монахъ свіяжскаго Успенскаго монастыря Іоаннъ написалъ житіе основателя этого монастыря, казанскаго архіепископа Германа съ чудесами и надгробнымъ словомъ; послѣднее, какъ видно, было даже произнесено авторомъ публично въ Казани. Житіе и слово изложены очень витіевато, «широкими словесами», по выраженію автора, но скудны извѣстіями[2]). Поздній біографъ откровенно признается, что многаго не знаетъ о Германѣ и не нашелъ никого изъ его современниковъ; не разъ онъ проситъ читателя не требовать отъ него подробностей, ибо темное облако забвенія покрываетъ память святаго, благодаря отсутствію старыхъ записокъ о немъ.

Житіе Трифона, просвѣтителя пермскихъ Остяковъ, упоминаетъ о смерти ученика его Досиѳея, жившаго 50 лѣтъ по смерти учителя, слѣдовательно написано не раньше 1662 го-

---

[1]) Сп. этой повѣсти нашли мы въ солов. сб. № 182, л. 155—162. Нач. „Преп. отецъ Варлаамъ въ лѣта бѣ царя и вел. кн. Іоанна Васильевича, рожденіе и воспитаніе имѣ въ Керецкой волости“.

[2]) Списовъ XVIII в. мы нашли только въ рукоп. гр. А. С. Уварова № 792, л. 70—267. Нач. „Умо промыслительный мой! къ тебѣ убо въ настоящее сіе время бесѣдую“. Послѣ прибавлены къ труду Іоанна новыя чудеса 1675—79 гг. съ любопытной замѣткой о раскольникахъ въ Казанскомъ краѣ (л. 204). Есть въ житіи и неточности: такъ причиной низверженія митр. Филиппа выставленъ отказъ его благословить царя на разгромъ Новгорода, что было уже послѣ низверженія; точно также Германъ не могъ защищать Филиппа въ 1568 г. по этому поводу, о чемъ много говоритъ житіе. Арх. Филаретъ по ошибкѣ называетъ авторомъ житія митр. Лаврентія (Обзоръ русск. дух. лит. I, 351).

да [1]). Но событія жизни Трифона были еще свѣжи въ памяти неизвѣстнаго біографа: на это указываютъ многочисленныя и любопытныя подробности въ его разсказѣ. Онъ имѣлъ подъ руками письменные источники, ссылается на посланія Трифона, точно обозначаетъ грамоты, полученныя имъ въ Москвѣ. Хотя въ началѣ біографіи онъ старался подражать Епифаніеву житію Сергія, но въ дальнѣйшемъ изложеніи это не помѣшало ему разсказывать простодушно и откровенно, не заботясь по видимому о томъ, въ какомъ свѣтѣ изображаетъ Трифона его разсказъ.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ XVII в. къ житію Прокопія устюжскаго съ чудесами, описанными въ XVI в., прибавленъ рядъ новыхъ чудесъ 1631—1671 гг.; послѣднее изъ нихъ есть любопытная для исторіи народныхъ повѣрій легенда о бѣсноватой Соломоніи, записанная устюжскимъ попомъ Іаковомъ въ 1671 г. Эти чудеса сопровождаются двумя похвальными словами, написанными, судя по упоминаемымъ въ нихъ святымъ, въ XVII вѣкѣ [2]).—Во второй же половинѣ XVII в. описана жизнь другихъ юродивыхъ, Симона юрьевецкаго и Прокопія вятскаго. Житіе перваго сохранилось въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Около 1635 г. послано было изъ Юрьевца въ Москву къ патріарху Іоасафу писаніе о житіи и чудесахъ Симона. Редакція житія, повидимому наиболѣе близкая къ этому писанію по происхожденію и литературному сходству, оканчивается

---

[1]) Списки XVIII в. въ сб. гр. Уварова № 911, л. 93 и въ нашемъ поморскомъ сб. л. 69; по другимъ спискамъ житіе издано въ Прав. Соб. 1868 года г. Шостаковымъ. Изъ замѣчанія въ предисловіи, что житіе писано авторомъ для *прочихъ* иноковъ, не видѣвшихъ святаго, ничего нельзя заключать объ отношеніи біографа къ послѣднему, ибо все это мѣсто дословно списано у Епифанія.

[2]) Унд. № 362, л. 148 и 181. Повѣсть о Соломоніи напеч. въ Пам. стар. русск. лит. I, 153.

посмертнымъ чудомъ 1639 года [1]). На время составленія житія Прокопія намекаетъ единственное посмертное чудо 1666 года [2]). Эти житія обильны разсказами, иногда проникнутыми юморомъ и ярко рисующими беззащитность русскаго общества передъ нравственнымъ авторитетомъ въ его деспотическомъ проявленіи, на что́ такъ жаловались русскіе іерархи въ XVII в. — Во второй половинѣ того же вѣка записывались чудеса Сильвестра Обнорскаго, какъ видно по разсѣяннымъ въ нихъ хронологическимъ указаніямъ; къ этой запискѣ прибавлено краткое извѣстіе о кончинѣ Сильвестра въ 1375 г. Но не сохранилось и намека на существованіе житія [3]).

Житіе Симона, Воломскаго пустынника, по содержанію своему принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ источниковъ для исторіи монастырской колонизаціи въ XVII в., но составлено довольно куріозно. Оно начинается предисловіемъ Пахомія Логоѳета къ житію митрополита Алексія въ томъ малограмотномъ видѣ, какой давали ему псковской біографъ Василій или какой-нибудь другой подражатель Пахомія: здѣсь читаемъ, что авторъ лично не зналъ святаго и пишетъ «отъ слышанія», по разсказамъ неложныхъ свидѣтелей и главнымъ образомъ по житію, прежде написанному «отъ нѣкоего слагателя». Но изъ самого житія оказывается, что біографъ зналъ Симона и многое описалъ по его разсказамъ, что житіе святаго никѣмъ прежде не было на-

---

[1]) Въ нашемъ поморскомъ сб. л. 273. Нач. „Сей бѣ блаженный рожденіе и воспитаніе Плесскаго уѣзду села Оделева". Біографъ писалъ по разсказамъ людей, знавшихъ Симона (+1593), и безъ притязаній на литературное искусство. Другая, болѣе пространная и витіеватая редакція (въ рукоп. Имп. публ. библ. отд. Погод. № 757) доводитъ рядъ чудесъ до 1695 г. Нач. „Подобаше убо первѣе достаточно воспомянути возлюбленная родителя, кто и откуду бяху".

[2]) Въ нашемъ поморскомъ сб. л. 333 и Унд. новаго письма № 361.

[3]) Солов. рук. XVIII в. № 182, л. 163; послѣднее чудо (23-е) относится къ XVIII в.

писано [1]). Воспоминанія современника и очевидца сказываются въ живости біографическихъ чертъ и обстоятельности разсказа, чѣмъ отличается разсматриваемое житіе. Въ посмертныхъ чудесахъ точно обозначено время каждаго—знакъ, что они записывались въ монастырскую книгу чудесъ со словъ исцѣленныхъ. Эти чудеса относятся къ 1646—1682 годамъ; послѣдній годъ указываетъ приблизительно на время составленія житія.

Сохранилась малоизвѣстная записка о Макаріѣ, основавшемъ Высокоезерскій монастырь въ 1673 г. и не записанномъ въ русскія святцы. Въ 1683 г. его едва живаго отъ разбойничьихъ истязаній нашелъ какой-то священникъ Іосифъ Титовъ и причастилъ; «и повелѣ ми многогрѣшному попу Іосифу житіе свое писати при кончинѣ живота своего и сказа мнѣ вся подробну, азъ же многогрѣшный попъ житіе его списахъ и въ пустыни оставихъ въ церкви Божіи» [2]).

Условія монастырской жизни и отношенія монастырей къ мѣстному населенію въ центральныхъ областяхъ очень живо обрисованы въ житіи Лукіана переяславскаго, основателя монастыря въ александровскомъ уѣздѣ (владимірской губ.). Житіе составлено около 1685 г. и, кажется, по надежнымъ источникамъ, однимъ изъ которыхъ служили грамоты, данныя монастырю при Лукіанѣ и послѣ него [3]).

---

[1]) Единственный, кажется, списокъ въ синод. рукоп. XVII в. № 406. Нач. „Иже святое житіе поживших". Въ описаніи подвиговъ Симона въ пустынѣ замѣчено: „труды же его бяху таковы, яковы же отъ устъ его слышахомъ". Разсказъ объ убіеніи Симона оканчивается словами: „уже лѣта довольна минондоша по убіеніи святаго, ни отъ кого же преписана и брегома".

[2]) Списокъ въ рукоп. XVIII в. Е. В. Барсова.

[3]) Списокъ въ рукоп. Тр. Серг. л. новаго письма № 37, л. 15. Предъ житіемъ помѣщена повѣсть о чудотворной иконѣ, которая еще до Лукіана

Житіе Мартирія Зеленецкаго не богато фактическимъ содержаніемъ и слишкомъ часто обращается къ видѣніямъ и другимъ легендарно-реторическимъ пріемамъ агіобіографіи; но передавая немногія свѣдѣнія о Мартиріѣ, оно умѣетъ точно указать мѣсто, дѣйствующія лица и обстоятельства разсказываемаго событія. Это объясняется источникомъ, бывшимъ у автора. Мартирій оставилъ записки о своей жизни; по отрывку изъ нихъ, изложенному г. Буслаевымъ, видно, что біографъ пользовался ими. Архіепископъ Филаретъ увѣряетъ, не указывая источника, что это житіе написано Корниліемъ, который до 1667 г. былъ игуменомъ Зеленецкаго монастыря и въ 1695 г. возвратился туда на покой, оставивъ управленіе новгородской епархіей [1]).

Архіеп. Филаретъ вслѣдъ за митр. Евгеніемъ ошибается, говоря, что сказаніе о жизни и чудесахъ Симеона верхотурскаго написано сибирскимъ митр. Игнатіемъ [2]). Это сказаніе состоитъ изъ нѣсколькихъ статей и Игнатію принадлежитъ лишь первая изъ нихъ, повѣсть объ открытіи мощей въ 1694 г., которое Игнатій описываетъ какъ главное дѣйствующее лицо при этомъ. За этой повѣстью слѣдуютъ безъ хронологическаго порядка чудеса въ селѣ Меркушинѣ по открытіи мощей и повѣсть о перенесеніи ихъ въ 1704 г. изъ Меркушина въ Верхотурье съ дальнѣйшими чудесами до 1731 года [3]). Эти статьи

въ 1594 г. принесена была на мѣсто, гдѣ потомъ возникла его обитель. Эта повѣсть написана въ началѣ XVIII в. и ссылается на житіе Лукіана.

[1]) Это житіе извѣстно намъ только по списку, изданному въ Пам. стар. русск. лит. IV, 52: здѣсь нѣтъ никакихъ указаній на автора. Разсказъ Мартирія о своемъ видѣніи въ Истор. Оч. Ѳ. И. Буслаева, ч. 2, стр. 392. Архіеп. Филаретъ (Обзоръ дух. лит. I, 360 и Р. Свят. мартъ, стр. 9) прибавляетъ, что житіе написано въ 1695 г.

[2]) Обз. дух. лит. I, 367. Р. Свят. сент. стр. 57. Слов. пис. дух. чина, изд. 2, I, 197.

[3]) Унд. № 375. Сказаніе Игнатія очень витіевато и учено. Нач. „Благій и всеблагій и преблагій Богъ о Божіемъ угодницѣ благопоспѣши повѣсть начати“.

составлены разными авторами: такъ разсказъ о чудѣ 1696 г. написанъ кѣмъ-то изъ свиты іеромонаха Израиля, посланнаго Игнатіемъ для обозрѣнія епархіи; чудеса въ Меркушинѣ записаны священниками села, которымъ поручилъ это Игнатій и однимъ изъ которыхъ былъ Іоаннъ. Во всѣхъ этихъ статьяхъ есть любопытныя черты епархіальнаго управленія въ XVII—XVIII в.

Когда писалось житіе Елеазара Анзерскаго, никого изъ учениковъ пустынника не было въ живыхъ; біографъ упоминаетъ о смерти патріарха Никона и о его подробномъ житіи, говоритъ объ иконѣ, написанной этимъ Никономъ въ Анзерскомъ скиту 65 лѣтъ назадъ. Никонъ пришелъ къ Елеазару не раньше 1635 г. Такимъ образомъ житіе составлено около 1700 г. Біографъ даетъ понять, что до него жизнь Елеазара никѣмъ не была описана, что онъ собралъ свѣдѣнія о святомъ «точію отъ слышанія» и лишь нѣкоторыя изъ чудесъ послѣдняго времени «въ памяти обрѣтошася» [1], но что въ Поморіи ходили по рукамъ другія записки о чудесахъ Елеазара: такъ нѣкто изъ Каргополя говорилъ, что у него есть немалая повѣсть о нихъ, которой не могъ достать біографъ. Однимъ изъ первыхъ учениковъ Іисуса Анзерскаго въ житіи его является монахъ Макарій [2]). Послѣдній въ 1710 г. по порученію Іисуса составилъ вкладную книгу, или систематическую опись вещамъ, пожертвованнымъ въ Анзерскій скитъ; здѣсь записанъ и вкладъ каргопольскаго купца, приказнаго чудовскаго бурмистра Ивана Андреева—«списанныя имъ чудеса преп. Елеазара» [3]). При житіи и въ повѣсти о Соловец-

---

[1]) Они кратко перечислены въ житіи (напеч. по соловецкимъ спискамъ въ Прав. Собес. 1860 г. янв. и февр.), стр. 245 и 246.

[2]) Солов. рукоп. № 1014.

[3]) Анзерск. рукоп. въ солов. библ. № 2, гл. 6, л. 71. Макарій предпослалъ описи любопытное предисловіе, въ которомъ называетъ себя постриженникомъ Елеазарова скита.

кихъ пустынножителяхъ помѣщали «свитокъ» или автобіографическую записку Елеазара, подлинникъ которой будто бы хранился въ Анзерской библіотекѣ и въ которой Елеазаръ преимущественно разсказываетъ о своихъ искушеніяхъ и видѣніяхъ. Нѣтъ основанія отвергать подлинность этой записки; но біографъ о ней не упоминаетъ и въ житіи трудно указать черту изъ нея заимствованную.

Обзоръ новыхъ житій XVII в. закончимъ двумя записками, составленными въ началѣ XVIII вѣка, но основанными на болѣе раннихъ источникахъ. Повѣсть о чудесахъ Пертоминскихъ чудотворцевъ съ характеристическими чертами монастырской колонизаціи въ Поморскомъ краѣ составлялась постепенно: одни изъ чудесъ записаны были до свидѣтельствованія мощей въ 1694 году, другія послѣ, какъ видно изъ указаній неизвѣстныхъ составителей описанія [1]).—Въ 1630-хъ годахъ у монаховъ вологодской Заоникіевской пустыни было уже написано житіе основателя ея Іосифа (+1611). Въ 1717 г. экономъ этой обители Сергій нашелъ въ Кирилловомъ бѣлозерскомъ монастырѣ у одного христолюбца книгу о явленіи чудотворнаго Заоникіевскаго образа и о жизни Іосифа и принесъ ее въ свою обитель, гдѣ въ то время готовились къ построенію каменной церкви и обновили часовню надъ забытымъ гробомъ Іосифа; эконому Сергію поручено было записывать чудеса отъ этого гроба и отъ образа Богородицы. Неизвѣстно, сохранилась ли найденная Сергіемъ книга; но любопытныя извѣстія объ Іосифѣ и его монастырѣ, извлеченныя изъ нея и изъ разсказовъ ста-

---

1) Въ нашемъ поморскомъ сб. л. 255 рядъ чудесъ доведенъ до 1694 года, въ солов. сб. № 182, л. 181 прекращается въ началѣ XVIII вѣка; здѣсь и служба, о которой въ повѣсти (л. 200) замѣчено, что по переложеніи мощей въ 1694 г. игумену велѣно было „пріити въ Москву, да тамо сочинивше службу преподобнымъ отъ чудесъ, повелѣніемъ царевымъ въ тисненіе предати повелать“.

риковъ, находимъ въ словѣ на память Іосифа [1]). Оно написано еще до окончанія каменной постройки и, какъ видно, тѣмъ же монастырскимъ историографомъ Сергіемъ

Въ началѣ XVIII в. составлено житіе переяславскаго затворника Корнилія, въ началѣ второй половины того же столѣтія описана жизнь суздальскаго митрополита Иларіона, въ концѣ XVIII в. или въ началѣ XIX написаны житія Ѳеодосія тотемскаго и Антонія Дымскаго [2]). Первое и послѣднія еще строго держатся прежняго стиля житій, второе значительно отступаетъ отъ него, приближаясь къ тону и пріемамъ простой біографіи, каково напримѣръ жизнеописаніе патріарха Никона, составленное Шушеринымъ.

Между этимъ старымъ стилемъ житій и простой біографіей лежала еще ступень, чрезъ которую прошло древнерусское житіе въ своемъ литературномъ развитіи. Разсмотрѣнные выше житія XVII в. въ выборѣ біографическаго содержанія и въ его изложеніи остаются вѣрны господствующему направленію русской агіобіографіи XV—XVI вѣка, отличаясь отъ нея вообще меньшимъ литературнымъ искусствомъ. Но уже во время Мака-

---

[1]) Въ нашемъ поморскомъ сб. л. 51—54. Нач. „Тайну цареву добро есть хранити". Сергій нашелъ въ больницѣ Кириллова монастыря древняго старца Авраамія, который въ молодости, лѣтъ за 60 до этого, былъ пономаремъ въ Заоникіевской обители; тогда, говорилъ онъ, „живущіи въ обители вси памятію житіе Іосифа проповѣдоваху, аще писанію предано имяху, но болѣе рѣчію всѣхъ услажаху".

[2]) Ж. Корнилія въ рукоп. Унд. новаго письма № 1043; тропарь и кондакъ написаны, по извѣстію біографа, Димитріемъ Ростовскимъ, свидѣтельствовавшимъ мощи Корнилія въ 1705 г. Ж. Иларіона въ рукоп. Унд. XVIII в. № 418; издано въ Москвѣ въ 1859 и въ Прав. Собр. 1869 г. Ж. Ѳеодосія напеч. въ моск. синод. типогр. въ 1806 г. Ж. Антонія въ рукоп. Унд. новаго письма № 281 съ службой; разсказъ объ отношеніяхъ Антонія, родившагося по житію въ 1206 г., къ Варлааму Хутынскому, умершему раньше, основанъ на ошибочномъ извѣстіи о смерти Варлаама въ 1243 г. Ср. выше стр. 144.

рія, въ житіяхъ, составленныхъ для Степенной книги, стало замѣтно стремленіе дать преобладаніе біографическому разсказу надъ общими реторическими мѣстами житія и изобразить дѣятельность святаго въ связи съ другими историческими явленіями его времени. Тоже стремленіе видѣли мы въ редакціи житія Александра Невскаго, составленной Іоной Думинымъ. Въ XVII в. можно собрать небольшую группу произведеній такого же характера. Они стремятся изученіемъ и сводомъ разныхъ источниковъ достигнуть большей біографической полноты сравнительно съ прежними житіями. Впрочемъ историкъ пріобрѣтаетъ очень мало отъ большей части этихъ ученыхъ редакцій: составители ихъ стояли слишкомъ далеко отъ времени жизни описываемыхъ лицъ и могли воспользоваться лишь источниками и безъ нихъ извѣстными. Только біографія Троицкаго архимандрита Діонисія даетъ понять, какія любопытныя подробности могли попасть въ житіе подъ вліяніемъ измѣнившагося взгляда на задачи біографа, если послѣдній стоялъ достаточно близко къ описываемымъ событіямъ. Авторъ этой біографіи Симонъ Азарьинъ довольно любопытное лицо. Слуга княжны Мстиславской, онъ больной пришелъ къ архимандриту Діонисію лѣтъ за 9 до его смерти, получилъ отъ него исцѣленіе и 6 лѣтъ служилъ ему келейникомъ. Въ 1630 г. Троицкія власти послали его строителемъ въ приписной монастырь на Алатырь и онъ не видѣлъ кончины своего учителя въ 1633. Скоро онъ воротился въ обитель Сергія, въ 1634 г. сдѣлался казначеемъ монастыря, а спустя 12 лѣтъ келаремъ. Вѣроятно, въ монастырѣ пріобрѣлъ онъ книжное образованіе и литературный навыкъ. Онъ оставилъ много собственноручныхъ рукописей и нѣсколько произведеній, дающихъ ему мѣсто среди хорошихъ писателей древней Россіи. Его изложеніе, не всегда правильное, но всегда простое и ясное, читается легко и пріятно, даже въ тѣхъ обязательно - витіеватыхъ мѣстахъ, гдѣ древнерусскій писатель не могъ отказать

себѣ въ удовольствіи быть неразумительнымъ. По волѣ царя Алексѣя Михайловича Симонъ приготовилъ къ печати житіе преп. Сергія, написанное Епифаніемъ и дополненное Пахоміемъ, подновивъ слогъ его и прибавивъ къ нему рядъ описанныхъ имъ самимъ чудесъ, которыя совершились послѣ Пахомія въ XV — XVII в. Эта новая редакція вмѣстѣ съ житіемъ игумена Никона, похвальнымъ словомъ Сергію и службами обоимъ святымъ напечатана была въ Москвѣ въ 1646 г. Но мастера печатнаго дѣла отнеслись съ недовѣріемъ къ повѣсти Симона о новыхъ чудесахъ, напечатали изъ нея 35 разсказовъ, нѣкоторые неохотно и съ поправками, остальные опустили вовсе. Въ 1653 г., возстановляя первоначальный видъ своего сказанія, Симонъ прибавилъ къ нему обширное предисловіе, въ которомъ изложилъ свои мысли о значеніи Сергіевой обители и сдѣлалъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній касательно исторіи житія ея основателя [1]). Здѣсь онъ говоритъ, что нѣкоторыя изъ новыхъ чудесъ онъ самъ видѣлъ, другія отыскалъ въ лѣтописныхъ книгахъ и въ сказаніи Авраамія Палицына объ осадѣ Троицкаго монастыря. Одновременно съ этими трудами работалъ онъ надъ житіемъ Діонисія. Этотъ трудъ былъ вызванъ просьбою Кожеозерскаго инока Боголѣпа Львова, предполагаемаго автора записки о пустынникѣ Никодимѣ, жившаго нѣсколько времени до постриженія въ Сергіевомъ монастырѣ. Въ 1648 г. житіе было уже готово и послано къ Боголѣпу; но считая его еще не вполнѣ отдѣланнымъ, авторъ долго нерѣшался распространять его. Онъ дополнялъ біографію новѣйшими чудесами до 1654 года, когда она получила окончательную отдѣлку. Симонъ смотритъ на обязанности біографа гораздо строже сравнительно съ большинствомъ древнерусскихъ писа-

---

[1]) Оно напечатано по рукоп. моск. дух. ак. С. Смирновымъ во Времен. Общ. Ист. и. Др. кн. X.

телей житій: онъ разборчивѣе въ источникахъ и заботится не только о полнотѣ, но и о фактической точности жизнеописанія. Онъ хорошо зналъ 6 лѣтъ изъ жизни Діонисія, прожитыхъ подъ одной съ нимъ кровлей; многое сообщилъ ему самъ Діонисій; остальное онъ старался изучить по разсказамъ наиболѣе достовѣрныхъ свидѣтелей. Такъ о молодости Діонисія ему повѣдали Троицкіе старцы, земляки архимандрита, Гурій и Германъ Тулуповъ, учившіе Діонисія грамотѣ. Руководясь мыслью, что «Богъ не хощетъ ложными словесы прославляемъ быти и святымъ неугодно есть затѣйными чудесы похваляемымъ быти», Симонъ для успокоенія своей совѣсти и недовѣрчивыхъ читателей старался достать отъ самихъ разскащиковъ или другихъ знающихъ людей письменное подтвержденіе сообщенныхъ ему изустныхъ разсказовъ. Повѣсть объ инокѣ Дороѳеѣ, слышанную отъ учителя его Діонисія, онъ читалъ многимъ и возбудилъ сомнѣніе; біографъ послалъ ее для повѣрки къ соборному московскому ключарю Ивану Насѣдкѣ, сотруднику Діонисія въ дѣлѣ исправленія книгъ и самовидцу Дороѳеевыхъ подвиговъ. Иванъ отвѣчалъ посланіемъ, въ которомъ подтвердилъ и дополнилъ собственными воспоминаніями разсказъ Симона, и послѣдній цѣликомъ приложилъ это посланіе къ своему разсказу. Кончивъ біографію и отправивъ одинъ списокъ къ Боголѣпу, Симонъ давалъ другой читать многимъ старшимъ современникамъ Діонисія. Встрѣтивъ недовѣрчивыя замѣчанія отъ нѣкоторыхъ, онъ отослалъ всю біографію къ тому же ключарю, «да видитъ и судитъ, аще сія тако есть». Насѣдка «въ строкахъ поисправилъ и поисполнилъ» пробѣлы въ трудѣ Симона и возвращая его, прислалъ автору свою обширную записку о той порѣ жизни Діонисія, когда онъ стоялъ близко къ послѣднему. Записка распространяется именно о томъ, что кратко изложено у Симона, и разсказывая еще проще послѣдняго, рядомъ съ превосходнымъ очеркомъ бѣдствій Смутнаго времени сообщаетъ любо-

пытныя свѣдѣнія о дѣятельности Діонисія и о его противникахъ. Симонъ не внесъ этой записки въ текстъ своего труда, «да не како на свой разумъ преложу чужъ трудъ»: едвали не впервые въ древнерусской литературѣ житій встрѣчаемъ здѣсь строгое различіе между своимъ и чужимъ. Наконецъ для устраненія недовѣрія Симонъ приложилъ къ біографіи вмѣстѣ съ запиской Насѣдки рядъ другихъ документовъ, подтверждающихъ его разсказъ [1]).

Мы видѣли, что Епифаній задумывалъ біографію Сергіева племянника Ѳеодора; неизвѣстно, была ли она написана. Сохранившееся житіе его съ очеркомъ позднѣйшей судьбы Симонова монастыря составлено по довольно-большому количеству извѣстныхъ источниковъ, къ которымъ оно не прибавляетъ почти ничего новаго [2]). Главнымъ изъ нихъ были Епифаніево житіе Сергія и лѣтописныя извѣстія XIV вѣка; можно также замѣтить выдержки изъ житій митроп. Алексія, Кирилла Бѣлозерскаго, кн. Димитрія Донскаго, Леонтія ростовскаго, митроп. Іоны и изъ сказанія Іосифа о русскихъ подвижникахъ. Эта ученая компиляція не отличается ни искусствомъ изложенія ни стройностью состава и часто дѣлаетъ отступленія некстати. По исторіи Симонова монастыря, прерывающейся на времени царя Михаила,

---

[1]) Синод. рукоп. № 416 — автографъ Азарьина: служба Діонисію, составленная біографомъ, л. 1—9, житіе л. 10—103; далѣе л. 103—467 записка Ивана Насѣдки и остальныя приложенія: грамота царя объ исправленіи требника, защитительныя рѣчи Діонисія, Арсенія Глухаго и Ивана Насѣдки, обличительная рѣчь послѣдняго противъ Антонія Подольскаго, изысканіе его же о прибавкѣ „и огнемъ" въ 40 главахъ и два посланія восточныхъ патріарховъ о томъ же. Въ синод. рук. № 85, какъ и въ печатномъ изданіи 1824 г., записка Насѣдки внесена въ текстъ житія, а остальныя приложенія опущены.

[2]) Синод. рукоп. 1723 г. № 580, л. 232—251. Только въ разсказѣ о Ѳерапонтѣ и Кириллѣ есть нѣсколько чертъ, которыхъ не находимъ въ извѣстныхъ житіяхъ обоихъ.

можно думать, что житіе составлено около половины XVII вѣка. — Такова же третья редакція житія тверскаго князя Михаила Ярославича. Основой ея послужила вторая редакція, дополненная извѣстіями изъ лѣтописи и новыми реторическими распространеніями; составитель прибавилъ къ житію новое предисловіе, витіеватую и длинную похвалу, надгробный плачъ княгини изъ житія Димитрія Донскаго и два сказанія: о обрѣтеніи мощей князя въ 1634 г. и о переложеніи ихъ въ 1654. Это послѣднее событіе подало тверскому архіепископу Лаврентію поводъ установить празднованіе Михаилу и по всей вѣроятности составить новую редакцію житія [1]). При томъ же Лаврентіѣ, по благословенію патріарха Никона, установлено праздновать день перенесенія мощей другаго мѣстнаго святаго, епископа Арсенія, и въ 1655 г. составлена служба на этотъ праздникъ. Къ чудесамъ XVI в. въ житіи Арсенія прибавлено 26 новыхъ (съ 1606 по 1664 г.); но житіе не подверглось при этомъ новой обработкѣ. Приложенная къ чудесамъ похвала Арсенію есть подражаніе похвалѣ кн. Михаилу и, можетъ быть, написана тѣмъ же авторомъ [2]). — Съ біографіей кн. Михаила сходна по строю и характеру новая редакція житія Ѳеодора, князя ярославскаго. Самъ составитель объясняетъ свою задачу: «о немъ же преже сего обрѣтаеми суть многія повѣсти глаголемы и пи-

---

[1]) Списки XVII в. въ рукоп. Унд. № 341, л. 12, и № 1209, л. 18; сокращеніе этой ред. въ рукоп. Унд. XVII в. № 1255. Нач. „Ничтоже тепльшія души блажайше зрѣти ко всякой добродѣтели простирающіяся“. На автора — архіепископа указываетъ повидимому выраженіе въ разсказѣ о переложеніи мощей: „*узаконихомъ* и гробъ его святаго открывати въ церковное славословіе“, если только форма глагола не есть здѣсь слѣдствіе обычной у древнерусскихъ писателей нетвердости въ церковно-славянскомъ спряженіи.

[2]) Рукоп. Унд. XVII в. № 1224, по почеру и формату сходная съ указаннымъ сп. житія Михаила Унд. № 1209; новыя чудеса на л. 80—118 безъ конца.

шемы, но обаче не во единомъ мѣстѣ, ова въ лѣтописаніихъ, иная же индѣ, прочая же кратцѣ писана въ житіи его, и отъ всѣхъ сихъ да соберется нынѣ во едину словесную пленицу». Впрочемъ главнымъ источникомъ служили прежнія редакціи, которыя авторъ дополнилъ немногими извѣстіями изъ лѣтописи. Вновь написаны и прибавлены къ житію похвальное слово, витіеватое подражаніе Пахомію, и сказаніе о новомъ перенесеніи мощей въ 1658 году, подавшемъ поводъ къ установленію мѣстнаго праздника 13 іюня и очевидно къ составленію новой редакціи кѣмъ-либо изъ братіи Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ [1]).

Въ XVII в. еще разъ переработано было житіе митрополита Алексія [2]). Въ литературномъ отношеніи эта редакція одинъ изъ лучшихъ древнерусскихъ памятниковъ этого рода по грамотности изложенія, искусству разсказа и стремленію отрѣшиться отъ условныхъ формъ и общихъ мѣстъ житія. Менѣе удовлетворительно ея фактическое содержаніе. Біографъ старался изучить жизнь святителя по всѣмъ доступнымъ ему источникамъ: кромѣ Пахоміевой и Макарьевскихъ редакцій житія онъ пользовался лѣтописями и грамотами XIV вѣка, предпослалъ житію краткій и не совсѣмъ точный очеркъ исторіи Московскаго княжества и сообщилъ двѣ-три біографическія черты, кото-

---

[1]) Эта ред. въ нашей рукоп. времени импер. Анны. Нач. „Поновленія почитати обыче древній законъ". Къ этой ред. приложенъ составленный по ней синаксарь, или проложной очеркъ жизни святаго.

[2]) Списокъ этой ред. въ синод. сб. XVII — XVIII в. № 596, л. 13. Нач. „Много зѣло украшаютъ царство діадима, багряница и самовластный скиптръ". Къ біографіи приложены акты, на которые ссылается біографъ, ханскіе ярлыки и копія съ найденной въ казнѣ рязанской митрополія подлинной грамоты Алексія на Черленый Яръ съ его собственноручной подписью по-гречески (Акт. Ист. I, № 3). Къ ярлыкамъ біографъ присоединилъ замѣтку: „иныхъ не возмогохомъ превести, зане неудобь познаваемою рѣчью писани быша (л. 34)".

рыхъ нѣтъ въ прежнихъ редакціяхъ [1]). Но и онъ не могъ устранить неточностей и противорѣчій въ этихъ редакціяхъ: такъ по его счету Алексій епископствовалъ во Владимірѣ 4 года, жилъ 85 лѣтъ и родился въ 1292 году, хотя и у него святитель остается старше Симеона Гордаго 17 годами. Житіе оканчивается извѣстіемъ о перенесеніи мощей въ 1686 г. и составлено при патр. Адріанѣ (1690—1700) монахомъ Чудова монастыря, судя по вниманію, съ какимъ авторъ останавливается на этой обители, на упадкѣ въ ней прежняго строгаго благочинія; библіографическія знанія біографа наводятъ на мысль, что это—извѣстный справщикъ книгъ и сотрудникъ Епифанія Славинецкаго Евѳимій, которому приписываютъ повѣсть объ упомянутомъ перенесеніи мощей [2]).—Біографъ Аѳанасія Высоцкаго также пытался сдѣлать ученый сводъ всѣхъ извѣстій объ этомъ ученикѣ Сергія, но далъ слишкомъ много простора своимъ ораторскимъ отступленіямъ и при скудости источниковъ довѣрялъ смутному преданію болѣе, чѣмъ слѣдовало ученому біографу [3]). Вирши, которыми оканчивается житіе, съ извѣстіемъ, что оно написано въ 1697 году, подтверждаютъ догадку, что авторъ его—извѣстный слагатель виршъ Каріонъ Истоминъ [4]).

---

[1]) Наприм. замѣчаніе о знакомствѣ Алексія съ греческимъ языкомъ и о его переводѣ Новаго Завѣта съ извѣстіемъ о переводѣ съ греческаго книги Литургіаріи митр. Кипріаномъ (л. 16), также извѣстіе о древнемъ благочиніи, установленномъ въ Чудовомъ монастырѣ Алексіемъ (л. 26).

[2]) Арх. Филаретъ въ Обз. русск. дух. лит. I, стр. 370.

[3]) Такъ онъ съ большей увѣренностью повторяетъ ошибочное преданіе объ избраніи Аѳанасія на патріаршій престолъ въ Царьградѣ, о чемъ Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ чудесамъ Сергія говоритъ еще нерѣшительно, съ оговорками. См. житіе Аѳанасія въ рукоп. Унд. XVII—XVIII в. № 268, л. 83.

[4]) Архіеп. Филаретъ въ Обз. русск. д. лит. I, стр. 380 и Р. Свят сент. стр. 48. Повидимому въ разсматриваемому разряду житій принадлежитъ новая редакція житія Варлаама Хутынскаго, хранящаяся въ его монастырѣ и приписываемая Софронію Лихуду (Слов. пис. дух. чина,

Къ разсмотрѣннымъ редакціямъ приближается по свойству источниковъ сказаніе о чудотворной Овиновской иконѣ и о Паисіи Галицкомъ: авторъ пытался связать смутное преданіе, хранившееся въ галицкомъ Паисіевомъ монастырѣ, съ лѣтописными извѣстіями о времени Димитрія Донскаго и Василія Темнаго, но сдѣлалъ это неудачно, съ пропусками и ошибками [1]). Въ извѣстномъ намъ спискѣ повѣсти нѣтъ прямыхъ указаній на время ея составленія: только по скудости извѣстій о Паисіи и складу рѣчи можно догадываться, что это очень позднее произведеніе. — Точно также невозможно опредѣлить, когда написано было житіе Арсенія Комельскаго простой первоначальной редакціи, безъ книжныхъ украшеній, существованіе котораго доказывается отрывкомъ изъ него, сохранившимся въ рукописи XVII вѣка. Сравненіе отрывка съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ печатномъ изданіи житія приводитъ къ мысли, что послѣднее имѣло источникомъ эти старыя записки объ Арсеніи, сокративъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и придавъ книжный складъ ихъ простому изложенію [2]).

стр. 248. Обз. русск. д. лит. I, стр. 363); но ея не нашли мы ни въ одной изъ рукописныхъ библіотекъ, которыми пользовались.

[1]) Это сказаніе извѣстно намъ только по рукописи XVII в., принадлежащей Н. С. Тихонравову, № 57 безъ трехъ первыхъ листовъ. Историческія свѣдѣнія автора о времени Паисія такъ скудны, что онъ сознается въ незнаніи, „каковыя ради вины“ началась усобица между вел. кн. Василіемъ и его дядей Юріемъ, и невѣрно относя смерть послѣдняго къ 1429 году, прибавляетъ: „како же вел. кн. Георгій Димитріевичъ къ Москвѣ пріиде, во время ли взятія града Галича вел. княземъ московскимъ плѣнену ему сущу, или по взятіи града яковымъ-любо образомъ пріиде, о семъ мы въ галичскихъ древнихъ лѣтописцехъ не обрѣтохомъ (л. 44)“.

[2]) Отрывокъ въ сб. Тр. Серг. л. № 806, л. 244—246. Печатное житіе изд. въ петерб. синод. типогр. 1850 г. съ службой и похвальнымъ словомъ. Изъ 5 посмертныхъ чудесъ одно 4-е помѣчено 1573 г.

ГЛАВА VIII.

Общія замѣчанія.

Описавъ въ хронологической связи отдѣльныя явленія, изслѣдователь чувствуетъ потребность еще разъ взглянуть на свой матеріалъ, чтобы собрать разсѣянныя наблюденія и свести ихъ въ общіе критическіе выводы. Въ литературѣ житій это легче и нужнѣе чѣмъ въ какой-либо другой отрасли древнерусскихъ историческихъ источниковъ. Житіе по существу своему состоитъ изъ двухъ элементовъ совершенно различнаго происхожденія и свойства: это ораторское произведеніе, церковная проповѣдь, предметомъ которой служатъ тѣже религіозно-нравственныя истины, какъ и въ простомъ церковномъ словѣ, но разсматриваемыя не въ отвлеченномъ анализѣ или практическомъ приложеніи, а на извѣстныхъ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Оба эти элемента, литературный и историческій, имѣли свою судьбу въ развитіи древнерусскаго житія, но при этомъ трудно найти другой родъ литературныхъ произведеній, въ которомъ форма въ бо̀льшей степени господствовала бы надъ содержаніемъ, подчиняя послѣднее своимъ твердымъ, неизмѣннымъ правиламъ. Она представляетъ первую и главную преграду, стоящую между историкомъ и историческимъ фактомъ, который заключается въ житіи: ея изученіемъ долженъ начаться критическій разборъ житія.

Начиная этотъ разборъ съ самой внѣшней стороны, нельзя не остановиться на неравномѣрномъ распредѣленіи житій въ древнерусской письменности. Почти до половины XVI в. русское житіе вообще довольно рѣдкое явленіе въ сборникахъ; еще рѣже сборники, составленные изъ однихъ русскихъ житій. Съ половины XVI в. напротивъ послѣднія начинаютъ стѣснять

другіе отдѣлы литературы. Такъ по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ теперь древнерусскихъ рукописныхъ собраніяхъ: мнительный библіографъ, дорожащій временемъ, съ трудомъ отыскавъ два-три близкіе къ автору списка житія, явившагося до половины XVI вѣка, большею частію долженъ ограничиться тоскливымъ взглядомъ на массу позднѣйшихъ списковъ, не отваживаясь на внимательный просмотръ каждаго. Разумѣется, самая литература житій стала быстро разростаться послѣ соборовъ о новыхъ чудотворцахъ и меньше пострадала въ письменности отъ времени: но обоихъ этихъ обстоятельствъ едвали достаточно для объясненія указанной неравномѣрности. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что любовь къ старой книжкѣ была знакома русскимъ грамотеямъ XVI—XVII в. едвали въ меньшей степени чѣмъ позднѣйшимъ московскимъ библіографамъ. Есть основанія думать, что значительная доля дѣйствія въ этомъ явленіи принадлежала развитію въ читающемъ обществѣ охоты къ чтенію житій отечественныхъ святыхъ. Ниже увидимъ, что этотъ фактъ не остался безъ вліянія на литературную исторію житія.

Можно замѣтить другую черту въ письменности житій уже болѣе литературнаго свойства. Житія многихъ извѣстныхъ церкви святыхъ древней Россіи не сохранились даже въ преданіи и повидимому вовсе не были написаны. Значительное количество уцѣлѣвшихъ житій—позднѣйшія переработки или редакціи исчезнувшихъ біографій. Наконецъ изъ сдѣланнаго выше обзора можно видѣть, какое большинство житій дошло до насъ въ нѣсколькихъ, иногда многочисленныхъ редакціяхъ: 150 житій, разсмотрѣнныхъ нами, представляютъ до 250 редакцій. Редакція вообще настолько важна для критической оцѣнки житія, чтобы разсмотрѣть внимательно ея происхожденіе.

Въ самой формѣ распространенія житій лежалъ элементъ редакціи: письменность отдавала первоначальный текстъ и со-

ставъ литературнаго произведенія на жертву недосмотрамъ и произволу писца. Личный авторскій элементъ цѣнился очень мало и мало имѣлъ правъ на болѣе высокую цѣну. По своему сложному строю житія были наиболѣе доступны измѣненію, а по содержанію своему они преимущественно составляли тотъ отдѣлъ произведеній, который переписывали для собственной душевной пользы или для тѣснаго кружка: согласно съ такимъ ограниченнымъ назначеніемъ считали естественнымъ сокращать или дополнять ихъ при перепискѣ по личному разумѣнію или вкусу и съ такими перемѣнами пускать въ дальнѣйшее обращеніе. Совѣтъ игумена Алексѣя, біографа Геннадія костромскаго, чтобы переписчикъ «ся тщалъ на прямыя точки и запятыя, да не погрѣшилъ бы ся разумъ писанію, якоже мы душу полагаемъ за истинныя словеса и за точки», можно объяснить авторскимъ страхомъ передъ тѣмъ крайнимъ пренебреженіемъ, съ какимъ писцы относились къ тексту литературныхъ памятниковъ.

Не лишены значенія въ литературной исторіи редакцій нѣкоторыя внѣшнія случайности, соединенныя съ письменной формой распространенія житій. Иногда житіе, написанное начерно, на свиткѣ, благодаря равнодушію или безграмотности братіи, ложилось въ кладовую безъ употребленія, портилось и потомъ извлекалось на свѣтъ Божій въ такомъ видѣ, который дѣлалъ необх[illegible]имъ новую обработку. Иногда біографія, составленная для немногочисленной братіи, долго обращаясь среди нея въ единственномъ спискѣ, исчезала въ рукахъ стороннихъ читателей или погибала во время пожара, непріятельскаго нашествія, вслѣдствіе разброда братіи: все это заставляло потомъ воспроизводить по памяти утраченное житіе.

Изучая движеніе литературы древнерусскихъ житій въ хронологической послѣдовательности, можно замѣтить, какъ постепенно выступаютъ и дѣйствуютъ совокупно съ бо́льшей или меньшей силой разнообразныя общія причины редакцій, лежа-

нія въ самомъ свойствѣ житія, въ его происхожденіи, содержаніи и назначеніи. Агіобіографія стремилась соединить въ себѣ много разнородныхъ цѣлей и каждая изъ нихъ требовала особой формы для житія. Простая біографическая записка о безвѣстномъ подвижникѣ, составленная для памяти вскорѣ по смерти его, становилась недостойной прославленнаго святаго послѣ открытія мощей и установленія ему празднованія: это вызывало новую обработку житія. Притомъ святой не умиралъ и по смерти, ибо «кости наги» продолжали источать исцѣленія: память о немъ и въ древнія и въ поздніе времена вѣчно колебалась между исторіей и легендой, постоянно обновлялась новыми чудесами и подъ вліяніемъ ихъ разросталась новыми біографическими чертами. Это загробное продолженіе біографіи создавало потребность въ дополненной передѣлкѣ житія. Кромѣ того житіе составляло часть богослуженія, служило чтеніемъ въ службѣ на память святаго: это дѣлало необходимымъ для житія извѣстный объемъ и особыя условныя формы, которымъ не всегда соотвѣтствовали редакціи, вызванныя указанными побужденіями. Наконецъ, независимо отъ всѣхъ этихъ условій церковнаго происхожденія, древнерусская агіобіографія, какъ литературная форма, имѣла свой историческій ростъ: измѣнялся самый взглядъ на житіе, на его задачи и пріемы, и каждая смѣна сопровождалась новой переработкой житій, стоявшихъ въ кругу дѣйствія новаго взгляда. Таковы общія и главнѣйшія условія, которыми можно объяснить происхожденіе и размноженіе редакцій, не говоря о другихъ, частныхъ и имѣвшихъ болѣе ограниченное дѣйствіе. Легко замѣтить, что въ этихъ условіяхъ сказались главнѣйшіе моменты литературной исторіи житій: побужденія, заставлявшія часто по нѣскольку разъ мѣнять форму житія, были тѣ самыя, которыми опредѣлились литературные пріемы агіобіографа и точка зрѣнія, съ которой онъ разсматривалъ историческія явленія.

На свойствахъ этой точки зрѣнія и на всей литературной исторіи древнерусскаго житія замѣтно сказывается дѣйствіе среды, въ которой зародилось это житіе и съ которой главнымъ образомъ связано было его распространеніе. Разсматривая житіе критически, не слѣдуетъ забывать, что оно входило въ составъ богослуженія, читалось въ церкви во время службы святому на шестой пѣсни канона вслѣдъ за кондакомъ и икосомъ. Разсматривая содержаніе и форму этихъ кондаковъ и икосовъ, не трудно замѣтить ихъ литературное родство съ житіемъ. Кондакъ кратко передаетъ въ повѣствовательной формѣ основныя черты дѣятельности святаго; икосъ на основаніи этихъ чертъ излагаетъ похвалу святому, начиная каждую черту возгласомъ «радуйся». Такимъ образомъ въ этихъ пѣсняхъ содержится литературная программа житія. Таковы именно по своему строю древнѣйшіе памятники сѣвернорусской агіобіографіи, житія Леонтія и Игнатія Ростовскихъ, Варлаама Хутынскаго, митрополита Петра: это распространенные кондаки и икосы, въ которыхъ главныя біографическія черты сопровождаются прославленіемъ святаго обыкновенно съ тѣмъ же возгласомъ «радуйся». Объ этихъ именно житіяхъ рукописи сохранили прямыя указанія на ихъ церковное происхожденіе или употребленіе: ихъ помѣщали въ прологахъ или среди службы святому послѣ 6-й пѣсни канона. Этотъ первоначальный типъ житія, который всего точнѣе назвать проложнымъ, господствовалъ въ сѣвернорусской литературѣ житій до конца XIV вѣка, какъ видно по уцѣлѣвшимъ памятникамъ того времени. Но онъ не исчезъ и послѣ, когда развились и утвердились другія формы житія: пока древнерусская агіобіографія хранила свой старый строго-церковный стиль и не превратилась въ простую біографію, до тѣхъ поръ существовала потребность имѣть рядомъ съ пространнымъ украшеннымъ житіемъ и его краткое проложное изложеніе. Если

въ XV—XVII в. появлялась такая украшенная редакція, почти безошибочно можно предполагать при ней и проложную, очень часто помѣщавшуюся въ рукописи рядомъ съ первой. Во второй половинѣ XVII вѣка, когда падали прежнія церковныя формы житія, составитель новой редакціи жизнеописанія князя ярославскаго Θеодора, которой уже коснулись новыя литературныя требованія, считалъ однакожъ необходимымъ приложить къ своему труду его сокращеніе, давъ послѣднему церковное заглавіе «синаксаря», хотя проложная редакція этого житія существовала уже въ XV в.

Потомъ литературная форма житія получила дальнѣйшее развитіе. Въ началѣ и концѣ біографіи появились части, содержаніе и цѣль которыхъ составляло не воспроизведеніе историческаго явленія; передъ біографическимъ разсказомъ явилось ораторское предисловіе; прежняя краткая похвала въ концѣ проложнаго житія расширялась въ пространное похвальное слово и отдѣлилась отъ біографіи въ видѣ особой статьи; чудеса сдѣлались существенной и необходимой частью житія; въ самомъ біографическомъ разсказѣ развились именно тѣ типическія черты, которыя обобщали историческое мѣстное и индивидуальное явленіе, приближая его къ общему христіанскому идеалу. Церковно-ораторскіе элементы житія стали на первомъ планѣ, закрывъ собой элементы исторіографическіе. Житіе превратилось въ стройное и сложное архитектурное зданіе, въ однообразныя формы котораго стремились облекать разнообразныя историческія явленія. Трудно обозначить съ точностію время, когда литературная форма житій получила такое развитіе. Какъ произведенія мѣстныя, они подчинялись въ этомъ отношеніи развитію мѣстныхъ литературныхъ силъ, которое въ разныхъ пунктахъ древней Россіи было не одинаково. Въ одно время встрѣчаемъ житія, принадлежащія по своему строю къ разнымъ эпохамъ въ литературной исторіи древнерусской агіо-

біографіи. Въ Ростовѣ въ концѣ XII и въ XIII в. сказанія о святыхъ получали простую неразвитую обработку; въ житіи епископа Игнатія, которое можно относить къ половинѣ XIV вѣка, впервые встрѣчаемъ робкую попытку предпослать разсказу краткое предисловіе. Напротивъ смоленская письменность уже въ XIII в. имѣла житіе мѣстнаго святаго, ни въ чемъ не уступающее искусственнымъ житіямъ XV—XVI в., вооруженное витіеватымъ предисловіемъ, частыми реторическими отступленіями въ разсказѣ и не менѣе краснорѣчивымъ похвальнымъ словомъ въ видѣ авторскаго послѣсловія. Это, какъ мы видѣли въ разборѣ житія Авраамія смоленскаго, объясняется ближайшимъ вліяніемъ кіевской письменности, происходившимъ отсюда большимъ знакомствомъ съ литературными образцами, которое раньше возлагало на составителя житія болѣе сложныя требованія. Въ болѣе отдаленныхъ городахъ, при меньшихъ литературныхъ средствахъ, дольше ограничивались болѣе простой проложной формой житія. Можно впрочемъ замѣтить, что съ XV в. указанный искусственный стиль становится господствующимъ и въ сѣвернорусскихъ житіяхъ. Выше [1]) мы пытались указать литературный матеріалъ, съ помощію котораго возводились такія зданія, и зодчихъ, давшихъ образцы такой литературной постройки: житіе, получившее свою первоначальную основу въ пѣсняхъ церковной службы, въ дальнѣйшемъ развитіи приняло въ себя элементы церковнаго слова, и вліятельнѣйшими руководителями въ этой переработкѣ были писатели, пришедшіе со стороны, незнакомые непосредственно съ мѣстными условіями, среди которыхъ выросли описываемыя ими лица, но твердо знавшіе тотъ идеалъ, который лежитъ въ основѣ агіобіографіи, и литературные пріемы, необходимые для достойнаго его изображенія. Сообразно съ своимъ характеромъ и лите-

---

[1]) Стр. 80 и слѣд.

ратурными источниками эта новая форма, оставшаяся съ тѣхъ поръ господствующей въ древнерусской литературѣ житій, была такъ же близка къ богослуженію, какъ и проложная: въ старыхъ спискахъ службы преп. Сергію Радонежскому находимъ указанія, что на шестой пѣсни канона читались или украшенная Пахоміева редакція житія этого святаго, или проложное ея сокращеніе, сдѣланное тѣмъ же писателемъ. Сообразно съ тѣми же источниками въ дальнѣйшемъ развитіи новой формы постепенно исчезала грань, отдѣляющая житіе отъ церковнаго панегирика: если въ Макарьевское время появился рядъ новыхъ редакцій житій, названныхъ похвальными словами, то съ другой стороны подъ заглавіемъ житія можно встрѣтить похвальное слово, лишенное біографическаго содержанія.

Рядомъ съ господствующимъ стилемъ развивались попытки, въ нѣкоторыхъ чертахъ отъ него отступавшія. Выше разсмотрѣна группа житій XVI и XVII в., въ основаніи которыхъ можно замѣтить чисто-историографическую цѣль: не покидая пріемовъ искусственнаго стиля, стараясь держаться на высотѣ его риторическихъ требованій, они однакожъ стремятся расширить свое фактическое содержаніе насчетъ общихъ мѣстъ житія. Не много раньше начали появляться произведенія другаго характера, въ которыхъ мы указали паденіе господствующаго стиля житій: мало заботясь о фактическомъ изученіи, неизвѣстные составители ихъ еще меньше думали о стилистической обработкѣ, отступали не только отъ принятыхъ въ агіобіографіи пріемовъ риторическаго изобрѣтенія, но иногда и отъ обязательнаго для нея церковнаго языка, приближаясь въ своемъ изложеніи къ живой рѣчи.

Оба видоизмѣненія установившагося стиля были переходомъ отъ житія къ простой біографіи. Есть нѣкоторый интересъ въ изслѣдованіи происхожденія этихъ видовъ: оно поможетъ не преувеличивая оцѣнить ихъ значеніе въ общемъ дви-

женіи древнерусской литературы; притомъ условія, заставлявшія отступать отъ господствующаго стиля, бросаютъ свѣтъ на основные элементы этого послѣдняго, разсмотрѣніе которыхъ составляетъ главный вопросъ въ литературной критикѣ житія. Если изложенное выше предположеніе объ источникѣ, изъ котораго житіе заимствовало свою основную мысль и первоначальныя литературныя формы, имѣетъ долю вѣроятности, легко понять, что житіе должно было получить очень спеціальное литературное значеніе: не всякая біографія заслуживала названія житія и не всякое лицо, заслуживающее біографіи на нашъ взглядъ, могло стать достойнымъ предметомъ житія. Житіе было неразлучно съ представленіемъ о святой жизни и только она имѣла право на такое изображеніе. Единственный интересъ, который привязывалъ вниманіе общества, подобнаго древнерусскому, къ судьбамъ отдѣльной жизни, былъ не историческій или психологическій, а нравственно-назидательный: онъ состоялъ въ тѣхъ общихъ типическихъ чертахъ или нравственныхъ схемахъ, которыя составляютъ содержаніе христіанскаго идеала и осуществленіе которыхъ, разумѣется, можно найти не во всякой отдѣльной жизни. Для такого изображенія судьбы лица нужна не критика, не фактическое изученіе. Но и для древнерусскаго агіобіографа были неизбѣжны случаи, когда вопросъ объ историческомъ фактѣ выступалъ наверхъ передъ этими нравственными схемами: такъ бывало, когда лице, за жизнеописаніе котораго онъ брался, стояло слишкомъ близко къ историческимъ событіямъ, занимавшимъ общество, а самъ онъ былъ слишкомъ близокъ къ описываемому лицу, чтобы забыть подробности этихъ событій или пренебречь ими. До XVI вѣка, когда устанавливался искусственный стиль житій, сравнительно бо́льшую ровность и полноту фактическаго изложенія и меньшую наклонность къ общимъ реторическимъ распространеніямъ можно замѣтить въ житіяхъ князей. Стремленіе измѣнить задачи жи-

тія, обратить его въ полный сводъ извѣстій разныхъ источниковъ о лицѣ и его исторической обстановкѣ обнаружилось въ XVI и XVII в. особенно въ житіяхъ князей и высшихъ представителей церковной іерархіи. Естественно, что встрѣча съ явленіями, удалявшимися отъ церковной сферы въ тѣсномъ смыслѣ, заставляла и писателя въ выборѣ біографическаго матеріала выступать изъ тѣсныхъ рамокъ житія, намѣченныхъ въ кондакѣ и икосѣ. Но и въ кругу монастырской жизни, стоявшей въ сторонѣ отъ главныхъ центровъ мірскихъ общественныхъ интересовъ и служившей преимущественнымъ разсадникомъ таковъ для житій, біографу встрѣчались положенія, которыя усиливали его внимательность къ простымъ житейскимъ подробностямъ описываемой жизни. Съ половины XIV в. развитіе монастырской колонизаціи выставило необозримый рядъ подвижниковъ, основывавшихъ монашескія обители въ лѣсныхъ пустынахъ. Благоговѣйное воспоминаніе, которое основатель оставлялъ по себѣ въ братствѣ и окрестномъ населеніи, большею частію не скоро облекалось въ формы церковнаго чествованія, но возбуждало желаніе сберечь, записать черты его жизни, пока онѣ были свѣжи въ памяти. Въ этомъ отношеніи любопытно признаніе перваго біографа Даніила переяславскаго, что его заставило приняться за перо желаніе всѣхъ знавшихъ и любившихъ святаго старца видѣть и почитать его житіе. До церковной канонизаціи жизнеописатель имѣлъ больше простора для своего пера: онъ и тогда искалъ въ описываемомъ лицѣ знакомыхъ ему чертъ идеальнаго типа, но ничто не заставляло его избѣгать и простыхъ житейскихъ подробностей, не подходившихъ подъ принятыя въ житіяхъ обобщенія, ибо онъ писалъ свою повѣсть не для церковной службы, дѣлавшей такія обобщенія обязательными для біографа, а для читателей-современниковъ, въ памяти которыхъ подробности о жизни знакомаго имъ человѣка и въ своемъ реальномъ видѣ

еще не потеряли живаго интереса. Такимъ образомъ здѣсь бо́льшая простота біографическаго разсказа, близость его къ дѣйствительности была слѣдствіемъ того, что онъ по своему происхожденію и назначенію удалялся отъ церковной службы. Думаемъ, что этимъ обстоятельствомъ преимущественно объясняется появленіе и размноженіе съ XV в. простыхъ біографическихъ записокъ, авторы которыхъ, не принимая на себя обязанности писать полную біографію и не стѣсняясь рамками житія, тѣмъ съ бо́льшею простотой и откровенностью излагали наиболѣе близкія и дорогія для нихъ воспоминанія. Характеръ этихъ записокъ раздѣляютъ и житія, написанныя до канонизаціи, независимо отъ церковной службы, образчики которыхъ мы видѣли въ біографіяхъ Іосифа Санина, Даніила переяславскаго и во многихъ другихъ житіяхъ XVI—XVII вѣка: свободныя отъ условій, налагаемыхъ церковной службой, писанныя подъ вліяніемъ мысли о любимомъ и уважаемомъ старцѣ, а не о святомъ, прославленномъ церковію, они отличаются живостію чертъ и близостью къ дѣйствительнымъ явленіемъ жизни.

Удаленіе отъ непосредственнаго вліянія церковнаго богослуженія сказывалось не на одномъ выборѣ біографическаго содержанія житія: можетъ быть, еще замѣтнѣе отражалось оно на изложеніи этого содержанія. Древнерусское писательство не сходило съ той наивно-искусственной ступени развитія, когда литературная форма, соотвѣтствующая извѣстному содержанію, создавалась не столько сущностью самого предмета и настроеніемъ авторской мысли, сколько назначеніемъ литературнаго труда и чисто-внѣшними, условными пріемами слога и общихъ мѣстъ. Смотря по этому назначенію, одинъ и тотъ же предметъ или излагался простой, безыскусственной рѣчью или наряжался въ торжественную одежду пышныхъ словъ и ухищренныхъ оборотовъ, хотя при этомъ высота мысли и сила чувства явля-

лись очень часто въ обратномъ отношеніи къ литературному стилю. Для древнерусскаго писателя выборъ литературной одежды, идущей къ извѣстному предмету и случаю, облегчался тѣмъ же, изъ чего въ послѣдствіи Ломоносовъ создалъ свою теорію трехъ слоговъ, то-есть существованіемъ книжнаго церковно-славянскаго языка рядомъ съ русской разговорной рѣчью. Этими условіями объясняется рѣзкая разница въ тонѣ и изложеніи между двумя сказаніями о постройкѣ московскаго Успенскаго собора въ XV вѣкѣ,—торжественнымъ словомъ церковно-оффиціальнаго происхожденія и лѣтописной повѣстью, составленной тайкомъ отъ церковныхъ властей и противъ нихъ, хотя авторъ, какъ видно, хорошо владѣлъ и книжной церковно-славянской рѣчью. Даже одинъ и тотъ же писатель, ученикъ Пафнутія Иннокентій, въ воспоминаніяхъ объ учителѣ выражается далеко не тѣмъ языкомъ, какимъ изложилъ службу на память его. Къ канону и житію Геннадія костромскаго, написаннымъ довольно правильнымъ книжнымъ языкомъ, біографъ присоединилъ наставленіе касательно своего труда, и здѣсь строки книжнаго склада чередуются съ фразами, выраженными простой разговорной рѣчью. Удаляясь отъ своего первоначальнаго источника, агіобіографія встрѣчала другое условіе, также содѣйствовавшее упадку ея искусственнаго стиля. Этотъ стиль былъ доступенъ читателямъ, имѣвшимъ хорошее книжное образованіе, то-есть очень немногимъ въ древнерусскомъ обществѣ; можно замѣтить даже, что многимъ составителямъ житій онъ былъ не подъ-силу и они часто отступали отъ него съ видимымъ прискорбіемъ. Между тѣмъ въ письменности XVI в. сохранились указанія, что житія распространялись и съ любовью читались не только въ духовномъ, но и въ свѣтскомъ обществѣ. Списываніе житія стало для грамотныхъ людей однимъ изъ проявленій усердія къ памяти святаго, дѣлалось по обѣту въ болѣзни. Сборникъ житій русскихъ святыхъ, написанный въ 1548 г. «замышленіемъ государыни

Олены Ивановны Васильевы жены Михайловича Воронцова, рукою многогрѣшнаго Гаврилки Данилова сына Чудинова» и поступившій въ библіотеку Іосифова волоколамскаго монастыря вмѣстѣ съ другими рукописями кн. Д. И. Оболенскаго-Нѣмаго, нѣтъ никакого основанія считать исключительнымъ явленіемъ. Около тогоже времени сынъ устюжскаго намѣстника кн. И. А. Оболенскій, воеводствовавшій въ томъ же городѣ, въ минуту семейнаго горя велѣлъ принести книгу житія Зосимы и Савватія соловецкихъ «и нача чести, сидя на одрѣ своемъ». Варіанты, представляемые текстомъ наиболѣе распространенныхъ житій въ многочисленныхъ спискахъ XVI и XVII в., могутъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ мысли, что самое усиленіе переписки житій для публики, не посвященной въ тонкости высокаго слога, упрощало ихъ изложеніе, насколько это зависѣло отъ писца. Нѣтъ сомнѣнія, это обстоятельство дѣйствовало и на составителей житій: по крайней мѣрѣ Максимъ Грекъ въ предисловіи къ житію соловецкихъ чудотворцевъ увѣряетъ, что Досиѳей писалъ о Савватіѣ и Зосимѣ «неухищренно», безъ добрословія, между прочимъ для того, чтобы стать въ уровень съ образованіемъ большинства своихъ читателей, сѣверныхъ поморянъ, «якоже бы возможно тамо живущимъ человѣкомъ глаголати же и прочитати», и что даже Спиридонъ, украшая доброословіемъ Досиѳеевы записки, умѣрялъ свое литературное искусство тѣмъ же соображеніемъ. Въ связи съ быстрымъ размноженіемъ пустынныхъ монастырей стоило третье условіе, которое еще сильнѣе двухъ вышеуказанныхъ содѣйствовало ослабленію стилистической изысканности въ литературѣ житій XVI и XVII в. Большинство житій, появившихся до этого времени, написано было въ городахъ и монастыряхъ, бывшихъ средоточіями книжнаго образованія, гдѣ не было недостатка въ литературныхъ мастерахъ своихъ или чужихъ для изображенія подвиговъ еще немногочисленныхъ дѣятелей, прославленныхъ церковію. Широка

го развитія книжности нѣтъ основанія предполагать и въ старыхъ городскихъ монастыряхъ: біографъ Ефрема новоторжскаго разсказываетъ, что въ XIV в. однажды въ монастырѣ его не оказалось ни одного инока, умѣющаго читать, и даже въ XVI в. службу Ефрему сложили «благоискусные» горожане Торжка, а не иноки обители. Распространеніе монастырей въ глухихъ пустыняхъ сѣверовосточной Руси не только не подняло, даже понизило прежній уровень книжнаго образованія среди монашества: братства этихъ многочисленныхъ новыхъ обителей составлялись преимущественно изъ окрестнаго темнаго населенія и не находили въ нихъ даже тѣхъ средствъ и побужденій къ книжному образованію, какія существовали въ старыхъ монастыряхъ, близкихъ къ большимъ городамъ. Въ XV—XVI в. встрѣчаемъ извѣстія, что иные основатели пустынныхъ монастырей не умѣли читать. Къ половинѣ XVI в. пустынные монастыри имѣли уже за собою обильную преданіями и памятными дѣятелями исторію, и съ того же времени въ житіяхъ встрѣчаемъ нерѣдкія указанія на рѣшительный недостатокъ литературныхъ силъ, которымъ страдали пустынныя братства, когда нужно было изложить въ приличномъ книжномъ видѣ воспоминанія о собственныхъ основателяхъ. Выше въ обзорѣ житій XVI в. мы не разъ встрѣчали случаи и слѣдствія такого недостатка литературныхъ рукъ. Преданіе о святомъ успѣвало утратить много живыхъ чертъ, прежде чѣмъ получало письменное изложеніе, и иногда получало его не отъ инока, знакомаго непосредственно съ жизнію и исторіей монастыря, а отъ случайнаго гостя, заѣзжаго грамотея. Ученики Макарія Калязинскаго и позднѣйшіе иноки его монастыря, передавая другъ другу разсказы объ учителѣ, 63 года ждали, не возмется ли кто написать по нимъ правильное и подробное житіе. Извѣстія о жизни Сергія Обнорскаго передавались изъ устъ въ уста иноками сосѣдняго Павлова монастыря впродолженіе ста лѣтъ, пока игуменъ этой обители Про-

тасій не записалъ ихъ въ своихъ свиткахъ, по которымъ уже около 200 лѣтъ спустя послѣ кончины святаго игуменъ опять чужаго Діонисіева монастыря на Глушицѣ составилъ біографію Сергія, а братія Сергіева монастыря только «въ скорби и печали бяше зѣло», что житіе доселѣ не написано «и въ забыть пріиде многимъ». Въ продолженіе 122 лѣтъ жизнь Варлаама Своеземцева оставалась не описанной «простоты ради инокъ» обители его, всѣ «памятухи» уже вывелись, преданіе о святомъ начинало гаснуть, а монахи сѣтуя все ждали, не напишетъ ли имъ кто житія, пока не посѣтилъ и ихъ проѣздомъ тотъ же біографъ Сергія Обнорскаго. Часто случалось, что въ пустынномъ монастырькѣ были еще живы старцы-памятухи основателя, но житіе поручалось какому-нибудь «новоуку,» недавно постриженному, никогда не видавшему святаго, но грамотному монаху. По литературѣ житій XVI и XVII в. легко можно слѣдить за дѣйствіемъ разсматриваемаго условія: чѣмъ дальше углублялась она въ глухія пустыни, тѣмъ больше краски ея тускнѣли, литературные пріемы и слогъ становились проще. Въ большинствѣ вышедшихъ отсюда житій пріятно читать ровный и простой, хотя не совсѣмъ правильный грамматически разсказъ; однимъ изъ лучшихъ образчиковъ ихъ можно назвать житіе Арсенія Комельскаго; но, какъ легко замѣтить по ихъ предисловіямъ, эта ровность разсказа происходила отъ того, что біографы едва могли справляться съ общими мѣстами и ораторскими отступленіями и старались избѣгать ихъ въ разсказѣ. Біографъ Адріана Пошехонскаго, очень желая выражаться по церковно-славянски, даже съ пожертвованіемъ грамматики, часто однакожь долженъ былъ отказываться отъ своего желанія, а составитель житія Александра Куштскаго повидимому даже плохо понималъ церковно-славянскую рѣчь съ отвлеченнымъ содержаніемъ: пародируя въ своемъ трудѣ предисловіе къ житію Діонисія Глушицкаго, онъ внесъ въ него та-

кія перемѣны и ошибки, какія дѣлаютъ, копируя мало-понятныя слова.

Разсмотрѣнныя условія позволяютъ сдѣлать выводъ, что искусственность стиля житій находилась въ обратномъ отношеніи къ ихъ литературному распространенію: этотъ стиль падалъ и упрощался по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ производительности житій и ихъ читателей. Совокупное дѣйствіе этихъ условій произвело небольшой рядъ памятниковъ агіобіографіи, въ которыхъ церковно-реторическіе пріемы низведены до полнаго паденія. Съ этими памятниками связаны нѣкоторые историко-литературные предразсудки. Въ рѣдкомъ изъ житій искусственнаго склада, появлявшихся съ XVI вѣка, не встрѣтимъ болѣе или менѣе ясныхъ намековъ на старые свитки, малыя хартіи, первоначальныя записки, послужившія матеріаломъ для этихъ житій. Шевыревъ, въ историко-литературныхъ изысканіяхъ вообще скучавшій предварительной критикой источниковъ, относится къ этимъ первоначальнымъ запискамъ съ широкими предположеніями: онъ высказываетъ общую мысль, что «житія первоначально слагались по изустнымъ преданіямъ простою рѣчью» и уже потомъ рукою какого-нибудь ритора наряжались въ цвѣты школьнаго краснорѣчія, и что «эти простыя первоначальныя преданія», къ сожалѣнію, не сохраненныя хартіями и живущія развѣ въ устахъ мѣстнаго населенія, были бы для насъ драгоцѣннѣе украшенныхъ редакцій. Въ этихъ словахъ дана привлекательная тема для историко-литературныхъ изслѣдованій, которую безъ сомнѣнія будутъ усердно разработывать. При извѣстной степени неосторожности въ обращеніи съ историческими фактами и выводами, изъ общей мысли Шевырева довольно легко извлечь рядъ частныхъ положеній: первоначально житія вообще являлись въ простонародномъ, некнижномъ изложеніи, что подтверждается извѣстной безыскусственной повѣстью о Михаилѣ Клопскомъ, уцѣ-

лѣвшимъ образчикомъ такихъ первичныхъ редакцій; такъ какъ всѣ или почти всѣ искусственныя житія родились изъ редакцій, изложенныхъ простою рѣчью, то послѣднія можно разсматривать какъ особый цѣлый отдѣлъ древнерусской литературы, противоположный первымъ; такъ какъ отличительной чертой этого новаго отдѣла служитъ простая, народная, а не книжная, то-есть не церковно-славянская рѣчь, то въ немъ можно видѣть колыбель или первые ростки чисто-національной литературы въ древней Руси [1]). Шевыревъ считалъ первоначальныя записки потерянными: повидимому его взглядъ на нихъ основанъ на отзывахъ, какіе дѣлаютъ о нихъ позднѣйшіе искусственные редакторы. У послѣднихъ иногда находимъ замѣчанія, что они пользовались старыми записками, составленными «нѣкако и смутно» или «простыми словесы», «простыми письмены» и т. п. Къ удовольствію осторожныхъ историковъ литературы сохранилось достаточно указаній для того, чтобы разъяснить значеніе этихъ отзывовъ, сохранились остатки, безспорно принадлежащіе къ отдѣлу первоначальныхъ редакцій, по которымъ составлялись украшенныя житія. Къ числу этихъ остатковъ относится повѣсть, о которой позднѣйшій біографъ отозвался, что она написана «нѣкако и смутно»: это повѣсть перваго «списателя» о Евфросинѣ псковскомъ, которой пользовался біографъ этого святаго Василій. Находимъ, что отзывъ Василія относится къ составу ея и вовсе не къ языку: эта повѣсть нестройный рядъ разсказовъ, не приведенныхъ въ порядокъ; по реторической изысканностью изложеніе ея даже превосходитъ Василіеву редакцію житія и обнаруживаетъ въ авторѣ большую твердость въ церковно-славянской рѣчи чѣмъ эта редакція Столь же мало опоры находитъ мысль Шевырева и въ другомъ

---

[1]) Эти положенія высказаны въ трудолюбивомъ изслѣдованіи г. Некрасова „Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси".

выраженія «простыми словесы». Прежде всего подобные отзывы составители искусственныхъ житій часто прилагали къ своимъ собственнымъ твореніямъ: такіе изысканные грамотеи, набившіе руку въ книжномъ дѣлѣ, какъ біографы Саввы Сторожевскаго, Евфросиніи Суздальской, митрополита Филиппа или біографъ Антонія Сійскаго царевичъ Иванъ не преминутъ предупредить читателя, что пишутъ «простыми словесы», «простымъ слогосложеніемъ», «простонарѣчіемъ». Хартіи дѣйствительно не даютъ возможности провѣрить сличеніемъ каждый отзывъ позднѣйшаго біографа о некнижномъ изложеніи первоначальныхъ записокъ. Но впрочемъ, изъ факта, который трудно доказать, нельзя дѣлать рѣшительныхъ выводовъ, которыхъ изслѣдователь и здѣсь не оставленъ безъ всякихъ указаній. Выше, разбирая повѣсти о Яренгскихъ чудотворцахъ, мы видѣли, съ какимъ пренебреженіемъ соловецкій монахъ Сергій, искусный книжникъ, отзывался о найденныхъ имъ хартіяхъ, писанныхъ «невѣждами простою бесѣдою». Часть этихъ хартій, по которымъ Сергій составилъ свое украшенное сказаніе, уцѣлѣла. Здѣсь находимъ «грамотку» соловецкаго дворника къ Никольскому игумену о написаніи образа Іоанна, допросныя грамоты съ показаніями крестьянъ о чудотворцахъ, донесеніе патріарху о чудесахъ ихъ, написанныя обычнымъ канцелярскимъ языкомъ подобныхъ бумагъ; но ни у кого не найдется столь смутнаго понятія о литературѣ, чтобы увидѣть въ этихъ дѣловыхъ оффиціальныхъ актахъ цѣлый отдѣлъ литературы и притомъ колыбель литературы чисто-національной: иначе необходимо было бы въ первомъ ряду національныхъ писателей древней Руси поставить дьяковъ, строчившихъ приказные свитки. Далѣе здѣсь сохранились отрывки изъ записокъ Варлаама и Мартиніана о чудесахъ Іоанна и Логгина. Одинъ изъ отрывковъ оканчивается извѣстіемъ: «мнѣ Мартиніану истинно видѣвшую и благословихся у нея (исцѣленной) и всѣмъ сказа яже

о ней, азъ же сіе написахъ просто бренною рукою безъ украшенія». Достаточно элементарнаго знакомства съ церковно-славянской грамматикой, чтобы удержаться отъ вывода, что записки, такъ изложенныя, написаны на языкѣ народномъ или близкомъ къ разговорной рѣчи. И царевичъ Иванъ остался недоволенъ изложеніемъ Іонина житія Антонія Сійскаго, сказалъ, что оно «зѣло въ легкости написано», хотя оно не меньше его собственной редакціи удовлетворяетъ требованіямъ искусственнаго житія и только меньше жертвуетъ общимъ мѣстамъ обстоятельностію и точностію разсказа. Такимъ образомъ «простыя словеса» не указываютъ, покрайней мѣрѣ не всегда указываютъ на простонародную, разговорную рѣчь въ отличіе отъ книжной церковно-славянской: они противополагались «широкимъ словесамъ», какъ выразился біографъ архіепископа казанскаго Германа, то-есть изложенію, широко пользующемуся источниками реторическаго изобрѣтенія и украшенія, и означали простой разсказъ на томъ же книжномъ церковно-славянскомъ языкѣ, но безъ реторическаго размаха, безъ общихъ мѣстъ; разница слѣдовательно въ стилѣ, а не въ грамматикѣ. Но если въ жалобахъ немногихъ искусственныхъ житій на простоту рѣчи первоначальныхъ записокъ нѣтъ твердаго основанія видѣть непремѣнно намекъ на чисто-народное изложеніе, то совершенно несправедливо считать послѣднее общимъ отличительнымъ признакомъ всѣхъ первыхъ редакцій. Имѣемъ достаточно уцѣлѣвшихъ памятниковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ: отъ XV в. сохранились кромѣ повѣсти о Евфросинѣ отрывки изъ записокъ учениковъ объ Арсеніѣ, епископѣ тверскомъ, Діонисіѣ Глушицкомъ, уцѣлѣла записка Иннокентія о Пафнутіѣ и образчикъ языка, какимъ писалъ соловецкій біографъ Досиѳей; отъ XVI в. дошла записка Филоѳея, считавшаго себя малокнижнымъ, о составленіи житія Нила Столбенскаго, автобіографія Герасима Болдинскаго, записки Германа о Филиппѣ Ирапскомъ, первыя

записки о кончинѣ и чудесахъ московскаго юродиваго Іоанна; еще больше подобныхъ остатковъ отъ XVII в., каковы первая редакція житія Никодима Кожеозерскаго вмѣстѣ съ записками объ основателѣ Кожеозерскаго монастыря, необработанныя записки объ архимандритѣ соловецкомъ Иринархѣ, о Пертоминскихъ чудотворцахъ и многія другія, указанныя выше. Изложеніе этихъ записокъ и отрывковъ неодинаково по степени книжности, но ни въ одномъ памятникѣ не переходитъ въ чисто-народную рѣчь; во всѣхъ преобладаетъ церковно-славянскій языкъ съ большею или меньшею примѣсью особенностей русскаго языка. Оба эти элемента, какъ очень хорошо извѣстно, неразлучны въ памятникахъ древнерусской литературы XV—XVII вв.; измѣнялось только ихъ количественное отношеніе: по мѣрѣ приближенія къ XVIII в. въ книжной рѣчи утверждалось все болѣе особенностей живаго русскаго языка. Симона Азарьина или Ивана Насѣдку трудно заподозрить въ недостаткѣ книжнаго образованія; но они писали уже языкомъ, который во времена Пахомія Логоѳета или митрополита Макарія назвали бы «простонарѣчіемъ». Было бы впрочемъ не совсѣмъ вѣрно видѣть въ этомъ постепенное обрусѣніе церковно-славянскаго языка въ книжной рѣчи на Руси, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ можно замѣтить, что и нѣкоторыя особенности этого языка упрочиваютъ себѣ мѣсто на ряду съ русскими, сливаются съ ними въ книжной рѣчи. Въ этомъ, если не ошибаемся, состоялъ историческій ростъ литературнаго языка древней Руси, закрѣпленный потомъ авторомъ «Разсужденія о пользѣ книгъ церковныхъ». Въ литературѣ житій это измѣненіе языка шло рядомъ съ общимъ упрощеніемъ агіобіографическаго стиля, и мы пытались указать условія, содѣйствовавшія этому. Но встрѣчаемъ памятники, въ которыхъ то и другое достигаетъ наибольшей степени. Въ письменности житій XV—XVII вв., бывшей у насъ подъ руками, можно набрать небольшую группу такихъ произведеній. Кромѣ сказанія о Ми-

хаилѣ Клопскомъ и двухъ разсказовъ Антонія Галичанина сюда относятся русская редакція житія Николая чудотворца, чудеса новгородскаго архіепископа Іоны и нѣкоторыя изъ чудесъ Іова Ущельскаго [1]). Преобладаніе оборотовъ и формъ разговорной рѣчи, безыскусственный складъ разсказа, совершенно чуждаго общихъ мѣстъ и реторическихъ украшеній, сообщаетъ этимъ произведеніямъ простонародный колоритъ. Но и ихъ языкъ нельзя назвать чисто-народнымъ, разговорнымъ, ибо онъ не имѣетъ недостатка въ церковно-славянскихъ формахъ [2]). Еще важнѣе по отношенію къ разсматриваемому вопросу происхожденіе этихъ памятниковъ. Въ разборѣ безыскусственной редакціи житія Михаила Клопскаго указаны основанія, позволяющія усомниться въ ея хронологическомъ первенствѣ; названная лѣтописная повѣсть и редакція житія чудотворца Николы безспорно написаны послѣ искусственныхъ сказаній; остальныя статьи входятъ въ составъ житій какъ позднѣйшія прибавки. Неизвѣстно, гдѣ и кѣмъ составлены редакціи житій Михаила Клопскаго и чудотворца Николы; но чудеса Іоны и Іова, какъ и разсказы Антонія, описаны очевидно въ ихъ монастыряхъ и вмѣстѣ съ запиской игумена Алексѣя показываютъ, что такимъ язы-

---

[1]) Тѣже особенности замѣтны въ одной лѣтописной повѣсти о постройкѣ Успенскаго собора и обрѣтеніи мощей св. митроп. Петра (см. о ней выше стр. 209) и въ запискѣ игумена Алексѣя о составленномъ имъ житіи Геннадія костромскаго. Разсказы Антонія Галичанина о своихъ предсмертныхъ видѣніяхъ, переданные посѣщавшему его брату, внесены потомъ въ число чудесъ Павла Обнорскаго. Смерть Антонія помѣчена въ разсказахъ 1526 г. Можетъ быть, это — тотъ Антоній, которому, по извѣстію житія Сергія Нуромскаго, ученикъ Сергія и Павла Алексѣй сообщилъ разсказы о Сергіѣ, а братъ, посѣщавшій Антонія и записавшій эти видѣнія, тотъ ученикъ его и оградникъ Геннадій, которому Антоній передалъ полученныя отъ Алексѣя свѣдѣнія (см. видѣнія Антонія въ волокол. сб. моск. дух. ак. XVI в. № 491, л. 160 и № 530, л. 390).

[2]) Въ редакціяхъ житій Михаила Клопскаго и чудотворца Николы встрѣчаемъ формы *рече*, *хощю*, *пришедъ*, *имаши убѣжати* и т. п.

комъ писывали и монахи. Притомъ можно крѣпко сомнѣваться въ широкомъ народномъ распространеніи этихъ памятниковъ: тогда списки ихъ въ сохранившейся древнерусской письменности не были бы такъ рѣдки. Наконецъ можно не распространяться о неточности вывода, будто первоначально житія составлялись «по изустнымъ преданіямъ», и доселѣ живущимъ въ устахъ мѣстнаго населенія: въ большинствѣ случаевъ первыя записки составлялись учениками святаго по личнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ другихъ очевидцевъ и свободны отъ тѣхъ «преданій», которыя развивались изъ нихъ въ послѣдствіи; притомъ многіе изъ этихъ учениковъ, подобно біографу Даніила переяславскаго или Александра Свирскаго, приступали прямо къ настоящимъ искуственнымъ житіямъ, не слагая записокъ простою рѣчью.

Итакъ наблюденія надъ ходомъ литературы житій съ XV в. до конца XVII приводятъ совсѣмъ не къ тѣмъ выводамъ, какіе намѣчены въ словахъ Шевырева: первоначальная обработка житія простою рѣчью не была явленіемъ не только общимъ или обыкновеннымъ, но даже частымъ, а памятники, доселѣ приведенные въ извѣстность и изложенные языкомъ дѣйствительно близкимъ къ народной, разговорной рѣчи, не были первоначальными редакціями или безспорно или настолько вѣроятно, что трудно доказать противное. Впрочемъ чтобы признать народность редакцій, отличающихся народнымъ складомъ рѣчи, повидимому нѣтъ необходимости доказывать, что онѣ—первоначальныя. Напротивъ, кто вздумаетъ искать въ житіяхъ зачатковъ національной литературы, тотъ не долженъ забывать, что по самому происхожденію и развитію этой отрасли литературы у насъ можно скорѣе ожидать искомаго отъ вторичныхъ редакцій или же не ограничивать поисковъ тѣмъ, что̀ написано̀ некнижной рѣчью. Послѣдняя сама по себѣ слишкомъ внѣшвій признакъ, чтобы служить руководствомъ для такого искателя. Необходимо предварительно убѣдиться, была ли она естественнымъ и нераз-

лучшимъ выраженіемъ чисто-народнаго взгляда или вызывалась условіями, имѣющими въ себѣ очень мало литературнаго. Думая, что «простыя словеса» не означаютъ непремѣнно простаго разговорнаго языка, можно однакожь встрѣтить немногія извѣстія о памятникахъ, въ которыхъ по самымъ обстоятельствамъ ихъ происхожденія нельзя предполагать большой книжности. Такъ записки, диктованныя никогда не учившимся грамотѣ Германомъ соловецкимъ, по всей вѣроятности стояли по изложенію ниже обычнаго книжнаго стиля времени. Такими записками, даже изложенными не простонародной, а только простой книжной рѣчью, не удовлетворялись ни монастырская братія, среди которой онѣ составлялись, ни мірская публика: надъ разсказами Германа смѣялись въ Соловецкомъ монастырѣ, хотя малограмотность многихъ тамошнихъ иноковъ изъ окрестнаго населенія заставляла Досиѳея и Спиридона упрощать книжное доброcловіе въ своихъ трудахъ по жизнеописанію Соловецкихъ основателей. Бо́льшая часть первоначальныхъ записокъ, изложеніе которыхъ нѣтъ основанія считать чисто-разговорнымъ, погибала, не выходя за ограду монастыря, не распространяясь въ свѣтскомъ обществѣ: при первой возможности ихъ старались замѣнить житіями, обработанными въ правильномъ книжномъ стилѣ. Такимъ образомъ простая рѣчь считалась случайной необходимостью, временнымъ недостаткомъ, который извинялся только уровнемъ книжнаго образованія автора или его читателей. Тѣмъ или другимъ изъ этихъ условій или обоими вмѣстѣ объясняется происхожденіе и разсматриваемыхъ некнижныхъ записокъ. Какъ историческій матеріалъ онѣ дѣйствительно были бы драгоцѣнны при достаточной близости ихъ составителей къ описываемымъ событіямъ, но драгоцѣнны не грамматическими особенностями изложенія, а наивнымъ отношеніемъ къ излагаемому предмету, позволяющимъ взглянуть на него въ непосредственномъ его видѣ, безъ освѣщенія,

какое кладетъ на него авторская мысль; туже цѣну имѣетъ исправно составленный дѣловой историческій актъ. Для національнаго литературнаго произведенія требуется еще другое условіе: нужно, чтобы въ немъ сказывалась самостоятельная работа народной мысли, творческой или анализирующей, надъ извѣстными явленіями. Если легендарная вставка въ безыскусственную русскую редакцію житія чудотворца Николы подобно ея эпилогу принадлежитъ русскому перу, то именно она даетъ памятнику нѣкоторое народно-литературное значеніе: иначе трудно признать послѣднее въ плохомъ переводѣ иноземнаго сказанія на родную разговорную рѣчь, какимъ является эта редакція въ остальномъ своемъ содержаніи. У Пафнутіева ученика Иннокентія, у Симона Азарьина, даже у Епифанія можно найти болѣе народно-литературныхъ элементовъ чѣмъ въ этой редакціи или въ подобной ей по изложенію повѣсти о Михаилѣ Клопскомъ: тамъ сквозь книжное изложеніе и подражательные пріемы иногда пробивается живая самобытная мысль, попытка вдуматься въ русское явленіе или образъ русскаго инока, нарисованный незаимствованными красками. Такимъ образомъ литературная особенность образчиковъ древнерусскаго «простонарѣчія» въ письменности житій ограничивается повидимому тѣмъ, что они написаны нелитературнымъ языкомъ. Такія произведенія встрѣтимъ во всякой литературѣ во всякое время; но литература истинно-національная не тоже, что черновыя или малограмотныя записки.

Обзоръ движенія литературы житій показываетъ, что господствующій въ ней стиль измѣнялся сообразно съ близостью къ той или другой изъ двухъ сферъ, въ предѣлахъ которыхъ совершалось ея развитіе, т. е. къ церковному богослуженію или къ ищущей назидательнаго чтенія публикѣ. Отъ первой ея стиль получилъ свои начальныя очертанія и основные мотивы; вторая, развивая и упрощая ихъ, приближала житіе къ про-

стой біографіи. Обѣ создавали рядъ условій церковныхъ, общественныхъ, чисто-литературныхъ, которыя имѣли свои доли дѣйствія на міросозерцаніе житій и которыя не безполезно разсмотрѣть прежде чѣмъ подвергнуть анализу это послѣднее. Эти условія можно свести къ тремъ вопросамъ: чѣмъ вызывались и подъ какими внѣшними вліяніями писались житія, какими побужденіями распространялись опи въ обществѣ и какъ то и другое отражалось на понятіяхъ и настроеніи, съ которыми «списатель» житія приступалъ къ своему дѣлу. Попытка разъяснить эти вопросы дополнитъ бѣглый обзоръ литературной исторіи житій очеркомъ процесса, которому подвергалось каждое при своемъ созданіи. Рядъ послѣдовательныхъ моментовъ, какіе проходило житіе отъ своего зарожденія до читателя, мысли и чувства, которыя его вызывали и имъ вызывались, оставляли замѣтный отпечатокъ не только па морали житія, но и на воспроизведеніи историческихъ фактовъ, изъ которыхъ она извлекалась.

Сами подвижники не чуждались мысли о своей біографіи. Позднѣйшій редакторъ житія Антонія Римлянина не находилъ повидимому ничего сомнительнаго въ извѣстіи, что святой, умирая, заповѣдалъ ученику изложить въ біографіи сообщенныя ему свѣдѣнія о своей жизни. Точно такъ же затворникъ Иринархъ, по словамъ его ученика-біографа, свою жизнь и подвиги «повелѣ мнѣ по преставленіи своемъ написати и предати церкви Божіи, чтущимъ и послушающимъ на пользу души, на исправленіе добрыхъ дѣлъ». Основателями монастырей при этомъ могло руководить практическое побужденіе. Можно замѣтить, что ихъ сильно заботила, особенно при ненадежномъ составѣ братіи, дума о судьбѣ водвореннаго ими въ новомъ монастырѣ «чина» жизни, единственнымъ обезпеченіемъ котораго бо́льшею частію была ихъ личная энергія, личное вліяніе, какое они имѣли па устроенную ими монашескую общину. Житія

обильны печальными указаніями на легкость, съ какою забывалось и разорялось въ обители преданіе основателя вскорѣ по смерти его. Отсюда понятно, какое тревожное значеніе заключалось въ наставленіи братіи, влагаемомъ въ уста умирающаго «начальника» едвали не въ каждомъ житіи, какъ общее мѣсто завѣщанія: «якоже видѣсте мене творяща, тако и вы творите по моемъ отшествіи». Это побужденіе заставляло основателя сообщать черты своей жизни въ бесѣдахъ съ братіей, даже въ духовныхъ грамотахъ, что мы видѣли въ завѣщаніи Герасима Болдинскаго. Еще сильнѣе дѣйствовало оно въ преданнѣйшихъ ученикахъ, которыхъ основатель оставлялъ въ монастырѣ по своей смерти. Они составляли въ обители кружокъ, который усердно поддерживалъ и распространялъ воспоминанія объ учителѣ, иногда бичуя ими нарушителей отеческаго преданія. Древній старецъ передавалъ біографу Іосифа Заонкіевскаго свое воспоминаніе, что немного спустя по смерти пустынника братія обители, уже имѣя описаніе его жизни, больше любила разсказывать о ней по памяти, изустной рѣчью. Любопытное признаніе дѣлаетъ постриженникъ и біографъ Корнилія Комельскаго, написавшій его житіе уже 52 года спустя по смерти его: «мы бо аще и недостойни есми ученицы его нарицатися, но во извѣстныхъ словесѣхъ память держимъ святаго старца, но между собою во обители его пребывающіи глаголемъ о немъ и пишемъ, поощряюще свою совѣсть, и просвѣщаемъ души наша памятію отца нашего». Такое изустное храненіе памяти о старцѣ поддерживалось обстоятельствами, иногда надолго оставлявшими братію безъ письменной повѣсти объ основателѣ, напримѣръ отсутствіемъ людей способныхъ къ этому дѣлу или случайной утратой написанной біографіи. Поздніе чтители свяваго сойдутся, посѣтуютъ о чудесахъ святаго, «яко не написуютъ ихъ, но въ забвеніи полагаютъ», и кто-нибудь разскажетъ, что̀ знаетъ: такъ читаемъ въ одномъ изъ чудесъ Ники-

ты переяславскаго XVI в. Въ кругу этихъ хранителей отеческаго преданія жизнь старца рано получала то благоговѣйно-настроивающее гиперболическое освѣщеніе, въ которомъ черты ея, теряя мелкія подробности, выростали въ символическіе образы или нравственно-назидательныя правила. Здѣсь записываніе воспоминаній или преданій о святомъ считалось не только правомъ желающаго, но и нравственной обязанностью учениковъ или позднихъ иноковъ его обители. Біографъ Александра Ошевенскаго Ѳеодосій говоритъ, что рѣшился писать о немъ не по собственному мудрованію, но «святаго произволеніемъ» и руководимый скорбью, что столько лѣтъ труды и чудеса святаго остаются не описанными; оправдываясь въ сдѣланныхъ пропускахъ недостаткомъ извѣстій, онъ прибавляетъ: «намъ же о семъ золъ отвѣтъ, аще слышимъ и лѣностію не напишемъ». Сѣтуя, что отъ скудости вѣры и нерадѣнія доселѣ не описаны «чудная дѣла» благодѣтеля, жизнеописатель Елеазара Анзерскаго замѣчаетъ: «и самъ онъ о семъ поноситъ ны, яко забываемъ его». При такихъ побужденіяхъ жизнеописаніе иногда предпринималось кѣмъ-нибудь изъ братіи безъ сторонняго внушенія или разрѣшенія, какъ свободное литературное дѣло. У біографовъ встрѣчаемъ признанія, что оно могло выйти изъ личнаго усердія писателя къ памяти святаго, изъ желанія «волею послужити преподобному», по выраженію упомянутаго выше Ѳеодосія. Авторъ житія Геннадія костромскаго замѣчаетъ: «никто же намъ возбраняетъ писати житія святыхъ мужей, такожe и преподобныхъ отецъ нашихъ пустынелюбивыхъ». Впрочемъ въ самомъ свойствѣ житія лежала причина ограниченія этой литературной свободы. Выше указано спеціальное значеніе житія, какъ особой установленной формы литературнаго изображенія жизни, которую церковь и общество признали святою. Но агіобіографія не всегда шла рядомъ съ церковнымъ прославленіемъ святыхъ или сопровождала его: въ

періодъ самаго сильнаго своего развитія она часто опережала церковную канонизацію. Движимый благоговѣйнымъ воспоминаніемъ, біографъ часто брался за перо прежде, чѣмъ могъ быть увѣренъ, получитъ ли его трудъ церковное употребленіе, прославитъ ли церковь память описываемаго имъ старца своимъ чествованіемъ. Признаніе біографа Варлаама Важскаго показываетъ, что могло быть предпринято житіе пустынножителя, котораго и въ его монастырѣ и въ окрестномъ населеніи «мняху аки проста людина, а не единаго отъ святыхъ». Повидимому этимъ объясняются рѣдкія впрочемъ извѣстія о противодѣйствіи, какое иногда встрѣчала въ обители попытка описать жизнь ея основателя. Нѣкоторые изъ братіи Сійскаго монастыря подняли крамолу на перваго Антоніева біографа, крича: «прежде сего никтоже дерзну писати, а сей убо пишетъ и житія святыхъ составляетъ; иніи же отъ сихъ крамолующе на святаго хулу дерзнуша глаголати». Въ сказаніи объ Іосифѣ Заоникіевскомъ встрѣчаемъ замѣтку, что чудеса его долго оставались не описанными «страха ради навѣтъ». При строго-церковномъ взглядѣ на житіе и при неувѣренности, получитъ ли память подвижника церковное значеніе, попытка жизнеописателя могла представляться произвольнымъ и преждевременнымъ мудрованіемъ. Въ томъ же условіи мы указали одну изъ причинъ появленія простыхъ біографическихъ записокъ, предшествовавшихъ правильнымъ житіямъ. Съ XVI в. передѣлка послѣднихъ изъ такихъ старыхъ записокъ становится почти общимъ явленіемъ въ пустынныхъ монастыряхъ. Обстоятельства, при которыхъ одна литературная форма жизнеописанія переходила въ другую, указываютъ на степень зависимости житія отъ оффиціальной церковной среды. Древнерусскіе писатели не считали первоначальныхъ записокъ о святыхъ житіями: біографъ Александра Ошевенскаго, подробно изложивъ исторію этихъ записокъ, замѣчаетъ однакожь, что до него «еще не бѣ ни отъ

когоже списано житіе святаго». Итакъ съ понятіемъ житія нераздлучно соединяли только извѣстную литературную форму жизнеописанія. Съ другой стороны житіемъ не исчерпывалась задача агіобіографа: обыкновенно оно выходило изъ старыхъ записокъ вмѣстѣ съ службой. Епископъ Варлаамъ въ описаніи чудесъ Евфросиніи суздальской, объясняя, что̀ подобаетъ святымъ, перечисляетъ стихиры, канонъ и житіе. Итакъ житіе было слѣдствіемъ церковной канонизаціи или ея подготовленіемъ.

Не смотря на охоту, съ какою составители древнерусскихъ житій разсказываютъ исторію своихъ трудовъ, изъ ихъ разсказа не всегда видны частные поводы и побужденія, вызывавшія житіе. Всего чаще оно является слѣдствіемъ порученія, возложеннаго на біографа братіей монастыря, которому принадлежалъ описываемый подвижникъ. Иногда это порученіе объясняется желаніемъ разувѣрить общество, что святой—«простъ людинъ», какъ въ житіи Варлаама Важскаго, или, какъ въ житіи Елеазара Анзерскаго, нравственной обязанностью братіи почтить своего благодѣтеля, «яко толикихъ благъ виновна намъ бывша ходатая, ибо пустыню содѣла жилище душеспасительное намъ, и пищу и потребная намъ у самодержцевъ испросивъ безтрудно, — како бо не довляше его о Бозѣ почитати надгробными пѣсньми»? Біографъ Герасима Болдинскаго объясняетъ возложенный на него трудъ соображеніемъ братіи, «яко нелѣпо есть безпамятну пребывати таковому свѣтилу: како можетъ явленъ быти безъ писанія послѣ него сущимъ инокомъ»? Впрочемъ можно не забывать и практическаго побужденія, не высказываемаго ясно біографами, но очевиднаго изъ обстоятельствъ, среди которыхъ обыкновенно появлялось и которыми сопровождалось житіе. Процвѣтаніе обители зависѣло отъ отношенія къ ней мірскаго общества, окрестнаго населенія, а это отношеніе опредѣлялось святыней, существовавшей въ монастырѣ. Если не было чудотворнаго образа, такой

святыней становился основатель или позднѣйшій подвижникъ, оставившій по себѣ благоговѣйное воспоминаніе въ монастырѣ и окрестныхъ жителяхъ. День его кончины собиралъ послѣднихъ въ обитель на богомолье. Сначала пѣли панихиды, которыя потомъ съ появленіемъ тропаря и кондака замѣнялись молебнами преподобному, и такимъ образомъ установлялось мѣстное его чествованіе. Естественнымъ выраженіемъ вѣры къ преподобному, утверждавшейся въ мѣстномъ населеніи, являлись чудеса. Мѣстное народное чествованіе и появленіе чудесъ были самыми обыкновенными побужденіями, заставлявшими монастырь дать своимъ воспоминаніямъ о преподобномъ церковно-литературную обработку въ формѣ стихиръ, канона и житія. Поэтому біографы большею частію пріурочивали житія ко дню памяти святаго, помѣщая въ предисловіяхъ выраженія, характеризующія біографію какъ церковное поученіе на этотъ день. Повидимому этимъ же объясняется та особенность большей части монастырей, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ чудотворному образу, что въ нихъ не встрѣчаемъ подвижниковъ, память которыхъ перешла въ церковное празднованіе.) Не всегда возможно прослѣдить всѣ моменты въ развитіи мѣстнаго чествованія извѣстнаго святаго, но можно замѣтить, что оно часто опережало церковную канонизацію, утверждалось въ мѣстномъ населеніи независимо отъ церковныхъ властей, даже иногда противъ ихъ воли. Любопытны въ этомъ отношеніи извѣстія въ житіи юродиваго устюжскаго Прокопія. Въ 1458 г. пришедшій съ Москвы «нищій человѣкъ» Іоаннъ, собравъ разсказы устюжанъ о Прокопіѣ, заказалъ написать образъ его и построилъ надъ могилой блаженнаго «часовню малу», гдѣ поставилъ образъ на поклоненіе приходящимъ, то-есть самовольно установилъ чествованіе святаго, еще не признаннаго церковію. Соборнымъ іереямъ и діаконамъ «вниде въ сердца лукавый помыслъ», не захотѣли они творить памяти блаженному,

прогнали Іоанна, разорили и разметали его часовню и унесли образъ Прокопія. Но въ 1471 г. устюжскіе ратные люди, воротившись изъ похода въ Нижній, по обѣту построили надъ могилой Прокопія церковь во имя его, сдѣлали гробницу, на которой поставили образъ блаженнаго, «и отъ того времени начаша праздновати честно и торжественно праздникъ блаженнаго Прокопія мѣсяца іулія въ 8-й день». Во всемъ этомъ житіе не указываетъ участія церковной власти и только въ 1547 г. московскій церковный соборъ утвердилъ мѣстное празднованіе Прокопію 8 іюля. Въ 1539 г. Даніилъ переяславскій, хлопоча объ открытіи мощей кн. Андрея смоленскаго, «его же никтоже помняше», представилъ царю и митрополиту древній образъ его и стихиры съ канономъ изъ старыхъ книгъ, свидѣтельствуя при этомъ, что онъ, Даніилъ, «не предъ многими лѣты своима очима видѣ память ему сотворяему во храмѣ, въ немъ же мощи его почиваху, и службу ему совершаему, и стихѣры и канонъ имени его пѣваемы; нынѣ же не вѣмъ, чесо ради таковъ святъ мужъ ни отъ когоже поминаемъ». Между тѣмъ ни митрополитъ Іоасафъ, какъ заявили присланные въ Переяславль духовные слѣдователи, и никто изъ высшей іерархіи ничего не зналъ объ этомъ святомъ. Почитатели памяти Іосифа Заоникіевскаго изъ братіи и мірянъ три раза строили часовню надъ его гробомъ, и три раза ее ломали и метали «въ грязь» по распоряженію властей, въ чемъ участвовали и нѣкоторые изъ братіи, мѣшая вмѣстѣ съ тѣмъ записывать чудеса отъ гроба пустынника и служить по немъ панихиды. Житіе Моизенскихъ чудотворцевъ разсказываетъ, что строитель Адріанъ напрасно сопротивлялся требованіямъ окрестнаго населенія пѣть Ѳерапонту молебны вмѣсто панихидъ и послѣ Литовскаго нашествія принужденъ былъ уступить, когда совершилось новое исцѣленіе отъ гроба пустынника. Обыкновенно чудеса, въ которыхъ выражалась мѣстная народная вѣра къ святому, давали дѣлу церковное

движеніе. Починомъ монастырской братіи или міряпъ составлялась опись или «явленный списокъ» этихъ чудесъ, который посылали на разсмотрѣніе церковныхъ властей. Когда слѣдователи спросили Даніила, на какомъ основаніи онъ открылъ мощи кн. Андрея, онъ указалъ на чудеса, совершившіяся при обрѣтеніи. Дальнѣйшій ходъ видоизмѣнялся сообразно съ литературными средствами братіи или другими случайными обстоятельствами. Если братія имѣла готоваго грамотея, она вмѣстѣ съ чудесами представляла церковному собору на разсмотрѣніе житіе и службу. Чудеса Корнилія Комельскаго подали поводъ игумену монастыря въ 1589 г. благословить одного изъ братіи на составленіе службы и житія святаго, которыя потомъ были представлены патріарху съ соборомъ. Но изъ патріаршей грамоты объ установленіи всецерковнаго празднованія Корнилію въ 1600 г. видно, что задолго до этого въ монастырѣ былъ построенъ придѣлъ во имя Корнилія, хотя остававшійся еще не освященнымъ, и святому праздновали уже «въ монастырѣ и на Вологдѣ въ соборѣ и въ вологодскомъ уѣздѣ»; вологодскій архіепископъ, сообщая эти свѣдѣнія на церковномъ соборѣ въ Москвѣ, не дѣлаетъ однакожъ и намека на участіе епархіальной власти въ обсужденіи или по крайней мѣрѣ въ церковномъ утвержденіи этого мѣстнаго народнаго чествованія. Но очень часто дѣло, возбужденное поданной описью чудесъ, вызывало со стороны епархіальной или центральной церковной власти порученіе написать житіе и службу. Если монастырь того святаго, о которомъ шло дѣло, былъ скуденъ книжными людьми, это порученіе ложилось на посторонняго писателя, вовсе не принадлежавшаго къ тому монастырю; иногда оно входило въ число задачъ духовной коммиссіи, назначавшейся для повѣрки описи чудесъ на мѣстѣ. Такими обстоятельствами вызвана была на свѣтъ бо́льшая часть трудовъ Пахомія Логоѳета. На Маркелла пало порученіе митро-

полита написать житіе Саввы Сторожевскаго вслѣдствіе ходатайства самой братіи въ Москвѣ найти ей біографа. Во время Макарія такой ходъ жизнеописанія святыхъ получилъ особенную силу, благодаря личной заботливости митрополита о литературной обработкѣ историческихъ воспоминаній русской церкви: мы видѣли выше цѣлый рядъ біографовъ съ оффиціальнымъ характеромъ, подобно Пахомію Логоѳету трудившихся надъ житіями святыхъ разныхъ мѣстностей, гдѣ не доставало способныхъ литературныхъ рукъ для этого. Махрищскій игуменъ Варлаамъ съумѣлъ описать видѣнныя и слышанныя имъ чудеса Стефана, которыя потомъ представилъ царю и митрополиту; но послѣдніе, помысливъ, что «толика свята мужа не подобаетъ оставити житія его и чудесъ безъ написанія», поручили этотъ трудъ бывшему Даниловскому архимандриту Іоасафу, который до этого времени очень мало зналъ о Стефанѣ и его чудесахъ. Въ XVII в. жители Вологды, видя чудеса отъ гроба Галактіонова, сошлись въ большое собраніе и обратились къ архіепископу съ просьбой о построеніи храма; архіерей, разспросивъ благоговѣйныхъ людей, истинныхъ и правовѣрныхъ, о житіи отшельника «и совѣщавъ съ народы», велѣлъ имъ построить храмъ на могилѣ Галактіона и братію собрать, а одному изъ этой новой братіи составить житіе подвижника. Впрочемъ, обобщая различныя обстоятельства, вызывавшія и сопровождавшія житіе, трудно соединить въ этомъ обобщеніи всѣ частные случаи, которые связывались съ его появленіемъ. Иногда послѣднее ускорялось извѣстностью старца въ высшихъ столичныхъ кругахъ, участіемъ, какое онъ принималъ въ церковныхъ или гражданскихъ событіяхъ своего времени. Окончательную рѣшимость колебавшемуся біографу Даніила Переяславскаго сообщило повторенное повелѣніе царя и митрополита, объясняющееся тѣмъ, что старецъ «и самому благочестивому царю, такоже и первосвятителю знаемъ бѣ и почитаемъ отъ

нихъ, егда бѣ въ жизни сей, по преставленіи же и у самого самодержца, такоже и у преосвященнаго митрополита Макарія воспоминаемо бяше житіе его».

Нѣтъ сомнѣнія, на индивидуальныя особенности извѣстнаго житія оказывали нѣкоторое дѣйствіе тѣ или другія обстоятельства его происхожденія; выше мы старались объяснить, какъ нѣкоторыя изъ нихъ содѣйствовали упрощенію стиля, господствовавшаго въ агіобіографіи XV—XVII в. Но въ житіяхъ, стремившихся выдержать строгія требованія послѣдняго, это дѣйствіе мало замѣтно и имѣло второстепенное значеніе: здѣсь, изъ какихъ бы частныхъ обстоятельствъ ни выходило житіе, ихъ разнообразное дѣйствіе сглаживалось близкимъ или отдаленнымъ надзоромъ, который постоянно чувствовалъ надъ собой писатель. Упомянутыя наиболѣе обыкновенныя побужденія, вызывавшія житіе, важны въ томъ отношеніи, что указываютъ на необходимость для житія при самомъ появленіи или въ послѣдствіи подвергнуться оффиціальной церковной повѣркѣ. Если житіе не было слѣдствіемъ церковнаго прославленія святаго, оно писалось съ мыслью вызвать это прославленіе или ускорить его. Только первоначальныя біографическія записки и небольшая група житій, приближавшихся по характеру къ простой біографіи, не имѣли ни такого происхожденія ни такой цѣли. По чьей бы мысли ни являлось житіе, но возникая изъ одинаковыхъ побужденій съ стихирами и каноиомъ и получая одинаковое назначеніе, оно естественно создавало потребность въ извѣстной установленной нормѣ и въ церковномъ надзорѣ для писателя. Въ монастыряхъ сознавали эту потребность. Однимъ изъ побужденій, удерживавшихъ біографа Даніила переяславскаго отъ рѣшимости писать житіе, было наставленіе, слышанное имъ отъ учителя: въ бесѣдахъ съ братіей Даніилъ «не повелѣваше никомуже самохотѣніемъ писати повѣсти нѣкія о святыхъ, аще не извѣщеніе нѣкое бу-

детъ отъ Бога или отъ власти царскія и святительскія». Ученикъ Кассіана Босаго Фотій, написавъ для себя канонъ на память Іосифа, нашелъ необходимымъ однакожъ представить его на разсмотрѣніе митрополиту, чтобы получить отъ послѣдняго благословеніе читать свой трудъ и молитвовать по нему въ келліи. Тотъ же игуменъ Алексѣй, который такъ рѣшительно говоритъ о свободѣ писать житія святыхъ мужей, дѣлаетъ завѣщаніе своему преемнику и братіи отвезти составленныя имъ службу и житіе Геннадія «въ царствующій градъ на свидѣтельство» царю, митрополиту и церковному собору, «пріятно ли царю и святителю и вселенскому ихъ собору наше писаніе, достойно ли почитати житіе и чудеса преподобнаго, повелятъ ли пѣти канонъ и стихиры святаго, достоинъ ли есть дѣлатель пишущій мзды своея». Съ XVI в. обыкновенно глава іерархіи съ церковнымъ соборомъ, съ участіемъ государя и всего синклита, «свидѣтельствовалъ» представленное ему житіе съ службой и своимъ благословеніемъ «пѣти канонъ и житіе чести» вводилъ послѣднія въ церковное употребленіе. Довольно полно описанъ этотъ процессъ соборнаго «свидѣтельствованія» въ повѣсти объ открытіи мощей Никандра, псковскаго пустынника. Въ 1686 г. коммиссія, состоявшая изъ тамбовскаго епископа, архимандрита Хутынскаго монастыря, игумена Лисицкаго монастыря и ключаря новгородскаго Софійскаго собора, положивъ обрѣтенныя мощи въ новый гробъ, помѣстила ихъ въ церковной стѣнѣ. Потомъ сложивъ службу и описавъ житіе съ чудесами, то-есть составивъ новую редакцію біографіи, препроводили оба произведенія въ Москву къ патріарху. Патріархъ съ архіереями, случившимися въ Москвѣ, составивъ соборъ въ церкви Св. Апостолъ при патріаршемъ домѣ, повелѣлъ справщику печатнаго двора іеродіакону Каріону прочитать вслухъ присланныя службу и житіе, и нашедши свидѣтельство достовѣрныхъ мужей истиннымъ, постановилъ праздновать преп. Никандру, а

оригиналъ житія переслать въ Никандровъ монастырь «для чтенія и послушанія къ душевней пользѣ братіи и всѣхъ православныхъ христіанъ». Впрочемъ назначеніе коммиссіи для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ не было всегдашнимъ явленіемъ въ такихъ случаяхъ; притомъ ея повѣрка могла коснуться только описанія посмертныхъ чудесъ. Ни она ни церковный соборъ большею частію не имѣли возможности повѣрить критически самые факты біографіи. Потому обыкновенно принимали готовое житіе, если оно было удовлетворительно въ литературномъ отношеніи. Въ противномъ случаѣ подвергали его новой обработкѣ. Эта обработка и то, что довольно часто она поручалась писателю, мало знакомому съ жизнію новаго святаго, раскрываетъ истинный характеръ соборнаго «свидѣтельствованія». Есть и прямыя указанія на этотъ характеръ въ источникахъ. Служба и житіе Іосифа Санина разсмотрѣны были церковнымъ соборомъ въ 1578 г. при установленіи празднованія ему въ основанной имъ обители. Въ спискахъ службы находимъ разсказъ о томъ, какъ установлено было всецерковное празднованіе Іосифу. Въ 1591 г. повелѣніемъ царя и патріарха исправлены были тропарь и кондакъ, стихиры, канонъ и вся служба преп. Іосифу на литургіи, и эту исправленную службу «свидѣтельствовали на вселенскомъ соборѣ» царь и патріархъ и весь синклитъ, и совѣтомъ всего собора узаконоположили и утвердили праздновать преп. Іосифу повсюду 9 сентября на его преставленіе и «въ печатныхъ минеяхъ въ тойже день повелѣ государь царь выпечатати тропарь и кондакъ и стихиры и канунъ и всю службу». Точно также для установленія всецерковнаго празднованія Корнилю Комельскому въ 1600 г. патріархъ съ митрополитами, архіепископами, епископами и прочимъ духовенствомъ соборнѣ слушали стихиры, канонъ и житіе чудотворца, и когда мѣстный архіепископъ засвидѣтельствовалъ, что чудеса писаны неложно, доложили въ Успенскомъ соборѣ

царю и «извѣщали», что стихиры, канонъ и житіе Корнилія «писаны по образу и по подобію, якоже и прочимъ святымъ». Такимъ образомъ соборный надзоръ имѣлъ чисто формальное значеніе для агіобіографіи: онъ охранялъ ея установленный стиль, повѣрялъ вѣрность житія церковно-литературной нормѣ, «образу и подобію, якоже и прочимъ святымъ».

Одну изъ неясныхъ сторонъ въ судьбѣ древнерусскаго житія составляетъ распространеніе его въ читающемъ обществѣ. Между тѣмъ разъясненіе этого вопроса представляетъ не одинъ библіографическій интересъ: оно могло бы помочь опредѣленію степени и свойства того дѣйствія, которое древнерусскій читатель оказывалъ на біографа. Если бы наша древняя письменность была лучше изслѣдована по сохранившимся остаткамъ, она несомнѣнно дала бы нѣсколько положительныхъ выводовъ и для рѣшенія этого вопроса. Безъ того остается ограничиться замѣчаніями, основанными на бѣгломъ, поверхностномъ обзорѣ наиболѣе извѣстныхъ древлехранилищъ. Если древнѣйшія житія въ сѣверной Руси по происхожденію и назначенію своему были тѣсно связаны съ церковной службой, очень естественно предположить, что они первоначально распространялись главнымъ образомъ въ письменности, имѣвшей церковное употребленіе. Повидимому до XV в. небольшой кругъ русскихъ житій святыхъ, признанныхъ церковію, сосредоточивался преимущественно въ прологахъ. Въ послѣдствіи изъ пролога широко развились другія формы письменности, заимствовавшія у него систему церковнаго мѣсяцеслова для расположенія своего содержанія. Осложняясь въ содержаніи и расширяясь въ объемѣ, прологъ превратился въ четьи-минеи, очень распространенныя въ древнерусской письменности, судя по многочисленнымъ разбитымъ ихъ экземплярамъ, сохранившимся въ рукописныхъ библіотекахъ. Упрощеніемъ четьи-минеи были разнообразные по составу торжественники, наполняющіе письменность XVI вѣ-

ка: какъ и въ четьихъ-минеяхъ, житія были любимой и главнѣйшей частью въ ихъ составѣ и вмѣстѣ съ поученіями и сказаніями, рѣже одни, располагались въ календарномъ порядкѣ праздниковъ, съ которыми были связаны. Легко замѣтить, что эти торжественники распространялись по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и сходные съ ними по связи съ церковнымъ мѣсяцесловомъ трефологіи, сборники церковныхъ службъ, выбранныхъ изъ служебной минеи. Распространенію тѣхъ и другихъ и притомъ съ чисто русскимъ содержаніемъ содѣйствовали церковные соборы XVI в. о новыхъ чудотворцахъ, значительно расширившіе русскіе святцы и внесшіе большое количество русскихъ житій и каноновъ въ обязательное церковное употребленіе. Въ одно время съ такими сборниками, носящими на себѣ болѣе или менѣе ясные признаки церковнаго происхожденія, были въ большомъ ходу другіе, черпавшіе преимущественно изъ тогоже литературнаго запаса, но по составу независимые отъ церковнаго мѣсяцеслова. Большею частью въ нихъ даже невозможно уловить ни опредѣленнаго порядка въ составѣ, ни однообразія въ подборѣ содержанія; повидимому то и другое опредѣлялось книжными средствами писца и вкусами читателя. Въ такихъ сборникахъ можно искать указаній для разъясненія разсматриваемаго вопроса: обращаясь внѣ церковной среды, они разнообразіемъ и подвижностью своего содержанія яснѣе обнаруживаютъ книжные интересы древнерусскаго читающаго общества. Можно замѣтить, что съ XV в. чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе размножаются сборники, наполненные исключительно житіями, и между ними все сильнѣе становится русскій элементъ. Наконецъ съ XVI в. во множествѣ являются отдѣльные списки русскихъ житій. Изъ этого можно заключить, что интересъ къ подвижникамъ русской церкви постепенно усиливался въ русскихъ читателяхъ и по мѣрѣ этого письменность житій теряла церковныя формы. Въ этомъ выводѣ, извлеченномъ изъ движенія

письменности житій, мы встрѣчаемся съ высказанными выше замѣчаніями, основанными на движеніи агіобіографической литературы. Повидимому обѣ съ различныхъ сторонъ объясняютъ одинъ и тотъ же фактъ въ литературной исторіи житія: если извѣстныя литературныя условія, удалявшія житіе отъ его церковнаго источника, упрощая его искусственный стиль, тѣмъ самымъ облегчали его распространеніе въ мірскомъ читающемъ обществѣ, то съ другой стороны это распространеніе становилось однимъ изъ литературныхъ условій, содѣйствовавшихъ тому же упрощенію.\ Отрывочныя извѣстія о томъ, какъ писались житія по многочисленнымъ пустыннымъ монастырямъ сѣверовосточной Руси въ XVI и XVII в., подвергаютъ воображеніе изслѣдователя сильному искушенію создать изъ нихъ картину оживленнаго движенія, какое получила тамъ въ то время литература житій. Не дожидаясь церковнаго признанія, возбуждаемая собственнымъ усердіемъ и вниманіемъ, даже требованіями окрестнаго населенія, братія всѣми силами хлопочетъ о составленіи правильнаго житія своего основателя; не находя достаточно грамотнаго монаха среди себя, пользуется заѣзжимъ, обращается въ Москву къ митрополиту съ просьбой найти и назначить ей біографа, даже не дожидаясь правильнаго житія, спѣшитъ, «доидеже есть остатокъ древнихъ отецъ», хотя нестройно, «неудобренно» записать на малыхъ хартіяхъ и свиткахъ драгоцѣнныя воспоминанія. И чѣмъ отрывочнѣе такія извѣстія, тѣмъ полнѣе готова дорисовать картину неосторожная фантазія, создавъ для этихъ житій быстрое распространеніе и широкій кругъ читателей. Въ тѣхъ же пустынныхъ монастыряхъ встрѣчаемъ убѣдительные примѣры равнодушія, съ какимъ относились къ жизнеописанію святаго ближайшіе читатели, монахи его монастыря. Первоначальными біографическими записками обыкновенно пренебрегали, ихъ не переписывали и мало читали; потому онѣ нерѣдко пропадали прежде чѣмъ являлось правиль-

ное житіе) Германа соловецкаго многіе изъ братіи наградили пренебреженіемъ и насмѣшкой за усердіе къ сохраненію воспоминаній о Савватіѣ и Зосимѣ и до самой смерти его въ монастырѣ не позаботились переписать диктованныя имъ записки, оригиналъ которыхъ былъ потомъ увезенъ гостившимъ на Соловкахъ пріѣзжимъ монахомъ. Точно также около 1484 г., лѣтъ черезъ пять по смерти Александра Ошевенскаго, родственникъ его продиктовалъ клирикамъ записки о преподобномъ; спустя болѣе 42 лѣтъ послѣ этого, около 1530 года, когда первоначальный экземпляръ записокъ погибъ гдѣ-то вмѣстѣ съ увезшимъ его игуменомъ, въ монастырѣ не оказалось ни одного запаснаго списка, и составляя житіе въ 1567 году, Ѳеодосій долженъ былъ прибавить: «писанія бо нимало обрѣтохъ, изгибнуша бо писанія небреженіемъ». Этимъ же объясняется, почему такъ рѣдки списки житій основателей Челмскаго, Моизенскаго, Юрьегорскаго, Ущельскаго, Воломскаго и многихъ другихъ монастырей. Вообще среди неясныхъ извѣстій о распространеніи житій въ письменности встрѣчаются указанія, не дающія права преувеличивать его. Сохранились сборники XVI и XVII в., въ составѣ которыхъ замѣтенъ мѣстный историческій интересъ, въ которыхъ соединены сказанія и житія святыхъ извѣстнаго города или края,— сборники новгородскіе, ростовскіе, вологодскіе и т. п.; но ихъ вообще немного въ существующихъ рукописныхъ библіотекахъ. Къ тому же приводятъ наблюденія надъ извѣстными намъ рукописными собраніями немногихъ монастырей, принадлежавшихъ впрочемъ къ числу самыхъ книжныхъ въ древней Россіи. Монастырскія библіотеки должны были довольно вѣрно отражать на себѣ объемъ и движеніе мѣстныхъ книжныхъ интересовъ. Значительная часть каждой изъ нихъ составлялась изъ рукописей, остававшихся послѣ умершихъ монаховъ. Послѣдніе кромѣ рукописей, написанныхъ или пріобрѣтенныхъ ими въ монастырѣ, отказывали въ монастырскую казну и книги, ко-

торыя приносили съ собой изъ міра. Надписи, встрѣчающіяся на рукописяхъ, отличаютъ книгу казенную, которую выдавали изъ казны по кельямъ для чтенія и «на списокъ», отъ книги келейной извѣстнаго монаха. Наконецъ книжные люди изъ мѣстныхъ жителей нерѣдко дѣлали въ монастырь вклады книгами. По описи библіотеки Іосифова волоколамскаго монастыря XVI в. насчитываютъ до 189 именъ, принадлежавшихъ духовнымъ или міряпамъ, которые дѣлали книжные вклады въ этотъ монастырь или рукою которыхъ писаны рукописи, въ немъ хранившіяся. Вскорѣ по основаніи Черногорскаго монастыря на Пинегѣ ярославскій гость, построившій въ немъ церковь, пожертвовалъ обители «многоразличныя премудрыя книги, числомъ яко 147 книгъ». При такомъ образованіи библіотекъ въ извѣстнѣйшихъ монастыряхъ не удивительно встрѣтить въ какомъ-нибудь изъ нихъ собраніе житій и сказаній, связанныхъ съ городомъ или краемъ, очень отдаленнымъ отъ этого монастыря. Въ соловецкой библіотекѣ встрѣчаемъ книги, писанныя въ Калугѣ и пожертвованныя постриженниками или богомольцами изъ этого города. Но еслибы подъ вліяніемъ исторической любознательности житія имѣли живое обращеніе среди мѣстнаго читающаго общества, это отразилось бы на составѣ монастырскихъ библіотекъ особеннымъ обиліемъ списковъ житій, связанныхъ съ историческими преданіями края, въ которомъ находился монастырь. Составъ монастырскихъ библіотекъ, принадлежавшихъ къ числу самыхъ крупныхъ въ древней Россіи, не подтверждаетъ этого. Біографіи Трифона Печенгскаго, Варлаама Керетскаго, Елеазара Анзерскаго, архимандрита Иринарха, сказанія о Пертоминскихъ и Яренгскихъ чудотворцахъ соловецкая библіотека сохранила въ одномъ или двухъ спискахъ. Житія Кассіана Босаго и ученика его Фотія вмѣстѣ съ патерикомъ Досиѳея Топоркова уцѣлѣли, если не ошибаемся, только въ автографѣ составителя ихъ Вассіана, попавшемъ въ синодальную библіотеку; точно также записка

объ архіепископѣ Ѳеодосіѣ сохранилась только въ одной рукописи Іосифова монастыря, писанной рукою самого автора Евѳимія Туркова. Напротивъ библіотеки обоихъ монастырей сохранили во множествѣ списковъ рядомъ съ житіями ихъ основателей біографіи ростовскихъ просвѣтителей Леонтія и Авраамія, Варлаама Хутынскаго, святителей Петра и Алексія, Сергія Радонежскаго. Это объясняется судьбою Епифаніева житія Сергія въ письменности. Выше было сказано, что рядомъ съ 9 списками Пахоміевой редакціи, сохранившимися въ рукописяхъ Сергіевской библіотеки отъ XV вѣка, трудъ Епифанія не уцѣлѣлъ ни въ одномъ современномъ имъ спискѣ даже въ этой библіотекѣ: онъ имѣлъ только историко-литературное значеніе, тогда какъ по редакціи Пахомія творили память святаго въ церкви.

Эти наблюденія заставляютъ ограничить умѣренными размѣрами дѣйствіе литературной или исторической любознательности на распространеніе житій среди мѣстнаго читающаго общества; они же помогутъ правильно понять значеніе отрывочныхъ извѣстій объ этомъ распространеніи. Въ стѣнахъ монастыря житіе имѣло не одно церковное употребленіе: его читали всей братіи за трапезой въ день памяти святаго. Въ концѣ службы Антонію Сійскому списки сохранили замѣтку: «на трапезѣ бываетъ утѣшеніе братіи великое и чтемъ житіе преподобнаго» [1]). Но тоже побужденіе, которое вызывало въ братіи монастыря заботу о составленіи житія основателя, заставляло ее стараться о распространеніи написаннаго житія между мірянами. Біографъ Геннадія костромскаго проситъ братію перелагать его писаніе «на новыя скрижали» и раздавать ихъ «по странамъ православнымъ христіаномъ». Когда бояринъ Борисъ Морозовъ благополучно укрылся въ 1648 г. отъ московскихъ мятежниковъ па Бѣлоозеро, братія Кириллова Новоезер-

---

[1]) Унд. № 284, л. 36.

скаго монастыря поспѣшила послать ему образъ и списокъ житія своего основателя. При чтеніи житія и чудесъ святаго, разсказываетъ современникъ, сердце боярина освѣтилось «яко нѣкоею зарею пресвѣтлою, наполнися радости и веселія вся внутренняя его и отъ великія тоя скорби и печали во утишіе и радость преложися». Изгнанникъ поѣхалъ поклониться гробу Кирилла и вмѣстѣ съ «милостыней довольной» положилъ здѣсь обѣтъ построить по возвращеніи въ Москву новую каменную церковь, основаніе которой повело къ обрѣтенію мощей Кирилла и къ прославленію его монастыря. Если вмѣстѣ съ распространеніемъ житія распространялась и вѣра къ святому, то послѣдняя въ свою очередь должна была содѣйствовать дальнѣйшему размноженію списковъ житія. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія извѣстія, въ которыхъ списываніе житій является дѣломъ благочестиваго усердія или обѣта за исполненіе молитвы къ святому, за исцѣленіе. Николай чудотворецъ, по русскому сказанію о немъ, передъ кончиной молится за тѣхъ, кто «напишетъ слово житія» его или «напишетъ кто образъ подобія» его, наравнѣ съ тѣми, кто поставитъ церковь во имя его или подастъ милостыню нищимъ. Года черезъ два по написаніи житія Саввы Крыпецкаго пономарь приходской церкви въ Псковѣ, питавшій великую вѣру къ святому и исцѣлившійся у гроба его отъ зубной боли, имѣлъ у себя канонъ и житіе его и «прочиташе себѣ съ вѣрою». Такую же вѣру къ Саввѣ имѣлъ одинъ посадскій въ Псковѣ, «понеже слышалъ баше житіе и чудодѣйствіе святаго». Монахъ Каменскаго монастыря и дьякъ города Любима, страдая зубною болью, даютъ обѣтъ списать канонъ и житіе Геннадія костромскаго. Въ описаніи чудесъ епископа тверскаго Арсенія читаемъ, что тверской попъ, потомъ переселившійся въ Москву, племянница котораго исцѣлилась вѣрою къ святителю, писалъ въ Желтиковъ монастырь къ архимандриту и братіи, прося выслать ему канонъ, житіе и

чудеса Арсенія. Получивъ ихъ, онъ «нача вскорѣ преписовати чудеса святаго, да быша были въ дому его на прочитаніе и на послушаніе вѣрнымъ». Впрочемъ побужденія, привлекавшія къ житіямъ читателей, и дѣйствіе, какое они производили на послѣднихъ, въ этихъ извѣстіяхъ легче разглядѣть между строками, чѣмъ опредѣлить по прямымъ и яснымъ указаніямъ. Въ чудѣ Варлаама Хутынскаго 1460 г. читаемъ, что постельникъ великаго князя издавна имѣлъ у себя и читалъ житіе съ чудесами святаго и положилъ на себя обѣщаніе со временемъ постричься въ его монастырѣ. Поселянинъ ростовскаго уѣзда позвалъ къ себѣ на обѣдъ священника и послѣдній за столомъ началъ разсказывать житіе Макарія Калязинскаго; юный сынъ поселянина, прославленный въ послѣдствіи затворникъ Иринархъ слышалъ этотъ разсказъ и сказалъ: «и азъ буду минхъ таковъ же». Во время соловецкаго игумена Филиппа, устюжскій воевода кн. Оболенскій, опасно побивъ свою княгиню, проникнутый горемъ и раскаяніемъ, велѣлъ принести себѣ книгу житія и чудесъ соловецкихъ чудотворцевъ; утѣшенный чтеніемъ, онъ далъ обѣщаніе построить храмъ во имя Зосимы и Савватія. Изрѣдка проскользнетъ у біографа намекъ на то, что жизнь и судьба монастыря возбуждала въ мірскомъ обществѣ что-то похожее на историческое любопытство, съ которымъ оно обращалось къ дѣятельности основателя; Біографъ Корнилія Комельскаго пишетъ въ предисловіи: «мы убо здѣ въ монастыри сѣдяще, отъ многихъ слышимъ, помышляющимъ и глаголющимъ, како въ малое се время сей святѣй обители цвѣтущей и впредь поступающей, паче же вѣдяще и чинъ и устроеніе и благочиніе веліе и просяще кождо ихъ: дадите намъ житіе написано святаго старца вашего, господина нашего Корнилія». Сильнѣе этихъ частныхъ случаевъ должны были подѣйствовать на пробужденіе въ обществѣ историческаго интереса въ отношеніи къ отечественнымъ святымъ соборы о новыхъ чудотворцахъ: выше,

разсматривая эти соборы, мы указывали признаніе одного біографа въ этомъ смыслѣ, замѣтивъ притомъ, что самые соборы были отчасти вызваны усилившимся вслѣдствіе событій XV в. вниманіемъ русскаго общества къ преданіямъ русской церкви. Впрочемъ на отношеніе общества къ житію всего яснѣе указываетъ литературный строй и характеръ послѣдняго, и разсмотрѣнныя отрывочныя извѣстія любопытны потому, что подтверждаютъ это указаніе фактами изъ исторіи письменности житій.

Писатель стоялъ между двумя разсмотрѣнными моментами въ судьбѣ житія, между двумя средами, контролирующей и читающей, и на перо его производили давленіе требованія обѣихъ, далеко не одинаковыя, хотя сходныя во многомъ. Если литературное развитіе измѣряется силой, съ какою печать авторской личности выступаетъ на литературномъ произведеніи, то при первомъ знакомствѣ съ житіями легко подумать, что въ нихъ древнерусская литература достигла своего высшаго развитія. Здѣсь повидимому нѣтъ той эпической безличности, изъ которой такъ рѣдко выходилъ древнерусскій писатель. Никто не любилъ такъ много поговорить съ читателемъ о себѣ, о чувствахъ, пережитыхъ во время литературной работы, какъ составитель древнерусскаго житія. Одна черта ослабляетъ это первое впечатлѣніе. Надъ жизнеописаніемъ дѣятелей отечественной церкви испытывали свои силы самые разнообразные писатели, люди различныхъ общественныхъ положеній. Но историкъ литературы напрасно будетъ обѣщать себѣ богатые выводы отъ изученія этого разнообразія. Онъ замѣтитъ разницу въ книжномъ мастерствѣ, въ количествѣ и качествѣ матеріала, у немногихъ даже внѣшнія мелкія индивидуальныя особенности; но въ литературныхъ пріемахъ, въ историческихъ и общественныхъ взглядахъ, въ чертахъ, какими каждый характеризуетъ свою авторскую личность, и пріѣзжій сербъ и сынъ боярскій и царевичъ и представители всѣхъ ступеней церковной

іерархіи отъ пономаря или простаго монаха до патріарха какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга. Изслѣдователь даже чувствуетъ себя въ затрудненіи передъ той заботливостью, съ какою древнерусскіе біографы предвосхищаютъ у него работу: ему нечего обобщать, нѣтъ нужды по мелкимъ, отрывочнымъ и случайнымъ чертамъ путемъ утомительнаго наблюденія воспроизводить общій образъ древнерусскаго агіобіографа; такъ старательно послѣдній заботился самъ спрятать свою дѣйствительную, живую личность подъ ходячими чертами общаго типа. Впрочемъ анализъ и этихъ чертъ не безполезенъ въ критическомъ отношеніи, ибо онѣ характеризуютъ тотъ кругъ древнерусскихъ понятій, въ которомъ стоялъ біографъ и подъ вліяніемъ котораго обработывались историческіе факты житія. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе ораторская мантія, въ которую составитель житія облекаетъ свою литературную личность. Онъ говоритъ не какъ наблюдатель, въ тишинѣ келліи изучившій и обдумавшій описываемыя явленія, а какъ витія съ церковной каѳедры передъ многочисленными слушателями; мысль его гораздо болѣе обращена къ публикѣ, чѣмъ къ предмету рѣчи. Возстановленіе факта, завершающее усилія и сомнѣнія простаго повѣствователя, для него черновая, предварительная работа, которую онъ оставилъ далеко за предѣлами момента когда взялся за писало и хартію. Онъ прошелъ и то состояніе, торжественнаго самосозерцательнаго покоя, въ которомъ навсегда поселяются самоувѣренные историки, посвятившіе свою многолѣтнюю ученую жизнь начертанію пяти съ половиной мѣсяцевъ изъ исторіи маленькаго народа. Авторъ житія идетъ дальше, въ область практическихъ выводовъ; онъ настроиваетъ свой тонъ на высокую дидактическую ноту и призываетъ своихъ «послушателей» къ духовной трапезѣ, чтобы предложить имъ «негибнущую» пищу поученій духовныхъ. Но это право учителя пріобрѣталось цѣною тяжелой внутренней

борьбы. Нѣкоторые біографы въ своихъ авторскихъ исповѣдяхъ повѣдали тѣ душевныя тревоги и сомнѣнія, которыя переживали они прежде, чѣмъ достигали необходимой списателю житія ясности и торжественности мысли. Стоятъ ли они близко къ святому или знаютъ его только по преданію, пишутъ ли по собственному побужденію или по внушенію со стороны, они изображаютъ свой трудъ священнымъ дѣломъ, въ преддверіи котораго писателя ждетъ борьба противоположныхъ чувствъ. Многія побужденія поселяли въ немъ «желаніе несытно» писать о святомъ: любовь къ святому старцу «яко огнемъ» распаляетъ и томитъ его помыслъ, великое усердіе влечетъ его къ нему «якоже нѣкіимъ долгимъ ужемъ и нудитъ глаголати же и писати»; онъ скорбитъ, что забвеніе и неразуміе лишаетъ современное ему слабое поколѣніе, въ которомъ мало спасаемыхъ, такой душевной пользы, вѣдѣнія житія святаго; возбуждаетъ его чаяніе мзды будущихъ благъ, предстоящей «дѣлателю пишущему» наравнѣ съ послушателями и сказателями житія. Но его удерживаетъ собственное душевное недостоинство, нечистота многостраснаго сердца, худость и невѣгласіе ума; его мучитъ недоумѣніе, призванъ ли онъ къ подвигу списателя, какъ дерзнетъ онъ на дѣло выше своей силы, гдѣ обрѣтетъ онъ словеса потребныя, подобныя дѣяніямъ святаго, ибо чудныя дѣла «свѣтла языка требуютъ». Такъ остается онъ много лѣтъ «аки бездѣленъ въ размышленіи, недоумѣніемъ погружаяся и печалію оскорбляяся, желаніемъ побѣждаяся». Три года говоритъ біографъ Даніила переяславскаго, боролся я съ мыслію, писать или не писать. Онъ обращается къ старцамъ, въ отвѣтахъ разумнымъ, съ вопросомъ, достоитъ ли писать, и старцы отвѣчаютъ, что нѣтъ нужды терять душевную пользу и утѣшеніе, доставляемыя житіемъ святаго. Тогда онъ простретъ грубую десницу и примется писать «помалу» о житіи старца. Но тутъ врагъ начнетъ смущать его «развратнымъ помыс-

ломъ», какъ показать людямъ свое писаніе, не имѣющее ни украшенія въ рѣчахъ, ни слога праваго, ни псаломскихъ приреченій: такое писаніе не принесетъ похвалы святому и только навлечетъ на автора посмѣхъ и поруганіе. Онъ повергаетъ свой трудъ, уже доведенный до кончины преподобнаго, и не радитъ о немъ долгое время. Потомъ опять встанетъ онъ мыслію точно отъ сна, возьмется за продолженіе стараго труда, и вновь смущенный, испытаетъ еще нѣсколько смѣнъ унынія и бодрости, пока неоднократныя явленія святаго старца въ легкой дремотѣ біографа не успокоятъ его мятущихся мыслей: тогда съ сердечной радостью и душевнымъ веселіемъ онъ берется за перо и послѣ, перечитывая свое сказаніе, «аки сладкаго брашна напитовается». Такъ разсказываетъ о себѣ біографъ Моизенскихъ чудотворцевъ. Или поразитъ его еще болѣе тяжкій недугъ сомнѣнія въ дѣйствительности чудесъ святаго, недовѣрія къ разсказамъ достовѣрныхъ свидѣтелей, и облѣнившись онъ бросаетъ начатый трудъ съ пренебреженіемъ. Успокоившисъ въ келліи послѣ вечерняго пѣнія, онъ видитъ себя въ невѣдомомъ большомъ храмѣ, въ который входитъ святой съ малымъ прутомъ въ рукѣ и съ гнѣвнымъ взоромъ обращается къ нерадивому и недовѣрчивому біографу: зачѣмъ берешься за дѣло не по силамъ, а взявшись, зачѣмъ не кончаешь?—Не прогнѣвайся на меня, отче, за медленность, отвѣчаетъ біографъ со слезами: я старъ и не могу стерпѣть такой страсти; если оскорбишь меня, я ужь не назову тебя отцомъ и бѣгу изъ твоей обители. Преподобный старецъ, мало осклабився, говоритъ плачущему слезно писателю: не говори много, не прекословь, пади ницъ. Падаетъ на помостъ виноватый, простираетъ руки и ноги, святой назнаменаетъ его трижды неслышно, безъ боли. Съ рыданіемъ онъ пробуждается, ему свело правую руку и персты едва складываются для крестнаго знаменія. Получивъ чрезъ нѣсколько дней исцѣленіе у гроба преподобнаго, онъ немедленно доканчива-

етъ прерванную повѣсть. Такъ повѣдалъ о себѣ біографъ Александра Ошевенскаго, закончивъ разсказъ славами: «нынѣ же аще бы и множае сихъ обрѣлъ, не облѣнился бы уже писати, еще бы понудилъ старость свою за любовь святаго, елика сила бяше». Въ этихъ признаніяхъ, безъ сомнѣнія, не одни реторическіе образы, хотя нельзя не замѣтить въ нихъ нѣкоторой доли условнаго, нѣкоторыхъ принятыхъ, обычныхъ формъ. По этимъ исповѣдямъ любопытно наблюдать, чѣмъ возбуждаются авторскія смятенія біографа, куда преимущественно направляется и на чемъ успокоивается его мысль. Всего тревожнѣе занимаетъ его вопросъ, призванъ ли онъ къ своему дѣлу, угодно ли будетъ святому его писаніе, съумѣетъ ли онъ изобразить его дѣянія достойнымъ образомъ. Изрѣдка, если жизнеописатель зналъ святаго по чужимъ разсказамъ, набѣгало на него сомнѣніе въ посмертныхъ чудесахъ; но это было слѣдствіемъ минутнаго упадка духа, нравственнаго бездѣйствія, а не испытующаго напряженія мысли, и такъ смотрѣлъ на это самъ біографъ, спѣша «помалѣ въ чувство пріити и познати свое согрѣшеніе». Въ его авторской исповѣди не встрѣтимъ намека, чтобы біографическій фактъ имѣлъ для него цѣну самъ по себѣ и разсматривался имъ независимо отъ нравственно-практическихъ выводовъ. Это впрочемъ было неизбѣжно при томъ литературномъ отношеніи, въ какомъ біографъ стоялъ къ описываемому святому. Онъ не разсматривалъ послѣдняго со стороны, какъ явленіе минувшаго, какое бы хронологическое разстояніе ни лежало между ними. Духовное присутствіе среди насъ человѣка, давно отшедшаго въ иную жизнь, которое для насъ имѣетъ метафорическое значеніе теплаго воспоминанія, для древнерусскаго біографа было впечатлѣніемъ живой дѣйствительности. Онъ постоянно чувствовалъ надъ собой его строгій отеческій взглядъ, бесѣдовалъ съ нимъ «аки явѣ» и при этомъ неясно сознавалъ, гдѣ кончается дѣятельность бодрствующаго воображенія и начиналось сонное

мечтаніе. Видѣнія святаго вызывали въ немъ вопросъ, не сонныя ли это мечты въ самомъ дѣлѣ; но онъ спѣшилъ отогнать этотъ вопросъ, какъ внушеніе невѣрія. То, что онъ на самомъ дѣлѣ переживалъ изъ описываемой имъ авторской борьбы своей, было усиліемъ подняться на такую высоту созерцанія, на которой было возможно такое рѣшеніе такого вопроса, и въ этомъ усиліи мысль его незамѣтно переходила черту, отдѣляющую міръ дѣйствительныхъ житейскихъ явленій отъ міра, гдѣ нѣтъ исторіи, а живутъ одни идеалы. Отсюда онъ бралъ свѣточъ и мѣрило для описываемыхъ имъ событій прошедшаго; изъ этого же источника заимствовалъ онъ главнѣйшую силу своего біографическаго авторитета въ глазахъ тѣхъ, для кого писалъ свою повѣсть. Здѣсь источникъ его торжественнаго дидактизма, цѣльности и ясности взгляда, для котораго повидимому нѣтъ неразгаданной тайны, который видитъ насквозь всѣ земныя дѣянія. На извѣстной высотѣ сами собой исчезаютъ нестройные звуки и мелкія явленія дольней жизни, которыя стоящій внизу наблюдатель напрасно силится соединить въ гармоническое впечатлѣніе. Кропотливый изслѣдователь строго-научнаго направленія, измучившій голову микроскопическими гипотезами, въ правѣ позавидовать спокойствію, съ какимъ иной составитель житія начинаетъ свой разсказъ: а изъ какого града или веси и отъ каковыхъ родителей произошелъ такой свѣтильникъ, того мы не обрѣли въ писаніи, Богу то вѣдомо, а намъ довольно знать, что онъ горняго Іерусалима гражданинъ, отца имѣетъ Бога, а матерь—святую Церковь, сродники его—всенощныя многослезныя молитвы и непрестанныя воздыханія, ближніе его — неусыпные труды пустынные. Простое историческое мышленіе не выходитъ изъ области дѣйствительныхъ фактовъ и простой біографъ злоупотребитъ своимъ литературнымъ полномочіемъ, если перейдетъ за черту этой области, которую торопятся пробѣжать списатель житія.

Начивая общій разборъ житія, мы замѣтили, что оно, какъ литературное произведеніе, соединяетъ въ себѣ два особые элемента, церковно-ораторскій и историческій. Въ обзорѣ развитія литературы житій и въ очеркѣ обстановки, среди которой появлялось каждое изъ нихъ, мы пытались разъяснить различныя условія, дѣйствовавшія на эту литературу. Обобщая эти условія, замѣтимъ, что они касались главнымъ образомъ перваго изъ указанныхъ элементовъ, что вся литературная исторія древнерусскаго житія почти исчерпывается судьбою его стиля. Сухая сжатая повѣсть пролога распустилась въ пышныя, даже напыщенныя формы церковно-историческаго слова; но по основной мысли, по взгляду на событія и выбору біографическаго содержанія житіе въ томъ и другомъ видѣ оставалось вѣрно модели, — если позволено такъ выразиться, — какую представляли церковныя пѣсни. Не вся литература житій могла держаться на трудной высотѣ такого стиля и въ нѣкоторыхъ памятникахъ онъ падалъ въ двухъ направленіяхъ. Одни, расширяя выборъ біографическаго содержанія, вводили въ него черты, выходившія изъ рамокъ обычной программы житій, не требовавшіяся основною мыслію церковнаго панегирика. Два условія вызывали біографа на такое отступленіе: если описываемая жизнь была тѣсно связана съ крупными общественными событіями или если она описывалась прежде, чѣмъ становилась достояніемъ церковнаго чествованія, дѣлавшаго обязательнымъ для біографа извѣстный выборъ фактическаго матеріала. Въ связи съ послѣднимъ условіемъ шло упрощеніе ораторскихъ пріемовъ изложенія, возвращавшее житіе къ сухости проложнаго разсказа и иногда отступавшее даже отъ строгихъ требованій церковнаго, то-есть литературнаго языка. Мы указали три условія, содѣйствовавшія этому: однимъ изъ нихъ былъ литературный взглядъ древнерусскихъ писателей, по которому житіе, не имѣвшее церковной торжественности въ своемъ проис-

хожденіи и назначеніи, требовало болѣе простаго изложенія; другимъ условіемъ было вліяніе на біографовъ массы читателей, которой былъ недоступенъ изысканный высокій стиль житій, а третьимъ — недостатокъ книжнаго образованія въ пустынныхъ монастыряхъ, изъ которыхъ вышла бо́льшая часть житій XVI и XVII в. Но оба эти уклоненія не имѣли широкаго дѣйствія въ изучаемой литературѣ и мало измѣняли внутренція свойства житія, существенныя для исторической критики: оба удерживали тѣже пріемы обработки и взгляды на явленія, какіе свойственны искусственному стилю, хотя одно внимательнѣе изображало время и обстановку дѣятельности описываемаго лица, а другое упрощало литературныя формы біографіи. Въ томъ же направленіи дѣйствовали условія, окружавшія появленіе и распространеніе каждаго житія. Оффиціальный церковный надзоръ бодрствовалъ только надъ установленнымъ стилемъ житія; простыя біографическія записки не годились для церковной службы и мало распространялись даже въ неоффиціальной читающей средѣ; послѣдняя искала въ житіи не знакомства съ событіями прошедшаго, не историческаго знанія, а назидательныхъ примѣровъ для практической жизни; подчиняясь этимъ вліяніямъ, и біографъ думалъ не столько о самыхъ явленіяхъ изображаемой имъ жизни, сколько о способѣ и тонѣ ихъ изображенія.

Таковъ, если не ошибаемся, смыслъ условій, дѣйствовавшихъ на литературную обработку житія. Остается изучить происхожденіе другаго, реальнаго элемента житій, разсмотрѣть ихъ историческій матеріалъ, свойство источниковъ, изъ которыхъ онъ почерпался. Эта задача гораздо труднѣе: для ея разъясненія находимъ меньше ясныхъ указаній и они труднѣе поддаются обобщенію. Такую оцѣнку необходимо производить надъ каждымъ житіемъ особо и каждое требуетъ при этомъ отъ изучающаго особыхъ пріемовъ, ибо представляетъ очень разнооб-

разныя основанія для такой оцѣнки. Это было одною изъ главнѣйшихъ цѣлей сдѣланнаго выше подробнаго обзора изучаемой литературы. Изъ него можно впрочемъ извлечь нѣсколько общихъ руководящихъ наблюденій. Нельзя не замѣтить, что качество матеріала, какимъ могъ располагать составитель житія, было неодинаково въ разныхъ частяхъ біографіи. Обыкновенно она составлялась въ томъ мѣстѣ, гдѣ прервалась дѣятельность описываемаго лица, и по источникамъ, какіе здѣсь могъ собрать жизнеописатель. За весьма рѣдкими исключеніями мѣсто, гдѣ епископъ или основатель монастыря находилъ покой отъ земныхъ трудовъ, видѣло лишь послѣднюю, иногда непродолжительную часть его дѣятельности и только о ней сохраняло ясныя воспоминанія. Прежняя жизнь лица часто проходила совсѣмъ въ другомъ далекомъ краѣ и біографъ могъ найти о ней лишь смутныя и неполныя извѣстія. Весьма немногіе біографы находились въ положеніи Епифанія при составленіи имъ житія Сергія Радонежскаго, находили около себя живыхъ свидѣтелей разныхъ періодовъ жизни святаго. Къ этой обычной въ житіяхъ неполнотѣ источниковъ необходимо быть тѣмъ внимательнѣе, что біографы старались скрыть ее помощію реторическаго изобрѣтенія. Главное значеніе въ литературѣ житій по широтѣ дѣйствія и внутреннему качеству имѣли изустные источники. Первое мѣсто между ними занимаютъ живые свидѣтели, «самовидцы и памятухи» святаго, къ числу которыхъ могъ принадлежать и самъ біографъ. Послѣднее впрочемъ было сравнительно рѣдкимъ случаемъ: изъ 60 новыхъ житіи и редакцій, составленныхъ въ Макарьевское время и разсмотрѣнныхъ выше, можно насчитать не болѣе 12, которыя безспорно принадлежатъ очевидцамъ описываемыхъ святыхъ или въ которыхъ можно подозрѣвать перо современника. Чаще оставшіеся самовидцы передавали свои воспоминанія о святомъ біографу, который не зналъ его лично. Въ монастыряхъ дорожили «остаткомъ древнихъ отецъ»,

по выраженію біографа Варлаама Важскаго, видѣвшихъ святаго или помнившихъ его житіе, и стараясь сберечь ихъ показанія. За ними слѣдуютъ «достовѣрные сказатели», чрезвычайно разнообразные по степени достовѣрности: къ нимъ относились и люди, получившіе свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, отъ ближайшихъ учениковъ святаго, и люди, до которыхъ эти свѣдѣнія доходили въ видѣ смутной легенды, не помнящей своего происхожденія. Впрочемъ различное отношеніе самовидцевъ и достовѣрныхъ сказателей къ святому само по себѣ не всегда точно опредѣляло сравнительное достоинство ихъ, какъ источниковъ житія. Между измѣнчивыми по составу древнерусскими общинами не было ничего волнообразнѣе монастырскаго пустыннаго братства. Отъ учениковъ, заставшихъ послѣдніе годы жизни старца, біографъ не могъ получить такихъ полныхъ свѣдѣній, какія хранились гдѣ-нибудь между людьми, не знавшими святаго, но слышавшими о немъ отъ болѣе раннихъ его сотрудниковъ, давно разставшихся съ нимъ или умершихъ до написанія житія. Лучшимъ указателемъ при оцѣнкѣ такихъ источниковъ можетъ служить моментъ появленія житія, хотя опредѣлить его иногда всего труднѣе. Изустный источникъ можетъ бить обильной струею, но по самой природѣ своей очень слабо защищенъ отъ скорой порчи: связь, мѣсто и время, дѣйствующія лица и мелкія, но характеристичныя подробности событій быстро исчезали или спутывались въ памяти старцевъ—очевидцевъ. Здѣсь одна изъ причинъ неопредѣленности, блѣдности чертъ, которой вообще отличается разсказъ искусственнаго житія. Невозможно точно опредѣлить степень участія въ житіяхъ письменныхъ источниковъ сравнительно съ изустными; сами біографы выражаются объ этомъ не всегда ясно и достовѣрными сказателями называютъ иногда составителей первоначальныхъ записокъ. Вообще, не ставя воспроизведенія факта главной задачей своего труда и ища самой надежной опоры

для своего повѣствовательнаго авторитета не въ свойствѣ фактическихъ источниковъ, писатель житія бо̀льшею частію не считалъ нужнымъ подробно разсказывать читателю, откуда добылъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Это равнодушіе въ значительной степени объясняется и обстоятельствами, окружавшими написаніе житія. Ближайшей публикой, которую прежде всего имѣлъ въ виду біографъ, была братія одного съ нимъ монастыря, которая сама хорошо знала, чѣмъ онъ могъ воспользоваться для своего труда. Поэтому онъ ограничивался иногда замѣчаніемъ, что отважился на такой трудъ потому, что «извѣстно вѣдаетъ паче инѣхъ» житіе святаго и можетъ пользу сотворить, и предупреждая недовѣрчивые вопросы, прибавлялъ: да не подумаетъ кто-нибудь, что я не знаю истины о святомъ и писалъ неправо, что я не могъ столько лѣтъ помнить все, что̀ написалъ; нѣтъ, не говорите такъ, ибо я писалъ со словъ достовѣрныхъ свидѣтелей, и не дай мнѣ Богъ лгать на святаго, да не будетъ этого. Вообще очень немногіе говорятъ о своихъ поискахъ съ цѣлію собрать матеріалъ для житія или провѣрить свой разсказъ, по крайней мѣрѣ не говорятъ съ такою подробностію, какъ Моизенскій біографъ или Симонъ Азарьинъ; по-видимому немногіе даже и производили подобные поиски. Опредѣляя поэтому участіе письменныхъ источниковъ въ литературѣ житій приблизительно, глазомѣромъ, едвали ошибемся, сказавъ, что имъ должно отвести второстепенное мѣсто передъ изустными. Послѣ самовидцевъ и достовѣрныхъ сказателей всего чаще авторы житій ссылаются на старыя записки или свитки, о которыхъ не разъ была рѣчь выше. Бо̀льшая часть ихъ погибла, вытѣсненная изъ письменнаго обращенія житіями. По уцѣлѣвшимъ запискамъ Иннокентія о Пафнутіѣ Боровскомъ, Германа о Филиппѣ Ирапскомъ, неизвѣстныхъ авторовъ о Михаилѣ Клопскомъ, Евфросинѣ и Никандрѣ псковскихъ и Серапіонѣ Кожеозерскомъ, точно также по отзывамъ житій о

нѣкоторыхъ изъ пропавшихъ записокъ видно, что біографу иногда доставались обширные и исполненные любопытныхъ подробностей разсказы, не лишенные и книжнаго искусства. Но едвали не чаще встрѣчался онъ съ «писаніями вкратцѣ». По образчикамъ, какіе сохранились въ краткихъ запискахъ о Макаріѣ Калязинскомъ, Никодимѣ Кожеозерскомъ, Макаріѣ Высокоезерскомъ, можно видѣть, что эти писанія вкратцѣ были очень похожи на проложныя житія, передавая немногія наиболѣе крупныя біографическія черты въ простомъ разсказѣ. Сравненіе записокъ того и другаго рода съ правильными житіями, по нимъ составленными, позволяетъ заключить, что авторы послѣднихъ иногда сокращали первыя, чаще вставляли ихъ цѣликомъ въ свои труды среди извѣстій, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ; позднѣйшій редакторъ житія Серапіона Кожеозерскаго почелъ достаточнымъ просто переписать повѣсть стараго біографа, прибавивъ къ ней по мѣстамъ въ скобкахъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Вообще авторство и простое переписываніе въ древнерусской литературѣ житій жили не дальше другъ отъ друга, чѣмъ живутъ теперь въ русской учено-исторической литературѣ; древнерусскій списатель житія по крайней мѣрѣ давалъ обыкновенно свое освѣщеніе наивному разсказу старой записки и допускалъ извѣстную разборчивость въ матеріалѣ, отличая важное отъ второстепеннаго и опуская или перерабатывая ту или другую черту источника сообразно съ своей основной мыслью и съ требованіями агіобіографіи. Чтобы поставить свой разсказъ въ связь съ общими историческими событіями, въ которыхъ принималъ участіе описываемый святой, біографы обращались иногда къ общей лѣтописи. Но любопытнѣе было бы разъяснить существованіе и характеръ частныхъ, собственно монастырскихъ лѣтописей и опредѣлить ихъ отношеніе къ житіямъ. Возможность такой лѣтописи, какъ отдѣльнаго, исключительнаго явленія, доказывается трудомъ Паисія Яро-

славова; но исключительныя обстоятельства, вызвавшія это произведеніе, возбуждаютъ вопросъ, насколько можно обобщать такое явленіе. Обитель на Каменномъ островѣ—старинный княжескій монастырь, не имѣвшій прославленнаго церковію основателя. Послѣ монастырскаго пожара 1476 г. Паисій собралъ и изложилъ въ лѣтописной формѣ нѣкоторыя черты изъ исторіи монастыря; но онъ не былъ очевидцемъ и даже современникомъ бо́льшей части разсказываемыхъ имъ событій и записалъ ихъ какъ любознательный книжникъ, желавшій сберечь, что нашелъ о мѣстѣ своего постриженія во «многихъ старыхъ книгахъ». Такая же лѣтописная форма дана была первоначальной, составленной въ первой половинѣ XVI вѣка, краткой редакціи сказанія о Тихвинскомъ монастырѣ, въ которой записаны извѣстія о чудотворной иконѣ 1383, 1390, 1395 и 1507 годовъ [1]). По такимъ образчикамъ нельзя судить, насколько былъ распространенъ между первыми братствами, собиравшимися около основателей, обычай записывать современныя событія, касавшіяся ихъ новооснованныхъ обителей. Столь же мало объясняютъ дѣло немногія краткія редакціи житій, изложенныя въ лѣтописной формѣ на основаніи пространныхъ житій или другихъ источниковъ. Таково указанное выше повѣствованіе о Пафнутіѣ Боровскомъ; таковы два сказанія объ Іосифѣ Волоцкомъ и его монастырѣ: въ одномъ изложены выбранныя изъ Саввиной біографіи Іосифа главнѣйшія черты жизни святаго, другое есть сдѣланная по приказу царя Ѳедора Ивановича «выпись о началѣ Іосифова монастыря, о преп. игуменѣ Іосифѣ, какъ пришелъ на мѣсто сіе и которые по немъ игумены были и колько на игуменствѣ жили и гдѣ на властехъ были [2]). Отыски-

---

[1]) Волокол. сб. моск. дух. акад. половины XVI в. № 659, л. 425—428.

[2]) Выше стр. 208. Сказанія объ Іосифѣ въ волокол. рукоп. моск. дух. акад. XVI в. № 577, л. 296, и № 564, л. 73 и 75.

вая слѣды монастырскихъ записей современнаго описываемымъ событіямъ происхожденія, можно остановиться на житіи Діонисія Глушицкаго, написанномъ Иринархомъ: среди разсказовъ, неопредѣленностью чертъ указывающихъ на изустные источники, здѣсь встрѣчаемъ рядъ извѣстій, сохраненныхъ біографомъ въ той первоначальной несвойственной житіямъ формѣ, какую имѣли они въ погодной монастырской записи; Иринархъ называлъ и имена этихъ лѣтописцевъ. Признаки того же происхожденія носятъ на себѣ нѣкоторые разсказы въ древнѣйшей редакціи житія Михаила Клопскаго; объ одномъ пророчествѣ блаженнаго прямо замѣчено, что монахи записали тотъ день, когда оно было сказано. Ратманъ сольвычегодскаго магистрата Алексѣй Соскинъ, составляя въ 1789 г. исторію своего города, нашелъ старинную лѣтописную записку объ основателѣ монастыря на Сойгѣ Симонѣ, имѣвшую повидимому близкое ко времени жизни пустынника происхожденіе [1]). Въ рукописяхъ монастырскихъ библіотекъ встрѣчаются отрывочныя, разсѣянныя писцами или читателями, лѣтописныя замѣтки, касающіяся исторіи монастыря [2]). Сохранилось извѣстіе о «лѣтонаписаніи», которое велъ

---

[1]) Рукоп. гр. А. С. Уварова № 441, л. 172. Записка напеч. въ Ист. росс. іер. VI, 170: только приходъ Симона на Сойгу у Соскина помѣченъ 7046, а не 7047 г.

[2]) Для примѣра дѣлаемъ выдержки изъ „лѣтописца", веденнаго игуменомъ Іосифова монастыря Евѳиміемъ Турковымъ (волокол. рукоп. москов. дух. акад. № 412, л. 116 и 119): „Въ лѣто 7090, ноября въ 19, преставися благовѣрный христолюбивый государь нашъ царевичъ Иванъ Ивановичъ всея Русіи, сынъ благочестиваго и богомудраго царя и государя вел. кн. Ивана Васильевича, всея Русіи самодержца, а далъ по немъ государь нашъ, отецъ его, въ домъ Пречистыя злата и сребра и бисера много множество.— Въ лѣто 7071 преставися старецъ мой Ѳеодосій, архіепископъ бывшій В. Новаграда и Пскова, февраля 26, господинъ великій. Охъ, охъ! — Лѣта 7077 преставися старецъ Ѳеодосіе Плещеевъ, ученикъ архіепископа Ѳеодосія, ноября 24. Смерть, смерть! — Лѣта 7086 преставися старецъ Ѳеодосіе Ямской, братъ старицѣ Маринѣ (матери Евѳимія) іюля 2.—Преставися отецъ

въ послѣдніе годы своей жизни игуменъ псковскаго Печерскаго монастыря Корнилій, занося въ него современныя событія, касавшіяся этой обители. Трудно найти другія болѣе ясныя указанія на монастырскія лѣтописи, которыя могли служить источникомъ для житій. Слѣды ихъ, указанные выше, приводятъ повидимому только къ мысли, что между братствами пустынныхъ и городскихъ монастырей очень мало былъ распространенъ обычай записывать, что̀ совершалось среди нихъ и вокругъ, и біографъ очень рѣдко могъ пользоваться такимъ источникомъ; лѣтописную форму въ большинствѣ извѣстныхъ случаевъ принимали сказанія, составленныя гораздо позднѣе описываемыхъ событій и иногда на основаніи уже готоваго житія. Была практическая потребность въ одной записи, требовавшей показанія современника и самовидца, и можно предположить, что всего чаще лишь такую запись находилъ поздній жизнеописатель, если не было старыхъ біографическихъ записокъ: для совершенія ежегодной памяти по святомъ нужно было записать время его кончины, а для образа—нѣкоторыя черты его наружности. Такое предположеніе подтверждается большимъ количествомъ житій, повидимому составленныхъ исключительно по изустнымъ источникамъ даже не первой руки и однакожъ умѣющихъ обозначить если не годъ,

---

игумену Иванъ Ивановъ сынъ въ л. 7033, ноября 14, а Иванъ Турковъ дѣдъ, въ иноцѣхъ Іевъ, 7024 лѣта, марта 17, а Иванъ Жуковъ 7057, а подружіе его Анна въ лѣто 7077. Пострижеся многогрѣшный Еуѳимей лѣта 7059, іюля въ 5 день, при игуменѣ Гурьѣ, Пѣнковыхъ князей послужильцѣ (первомъ архіеп. казанскомъ)". — На послѣднихъ листахъ псалтыри Тр. Серг. лавры XVI в. № 327 приписано. „Того же (7055) лѣта далъ кн. вел. Иванъ Васильевичъ чудотворцу Сергію 3000 рублевъ. Того же лѣта купили монастыремъ село Буженино съ деревнями, дали на немъ 1000 рублевъ. Того же лѣта далъ кн. вел. Иванъ Васильевичъ къ Благовѣщенію на Киржачъ 12 деревень волостныхъ въ вотчину, да въ Нижнемъ Новѣгородѣ далъ Живоначальной Троицѣ и чудотворцу Сергію 7 деревень въ Стрѣлицѣ".

то число мѣсяца, когда преставился святой, и описать именно тѣ черты его наружности, которыя нужны для иконописца.

Житіе не оканчивалось кончиной святаго и для изображенія посмертнаго продолженія его дѣятельности біографъ гораздо чаще находилъ въ монастырѣ обильныя записки, похожія на лѣтопись. Посмертныя чудеса основателя были явленіями въ монастырской жизни, которыми болѣе всего дорожила братія. Указанія на монастырскую книгу чудесъ встрѣчаемъ даже тамъ, гдѣ благодаря небрежности или малограмотности монаховъ не сохранялось никакихъ записокъ объ основаніи и первоначальной судьбѣ монастыря. Пространное, правильно составленное житіе безъ посмертныхъ чудесъ — чрезвычайно рѣдкое исключеніе. Напротивъ иногда повѣсть о жизни святаго по объему и содержанію является не болѣе какъ бѣглымъ предисловіемъ къ гораздо болѣе обширному и тщательнѣе составленному описанію чудесъ. Біографическій разсказъ въ житіяхъ вообще отличается недостаткомъ хронологическихъ и другихъ указаній, необходимыхъ для полнаго воспроизведенія обстановки событія. Напротивъ изложеніе чудесъ рѣдко лишено такихъ подробностей: имя, возрастъ и общественное положеніе исцѣленнаго, мѣсто его жительства и разстояніе отъ обители, годъ, число мѣсяца и обстоятельства, при которыхъ совершилось чудо, — все это біографъ обыкновенно обозначалъ съ точностію, показывающею, что онъ пользовался записью, составленной тотчасъ послѣ событія, по горячимъ слѣдамъ. Эти особенности сообщаютъ описанію чудесъ живость и свѣжесть, которой оно рѣзко отличается отъ утомительнаго, однообразнаго біографическаго разсказа житій; ими же объясняется особенная любовь, съ которой изслѣдователи литературы относятся къ чудесамъ. Есть и прямыя указанія на приходскія или монастырскія лѣтописи чудесъ и на процессъ ихъ составленія. При церкви въ Яренгѣ, селѣ на Лѣтнемъ берегу Бѣлаго моря, со времени яв-

ленія мощей Іоанна и Логгина около половины XVI в., велись тетради, въ которыхъ служившіе при этой церкви соловецкіе монахи преемственно записывали чудеса угодниковъ. Въ монастырѣ Тихона Луховскаго съ открытія мощей пустынника въ 1569 г. непрерывно записывали чудеса его до 1649 года, когда составлена указанная выше редакція житія его, и одно изъ этихъ чудесъ, случившееся въ 1583 году, самъ исцѣленный сынъ боярскій «въ памятныя книги подписа своею рукою». Въ поздней редакціи сказанія о Толгской чудотворной иконѣ находимъ замѣчаніе, что о чудесахъ ея пространно пишется въ той обители. Сольвычегодскій ратманъ и исторіографъ Алексѣй Соскинъ пишетъ, что въ Христофоровой пустыни на Малой Коряжемкѣ и у сольвычегодскихъ обывателей есть лѣтописи объ этой обители, въ которыхъ записаны чудеса, въ ней совершившіяся со времени ея основанія Христофоромъ въ половинѣ XVI вѣка; въ своемъ повѣствованіи Соскинъ приводитъ длинную выписку изъ этихъ лѣтописей [1]. При возстановленіи обители Іосифа Заоникіевскаго въ началѣ XVIII в. поправили часовню надъ его гробомъ, который украсили пеленою, начали пѣть панихиды по пустынникѣ для приходящихъ богомольцевъ и поручили эконому записывать совершающіяся чудеса. Лѣтописаніе чудесъ не прекращалось съ появленіемъ житія, но примыкало къ нему, какъ его естественное продолженіе. Очень часто позднѣйшія прибавки не обозначались въ спискахъ житій никакой замѣтной чертой и отсюда происходитъ одно изъ главныхъ затрудненій для изслѣдователя при опредѣленіи времени, когда появилось житіе, если въ послѣднемъ нѣтъ прямыхъ указаній на это. Мы видѣли, что послѣ Досиѳея къ житію Соловецкихъ чудотворцевъ прибавлено было въ XVI и XVII в. нѣсколько новыхъ серій чудесъ. Послѣ Пахомія Логоѳета въ XVI в. описывались но-

[1] Солов. сб. № 871, л. 305. Рукоп. гр. А. С. Уварова № 441, л. 173.

выя, имъ опущенныя или послѣ него случившіяся чудеса Варлаама Хутынскаго, и нѣкоторыя изъ нихъ живо рисуютъ упадокъ дисциплины въ старыхъ богатыхъ монастыряхъ, обнаружившійся въ XVI вѣкѣ [1]). Обыкновенно чудеса записывались со словъ тѣхъ, съ кѣмъ они совершились, съ соблюденіемъ оттѣнковъ изустнаго разсказа, и въ такомъ видѣ переносились біографомъ изъ старыхъ записей въ житіе. Есть много указаній на то, что люди, умѣвшіе писать, сами записывали случившіяся съ ними чудеса и присылали записки въ монастырь или приходили туда и собственноручно вносили ихъ въ монастырскую памятную книгу. Между чудесами Антонія Сійскаго XVII в. помѣщена записка игумена Строкиной пустыни Евѳимія: живя въ Сійскомъ монастырѣ, онъ заболѣлъ глазами и исцѣлившись, переселился въ Строкину пустынь въ 1662 году, гдѣ началъ было писать о своемъ исцѣленіи, но остановился, подумавъ, «яко просто прилучися таковая вещь, безъ присвѣщенія, и не поймутъ ми вѣры»; возобновленіе болѣзни и вторичное исцѣленіе заставили его продолжать писаніе, которое потомъ было внесено въ повѣсть о чудесахъ Антонія. Въ 1683 г. одинъ дворянинъ самъ описалъ совершенное молитвой къ Никандру псковскому исцѣленіе своей дочери и это писаніе послалъ въ Никандровъ монастырь со многой милостыней хлѣбной и денежной: «мы же, прибавляетъ монастырскій редакторъ отъ лица братіи, пріемше сіе писаніе, прочтохомъ епредъ всѣми и повелѣхомъ сія вписати въ книгу житія и чудесъ преподобнаго». Вскорѣ послѣ кончины московскаго юродиваго Іоанна инокъ Трифонъ изъ Орѣшка прислалъ протопопу Покровскаго собора, гдѣ погребенъ былъ блаженный, письмо съ описаніемъ совершившагося тамъ чуда и это письмо внесено было въ записную книгу чудесъ

[1]) Унд. № 292, л. 42—88: 21 чудо Варлаама первой половины XVI в. Тр. Серг. Л. № 792, л. 161—217: 22 чуда егоже съ 1440 до 1572 года, когда они были описаны.

Іоанна, находившуюся въ томъ соборѣ. Случалось, что вдали отъ монастыря составлялись, и оставаясь ему неизвѣстными, долго ходили по рукамъ обширныя сказанія о чудесахъ его основателя; впослѣдствіи и они пріобщались къ монастырскимъ запискамъ. Такимъ порядкомъ записыванія чудесъ объясняется бо̀льшее разнообразіе ихъ литературнаго изложенія въ житіяхъ сравнительно съ біографическимъ разсказомъ; но этотъ же порядокъ дѣлалъ ихъ сказателей трудно уловимыми для какого-нибудь высшаго церковнаго надзора. Если чудо совершалось внѣ монастыря, считали достаточнымъ придти ко гробу святаго отслужить молебенъ и потомъ повѣдать игумену съ братіей о бывшемъ исцѣленіи или видѣніи: игуменъ повелитъ монастырскому лѣтописцу предать чудо писанію и лѣтописецъ только прибавитъ въ концѣ разсказа: «мы же, сія слышавше, прославихомъ Бога и писанію предахомъ, да не будутъ чудеса, дѣемая преподобнымъ, въ тимѣніи многолѣтнаго забвенія покровены». Въ 1652 г. «прохожій человѣкъ», отецъ котораго съ семьей остановился въ Вологдѣ на пути изъ Москвы въ Каргополь, послѣ вечерни въ трапезѣ разсказалъ братіи Галактіонова монастыря, какъ брату его, страдавшему огненной болѣзнью, на дняхъ явился во снѣ Галактіонъ и исцѣлилъ его отъ недуга; чрезъ нѣсколько дней разсказчикъ привелъ въ обитель своего брата для подтвержденія разсказа; мыже, иноцы, живущіи въ Галактіоновѣ пустыни, сія отъ того Стефана и брата его Іова видѣвше и слышавше, написахомъ вкратцѣ на пользу слышащимъ». Выше мы замѣтили, что чудеса были естественнымъ выраженіемъ вѣры къ святому, распространявшейся въ окрестномъ населеніи; этимъ объясняется взглядъ послѣдняго на оглашеніе чудесъ какъ на нравственную обязанность къ чудотворцу. Этотъ взглядъ раздѣляли и книжные люди, записывавшіе чудеса: по мнѣнію жизнеописателя Александра Ошевенскаго, скрыть чудо —дѣло невѣжества и неразумія, за которое должно будетъ дать

отвѣтъ Богу. Испытавъ чудо надъ собой или увидѣвъ его надъ близкимъ человѣкомъ, крестьянинъ считалъ долгомъ сходить въ монастырь, чтобы тамъ попросить братію предать его писанію. Когда біографъ Моизенскихъ чудотворцевъ оканчивалъ свой трудъ, пришла въ монастырь крестьянка и спрашивала, кто пишетъ чудеса Ѳерапонта, чтобы разсказать ему исцѣленіе своего сына. Монастырь не углублялся въ анализъ явленій, доходившихъ до него изъ нравственной жизни окрестнаго населенія, но старался быть ея вождемъ и указателемъ: значительная, если не бо́льшая часть чудесъ въ каждомъ житіи выходила изъ среды самой братіи. Встрѣчаемъ извѣстія, что новыя чудеса торжественно читались въ церкви передъ всѣмъ народомъ; но это дѣлалось не съ цѣлію провѣрить точность прочитаннаго разсказа. Въ монастырской братіи и среди мірскаго общества относились неблагосклонно къ мысли о такой повѣркѣ даже и тогда, когда она выходила не изъ личнаго сомнѣнія, а изъ церковныхъ требованій и производилась церковнымъ порядкомъ. Въ литературѣ житій до XVII в. есть любопытныя указанія на эту нелюбовь къ повѣркѣ: легенда и біографъ бичуютъ не только мірянъ за простое любопытство, съ какимъ заглядывали въ гробъ чудотворца, но и представителей іерархіи, являвшихся съ оффиціальнымъ порученіемъ осмотрѣть мощи и повѣрить чудеса, если они съ излишнимъ усердіемъ относились къ своей задачѣ. Лѣтъ черезъ 10 по открытіи мощей кн. ярославскаго Ѳеодора и его сыновей біографъ разсказывалъ о наказаніи, постигшемъ мѣстнаго архіерея и церковнаго слѣдователя за недовѣрчивость. Архіепископъ Трифонъ послалъ протопопа, мужа рѣчистаго, грамотѣ гораздаго и гордаго, дозрѣть мощей чудотворцевыхъ, разсмотрѣть, «исцѣленія отъ нихъ по правдѣ ли будутъ». Протопопъ не вѣрилъ этимъ чудесамъ, подозрѣвая, не игуменъ ли Спасскаго монастыря, гдѣ покоились мощи, дѣйствуетъ здѣсь нечистой силой «на прельщеніе человѣкомъ», чтобы пріобрѣсти богатство, «еже прино-

шаху граждане на молебны, къ рацѣ ихъ приходяще». Когда онъ съ такими мыслями приступилъ къ осмотру мощей, внезапный ударъ повергнулъ его на землю, у него отнялись языкъ, руки и ноги и онъ лежалъ въ разслабленіи, каясь въ своемъ окаянствѣ. Лѣтопись говоритъ, что Трифонъ отписался отъ своей епископіи, «бѣ бо боленъ велми», и удалился въ Спасскій монастырь. Ярославскій біографъ указываетъ причину болѣзни: услышавъ о бѣдѣ съ протопопомъ, владыка, раздѣлявшій его невѣріе и подозрѣніе въ волшебствѣ, содрогнулся и былъ пораженъ разслабленіемъ, удалился на покой въ монастырь къ мощамъ ярославскихъ чудотворцевъ и прожилъ тамъ до смерти, «плачася грѣховъ своихъ». Біографъ Даніила переяславскаго разсказываетъ, что когда митрополитъ и посланные имъ духовные слѣдователи потребовали у Даніила слишкомъ строгаго отчета, на какомъ основаніи онъ искалъ и открылъ мощи кн. Андрея смоленскаго, «егоже никтоже помняше», старецъ предсказалъ всѣмъ имъ различныя несчастія, вскорѣ исполнившіяся. Не лишено интереса, какъ выразилось въ этомъ дѣлѣ броженіе, произведенное въ Новгородѣ ученіемъ Косаго. Зиновій Отенскій въ словѣ объ открытіи мощей епископа Никиты разсказываетъ, что намѣстникъ, стоя у гроба, усомнился въ возможности, чтобы мощи сохранились впродолженіе 450 лѣтъ; но когда архіепископъ снялъ передъ нимъ покровъ съ мощей, епархъ «зазрѣ своему невѣрованію». Тогда же явились къ архіепископу «попы града», чтобы выразить свое сомнѣніе о новоявленныхъ мощахъ. Владыка, «невѣріе ихъ потязая», подвергнулъ ихъ церковному наказанію, «седмицу едину внимати себѣ повелѣвъ», и когда потомъ открылъ имъ гробъ Никиты, «общею волею попы съ народы просили у владыки разрѣшенія ежегодно приходить ко гробу Никиты всѣмъ городомъ для молебнаго пѣнія. Тотъ же Зиновій въ словѣ объ открытіи мощей архіепископа Іоны съ горечью вспоминаетъ о похулившемъ ихъ архимандритѣ Иларіонѣ, го

воря, что онъ былъ другъ и «стонщикъ» извѣстнаго покровителя еретиковъ Кассіана, епископа рязанскаго, и его присутствіе при торжествѣ помѣшало нѣкоторымъ въ храмѣ почувствовать благоуханіе отъ мощей. Въ XVII в. повидимому стали внимательнѣе относиться къ открытію мощей и строже повѣрять записи исцѣленій, чтобы устранить «затѣйныя чудеса», какъ выразился Симонъ Азарьинъ. Во второй половинѣ этого вѣка осудили какъ лживыя писанія повѣсть о Евфросинѣ псковскомъ, къ которой отнеслись съ полнымъ довѣріемъ на Стоглавомъ соборѣ, и житіе Анны кашинской съ чудесами, которое ни по литературному характеру ни по свойству источниковъ не отличается отъ многихъ житій, прежде написанныхъ и не подвергнувшихся такому осужденію. Біографы начинаютъ высказывать мысль, что нельзя записывать и распространять чудеса, которыя не были надлежащимъ образомъ провѣрены и засвидѣтельствованы: жизнеописатель Іуліаніи Лазаревской, упомянувъ о многихъ исцѣленіяхъ по открытіи мощей ея, прибавляетъ: «мы же сего не смѣяхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство». Въ большей части житій не находимъ слѣдовъ церковной оффиціальной повѣрки записанныхъ въ нихъ чудесъ; нѣкоторыя повидимому безъ нея составлялись и распространялись между читателями. Канонизаціи 1549 г. предшествовали «обыски о новыхъ чудотворцахъ», производившіеся епархіальными архіереями, которые, собирая житія, каноны и чудеса мѣстныхъ чудотворцевъ, руководствовались при этомъ показаніями мѣстныхъ жителей всякаго званія. Описанія этихъ обысковъ не сохранились, но о нихъ можно судить по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ обыскнымъ актамъ XVI и XVII в. Въ послѣднихъ есть черты, любопытныя для характеристики источниковъ, которыми пользовались біографы при описаніи чудесъ. Чудеса были необходимымъ условіемъ для церковнаго прославленія святаго. Въ древней Руси извѣстно было правило, которое требовало для

церковнаго признанія открывшихся мощей, «да сотворятъ три чудеса: глухъ да прослышитъ, нѣмъ проглаголетъ, слѣпъ да прозритъ; и аще сотворятъ чудеса, то отъ Бога и отъ св. апостолъ; аще ли не сотворятъ тѣхъ чудесъ, то не пріимите ихъ». Въ 1634 г. по мысли мѣстнаго архіепископа открыли гробъ кн. Михаила Ярославича тверскаго, не вынимая его изъ земли; чрезъ нѣсколько дней, какъ только копавшій могилу древодѣлецъ разсказалъ о совершившемся исцѣленіи его руки, архіепископъ съ соборомъ духовенства и дѣтьми боярскими святительскаго двора поднялъ гробъ изъ земли и поставилъ на приготовленномъ мѣстѣ въ храмѣ; потомъ начали приходить къ гробу больные и пѣть молебны. Это правило дѣлало необходимымъ оффиціальное церковное слѣдствіе для повѣрки чудесъ на мѣстѣ, если мощи открывались вдали отъ высшей церковной власти и не по ея почину. Порядокъ этого церковнаго процесса описанъ въ грамотѣ холмогорскаго архіепископа Аѳанасія, посланной въ Соловецкій монастырь въ 1690 году [1]). Отвѣчая согласіемъ на просьбу братіи праздновать въ монастырѣ память преп. Германа, онъ прибавляетъ, что этого нельзя сдѣлать безъ воли великихъ государей съ патріархомъ и безъ свидѣтельства, «не яко уничижая его (Германа) преподобство, но храня цѣлость святыя церкви догматовъ, яко издревле во св. православной вѣрѣ нашей обыкоша о св. Божіихъ угодникахъ предлагатися прежде о житіи и чудесѣхъ ихъ свидѣтельства достовѣрныя, по свидѣтельству же со благоволенія общаго православныхъ монарховъ и архипастырскаго составляются имъ службы и каноны и тако устрояются праздновати, безъ свидѣтельства же и безъ благословенія государскаго и святѣйшаго патріарха никакоже сіе состоятися и прочно быть можетъ». Выраженныя Аѳанасіемъ правила подтверждаются въ главныхъ чертахъ цер-

---

[1]) Сб. солов. библ. № 182, л. 14.

ковнымъ процессомъ объ Іаковѣ Боровицкомъ, производившимся въ 1544 году. Уже тогда ничего не знали о жизни Іакова и житіе его не было написано. Но сохранились акты, относящіеся къ процессу; не имѣя литературнаго значенія, они послужили потомъ матеріаломъ для столькоже витіеватаго, сколько скуднаго фактическимъ содержаніемъ слова о явленіи мощей Іакова [1]). По челобитью Боровицкихъ обывателей, духовенства и міранъ, новгородскій архіепископъ Ѳеодосій послалъ въ Боровичи соборнаго софійскаго священника съ діакономъ «смотрити мощей Іяковлихъ», давно лежавшихъ тамъ у часовни, «и о чудесѣхъ его испытати многими людьми и священники». Освидѣтельствовавъ мощи Іакова, посланные опрашивали про житіе его мѣстныхъ священниковъ и старостъ и волостныхъ людей добрыхъ, «сколь онъ давно туто лежитъ и есть ли на него туто памятухи и знахари». Ничего не узнавъ объ этомъ, слѣдователи собрали показанія о совершившихся у гроба Іакова исцѣленіяхъ и составили имъ опись, къ которой приложили руки всѣ духовныя лица, присутствовавшія при осмотрѣ мощей, и міряне, подтвердившіе своимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность происшедшихъ исцѣленій. Получивъ этотъ «обыскъ», архіепископъ послалъ его къ митрополиту и по грамотѣ послѣдняго нарядилъ новую коммиссію для торжественнаго перенесенія мощей отъ часовни къ новой церкви, прибавивъ въ своемъ посланіи къ Боровичанамъ: «и на пренесенье бы естя честныхъ мощей вы, дѣти боярскія и старосты и рядовичи и вси православные крестьяне шли съ женами и съ дѣтьми своими, и рацѣ бы естя св. мощи предали честно и благоговѣйно со свѣщами и милостынями, елико ваша сила». Съ тѣхъ поръ въ Боро-

---

[1]) Акты см. въ сб. Тр. Серг. лавры № 654, л. 74 и синод. № 234. Слово о явленіи мощей вмѣстѣ съ повѣстью патр. Никона объ Иверскомъ монастырѣ напечатано было въ книгѣ „Рай мысленный“, изданной въ типографіи этого монастыря въ 1659 г.

вичахъ ежегодно праздновали день перенесенія и начали записывать дальнѣйшія чудеса; по свидѣтельству Еп. Славинецкаго, запись прекратилась на 616-мъ чудѣ: это—сухой перечень исцѣленій, вѣрный образчикъ старыхъ монастырскихъ лѣтописей чудесъ, едвали даже заслуживающій названія литературнаго памятника. Новыя черты разсматриваемаго церковнаго процесса открываются въ дѣлѣ о Яренгскихъ чудотворцахъ. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о нихъ патріарху въ **1624** г. изъ Яренги подана была «чудесемъ роспись». По указу патріарха митрополитъ новгородскій поручилъ своему сыну боярскому вмѣстѣ съ игуменомъ Никольскаго Корельскаго монастыря повѣрить эту роспись на мѣстѣ, «окольными монастыри и государевыми черными и монастырскими волостьми и всякими людьми сыскати всякими сыски накрѣпко», какъ явились чудотворцы въ Яренгѣ и какія совершили здѣсь чудеса. Исцѣленныхъ ставили передъ коммиссіей, которая распрашивала каждаго изъ нихъ накрѣпко объ обстоятельствахъ исцѣленія. Данную ими «сказку» сыскивали или повѣряли ихъ родомъ и племенемъ, а показанія родимцевъ—«окольными тутошними всякими людьми». Для этого коммиссія, побывавъ въ Яренгѣ, объѣхала и всѣ окрестныя волости ближнія и дальнія, «для разсылки и письма имая съ собою изъ волости въ волость поповъ и дьяконовъ и земскихъ церковныхъ дьячковъ». Церковное порученіе, возлагаемое на игумена и боярскаго сына, митрополитъ называетъ «государевымъ дѣломъ», и по обстановкѣ его трудно отличить объ обыкновенныхъ дѣлъ тогдашняго гражданскаго управленія. Показанія, снятыя съ мѣстныхъ жителей и скрѣпленныя руками отцовъ ихъ духовныхъ, коммиссія отправила въ Новгородъ въ дворецкій приказъ митрополита. Въ позднѣйшихъ описаніяхъ чудесъ подпись духовнаго отца является однимъ изъ главныхъ доказательствъ дѣйствительности чуда. Такъ въ житіи Корнилія переяславскаго исцѣленные подаютъ братіи монастыря «подлинныя извѣстія», иногда

собственноручно ими написанныя и скрѣпленныя отцами духовными. Открывъ мощи Симеона въ Меркушинѣ, тобольскій митрополитъ Игнатій указалъ всѣмъ сообщать о чудесахъ его священникамъ Меркушина, которымъ поручилъ записывать эти разсказы; обыватель Верхотурья, повѣдавшій меркушинскому іерею о совершившемся съ нимъ чудѣ, посланъ былъ воеводой въ Тобольскъ къ митрополиту съ «письмомъ» объ этомъ чудѣ.

Разсматривая различныя условія, дѣйствовавшія на литературу житій, мы приводили разсѣянныя въ ней указанія съ подробностію, можетъ быть, превышающей задачи изслѣдованія. Съ помощію этихъ разсмотрѣнныхъ условій попытаемся отдать себѣ окончательный отчетъ въ литературномъ и историческомъ содержаніи житія. Мы видѣли, какъ измѣнялась его литературная форма; но съ житіемъ въ настоящемъ смыслѣ слова считали неразлучной ту искусственную форму, которая установилась и господствовала въ древнерусской литературѣ съ XV вѣка: какъ проложныя краткія памяти, такъ и простыя безыскусственныя записки разсматривались только какъ матеріалъ для правильныхъ житій или являлись вслѣдствіе позднѣйшей переработки послѣднихъ вызванной особенными обстоятельствами. Внѣшнія черты этой искусственности вышли изъ взгляда на житіе, какъ на церковное поученіе: онѣ состояли въ тѣхъ общихъ мѣстахъ, которыя въ видѣ предисловія и похвалы начинали или заканчивали собой біографическій разсказъ или въ видѣ ораторскихъ отступленій переплетали этотъ разсказъ нравственно-назидательными толкованіями излагаемыхъ событій. Нѣтъ нужды останавливаться на происхожденіи и свойствахъ какъ этого взгляда на житіе, такъ и этихъ общихъ мѣстъ: выше было указано, что литературной колыбелью житія была церковная пѣснь, а публикой — общество, которому былъ чуждъ простой историческій интересъ. Эти общія мѣста древнерусская агіобіографія усвояла по чужимъ образцамъ.

Но безъ преувеличенія можно сказать, что въ этомъ отношеніи русскіе ученики пошли гораздо дальше учителей. Въ переводныхъ греческихъ житіяхъ, обращавшихся въ нашей древней письменности, не найдемъ, говоря выраженіемъ Епифанія Премудраго, такого «плетенія словесъ», какимъ старался украсить свой трудъ древнерусскій біографъ. Разсказъ Кипріана и Пахомія Логоѳета кажется сухимъ и сжатымъ сравнительно съ изложеніемъ ихъ русскихъ подражателей XV—XVI в. Въ Макарьевское время нашли Пахоміеву біографію Никона Радонежскаго неудовлетворительной именно въ литературномъ отношеніи и передѣлали въ болѣе украшенномъ стилѣ. Въ житіяхъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на строгость, съ какою біографъ смотрѣлъ на свою задачу, но только съ литературной стороны. Ему было недостаточно одного умѣнья писать книжнымъ языкомъ: изложивъ свою повѣсть по-церковнославянски, но безъ реторическаго доброесловія, онъ подобно Досиѳею Соловецкому или Герману Столбенскому цѣлые годы продержитъ ее въ своей келліи, боясь явиться передъ читателемъ въ неустроенномъ видѣ, пока не найдетъ опытнаго мастера, который покроетъ его разсказъ блескомъ широкихъ словесъ. «Како везти къ архіепископу, пишетъ Досиѳей о своемъ трудѣ, стыжуся, понеже истину написахъ, но удобрити якоже бы сложно недоумѣхся». Слагатель самыхъ витіеватыхъ житій всего усерднѣе проситъ у читателя снисхожденія къ простотѣ своего пера, «понеже извитія словесемъ не вѣмъ, ни рѣшенія притчамъ навыкохъ, ни у философовъ учихся, грамотикія же и риторикія никогдаже прочитахъ». Любопытно, что въ древнерусской литературѣ житій первый голосъ, хотя раздавшійся въ пустынѣ, противъ философскаго извитія, наполняющаго «воздухъ словесы», поднялъ пріѣзжій литературный мастеръ: въ предисловіи къ житію Соловецкихъ чудотворцевъ Максимъ Грекъ одобряетъ Досиѳея именно за простоту изложенія, которой тотъ стыдился,

и противополагая ее суетной философской рѣчи, прибавляетъ: «наши же христіанскія похвалы, Богу приносимыя и святымъ Его, аще и проста бываютъ неухищренными глаголы, но благодарна и нескрыта и явствена всѣмъ на пользу слышащимъ». Зато недостатокъ біографическихъ свѣдѣній, при увѣренности въ литературномъ искусствѣ, никогда не останавливалъ древнерусскаго писателя; напротивъ Андрей Юрьевъ взялся за новую редакцію житія князя ярославскаго Ѳеодора, чтобы создать блестящій памятникъ витійства во вкусѣ времени, но не воспроизвести вполнѣ и тѣхъ извѣстій о князѣ, какія авторъ нашелъ въ старомъ краткомъ житіи его.—Общія мѣста житій не ограничиваются назидательными отступленіями: они открываются тамъ, гдѣ при первомъ взглядѣ могутъ показаться біографическіе факты. Типическій образъ святаго, какъ онъ рисуется въ житіяхъ, слишкомъ извѣстенъ, чтобы воспроизводить его здѣсь во всей полнотѣ. Въ немъ рядомъ съ чертами индивидуальными, имѣющими значеніе дѣйствительныхъ фактовъ, легко замѣтить черты общія, однообразно повторяющіяся едва ли не въ каждомъ житіи. Эти послѣднія по характеру своему двоякаго рода. Однѣ настолько широки, что не характеризуютъ жизни одного лица и, разумѣясь сами собою, не даютъ ничего новаго для его біографіи. Рѣдкій біографъ не начиналъ своего разсказа извѣстіемъ, что святой родился отъ благочестивыхъ, христіанскихъ родителей и въ извѣстный срокъ духовно возродился крещеніемъ, и это извѣстіе нисколько не зависѣло отъ того, зналъ или не зналъ біографъ что-нибудь о родителяхъ святаго. Таковы же описанія юности святаго и его первыхъ опытовъ въ иночествѣ, очень пространно и очень однообразно излагаемыя въ житіяхъ: это отвлеченныя характеристики благонравной юности и строгаго иночества вообще, а не черты изъ жизни Антонія Сійскаго или Арсенія Комельскаго; ихъ содержаніе есть лишь развитіе заглавія біографіи, ибо безъ этихъ чертъ

описываемая жизнь не могла бы стать предметомъ житія. Другія черты, не столь широкія по объему, имѣютъ условное значеніе: это біографическія гипотезы, необходимыя для полноты картины. Къ числу обычныхъ чертъ такого рода относятся извѣстія, что святой, родившійся въ глуши древнерусской деревни, именно на седьмомъ году выучивается грамотѣ и 12 лѣтъ уходитъ въ монастырь, внезапно увлеченный евангельскими словами о тѣхъ, кто оставляетъ родителей ради имени Христова, и біографъ заносилъ это въ разсказъ, хотя бы ничего не зналъ о дѣтствѣ святаго. Черты того и другаго рода проходятъ по всему житію и ихъ такъ много у біографа, что онъ могъ изъ нихъ однихъ составить довольно стройный біографическій очеркъ. Любопытна въ этомъ отношеніи попытка, на которую отваживается авторъ упомянутаго выше слова о явленіи мощей Іакова Боровицкаго: не зная рѣшительно ни одного живаго факта изъ жизни Іакова, онъ направляетъ ладью малохудожнаго своего слова по глубокому морю достохвальныхъ исправленій святаго и на многихъ страницахъ «воспоминаетъ по-возможному досточестно» его подвиги.—Есть наконецъ третій элементъ, входящій въ характеристику искусственнаго стиля житій: это извѣстный выборъ біографическаго содержанія. Какъ бы ни было житіе богато живыми подробностями, оно не удовлетворитъ историка. Біографъ освѣщалъ описываемую жизнь только съ нѣкоторыхъ и во всѣхъ житіяхъ все съ однихъ и тѣхъ же сторонъ, оставляя въ тѣни другія, для изслѣдователя самыя важныя. Отсюда происходитъ однообразіе впечатлѣнія, выносимаго изъ чтенія житій, различныхъ по литературной обработкѣ и по качеству біографическаго матеріала. Этимъ же объясняется въ нихъ недостатокъ внутренней стройности, плохо закрываемый архитектурной правильностью ихъ внѣшней формы. Говоря вообще, житіе есть лишь рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, изображающихъ торжественныя минуты въ

жизни святаго; будничные промежутки между ними оно обходило или вскользь бросало на нихъ блѣдный свѣтъ. Таковъ былъ разсчитанный планъ, отличавшій житіе отъ повѣствованія другаго рода: едва разговорившись о простыхъ житейскихъ подробностяхъ жизни Корнилія Комельскаго, біографъ его спѣшитъ остановиться, замѣчая: «сказанія бо (изустнаго разсказа) дѣло сіе, а не житія повѣсть».

Таковы главные пріемы искусственной агіобіографіи. Наша задача не ставитъ изслѣдователя въ необходимость разсмотрѣть ни тѣ пути, которыми эти пріемы проникали въ нашу старинную письменность, ни всѣ подробности ихъ развитія у нашихъ древнихъ книжниковъ. То и другое входитъ въ кругъ спеціальныхъ вопросовъ литературной исторіи житія. Для насъ важнѣе опредѣлить значеніе этихъ пріемовъ для древнерусскаго біографа, чтобы видѣть, какъ перо его обработывало описываемыя явленія. Простаго анализа искусственнаго стиля житій достаточно, чтобы замѣтить, что житіе и историческое повѣствованіе различно относятся къ предмету и второе не можетъ брать явленія въ томъ видѣ, въ какомъ даетъ ихъ первое. Надобно разобрать взглядъ древняго біографа на историческія событія и на свою задачу, чтобы не спрашивать его о томъ, на что онъ отвѣчать не думалъ, и не смотрѣть на вещи его глазами, которыми мы смотрѣть не можемъ.

Всѣ условія, вліявшія на литературу житій, клали въ основу житія церковно-моралистическій взглядъ на людей и ихъ дѣянія. Было бы однакожъ большой ошибкой думать, что біографъ святаго сходится въ точкѣ зрѣнія съ историкомъ-моралистомъ, для котораго поучительны въ исторіи и уклоненія отъ нравственнаго идеала. Древнерусское міросозерцаніе, на которомъ стоялъ біографъ, не любило подниматься на такую моральную абстракцію. Точнѣе опредѣлимъ это міросозерцаніе, сказавъ, что оно искало только непосредственнаго назиданія. Когда Епи-

фаній спрашивалъ у старцевъ разумныхъ, писать ли ему житіе Сергія, они очень наглядно выразили эту точку зрѣнія: «якоже нелѣпо и не подобаетъ житія нечестивыхъ пытати и писати, сице не подобаетъ житія святыхъ мужъ оставляти и не писати». Біографъ Варлаама Важскаго подробно указываетъ, чего именно искалъ древнерусскій читатель въ житіи: «святыхъ житія страхъ Божій вселяютъ въ душу, безстрашіе отгоняютъ, злыхъ престатіе, благихъ пріятіе вводятъ; тѣхъ бо житія зряще, въ чувство своихъ дѣлъ приходятъ, престатіе злыхъ помышляютъ; свѣтъ бо есть святыхъ житія и просвѣщеніе душамъ нашимъ». Задачей біографа передъ такими требованіями было извлечь изъ описываемой дѣятельности практическіе уроки жизни, представить въ біографическихъ чертахъ нравственныя парадигмы. Міръ, изъ котораго онъ бралъ необходимые для такого обобщенія образы, не былъ родной ему по происхожденію: это было восточное пустынничество, идеальную догму котораго онъ находилъ въ твореніяхъ отцовъ церкви объ иночествѣ, а практическое осуществленіе—въ патерикахъ и житіяхъ древнихъ христіанскихъ пустынниковъ.

Понятно равнодушіе, съ какимъ біографъ относился къ біографическому факту въ его дѣйствительной простотѣ. Этотъ фактъ имѣлъ для него цѣну только той стороной, которая укладывалась въ описанныя выше нормы или общія мѣста житій. Въ житіяхъ и связанныхъ съ ними церковныхъ службахъ можно найти много убѣдительныхъ доказательствъ этого равнодушія. Жизнь Ефрема Перекомскаго изображена почти буквально словами житія Александра Свирскаго. На Прокопія, юродиваго устюжскаго, біографъ его перенесъ цѣликомъ разсказъ изъ житія Андрея, юродиваго цареградскаго. Въ службѣ Ефрему Перекомскому повторены черты жизни, изложенныя въ службѣ Саввѣ Вишерскому. Въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой лавры есть мартовская служебная минея конца XVI вѣка, сохранившая на

себѣ слѣды церковнаго употребленія. Неизвѣстный составитель ея задумалъ написать службы и тѣмъ святымъ этого мѣсяца, которые не имѣли ихъ въ минеѣ, находившейся у него подъ руками. Для этого онъ воспользовался готовыми службами той же мартовской минеи и дословно или въ переработкѣ бралъ изъ однихъ стихиры, изъ другихъ каноны, иныя переписывалъ цѣликомъ на имя другаго святаго. Такъ случилось, что мирно скончавшійся въ Твери епископъ Арсеній въ канонѣ «мученическимъ увязеся вѣнцомъ», ибо этотъ канонъ выписанъ изъ службы исповѣднику Ѳеофилакту. Въ другой рукописи той же библіотеки сохранилась служба на обрѣтеніе мощей Филиппа Ирапскаго, воспѣвающая его даръ составлять церковныя пѣсни и творенія противъ ересей,—черты, не имѣющія ничего общаго съ извѣстнымъ житіемъ русскаго пустынника Филиппа, уединявшагося на Ирапѣ [1]). Такое отношеніе къ факту сообщало біографическому содержанію житій отвлеченность, которая дѣлала его неуловимымъ для простаго повѣствованія: дорожа лишь той стороной явленій, которая обращена къ идеалу, біографъ забывалъ о подробностяхъ обстановки, мѣста и времени, безъ чего для историка не существуетъ историческаго факта. Часто кажется, что въ разсказѣ житія таится мѣткое наблюденіе, живая черта дѣйствительности; но при анализѣ остается одно общее мѣсто. Между мелкими сочиненіями Максима Грека есть похвальное слово «нѣкоему пречудному древнему мученику, его же имя невѣдомо»: не указано, гдѣ, когда и кѣмъ совершенъ описанный въ немъ подвигъ цѣломудрія, и только въ концѣ замѣчено, что это сообщено Павломъ Ѳивеяниномъ великому начальнику иноковъ Антонію. Это слово стоитъ на одинаковой точкѣ зрѣнія съ житіями.

---

[1]) Служ. мин. въ Тр. С. л. № 541. Служба Филиппу въ рукоп. той же библ. № 654, л. 45, передъ выписанной выше (стр. 274) легендой о Филиппѣ.

Эта точка зрѣнія опредѣляла и отношеніе біографа къ русской исторической дѣйствительности. Онъ искалъ въ послѣдней отраженія другаго, хорошо знакомаго ему міра и цѣнилъ ее настолько, насколько она отражала этотъ міръ. Иногда онъ начиналъ житіе очеркомъ распространенія апостольской проповѣди, и въ словахъ его звучитъ чувство народной гордости, когда онъ передаетъ легенду о путешествіи на Русь апостола Андрея. Въ XIV и въ XVII в. онъ говоритъ о русскомъ общественномъ порядкѣ одинаковымъ языкомъ будто никакой перемѣны не произошло въ промежуткѣ. Зато онъ не былъ невнимателенъ къ судьбамъ церкви за предѣлами Руси и съ половины XV в. мысль его часто обращается къ неперестающему умножаться сонму русскихъ пустынножителей, какъ къ живому доказательству, что Русская земля теперь прямая и единственная наслѣдница древняго благочестія. Онъ любилъ повторять то мѣсто изъ Пахоміева предисловія къ житію Сергія, гдѣ книжный сербъ спрашиваетъ, откуда засвѣтился этотъ свѣтильникъ, не изъ Іерусалима ли или не съ Синая ли, и потомъ отвѣчаетъ: нѣтъ, изъ Русской земли, которая долго была омрачена кумирослуженіемъ и недавно сподобилась святаго просвѣщенія, но уже озарилась многими свѣтилами, «якоже той превзыти иже исперва просвѣщеніе пріемшихъ». Лѣсная русская пустыня становилась продолженіемъ опустѣвшей Ѳиваиды. Чѣмъ эта пустыня съ ея своеобразными условіями и обитателями отличалась отъ древней египетской, это не занимало русскаго инока-біографа. Онъ не скажетъ, хотя бы и зналъ, какъ и сколько деревень и починковъ явилось въ лѣсу подъ руководствомъ проникшей туда братіи; но онъ подробно разскажетъ о борьбѣ основателя съ тѣми же бѣсовскими «страхованіями», какія древній отшельникъ встрѣчалъ въ восточной пустынѣ.

Безспорно, древнерусскій біографъ своимъ историческимъ взглядомъ смѣлѣе и шире лѣтописца обнималъ русскую жизнь.

Можно даже сказать, что древнерусская мысль не поднималась выше того историческаго пониманія, какое усвоила и развила литература житій. Въ этомъ отношеніи ей принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи нашего умственнаго развитія.

Указавъ, какое значеніе придавалъ біографъ историческому факту и какъ его обработывалъ, легко понять, что житіе и историческая біографія смотрятъ на лицо прямо съ противоположныхъ сторонъ. Въ судьбѣ лица насъ занимаетъ болѣе всего борьба вѣчно борющихся историческихъ стихій, личности и среды, ее окружающей; взаимное отношеніе той и другой стороны служитъ лучшей характеристикой обѣихъ. Степень нашего интереса къ жизни лица опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ развило оно среди этой борьбы свою внутреннюю силу и самобытность и насколько стало выше окружающихъ условій, общаго уровня. Совсѣмъ иная точка зрѣнія въ житіи. Среда, изъ которой выходилъ святой, разсматривается въ немъ только какъ внѣшняя помѣха, ничего не дающая лицу и настолько слабая, что святой прямо изъ колыбели становился выше ея и уже въ дѣтствѣ училъ родителей правильному пониманію задачи жизни. Между общими мѣстами житій часто встрѣчаемъ бесѣду отрока съ матерью, которой его воздержаніе въ пищѣ и молитвенное бдѣніе внушаютъ тревожныя опасенія за здоровье сына: я не слышалъ,—отвѣчаетъ онъ на ея упреки и увѣщанія,—я не слышалъ, чтобы родители желали зла своимъ дѣтямъ: объяденіе и плотоугодіе не поставитъ насъ предъ Богомъ. Тѣ многоразличныя сочетанія личныхъ и общественныхъ условій, которыя производятъ такое безконечное разнообразіе характеровъ и которыя привязываютъ вниманіе наблюдателя къ судьбамъ людей живущихъ и отжившихъ, не имѣли никакой цѣны въ глазахъ біографа; да едвали и жизнь, изъ которой онъ бралъ явленія, давала обильный матеріалъ для такого наблюденія. И здѣсь, какъ въ понятіяхъ біографа, высшей задачей нравственнаго

развитія для лица было отрѣшиться отъ «долу влекущихъ мудрованій, паче же всего не имѣти своея воли». Для житія дорога не живая цѣльность характера съ его индивидуальными особенностями и житейской обстановкой, а лишь та сторона его, которая подходитъ подъ извѣстную норму, отражаетъ на себѣ извѣстный идеалъ. Собственно говоря, оно изображаетъ не жизнь отдѣльнаго человѣка, а развиваетъ на судьбахъ его этотъ отвлеченный идеалъ. Вотъ почему всѣ лица, жизнь которыхъ описана въ житіяхъ, сливаются передъ читателемъ въ одинъ образъ и трудно подмѣтить въ нихъ особенности каждаго, какъ по иконописнымъ изображеніямъ воспроизвести портреты: тѣ и другія изображенія даютъ лишь «образы безъ лицъ». И въ древнѣйшихъ и въ позднѣйшихъ житіяхъ неизмѣнно повторяется одинъ и тотъ же строго опредѣленный агіобіографическій типъ; только въ послѣднихъ черты его иногда становятся живѣе, какъ въ рисункѣ царскаго мастера Симона Ушакова оживляется и становится выразительнѣе прежній иконописный типъ.

Ясно, въ чемъ повѣствователь уклонится отъ исторической дѣйствительности, если цѣликомъ воспроизведетъ фактическое содержаніе житія, даже отложивъ общія мѣста его. Впрочемъ остаются нѣкоторые просвѣты въ литературномъ покровѣ, который житіе клало на явленія дѣйствительности. Изъ условій, при которыхъ писались житія, видно, что самыми надежными и болѣе другихъ доступными основаніями для критической оцѣнки каждаго такого историческаго источника служатъ моментъ его написанія и отношеніе автора къ святому. Отъ того и другаго много зависѣла не только достовѣрность біографическаго разсказа, но и самый выборъ біографическихъ чертъ. Общія мѣста отчасти были неизбѣжны для біографа, не располагавшаго достаточнымъ запасомъ свѣдѣній о святомъ. Житія, написанныя по личнымъ воспоминаніямъ автора, значительно отступа-

ютъ отъ обычныхъ пріемовъ агіобіографіи. Если они даютъ много мѣста реторикѣ и общимъ мѣстамъ, то-же превращаютъ ихъ въ біографическія черты. Епифаній въ біографіи Стефана пермскаго, объясняя съ обычнымъ краснорѣчіемъ процессъ зарожденія и развитія въ юношѣ мысли о суетѣ земнаго и объ отреченіи отъ міра, вставляетъ въ свое размышленіе слова Евангелія о тѣхъ, кто во имя Христа оставляетъ родителей и сродниковъ. Проложное сокращеніе Епифаніева труда, передавая это мѣсто подлинника, превращаетъ размышленіе біографа въ положительный фактъ: оно разсказываетъ, что Стефанъ рѣшился оставить міръ, услышавъ однажды въ церкви чтеніе указаннаго евангельскаго текста. Обзоръ источниковъ житій даетъ замѣтить, что біографъ очень рѣдко имѣлъ одинаково полныя и точныя свѣдѣнія обо всѣхъ періодахъ описываемой жизни. Въ житіяхъ основателей монастырей такія свѣдѣнія ограничивались большею частью временемъ жизни святаго въ новомъ монастырѣ. Вотъ почему разсказъ о судьбѣ святаго до этого періода въ житіяхъ особенно обиленъ общими мѣстами и даетъ мало годнаго историческаго матеріала. Но и описаніе жизни основателя въ новой обители не свободно отъ общихъ мѣстъ. Анализъ взгляда біографа на историческія явленія и его отношенія къ факту указываетъ, гдѣ нужно искать и въ этомъ описаніи живыхъ слѣдовъ дѣйствительности. Обобщенію, превращенію въ типическія формулы житія подвергались такія явленія русской жизни, которыя напоминали собой идеальные образы восточныхъ житій. Напротивъ, гдѣ являлись условія мѣстной древнерусской дѣйствительности, мало похожей на древнехристіанскую восточную пустыню, тамъ біографъ чувствовалъ себя въ большомъ затрудненіи: онъ не находилъ для нихъ готовыхъ красокъ въ своихъ образцахъ и старался говорить о нихъ меньше или вводилъ ихъ въ свой разсказъ въ первобытной простотѣ. Съ той же стороны получаютъ значеніе цѣннаго историческаго

матеріала и чудеса. Выше объяснено, что изъ всѣхъ частей житія описаніе посмертныхъ чудесъ святаго наиболѣе надежно по своимъ источникамъ. Какъ повѣсть о ежедневныхъ явленіяхъ монастырской жизни, въ которыхъ обитель приходила въ непосредственное соприкосновеніе съ окрестнымъ грѣшнымъ міромъ, это описаніе—незамѣнимый матеріалъ во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего па его изложеніи наименѣе замѣтна печать обычныхъ пріемовъ житій, общихъ мѣстъ и условныхъ представленій: по литературной формѣ своей это бо́льшею частію близкое воспроизведеніе наивнаго разсказа самихъ исцѣленныхъ. Далѣе, здѣсь біографъ покидалъ свою обычную невнимательность къ обстановкѣ, мелкимъ подробностямъ событія и передавалъ обстоятельно разсказъ источника или свои собственныя воспоминанія. Въ-третьихъ, описанія чудесъ—почти единственные литературные источники для исторіи монастырей по смерти ихъ основателей. Еще важнѣе то, что они бо́льшею частію единственныя записки о какомъ-нибудь темномъ уголкѣ Россіи, въ которыхъ мѣстное населеніе является съ своими нравственными и физическими недугами, иногда съ своими этнографическими и культурными особенностями. Наконецъ трудно указать другой отдѣлъ древнерусскихъ историческихъ памятниковъ, въ которомъ съ такою откровенностью и полнотой высказались бы потаенныя понятія какъ біографа, такъ и всего общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записка Иннокентія о послѣднихъ дняхъ учителя его Пафнутія Боровскаго (къ стр. 205).

О Господи, спаси же! О Господи, поспѣши же!

Владыко мой Господи Вседръжителю, благымъ подателю, Отче Господа нашего І. Христа! пріиди на помощь мнѣ и просвѣти сердце моё на разумѣніе заповѣдій Твоихъ и отверзи устнѣ моя на исповѣданіе чюдесъ Твоихъ и на похваленіе угодника Твоего, да прославится имя Твое святое, яко Ты еси помощникъ всѣмъ уповающимъ на Тя въ вѣкы. Аминь.

Възмагающу мя Господу Іисусу Христу и того свѣту, всенепорочнѣй Матери и угоднику ея, о немъ же мнѣ нынѣ слово, азъ же окаанный что имамъ рещи, невѣжда сый и грубъ, паче грѣховъ исполненъ?

Исповѣдати хощу о тацѣмъ свѣтилѣ, святѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Пафнутіи, аще и не достоинъ есмь отъ начала житіа его сповѣдати, ниже пакы онъ требуаше сія отъ мене, понеже Божій человѣкъ выше нашея похвалы, но души своей на въспоминаніе, паче же на обличеніе, да не реку на осуженіе, не вѣмъ како получивши сожительство такова мужа и многымъ лѣтомъ единокровенъ быти и толика ученія его насладитися и любви его со многымъ изообильствомъ воспріяти, аще и дерзостно ми есть рещи, якоже инъ никтоже.

Въ лѣто 6985, индикта 10, по святомъ же и честнѣмъ праздницѣ пасхы, въ четвергъ 3 недѣли, назавтрее Георгеева дни, въ 3 часъ дни, позва мя старець походити за монастырь. Егда же изыдохомъ, тогда начатъ шествовати къ пруду, егоже създа многымъ трудомъ своимъ. Егда же пріидохомъ на заплотъ, узрѣ потокъ водный, явльшійся подъ мостъ, и начатъ мя учити, како заградити путь водѣ. Мнѣ же о семъ рекшу: азъ иду съ братьями, а ты намъ указывай, ему же рекшу: нѣсть ми на се упражненія, понеже ино дѣло имамъ неотложно, по обѣдѣ имамъ нужнѣе дѣло,—пакы старецъ възвратися въ монастырь уже время литургіи. Егда же свершися божественная служба, тогда съ братьями въ трапезу по обычаю шествоваше и пищи причастися.

Егдаже 6-му часу скончавшюся, тогда пріиде ко мнѣ ученикъ старцевъ юнный Варсануфье и рече ми: старець Пафнотей посла къ тебѣ, поиди, идѣже ти самъ повелѣхъ. Мнѣ же смутившуся о семъ, скоро встахъ и идохъ къ старцу, и отворивъ дверь, и видѣхъ старца сѣдяща въ сѣнихъ у дверей на одрѣ въ велицѣ устроеніи, ничтоже глаголюща ко мнѣ. Азъ же рѣхъ ему: что ради не изыдеши самъ? нужи не имаши. Блаженный же рече ми: нужу имамъ, ты не вѣси, понеже съузъ хощеть раздрѣшитися. Мнѣ же недоумѣющуся и понеже страхомъ объятъ быхъ о необычныхъ его глаголѣхъ, не смѣяхъ ничтоже рещи и изыдохъ, на неже мя дѣло посла. Пояхъ съ собою братію, ихъ же ми повелѣ и преже со старцемъ бывшая ученика его Варсанофья, Зосиму и Малха, и мало тружьшіемся възвратихомся въ монастырь, ничтоже успѣвше, понеже многъ мятежь въ душахъ имѣюще. И обрѣтохъ старца въ кѣльи сѣдяща. Тогда глагола ми: скоро пошли ко князю Михаилу, чтобы ко мнѣ самъ не ѣхалъ ни присылалъ никого ни о чемъ, понеже ино ми дѣло пріиде. Егда же приспѣ вечерни время, тогда не возможе ити съ братіями на вечернее правило. По отпущеніи же вечерни братіа пріидоша къ кѣліи старца увѣдѣти, что ради не приде въ соборъ. Старець ни единому не повелѣ внити къ себѣ, рекъ: въ утреній день да сберутся вся братія. Такоже и на павечернее правило не возможе изыти, мнѣ же не отступающу его, рече бо ми: въ сій же день четвертокъ имамъ премѣнитися немощи моея. Мнѣ же дивящуся о необычныхъ глаголѣхъ, таже повелѣ ми павечерницу проглаголати, таже отпусти мя ити въ кѣлію мою. Мнѣ же не хотящу едва изыдохъ. Тогда не обрѣтохъ покоя всю нощь, но безъ сна пребывахъ, множицею и къ кѣлии старца прихождахъ въ нощи и не смѣяхъ внити, понеже слышахъ его не спяща, но молящася, ученику же его юну сущу, ничтоже отъ сихъ вѣдящу, точію сну прилежащу. Егда же бысть часъ утрени, тогда вжегъ свѣщу, поидохъ, понеже заповѣдь имамъ отъ старца преже многыхъ лѣтъ во время пѣніи приходити и часомъ времена являти. Повелѣ братіи поити на утренее славословіе, мнѣ же повелѣ у себе полунощницу и завтреню проговорити, самъ же въставъ сѣдѣше, дондеже скончахъ. Егда же бысть день, пятку сущу, тогда по молебномъ правилѣ священници и вся братіи пріидоша благословитися и видѣти старца. Старець же повелѣ всѣмъ безъ возбраненія входити и начатъ съ братіею пращатися. Старець же въставъ сѣдѣше. Прилучи же ся въ то время старець Кирилова монастыря, ему же имя Діонисіе, художествомъ часовникъ; тогда и тъ влѣзе съ братьею прощеніе пріяти. Діонисію же много молящуся, дабы его благословилъ рукою старець, ему же и слышати не хотящу, много же стужаше о семъ. Тогда оскръбився рече старець: что отъ мене, господине старець, отъ грѣшнаго человѣка ищеши благословеніа и помощи? я самъ въ часъ сей требую многы молитвы и помощи. Ему же изшедшу, старець же пакы воспомяну и глагола: что сему старцу на мысли? Я сѣжю, самъ себѣ не могу помощи, а онъ отъ

мене руки требѣаше. Братіи же всей собравшимся и немощнымъ и слѣпотою стражющимъ и по прощеніи не хотящимъ отыти, старець же понуди отыти когождо въ келью свою. Бѣ же тогда братіи числомъ 95. Мнѣ же не отступающу отъ старца ни на малъ часъ, старець же о всемъ млъчаше, развѣ точью молитву Іисусову непрестанно глаголаше. Егда же приспѣ часъ литургіи, приде священникъ благословитися по обычаю, понеже обычай имѣють священници на всякъ день благословитися у старца, въ кѣлью приходяще. Священникъ же пойде на божественную службу. Самъ же начатъ облачитися въ ризы своя, понеже хотяше ити въ святую церковь къ божественнѣй службѣ, мнѣ же ему съ братьею во всемъ помогающу. Егда же свершися святая литургіа, вземъ святыя дары, изыде изъ церкве, братіямъ его провожающимъ, шествуя съ пополохомъ, опочивая мало, не даяше себѣ свершенѣ прикоснутися братіи или водити весма, но со многымъ опасеніемъ приближахомся ему. Егда же бысть въ кѣліи, отпусти братію, самъ же взлеже немощи ради. Мнѣ же оставшу у старца, аще о чемъ помянетъ, ничтоже о пищи рече, точью повелѣ ми сыты мало воды сладчае дати себѣ жажди ради. Отнеле же разболѣся, ничтоже вкуси. По малѣ часѣ присла кн. Михайло Андрѣевичь діакона своего увѣдѣти, что ради не повелѣ ему старець у себе быти, якоже рѣхъ преже, и что прилучися старцу. Мнѣ же сказавшу, что князь присла, ему же ничтоже отвѣщавшу, точію отпустити повелѣ: нѣсть ему у мене ни о чемъ дѣла. Въ тоже время привезоша грамоты отъ предѣла Тверьскаго да деньги золотые, мнѣ же явившу ему, онъ же не повелѣ къ себѣ внити пришедшимъ. Азъ же, вземъ грамоты и деньги, принесохъ въ кѣлью къ старцу, таже явихъ ему: азъ прочту грамоты предъ тобою. Старець же не повелѣ прочести, повелѣ отдати принесшимъ. Мнѣ же глаголющю: повели мнѣ взяти, намъ то надобе, старець же оскорбися на мя и запрѣтя ми, рекъ сице: ты возмешь, ино то я взялъ. Обычай же имѣше старець всегда Пречистые имя нарицати и надежу имѣти, и рече: еще, брате у Пречистой есть братіи что пити и ѣсти; они прислали не моея ради пользы, но отъ мене грѣшнаго требують молитвы и прощенія, а я, видите, самъ наипаче во время се требую молитвы и прощенія. Азъ же ничтоже ино рѣхъ, точью прощенія прося о всемъ, и отпустихъ я отъ монастыря со всѣмъ, и испытахъ ихъ, о ней же вещи пріидоша, и вся тако суть, якоже ми старець рече.

Обычай же бѣ старцу: егда кто отъ братіи въ немощь впадаше, тогда старець прихожаше къ брату и воспоминаше ему послѣднее покааніе и святыхъ даровъ причащеніе; о себѣ же ничтоже о сихъ глаголаше, намъ же дивящимся, еда како въ забвеніе приде о сихъ старець. По малѣ часѣ приде церковный служитель глаголя: время вечерни приближися. Намъ же глаголющимъ, старець начатъ осязати ризы свои. Мнѣ же въпросившу: камо хощешь изыти, еда нужи ради коея? Ему же рекшу: имамъ ити къ вечерни, начахомъ старца облачити въ ризы его; таже взятъ посохъ свой, намъ же спомогающимъ

ему со обою страну, не дадяше старець пріимати за руцѣ, развѣе за ризы помогахомъ ему. Егда же приде въ церковь, тогда ста на своемъ мѣстѣ, азъ же ему уготовихъ сѣдалище. Старець же, на посохъ руцѣ положь, таже главу преклонивъ, стояше. Егда же братія начаша стихиры пѣти, тогда старець начатъ пѣти съ братіею по обычаю. Обычай же имѣше старець ни единого стиха минонити съ молчаніемъ, но всегда пояше съ братіею. Егда же случашеся не услышати ему стиха или коего слова въ стихѣ, тогда повелѣваше конопарху паки возвращатися множицею и повторяше стихы, дабы извѣстно разумѣлъ. Скончанѣ же бывши вечерни, наченьшу священнику понахиду, понеже преданіе святыхъ отець по обычаю церковному въ патокъ вечеръ всегда помяновеніе о усопшихъ бываеть, братія хотяще старца въ кѣлью вести, ему же не хотящу, рече бо: азъ требую паче слышати, понеже мнѣ нужнѣйше, къ тому не возмогу слышати. Братія же начаша пѣти *Блажени непорочни*, старець же усердно припѣваше братьямъ, якоже братіамъ мнѣти, еда како легчае ему бысть. По скончаніи правила излѣзе старець изъ церкве. Идущу же ему въ кѣлью, священници же и прочая братья шествують по старцѣ провожающе. Егда же приде въ кѣлью, тогда отпусти всѣхъ съ благословеніемъ и прощеніемъ и самъ у всѣхъ простися. Мнѣ же и иному брату, именемъ Варсановью, не отлучающуся ни единого часа, старцу же взлегшу изнеможенія ради тѣлеснаго, намъ же безмолвствующимъ, и по малѣ часѣ приде пономарь, прося благословенія на павечернее правило. Старець братіямъ повелѣ пѣти, самъ же не возможе поити, мнѣ повелѣ у себе проговорити павечерницу. По соборномъ отпѣтіи паки приде Арсеніе, азъ же рѣхъ ему: азъ иду въ кѣлью, ты же возми свѣтилникъ, вэжи да посѣди у старца, дондеже пріиду. Обычай же бѣ старцу никогдаже по павечернѣмъ правилѣ свѣщѣ или свѣтилнику горѣти, но всегда въ нощи молитву творяше, множицею же сѣдя усыпаше, верницу въ рукахъ держаше, Іисусову молитву глаголаше. Егда же вэжен бысть свѣтилникъ, старець же во изнеможеніи лежаше, азъ же, пріемъ благословеніе, идохъ въ кѣлью мою малаго ради покоя. Едва уснухъ отъ многыхъ помыслъ о старцѣ, паки же скоро убудився, встахъ и идохъ въ кѣлью старца. Старецъ же лежаше, молитву творяше. Азъ же, сотворь молитву, възвѣстихъ ему утрени часъ. Старець же не возможе поити, азъ же глаголахъ ему полунощьницу и прочее правило, онъ же въставъ сѣдѣше, моляшеся. Егда же бысть день, обычаи же бѣ многолѣтный старцу на всякъ день молбены пѣти, или праздникъ или простъ день, иногда дващи, множицею и три случашеся. Братія же начаша пѣти въ соборѣ, мнѣ же повелѣ у себе проговорити канонъ Іисусовъ, таже Пречистой похвалный. Егда же изглаголахъ, тогда же мало умлъчахъ, таже съ тихостію въставъ, начахъ себѣ часы глаголати. Старецъ же въставъ сѣдѣше, азъ же въпросихъ: что ради въставъ сѣдиши? еда вонъ хощеши изыти? Ему же рекшу: сего ради сѣжю, ты часы глаголеши, а мнѣ лежать? Мнѣ же удивльшуся

Іоанову trезвѣнію блаженнаго, по малѣ же начатъ понуждати на божественную службу, азъ же възвѣстихъ служителю церковному; старець же начатъ облачитися въ ризы своя, намъ же спомогающимъ ему. Старцу же пришедшу въ церковь, стоящю же ему на обычномъ мѣстѣ, егда же свершися божественная служба, старцу по обычаю вземшу св. доры, изыде изъ церкве. Егда же бысть въ кѣліи, азъ же уготовахъ ему малы потребы, еда како вкусити восхощетъ. Отнелиже разболѣся, ничтоже вкуси, развѣ воды мало медомъ услажены, едва познаватися сытѣ, меду же кислаго или квасу никакоже вкуси. Мнѣ же понужающу вкусити немощи ради, старець же рече ми: не токмо не полезно есть, но и пагубно піаному умрети. Мартирію же діакону сущу, тогда по старцеву благословенію имущу службу на трапезѣ представляти медъ и пиво братьямъ, тогда ему пришедшу благословитися у старца, что повелить братіи взяти на трапезу пити. Старець же повелѣ ему медъ лучшій всегда взимати на трапезу, рекъ сице: братіа да пьють послѣ мене, міряне то попіють. Азъ же рѣхъ ему: днесь и самъ вкуси, понеже суббота есть, еще же пятдесятница. Старець же ми рече: и азъ вѣмъ, что суббота и пятдесятница, но писано въ правилехъ: аще и велика нужа будетъ, ино три дни попоститися болящему причащенія ради святыхъ таинъ; мене же видиши немощна суща; аще Господь сподобитъ и Пречистая Богомати, заутра хощу причаститися св. тайнамъ. Мы же почюдихомся великому его опасенію, преже помышляхомъ, якоже напреди рѣкохъ, еда како въ забвеніе приде о сихъ старець, а онъ отнелиже разболѣся, отъ того часа посту прилежаше, а намъ ничтоже о сихъ яви. Таже братію отпусти въ трапезу ити на обѣдъ, самъ же мало упокоися немощи ради, братьи же заповѣда, да не стужають ему ни о чемъ, дондеже сподобится божественнаго причащенія св. даровъ. Се же ему обычай бяше многолѣтный: егда хотяше причаститися св. тайнамъ, тогда всю недѣлю пребываше молчя не токмо отъ міряанъ, но и съ братьею не глаголаше и о нужныхъ вещехъ, ни живущему съ нимъ въ кѣлии что глаголаше. Постъ же ему всегда обыченъ бѣше. Намъ же отшедшимъ кождо въ кѣлью свою, по малѣ времени посылаетъ ученика своего и призываетъ священника, именемъ Исаія. Преже не бѣ ему обычай сего призывати. Священнику же вшедшу въ кѣлью старца и стоящу, старець же съ смиреніемъ начатъ глаголати ему о духовныхъ дѣлехъ. Священнику же о семъ недоумѣющуся, пачеже страхомъ и трепетомъ одержимъ о старцевыхъ глаголѣхъ, якоже самъ извѣствоваше мнѣ. Таже повелѣваетъ ему покааніе прочести и прочая по ряду и благословеніе пріемлетъ и прощенію сподобляется, преже отъ Бога прощеный. Въ тоже время присылаеть князь Михайло Андрѣевичь духовника своего попа Ивана старца посѣтити, и самъ князь много желаше ѣхати къ старцу, но не смѣяше безъ повелѣнія; аще ли не повелить ему быти у себе старець, да благословить и простить его старець и сына его кн. Ивана. Старець же не повелѣ попу Ивану къ себѣ внити

ниже бесѣды сподобитися. Онъ же много братію моляше ни единого обрѣте довести его до старца. Послѣжде и ко мнѣ приходить со княжимъ словомъ, чтобы видѣти старца и княземъ повелѣнная глаголати. Мнѣ же вѣдящу старцевъ разумъ и твердость нрава, не смѣющу о томъ и глаголати, ему же много на се мя нудящу, азъ же единъ идохъ къ старцу и сказахъ ему, что князь Михайло прислалъ попа Ивана тебе видѣти и чтобы еси благословилъ и простилъ князя Михайла и сына его князя Ивана; ему же молчащу, азъ же не обрѣтъ дръзновенія къ старцу, по малѣ часѣ восхотѣхъ изыти, сотворивъ метаніе. Преподобная же она глава ни тогда мя скорбяща отпусьти, рече бо ми: дивлюся князю, съ чѣмъ присылаеть: сына моего благослови князя Ивана, а князь Василей ему не сынъ ли? самъ на ся раздѣлися, Богъ вѣсть, гдѣ имать обрѣсти миръ и благословеніе. Таже рече ми: ни о чемъ ему у мене дѣла нѣтъ, аще и самъ князь бы былъ. Азъ же и нехотя сія вся извѣстихъ попу Ивану. Онъ же не увѣрися моими словесы, на ину мысль преложися, восхотѣ вечерни ждати, да сподобится бесѣды и благословенія отъ старца. Егда же бысть время вечерни, тогда съ старцемъ идохомъ въ церковь. Попъ же, предваривъ южными враты, скоро вниде въ церковь, хотя получити желаемое. Старець же, ощутивъ пришествіе попа, скоро вниде въ светый олтарь. Егда же попъ изыде изъ церкве, таже и отъ моностыря, тогда старець излѣзъ изъ церкве, идяше въ кѣлью свою; таже отпустивъ братію, ктому ничтоже бесѣдуя, понеже на всенощное пѣніе съ братіею готовишеся, рече бо: ктому прочее не мощно ми будетъ напредъ свершити. Мы же мнѣхомъ: изнеможенія ради тѣлеснаго сія глаголетъ; послѣжде разумѣхомъ, яко отшествіе свое назнаменаше намъ не явѣ, но яко да не оскорбитъ насъ. Таже повелѣ мнѣ у себе Святыя Троица канонъ проговорити, самъ же бѣ во мнозѣ подвизѣ. Мало по захоженіи солнца самъ воздвиже братію на всенощное бдѣніе, понеже на се много усерденъ бѣ, братіямъ же дивящимся многому его тщанію; никакоже ослабѣ, дондеже свершися всенощное правило, уже дни освитающу умаленія ради нощнаго. Тогда повелѣ Іосифу крилошанину правило ему обычное свершати, таже и къ св. причащенію молитвы изглаголавъ. Старець же начатъ поспѣшати со многымъ тщаніемъ, шествуя во св. церковь, священнику же повелѣ свершати святую литургію, самъ же пребысть въ святѣмъ жрьтвеницѣ до причащенія божественнаго тѣла и крове Христа Бога нашего. Егда же свершися божествевная служба, старець пріиде въ свою кѣлью, братьи провожающимъ его. мнѣ же мало нѣчто уготовльшу, аще пищи причаститися восхощеть, — отнелиже разболѣся, ничто же вкуси, — братьямъ же понудившимъ на се. Старець же не восхотѣ насъ оскрьбити, не естеству желающу, мало нѣчто вкуси, паче же братію понуди ясти отъ уготованыхъ ему; онъ же отъ многагаго труда упокоися мало.

Въ тоже время отъ великаго князя Ивана Васильевича скоро достигоша посланія, понеже нѣкоимъ мановеніемъ или отъ

Бога или отъ скоропришедшихъ человѣкъ возвѣщено бысть ему. Посланный же Ѳедя Викентіевъ приходить ко мнѣ и рече ми слово великого князя: доведи мя до старца до Пафнотья, князь великій послалъ къ нему грамоту свою. Азъ же рѣхъ ему: никтоже отъ міранъ входить къ старцу, ниже самый князь, аще ли же истинну ти реку — ни славый тя видетъ. Онъ же рече ми: и ты донеси посланіе и возвѣсти ему. Азъ же, вземъ запечатано посланіе, принесохъ къ старцу и сказахъ ему вся подробну реченная посланнымъ. Старецъ же ми рече: отдай то посланіе паки принесшему, да отнесетъ пославшему: уже ничтому ничтоже требую отъ міра сего, ниже чести желаю, ниже страха отъ міра сего боюся. Азъ же рѣхъ ему: вѣмъ и азъ о тебѣ, сія тако суть, но Бога ради намъ полезное сотвори, понеже хощетъ князь великій о семъ оскрьбятися; не разгнѣви его. Старець же паки рече ми: истину вамъ глаголю, не разгнѣвите Единого, ничтоже вамъ успѣсть гнѣвъ человѣчьскый, аще ли же Единого разгнѣвите, еже есть Христосъ, никтоже вамъ помощи можетъ: а человѣкъ аще и разгнѣвается, паки смирится. Авъ же не смѣяхъ ничтоже рещи, точью изшедъ рѣхъ ему вся предреченная и посланіе отдахъ, онъ же и не хотя скоро изыде изъ монастыря и съ посланіемъ. Въ тоже время присиѣ посланый отъ матери великого князя, христолюбивые и благочестивые великіе княгини Маріи, понеже велику вѣру имѣше къ Пречистые монастырю и любовь къ своему богомольцу старцу Пафнотью, якоже инъ никтоже; аще и не бѣ преже такова, но добродѣтелію старцевою усугуби сторицею преложеніе свое на благое къ старцу со истиннымъ покаяніемъ. Таже и отъ великіе княгини Софьи Грекини присиѣ посланый съ посланіемъ, еще же и денги златые приносить. Мнѣ же старцу возвѣстившу, старець же никако отъ принесеныхъ взяти повелѣ, паче же оскорбися многато ради стуженія. Множае же азъ оскорбихся. молву творя старцу, пришедшимъ на се нудящимъ мя по слову посылающихъ; азъ же, изшедъ отъ старца, отпустихъ ихъ и со златомъ. Не токмо же отъ князь и отъ княгинь, но и отъ прочего народа, отъ боляръ же и отъ простыхъ со всѣхъ странъ приходящихъ, мы же о сихъ ничтоже старцу рещи смѣяхомъ, понеже искусихомся отъ предреченныхъ. Паки же пріидохъ къ старцу, тогда рѣхъ ему: добрѣ неможешь, государь Пафнотей! Старець же рече ми: ни такъ ни сякъ, видиши, брате, самъ, болѣ не могу, понеже изнеможеніе тѣлесное приде, а выше силы ничтоже ощущаю отъ болѣзни. Отъ пищи же ничтоже вкушааше, питаемъ бо бѣ Божіею благодатію; аще и повелить что устроити на вкушеніе, егдаже принесена будуть, тогда сладцѣ похваляше и глаголаше братіи: ядите, а я съ вами, понеже добра суть, видящимъ, якобы рещи по Лѣствичнику, чрѣвообьястна себе показоваше. Пища же его бѣ всегда братнее угоженіе, самъ же всегда худѣйшая избираше; не тъкмо о пищи, но и келейное устроеніе вся непотребна. Еще же и ризы его, мантія, ряска, овчая кожа, сандалія ни единому отъ просящихъ потребна быша; бесѣда же его вся проста, сладцѣ бесѣ-

доваше, не токмо братіямъ, но и мірскымъ и страннымъ, не по человѣкоугодію, но по Божію закону вся глаголаше, паче же дѣлы творяше, не устыдѣся никогдаже лица княжска или болярска, ни приносомъ богатыхъ умягчися когда, но сильнымъ крѣпко закону соблюденіе глаголаше и заповѣдемъ Божіимъ, простымъ же также бесѣдоваше, братію нарицаше, никтоже отъ бесѣды его изыде скорбенъ когда, многымъ же и сердечныя тайны бесѣдою отверзаше, они же отходяще чюдящеся славляху Бога, прославляющаго своя угодникы. И что много глаголю? Аще сія вся по единому начьну изчитати, не довлѣеть ми все время живота моего, но сія вся совокупивъ, вкратцѣ реку: ничимъ же скуденъ бѣ въ добродѣтелехъ дивный сей древнихъ святыхъ, глаголю же Өеодосіа, Савы и и прочихъ святыхъ. Пакы же нощи наставши, прежереченный братъ Варсонофье вжизаеть по обычаю свѣщникъ, старцу же сего не требующу, якоже преже рѣхъ, но намъ не терпящимъ свѣтило душъ нашихъ во тмѣ оставити. Мнѣ малаго ради покоя отшедшу въ кѣлью, пакы помалѣ возвратихся къ старцу, обрѣтохъ его не спяща, Інсусову молитву глаголюща, брата же сѣдяща и дрѣмлюща; азъ же възвѣстихъ старцу часъ утреня, онъ же братіямъ въ соборѣ по обычаю вся повелѣ свершити, мнѣ же повелѣ у себе обычьная правити, якоже всегда обычай ему бѣше.

Понедѣлнику же наставшу, во время божественныя службы, пакы старець въ св. Божію церковь шествуя со многымъ трудомъ, братіямъ помогающимъ, по свершеніи божественыя службы братьямъ выпрашающимъ, аще что похощеть вкусити, старцу же не хотящу, токмо мало испиваше сыты, якоже преже рѣхъ. Егда же упокоися мало старець, азъ же отъ многыхъ помыслъ боримъ, како хощеть послѣ старца быти строеніе монастырьское, понеже старець ничтоже о сихъ глаголеть, аще вопрошю его о семъ или ни, таже сотворихъ молитву, ему же отвѣщавшу аминь, тогда начахъ со умиленіемъ глаголати.

Вопросъ Инокентіевъ. Государь Пафнотей! повели при своемъ животѣ написати завѣщаніе о монастырьскомъ строеніи, какъ братіи по тебѣ жити и кому игумену быти повелиши,—старцу же молчащу.

Отвѣтъ Пафнотіа старца. Таже по малѣ часѣ начатъ глаголати старець, слезамъ изо очію текущимъ: Блюдите убо сами себе, братіе, какъ чинъ церковный и строеніе монастырю хощете имѣти; пѣсньнаго правила никогдаже преставляйте, свѣщамъ вжизанія просвѣщайте, священници держите честно, яко же и азъ, оброка ихъ не лишайте, божественыя службы да не оскудѣвають, тѣми бо вся поспѣются, трапезы отъ любостранна не затворите, о милостыни попецѣтеся, просяща потребная тща не отпустите, отъ міра приходящихъ бесѣдъ удаляйтеся, въ ручнѣмъ дѣлѣ тружающеся, сердце свое хранѣте всяцѣмъ трезвѣніемъ отъ помыслъ лукавыхъ, по павечернѣмъ правилѣ бесѣдъ не творите другъ со другомъ, кождо во своей кѣльѣ да безмолвствуеть, соборныя молитвы не отлучайтеся никакою

нужею развѣе немощи, весь уставъ и правило церьковное кротко и немятежно и молчаливо, и просто рещи, якоже мене видите творяща, и вы творите; аще бо тѣхъ заповѣданнаа мною не презрите, вѣрую Богови Вседрьжителю и того всенепорочнѣй Матере-свѣту, не лишитъ Господь всѣхъ благыхъ ему своихъ мѣста сего. Но вѣкъ, яко по отшествіи моемъ Пречистые монастыря будеть мятежникъ, много, мню, душю мою смути и въ братія мятежь сотвори; но Пречистая Царица мятежникы утолить и бурю мимо ведеть и своему дому и въ немъ живущей братіи тишину подасть.—Аще ли же реченная мнъ, братіе, не вѣрна мнятся, не буди мнѣ лгати на преподобнаго, понеже и свѣдѣтеліе суть неложніи: пріидоша тогда братія на посѣщеніе старца, Іосифъ, Арсеней и Варсанофей и келейникъ старцевъ, сія слышавше, дивяхуся, что хотятъ ся быти. Отцы и братіе! Господа ради простите ми сіе, понеже написахъ сія, не судя братіи своей; не буди то, но почюдихся старцеву проречению, понеже сія вскорѣ въ дѣло произыдоша; единъ день пятокъ безмолвствова, въ онь же день старца во гробѣ положихомъ; прочая же напреди явлена будуть. Егдаже старець сія изглагола, таже умолче изнеможенія ради тѣлеснаго, дня уже скончавающуся. Таже нощь препроводи въ обычныхъ правилѣхъ.

Третьему дни седмици наставшу вторнику, таже пакы отъ утра начинаеть безмолвіе, не повелѣ себѣ стужати ни единому отъ братіи, желаше паки причастникъ быти тѣлу и крови Христовѣ, понеже празднику наставшу преполовеніе пятьдесятницы. Мнѣ же съ молчаніемъ сѣдящу у старца со ученикомъ его, старець же глаголаше псалмы Давидовы со гласомъ не отъ единого ни отъ двою, но отъ многыхъ избраніе творя, таже премѣняя пояше молбены, Пречистой похвалный канонъ, таже и Одигитріѣ, еще же и *Многими содрьжимъ напастьми*, таже и по Евангеліи стихъ Богородици: *Не остави мене въ человѣческое предстоя.* Се же беспрестани творяше не единою ни дващи, но и множицею паки тоже начинаше, намъ же дивящимся необычному его грамесословію, но понеже не смѣяхомъ ни о чемъ же подвигнути слова, токмо ужасохомся, что хощеть сіе быти. Еще же, и якоже преже рѣхъ, заповѣда не стужати ему. Дни же прешедшу, ничтоже ино не глаголаше, точью псалмы и прочая. Нощи же наставши, мнѣ ему обычное правило изглаголавшу, всю же ону нощь безъ сна препроводи въ велицѣ трудѣ, мало сѣдааше, а множае стояше. Егдаже бысть день, паки Іосифъ сверши ему причастное. Старцу же спѣшно готовящуся, таже понужаше насъ къ церкви, мы же съ нимъ шествующе, спомогахомъ ему мало, таже въ св. жрьтвеницѣ сѣдалище уготовихомъ ему. Божественѣй же службѣ свершившися, пакы причастникъ бываеть тѣлу и крове Христовѣ. По отпущеніи же службы изыде изъ церкве. Се же бѣ ему обычай многолѣтный: не преже священникъ служивый излѣзе отъ олтаря, никогдаже изыде изъ церкве, не пріемъ благословенія отъ служащаго священника. Егдаже бысть въ кельи, таже ставъ въ сѣнехъ, братьи со обою страну стоящимъ,

възрѣ душевнымъ окомъ на братію, а чювственымъ на образъ Владычень и Пречистые его Богоматере, двѣ святѣи иконѣ имѣя, таже исполни очи слезъ, въздохнувъ глаголаше: Господи Вседрьжителю! Ты вѣси вся испытаяй сердца и помыслы, аще кто поскорбитъ мене ради грѣшнаго, въздажь ему, Господи, сторицею въ се время и въ будущій вѣкъ животъ вѣчный; аще ли кто порадуется о моей смерти грѣшна человѣка, не постави ему, Господи, грѣха (зритъ бо сія обоя въ братіи). Мы же, слышаще сія, ужасохомся, кождо свою съвѣсть въ себѣ судію имать, паче же азъ окаанный. Сія изъглаголавъ, таже жь повелѣ себе въ кѣлью вьвести; паки начатъ утѣшителна словеса глаголати братіи и радостнымъ лицемъ, якоже забыти намъ прежереченныхъ глаголъ, комуждо по своеей совѣсти, якоже преже рѣхъ, себѣ зазрѣвшу; глаголаше бо не ощущати выше силы болѣзни. Мы же, сія видяще, мнѣхомъ: хощетъ легчае ему быти. Братія же понуждаху его и пищи причаститися, старець же не хотяше, токмо мало вкушаше нужа ради сыты, якоже множицею преже рѣхъ, таже братіи подаваше, глаголя: пійте чашю сію, чада, пійте аки последнее благословеніе, азъ бо ксему не еще отъ сея пію или вкушу. И еще ксему многа утѣшителна словеса изглаголá, таже възлеже на обычномъ своемъ мѣстѣ, на немъ же и къ Господу по единомъ дни отыде. Отци и братіе! да никтоже ми зазритъ, понеже множицею себе именую. Увы моему окааньству! Аще ли себе умлъчю, вся имамъ ложна писати. Таже рече ми старець: Инокентей! Азъ же прилѣжно зрѣхъ на священную его главу, что хощеть рещи. И глагола: есть у мене сосудъ меда, прислали ми поминка, не помню, какъ его наричють.—Братья же рекоша: кузня.—Возми себѣ, благословяю тя, понеже нужу мою исполнялъ еси,—мнѣ же о семъ много почюдившуся, что мене грѣшнаго и въ таковѣй немощи благословенія своего сподоби. Таже братію со многымъ обрадованіемъ отпусти, паче же понуди ити въ трапезу, понеже обѣду входъ. Азъ же не терпяхъ нимало отлучитися старца, паки възвратихся скоро, обрѣтохъ его по обычаю лежаща на своемъ мѣстѣ, молитву творяща. Азъ же съ молчаніемъ стояхъ, таже по малѣ часѣ сотворь молитву, глаголахъ ему: Государь Пафнотей! не лучшаеть тебѣ, понеже всю недѣлю ничтоже вкусилъ еси пищи; чему, господине, молчиши? что еси здумалъ, кому приказываеши монастырь, братіи ли или великому князю? о чемъ не глаголеши? Ему же рекшу: Пречистой, таже по малѣ глаголами: брате Инокентей! правду ли се ты глаголеши?—Мнѣ же молчащу, еда како смутихъ старца.—Мнѣ, брате, кто приказывалъ? Пречистая сама Царица изволила, паче же возлюбила на семъ мѣстѣ прославити свое имя и храмъ свой воздвигла и братью совокупила и мене нищаго много время питала и покоила и съ братьею, и мнѣ пакъ въ гробъ зрящу смертному человѣку, себѣ не могущу помощи, сама Царица какъ начала, такъ и устроити имать полезное своему дому. Вѣси самъ, не княжьскою властью, ни богатествомъ силныхъ, ни златомъ ни сребромъ воздвижеся мѣсто сіе, но изволеніемъ Бо-

вимъ и Пречистые Его Матери хотѣніемъ. Не требовахъ отъ земныхъ князь даровъ кыихъ пріати или приложити здѣ и хотящимъ даяти та, но всю надежю и упованіе положихъ о всемъ на Пречистую Царицу до сего дни и часа. въ онь же разлучити имать Содѣтель и Творець душю отъ тѣлесе, и по отсюду отшествіи Пречистаа же Царица покрыеть своею милостію отъ насилія мрачныхъ и лукавыхъ духовъ, и въ страшный день праведнаго суда вѣчныя мя избавить муки и со избранными причтеть. Ащели и я нѣку благодать получю, не премолчю о васъ молитву творя къ Господу. Сице убо поспѣшите, чистѣ живѣте, ни якоже при мнѣ точью, но велми паче по отшествіи моемъ со страхомъ и трепетомъ сдѣ спасеніе содѣлывающе, да добрыхъ ради вашихъ дѣлъ и азъ полю и по мнѣ пришедшеи вселятся добрѣ, и по скончаніи вашемъ покой обрящете, и кождо въ немъ же званъ бысть, въ томъ да пребываеть; своихъ мѣръ, братіе, не преходите, не полезно бо вамъ се, но и душевредно; надъ немощными братьями чювьствомъ или паче рещи и обычаемъ не возноситеся, но длъготрьпите о нихъ, якоже своихъ удовомъ. Ей, чали, поспѣшите добродѣтельми! — Сія и ина полезная глаголавъ, умолче изнеможенія ради.

По малѣ часѣ скоро приходитъ посланныи отъ содержащаго въ то время престолъ руськія митрополія Геронтіа преосвященнаго посѣщенія ради, нося миръ и благословеніе старцу. Таже паки отъ великаго князя Ивана Васильевича скоро приходить Ѳеодоръ, протопопъ его Благовѣщеньскый, такъ же и отъ предреченныхъ княгинь, отъ великіе княгини Грекини Юрьи Грекъ, о всемъ приходятъ ко мнѣ, понеже къ старцу не получиша входа, глаголюще ми слово великаго князя, чтобы навсяко видѣти старца и бесѣды отъ него сподобитися, понеже много оскорбишася, не пріемше извѣщенія отъ преже посланныхъ. Мнѣ же о семъ не имѣющу дрьзновенія не довести токмо, но и явити старцу, они же много о семъ стужиша ми, азъ же всячьскы отлагахъ, вѣды мужа крѣпость и неславолюбный его нравъ, не могохъ имъ извѣститися никако, и не хотя вшедъ сказахъ старцу о посланныхъ. Старець же много на мя оскорбися, таже рече ми: что тебѣ на мысли? не даси же ми отъ міра сего ни единъ часъ отдохнути, не вѣси, 60 лѣтъ угажено міру и мірьскымъ человѣкомъ, княземъ и бояромъ, и въ срѣтенье имъ сованося, и въ бесѣдѣ съ ними маньячено, и вслѣдъ по нихъ такоже сованося, а того и не вѣмъ, чесего ради, нынѣ познахъ, никая ми отъ всего того полза, но паче души испытаніе о всемъ. Господь паки своимъ милосердіемъ, не хотя безъ покаяніа смерти грѣшнику навести, дасть мнѣ грѣшному 6 день покаяніа ради, ино пакъ ты мнѣ не даешь покоя ни на единъ часъ, наводиши на мене міряне. Уже къ тому и изъ кѣлія не имамъ изыти, да не стужають ми. — Азъ же множае оскорбихся, не токмо не получивъ отвѣта посланнымъ, но яко старца смутихъ; азъ же изшедъ вся сказахъ имъ, понуждахъ я изыти изъ монастыря. Имъ же и не хотящимъ отыдоша, уже вечеру сущу, таже уклоньшеся препочи-

ша въ веси близь-живущихъ человѣкъ. Отъ часа же того ни о чемъ же смѣяхъ стужити старцу, точью обычное правило нощное свершаахъ. Старець же ктому не уже на се понуди мя, понеже всю нощь пребыть безъ сна, псалмы Давыдовы гранесловяше, таже Іисусову молитву глаголаше. Се же бѣ ему обычай многолѣтный: по всякомъ правилѣ никогдаже Іисусову молитву не оставляше, вервицу въ рукахъ держаше. Егдаже бысть день, паки старець по обычаю повелѣваше священнику ранѣе литурьгію свершати, понеже и самъ мысляше итп, пачеже спѣшаше, глаголаше бо себѣ: се день приде, братьи же взирающимъ между собою, что се глаголаше, не вѣмы. Азъ же въпросихъ й: государь Пафнотей! о коемъ дни глаголеши: се приде день? Старець же рече: о томъ дни, о немъ же преже глаголахъ вамъ. Азъ же начахъ именовати дни: неделя или понедѣльникъ или вторникъ? Старець же рече: сей день четвертокъ, о немъ же и преже рѣхъ вамъ,—намъ же недоумѣвающимся о семъ, понеже многа о себѣ назнаменаше къ отшествію, таже паки сокрываше, ничтоже явлена о себѣ глаголаше. Старцу же пакы начинающу шествіе творити къ церкви, тыщашеся и егда приближися къ дверемъ, хотя излѣзти на монастырь, Іосифъ возвѣсти ему преже бывшихъ посланникъ пакы пришествіе въ монастырь, не токмо же тѣ, но и иныхъ множество, еще же намѣстнику града Василью Өеодоровичю и тому тогда приспѣвшу, понеже и преже того ему бывшу не получи входа къ старцу. Тогда, собравшеся вси, стояху предъ церковію на пути, имъ же старцу хотящу шествовати. Егда же услыша старець приходъ ихъ, что стояще ожидаху его тогда и не хоти пакы обратися, паче же оскорбися, понеже възбраниша ему къ церкви шествіе. Таже отпусти братію ити въ соборъ, самъ же сѣде въ сѣнехъ. Старець же глаголаше: никто же ми сіе сотвори точію Инокентей, тому се повелѣвшу. Азъ же и рещи не смѣяхъ, что о семъ неповиненъ есмь. Егда же изыдохомъ къ церкви, единъ братъ у него оста Арсеней. старець же самъ утверди двери келіа, да никтоже внидетъ. Егда же свершися божественная литургія, не увѣдѣша старца, тогда вси разумѣша, яко не возможно имъ видѣти старца ниже слышати гласъ его, и не хотяще скоро разыдошася кождо своимъ путемъ, паче же Богу се устроявшу по писанному. помыслъ праведнаго пріятенъ Ему есть. Азъ же по божественѣй службѣ скоро възратихся къ старцу, обрѣтохъ и еще двери утвержены, брату же у него присѣдящу, о немъ же преже рѣхъ. Егдаже внидохъ, обрѣтохъ старца въ кѣльи възлегша на лавици подъ преднимъ окномъ, на монастырь же не повелѣ окна нимало утворити, на весь день не повелѣ себѣ стужати и до вечерни. Братьи же млъчащи, старець же глаголаше о нѣкоемъ человѣцѣ, яко умрети имать, намъ же недомыслящимся, мнѣхомъ, еда кто возвѣсти ему. Азъ же вопросихъ его: о комъ се глаголеши, мы не вѣмы.—Старець же рече: о немъ же вы глаголете, яко болить, а онъ покаявся умрети хотяше. Намъ же сія вся недоумѣнна суть. Таже братью отпусти, повелѣ въ трапезу ити. Азъ же отъ того часа не

изыдохъ отъ старца. Егдаже изыдоша братія, тогда рече ми старецъ: преведи мя на другую страну келія, понеже тамо имамь покой отъ мятежа сего, таже и уснути хощу, понеже утрудихся; да никтоже отъ братіи входитъ ко мнѣ до вечерни, ниже окна отверзи, ниже двери отвори, занеже по вечерни братья пріити хотять. Азъ же вся сія разсмотривъ, не къ тому сумнѣхся, но извѣстнѣ увѣрихся, яко огыти житіа сего хощеть старецъ, понеже ми и въ началѣ немощи своея рекъ старець, яко соузъ хощеть разрѣшитися. Азъ же отшествію нужныхъ начахъ выпрашати: государь Пафнотей! егда прѣставишися, звати ли протопопа или иныхъ священниковъ изъ града проводити тебе къ гробу? Старець же рече ми: никакоже не мози звати, понеже великъ мятежъ хощеши сотворити мнѣ, да никтоже увѣсть, дондеже погребете мя въ землю своимъ священникомъ; молихся о семъ и проводити и на гробѣ престити и земли предати. Азъ же вопросихъ: гдѣ велиши себѣ гробъ ископати и въ земли положити? Старець же ми рече: идѣже еси Клима Гуменника положилъ, съ тѣмъ мя погребите, а гроба не купи дубова, на ту шесть денегь колачей купи, да раздѣли нищимъ, а мене лубкомъ оберти да подъ страну подкопавъ положи, — мнѣ же единому сіа съ нимъ глаголющу, ученику же его спящу, братьямъ же всѣмъ безмолствующимъ, а овѣмъ почивающимъ, полуденному часу наставшу. Азъ же умлъчахъ, еда како старець заснеть. Старець же начатъ молити Господа Бога Вседрьжителя о спасеніи душа своея, еще же и Пречистую Владычицу нашю Богородицу о всемъ и имя ея нарицаше и всю надежю на Царицю полагаше о души своей: Въ часъ, Дѣво, конца моего руки бѣсовскыя мя исхыти и суда и прѣнія и страшнаго испытанія и мытарьствъ горкыхъ и князя лютаго, Богомати, и вѣчнаго осуженія. Та же моляше Пречистую, да сотворить попеченіе о богосозданнѣмъ Ея монастыри: Ты, Царице, создала, Ты и промышляй о полезномъ дому своему и въ имя Твое собравшихся въ святѣмъ мѣстѣ семъ сподоби угодити Сыну Твоему и Богу нашему чистотою и любовію и мирнымъ устроеніемъ. Обычай же бѣ старьцу никогда же нарещи свой ему монастырь, но Пречистые, Та создала, ниже стерпѣ слышати его монастырь нарицающу кому, но и велми о семъ запрещаше, глаголаше бо: аще не Господь созиждеть дому, всуе трудишася зиждущеи. Старцу молящуся, якоже преже рѣхъ, азъ же възбудихъ ученика его спяща и жестокими словесы прѣтихъ ему и нерадива и непотрѣбна нарицахъ его: не видиши ли старца въ послѣднемъ издыханіи, — а ты не трепещеши ни трезвишися! Таже повелѣхъ ему стояти у старца, мнѣ же изшедшу вонъ внѣ келія простуженія ради, въсклоншу ми ся малаго ради покоя, и скоро уснухъ. Спящу же ми ощутихъ гласы поющихъ и абіе со ужасомъ вскочихъ, вскорѣ дверь отверзъ внидохъ въ кѣлью, обрѣтохъ старца на обычномъ мѣстѣ лежаща, ученика же у одра предстояща; азъ же его въпросихъ: кто отъ братьи былъ здѣ? Онъ же, никто, рече; мнѣ же ему сказавшу слышаная, онъ же рече ми: отнели же ты изшелъ еси, старець начатъ пѣть *Блажени непорочни въ путь*

ходящеи вз законѣ Господни, —таже и стихи припѣваше, еще же и *Руцѣ Твои сотвористе мя и создасте мя*, къ симъ же и *Благословенз еси, Господи, научи мя оправданіемз Твоима, Святыхз ликз обрѣте* — и прочая тропари. Азъ же рѣхъ ему: отходитъ старець къ Богу, припадохомъ со ученикомъ къ ногама старца и облобызахомъ нозѣ его, таже надклоншеся надъ перси ему, просяще благословенія и прощенія конечнаго. со многымъ трудомъ недовѣдомъ получихомъ сія: старець не уже къ тому внимаше словесѣмъ нашимъ. — Молитва. Царю небесный всесильный! молю Ти ся, Владыко мой Іисусе Христе, милостивъ буди души моей, да не удержана будетъ противныхъ лукавствомъ, но да усрящють ю ангели твои, проводяще ея сквозѣ пронырытвъ тѣхъ мрачныхъ мытарьствъ и наставлююще ю къ Твоего милосердія свѣту. Вѣмъ бо и азъ, Владыко, яко безъ твоего заступленія никтоже можетъ избыти козней духовъ лукавьствіа. — Таже къ тому ничтоже могій глаголати явленѣе; аще и глаголаше, но мы уже не можемъ разумѣти глаголаныхъ. Таже на немъ же одрѣ лежаше, начатъ отвращатися шуяя страны, на десную обращатися. Сего же николи преже не сотвори. Мнѣ же сего не разумѣющю, пакы обращахъ и дващи и трищи, старець же паки, аще и едва можаше двизатися, пакы обращашеся, еще же ми и глаголаше нѣкаа словеса, но азъ же не разумѣвахъ, языку уже оскудѣвающу отъ конечнаго изнеможенія. Тогда разумѣхъ, яко видить нѣкая отъ необычныхъ приходящая, братьямъ же ничтоже отъ сихъ вѣдящимъ: якоже преже рѣхъ, не повелѣхъ себѣ стужати отъ обѣдня часа до вечерни; аще ли кто отъ братей и прихожааше азъ же глаголахъ, яко утишися старець. Не смѣхъ никому же рещи, яко отходить къ Господу. понеже хощеть молва велика быти. Уже вечернему правилу приспѣвшу, братьямъ по обычаю свершающимъ, азъ же и ученикъ его терпиховѣ ожидающе, понеже не возмогохомъ отъ старца въ соборъ ити, присѣдѣхомъ у одра его. Егда же вечернее правило свершашеся, тогда старець опрятався и нозѣ простеръ и руцѣ на прьсѣхъ крестаобразно положь, азъ же рѣхъ ученику его: сяди ту, подрьжи старца, посмотрю на монастырь, уже ли братья отпѣли суть; мнѣ же и окна не дошедшу, ученикъ старцевъ възва со ужасомъ: Инокентей, Инокентей! Азъ же скоро обративея, рѣхъ: что видиши? Онъ же рече ми: воздохну старець. Мнѣ же зрящу паки легко отдохну, помалѣ третицею. понеже треми дохновеніи предасть святую свою душу въ руцѣ Божіи, Его же измлади възлюби, и къ тому не обрѣтеся духъ въ старци, понеже усну вѣка сего сномъ, нозѣ простеръ и руцѣ на персьехъ крестаобразно положь, приложися къ святымъ отцемъ, ихъ же и житію поревнова. Въ той часъ предсташа священници и братіа дверемъ келія старца, хотяще увѣдѣти, что бысть старьцу. Намъ же къ тому таити не могущимъ, азъ же и ученикъ старцевъ и инъ братъ, его же множицею помянухъ, на лицахъ знамения обносящимъ, паче же слезамъ лѣющимся, множицею и гласы испущахомъ со ученикомъ старцевѣмъ, не могуще терпѣти

конечнаго разлученія, понеже солнцу зашедшу душъ нашихъ преже единаго часа всемірнаго солнца зашествія. Тогда же братія сотвориша надъ нимъ плачъ великъ, и тако вземьше его несоша въ ветхую церковь, понеже вечеру сущу не возмогохомъ того погребенію предати. Воутріи же уранынше дни наставшу, пятку сущу, въ 1 часъ, ископавше братья гробъ, тѣло преподобнаго земли предахомъ. Никто же отъ мірьскыхъ человѣкъ ту обрѣтеся въ то время, ни одру коснуся, ни въ гробъ полагаема узрѣ кто. Егда же погребохомъ старца, тогда нѣціи пріидоша отъ града, повѣдающе намъ, яко весь градъ подвижеся, не точью игумени и священници и мниси, но и содержащіи того града намѣстници и прочій общій народъ уже путь начинають шесьтвовати, аще не быша предварили прежереченія скорошественици, бывшіи въ монастыри, повѣдающе имъ, яко всуе трудитеся, желаемаго не получите, понеже аще и мы уранихомъ, ничтоже возмогохомъ видѣти отъ надѣемыхъ трудъ нашихъ безъ успѣха. Они же, сія слышавше, велику тщету себѣ вмѣниша быти, окающеся сами и глаголюще, яко не достойни быхомъ такова раба Божія поне одру прикоснутися. Мнози же отъ вельможь скоро въ монастырь пріидоша, аще и не видѣша преподобнаго, поне со многою любовію гробу его поклонишася. Такожде и общій народъ, весь день отъ града приходяще, покланяхуся гробу преподобнаго.

II.

Слово иже во святыхъ отца нашего Николы, о житьи его и о хоженіи его и о погребеніи (къ стр. 218).

Благословенъ еси, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, дивная и непареченная творищи чудеса во всей земли; прославилъ еси свѣтлый праздникъ св. Николы. Мы же, братія, прославимъ тую землю, гдѣ жилъ св. Николае, на имя Миры Ликійскія митрополія, а въ нашихъ русскихъ странахъ весь родъ христіяньскій память его честную въ нынѣшній день свѣтло праздцуемъ, и въ нынѣшній день всю вселенную чудесы своими просвѣтилъ. идеть отъ житія сего, святительства престолъ оставивъ, и восходить на небеса къ Божію престолу поклонитися Троицѣ, Отцу и Сыну и Св. Духу. Нынѣ вся его митрополія святаго и честнаго мира полна есть благоуханія, и нынѣ чини ангельстіи прославляють его память, и нынѣ райскія врата величаются, что въ нихъ прошолъ св. Николае, и нынѣ вси вѣрніи православніи христіяне честное и святое житіе свѣтло празднуемъ. Онъ бо свое стадо честно упасъ и ангельское житіе на земли поживъ, человѣкомъ угодія не творилъ и единосущнѣй Троицѣ непрестанно служилъ въ молитвахъ и бдѣніихъ день и нощь. А отъ юности мяса и вина не вкушалъ, отъ суботы до суботы только хлѣба вкушалъ и воды, а коли ся праздникъ великый пригодитъ, и онъ тогды овощь ѣлъ. А дѣла его были честны и святы и любимы свя-

тому, а на честныхъ его ногахъ плюснянки до глѣзну, а въ жезла мѣсто носилъ честный крестъ, поминающи слово Христово, реченное и написанное св. евангелистомъ Матѳеемъ: *аще кто восхощеть во слѣдъ Мене ноити, отвръжется себе и во слѣдъ Мене идеть и царство небесное наслѣдитъ*. И св. Никола измлада оставилъ славу и богатство сего суетнаго свѣта и желая наслѣдити царство небесное, не опочивая день и нощь, моляся Богу, и научи люди слову Божію истиннымъ писаніемъ. Во дни дѣло его въ церкви на молитвѣ, а въ нощи безъ сна пребывая, моляся Богу. Отъ рожества его лѣтъ 14 пошолъ по пророка слову Давида: *яко птица иду въ пустыню*, а при себѣ держалъ образъ животворящаго креста Господня и всю бѣсовскую силу поправъ. И дошедъ Кесарія Филипповы, и жилъ три лѣта, тѣсный и скорбный путь ходяше, чистоту душевную и тѣлесную соблюдъ, а недужныхъ, приходящихъ къ нему съ вѣрою, силою Христовою исцѣляя. Въ тыя лѣта прилучися брань, пришла рать поганыхъ до Кесарія и всѣ христіяне Грекове побѣгли въ подгорія тѣсная, а св. Николае видѣвъ поганыхъ рать велику, иже не мощи противитися людемъ христіянскимъ противу поганыхъ, въ той часъ св. Николае прослезися и падъ на земли моляся Богу за христіяны (*Молитва*) И воставъ отъ земли. и простеръ руцѣ на небо, и молитву исполнивъ, и прилете къ нему съ небеси голубь, глаголя [1]: дерзай, Николае, избранниче Божій! услышана бысть молитва твоя и сокрушатся языцы поганстіи. Тогда Николае пріиде въ рать христіанскую, не моглъ его видѣти никтоже, зане облакъ свѣтелъ покры его, и начатъ глаголати христіаномъ: учините знаменіе Христово на лицѣхъ вашихъ крестъ и не возможетъ прикоснутися вамъ мечъ поганыхъ. Они же вопросиша: ты кто еси? — Азъ есмъ Николае, грѣшный рабъ Божій. И христіяне вси какъ единѣми усты воскричали гласомъ великимъ: Боже святаго Николы. помози намъ. И знаменоваша лица своя знаменіемъ честнаго и животворящаго креста, и ударишася на рать поганыхъ, силою Божіею и молитвою св. Николы побиша гражане поганскіа пришедшая языки. И увидѣлъ св. Николае поганыхъ погибель, и возрадовася и нача пѣти псаломъ сій: *Далъ еси знаменіе боящимся тебе, Господи, еже убѣжати отъ лица лука*. И тако вси людіе прославиша Бога, и забыли отъ того дни отъ поганыхъ горькія и напрасныя смерти. И въ той день царіе христіанстіи и князи греческіи и вельможи и вси людіе того града, мужи и жены и чада ихъ, почали искати св. Николы, хотяху ему честь и великіи дары даяти, и много искавше его и съ слезами, и не могоша его обрѣсти нигдѣже. А св. Николае, не хотя имъ явитися, тогоже часу пошолъ отъ нихъ во страны Генсарейскіаи ходилъ во Арменіи годъ и 9 мѣсяць, и крестивъ ихъ и научи вѣровати въ Бога живаго, и прокаженныя ихъ очистилъ и отъ всякихъ болѣзней исцѣ-

[1]) Въ болгарской редакціи: „и пріиде ему гласъ съ небесе глаголющь“.

жилъ, и прошедъ Арменію, и пошолъ во Аниполію Асирейскую [1]). И тамо была церкви во имя архистратига Божія Михаила, и въ той церкви былъ сто дней, а не видалъ его никтоже. Таже въ день недѣльный вошли люди въ церковь на молитву въ храмъ св. Михаила и пришла дѣвица, духомъ нечистымъ одръжима. И начаша людіе пѣти въ церкви, и въ той часъ вшелъ бѣсъ въ дѣвицу и нача мучити и бити ее. Таже духъ нечистый началъ усты тоя дѣвица кричати, глаголя: о Николае, что силу имаши надъ бѣсы! чему насъ мучаши? И услышали бѣса глаголюща дѣвицы тоя устами и почали дивитися, что глаголеть бѣсъ, кто есть Николае и кого именуетъ бѣсъ, и гдѣ есть. И бѣсъ рече людемъ: не видите ли его, предъ церковію стоитъ, уже сто дней есть, какъ ту пребываетъ. И избѣжа бѣсъ изъ дѣвицы, вышолъ изъ церкви, идѣже стоить св. Николае моляся, и вскричалъ гласомъ великимъ: о Николае, что силу имаши надъ бѣсы! не вели ми поити въ муку. Тогда св. Николае поринулъ бѣса на землю и вложилъ свой малый палецъ въ уста его и тако рекъ св. Николае: тебѣ глаголю, душе нечистый, повѣдай ми, какъ еси вшелъ въ дѣвицю сію. И бѣсъ рече: на единомъ мѣстѣ подъ яблонію видѣхъ ю спящу и позавидѣхъ чистотѣ и красотѣ лица ея и внидохъ въ ню того ради, что быхъ иасушилъ и погубилъ чистоту и красоту лица ея. И рече ему св. Николае: поиди въ Мелеиьтіанскую рѣку, что воды въ ней нѣтъ, только единъ песокъ, и тамо буди мученъ до скончанія вѣка. Бѣсъ же услышалъ мученіе свое и пошолъ плачася, дѣвица же яко отъ сна встала отъ недуга своего [2]).— И не хотя славы міра сего, и оттай вышолъ изъ града и пошолъ во Антіохію, въ святый градъ, и жилъ въ немъ дней 12, съ святыми отцы моляся, и молитву исполнивъ, и оттолѣ пошолъ въ Римъ къ св. апостолу Петру. Идучи путемъ, и началъ молитися, глаголя: съблюди мя, Господи, занеже далече путь иду. И какъ скончалъ молитву, и стрѣлъ его бѣсъ, всякимъ лихомъ исполненъ, и очи его какъ огнены, а зубы его какъ звѣрины, а власы на главѣ его какъ вельблужьи. И какъ узрѣлъ бѣса св. Николае, и позналъ его лукавство и почалъ пѣти псаломъ сій: *Отъ срятенія бѣса полуденьнаго надетъ отъ страны тысяща.* И услышалъ бѣсъ молитву его и паде лицемъ къ земли, и рече ему св. Николае: ты кто еси, гдѣ идеши?—И рече ему бѣсъ: азъ есмь ангелъ свѣта, иду учити людей во правду. — И рече ему св. Николае: что реклъ еси, нечистый душе, иже ангеломъ свѣта называешися? знаю бо, что бѣсъ еси, темный преступникъ, идеши многыхъ прельстити.— И глагола ему бѣсъ: чему хулы дѣеши на мене?—И рече ему св. Николае: право нынѣ глаголю тебѣ: бѣсъ еси нечистый;

---

[1]) Въ болгарской редакціи: „во Апамію Сурьскую“.

[2]) Св. Николай тайно уходитъ въ городъ Кургъ, по болгарской ред. въ Кипръ, гдѣ къ нему приносятъ 45 прокаженныхъ. Святой мажетъ ихъ масломъ и велитъ 7 разъ погружаться въ Фарфанѣ, рѣкѣ Адамасковой, отъ чего они исцѣляются.

Какъ смѣлъ еси именовати себе ангеломъ свѣта?—И видѣ бѣсъ, что не мощи противитися св. Николѣ, и постыдѣвся бѣсъ, наклонилъ главу свою. Тогда рече ему св. Николае: не имаши уже убѣжати отъ руки моея, темный бѣсе! заклинаю тя именемъ великомъ мученіа твоего, скажи ми дѣло свое, какый законъ имаши отъ сатаны. И рече ему бѣсъ: я хожю въ сонмы и пиры людскія, да влагаю помышленія и рѣчи злыя и душегубства и свары межи людей. И разгнѣвався св. Николае и емъ его, и поринулъ подъ нозѣ свои и нача битя его, духъ же нечистый нача хулити, глаголя: чему мя мучиши, святче Божій? пусти мя и пойду въ путь свой. И св. Николае, связавъ ему руцѣ и нозѣ знаменіемъ креста, назнаменовалъ землю, и разступися земля на 60 и 5 лактій; и вринулъ его тамо и опять назнаменовалъ крестомъ землю, и съступися земля, какъ преже была. Таже св. Николае пошолъ безъ пакости и потомъ Господь Богъ посла ангела блюсти й до Рима. И пришолъ къ Риму и срѣте его весь градъ, и пошолъ къ церкви св. апостола Петра и молился три часы, исполнився храмъ честнаго благоуханіа и темьяна. И жилъ въ Римѣ 4 дни, и поранивався поя въ церкви Божіи и уча люди св. писаніемъ, добрыхъ дѣлъ смиренію и чистотѣ. Изъ Рима пошолъ въ Египетъ Александрейскый, и прешедъ ону страну Іердана, и тамо ходилъ 5 лѣтъ и всѣхъ немощныхъ исцѣлялъ и здравы были. А въ тыхъ пяти лѣтѣхъ ядеціе его было: отъ недѣли до недѣли вкушалъ бобу сухаго и воды мало [1]).—Св. же Никола, обшедъ страны асурійскіа и варварскіа, и пріиде въ Мирьскый градъ Ликыи, и кипяше лице его и руцѣ и нозѣ святымъ миромъ, и весь градъ благоуханія честнаго отъ мира исполнися, и вси немощніи исцѣляхуся, слѣпіи прозирали, глусіи слышали, хроміи ходили и прокаженніи очистилися, а которіи нечистыми духы одрѣжимы, и отъ тыхъ бѣси отбѣгали и здрави стали родъ христіяньскый. Услышавъ же его патріархъ іерусалимьскый Макарей, и призва преп. отець и рече имъ: слышали есмо, во градѣ Ликійскомъ есть человѣкъ, именемъ Николае, житіе имѣетъ къ Богу чисто и творитъ чюдеса многа и множество многое поганыхъ въ вѣру христіаньскую обратилъ; пойдемъ во градъ Ликыйскый и увидимъ, каковъ онъ человѣкъ есть [2]). — И всѣхъ немощныхъ исцѣлялъ своимъ благословеніемъ и благодатію Св. Духа. Нечистые же дуси гдѣ коли услышали св. имя его, оттолѣ бѣси отъ человѣкъ отбѣгали и немощніи здрави стали именемъ его святымъ. А гдѣ власть святительства его и гдѣ преже ходилъ въ коихъ странахъ, вездѣ чюдеса творялъ, яко апостолъ Христовъ, больныхъ исцѣлялъ и бѣсы отъ человѣкъ прогналъ. Кто можетъ

[1]) Въ одномъ городѣ Ассиріи онъ исцѣляетъ княжескаго сына отъ бѣса, напущеннаго на него за грѣхи родителей, и этимъ заставляетъ горожанъ вѣровать во Христа.

[2]) Патріархъ идетъ въ Ликійскій городъ, бесѣдуетъ съ Николаемъ и ставитъ его епископомъ всей Ликіи

исповѣдати святая и дивная и преславная чюдеса св. Николы, скораго помощника и теплаго заступника! Усты своими святыми меньши говорилъ, а больши невырѣченная и преславная чюдеса творилъ въ странахъ и всѣмъ немощнымъ здравіе подавалъ.

Еще же повѣдаю вамъ о милости Христовѣ и Пречистой Его Матери къ св. чюдотворцу Николѣ. И еще онъ коли живъ былъ на семъ свѣтѣ, на своемъ престолѣ во градѣ Мирѣ, при великцемъ цари Костянтинѣ, и бысть пръвый вселенський съборъ на окаяннаго и проклятаго Арія, на зломысленника Христова. Было тамо въ Никеи на томъ святомъ на пръвомъ съборѣ святыхъ отецъ 300 и 18, а св. Николае былъ съ св. отцы въ томъ же числѣ. Царь сѣлъ слушати, а святіи отци почали спиратися съ окаяннымъ еретикомъ Аріемъ показуя ему чюдное и святое писаніе о Христѣ Ісусѣ Сынѣ Божіе, сътворители небу и земли, противу его еретическихъ словесъ, почали ему уста затворяти писаніемъ св. пророкъ и св. апостолъ, а онъ, еретикъ Арій злочестивый, непрестанно хулы глаголя на Господа наше о Ісуса Христа Сына Божія. И св. Николае вставъ удари его по лицу окаяннаго и злочестиваго Арія. И тогда вси св. отци почали роптати съ великимъ гнѣвомъ на св. Николу о томъ удареніи и почали всѣмъ соборомъ снимати съ него санъ святительскый, и разъемше палиту, почали ему браду привалювати, глаголя, не годится намъ, святымъ сущимъ, рукою дръзку быти; дръжимъ святое писаніе и божественное въ нашемъ разумѣ, тымъ намъ гоние ихъ злочестивыхъ и окаянныхъ еретиковъ. И какъ докончали събора и препрѣвше окаяннаго Арія, и отъ церкви отлучили и прокляли, и за тымъ почали всѣмъ съборомъ снимати святительскый санъ съ св. Николы, и уже хотятъ приступити къ нему, и въ той часъ узрѣлъ самъ царь Костянтинъ и вси св. отци: Господь нашъ Ісусъ Христосъ изъ облака подаетъ св. Николѣ Еуангеліе, а съ другія страны Пречистая Мати Христа Бога нашего подаетъ ему амфоръ свой. И какъ то великое чюдо увидѣлъ царь, и вси св. отци събора того благословили его и не сняли съ него святительскаго сана его и сами ся благословили у него. Видите ли, братіе, и пріимемъ въ разумъ, какъ святителю не велятъ рукою дръзку быти, виноватаго не велѣно своего рукою бити, а кто виноватѣе оканнаго Арія? Св. же Николае за едино удареніе святительства сана хотѣлъ остати своего, чтобы не самъ Господь Богъ нашъ Ісусъ Христосъ и Пречистая Его Мати указали ся царю и св. отцемъ того св. събора, и для того чюда предивнаго милостію Господа нашего Ісуса Христа и Пречистой его Матери тоже онъ опять сталъ святитель. Того ради пишуть на иконахъ образъ св. Николы и Спасовъ образъ во облацѣ и Пречистой Его Матери надъ нимъ во облацѣ.

И живъ же св. Николае лѣта богоугодна и честна и свята, и пришолъ час отыти ему суетнаго сего свѣта и поити въ вѣчный покой царства небеснаго къ вышнимъ силамъ; поне же св. Николае вѣдалъ духомъ Божіимъ день и часъ смерти

своея, и тогда сталъ на молитвѣ, моля Бога о всѣхъ христіянѣхъ, и въ той часъ увидѣлъ ангелы Божіи, пришедша къ нему, и убоявся и вострепеталъ. Видимо, братіе, какъ св. Николае вострепеталъ и ужаснулся и увидѣлъ ангелы Божіа, а вѣдалъ, что съ ними пребывати имасть въ царствіи небеснѣмъ. А мы, грѣшніи, грѣховъ наполнени, како не убоимся св. ангелъ Божіихъ, коли пріидутъ немилостивно разлучити душа наша отъ тѣлесъ нашихъ! О бида намъ слѣпымъ, что не хощемъ видѣти пути Божіа! А коли св. Николае увидѣлъ св. ангелъ Божіихъ, и страхъ великый объялъ его и рече тако: се уже исполнися время вѣка моего и се уже пришолъ часъ мой поити ми къ вышнимъ силамъ невидимаго Отца. И поклонися св. Николае ангеломъ Божіимъ и рече имъ: добрѣ пришли есте ко мнѣ, святіи ангели Божіи, добрѣ пріидѣте ко мнѣ, слугы Св. Троица, добрѣ пришли есте, огнеобразніи ангеломъ начальници и свѣта неприступнаго, добрѣ пришли есте ко мнѣ, хощете взяти душу мою отъ мене. Услышавше же ангели, и удивишася терпѣнію св. Николы, и какъ первый Михаилъ архангелъ показа ему печать страшнаго и пресвятаго Божества, увидѣвъ же св. Николае печать Божества, и началъ молитися, рекущи: Господи Іисусе Христе и Единородный Сыне, Слово Божіе! услыши молитву мою и моленіе мое внуши по милости своей. Да коли прибѣгнетъ кто въ церковь имени моего, подай ему, Господи, хотѣніе сердца его, а кто прибѣгнетъ отъ сильныхъ мучительства, подай ему, Господи, помощь на враги его, Господи Боже мой! А кто въ бури или на мори или на рѣкахъ тонути начнетъ и призовутъ имя мое, утиши, Господи, бурю и помози имъ, кто мя призываетъ на помощь, Господи Боже мой! Коли кто поставитъ церковь во имя мое, подай ему, Господи, помощь надъ враги его видимыми и невидимыми. А кто крестъ твой поставитъ, а мене въ помощь къ собѣ призоветъ, покори, Господи, ему вся супостаты его. А кто принесетъ свѣчю или просфуру или темьянъ или канунъ или кутью въ церковь мою или убогихъ накормитъ и милостыню дасть мене ради, помози имъ, Господи, надъ враги ихъ и избави ихъ отъ грѣхъ ихъ и дай же имъ, Господи, во царствіи небеснѣмъ водворитися, Господи Боже мой! А кто напишетъ слово моего житіа или напишетъ кто образъ моего подобіа, и уподоби ихъ, Господи, во православнѣй христіяньстѣй вѣрѣ и даруй имъ разумъ св. твоего Духа. И дай же, Господи, всѣмъ христіаномъ пищу райскую на страшнѣмъ дни суда твоего праведнаго, Господи Боже мой! ненадежнымъ надежа, погибшимъ милостивъ буди имъ.. И сталъ св. Николае по молитвѣ, и въ той часъ пришолъ гласъ къ нему съ небесн, глаголя: угодниче Божій Николае! чего просиши у Господа Бога твоего о людехъ, кто тя призываетъ на помощь, всѣмъ подасть Господь Богъ милость свыше того тебе ради, любовниче св. Троица! И уже часъ пришолъ и паде ницъ на земли св. Николае и умолче языкомъ, и тако приступили къ нему св. ангели Божіи взяти св. душу его отъ тѣла, и цѣловавше понесоша на небо, а св. тѣло его лежаше на одрѣ, яко солнце.

Исполнися храмъ благоуханія отъ мира тѣла его святаго. И увѣдали вси гражане града Мира, что уже преставися отъ житія сего свѣта суетнаго св. Николае, и почали стекатися вси людіе (*Плачь сиротъ и погребеніе*).—Таже, братія, правовѣрніи христіяне, прославимъ Христа Бога нашего, что намъ даровалъ таковаго свѣтильника. А кто, братіе, мало тому иметъ вѣрити или не иметъ тому вѣрити, что о семъ истина есть писана, а кого бѣсъ научилъ и самъ безуменъ будетъ, не имый ума своего крѣпка, и онъ тое помыслитъ, колико есть чюдесъ св. Николы: гдѣ ни приходитъ, кто его призываетъ съ вѣрою и помолится ему, нелѣнива его помощь и борзъ къ милости, теплъ на заступленіе, въ Латыньскыхъ земляхъ тѣломъ лежитъ, а на небеси святаа его душа, а въ насъ въ Руси милосердіе его и чюдеса неизреченна: слѣпіи прозираютъ, глусіи слышатъ, нѣмія глаголютъ, хромін ходятъ и бѣсніи чисти и здрави стали. Кто можетъ сказати милость и чюдеса св. Николы! Таже, любимая братіа, рустіи сынове и дщери, воздвигнемъ сердца и руцѣ и помолимся св. чюдотворцу Николѣ съ чистою вѣрою и воскликнемъ внутрь великимъ гласомъ, глаголюще тако: св. Николае! умоли о насъ Пречистую и съ нею умоли Христа Бога нашего, чтобы насъ грѣшныхъ православныхъ христіянъ избавилъ онаго поганыхъ насилія и онаго закона, и освяти церкви христіяньскія и утверди ихъ непорушны до скончанія вѣка, и намъ ты подай твердый разумъ во единомъ крещеніи стояти до скончанія вѣка нашего, поклонятися намъ и славити единосущную Троицу, Отца и Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

Пророчество отца нашего Зосимы, начальника монастырю нашему (къ стр. 203, примѣч. 1).

Се же рече ученику своему: се азъ, чадо, отхожю отъ васъ тѣломъ, а душею всегда съ вами буду; да и се вамъ буди разумно: аще имамъ дерзновеніе предъ Богомъ, то распространитъ Богъ мѣсто се и буде монастырь великъ; аще ли ни, то оскудѣетъ. И мы, братіе, се видяще, разумѣемъ: Богъ прославилъ мѣсто се и монастырь величествомъ пространенъ и устроенъ всякимъ устроеніемъ, молитвами отца нашего Зосимы. И се конечное слово вздохнувъ и рече *ми*: чадо! будетъ нелюбовь велика у васъ и будутъ брани велики. И се, братіе, пишу вамъ, да не забвено будетъ пророчество отца нашего Зосимы. Сбысть же ся намъ пророченіе его за 30 лѣтъ и 2 лѣта по преставленіи его. Пріиде къ намъ человѣкъ болярскій и потомъ два иныхъ и по лѣтѣ единомъ два и вси пріаша иноческій образъ, и единъ отъ нихъ по тріехъ лѣтѣхъ пріатъ священничества санъ. И начаша тѣ мниси, иже преже быша болярскіе люди, жити и превозносящеся высокоуміемъ гордяся,

и присовокупиша къ себѣ иныхъ братью ласкордствомъ по своему ихъ обычаю и начаша ропотъ вздвизати на игумена, которой ихъ постригъ, именемъ Исаія, такоже и на иныхъ братью начаша величаніемъ гордитися, и воздвигоша на игумена брань велику, хотяще своего священника поставити на игуменство, и много о семъ брань вздвизающе не по едино лѣто. Игуменъ Исаія много скорбей претрьпѣ, и уже не могый терпѣти и остави игуменство. И по малехъ днехъ нарекоша своего священника на игуменство, и по семъ поидоша въ В. Новгородъ къ владыцѣ благословеніе взяти, и владыка его не благословилъ на игуменство, но иного посла на игуменство въ монастырь. По малѣ времени вздвигоша и на сего брань велику и тако и того сгнаша съ игуменства и по малѣ времени нарекоша игумена, егоже не благословилъ владыка, съвѣтники его, а иныя братія не хотѣли, и о томъ въ братіи стала брань и нелюбовь велика, а игуменъ нареченой нача не любити братьи, которіи его не хотѣли на игуменство, а къ владыцѣ посылалъ по два лѣта трижды благословеной грамоты просити, и владыка ему не далъ. И братія учали говорить, которые его не хотѣли игуменомъ: игуменъ, уже ты много убытка монастырю чинишь, посылаешь къ владыцѣ по благословеную втретьи, и владыка тебѣ не дасть благословеной и не благословляетъ, и ты намъ не игуменъ. И игуменъ нача злѣ глаголати съ озлобленіемъ, и братіа у него взяли посохъ игуменской силою, да и сами нарядясь поѣхали къ Москвѣ къ великому князю, и игуменъ послѣ нихъ послалъ старца, своего съвѣтника, съ грамотою на берегъ, велѣлъ тѣхъ старцевъ бити и грабити, хотѣлъ ихъ уняти, чтобы они не шли къ Москвѣ. (*Здѣсь прерывается разсказъ въ сборникѣ*).

IV.

Соборы о новыхъ чудотворцахъ [1]).

Сего блаженнаго отца нашего Іоны мнози повѣдаху добродѣтели же и чюдодѣйствіа и многіа въ различныхъ повѣстехъ на многіа части писана обрѣтахуся, и ни единъ же отъ трудолюбивыхъ потщася снискати сіа во едину повѣсть и соборному тръжеству предложити, дондеже пріиде время въ лѣто 7055, внегда божественною ревностію подвижемъ, благочестивый и

[1]) Къ стр. 225 и 241 (Ср. Стогл. изд. въ Казани, стр. 41). Перечень чудотворцевъ въ этой статьѣ вмѣстѣ съ содержащей его редакціей житія Іоны доселѣ оставался неизвѣстнымъ въ библіографіи древнерусскихъ историческихъ источниковъ; печатаемъ его по другому списку, найденному послѣ напечатанія означенныхъ страницъ и болѣе исправному сравнительно съ тѣмъ, который тамъ указанъ. Въ примѣч. 3 на стр. 225 юрод. Максимъ, канонизованный въ 1547 г., по недосмотру занесенъ въ списокъ канонизованныхъ 1549 г.

Богомъ вѣнчанный царь и вел. кн. Иванъ Васильевичь, всея Русіи самодръжець. Божіимъ благоволеніемъ и благоумныя доброты просвѣтися разумъ его, осѣняемъ благодатію св. Духа, возжелѣ отъ всея душа, еже ему Богъ въ память возведе, иже въ Русской земли царскіи ему державы премирное богатство взыскати и собрати иже отъ иноѣхъ временъ и донынѣ сокровено и забвенію предано, великія свѣтильникы, новѣйшія чюдотворцы, овѣхъ своима царскыма очима видѣвъ, а овѣхъ же отъ многыхъ извѣстныхъ самовидець слышавъ, Богомъ прославляемы многыми и неизреченными чюдесы. И вси приходящіи къ нимъ съ вѣрою всякымъ многоразличнымъ недугомъ исцѣленіе получаху и всякъ праведный гнѣвъ Божіи моленіемъ ихъ на милосердіе претворяемъ и вся благая потребная молитвами ихъ исправляются. И праздновати же повсюду симъ великымъ свѣтильникомъ не узаконено бысть, но идѣже коегождо ихъ честныя раки со св. мощьми бяху, ту и славими быша. И сего ради христолюбивый царь и вел. кн. Иванъ възвѣщаетъ боголюбезнѣйшему митрополиту Макарію всея Русіи и совѣта блага проситъ отъ него, еже отъ многаго благоговѣнія и любви имѣя желаніе въ мысли своей, дабы симъ новѣйшимъ чудотворцемъ уставити празднество въ святыхъ Божіихъ церквахъ повсюду якоже и прежнимъ иже въ Руской земли провозiавшимъ новымъ чюдотворцемъ. Пресвященнѣйшій же митр. Макарій возрадовася душею, вѣдый, яко Божіимъ хотѣніемъ сицево бысть тщаніе и вѣра благочестиваго царя, и вкупѣ Богомъ подвизаеми, созываютъ всѣхъ архіепископовъ и епископовъ и архимандритовъ и игуменовъ и весь священническый и иноческый чинъ всея рускія митрополія. Егда же снидошася отъ предѣлъ своихъ въ царствующій градъ Москву, и тогда Богомъ вѣнчанный царь и вел. кн. Иванъ со отцемъ своимъ Макаріемъ митрополитомъ многое моленіе простираетъ ко всѣмъ иже въ русійскомъ царствіи его архіепископомъ и епископомъ, да коиждо ихъ потщится во своихъ предѣлехъ, въ градехъ и въ селехъ и въ монастырехъ и въ пустынихъ о тѣхъ великыхъ чюдотворцехъ новыхъ извѣстно и достолѣпно изсвѣдѣтельствовати всѣми священными мужми и инокы и пустынникы и боголюбивыми князьми и боляры и богобоязнивыми людьми, гдѣ коегождо чюдотворца Богъ прославилъ великыми знаменіи и чюдесы отъ коликыхъ временъ и въ кая лѣта. И святителіе же, слышаще таковое благое начинаніе и повелѣніе, паче же смиреномудрое моленіе и теплѣйшую вѣру Богомъ вѣнчаннаго царя, радостію духовною и желаніемъ сердечнымъ безъ закоснѣнія събираютъ люботруднымъ подвигомъ и подобопечальнымъ собраніемъ каноны и житія и чюдеса, отъ многыхъ временъ чюдодѣйствуемы. тѣхъ святыхъ новыхъ чюдотворцевъ по свидѣтельству тамо сущихъ жителей всѣхъ предиреченныхъ чиновъ, и которойждо святитель отъ своихъ предѣлъ яко многоцѣнный даръ Богу и яко всеплодну жрътву и яко приношеніе пріятно принесошь въ богоспасаемый градъ Москву на боголюбивый соборъ къ благочестивому царю и

вел. кн. Ивану и пресвященному Макарію, митрополиту всея Русіи. Вкупѣ же съ ними бяху и честніи архимандриты и игумени и весь освященный соборъ и предложиша сія во пріобщеніе церковному уставу пѣти и праздновати симъ въ предняя лѣта, якоже и прочимъ святымъ, отъ вѣка Богу угодившимъ. Якоже преже сихъ въ Руской земли въ чудесѣхъ восіавшихъ, имъ же первая къ Богу предитеча отъ рускыхъ родовъ богомудрая вел. княгини *Ольга* и св. внукъ ея равноапостольный вел. кн. *Владимиръ*, нареченный въ св. крещеніи Василей, имъ же вся Русская земля просвѣтися св. крещеніемъ, его же благородная чада, Христови мученицы *Борисъ* и *Глѣбъ* и егоже корени вел. князь и мученикъ Христовъ *Михаилъ* черниговьскый и спострадавый съ нимъ бояринъ его *Ѳеодоръ*, князь же *Ѳеодоръ* ярославьскый и съ чадома своима *Давидомъ* и *Коньстянтиномъ* преподобіемъ и правдою Богу угодиша; такоже и велицыи святіи святителіе и чюдотворцы, русьстіи митрополити *Петръ* и *Алексѣй* и ростовьстіи чюдотворцы святія святителіе *Леонтіе* и *Исаіа* и *Игнатій*; преподобніи же и богоносніи отцы и чюдотворцы *Антоній* и *Ѳеодосій* печерьстіи, *Никита* переяславьскый [1]), *Варламъ* новогородскый, *Сергій* радонежскый, *Кирилъ* бѣлоезерьскый, *Дмитрій* прилуцкый, *Авраміи* ростовьскый, ихъ же памяти церкви Божіа пріала есть праздновати отъ прежнихъ временъ, когда который прославися. Такоже и симъ новѣйшимъ чюдотворцемъ подобообразно празднество съ прежними святыми съчеташа, съ ними же тогда и сего преславнаго въ чюдотвореніихъ, великаго въ архіереехъ, пресвященнаго архіепископа *Іоны*, митрополита всея Русіи, память праздновати уставиша и житіе его повелѣша собрати во едино писаніе, идѣже обрѣтахуся по различнымъ частемъ написано. Святыхъ же сихъ, иже съ св. Іоною ново Богомъ прославленыхъ, имена суть сіи: святіи святителіе, В. Новаграда архіепископи *Иванъ* и *Евѳиміе* и *Іона* [2]), и пермьскый епископъ *Стефанъ*, и тферскый епископъ *Арсеній*, ростовьскый епископъ *Іаковъ*, сербьскый архіепископъ *Арсеній*. И святымъ праведнымъ имена: блаженный вел. кн. *Александръ* Невьскый, псковьскый кн. *Всеволодъ*, муромстіи князь *Петръ* и княгини *Февроніа*, муромстіи же князь *Костянтинъ* и чада его *Михаилъ* и *Ѳеодоръ*, и клопьскый *Михаилъ*. Святымъ же мученикомъ имена: вел. кн. *Михаилъ* тферскый, *Иванъ* бѣлоградскый, *Иоанъ* и *Антоній* и *Евстафій*, иже въ Литвѣ пострадаша. Преподобнымъ же имена: *Пафнотій* боровскый, *Никонъ*, ученикъ Сергіевъ чюдотворцевъ, *Савва* сторожевьскый, *Макарій* колязинскій, *Діонисіе* глушицкый, *Павелъ* комелскій, *Саватій* и *Зосима* Соловетстіи, *Александръ* свирьскый, *Евѳиміе*

---

[1]) Этимъ опровергается предположеніе церковныхъ историковъ о канонизаціи Никиты въ 1549 г., повторенное нами на стр. 49, когда намъ былъ неизвѣстенъ печатаемый перечень новыхъ чудотворцевъ.

[2]) Въ другомъ спискѣ за этимъ именемъ слѣдуетъ вставка на поляхъ: „также и епископи тогоже града Никита и Нифонтъ".

суждальскый, *Аврааміе смоленьскый*, *Савва* вишерьскій, *Евфросинъ* пьсковьскый, *Ефремъ* перекомскій, *Григорій* иже на Пелшьмѣ рѣцѣ. Святымъ же иже Христа ради уродивыхъ имена: *Максимъ* московскій, *Иоаннъ* и *Прокопій* устюжскія. И сихъ всѣхъ святыя памяти празднуемъ и ликоствуемъ по настоящаго мѣсяца дне и числу коегождо преставленія и обрѣтенія честныхъ мощей ихъ.

V.

Сказаніе иг. Алексѣя къ пастырю дому боголѣпнаго Преображенія и преп. Аввы Геннадія (къ стр. 303).

Яко тако, пастырю и брате, молитва и моленіе досточюдныхъ подвижниковъ идетъ къ пастырю и началнику коегождо св. мѣста. Во святыхъ мѣстѣхъ не всѣмъ человѣкомъ въ чюдотворцахъ быти: Богъ дѣйствуетъ чюдотвореніе тѣми, которые добродѣтелное житіе проходили. Яко како дымъ прогоняетъ пчелы, тако и пьянство св. Духа отгоняетъ отъ человѣковъ. Сей же преп. авва Генадіе чюжался піянства. Нѣкія братія наша любятъ піянство, якоже и азъ; иния же игумены малыхъ обителей желаютъ въ великія обители на игуменьство яко како въ день прости Господинъ не пользуетъ человѣка многое имѣніе, такоже и насъ не пользуетъ въ великихъ обителехъ игуменити. Ему же дано много, много ся и взыщетъ. Мнѣ глаголалъ самодрьжецъ великороссійскій, православный царь и вел. кн. Иванъ Васильевичь: живи ты, игуменъ, да имѣй росходъ по приходу аще ли це по приходу росходъ, и ты скатерти урѣжи. Добро игуменити, чтобы отъ братіи ко игумену великая любовь была, якоже игумену достоитъ быти ко братіи великою любовію, любити ему что себѣ, то и братіямъ, одежду и пищу равну имѣти... Вы же, братія моя (Геннадіевой пустыни), аще хощете видѣти убогую пустыню доброзрачну, молитеся всемилостивому Спасу и теплою любовію ко чюдотворной ракѣ преп. старца Генадіа приносите должную молитву съ прошеніемъ строеніа убозѣй пустынѣ: видѣ Господь Богъ моленіе ваше и прошеніе, извѣститъ православному царю и чадомъ его; мощенъ царь возставити убогую пустыню великою лаврою, якоже и грады созидаетъ. Азъ, рабъ его и чадомъ его служитель, еже слышахъ отъ преподобнаго многое страданіе въ Литовскихъ странахъ, паки же азъ самовидецъ досточюдному житію преподобнаго что мало разумѣхъ, та и написахъ. Вы же, братія, тщитеся, наше писаніе прелагайте на новыя скрижали. Кто начнетъ писати, и онъ бы ся тщалъ на прямыя точки и запятыя, де не погрѣшилъ бы ся разумъ писанію, якоже мы душу полагаемъ за истинныя словеса и за точки. Вы же, братія, раздавайте писанія по странамъ православнымъ христіаномъ, паче же страннаго раздаванія потщитеся отвезти въ царствующій градъ Москву

на свидѣтельство православному царю вел. кн. Ѳедору Ивановичу и пресвящ. Діонисію митрополиту и всему ихъ вселеньскому собору церковному и людемъ всей вселенней, и пріятно ли царю и святителю и вселеньскому ихъ собору наше писаніе, достойно ли почитати житіе и чюдеса преподобнаго, повелятъ ли пѣти канонъ и стихиры святаго, достоинъ ли есть дѣлатель пишущій мзды своея.

VI.

Чудо преп. Іова Ущельскаго 1655 г. (къ стр. 341).

Ѣхали черезъ Мезень рѣку въ лодкѣ Нисогорской волости Фока съ братьею Петровы дѣти на пашню свою и плавили лошадь, и выѣхали до полурѣки, и найде на нихъ духъ не чистый водный и нача лошадь топити; они же лошадь держаху, а нечистый духъ явѣ хождаше аки рыба велика волнам и нападаше на лошадь и за лодку хваташе, потопить хоти они же, веслы біюще его отрѣюще, и возопиша, плачуще, с слезами: святый Ущельскіе пустыни! помози намъ и не дай насъ потопити нечистому духу. И въ томъ часѣ невидимъ бысть и отпустилъ лошадь ихъ, и переѣхаша рѣку, а лодка уже полна воды и не погрязнула.

VII.

Дополненія.

Къ стр. 287. Авторъ повѣсти о Петрѣ и Февроніи муромскихъ названъ „господиномъ смиреннымъ мнихомъ Іеразмомъ" въ сб. Моск. дух. академіи, не процитованномъ ясно у архіеп. Филарета (XVI в. № 224, л. 215—230); этотъ списокъ едвали не единственный съ такимъ указаніемъ; самая повѣсть здѣсь — той же редакціи, которая извѣстна по другимъ спискамъ. Объ Еразмѣ нѣтъ болѣе никакихъ извѣстій, если это имя не поставлено по ошибкѣ писца вмѣсто Михаила или Пахомія, составителей каноновъ Петру и Февроніи.

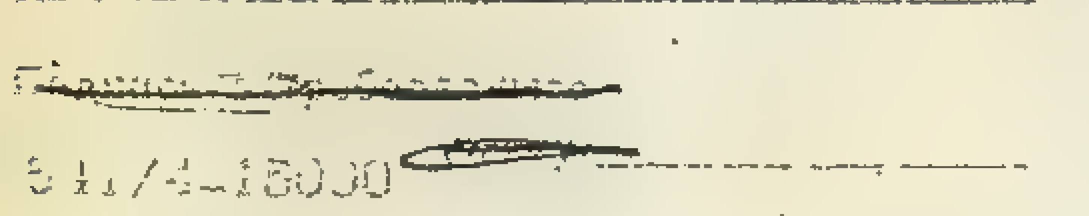
Къ стр. 319. Сказаніе о явленіи мощей братьевъ Алфановыхъ въ Новгородѣ составлено при описаніи чудесъ ихъ, совершившихся въ 1562—1603 г., когда въ Новгородѣ уцѣлѣло скудное и смутное преданіе о чудотворцахъ (списки Рум. № 158, и 117 Унд. № 1039 съ службой). Относя кончину ихъ къ началу XII в., а обрѣтеніе мощей въ 1162 г., повѣсть однако разсказываетъ, что „не по мнозѣхъ лѣтехъ" послѣ обрѣтенія чудотворцы исцѣлили своимъ явленіемъ Московскаго боярина (въ 1562 г.): анахронизмъ увеличивается извѣстіемъ, что обрѣтеніе и это чудо произошло при архіеп. Іоаннѣ. Замѣтка въ чудѣ 1592 г. съ Иваномъ Усомъ, что этотъ новгородецъ

„нынѣ преставися во 114 г.“, указываетъ на время появленія повѣсти. Соображенія о времени жизни братьевъ см. у архіеп. Филарета (Р. Свят. іюнь, стр. 98).

Къ стр. 356. Къ біографіямъ, отступающимъ отъ стараго стиля житій, можно причислить повѣсть или „исторію“ о патріархѣ Іовѣ (Унд. XVII в. № 1110, л. 296 безъ конца. Рум. № 156, л. 133 - списокъ 1706 г.). Краткій очеркъ жизни Іова здѣсь сопровождается его характеристикой, болѣе подробнымъ описаніемъ дѣятельности его на патріаршемъ престолѣ и разсказомъ о перенесеніи мощей его изъ Старицы въ Москву въ 1652 г., которое, вѣроятно, и подало поводъ къ составленію повѣсти. Авторъ замѣчаетъ, что „индѣ о немъ (Іовѣ) нигдѣ не писано“; говоря о царѣ Борисѣ, онъ цитуетъ сказаніе А. Палицына о смутномъ времени.

УКАЗАТЕЛЬ

разсмотрѣнныхъ житій и сказаній въ азбучномъ порядкѣ именъ святыхъ и монастырей.



СОДЕРЖАНІЕ.

2007058742